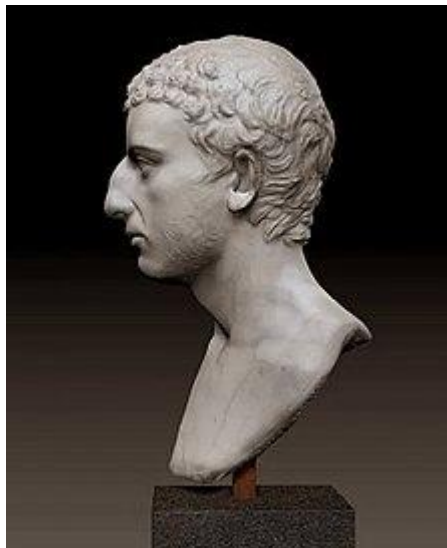

Иудейские древности Том второй

Книга 13

Предисловие

В этой книге рассказывается о событиях 160–67 гг. до н.э. В центре повествования находится Маккавейская война (167–142 гг.), завершившаяся обретением Иудеей независимости, и история Иудеи при правлении династии Хасмонеев (от Ионатана до Александры-Саломеи). Значительная часть книги по содержанию тоже перекликается с Первой книгой Маккавейской, однако Иосиф Флавий гораздо больше внимания уделяет событиям в Египте и в государстве Селевкидов, клонившихся к упадку. Здесь содержатся ценные сведения о «сектах» фарисеев, саддукеев и ессеев (правда, более краткие, чем во второй книге «Иудейской войны») и излагается история создания иудейского храма в Египте.

Глава 1

1. В предшествующей книге мы рассказали, каким образом народ иудейский, угнетенный македонянами, вновь снискал себе свободу и после скольких и каких ужасных битв пал его предводитель Иуда в бою за народ свой.

После смерти Иуды все находившиеся еще в стране безбожники и законоотступники восстали против иудеев и со всех сторон стали наглым образом обижать последних. Благодаря гнусности этих людей, страну постиг голод, так что многие из евреев вследствие недостатка во всем необходимом и вследствие невозможности противостоять еще, кроме этой беды, другой, именно козням врагов, перешли на сторону македонян. Между тем Бакхид

собрал всех тех, которые изменили древним своим обычаям и примкнули к новому (языческому) строю жизни, и поручил им управление страной. Тогда эти люди [немедленно] схватили друзей и приверженцев Иуды и выдали их Бакхиду. Этот, в свою очередь, подверг их первоначально пыткам, а затем, вдоволь помучив их, приказал их умертвить. Таким образом иудеев постигло такое несчастье, какого они не испытывали со времени исхода из Вавилона, и когда оставшиеся в живых товарищи Иуды увидели столь жалко гибнущий народ, они обратились к брату Иуды Ионатану с просьбой пойти по следам своего брата, принять на себя заботу о своих единоплеменниках, подобно Иуде, который пал за свободу народа, и не допустить, чтобы народ, оставаясь без руководителя, погиб при таких ужасных условиях. Ионатан отвечал, что он охотно готов умереть за них, и, так как, по всеобщему мнению, он ни в чем не уступал своему брату, он был избран военачальником иудейским.

2. Когда Бакхид узнал об этом, то испугался, как бы Ионатан не доставил разных хлопот царю и македонянам, как то было некогда с Иудой, и стал искать способа хитростью умертвить его. Однако это решение Бакхида не осталось скрытым ни от Ионатана, ни от его брата Симона. Когда они были поставлены об этом в известность, то наскоро собрали всех своих товарищей и бежали в ближайшую к городу пустыню и, прибыв к находившемуся там водоему, так называемому Асфару³⁰⁹, остановились тут. Узнав об их уходе и о прибытии их в указанное место, Бакхид двинулся против них со всем своим войском и, расположившись лагерем на противоположной стороне Иордана, остановил тут свою рать. Узнав о выступлении Бакхида, Ионатан отправил своего брата Иоанна, называвшегося также Гаддесом, к набатейским арабам, с которыми евреи были в дружбе, для того чтобы укрыть у них на время войны с Бакхидом всю свою движимость. Однако на выехавшего к набатейцам Иоанна напали засевшие в засаде у города Мидавы потомки Амарея, схватили Иоанна и его спутников, отняли у них все их имущество и умертвили как самого Иоанна, так и всех его товарищей. Однако за это они, в свою очередь, должны были поплатиться и были наказаны братьями Иоанна, как мы сейчас расскажем.

3. Тем временем Бакхид узнал, что Ионатан расположился лагерем в низинах Иорданских, выждал субботу и напал на него в расчете, что Ионатан в этот день, согласно своему закону, сражаться не станет. Однако тот стал увещевать своих товарищей и указал им на то обстоятельство, что теперь идет вопрос об их жизни и смерти, так как они настолько замкнуты между рекою и неприятелями, что нет никакой возможности спастись бегством (враги наступали спереди, а с тылу у них была река), и, обратясь к

Предвечному с мольбою даровать победу, вышел на битву с неприятелями. Повергнув многих из них, Ионатан увидел, что [сам] Бакхид смело устремляется на него, и потому поднял уже руку, чтобы сразить его. Однако последний предвидел это и успел уклониться, тогда Ионатан бросился с товарищами в реку и переплыл ее. Таким образом иудеи спаслись на противоположный берег Иордана, тогда как враги все еще не решались переправиться через реку. Вскоре затем Бакхид вернулся в иерусалимскую крепость. При этом он потерял из своего войска около двух тысяч человек. Заняв затем множество иудейских городов, и в том числе Иерихон, Эммаус, Бет-Хорон, Вифил, Фомнафу, Фарафон, Тохую и Гадару, он стал укреплять их. Воздвигнув в каждом из этих городов башни и окружив города огромными прочными стенами, он разместил тут гарнизоны, которые могли бы выступать отсюда и наносить вред иудеям. Особенно же тщательно он укрепил замок иерусалимский. Вместе с тем он взял в качестве заложников детей самых выдающихся иудеев, запер их в крепости и держал их там.

4. Около этого времени к Ионатану и брату его, Симону, явился человек с извещением, что племя потомков Амарея готовится отпраздновать свадьбу и поведет невесту, дочь одного из знатных арабов, с большим торжеством и блеском из города Гавафы. Полагая, что тут представляется весьма удобный случай для того, чтобы отомстить за смерть Иоанна, товарищи Ионатана и Симона направились к Мидаве и, засев в горах, стали поджидать врагов. Когда же они увидели наконец арабов, ведших невесту и жениха, окруженных по обыкновению большою толпою друзей, иудеи выскочили из своей засады, перебили всех людей и, забрав у них все свадебные подарки и всю остальную добычу, вернулись обратно. Таким образом отомстили они потомкам Амарея за смерть брата своего, Иоанна; все арабы, как сами они, так и сопровождавшие их друзья с женами и детьми, числом до четырехсот, были истреблены.

5. Симон и Ионатан направились затем назад к приречным болотам, Бакхид же, гарантировав себе спокойствие по всей Иудее путем целого ряда гарнизонов, вернулся к царю. После этого в течение двух лет в Иудее господствовало спокойствие. Когда же затем перебежчики и отщепенцы (из иудеев) увидели, что Ионатан и его товарищи совершенно безбоязненно проживают в стране вследствие царившего там мира, они отправили послов к царю Деметрию с советом послать Бакхида для поимки Ионатана. При этом они указывали на то, что эта поимка не представит никаких затруднений и что если напасть на иудеев врасплох, то в одну ночь их можно перебить всех. Когда вследствие этого царь [действительно] выслал Бакхида и последний

прибыл в Иудею, Бакхид разослал всем своим иудейским друзьям и прочим союзникам приглашение помочь ему при поимке Ионатана. Но хотя все и приложили всевозможные к тому старания и все-таки не могли захватить Ионатана (последний был все время настороже, потому что узнал о замысле врагов), то Бакхид рассердился на перебежчиков и, полагая, что они обманули как его самого, так и царя, приказал схватить и казнить пятьдесят главнейших из них. Ионатан между тем, боясь Бакхида, ушел со своим братом и с товарищами в некую деревушку Вифалагу, находившуюся в пустыне. Тут он соорудил укрепления, обнес их стенами и замкнулся в них как в безопасном убежище. Когда Бакхид узнал об этом, то двинулся со своим войском и иудейскими союзниками своими против Ионатана, подошел к его укреплениям и стал осаждать их в течение долгого времени. Между тем Ионатан, несмотря на усердную осаду, не сдавался, но оказал упорное сопротивление, а затем оставил в городе брата своего, Симона, для продолжения борьбы с Бакхидом, а сам тайком выбрался из крепости и отправился по стране; тут он собрал значительный отряд единомышленников, ночью нагрянул на лагерь Бакхида и перебил такое множество врагов, что его нападение не осталось незамеченным для брата его Симона. Лишь только последний заметил, что враги подвергаются избиению с его стороны, он и сам двинулся на них, поджег все осадные орудия македонян и учинил среди них страшную резню.

Увидя себя столь стесненным врагами, из которых одни налегали на него с фронта, другие с тыла, Бакхид впал в отчаяние, и страх обуял его, потому что он был совершенно подавлен столь неожиданным исходом осады. Гнев свой он сорвал на перебежчиках, которые сманили его от царя и, по его мнению, нарочно ввели в заблуждение. Теперь ему хотелось лишь как-нибудь, по возможности приличнее, прекратить осаду и вернуться домой.

6. Когда Ионатан узнал об этом его намерении, он отправил к нему посольство с предложением заключить дружественный союз с условием, чтобы обе стороны могли обмениваться военнопленными. Бакхид признал такое разрешение вопроса наиболее приличным, поклялся Ионатану в дружбе, и затем оба полководца дали друг другу клятвенное обещание более не воевать между собою. Затем Бакхид обменялся с Ионатаном военнопленными и вернулся со своими людьми в Антиохию к царю; после этого отступления он уже более никогда не вторгался в Иудею. Ионатан воспользовался наступившим теперь моментом личной безопасности, чтобы расположиться на жительство в городе Махме. Тут он творил суд среди

народа, наказывал преступных и безбожных людей и освобождал таким образом от них народ свой.

Глава 2

1. В сто шестидесятом году⁸¹⁰ Александр⁸¹¹, сын Антиоха Эпифана, вернулся в Сирию и занял Птолемаиду благодаря измене находившихся в ней воинов, которые были настроены против Деметрия за его заносчивость и надменное к ним отношение. Дело в том, что Деметрий замкнулся в какой-то дворец с четырьмя башнями, постройку, которую он сам воздвиг себе невдалеке от Антиохии, и никого не допускал к себе; кроме того, он относился крайне легкомысленно к своим обязанностям правителя и пренебрегал ими. Отсюда еще более обострилась к нему ненависть подчиненных, как мы уже имели случай указать в другом месте⁸¹².

Итак, когда Деметрий узнал, что Александр находится в Птолемаиде, он двинулся на него со всем своим войском, а также послал послов к Ионатану с просьбою о вступлении с ним в дружественный союз. Таким образом он думал предупредить Александра, чтобы последний не мог более ранними предложениями гарантировать себе поддержку Ионатана. Все это он сделал, опасаясь, как бы Ионатан, помня о прежних неприятностях, не оказался в числе его противников. Ввиду всего этого он поручил Ионатану собрать войско и заготовить боевые припасы и взамен того получить обратно иудейских заложников, которые были заключены Бакхидом в иерусалимской крепости. В силу этого предложения со стороны Деметрия Ионатан отправился в Иерусалим и по прибытии туда прочитал в присутствии народа и крепостного гарнизона послание царя.

После этого все отступники и перебежчики, бежавшие из крепости, сильно перепугались, потому что царь поручил Ионатану набрать войско и взять себе обратно заложников. Заложников Ионатан всех вернул их родителям.

Таким образом, Ионатан [опять] очутился в Иерусалиме; он стал теперь обновлять городское управление и переделывать все по своему усмотрению.

Между прочим, он распорядился также выстроить городские стены из четырехугольных отесанных камней, чтобы стены эти представляли более надежный оплот против врагов. Когда об этом узнали гарнизоны, находившиеся в иудейских крепостях, то покинули свои стоянки и бежали в Антиохию; так поступили все, кроме гарнизонов города Бет-Цуры и иерусалимской крепости, потому что те большею частью состояли из иудейских вероотступников и перебежчиков; в силу именно последнего обстоятельства они и не покинули своих укреплений.

2. Когда до сведения Александра дошли обещания, сделанные Ионатану Деметрием, и когда он узнал о храбрости Ионатана и как он отличался в войне с македонянами, а с другой стороны, сколько Ионатан претерпел от Деметрия и его полководца Бакхида, он сказал своим друзьям, что в настоящем случае ему трудно найти более подходящего союзника, чем Ионатан: последний-де выказал необычайную храбрость в борьбе с врагами и должен отличаться особенно ненавистью к Деметрию, так как он не только претерпел от него массу зла, но и в свою очередь причинил ему немало горя. Поэтому, сказал Александр, если следует его отвратить от союза с Деметрием, то теперь наиболее подходящий момент к тому, чтобы предложить Ионатану союз. И вот, так как он сам и друзья его решили отправить к Ионатану послов с соответствующим предложением, Александр адресовал на его имя следующее письмо:

«Царь Александр посылает привет брату Ионатану. Мы давно уже слышали о твоей храбрости и надежности и поэтому посылаем тебе предложение вступить в дружественный союз с нами. Ввиду этого мы сейчас же назначаем тебя иудейским первосвященником и принимаем тебя в число наших друзей. При этом я отправлю тебе в дар пурпурную одежду и золотой венец и прошу тебя относиться к нам с тем же уважением, с каким мы относимся к тебе».

3. Получив это письмо, Ионатан облекся в первосвященническое облачение, так как наступил праздник Кущей⁵¹²,— это было в первый раз в течение тех четырех лет, которые протекли со времени смерти брата его, Иуды (в течение всего этого времени иудеи вовсе не имели первосвященника), стал собирать большое войско и заготавливать массу оружия.

Когда же Деметрий узнал об этом, он очень огорчился, и стал себя укорять в медлительности, что не сумел как следует предупредить Александра, снискать дружбу Ионатана, и дал Александру возможность сделать это. Ввиду этого он сам также отправил Ионатану и еврейскому народу письмо следующего содержания:

«Царь Деметрий посылает привет свой Ионатану и всему иудейскому народу. Так как вы соблюдаете дружественную к нам верность и не поддаетесь попыткам врагов склонить вас на свою сторону, то я не могу не воздать вам за это должную похвалу и прошу вас оставаться мне верными; за это вы получите от нас благодарность и всякие льготы. Я освобожу вас от большинства налогов и сборов, которые вы платили прежним царям и мне, и слагаю с вас теперь все налоги, которые вы обыкновенно платили. Кроме того, я с вас слагаю сборы за соль и государственный налог в пользу короны, которые вы нам платили, а также освобождаю вас с сегодняшнего дня от

платежа третьей части злаков и от половинной части древесных плодов, которые вы мне обыкновенно отдавали. Равным образом я отныне и навеки слагаю с вас подушную подать, которую каждый из жителей Иудеи, равно как из населения трех топархий²⁴, Самарии, Галилеи и Переи, обязан был платить мне. Город Иерусалим я объявляю священным, неприкосновенным и свободным вплоть до границы его от десятины и от всех прочих поборов. Крепость [иерусалимскую] я поручаю вашему первосвященнику Ионатану; пусть он поместит в ней такой гарнизон, который он сочтет достаточно надежным и преданным, чтобы эти люди сберегали ее нам. Всех находящихся в нашей стране военнопленных или впавших в рабство иудеев я отпускаю на волю и запрещаю употреблять на какие бы то ни было казенные надобности принадлежащий иудеям выучный скот. Пусть будут дни субботние, всякий праздник и три предшествующих ему дня свободны от всякой принудительной работы. Равным образом возвращаю я свободу и все права живущим у меня (в Сирии) иудеям и позволяю желающим из них вступить ко мне в войско до тридцати тысяч человек; люди эти будут получать, куда бы они ни пошли, такое же точно содержание, какое причитается моему собственному войску. Некоторых из них я помещу в крепостные гарнизоны, других сделаю своими личными телохранителями, отчасти же назначу их начальниками моих придворных войск. Я разрешаю [иудеям] жить по их собственным законам и соблюдать их и желаю, чтобы эти же законы распространялись и на три прилегающие к Иудее провинции. Вместе с тем мне угодно, чтобы первосвященник позаботился о том, чтобы ни один иудей не поклонялся [Богу] в другом святилище, как только в иерусалимском. Из своих личных средств я отпускаю на расходы по жертвоприношениям ежегодно сто пятьдесят [драхм] и желаю, чтобы из них весь излишек поступал в вашу же пользу. Те же десять тысяч драхм, которые обыкновенно получали цари из средств храма, я также предоставляю вам в пользу священников, несущих обязанности по богослужению в храме. Все те, кто стал бы искать убежища в иерусалимском храме или в одном из зависящих от последнего учреждений, будут отпущены на волю, и имущество их останется в целости, хотя бы они искали спасения по задолженности царю или по какой-либо иной причине. Я разрешаю возобновить и достроить храм и отпускаю на это нужные суммы из своих собственных средств; равным образом я разрешаю и постройку городских стен и позволяю возвести высокие башни, причем и на все это отпускаю свои средства. Если же понадобится где-нибудь в стране иудейской возвести сильную крепость, то да будет это сделано также за мой личный счет».

4. Такие обещания и льготы иудеям отметил в своем послании Деметрий. Между тем царь Александр собрал огромное войско из наемных и присоединившихся к нему сирийских солдат и пошел походом на Деметрия. Когда же произошла битва, левое крыло Деметрия обратило врагов в бегство и преследовало их на дальнее расстояние, причем перебило множество их и принялось разграблять лагерь. Между тем правое крыло, на котором находился Деметрий, потерпело поражение. Все тут бросились бежать; Деметрий же, сражаясь геройски, перебил немало количество противников, но во время погони за остальными въехал на коне в глубокую трясины, из которой уже не был в состоянии выбраться. Тут ему, вследствие падения лошади, пришлось поплатиться жизнью, так как не было никакой возможности спастись бегством. Дело в том, что, когда неприятели увидели, что с ним случилось, они вернулись и, окружив Деметрия, забросали его дротиками. Хотя он и пеший геройски отбивался от них, однако в конце концов был так изранен, что пал, не будучи уже более в силах сопротивляться.

Таков был конец Деметрия, успевшего процарствовать одиннадцать лет, как мы уже упомянули в другом месте.

Глава 3

1. Когда Хоний, сын первосвященника того же имени, бежавший в Александрию к царю Птолемею Филометору и, как мы уже раньше указывали, оставшийся там на жительство, увидел угнетение Иудеи со стороны македонян и их царей, то, желая снискать себе прочную славу и вечную память, решил отправить к царю Птолемею и царице Клеопатре просьбу о разрешении воздвигнуть в Египте храм, подобный Иерусалимскому, и назначить к нему левитов и священнослужителей из своего собственного рода. В этом намерении особенно укреплял его пророк Исаия, который за шестьсот с лишним лет до него предсказал, что в Египте безусловно будет воздвигнут неким иудеем храм в честь Всевышнего⁸¹⁵. Основываясь на этом, Хоний отправил Птолемею и Клеопатре письмо следующего содержания:

«После того как я с помощью Всевышнего во время войны оказал вам целый ряд важных услуг, прибыл в Келесирию, Финикию, в гелиополитанский город Леонтополь с иудейским населением, а также в другие местности, где живут представители этого племени, я нашел, что очень многие из них против всякого закона имеют свои святилища и из-за них ссорятся между собою, что случается и среди египтян вследствие массы имеющих у них

храмов и происходящих из-за разных воззрений в религиозных делах разногласий; я нашел там весьма подходящее место в области, посвященной полевой богине Бубастис⁸¹⁶, где было множество леса и обилие всевозможных священных животных; и вот я прошу тебя уступить мне это заброшенное и не имеющее определенного назначения святилище, чтобы я тут мог воздвигнуть Всевышнему храм наподобие Иерусалимского, тех же самых размеров. Туда будут во взаимном согласии стекаться все живущие в Египте иудеи и, молясь за тебя, твою супругу и детей, иметь возможность выказывать тебе свою глубокую преданность. Ведь и пророк Исаия предсказал некогда: «Всевышнему Богу будет жертвенник в Египте». При этом он предвещал еще многое другое относительно этого».

2. Такое письмо отправил Хоний царю Птолемею, который в свою очередь ответил ему посланием, могущим служить доказательством благочестия как самого царя, так и супруги и сестры его Клеопатры. Дело в том, что последние слагают с себя ответственность за всякое нарушение закона и переносят ее на Хония. Вот как они ответили [ему]: «Царь Птолемей и царица Клеопатра посылают Хонию привет свой. Мы прочли твою просьбу о разрешении предоставить тебе право восстановить запущенный храм, находящийся в гелиополитанском номе близ Леонтополя и приписываемый полевой Бубастисе. Однако мы очень удивляемся и сомневаемся, будет ли угодно Предвечному святилище, воздвигаемое в столь дурном месте, да еще кишашем священными животными.

Но так как ты уверяешь, что пророк Исаия предсказал об этом давно, то мы предоставляем тебе это право, поскольку оно не противоречит [вашему] закону, и притом с оговоркою, чтобы нас не считали ответственными за какие бы то ни было прегрешения относительно Всевышнего».

3. Получив таким образом в свое распоряжение указанное место, Хоний воздвиг [тут] святилище и жертвенник Всевышнему, подобные иерусалимским, хотя и поменьше и победнее. Мне не казалось необходимым останавливаться теперь на размерах и убранстве этого храма, потому что об этом уже писано мною в седьмой книге моей «Иудейской войны»⁸¹⁷. Хонию удалось также найти некоторых единомышленников из иудеев, которые собирались отправлять там обязанности левитов и священнослужителей.

4. Однако об этом храме у нас довольно было речи. Между тем среди александрийских иудеев и самарян, поклонявшихся храму, сооруженному во времена Александра на горе Гаризим, произошли распри, и они в своем религиозном споре обратились за решением к самому Птолемею; иудеи при этом уверяли, будто по законам Моисеевым построен [лишь] храм

Иерусалимский, самаряне же утверждали то же самое относительно святилища на горе Гаризим. И вот обе стороны упросили царя образовать со своими приближенными судилище, выслушать доводы обеих партий и наказать смертью неправую сторону. За самарян выступили Саввей и Феодосий, а представителем интересов иудеев явился Андроник, сын Мессалама. Последние поклялись именем Господа и царя, что они будут давать свои показания по сущей истине, и просили Птолемея казнить того из них, кто нарушил бы свою клятву. Тогда царь созвал множество приближенных на совет и приготовился выслушать стороны. Александрийские иудеи очень беспокоились относительно тех мужей, которым теперь приходилось выступать на защиту прав Иерусалимского храма, потому что они были бы совершенно подавлены, если бы этот храм, столь древний и почитаемый на всей поверхности земной, не выдержал испытания. Саввей и Феодосии предоставили Андронику первому слово, и вот он начал свою аргументацию с данных закона и с преемственности первосвященника, указал на то, как каждый первосвященник получал свой сан от отца своего и стоял во главе храма, а также на то обстоятельство, что все цари Азии почтили [Иерусалимский] храм жертвенными приношениями и необычайно богатыми подарками, но никто из них ни одним словом не обмолвился о храме на горе Гаризим, как будто бы его не было вовсе. Такими доводами и целым рядом подобных соображений Андроник побудил царя признать, что святилище иерусалимское воздвигнуто сообразно постановлениям Моисеевым, и казнить Саввею и Феодосия.

Таковы были дела александрийских иудеев при Птолемею Филометоре.

Глава 4

1. Когда Деметрий, как мы выше рассказали, пал в битве, Александр овладел царством сирийским и отправил к Птолемею Филометору письмо, в котором просил руки его дочери. При этом он указывал на то, что теперь, после того как ему удалось вернуть себе царство отца и по милосердию Божию быть признанным в нем после победы над Деметрием, будет вполне уместно вступить в родство с ним и что он во всем думает выказать себя достойным будущего своего тестя. Птолемею ответил ему, что охотно принимает его предложение, ибо он радуется, что отцовское царство вернулось к нему, и обещал выдать за него дочь свою; при этом он предложил Александру выехать в Птолемаиду, куда фараон собирался привезти дочь свою. Туда Птолемею хотел проводить дочь свою из пределов Египта и там справить ее свадьбу. Отправив это письмо, Птолемею быстро поехал с дочерью своей

Клеопатрою в Птолемаиду, встретился там с Александром, сообразно уговору выехавшим ему навстречу, выдал за него дочь и дал ей в приданое столько серебра и золота, сколько и подобало царю.

2. После окончания свадебных торжеств Александр отправил первосвященнику Ионатану письмо с приглашением прибыть в Птолемаиду. Прибыв к царям и привезя им блестящие дары, первосвященник удостоился от них обоих величайшего почета. Александр заставил его снять одежду и облечься в порфиру, посадил его рядом с собою на трон, а также велел своим сановникам отправиться с Ионатаном в самый центр города и объявить, что никому не разрешается жаловаться на Ионатана или делать ему какие бы то ни было неприятности. Когда сановники сделали это, то все те, которые собрались было выступить с обвинениями против Ионатана и относились к нему враждебно, при виде почета, которого Ионатан удостоился от царя, разбежались в страхе, как бы им самим при этом случае не пострадать. Царь Александр вообще так отличил Ионатана, что даже велел внести его в список первых своих приближенных.

3. В сто шестьдесят пятом году⁸¹⁸ сын Деметрия, Деметрий, отплыл с Крита в Киликию во главе множества наемников, которыми снабдил его критянин Ласфен. Когда Александр узнал об этом, то страшно смутился и перепугался и немедленно поспешил из Финикии в Антиохию, чтобы оградить ее раньше прибытия Деметрия. В качестве военачальника над Келесириею он оставил [Аполлония](#) Дава, который, направляясь с большим войском к городу Ямнии, отправил к первосвященнику Ионатану послов с заявлением, что он считает неприличным, что он один не подчиняется царю, а живет себе в полном спокойствии и безмятежно, и это для него полный позор, что он не покоряется царю. «Не обманывай сам себя насчет того, будто бы ты, сидя в горах, был силен,— говорил Аполлоний,— если же ты так полагаешься на свое войско, то спустись на равнину, сразись с нашею ратью; исход битвы покажет, кто храбрее. Впрочем, знай, что лучшие люди каждого города сражаются в рядах моего войска, а это как раз те люди, которые привыкли всегда побеждать твоих предков. Вступи с нами в борьбу в такой местности, где нет возможности сражаться при помощи камней, но где приходится биться с оружием в руках и где нет места, куда можно было бы убежать побежденному».

4. Ионатан рассердился на такие слова его и, собрав десять тысяч воинов, двинулся из Иерусалима в сопровождении брата своего Симона. Прибыв в город Яффу, он расположился станом вне его, потому что жители, имея внутри города гарнизон [Аполлония](#), заперли перед ним ворота. Когда же

Ионатан приготовился осаждать город, население, боясь, как бы он силою не овладел городом, раскрыло перед ним ворота. Узнав о взятии Яффы Ионатаном, Аполлоний двинулся во главе трех тысяч всадников и восьми тысяч пехоты к Азоту и пошел оттуда медленно и не спеша [на Яффу]. Приблизившись к Яффе, он стал притворно отступать и тем выманил Ионатана на равнину; при этом он гордо разъезжал на своем коне и был вполне преисполнен надежды на победу. Ионатан двинулся вслед за Аполлонием, вплоть до Азота. Тогда Аполлоний, видя, что теперь приходится сражаться на ровном месте, повернул фронт и вступил с Ионатаном в бой. Хотя Ионатан и узнал, что у Аполлония спрятана тысяча всадников в засаде в некоей ложбине, чтобы с тыла ударить на врагов, он все-таки не испугался, но выстроил свое войско в двух направлениях, чтобы оно могло с фронта и с тыла встретить нападение врагов, и ободрил его отражать нападения последних с обеих сторон. Когда же бой затянулся до вечера, он дал брату своему Симону часть своего войска и приказал ему врезаться с ним в строй врагов; сам же он велел своим войскам сомкнуть щиты и таким образом оградить себя от дротиков всадников. Воины так и поступили, тогда как вражеские всадники, выпустив на них все свои стрелы до последней, не причинили им решительно никакого вреда, потому что эти стрелы не могли ранить никого ввиду того, что сомкнутые в одну непрерывную стену и тесно составленные щиты легко отражали их и заставляли их безрезультатно падать.

Когда же Симон заметил, что враги, метавшие в иудеев снаряды с раннего утра до позднего вечера, утомились, то нагрянул на них со своим войском, и, благодаря необычайной храбрости последнего, ему удалось обратить неприятелей в бегство. Всадники, увидя бегство пехоты, сами тоже не выдержали, но, будучи также совершенно изнурены боем, затянувшимся до вечера, и потеряв всякую надежду на поддержку со стороны пехотинцев, обратились в беспорядочное и дикое бегство, так что они в полном беспорядке рассыпались по равнине. Ионатан преследовал их до Азота и перебил при этом множество их, остальных же, потерявших надежду на спасение, принудил бежать в находившийся в Азоте храм бога Дагона⁸¹⁹. Затем Ионатан взял город после первого же натиска и поджег его и близлежащие деревни. Он также не пощадил и храма Дагона, предал пламени как храм, так и укрывшихся в нем. Число павших в бою и сгоревших в храме врагов было восемь тысяч. Одержав таким образом верх над столь многочисленной ратью, Ионатан двинулся от Азота к Аскалону и расположился лагерем перед этим городом; тут-то ему навстречу вышли

аскалонцы с дарами и всячески стали выражать ему свое уважение. Приняв их добровольное подчинение, он вернулся в Иерусалим с богатою добычею, которую ему доставила победа над врагами.

Когда Александр узнал о поражении своего полководца Аполлония, то стал притворно выражать свое удовольствие по этому поводу, потому что тот против его желания напал на его друга и союзника Ионатана. При этом он отправил к Ионатану посольство с изъявлением и засвидетельствованием полного своего почтения и послал ему в дар золотой браслет, что обыкновенно дарится лишь царским родственникам, а также уступил ему в собственность Аккарон и всю провинцию последнего.

5. Около этого времени явился в Сирию с флотом и сухопутным войском также царь Птолемей Фалометор, чтобы поддержать Александра, тестем которого он был. По повелению Александра, все города оказывали ему радушный прием, и так он добрался до города Азота; тут все жители встретили его громким криком по поводу поджога, которому подвергся их храм Дагона, и стали обвинять Ионатана за то, что он уничтожил это святилище, предал огню и мечу всю область и перебил множество жителей. Птолемей, услыша это, хранил молчание; когда же Ионатан выехал ему навстречу в Яффу, то удостоился получить от Птолемея богатые дары и всяческое уважение; после этого Ионатан сопровождал его до реки Елевфера, а затем вернулся назад в Иерусалим.

6. По прибытии своем в Птолемаиду, Птолемей чуть было против всякого ожидания не погиб, потому что против него злоумышлял в лице дружественного ему Аммония сам Александр. Когда все эти козни обнаружались, Птолемей написал Александру письмо с требованием наказать Аммония, так как последний злоумышлял против его жизни и вследствие этого должен дать ответ. Но так как Александр не выдавал ему Аммония, то царь понял, что тот сам злоумышлял против него, и потому страшно рассвирепел на него. Благодаря этому же Аммонию антиохийцы уже и раньше были восстановлены против Александра, потому что они претерпели от Аммония массу зла. Однако [наконец] Аммоний подвергся заслуженному наказанию за все свои преступления: он под видом женщины был позорно зарезан, потому что, как мы рассказали в другом месте³²⁰, хотел скрыться в женском одеянии.

7. Теперь Птолемей стал упрекать себя за то, что выдал дочь свою за Александра, равно как за то, что вступил с ним в союз против Деметрия. Поэтому он разорвал с ним все родственные узы и отнял у него дочь свою. Затем он немедленно послал к Деметрию для переговоров о заключении с

ним дружественного союза, причем обещал ему выдать за него дочь и вернуть ему отцовское царство. Деметрий очень обрадовался этому предложению, немедленно заключил с ним союз и вступил в брак. Птолемею теперь оставалось устранить еще одно только затруднение, а именно уговорить антиохийцев признать Деметрия, так как антиохийцы были не расположены к нему вследствие беззаконий, совершенных над ними его отцом Деметрием. И вот ему удалось уладить и это дело. Антиохийцы ненавидели Александра из-за Аммония, как мы уже сказали выше, и потому, недолго думая, изгнали его из Антиохии, после чего тот отправился в Киликию. И вот когда к антиохийцам прибыл Птолемей, то они и войска провозгласили его своим царем; таким образом, фараону по необходимости пришлось возложить на себя две короны: азиатскую и египетскую. Однако, будучи человеком вполне порядочным, справедливым и нелюбостязательным, да к тому же и очень прозорливым в государственных делах, Птолемей решил отказаться, чтобы не вызывать зависти к себе со стороны римлян. Поэтому он созвал антиохийцев в народное собрание и стал уговаривать их принять к себе Деметрия, причем указывал на то, что последний, удостоившись с их стороны такого отличия, и не думает вымещать на них злобы за отца своего. Сам фараон предлагал себя в руководители и наставники Деметрия во всяком добром начинании и обещал не допускать его до каких бы то ни было неудобных предприятий. Сам же он, уверял фараон, готов удовлетвориться царством Египетским. Такими речами он убедил антиохийцев принять к себе Деметрия.

8. После того, как Александр во главе огромного войска и с большими боевыми запасами двинулся из Киликии в Сирию и предал область антиохийскую огню и мечу, Птолемей выступил против него со своим зятем Деметрием (которому он уже успел дать в жены дочь свою); оба союзника разбили Александра и обратили его в бегство.

Тогда последний бежал в Аравию. В битве лошадь Птолемея, испугавшись рева слона, сбросила с себя своего всадника; враги же, увидев это, устремились на фараона, нанесли ему множество ран в голову и бросили его, подвергнув смертельной опасности. Телохранители фараона, однако, отбили его, но старик был в таком тяжелом положении, что в течение четырех дней не мог произнести ни слова и даже не приходил в сознание. Между тем арабский правитель Завил⁸²¹ послал Птолемею голову Александра, так что когда фараон на пятый день очнулся от ран и пришел в себя, то его ожидал приятнейший сюрприз – известие о смерти Александра и голова последнего в

виде вещественного доказательства. Пораженный радостью по поводу смерти Александра, и сам Птолемей немного спустя умер.

Этот Александр, получивший прозвище Баласа, правил Азией в течение пяти лет, как о том повествуется в других местах⁸²².

9. Не успел Деметрий, известный под именем Никатора⁸²³, вступить на царство, как начал гнушно избивать войско Птолемея, совершенно забыв о своем союзе с фараоном и о том, что Птолемей был ему тестем вследствие женитьбы Деметрия на его дочери Клеопатре. Поэтому войска египетские бежали от его злодеяний в Александрию, Деметрию же удалось завладеть всеми слонами Птолемея.

Между тем первосвященник Ионатан собрал войска со всей Иудеи и, подступив к иерусалимской крепости, в которой находились македонский гарнизон, а также некоторые из вероотступников и перебежчиков, стал осаждать ее. Первоначально заключенные в крепости отнеслись презрительно к приготовлениям Ионатана к осаде, потому что полагались на укрепленность своего места; ночью, однако, несколько отщепенцев вышло из крепости и отправилось к Деметрию с извещением об осаде ее. Рассвирепев при этом известии, Деметрий собрал свое войско и двинулся из Антиохии на Ионатана. Прибыв в Птолемаиду, он отправил к Ионатану письменный приказ немедленно поспешить к нему в Птолемаиду. Ионатан, однако, осады не снял, но взял старейшин народа и священнослужителей и явился с ними и с запасом золота, серебра, одеяний и различных даров к Деметрию. Этими подарками ему удалось смягчить гнев царя и даже удостоиться от него чести быть утвержденным в сан первосвященника, подобно тому как он этого добивался и у его предшественников по престолу. Обвинениям перебежчиков Деметрий также не придавал веры, но когда Ионатан стал просить царя удовлетвориться оброком в тридцать талантов за всю Иудею и три топархии «Самарию, Перею и Галилею», Деметрий согласился и на это и выдал Ионатану относительно всего этого письмо следующего содержания: «Царь Деметрий приветствует брата своего Ионатана и [весь] народ иудейский. Копию с письма, которое мы написали вашему родственнику Ласфену, препровождаем вам при сем для того, чтобы вы познакомились с нею». Вот она: «Царь Деметрий приветствует отца своего Ласфена. Так как народ иудейский дружественен нам и соблюдает по отношению к нам свои обязанности, то я решил выразить ему свое благоволение за эту его привязанность и закрепляю за ним три нома, Афериму, Лидду и Рамафу, которые они отняли у Самарии и присоединили к Иудее, равно как принадлежащие к этим номам земли. Кроме того, я освобождаю их от

доставления мне тех платежей, которые мои предшественники по престолу получали за иерусалимские жертвоприношения, а также от платежей налогов на злаки и древесные плоды, равно как от всех прочих поступавших к нам повинностей, например, с соляных копей, и коронных платежей. От всего этого я освобождаю их и желаю, чтобы мое распоряжение не отменялось отныне на будущее время. Итак, позаботься о том, чтобы была сделана копия с сего указа, дабы она была вручена Ионатану и помещена на видном месте в святом храме».

Таково было содержание указа.

Тогда Деметрий, убедившись в прочности мира, в отсутствии какой бы то ни было опасности и в том, что теперь нечего бояться войны, распустил свое войско и сократил при этом вознаграждение ему; он выплатил жалованье полностью лишь иноземным наемникам, которые явились вместе с ним с Крита и с прочих островов. Этим он навлек на себя неудовольствие и даже ненависть со стороны своих солдат, потому что он им не заплатил, тогда как его царственные предшественники в одинаковой мере платили им плату, как во время войны, так и во время мира; этим они располагали их к себе и заручались их поддержкою, в случае необходимости, также и на войне.

Глава 5

1. Между тем, заметив это нерасположение солдат к Деметрию, один из прежних военачальников Александра, Диодот, прозванный Трифоном и происходивший из города Апаimei, отправился к арабу Малху. Последнему был отдан на воспитание сын Александра, Антиох; и вот Трифон сообщил Малху о нерасположении войск к Деметрию и уговорил араба отдать ему Антиоха: он собирался провозгласить его царем и вернуть ему отцовский престол. Малх первоначально отнесся недоверчиво к этому плану и Трифону, но так как последний долгое время спустя все-таки настаивал на этом, то Малх наконец сдался на доводы Трифона. Однако сказанного пока довольно об этом лице.

2. Между тем первосвященнику Ионатану крайне хотелось удалить гарнизон из иерусалимской крепости, равно как освободиться от гнусных иудейских перебежчиков и македонских гарнизонов в рассеянных по всей стране крепостях; он отправил к Деметрию послов с подарками и просил его удалить указанные войска из Иудеи. На это Деметрий не только отвечал выражением своей полной готовности исполнить его просьбу, но даже обещал ему сделать гораздо больше, только после окончания войны, в которую он был запутан и которая теперь отнимала у него все свободное

время. При этом Деметрий, со своей стороны, просил первосвященника послать ему союзнический отряд, потому что его собственные войска отпали от него. Ввиду этого Ионатан отправил Деметрию три тысячи отборных ратников.

3. Тем временем ненавидевшие Деметрия за причиненные им, а еще более отцом его, Деметрием, бедствия антиохийцы только и выжидали удобного случая, чтобы восстать против него. Когда же они узнали о прибытии со стороны Ионатана, то тотчас поняли, что ему удастся собрать значительную рать, если они не предупредят его и не захватят его врасплох. Поэтому они раздобыли оружие и обложили царский дворец форменною осадюю, заняли все выходы из него и старались схватить царя. Увидя восстание антиохийской черни, которая в полном вооружении приступила уже к военным против него действиям, Деметрий собрал своих наемников и присланных ему Ионатаном иудеев и сразился с антиохийцами. Так как последних было несколько десятков тысяч, то ему пришлось потерпеть от них полное поражение. Тогда иудеи, видя, что антиохийцы одолевают, взобрались на крышу дворца и стали оттуда забрасывать наступающих дротиками. Так как они, благодаря высоте здания, были слишком удалены от нападающих, чтобы подвергаться с их стороны какой бы то ни было опасности, а, напротив, сами наносили им огромный урон своей стрельбою сверху, то им удалось вскоре отогнать антиохийцев от ближайших зданий. Затем иудеи немедленно подожгли эти здания, а так как дома стояли близко друг к другу и большинство зданий были деревянными, то пламя вскоре распространилось по всему городу и уничтожило его дотла. Тогда антиохийцы, не будучи в силах дольше держаться и совладать с огнем, обратились в бегство. Тем временем иудеи бросались из дома в дом, преследуя врагов, и таким образом произошла эта единственная в своем роде погоня. И вот, когда царь заметил, что антиохийцы думают теперь только о том, чтобы спасти жен и детей и поэтому более уже не сражаются, он напал на них через другие улицы и перебил при этом такое множество жителей, что тем самым принудил их побросать все оружие и сдаться ему. Затем Деметрий простил им их дерзкую попытку и тем самым положил предел этой смуте. Одарив иудеев из богатой добычи и отблагодарив последних, как истинных виновников одержанной победы, царь отправил их обратно в Иерусалим к Ионатану и еще раз укрепил с последним союз свой. Впоследствии, однако, он нечестно поступил по отношению к Ионатану и нарушил свои ему обещания, пригрозив ему войною, в случае если тот не выплатит ему полностью той дани, которую платил прежним царям народ иудейский.

Деметрий действительно привел бы свою угрозу в исполнение, если бы его от этого не удержал Трифон и не заставил бы обратить все направленные против Ионатана приготовления против самого его, Трифона.

Дело в том, что последний вернулся из Аравии в Сирию с малолетним еще сыном Антиоха⁸²⁴ и провозгласил его царем. А так как на его сторону перешло все войско, которое покинуло Деметрия за неполучение наемной платы, то Трифон объявил войну Деметрию, сошелся с ним на поле брани, разбил его и захватил всех его слонов и самый город Антиохию.

4. Потерпев такое поражение, Деметрий отступил в Киликию. Тем временем молодой Антиох отправил к Ионатану послов с письменным уверением в своей дружбе и союзе и с утверждением за ним первосвященнического достоинства, равно как права на те четыре нома, которые были присоединены к стране иудейской. Сверх того, он послал также золотую утварь, посуду и пурпурную одежду с разрешением носить ее, а также одарил его золотым запястьем и принял его в число своих первых приближенных. В то же время он утвердил брата его, Симона, главнокомандующим над всеми войсками от Тирийских гор вплоть до границ Египта. Благодарный за такое отношение к нему со стороны Антиоха, Ионатан, в свою очередь, отправил послов к нему и к Трифону с заявлением своей дружбы и союза и с обещанием воевать с ним против Деметрия. При этом Ионатан объяснил, что и Деметрий не отплатил ему благодарностью за все оказанные ему в тяжелую минуту услуги, но даже обидел его, воздав злом за добро.

5. Получив затем от Антиоха поручение собрать из Сирии и Финикии значительную рать и вступить в борьбу с военачальниками Деметрия, Ионатан немедленно выступил к городам⁸²⁵. Последние хотя и оказали ему блестящий прием, однако не дали ему войска. Отсюда он затем отправился в город Аскалон, и когда жители встретили его радушно и с подарками, он стал убеждать их, равно как и жителей всех отдельных городов в Келесирии, отпасть от Деметрия и, перейдя к Антиоху, в союзе с Антиохом пытаться отомстить Деметрию за все те притеснения, которые им когда-либо довелось испытать от него. При этом он указал, что на такой образ действий у них имеется достаточно оснований.

Склонив таким образом эти города к союзу с Антиохом, он прибыл в Газу, чтобы ее жителей убедить перейти на сторону Антиоха. Однако жителей этого города он нашел совершенно иначе настроенными, чем он предполагал. Так, например, они заперли перед ним ворота: не желали настолько же примыкать к Антиоху, сколько и отказываться от Деметрия. Это побудило Ионатана подвергнуть город осаде, а область опустошению; а именно,

обложив частью войска Газу, он с остальной ратью ринулся на окрестные владения, предавая все огню и мечу.

Увидев себя в столь стесненном положении и не получая никакой помощи со стороны Деметрия в такую ужасную минуту и видя эту помощь и пользу от нее лишь впереди, да и то крайне неопределенной, жители Газы решили, что благоразумнее будет оставить Деметрия и подчиниться Антиоху. Поэтому они отправили к Ионатану послов с заверениями своей готовности заключить с ним дружественный союз.

Таковы уже люди: раньше, чем испытать несчастье, они не сознают того, что им полезно. Лишь впад в беду, они выбирают наконец то, что было бы лучше сделать с самого начала, потому что теперь только начинают соображать, что можно бы было без всякого для себя ущерба остановиться на этом и раньше.

Ионатан принял их предложение, заключил с ними дружественный союз и, взяв заложников, отправил последних в Иерусалим, а сам прошел по всей стране, вплоть до Дамаска.

6. Тут он узнал, что военачальники Деметрия, во главе большой рати, двинулись ему навстречу, к городу Кедесе, находящемуся как раз на границе между областью тирийскою и Галилеею; полководцы рассчитывали на то, что они выманят его из Сирии и направят в сторону Галилеи, потому что он наверное не оставит без поддержки своих галилейских приверженцев, которые теперь были удручены войною. Ионатан выступил против них и оставил в Иудее брата своего Симона.

Последний собрал из всей страны все наиболее подходящее войско и принялся за осаду Бет-Цуры, самой укрепленной местности во всей Иудее, как нами об этом было уже выше упомянуто. Крепость эту занимал гарнизон Деметрия. Когда же Симон воздвиг осадные валы, поместил осадные орудия и принялся по всем правилам искусства осаждать Бет-Цуру, гарнизон испугался взятия крепости силою и собственной гибели. Поэтому он отправил к Симону посланцев с просьбою поклясться, что, если им не будет причинено никакого зла, они могут покинуть эту местность и уйти к Деметрию. Ионатан дал им в этом клятвенное уверение, изгнал их из города и поместил в нем свой собственный гарнизон.

7. Выступив из Галилеи от так называемого Генисаретского озера, где он было расположился станом, Ионатан прибыл в равнину Асор, не зная, что тут находятся враги. Солдаты же Деметрия, лишь накануне узнав, что Ионатан собирается прийти к ним, устроили ему засаду и тайком поместили в ущелье горы воинов, сами же с остальной ратью двинулись ему навстречу на равнину. Увидя их готовыми к бою, Ионатан и сам стал по силе возможности

ободрять своих воинов к битве. Но когда враги, помещенные военачальниками Деметрия в засаде, очутились в тылу у иудеев, последние испугались, как бы им не очутиться отрезанными от своего войска и наверняка не погибнуть, и потому обратились в бегство. Тогда и все остальные покинули Ионатана, несколько же, числом не более пятидесяти человек, в том числе сын Апсалома, Маттафия, и сын Хапсея, Иуда, бывшие военачальниками над всей ратью, остались при нем. Они храбро и с полным самозабвением ринулись на врагов и, поразив их своей смелостью, храбро обратили их в бегство. Когда вернувшиеся из воинов Ионатана увидели бегство врагов, то и сами приостановились, собрались в кучу и принялись гнаться за врагами. Так гнали они их до Кедеса, где находился лагерь неприятелей.

8. Одержав такую блестящую победу и перебив до двух тысяч врагов, Ионатан вернулся в Иерусалим. Видя, что с помощью Божией все ему удастся, он отправил посольство к римлянам с предложением возобновить прежний дружественный союз иудейского народа с ними. Этим своим посланным он поручил завернуть на обратном пути из Рима к спартамцам и напомнить им об их дружественном союзе с иудеями. Когда же посланные прибыли в Рим и, придя в сенат, объявили, что они приехали от первосвященника Ионатана, который прислал их с целью укрепления союза, то сенат утвердил прежнее свое постановление относительно дружбы с иудеями⁸²⁶ и снабдил посольство грамотами ко всем царям Азии и Европы и к правителям различных городов, чтобы послы могли безопасно вернуться восвояси. На обратном пути посольство заехало в Спарту и отдало там грамоту, заготовленную с этой целью Ионатаном. Содержание ее было следующее:

«Первосвященник иудейского народа, Ионатан, совет старейшин и народ иудейский посылают привет свой эфорам лакедемонским⁸²⁷, герусии⁸²⁸ и братскому племени. Если вы здоровы и все ваши общественные и частные дела идут хорошо, то это прекрасно и вполне соответствует нашим желанием. Сами же мы здоровы. В прежние времена наш первосвященник Хоний получил у нас от вашего царя Арея через посредство Димотела послание относительно нашего общего с вами происхождения. Копия его при сем прилагается. Послание это мы приняли охотно и любовно отнесли как к Димотелу, так и к Арею, тем более что нам вовсе не было необходимости в доказательстве этого нашего родства, так как в том уже убеждали нас данные нашего Св. Писания. И если мы сами не сделали первого шага для признания между нами указанного родства, то это произошло лишь оттого, что мы не

желали показать виду, будто мы предвосхищаем у вас оказанную нам честь. И все-таки, несмотря на то, что со времени установления между нами наших дружественных отношений прошло уже достаточное число лет, мы во все праздники и во все знаменательные дни при принесении Господу Богу жертв всегда молимся Ему о вашем здравии и благополучии. Несмотря на то, что, благодаря дерзости и заносчивости наших соседей, нам пришлось вести множество войн, мы все-таки не решались впутывать в них ни вас, ни других нам дружественных лиц. Окончив теперь борьбу с неприятелями своими, мы по случаю отправки нами почтенных членов совета, Нумения, сына Антиоха, и Антипатра, сына Ясона, снабдили последних также посланием к вам с целью возобновить с вами наш дружественный союз. Поэтому вы поступите прекрасно, если и вы, в свою очередь, напишете нам, не нужно ли вам чего-либо от нас, всегда готовых во всех случаях оказать вам посильную поддержку». Лакедемоняне любезно приняли послов и, постановив решение о закреплении дружественного союза с иудеями, отправили их на родину.

9. В это время существовало среди евреев три секты, которые отличались различным друг от друга мировоззрением. Одна из этих сект называлась фарисейскою, другая саддукейскою, третья ессеюскою. Фарисеи утверждают, что кое-что, хотя далеко и не все, совершается по предопределению, иное же само по себе может случаться. Секта ессеев учит, что во всем проявляется мощь предопределения и что все, постигающее людей, не может случаться без и помимо этого предопределения. Саддукеи, наконец, совершенно устраняют все учение о предопределении, признавая его полную несостоятельность, отрицая его существование и нисколько не связывая с ним результатов человеческой деятельности. При этом они говорят, что все лежит в наших собственных руках, так что мы сами являемся ответственными за наше благополучие, равно как сами вызываем на себя несчастья своей нерешимостью. Впрочем, об этом я подробно говорил уже во второй книге своей «Иудейской войны»⁸²⁹.

10. Между тем, однако, военачальники Деметрия, желая вознаградить себя за понесенное поражение, собрали значительно большую рать, чем в первый раз, и двинулись с ней на Ионатана. Узнав об их нашествии и желая предупредить их вторжение в Иудею, последний быстро пошел им навстречу в область Амафы. Расположившись станом на расстоянии пятидесяти стадий от врагов, он выслал соглядатаев, которым было поручено высмотреть их лагерь и способ укрепления его. Лазутчики все донесли Ионатану и даже захватили ночью в плен нескольких неприятелей, которые сообщили ему о намерении врагов напасть на него.

Поэтому он, будучи своевременно предупрежден, приготовился к этому, выставил около своего лагеря сторожевые посты и в течение всей ночи держал свое войско под оружием. Вместе с тем он увещевал своих людей мужаться и быть наготове биться даже ночью, если бы это потребовалось, дабы враги знали, с кем имеют дело. Когда же военачальники Деметрия узнали, что Ионатану уже все известно, они впали в отчаяние и их смутило сознание, что они спасовали перед неприятелями, что их коварный умысел не удался и что им не придется осилить другого; для них было очевидно, что им не совладать с войском Ионатана. Поэтому они решились на бегство и отступили, зажегши предварительно множество костров, чтобы вид последних заставил врагов предположить, будто они еще остаются в лагере. Когда же Ионатан на заре нагрянул на их стан и нашел его пустым, то понял, что они бежали, и бросился за ними в погоню. Однако ему так и не удалось настичь их, потому что они уже успели переправиться через реку Елевфер и быть в безопасности. Поэтому он отсюда повернул в сторону Аравии, вступил в борьбу с набатейцами и отнял у них значительную добычу и множество военнопленных. С ними он двинулся к Дамаску и всех их там продал. Около того же времени и брат его, Симон, обошел всю Иудею и Палестину вплоть до Аскалона, завладел крепостями страны и, укрепив их новыми постройками и новыми гарнизонами, добрался до Яффы. Заняв и ее, он ввел туда значительный гарнизон, потому что слышал о желании жителей передать город военачальникам Деметрия.

11. После всех этих предприятий как Симон, так и Ионатан вернулись в Иерусалим. Собрав затем весь народ в святилище, Ионатан посоветовал ему восстановить городские стены, вновь отстроить разрушенную ограду вокруг храма и укрепить ее высокими башнями; далее, воздвигнуть среди города другую стену и отрезать таким образом гарнизону крепости доступ на рыночную площадь; тем самым он и предлагал лишить этот гарнизон возможности снабжаться съестными припасами; кроме того, он предлагал еще более укрепить и тем обезопасить существовавшие в стране крепости. Так как все эти предложения были благосклонно приняты народом, то он сам принялся за отстройку города, а Симона отправил внутрь страны, чтобы обезопасить ее. Между тем Деметрий переправился в Месопотамию, намереваясь овладеть ею и Вавилоном и, подчинив себе верхние сатрапии, овладеть уже отсюда всем царством. Дело в том, что жившие там греки и македоняне постоянно отправляли к нему посольства с обещанием передаться ему, если только он явится к ним, и в союзе с ним идти войной на парфянского царя Аршака³³⁰. В уповании на это, Деметрий двинулся к ним в

расчете, если только подчинит парфян и создаст себе войско, начать войну с Трифоном и изгнать его из Сирии. Жители страны приняли его радушно, и он, собрав войско, начал борьбу с Аршаком, но потерял при этом все свое войско и сам попал в плен, как мы рассказали в другом месте⁸³¹.

Глава 6

1. Лишь только Трифон узнал, чем окончилось предприятие Деметрия, он уже более не оставался верным Антиоху, но стал злоумышлять против него, решив убить его и самому овладеть царством. Однако пока его удерживал от приведения этого намерения в исполнение страх перед Ионатаном, который был другом Антиоху. Вследствие этого он хотел первоначально избавиться от Ионатана, а затем уже приняться и за Антиоха. Решив избавиться от первосвященника коварством и обманом, он отправился из Антиохии в Вефсану, носившую у греков название Скифополиса, куда навстречу ему выступил Ионатан во главе сорокатысячного отборного войска, потому что Ионатан предвидел его воинственные намерения. Видя готовность Ионатана к бою, он отправился к нему с подарками, был с ним ласков и любезен. Вместе с тем он приказал своим полководцам повиноваться Ионатану, думая таким способом уверить последнего в своей преданности и совершенно освободить его от подозрения относительно того, будто он замышляет захватить его врасплох. Вместе с тем он посоветовал Ионатану распустить войско, указывая на то, что в настоящее время, когда нет войны и царствует полный мир, нет никакой необходимости держать это войско. Трифон советовал Ионатану оставить при себе лишь небольшой отряд и двинуться вместе с ним к Птолемаиде, которую он обещал передать ему, равно как помочь ему овладеть всеми остальными крепостями страны. На это-то, как бы на причину своего приезда, и указывал Трифон.

2. Ионатан, действительно, не предполагал во всем этом злого умысла, но поверил, что Трифон дал ему дружеский и вполне искренний совет, и потому распустил свое войско и удержал из него лишь три тысячи человек, из которых 2000 оставил в Галилее, а с остальной тысячей вместе с Трифоном пошел на Птолемаиду. Немедленно по его прибытии туда жители, по заранее данному им, Трифоном, приказанию, заперли городские ворота; тут-то Трифон взял Ионатана живьем в плен, а всех товарищей его велел перебить. Вместе с тем он послал и за оставленными в Галилее двумя тысячами человек, чтобы и их также перерезать. Однако до этих уже дошла молва о постигшем Ионатана злополучии, и потому они предупредили прибытие посланных Трифоном отрядов и поспешили с оружием в руках удалиться из

страны. Высланные против них войска, увидя евреев вполне готовыми биться до последней крайности, не рискнули причинить им какой-либо вред и вернулись к Трифону.

3. Когда жители Иерусалима узнали о плене Ионатана и о гибели его солдат, постигшее его несчастье опечалило всех и все стали жалеть об этом муже. Вместе с тем они страшно беспокоились и боялись, как бы теперь, когда они единовременно лишились талантливого и столь храброго Ионатана, враждебные им и лишь сдерживавшиеся Ионатаном окрестные племена ныне не напали на них и не заставили их вступить в крайнюю борьбу не на живот, а на смерть. А между тем эти опасения вскоре же действительно осуществились; ибо лишь только соседние племена узнали о смерти Ионатана, то начали войну с иудеями, зная, что те не имеют руководителя, сам же Трифон собрал войско и решил отправиться в Иудею и объявить войну ее населению.

Когда же Симон увидел, что иерусалимцев все это повергло в такое отчаяние, он, желая ободрить их и словом вызвать их мужество, чтобы смело встретить нашествие Трифона, собрал весь народ в святилище и оттуда обратился к нему со следующим увещанием:

«Единоплеменники! Вам неизвестно, насколько охотно, после смерти отца моего, как я, так и братья мои шли за вашу гибель на разные опасности, сопряженные с возможностью смерти. Полагаю, что как я лично, так и смерть членов нашей семьи за законы и богопочитание дали вам достаточные тому доказательства. Поэтому нет такого страха, который вытеснил бы из души моей эту решимость и вызвал бы в ней особую привязанность к жизни или презрение к славе. Итак, если уже у вас нет теперь такого военачальника, который решился бы за вас на всякие крайности, то добровольно последуйте за мной, куда бы я вас ни повел. Если я не лучше своих братьев, чтобы не щадить своей жизни, то и не хуже их, и не отступлюсь позорно от того, что они признали за наилучшее, а именно умереть за ваши законы и ваше истинное богопочитание. Где понадобится явить себя достойным их, там я и явлю себя таковым. Я смело надеюсь не только наказать врагов, но и избавить всех вас с вашими женами и детьми от их заносчивости и с Божьею помощью сохранить в целости Его святой храм. Я отлично понимаю, что соседние племена наступают на вас оттого лишь, что считают вас не имеющими военачальника, который повел бы вас в бой».

4. После этой речи Симона народ воспрянул духом, и боязнь его сменилась новым упованием на лучшее будущее. Поэтому весь народ единодушно провозгласил Симона своим военачальником и заместителем его братьев,

Иуды и Ионатана, причем обещал безусловное повиновение всем его распоряжениям. Тогда Симон немедленно собрал все свои боевые силы и поспешил окончить постройку городской стены. Укрепив ее высокими и прочными башнями, он отправил одного из своих друзей, некоего Ионатана, сына Апсалома, с войском в Яффу⁸³² и поручил ему изгнать оттуда всех жителей, потому что опасался, как бы они не сдали города Трифону. Сам же он остался в Иерусалиме для охраны его.

5. Тем временем Трифон во главе большого войска выступил из Птолемаиды и двинулся в Иудею, ведя за собою пленного Ионатана. Навстречу ему выступил Симон с его ратью и подошел к городу Аддиде⁸³³, лежащем на горе, у подошвы которой расстилается Иудейская равнина. Когда же Трифон узнал, что иудеи выбрали Симона главнокомандующим, то он послал к нему, имея в виду обмануть и его, с предложением выдать ему, в виде выкупа за его брата Ионатана, сто талантов серебра и двоих из детей Ионатана в качестве заложников, дабы Ионатан, будучи выпущен на свободу, не вздумал склонить Иудею к отпадению от царя. При этом Трифон ссылался на то, будто Ионатан держится в плену за долг, которого он не возвратил царю. Однако Симон отлично понял маневр Трифона. Напротив, он знал, что если он отдаст деньги, то и их потеряет, и брата не освободит, а лишь, кроме него, оставит во власти врага еще детей своего брата. Однако, боясь навлечь на себя обвинения народа в том, что это он стал причиною смерти брата, если не отдаст за него выкупа и не оставит заложниками детей его, Симон собрал свое войско и сообщил ему о предложении Трифона, причем заметил, что тут и кроется коварная ловушка. Однако при этом он сказал, что все-таки предпочитает послать Трифону деньги и выслать детей, чем отвергнуть предложение его и тем самым навлечь на себя подозрение в нежелании спасти брата. Ввиду всего этого Симон действительно послал Трифону детей Ионатана и деньги, но, по получении их, Трифон все-таки не сдержал своего слова и не отпустил Ионатана, но со своим войском обошел вокруг Иудеи, решив впоследствии пройти к Иерусалиму через Идумею. Таким образом он достиг идумейского города Адоры. Симон, однако, со своею ратью не отставал от него, но постоянно располагался лагерем против него.

6. Между тем гарнизон иерусалимской крепости отправил к Трифону просьбу поспешить к ним и выслать съестных припасов. Поэтому он отрядил свою конницу и велел ей достигнуть в течение ночи Иерусалима. Ночью, однако, выпало много снега, который занес все дороги, сделал их труднопроходимыми для лошадей и не дал Трифону возможности добраться до Иерусалима. Поэтому он отсюда двинулся в Келесирию и затем быстро

вторгся в область Галаадскую. Тут он велел казнить и похоронить Ионатана, а сам вернулся в Антиохию. Потом Симон послал в город Баску за останками своего брата и похоронил их на родине, в Модии, причем глубокая печаль охватила весь народ. При этом случае Симон воздвиг отцу своему и братьям своим огромный памятник из белого отесанного камня. Вышина этого памятника была очень велика, так что он был виден на далекое расстояние; окружен был этот мавзолей портиками и обелисками удивительно искусной работы. Кроме того, он соорудил еще семь пирамид в честь своих родителей и каждого из братьев. Размерами и красотой эти сооружения вызывают вообще удивление. Они сохранились по сей день. С таким-то рвением позаботился Симон о гробнице Ионатана и надгробных памятниках прочих членов семьи своей. Ионатан умер после четырехлетнего первосвященничества. Он был главою своего рода...⁸³⁴.

7. Такова была кончина Ионатана.

Симон был народом избран в первосвященники⁸³⁵ и в первый же год своего служения избавил его от македонского ига настолько, что иудеям уже более никогда не приходилось платить дани македонянам. Это освобождение как личное, так и от податей началось у иудеев со стосемидесятого года со времени ассирийского владычества, именно с того времени, как Селевк, прозванный Никатором, овладел Сириею⁸³⁶. Народ был в таком восторге от Симона, что в своих деловых сношениях и всех народных постановлениях стал писать: «...в первый год правления Симона, благодетеля и князя иудейского». При Симоне дела иудеев шли очень удачно, и они осилили окрестные племена. Дело в том, что он взял города Газару, Яффу и Ямнию; затем он осадил иерусалимскую крепость⁸³⁷ и срыл ее до основания, чтобы врагам более не представилось возможности иметь в ней опору для своих враждебных действий, как то было раньше. Сделав это, Симон признал за целесообразное срыть всю гору, на которой помещалась крепость, дабы тем самым поднять холм, на котором стоит святилище. Созвав народ, он старался убедить его в необходимости этого мероприятия, упомянув, сколько уже пришлось пострадать иудеям от неприятельских гарнизонов и перебежчиков, и указывая на то, что им придется претерпеть еще в будущем, если власть вновь перейдет в руки иноверного царя, который снова поместит в этой крепости своих воинов. Этими доводами ему удалось убедить народ в целесообразности предлагаемой меры.

Все охотно приступили к этому делу и принялись срывать гору. После трехлетней, не прерывавшейся ни днем ни ночью работы они срыли гору до

основания и сровняли все занимаемое ею место; с тех пор, после уничтожения крепости и горы, над всем городом царит здание храма.

Таковы были дела, совершенные Симоном.

Глава 7

1. Немного спустя после взятия в плен Деметрия Трифон умертвил сына Александра, Антиоха, который был прозван Богом и который во время своего четырехлетнего правления находился под опекою Трифона. Последний объявил о смерти Антиоха, будто она последовала от операции, и в то же самое время послал наиболее преданных и близких друзей к войскам с обещанием выплатить огромную сумму денег, если они провозгласят его царем. При этом он заявил, что Деметрий попал в плен к парфянам, и если брат Деметрия, Антиох, достигнет власти, то он сильнейшим образом накажет их за их отпадение. Ввиду этого солдаты, надеясь на всякие блага, если выберут на царство Трифона, провозгласили его правителем. Достигнув такого положения, Трифон немедленно выказался весь, во всем своем непривлекательном свете: будучи частным человеком, он служил народу и прикидывался добрым, угождая всем желаниям народа; достигнув же царской власти, он скинул с себя маску и явился настоящим Трифоном⁸³⁸. Однако этим самым он лишь сыграл на руку врагам, потому что войско, ненавидевшее его, перешло на сторону жены Деметрия, Клеопатры, которая тогда заперлась с детьми своими в Селевкии. В то время по стране скитался брат Деметрия, Антиох, прозванный Сотером⁸³⁹. Его ни один город не принимал к себе из страха перед Трифоном. К нему-то Клеопатра послала предложение жениться на ней и овладеть царством. Призвала она Антиоха не только потому, что к тому побуждали ее приближенные, но и потому, что она боялась будущего, так как некоторые из жителей Селевкии приготовились отдать город Трифону.

2. Прибыв в Селевкию и видя, что его положение со дня на день упрочивается, Антиох начал войну с Трифоном, победил его и прогнал из Верхней Сирии в Финикию. Он преследовал его до пределов последней и осадил в неприступной крепости Доре, куда тот спасся бегством. Вместе с тем он отправил к иудейскому первосвященнику послов с предложением заключить дружественный союз. Симон охотно принял его предложение, послал Антиоху значительное количество денег и много съестных припасов для осаждавших Дору войск и поступил при этом так великодушно, что в короткое время стал считаться одним из наиболее преданных друзей царя.

Между тем Трифон бежал из Доры в Апамею и был там во время осады захвачен в плен и убит, успев процарствовать три года.

3. Однако Антиох, в своей заносчивости и испорченности, вскоре забыл об оказанной ему Симоном поддержке и выслал одного из своих приближенных, Кендебая, с войском для разграбления Иудеи и поимки Симона. Когда же последний узнал об этом вероломстве Антиоха, то он, хоть и старик, невзирая на свои годы и побуждаемый несправедливостью, допущенною по отношению к нему Антиохом, с юношеским пылом взял на себя начальствование в походе. Сыновей своих он выслал с ядром войска вперед, а сам с другою частью рати двинулся с другой стороны в путь. Поместив часть своих сил в засаде в ущельях гор, он не потерпел неудачи ни в одном из своих предприятий, но повсюду разбивал врагов. После этого он жил до скончания дней своих в глубоком мире, успев еще заключить дружественный союз с римлянами.

4. Всего восемь лет процарствовал Симон над иудеями и умер от коварного покушения, которое совершил на него во время пира зять его, Птолемей. Последний захватил также его жену и двоих сыновей его и, велев поместить их в темницу, подослал убийц к его третьему сыну, Иоханану, который носил также имя Гиркана⁴⁰. Узнав, однако, об их приходе, юноша успел избежать грозившей ему опасности путем быстрого бегства в город, решаясь поручить себя здесь охране народа и уповая при этом, с одной стороны, на заслуги отца своего пред этим народом, а с другой – на ненависть черни к Птолемею. Когда же Птолемей пытался проникнуть в город через другие ворота, то народ не позволил ему этого, потому что дал уже приют Гиркану.

Глава 8

1. Птолемей отступил в одну из крепостей, именно Дагон, расположенную вблизи Иерихона. Тем временем Гиркан, получив по наследству первосвященническое достоинство и путем жертвоприношений с самого начала умиловив Предвечного, выступил походом на Птолемя и приступил к указанной крепости (Дагону). Тут он сначала одерживал победы, но в конце концов должен был уступить, исключительно благодаря чувству сострадания к своей матери и братьям. Птолемей, выведя последних на [крепостную стену], стал «подвергать их на глазах у всех оскорблениям и угрожал сбросить их вниз, если Гиркан не прекратит осады.

Хотя Гиркан старался овладеть этою местностью, однако считал нужным щадить и наиболее близких людей и не давать их в обиду и приостановил свои нападения. Однако мать его воздела руки к небу и стала умолять его не

поддаваться ради нее, но с большею ревностью и старанием взять место и отомстить врагу за насилия, причиненные его близким. При этом она заметила, что и бесславная смерть в мучениях приятна, если только врагу придется поплатиться за все совершенные им изуверства. Эти слова матери придали Гиркану известную бодрость все-таки взять крепость приступом, но когда он увидел, как мать его подвергают побоям и оскорблениям, он пал духом и уступил из чувства жалости к ней. Таким образом осада затянулась надолго, пока наконец не настал тот год, в который иудеям не приходится работать; это, подобно седьмому дню недели, обыкновенно происходит каждый седьмой год.

Освободясь по этой причине от войны, Птолемей казнил братьев Гиркана и мать его и после этого отправился к Зенону, носившему прозвище Котила и бывшему в то время правителем города Филадельфии.

2. Между тем Антиох все еще никак не мог забыть того, что причинил ему Симон, и потому вторгся в Иудею на четвертый год своего правления и в первый год правления Гиркана, именно в 162 олимпиаду⁴¹. Разграбив страну, он запер Гиркана в его столице. Окружив последнюю семью отрядами войска, он, однако, ничего не мог с нею поделаться как вследствие высоты стен, так и доблести осажденных, несмотря на полный недостаток у них воды. От этого иерусалимцев избавил сильный проливной дождь, заливший всю местность после захода семизвездия Плеяд. Но так как с северной стороны города было место, где стена являлась доступной, он распорядился выстроить тут сто трехэтажных осадных башен и поместил на каждой из них по отряду солдат. Кроме того, он делал ежедневные нападения на город, и велел вырыть глубокий и широкий двойной ров, и тем крайне стеснил жителей города. Последние, в свою очередь, предпринимали частые вылазки и наносили врагам значительный вред при всяком случае, где могли напасть неожиданно; когда же враги замечали их попытку, они поспешно возвращались в город. Но так как Гиркан видел, что чрезмерное население города только вредит делу и, способствуя скорейшему истощению съестных припасов, не ведет решительно ни к чему, а только всех стесняет, он отобрал из него все бесполезные элементы и изгнал их из города, оставив себе лишь сильных и действительно способных сражаться. Между тем так как Антиох не давал изгнанникам возможности удалиться, то им пришлось скитаться около городских стен и многие из них умерли от голода жалкой смертью. Когда же наступил праздник Кущей, то заключенные в городе сжалились над этими несчастными и вновь приняли их к себе.

Затем, когда Гиркан обратился к Антиоху с просьбой назначить семидневное перемирие вследствие наступления праздника, Антиох, движимый уважением к Предвечному, не только охотно согласился на перемирие, но даже послал в город драгоценные жертвенные дары, именно быков с вызолоченными рогами и серебряные и золотые чаши, полные благовонных курений. Это жертвоприношение стража, стоявшая у ворот, приняла от жертвователей и доставила его в святилище. Антиох же в то же самое время устроил войску угощение, чем сильно отличился от Антиоха Эпифана, который по взятии города стал закалывать на жертвенниках свиней, осквернил храм жиром этих животных и тем надругался над установлениями иудеев и их древним благочестием. Вследствие этого народ и восстал на него и стал его непримиримым врагом, тогда как этого Антиоха все прозвали «Благочестивым» за его высокое богопочитание.

3. Благодаря такой любезности Антиоха и убедившись в благочестии его, Гиркан отправил к нему посольство с просьбой оставить иудеям их прежнее государственное устройство. Антиох не внял совету приближенных своих, требовавших полного искоренения иудейского народа за его отчуждение от прочих народов, и окончательно отверг его. Повинуясь голосу благочестия и желая во всем следовать последнему, он ответил посланным, что готов прекратить войну, если осажденные выдадут оружие, предоставят ему право взимания дани с Яффы и других соседних с Иудеею городов и, кроме того, примут к себе его гарнизон. Иудеи согласились на все его условия, но отказались принять к себе гарнизон, указывая на ритуальное запрещение общения с иноземцами. Вместо принятия гарнизона они выдали заложников и пятьсот талантов серебра. Из этой суммы они немедленно выплатили триста талантов и выдали заложников, по собственному выбору Антиоха. В числе этих заложников находился и брат Гиркана. Вместе с тем Антиох велел скрыть городские укрепления.

На этих условиях Антиох снял осаду и удалился.

4. Затем Гиркан распорядился вскрыть гробницу Давида, который некогда превосходил богатством всех прочих царей, и, вынув оттуда три тысячи талантов серебра, первый из иудеев начал содержать наемные войска⁸².

Впоследствии он заключил дружественный союз с Антиохом, принял его в свой город и в изобилии и с удовольствием доставил его войску все необходимое. Затем Гиркан участвовал вместе с ним в походе на парфян. У нас имеется также свидетельство Николая Дамасского, повествующего об этом следующим образом: «На реке Лике Антиох воздвиг памятник в честь своей победы над парфянским военачальником Индатом и оставался на том

месте в течение двух дней, потому что об этом просил его иудей Гиркан ввиду наступления какого-то иудейского праздника, в который иудеям по их закону запрещено путешествовать». И в этом Николай вполне прав: после субботы наступил праздник Пятидесятницы⁸⁴³, и нам, действительно, запрещено законом путешествовать как по субботам, так и в праздник.

Когда же Антиох впоследствии сразился с парфянином Аршаком⁸⁴⁴, он не только потерял большую часть своего войска, но и сам погиб тут. Сирийский престол перешел затем к его брату Деметрию⁸⁴⁵, которого Аршак отпустил из плена как раз около того времени, когда Антиох вторгся в страну парфянскую, как нами уже было рассказано в другом месте.

Глава 9

1. Узнав о смерти Антиоха, Гиркан немедленно отправился походом на сирийские города, потому что, как и оказалось на самом деле, он рассчитывал их застигнуть врасплох и без труда захватить. Действительно, ему удалось на шестой месяц осады завладеть Медавою, причем войско его здесь подверглось многим серьезным лишениям. Затем он взял также Самегу и окрестные местности и, кроме нее, Сихем, Гаризим и подчинил себе племя хуфейцев⁸⁴⁶, которые построили себе храм наподобие иерусалимского святилища. Этот храм, как мы уже выше упомянули, Александр разрешил построить своему военачальнику Санаваллету для его зятя Манассии, брата первосвященника Иадую. Теперь, по прошествии двухсот лет, этот храм был закрыт.

Затем Гиркан взял идумейские города Адару и Мариссу и, подчинив своей власти всех идумеян, позволил им оставаться в стране, но лишь с условием, чтобы они приняли обрезание и стали жить по законам иудейским. Идумеяне действительно из любви к отчизне приняли обряд обрезания и построили вообще всю свою жизнь по иудейскому образцу. С этого самого времени они совершенно стали иудеями.

2. Между прочим Гиркан пожелал возобновить дружественный союз с римлянами и ввиду этого отправил к ним посольство. Сенат принял послание его и следующим образом заключил с Гирканом дружбу:

«За восемь дней до февральских ид претор⁸⁴⁷ Фаний, сын Марка, открыл собрание в комициях⁸⁴⁸, в присутствии Луция Манлия, Луция Ментины, Гая Семпрония, Гнея Фалерна, и рассмотрел просьбу послов: Симона, сына Досафея, Аполлония, сына Александра, и Диодора, сына Ясона, почтенных мужей, посланных иудейским народом. Они изложили положение дела относительно наличности дружественного союза иудеев с римлянами и

познакомили собрание со своими политическими требованиями, а именно чтобы Яффа с ее гаванями, Газара с источниками и вообще все остальные города и области, которые, вопреки сенатскому постановлению, отнял у них на войне Антиох, были возвращены им; затем, чтобы царским войскам не был разрешен проход по владениям иудейским или областям подвластных иудеям племен, чтобы все, Антиохом предпринятое во время той войны и не соответствующее сенатским постановлениям, было признано недействительным; далее, чтобы особое посольство вернуло иудеям все отнятое у них Антиохом и приступило к новой переоценке всех опустошенных этим царем земель и, наконец, чтобы римляне выдали им к царям и неподвластным им народам пропускные грамоты, дабы они, послы, могли беспрепятственно совершить обратное путешествие на родину. И вот сенатом постановлено следующее: возобновить дружественный союз с этими почтенными лицами, послами великого и почтенного народа». Что касается писем [Гиркана], то римляне отвечали, что они об этом будут совещаться между собой, когда сенат несколько освободится от внутренних текущих дел, дали уверение, что на будущее время иудеев более никогда не постигнет такая несправедливость, и распорядились, чтобы претор Фаний отпустил послам денежные средства из казны для возвращения посольства на родину. Ввиду этого Фаний снабдил иудейских послов казенными деньгами на обратный путь и отправил их домой, дав им постановление сената для всех тех, к кому они должны были на обратном пути приехать, дабы эти последние не ставили им никаких препятствий во время их пребывания и путешествия.

3. Сказанного относительно первосвященника Гиркана, однако, достаточно. Между тем царю Деметрию очень хотелось выступить в поход против Гиркана, но это ему не удалось, как вследствие неимения времени, так и по недостатку средств, потому что сирийцы, да и войска, ненавидели его за тяжелый характер. Как те, так и другие отправили к Птолемию Фискону⁸⁴⁹ послов с просьбой назначить им какого-нибудь преемника из рода Селевка на царский престол. На это Птолемей отправил к ним с войском Александра, прозванного Зевиним. Когда Александр вступил в бой с Деметрием, последний потерпел поражение и бежал к своей жене Клеопатре в Птолемаиду, но так как жена не приняла его к себе, то он отсюда направился к Тиру. Тут он был взят в плен и погиб в страшных мучениях от рук ненавидевших его врагов. После этого Александр, вступив на царство, заключил дружественный союз с первосвященником Гирканом. Затем,

однако, когда против него двинулся сын Деметрия, прозванный Грипом⁸⁵⁰, он потерпел поражение в битве и сам пал.

Глава 10

1. Овладев сирийским престолом, Антиох тотчас же приготовился пойти войной на Иудею. Но когда он услышал, что единоутробный брат его (также носивший имя Антиоха) набирает в Кизике⁸⁵¹ войско, чтобы предпринять против него поход, он решил пока остаться в Сирии и готовиться к отражению своего брата. Последний носил также прозвище Кизикийца вследствие того, что воспитывался в том городе, так как отцом его был Антиох Сотер, погибший в стране парфянской. Этот, в свою очередь, доводился братом Деметрию, отцу Грипа; Клеопатра же, как мы упомянули уже, вышла замуж последовательно за обоих братьев.

И вот, когда Кизикиец Антиох прибыл в Сирию, он в течение многих лет вел войну со своим братом. Гиркан же все это время пользовался полным миром. Еще со времени смерти Антиоха он совершенно устранился от македонян и не доставлял им ничего, ни в качестве подданного, ни в качестве союзника. Вследствие этого во времена правления Александра Зевина, а еще более при названных братьях, он всецело занимался своими делами, которые стали поправляться и вскоре достигли значительного процветания. Междоусобная же война двух братьев дала Гиркану полную возможность спокойно пользоваться плодами земли своей, так что ему за этот период удалось скопить значительные богатства. Когда же однажды Кизикиец вздумал опустошать его область, Гиркан открыто оказал ему отпор, и так как он видел, что Антиох лишился поддержки со стороны египтян, и отлично понимал, что оба брата ратуют за несправое дело, то он не обращал внимания ни на того, ни на другого.

2. Впрочем, он предпринял поход на весьма укрепленный город Самарию, о котором, так как он теперь носит название Себасты и вновь был отстроен Иродом, мы скажем в своем месте. Он приступил к этому городу и обложил его осадой, потому что самаряне, повинувшись сирийским царям, жестоко обидели жителей Мариссы, которые были колонистами и союзниками иудеев. Вокруг всего города, на расстоянии около восьмидесяти стадий, Гиркан обвел ров и двойную стену и поручил ее надзору своих обоих сыновей, Антигона и Аристубула. Так как последние стали налегать на город, то он довел самарян до такого отчаянного положения, что они с голода стали есть всякую мерзость и в конце концов обратились за помощью к Антиоху Кизикенскому. Последний немедленно явился на этот зов, но потерпел

поражение от войск Аристобула, а затем бежал, преследуемый вплоть до Скифополиса обоими братьями. Затем братья вернулись назад к Самарии и вновь замкнули ее жителей за их стенами, так что они вторично обратились за помощью, теперь уже к [другому] Антиоху. Последний обратился к Птолемею Лафуру⁸⁵² и получил от него около шести тысяч войска, к величайшему прискорбию матери фараона, которая, узнав об этой посылке солдат, чуть было не свергла сына своего с престола. Антиох первоначально стал с этими египтянами разорять страну Гиркана разбойными набегами, но не решался вступать с ним в открытый бой, потому что для этого у него не было достаточно сильного войска. Такими разорительными набегами на страну он рассчитывал принудить Гиркана прекратить осаду Самарии. Однако ему пришлось попасть в засаду, и при этом он потерял значительную часть своего войска, почему и отступил к Триполису, поручив ведение войны с иудеями [своим военачальникам] Каллимандру и Эпикрату.

3. Каллимандр стал смелее действовать против врагов, но был обращен в бегство и немедленно погиб. Эпикрат, в свою очередь, побуждаемый сребролюбием, открыто передал иудеям Скифополис и прочие прилегавшие к нему местности и не был в состоянии освободить Самарию от осады. Поэтому после годичной осады Гиркан взял город и при этом не только не удовольствовался этим, но и разрушил его дотла, предоставив его действию бурных горных потоков. Дело в том, что он совершенно подрыл его, так что город провалился в пропасть, и могло казаться, что у него навсегда отнята была возможность когда-либо снова принять вид настоящего города.

При этом случае рассказывается о совершенно исключительном явлении, имевшем место по отношению к первосвященнику Гиркану, именно каким образом с ним говорил Предвечный. Дело в том, что в тот самый день, в который сыновья его сразились с Кизикийцем, сам первосвященник приносил в храме жертву Богу. Тут он услышал голос, возвестивший ему, что его сыновья только что одержали победу над Антиохом. Выйдя из храма, Гиркан сообщил об этом народу, и известие это вполне оправдалось.

4. Таковы данные о Гиркане. В это же самое время дела не только иерусалимских и вообще палестинских евреев шли хорошо, но также удачно складывалась и жизнь иудейских жителей Александрии, Египта и острова Кипра. Дело в том, что египетская царица Клеопатра восстала против своего сына Птолемея Лафура и назначила правителями страны Хелкию и Ананию, сыновей того самого Хония, который, как мы рассказали выше, построил в гелиополитанском номе храм наподобие Иерусалимского. Поручив им войско, Клеопатра ничего не предпринимала без их одобрения, как о том

свидетельствует и каппадокиец Страбон⁸³³, выражаясь по этому поводу следующим образом: «Большинство солдат, явившихся вместе с ними и впоследствии отправленных на Кипр, немедленно передались Птолемею; верность сохранили ей одни только так называемые онийские евреи, потому что их сограждане, Хелкия и Анания, пользовались величайшим влиянием у царицы». Так повествует Страбон.

Между тем удачи Гиркана и его сыновей возбудили к нему зависть со стороны иудеев. Особенно нерасположены были к нему фарисеи, иудейская секта, о которой мы упоминали уже выше. Эти фарисеи пользуются таким авторитетом в глазах народа, что им безусловно верят, хотя бы они говорили против царя или первосвященника. Учеником их был некогда и Гиркан и пользовался с их стороны большим расположением.

5. Однажды Гиркан пригласил их к себе на пир и принял их весьма радушно. Когда же увидел, как они довольны, то стал говорить им, что они знают, насколько он старается быть праведным и делать только угодное Богу и им. При этом он просил их, если они заметят за ним какие бы то ни было ошибки или отклонения от пути истины, направить его обратно на этот путь и наставить. На это присутствующие громко засвидетельствовали Гиркану, что он человек праведный; он же порадовался их похвалам. Один только из гостей, некий Элеазар, человек дурного нрава и придирчивый, сказал: «Если хочешь знать истину, то, желая быть справедливым, ты должен сложить с себя сан первосвященника и удовлетвориться положением правителя народа».

Когда же Гиркан спросил его о причине необходимости такого отречения от первосвященнической власти, тот ответил: «Мы слышали от стариков, что ты родился в то время, когда мать твоя находилась в плену у Антиоха Эпифана». Это замечание было совершенно ложно, но на него Гиркан разгневался, а все фарисеи были глубоко возмущены этим.

6. Между тем среди секты саддукеев, которые держатся диаметрально противоположных фарисеям взглядов, находился один очень близкий Гиркану человек по имени Ионатан. Он стал уверять Гиркана, что Элеазар в нанесенном ему оскорблении выражал как бы общее мнение фарисеев, и указывал при этом на то, что Гиркан может убедиться в этом путем предложения фарисеям вопроса, какому наказанию подлежит то лицо за свое заявление. Когда же Гиркан предложил им запрос, какого наказания считают они Элеазара достойным (при этом Гиркан был убежден, что нанесенное ему оскорбление не исходило от всей фарисейской секты и что они восстановят его честь назначением должного возмездия), те отвечали, что Элеазар

заслужил наказание ударами и заключением в темницу. Итак, фарисеи в данном случае не остановились на смертной казни за клевету (как то полагалось по закону). Впрочем, фарисеи вообще весьма снисходительны в своих наказаниях.

На это Гиркан очень рассердился и готов был поверить, что тот человек нанес ему оскорбление именно с их ведома. В этом его особенно поддерживал Ионатан, который достиг в результате того, что Гиркан примкнул к партии саддукеев, совершенно отказавшись от фарисеев и не только разрешив народу не соблюдать установленных фарисеями законоположений, но даже установив наказание для тех, кто стал бы соблюдать их. Благодаря последнему обстоятельству как сам Гиркан, так и его сыновья стали ненавистны народу. Впрочем, об этом мы расскажем немного ниже. Здесь же я только упомяну, что фарисеи передали народу, на основании древнего предания, множество законоположений, которые не входят в состав Моисеева законодательства. Ввиду этого-то секта саддукеев совершенно отвергает все эти наслоения, требуя обязательности лишь одного писаного закона и отнимая всякое значение у устного предания. Благодаря этому часто возникало множество споров и разногласий между обеими сектами, причем на стороне саддукеев стоял лишь зажиточный класс, а не простой народ, тогда как на стороне фарисеев была чернь. Впрочем, об этих двух сектах, равно как об ессеях, у меня подробно рассказано во второй книге моей «Иудейской войны».

7. Гиркану, однако, удалось прекратить эти распри и прожить остаток дней своих в полном спокойствии. Являя из себя в течение тридцати одного года образец примерного правителя, он затем умер⁸³⁴, оставив после себя пять сыновей и удостоившись от Господа Бога трех величайших благ: властвования над своим народом, первосвященнического достоинства и дара прорицания. Господь Бог не покидал его и дал ему возможность предвидения и пророчествования. Так, например, он предсказал, что оба старшие его сына не удержатся во главе правления. [Судьба](#) этих последних достойна более подробного повествования, и последнее покажет, сколь мало сыновья были счастливы в сравнении с отцом своим.

Глава 11

1. После смерти отца своего старший сын его, Аристокбул, решил изменить прежнюю форму правления и провозгласить себя, по собственному своему усмотрению, царем. Действительно, четыреста восемьдесят один год и три месяца спустя после возвращения [иудейского] народа из вавилонского плена

он первый возложил на себя царский венец⁸⁵⁵. Любя из своих братьев лишь ближайшего к нему по возрасту, именно Антигона, он только его держал наравне с собой, а остальных вверг в темницу. Равным образом он подверг заключению и родную мать свою, которая поссорилась с ним из-за правления (дело в том, что именно ее Гиркан назначил главной после себя правительницей), и дошел до такого изуверства, что уморил ее в темнице голодом. Подобной же участи подвергся затем и брат его, Антигон, которого он, по-видимому, так сильно любил и которого сделал своим соправителем. Он стал отчуждаться от Антигона вследствие наветов, которым он первоначально не поверил, потому что сперва действительно любил его, а затем и потому, что считал эти доносы наветами, имевшими своим основанием зависть недоброжелателей его брата. Но однажды Антигон со славой вернулся из какого-то похода (в то время как раз наступил праздник Кущей, Аристобул же заболел) и Антигону пришлось в блестящем наряде и в сопровождении своих тяжеловооруженных вступить в храм, чтобы тем подать знак к началу празднеств, а еще более, чтобы помолиться за выздоровление брата. Нашлись-таки гнусные люди, которым во что бы то ни стало хотелось посеять раздор между братьями, и вот они воспользовались блеском шествия Антигона и его распоряжениями, чтобы отправиться к царю и с гнусной задней мыслью значительно преувеличить торжественность обстановки, при которой Антигон начал празднество. При этом они указывали на то, что все происшедшее тут вовсе не соответствовало положению Антигона, как частного лица, и что все это указывает лишь на стремление его к достижению царской власти; далее, что Антигон, очевидно, собирается явиться к Аристобулу со значительной партией и убить его, так как он совершенно логично рассуждает, что вместо того, чтобы участвовать, с разрешения брата, в управлении, он может сам овладеть престолом и достигнуть высочайшего почета.

2. Услыша это и поверив этому, Аристобул не пожелал возбуждать никакого подозрения в брате, но и захотел позаботиться о своей личной безопасности. Поэтому он велел поместить своих телохранителей в темном подземелье (в это время он сам лежал в укрепленном дворце, переименованном в замок Антониев) и распорядился, чтобы они не трогали никого, кто бы пришел к нему без оружия, но немедленно убить Антигона, если бы он явился к нему вооруженным. Тем временем он послал за Антигоном и просил его прийти к нему без оружия. Однако царица и лица, злоумышлявшие вместе с ней против Антигона, уговорили посланного сказать как раз обратное, а именно что брат слышал, будто Антигон завел себе новое оружие и доспехи и

поэтому просит его к себе в полном вооружении, чтобы он мог полюбоваться им в его военном убранстве.

Антигон, не предполагая тут никакого злого умысла и вполне полагаясь на расположение брата, отправился в вооружении к Аристобулу, чтобы показать ему свое оружие. Когда же он достиг башни, носящей имя Стратоновой, где имеется темный проход, телохранители зарубили его. Смерть его служит явным доказательством мощи клеветы, которая разрывает все узы благоволения и родства и показывает, что никакое возвышенное и благородное чувство недостаточно сильно, чтобы оказать противодействие зависти.

Особенное же удивление вызвал к себе по поводу этого случая некий ессей, по имени Иуда, который никогда еще не ошибался в своих предсказаниях. Видя шествие Антигона к храму, этот человек, окруженный товарищами и учениками, посещавшими его ради того, чтобы обучаться у него прорицанию, воскликнул, что ему лучше умереть, так как он ошибся: Антигон, смерть которого он предсказал на сегодня в Стратоновой башне, как видно, еще жив, потому что проходит теперь мимо него; между тем эта местность (Стратонова башня), где он предсказал ему смерть, отстоит отсюда на целых шестьсот стадий; теперь же прошла уже большая часть дня, так что, по всей вероятности, есть опасность, что его предсказание не сбудется. И вот в то самое время, как Иуда жаловался на это, ему донесли, что Антигон убит в подземелье, которое также носит название Стратоновой башни, подобно приморскому городу Кесарии. Последнее обстоятельство и сбило прорицателя.

3. На Аристобула немедленно после описанного события напало раскаяние в совершенном братоубийстве, а затем он впал в болезнь. Рассудок у него помрачился от постоянно испытываемого позыва к тошноте, а внутренности его жестоко болели, так что он даже харкал кровью. И вот однажды один из малолетних прислужников, вероятно по божественному предопределению, вынося кровь Аристобула, поскользнулся на том самом месте, где был убит Антигон и где еще виднелись следы преступления, и пролил кровь. Видевшие это подняли крик и завопили, что слуга умышленно пролил тут кровь [царя]. Тогда Аристобул справился, в чем дело, но не получая ответа, тем более заинтересовался причиной крика, как то совершенно естественно у людей, видящих в молчании признак особенного несчастья. Когда же приближенные царя ввиду угроз его сказали ему всю правду, Аристобул, мучимый угрызениями совести по поводу вины своей, разразился потоком слез и громко застонал: «Итак, Господь Бог не забыл такого нечестивого и

дерзкого поступка моего, и вот меня сейчас постигает кара за убийство родного мне человека! Доколе же, бестыжее тело, удержишь ты в себе душу, запятнанную кровью брата и матери? Почему ты не выпускаешь ее, но по частям приносишь мою кровь в жертву убитым?»

Это были его последние слова, с которыми он умер, успев процарствовать один только год⁸⁵⁶. Правда, он выказывал себя другом греков, но зато он оказал и большие услуги своему отечеству, ведя войну с Итуреей и присоединив значительную часть этой страны к Иудее, причем принудил тех из итурейцев, которые захотели остаться в своей области, принять обрезание и жить по законам иудейским. По природе своей он был человеком мягким и очень застенчивым, как о том свидетельствует от имени Тимагена и Страбон, говоря:

«Этот человек был мягок и принес иудеям большую пользу, потому что расширил область иудейскую и поселил среди своего народа часть итурейцев, принудив их принять обряд обрезания».

Глава 12

1. После смерти Аристобула жена его, Саломея, носившая у греков имя Александры, освободила из оков братьев своего покойного мужа (мы уже выше упомянули о том, что он их держал в темнице) и объявила царем Янная Александра, который был к тому лицом наиболее подходящим, как по возрасту своему, так и по порядочности. Этому Яннаю пришлось с первого же момента своего рождения навлечь на себя ненависть отца своего, так что он, вплоть до его смерти, не смел никогда показываться отцу на глаза. Причиной этой ненависти, как говорят, послужило следующее обстоятельство: Гиркан больше всех других детей любил Антигона и Аристобула. И вот, когда он во сне однажды увидел самого Предвечного, то спросил Его, кто из детей будет его преемником. Господь Бог указал на Янная. Тогда Гиркан, огорчившись, что именно этот сын его станет наследником всех его благ, распорядился, когда Яннаю родился, отдать его на воспитание в Галилею. Однако предсказание Предвечного Гиркану оправдалось.

Получив после смерти Аристобула царский престол, Яннаю казнил того из своих братьев, который сделал попытку лишить его царской власти, а к другому, который предпочел жить вдали от дел, он относился с большим почетом.

2. Устроив дела свои наилучшим, по его мнению, образом, Яннаю отправился в поход на Птолемаиду; разбив жителей в открытом бою, он

замкнул их в городе и, обложив последний, приступил к его осаде. В прибрежной области ему оставалось только подчинить себе еще Птолемаиду и Газу, а также Стратонову башню⁸⁵⁷ и Дору, которыми владел Зоил. Но так как [в это время] Антиох Филометор⁸⁵⁸ и брат его Антиох, прозванный Кизикийцем, все еще воевали друг с другом и губили свои войска, то жителям Птолемаиды нечего было ждать от них помощи. Однако в стесненном вследствие осады положении к ним на помощь явился Зоил, владевший тогда Кесарией и Дорою, и привел с собой отряд войска, и так как он рассчитывал на расширение своей власти благодаря распре царей между собой, то он оказал некоторую поддержку жителям Птолемаиды. Впрочем, цари вовсе уже не были столь расположены к последним, чтобы надеяться на получение какой-нибудь выгоды от них. Таким образом, как та, так и другая стороны поступили в этом случае подобно борцам, которые обессилели в борьбе, но, стыдясь уступить друг другу, паузами и кратковременными передышками стараются затянуть ее подольше. Последней надеждой населения Птолемаиды являлись египетские фараоны и владевший островом Кипром Птолемей Лафур, который перебрался на Кипр после того, как был матерью своей⁸⁵⁹ лишен власти. Итак, жители Птолемаиды отправили к последнему просьбу явиться к ним на помощь и вырвать их из рук Александра, который подвергает их всевозможным опасностям. А так как посланные укрепили Птолемея в надежде, что он сможет подчинить себе жителей Газы, находившихся в союзе с птолемаидцами, а также Зоила и, кроме того, сидонян и еще многие другие народы, если только переправится в Сирию, то он в уповании на это согласился и поспешно стал готовиться к отплытию.

3. Однако в это же самое время жителей Птолемаиды старался разубедить в их решении некий Деменет, пользовавшийся тогда у них большой популярностью народный оратор. Он указал на то, что лучше будет рискнуть опасностью войны с иудеями, чем подвергать себя явному рабству, если отдаться [иноземцу] деспоту, который при этом вовлечет их не только в эту войну, но и подвергнет их гораздо большей опасности со стороны Египта. Он указал также на то, что Клеопатра не отнесется безучастно к тому, что Птолемей по соседству с ней составляет себе крупную военную мощь, но наверное нападет на них с огромным войском. Если Птолемей ошибется в своих расчетах, то ему предоставляется полная возможность вернуться назад на Кипр, тогда как им самим во всяком случае грозит крайняя опасность.

Между тем Птолемей, узнав в пути об изменившемся решении жителей Птолемаиды, тем не менее поплыл к ним и, прибыв в Сикамин, высадил там свое войско.

Всего у него было, вместе с конницей, около тридцати тысяч человек, которых он и повел к окрестностям Птолемаиды. Тут он расположился лагерем; а так как жители города не только не приняли его посланных, но и не стали слушать их, то это его весьма озаботило.

4. Когда к нему явились Зоил и представители города Газы с просьбой вступить с ними в союз для борьбы против иудеев и Александра, разорвавших их область, Александр испугался Птолемея и снял осаду. Уведя свое войско домой, он теперь обратился к хитрости, тайно послав к Клеопатре просьбу оказать поддержку против Птолемея и в то же самое время делая вид, будто заключает с последним дружбу и союз. При этом он обещал уплатить Птолемею четыреста талантов, если тот подчинит ему правителя Зоила и присоединит его владения к Иудее.

Птолемей тогда охотно заключил дружественный союз с Александром и подчинил ему Зоила; но когда он впоследствии узнал, что Александр тайно обращался к матери его, Клеопатре, за содействием, он счел себя свободным от всяких по отношению к нему обязательств, отправился к Птолемаиде и осадил ее за то, что жители этого города не приняли его к себе. Осаду он поручил своим полководцам, которым предоставил с этой целью часть своего войска, а сам он с остальными солдатами принялся покорять Иудею.

Но так как Александр [вовремя] узнал о намерении Птолемея, то и он собрал около пятидесяти тысяч воинов, а по данным у некоторых историков, даже восемьдесят тысяч, и с этой ратью двинулся на Птолемея. Тогда последний неожиданно напал на галилейский город Асохис, взял его штурмом в одну из суббот и увел и унес оттуда около десяти тысяч пленных и значительную добычу.

5. Попробовав сделать то же самое с городом Сепфорисом, отстоявшим недалеко от разрушенного Асохиса, он, однако, потерял здесь множество войска и [потому] пошел войной на Александра. Последний встретился с ним около реки Иордан, в местности, носящей название Асофон, в непосредственной близости около реки Иордан, и расположился лагерем вблизи врагов. У Александра, между прочим, было до восьми тысяч солдат, которым он дал название гекатонтамахов⁸⁶⁰ и которые были снабжены медными щитами. Впрочем, и у передовых бойцов Птолемея имелись медные щиты. И хотя противники уступали во многом иудеям, все-таки солдаты Птолемея с большой уверенностью шли на опасность, потому что их

воодушевлял специалист по военной тактике Филостефан, который распорядился переправить войско с того берега реки, где оно расположилось станом, на противоположный. Впрочем, Александр решил не препятствовать этому переходу, потому что он рассчитывал, что, если река останется у них в тылу, ему легче будет захватить врагов, которые тогда будут лишены возможности бегства.

Когда противники сошлись, вначале с обеих сторон мужество и энергия были выказаны одинаковые и множество воинов пало, как там, так и здесь. Когда же победа стала склоняться в пользу воинов Александра, Филостефан разделил свою рать и очень удачно послал подкрепление отступавшим. Часть иудеев дрогнула, и так как ей не было оказано поддержки, то она ударилась в бегство, причем близстоящие отряды не только не поддержали их, но тоже обратились в бегство, тогда как войска Птолемея поступили как раз наоборот. Следуя за иудеями, которые в конце концов все бросились бежать, они стали так рубить бегущих, что мечи их наконец притупились и руки устали. Таким образом пало, как говорят, тридцать тысяч иудеев (Тимаген даже говорит о пятидесяти тысячах убитых), остальные же либо попали в плен, либо бежали на родину.

6. После этой победы Птолемей напал на окрестности и, при наступлении вечера, остановился в некоторых иудейских деревнях, которые нашел полными женщин и детей. Тогда он приказал своим воинам всех их перерезать и разрубить на мелкие части, а последние затем бросить в котлы с кипятком. После этого он удалился. Он сделал это распоряжение с той целью, чтобы беглецы, вернувшись из битвы домой, предположили, что враги их людоеды, и при представившемся их взорам зрелище еще более исполнялись страха перед ними. О таких действиях [Птолемея] рассказывают, подобно мне, также и Страбон и Николай [Дамасский].

После этого Птолемей штурмом овладел также и Птолемаидой, как это сообщено мной в другом месте⁸⁶¹.

Глава 13

1. Когда Клеопатра увидела, как усиливается могущество ее сына, который беспрепятственно разорял Иудею и успел подчинить своей власти город Газу, она не могла спокойно отнестись к тому, что Птолемей как бы уже находится перед воротами в ее царство и, благодаря своей силе, нагоняет страх на Египет. Поэтому она немедленно выступила против него с флотом и войском, назначив начальниками над всеми своими силами иудеев Хелкию и Ананию⁸⁶².

Главные же свои богатства, внуков своих и духовное завещание она отправила на остров Кос для сохранения. Дав затем своему сыну, Александру, повеление отплыть с огромным флотом в Финикию, сама Клеопатра со всем войском прибыла к Птолемаиде. Но так как жители последней не захотели принять ее к себе, то она приступила к осаде города.

Тем временем Птолемей покинул Сирию и внезапно поспешил в Египет, рассчитывая овладеть им теперь, когда в нем не было более войска. Однако ему пришлось ошибиться в своем расчете. Около этого же времени Хелкия, один из двух военачальников Клеопатры, умер в Келесирии, преследуя Птолемея.

2. Клеопатра, узнав о попытке своего сына относительно Египта и о том, что попытка эта совершенно не удалась ему, отправила туда часть своего войска и изгнала его из страны. Таким образом, ему вновь пришлось покинуть Египет и провести зиму в Газе, между тем как гарнизон Птолемаиды не выдержал осады и Клеопатре удалось взять город.

Не имея другой защиты, кроме Клеопатры, и сильно пострадав от ее сына, Птолемея, Александр Яннай прибыл к царице с дарами и оказал ей те знаки уважения, которых она была достойна. Тогда некоторые из приближенных царицы посоветовали ей принять дары, но в то же самое время напасть на Иудею, овладеть ею и не забывать того, что от этого одного человека находится в зависимости такое значительное количество храбрых воинов. Однако Анания воспротивился их убеждениям, указывая на то, что царица поступит несправедливо, если лишит власти союзника своего, который вдобавок является единоплеменником. «Знай,— сказал он ей при этом,— что если ты обидишь его, то возбудишь против себя ненависть со стороны всех нас, иудеев».

Благодаря такому совету Анании Клеопатра решила не трогать Александра и даже заключила с ним дружественный союз в Келесирии, в городе Скифополисе.

3. Избавившись таким образом от страха перед Птолемеем, Александр Яннай немедленно двинулся походом на Келесирию. Тут он после десятидневной осады взял Гадару, а также Амафунт, значительнейшую крепость на Иордане, где сын Зенона, Теодор, сохранял тогда самые лучшие и ценные свои сокровища. Однако Теодор неожиданно нагрянул на иудеев, перебил из них десять тысяч человек и разграбил обоз Александра. Однако последний не испугался этого, а направился в приморские области, Рафию и Анфедон, который царь Ирод впоследствии переименовал в Агриппиаду. Последний город ему удалось взять приступом. Видя затем, что Птолемей ушел из Газы

на Кипр, а мать его, Клеопатра, вернулась в Египет, он в гневе на жителей Газы за то, что они призвали к себе на помощь Птолемея, приступил к осаде также и этого города и стал разорять всю примыкавшую к нему область. Однако военачальник Газы напал ночью во главе двух тысяч наемников и десяти тысяч жителей на иудейский лагерь. Пока было темно, победа оставалась на стороне горожан, потому что в иудеях им удалось поселить уверенность, будто на них напал Птолемей. Когда же рассвело, ошибка эта обнаружилась, и иудеи увидели, с кем имеют дело; иудеи подбодрились, налегли на жителей Газы и перебили до тысячи человек их. Тем не менее горожане стойко выдерживали нападение и не сдавались, несмотря на отчаянное положение и на массу убиваемых иудеями людей (они предпочитали вынести все, только бы не подчиниться врагам своим). Кроме того, они крепились в надежде на то, что знаменитый арабский царь Арета явится и окажет им поддержку. Впрочем, раньше этого Аполлодоту пришлось погибнуть: брат его Лисимах, относившийся к нему с завистью вследствие его популярности у граждан города, умертвил его. Затем он склонил на свою сторону войско и сдал город Александру. Этот, войдя в город, сперва воздержался от всякого насилия, но затем напустил войско на жителей Газы и разрешил ему наказывать их. Солдаты повсюду ринулись на жителей города и стали умерщвлять их. Впрочем, и горожане оказались не робкими и, оказывая сопротивление нападавшим на них иудеям, перебили немалое число их. Некоторые из них покидали дома свои и зажигали их при этом, чтобы ничего из имущества не попало в руки врагов. Другие самолично убивали своих жен и детей, не видя другой возможности спасти их от рабства у врагов. Городской совет, состоявший из пятисот членов и как раз заседавший в то время, когда произошло нападение на жителей, в полном составе бежал в храм Аполлона и искал там убежища. Однако Александр велел перебить и этих людей и, предав затем город пламени, вернулся в Иерусалим после годичной осады Газы.

4. Около того же времени умер и Антиох Грип, коварно убитый неким злоумышленником Гераклеоном; прожил он всего сорок пять лет и был царем двадцать девять. Преемником его стал сын его, Селевк⁸⁶³, который начал войну с дядей своим, Антиохом Кизикийским, победил его, захватил в плен и велел казнить. Немного спустя сын последнего, Антиох, прозванный Благочестивым⁸⁶⁴, прибыл в Арад, провозгласил себя царем и пошел войной на Селевка, которого ему наконец удалось победить и совершенно изгнать из Сирии. Тогда Селевк бежал в Киликию и, прибыв в город Мопсуэсту, вновь

стал требовать от жителей денег. За это чернь города рассердилась на него, подожгла его дворец и умертвила его и приверженцев его.

Пока сын Антиоха Кизикийского правил в Сирии, брат Селевка, Антиох, пошел на него войной, но был побежден и погиб со своим войском. После него брат его, Филипп, возложил на себя корону и стал править одной частью Сирии. В то же время Птолемей Лафур послал в Книд за четвертым его братом Деметрием, носившим прозвище Эвкера⁸⁶⁵, и провозгласил его царем в Дамаске. Антиох оказывал этим двум братьям сильное сопротивление, но вскоре умер, потому что нашел геройскую смерть в бою с парфянами, оказывая поддержку самийской царице Лаодике. Тогда Сирией стали владеть оба брата Деметрий и Филипп, как об этом сказано нами в другом месте⁸⁶⁶.

5. Между тем на Александра восстали его подчиненные (так как народ был возбужден против него): когда наступил праздник и Александр приблизился к алтарю, чтобы принести жертву, они стали кидать в него лимонами; дело в том, что, как нам пришлось уже упоминать в другом месте⁸⁶⁷, у иудеев был обычай держать в руках в праздник Кущей ветки финиковых пальм и лимонных деревьев. Кроме того, народ стал поносить его, что он родился от военнопленных родителей и потому не может быть признан достойным чести совершать жертвоприношения.

Рассердившись на это, Александр велел перебить до шести тысяч человек и, кроме того, распорядился отделить деревянной перегородкой алтарь и часть храма вплоть до того места, куда имели право доступа одни лишь священнослужители. Этим он оградил себя от оскорблений черни.

В то же время он содержал наемные писидийские⁸⁶⁸ и киликийские войска. С сирийцами же он не желал иметь никакого дела, потому что они питали к нему неприязнь. Затем он напал на живших в Аравии моавитян и галаадцев и сделал их своими данниками, равно как разрушил Амафунт, причем Теодор не посмел сразиться с ним. После этого он вступил в борьбу с арабским царем Обедом⁸⁶⁹, но очутился в засаде в тесном и труднопроходимом месте. Множество верблюдов вогнало его в глубокую ложбину около галаадской деревни Гадары, и он едва спасся оттуда бегством в Иерусалим. К довершению его несчастья народ тут восстал против него, и он вступил с ним в ожесточенную борьбу, длившуюся шесть лет, в течение которых он перебил не менее пятидесяти тысяч иудеев. Несмотря на его увещания прекратить против него неприязненные действия, народ не унимался, но еще более стал его ненавидеть за все свои несчастья. Когда же он предложил им высказаться, чего им собственно нужно, все потребовали его смерти. Затем иудеи призвали к себе на выручку Деметрия Эвкера.

Глава 14

1. Деметрий действительно явился со своим войском, принял в него тех, которые призвали его, и расположился лагерем в окрестностях города Сикима (Сихема). Александр двинулся во главе 6200 наемников и около 20 000 приверженцев своих из иудеев⁸⁷⁰ навстречу Деметрию, в распоряжении которого находилось три тысячи всадников и сорок тысяч пехоты. Тогда с обеих сторон были пущены в ход всевозможные средства, чтобы склонить наемные войска Александра на сторону Деметрия указанием того, что они эллины, а от Деметрия отвратить иудеев. Но когда ни те, ни другие не поддались этим убеждениям и предпочли сразиться, победа осталась за Деметрием. Тут пали все наемники Александра, являя редкий пример верности и храбрости; впрочем, и Деметрий потерял многих из своих воинов.

2. Когда же Александр бежал в горы, то из жалости к переменчивой судьбе под его знаменами собралось шесть тысяч иудеев. Испугавшись последних, Деметрий тогда отступил. Однако после этого иудеи начали войну с Александром, но проиграли сражение, и множество их пало в битве. Потом Александр запер самых влиятельных из иудеев в городе Вефоме и обложил его осадой. Взяв затем город и овладев иудеями, он отвел их в Иерусалим и учинил над ними ужасное дело: находясь со своими наложницами в уединенном уголке и пируя там с ними, он велел распять около восьмисот иудеев и перерезать на виду их всех жен и детей. Таким образом он наказал их за все причиненные ему огорчения, и этот способ возмездия превзошел все, что когда-либо совершалось в этом роде. Правда, он чрезмерно и более чем следует пострадал [в своей жизни] от иудеев, которые угрожали ему постоянными войнами и довели его до крайнего страха за жизнь и за целостность царства, так как они не удовлетворились сами сражаться за себя, но даже повели на него толпу иноземцев и наконец настолько стеснили его, что ему пришлось уступить царю [сирийскому] все владения моавитские, галаадские и прочие области Аравии, которые он себе подчинил, и все это для того, чтобы царь не оказал иудеям поддержки в войне их с ним. Кроме того, иудеи десятки тысяч раз глумились и насмехались над ним. Однако, как бы там ни было, поступать так было явно нелепо, и за свою чрезмерную жестокость он получил от иудеев прозвище Фракида⁸⁷¹. Все его противники, число которых доходило до восьми тысяч человек, ночью бежали и находились в изгнании в течение всего того времени, что Александр был жив. Этот же, освободясь от их угроз, правил остальное время в полном спокойствии.

3. Между тем Деметрий, покинув Иудею, пошел к городу Верее и с десятью тысячами пехотинцев и тысячью всадников приступил к осаде ее, причем там находился его брат, Филипп. Тогда союзник Филиппа, владетельный князь Вереи, Стратон, призвал на помощь Зиза, князя одного арабского племени, равно как Митридата Синака, властелина парфянского⁸⁷². Последние прибыли с огромным войском и стали осаждать Деметрия в его же окопах. Тут их метательные снаряды, равно как недостаток воды у осажденных, принудили последних сдаться. Опустошив всю страну и захватив в плен Деметрия, они отправили его к тогдашнему парфянскому царю Митридату, а всех тех военнопленных, которые были антиохийцами, они отдали антиохийцам без выкупа.

Парфянский царь Митридат оказывал Деметрию всякие почести, пока Деметрий не впал в болезнь и не умер. Филипп же немедленно после битвы двинулся на Антиохию, занял ее и стал царствовать над Сирией⁸⁷³.

Глава 15

1. Затем брат Филиппа, Антиох, носивший прозвище Диониса, желая овладеть престолом, явился в Дамаск, забрал там все в свои руки и стал царствовать⁸⁷⁴. Пока он ходил войной на арабов, об этом узнал его брат Филипп и двинулся на Дамаск. Некий же Милезий, который был оставлен для охраны дамасской крепости, передал ему город. Но так как Филипп оказался по отношению к Милезию неблагодарным и не даровал ему ничего из того, на что тот рассчитывал при впуске его в город, и так как Филиппу было желательно, чтобы казалось, что он взял город, наведя страх на жителей, а не обязан был этим приобретением любезности Милезия, то он навлек на себя нерасположение [жителей] и вскоре должен был покинуть Дамаск. Дело было так: когда он однажды отправился на ипподром, Милезий запер город и стал оберегать последний для Антиоха.

Когда же Антиох узнал о предприятии Филиппа, то вернулся из Аравии и двинулся немедленно в Иудею во главе восьми тысяч тяжеловооруженных воинов и восьмисот всадников. Испугавшись его нападения, Александр стал рыть глубокий ров от самого города Хавррзавы, носящей теперь имя Антипатриды, до Яффского залива, т.е. в той местности, которая одна только и представляла опасность в смысле нападения; равным образом он воздвиг стену с деревянными башнями и с бойницами на расстоянии полутора стадий и стал ожидать нашествия Антиоха. Последний, однако, поджег все эти сооружения и перевел затем по этой местности войско свое в Аравию. Сперва царь арабский отступил, но затем внезапно вновь появился с десятью

тысячами всадников. Выступив навстречу им, Антиох вступил с ними в ожесточенный бой, одержал верх, но вместе с тем сам пал мертвый, подавая помощь части войска, находившейся в опасности. Когда пал Антиох, войско его бросилось бежать в деревню Кану, где большинство воинов погибло от голода.

2. После него царем Келесирии стал Арета, которого призвали на царство войска, занимавшие Дамаск; к тому побудила их ненависть к Птолемею Меннаю⁸⁵. Напав отсюда на Иудею, Арета разбил Александра в сражении при Аддиде, но затем, на основании заключенного договора, вновь удалился из Иудеи.

3. Затем Александр, в свою очередь, двинулся на город Дий, взял его и пошел на Весу, где в то время находились главные сокровища Зенона. Окружив этот город тройною стеною, он овладел им и двинулся на города Гаулалию и Селевкию. Заняв эти пункты, он овладел также так называемым Антиоховым ущельем и крепостью Гамалою. Здесь он под всевозможными предложениями совершенно ограбил правителя тех мест Деметрия и затем возвратился, после трехлетнего отсутствия, на родину, где иудеи приняли его с радостью благодаря его военным удачам.

4. Около этого же времени иудеи успели овладеть целым рядом сирийских, идумейских и финикийских городов, а именно приморскими городами: Башнею Стратоновою, Аполлониею, Яффою, Ямниєю, Азотом, Газою, Афедоном, Рафиею, Ринокорурой; на суше, вблизи границ Идумеи, Адорою, Мариссою и вообще всею Идумеєю, Самариею, горою Кармилом и Итавирийским хребтом, Скифополисом, Гадарою, Гавланитидою, Селевкиєю, Гавалою, моавитскими городами: Ессевоном, Медавою, Лемвою, ороном, Телифоном, Зарою, ущельем Киликийским, Пеллою (этот город они разрушили до основания, так как жители не согласились принять иудейские обычаи) и другими главнейшими сирийскими городами, которые они уничтожали дотла.

5. После этого царь Александр впал, вследствие невоздержанности в вине, в болезнь и хотя в течение трех лет страдал перемежающейся (через четыре дня) лихорадкою, однако не отказывался от своих походов, пока не умер от истощения в горах Герасинских во время осады крепости Рагавы по ту сторону Иордана.

Когда царица увидела его столь близким к смерти и убедилась, что более уже нет никакой надежды на его спасение, то она, ударяя себя в грудь и плача, стала убиваться по поводу предстоявшего ей и ее детям одиночества и сказала мужу: «На кого оставляешь ты теперь меня и детей, столь

нуждающихся в поддержке, и как отнесется ко всему этому народ, столь тебя ненавидящий, когда узнает о твоей смерти?» На это царь просил ее слушаться его советов, а именно крепко с детьми держаться престола и скрыть от солдат его смерть, пока город не будет взят; затем же, когда она после блестящей победы вернется в Иерусалим, предоставить фарисеям какую-нибудь привилегию, ибо если последние станут хвалить ее за дарованную им милость, то тем самым они расположат и народ в ее пользу. При этом царь заметил, что фарисеи могут сильно повредить в глазах иудеев тому, кто относится к ним недружелюбно, равно как могут оказать поддержку тому, кто к ним отнесется ласково. Дело в том, что народ им очень верит, если они из зависти говорят о ком-нибудь дурно; этому примером является он сам, так как они, униженные им, поссорили его с народом.

«Итак, ты,— сказал он,— по прибытии в Иерусалим, призови к себе самых влиятельных из них (фарисеев), покажи им мой труп и предоставь им поступить с ним как угодно, захотят ли они лишиться меня погребения за все нанесенные им мною обиды, или как-нибудь иначе в гневе опозорить меня. При этом обещай им не предпринимать ничего в делах правления помимо совета их. И вот, если ты так скажешь им, то они и меня удостоят более почетных похорон, чем могла бы ты устроить мне, так как они уже более не захотят обидеть мертвого, да и ты будешь править спокойно».

С этим советом жене своей царь умер, процарствовав двадцать семь лет и прожив без одного года пятьдесят лет⁸⁷⁶.

Глава 16

1. Между тем Александре удалось взять крепость, и затем она обратилась к фарисеям согласно указанию своего покойного мужа; передав им труп последнего и бразды правления, она успокоила гнев фарисеев на Александра и вместе с тем окончательно расположила их к себе. Фарисеи стали после этого распространять в народе добрую славу о деяниях Александра и уверяли народ, что у них погиб праведный царь. Этим они так разжалобили и своими похвалами так настроили народ, что последний почтил царя своего более торжественными похоронами, чем кого-либо из предшествовавших правителей.

Александр оставил после себя двух сыновей, Гиркана и Аристобула, а царство передал Александре. Из сыновей этих Гиркан был неспособен к государственным делам и более всего предпочитал мир и спокойный образ жизни, тогда как младший, Аристобул, был энергичнее и предприимчивее

его. Вместе с тем царица сумела снискать себе расположение народа тем, что открыто выказывала свое несочувствие ко всему тому, что предпринимал столь ошибочно ее покойный муж.

2. Царица назначила первосвященником сына своего, Гиркана, как вследствие его возраста, так еще более для того, чтобы наполнить чем-нибудь его досуг. Вместе с тем она передала все дела фарисеям, повиноваться которым повелела и народу, причем вновь санкционировала все те дополнения фарисеев к установленному закону, которые были введены фарисеями и затем отменены ее свекром, Гирканом. Таким образом она носила лишь имя царицы, вся же власть на самом деле была в руках фарисеев. Последние возвращали изгнанников на родину, освобождали заключенных, одним словом, ни чем не отличались от настоящих правителей. Впрочем, и царица не совсем оставляла своих забот о государстве. Она набрала огромное войско из наемников и значительно расширила свою власть, побив окрестных владетелей и взяв с них заложников. Тем временем вся страна жила в глубоком мире; волновались одни только фарисеи. Они стали терроризировать царицу, убеждая ее перебить всех тех, кто посоветовал Александру избиение восьмисот [фарисеев]. Затем они убили одного из таких людей, некоего Диогена, а после него последовательно еще несколько человек, пока некоторые из [наиболее] влиятельных лиц не явились во дворец. В числе их находился и Аристобул (он открыто порицал все случившееся и заявил, что, безусловно, когда только сможет, воспротивится начинаниям своей матери). Все эти лица напомнили [царице], сколько претерпели они во время опасностей войны и как они всегда являли государю своему верность, за что и удостоивались со стороны его величайшего почета; при этом они просили царицу не лишать их последней надежды и не предоставлять их безнаказанному избиению, подобно скотине, у себя дома после того, как им удалось избежать опасностей войны. Если враги, говорили они, удовлетворятся числом пока загубленных жертв, то они из уважения к царскому дому спокойно перенесут все случившееся; если же те безобразия повторятся, то они просят об увольнении. Помимо ее, царицы, у них нет спасения, и потому они даже были бы готовы умереть в ее дворце, если бы она не простила их ухода. Впрочем, как для них, так и для самой царицы будет позором, если они, отстраненные ею, найдут приют у врагов ее мужа. Они встретят наверное в высшей степени радушный и почетный прием у арабского князя Ареты и у других правителей, которые будут рады увидеть на своей стороне стольких мужей, при произнесении одного только имени коих они еще так недавно содрогались. Если же она на это не согласна и

предпочитает другое, именно отдаться во власть фарисеям, то пусть она каждого из них назначит начальником какой-либо крепости, ибо, если уже раз такое несчастье постигло дом Александра, они готовы проводить жизнь свою хотя бы в жалкой и низкой должности⁸⁷⁷.

3. Так как они еще долго и много говорили на эту тему и призывали дух Александра сжалиться над умершими и подвергавшимися такой же участи, то все окружающие разразились слезами. Особенно непринужденно высказывал свое мнение Аристокбул и при этом отнюдь не щадил своей матери. Между тем придворные, собственно говоря, были сами виноваты в постигшем их несчастье, тем что наперекор обычаю предоставили властолюбивой женщине править государством, тогда как у нее был вполне подходящий для этого сын. Не зная, как с честью выйти из этого затруднительного положения, царица доверила им тогда охрану различных местностей, кроме, впрочем, Гиркании, Александриона и Махерона, где она держала свои драгоценности. Немного спустя она отправила сына своего, Аристокбула, в поход против Дамаска, против Птолемея Менная, который являлся тяжелым для города соседом...

4. Однако Аристокбулу пришлось вернуться, не совершив ничего достопримечательного. Около того же самого времени пришло известие, что армянский царь Тигран⁸⁷⁸ ворвался с трехсоттысячным войском в Сирию и собирается прибыть в Иудею. Это, вполне естественно, испугало царицу и народ, и потому, пока царь осаждал Птолемаиду, к нему было отправлено посольство со многими ценными дарами. В то время Сириею правила царица Селена, иначе называвшаяся Клеопатрою. Она-то и уговорила жителей Птолемаиды закрыть перед Тиграном городские ворота. И вот посланные явились к Тиграну и стали просить его пощадить царицу и их народ, он же благосклонно принял их, ибо они явились столь издалека для выражения своей покорности, и обещал им свою милость.

Впрочем, Тигран только что успел взять Птолемаиду, как ему было донесено, что Лукулл⁸⁷⁹, находясь в погоне за Митридатом, упустил его, потому что Митридат⁸⁸⁰ спасся бегством в Иверию⁸⁸¹ и теперь грабит Армению и старается овладеть ею. При этом известии Тигран немедленно поспешил к себе домой.

5. Вскоре после этого царица [Александра] впала в тяжкую болезнь, и тогда Аристокбул решил овладеть правлением. Поэтому он однажды ночью, в сопровождении одного только слуги, отправился к тем крепостям, где находились преданные ему отцовские друзья его. Если он уже раньше был крайне недоволен мероприятиями своей матери, то теперь он очень опасался,

как бы, с ее смертью, вся семья не подпала окончательно влиянию фарисеев. Он отлично сознавал полную невозможность передачи правления брату. Об этом предприятии Аристокбула знала одна лишь жена его, которую он с детьми оставил тут в городе.

Сначала он прибыл в Агаву, где жил один из самых влиятельных приверженцев его, Галест, и тут нашел приют.

Когда под утро царице было донесено об исчезновении Аристокбула, она пока вовсе не думала приводить этот факт в связь со стремлением сына совершить государственный переворот. Когда же затем постепенно стали прибывать друг за другом новые лица с извещением, что Аристокбул овладел первым укреплением, затем вторым и всеми остальными (дело в том, что, покончив с первой крепостью, он тем самым немедленно овладел и всеми прочими), тогда и царицу и весь народ обуяло величайшее беспокойство. Все боялись, что весьма скоро Аристокбул будет в состоянии захватить всю власть, и особенно опасались мести с его стороны за оскорбления, нанесенные его дому. Предварительно было решено заключить жену и семью Аристокбула в крепость около святилища.

Между тем около Аристокбула собралась такая значительная толпа приверженцев, что он уже стал походить на настоящего царя. Менее чем за пятнадцать дней он овладел двадцатью двумя городами, что дало ему возможность набрать войско на Ливане, в Трахонее и от соседних правителей. Так как люди вообще охотно примыкают к более могущественному, то и в этом случае легко подчинялись Аристокбулу; кроме того, поддержав его теперь при не вполне выяснившемся положении дел, рассчитывали извлечь впоследствии пользу, когда он станет царем, потому что царство будет им добыто при помощи их.

Тогда старейшины иудейские и Гиркан явились к царице и просили ее высказать свое мнение относительно положения дел в настоящий момент. Аристокбул, овладев таким множеством пунктов, фактически почти уже безгранично владел всем; и хотя царица теперь так тяжело больна, они все-таки считают неуместным решать что бы то ни было помимо ее, пока она еще жива; между тем опасность, угрожающая им, уже не за горами.

На это царица предоставила им решить и поступить по их усмотрению, указав на то, что в их распоряжении имеется еще целый ряд значительных средств, а именно: сильный народ, войско и богатая казна. Она же сама мало интересуется делами, так как тело ее уже сокрушено.

6. Вскоре после этого царица умерла, процарствовав девять лет и прожив семьдесят три года⁸², ничем не уступавшая, несмотря на свой пол, мужчине

по силе характера. Преисполненная ненасытным властолюбием, она в серьезнейших положениях жизни явила на практике доказательство того, как тверда была ее воля и как неразумны мужчины, терпящие крушение в государственных делах. Так как она всегда придавала большее значение настоящему, чем будущему, и на первом плане ставила неограниченную власть свою, она не заботилась ни о прекрасном, ни о справедливом. Таким образом, она своими отнюдь не приличествовавшими именно женщине вкусами довела свой дом до того, что он вскоре утратил могущество, добытое столькими трудностями и опасностями, потому что она добровольно подчинилась влиянию тех, кто был неприязненно настроен против ее семьи, и лишила правительство искренне заботливых и преданных друзей. Таким образом она наполнила дом свой бедствиями и смятением и своими поступками навлекла несчастье на всю свою династию даже после своей смерти. И все-таки, несмотря на такое правление, она сохранила для народа своего мир. Так окончилась деятельность царицы Александры. Теперь же, в следующей своей книге, я собираюсь рассказать о судьбе, постигшей после ее смерти сыновей ее, Аристобула и Гиркана.

* * *

*

См. также: [Иудейская война](#)

809

В Первой книге Маккавейской Асфар назван озером ([1Мак 9.33](#)).

810

Т.е. в 152 г. до н.э.

811

Речь идет о мятеже Александра Баласа.

812

Скорее всего здесь авторская ошибка. Ни в одном из сочинений Иосифа Флавия об этом ничего не говорится.

813

Праздник Кущей («суккот») – вначале был праздником урожайного цикла и праздновался в течение семи дней после уборки урожая. Затем ему было придано иное символическое значение. Праздник стал связываться с преданиями об исходе евреев из Египта, где говорится, что странствовавшие по пустыне евреи жили в шатрах. В последний день праздника совершается торжественное богослужение (этот день называется «радость Торы»).

814

«Топос» – «местность», «архэ» – «власть» (др.-греч.). В данном случае речь идет о территориях, подвластных Деметрию I Сотеру, царствовавшему в селевкидской державе со 162 по 150 г. до н.э. и павшему жертвой мятежа Александра Баласа.

815

См. [Ис 19.19](#).

816

Это египетская богиня Баст. Богиня радости и веселья древних египтян изображалась в виде женщины с головой кошки (кошка была священным животным богини Баст). Бубастис – главное место культа богини.

817

См. «Иуд. война». VII, 10, 3.

818

Т.е. в 147 г. до н.э.

819

Дагон – древнее семитское божество (см. прим. 1 к книге шестой).

820

Этот сюжет в сочинениях Иосифа Флавия больше нигде не встречается.

821

В Первой книге Маккавейской ([1Мак 11.17](#)) – Завдиил.

822

Александр Балас правил державой Селевкидов в 150–145 гг. до н.э.

823

Деметрий II Никатор («победитель») правил в Селевкидском государстве с 145 по 139/138 г. до н.э.

824

Речь идет об Антиохе VI Эпифане, сыне Александра Баласа.

825

В Первой книге Маккавейской ([1Мак 11.60](#)) говорится о городах, расположенных на другом берегу Иордана.

826

Т.е. был подтвержден прежний договор, заключенный Иудой Маккавеем в 161 г. до н.э. между Иудеей и Римом.

827

Эфоры – в Спарте (Лакедемоне) пять должностных лиц, которым принадлежала высшая власть. Эфоры избирались на год всеми полноправными спартанцами. Коллегия эфоров обладала правом контроля над всеми сферами жизни спартанского общества: воспитанием подрастающего поколения, поведением взрослых граждан, деятельностью царей, которых при необходимости они могли привлекать к ответственности. Эфоры ведали набором ополчения, сопровождали царей в военных походах. Фактически в их руках находилась вся политическая жизнь Спарты.

828

Герусия – в Спарте совет старейшин (геронтов), высший политический орган. В герусию входили два царя и 28 граждан (не моложе 60 лет), избираемых пожизненно народным собранием. Герусия созывалась эфорами и готовила решения по наиболее важным государственным делам.

829

Подробнее о фарисеях, саддукеях и ессеях см. «Иуд. война» (II, 8, 2–14).

830

очевидно, имеется в виду парфянский царь Митридат I (Аршак VI) из династии Аршакидов.

831

об этом рассказывается в Первой книге Маккавейской ([1Мак 14.1–3](#)).

832

В Первой книге Маккавейской ([1Мак 13.11](#)) этот город назван Иоппией.

833

Точное месторасположение этого города неизвестно.

834

Здесь следует, вероятно, дополнить: «в течение восемнадцати лет». (Перев.)

835

В 140 г. до н.э. Симон получил наследственное звание первосвященника, стратега и этнарха, сосредоточив таким образом в своих руках верховную религиозную, военную и гражданскую власть. Еще от Деметрия II Никатора

Симон добился освобождения от уплаты Иудеей дани селевкидским царям. При Симоне Иудея обрела полную независимость от Селевкидов.

836

Т.е. в 312 г. до н.э.

837

Это крепость Акра.

838

«Трифон» (др.-греч.) – «роскошь, изнеженность».

839

Как селевкидский царь Антиох VII (138–129 гг. до н.э.) имел прозвище Сидет, а не Сотер.

840

Симон был убит в 135 г. до н.э. Его убийство было результатом происков Антиоха VII, который пообещал власть над Иудеей зятю Симона Птолемею, бывшему военачальником в районе Иерихона. Когда Симон с женой и сыновьями Маттафией и Иудой объезжал города Иудеи, Птолемей пригласил их в Иерихон на пир, где Симон и был убит. По Первой книге Маккавейской, младшие братья Иоханана Гиркана были убиты вместе с их отцом.

841

Разные системы датировки, используемые здесь Иосифом Флавием, затрудняют установление точной даты этого события. К тому же автор при датировке по олимпиадам обычно не указывает год (один из четырех) той или иной олимпиады (как принято было делать). Скорее всего в данном случае следует говорить о 134 г. до н.э.

842

Использование чужеземных наемников вместо гражданского ополчения было одним из моментов эволюции государства Хасмонеев в эллинистическую монархию.

843

Пятидесятница – «шебуот» (др.-евр. «праздник недель») – справляется на 50-й день после Пасхи. Поначалу был сельскохозяйственным праздником жатвы у древних евреев, затем получил иной смысл – праздника в память дарования богом Торы (Пятикнижия) Моисею на горе Синай.

844

очевидно, речь идет об одном из правителей парфянской династии Аршакидов – Фраате II (139–129 гг. до н.э.).

845

Деметрий II Никатор царствовал вторично в 129–125 гг. до н.э.

846

В «Иудейской войне» (I, 2, 6) – хутеяне.

847

Преторы – высшие магистраты в Риме того времени, подчинявшиеся консулам. Занимались судопроизводством.

848

Комиции – народное собрание.

849

Речь идет о правителе эллинистического Египта Птолемеи VIII Фисконе (145–116 гг. до н.э.).

850

Антиох VIII Грип правил в Селевкидской державе со 125 по 96 г. до н.э., ведя ожесточенную борьбу за престол.

851

По названию этого греческого города Антиох IX получил свое прозвище – Кизикенский; он правил на части территории государства Селевкидов в 115–95 гг. до н.э.

852

Птолемеи IX Лафур правил в эллинистическом Египте (совместно с Клеопатрой III) в 116–107 гг. до н.э.

853

Страбон (ок. 64/63 – 24 гг. до н.э.) – знаменитый античный географ и историк, уроженец города Амасии (на северном побережье Малой Азии). Известен прежде всего своими капитальными трудами «География» (сохранилась полностью) и «Исторические комментарии» (до нас дошли лишь отрывки).

854

Иоханан Гиркан скончался в 104 г. до н.э.

855

Аристокбул, не удовлетворившись завещанным ему отцом саном первосвященника, в 104 г. до н.э. принял царский титул. Таким образом, он стал первым царем Иудеи после почти полутысячелетнего перерыва. Вавилонский плен положил конец царской власти в Иудее. Вероятно, желая подчеркнуть этот момент, Иосиф Флавий и говорит о 481 годе после возвращения из вавилонского плена применительно к дате возложения царской диадемы на Аристокбула. Но Иосиф дает неточную цифру – если исходить из его данных, то датой возвращения иудеев (конечно, уведена в плен была только часть иудейского населения, главным образом социальная верхушка) следует считать 585 г. до н.э., а не традиционно принятое начало 30-х годов VI века.

856

Смерть Аристокбула I наступила в 103 г. до н.э.

857

Т.е. город, переименованный затем Иродом I в Кесарию.

858

Несколько ранее (XIII, 9, 3 и 10, 1) Иосиф называет его Антиохом Грипом и подробно описывает его родственные связи с Антиохом Кизикенским.

859

Т.е. Клеопатрой III.

860

Т.е. таких, из которых каждый должен был вступить в бой с сотней противников. (Перев.)

861

Больше об этом Иосиф Флавий ни в одном из своих произведений не сообщает.

862

Речь идет о египетских иудеях.

863

Селевк VI Эпифан Никатор – селевкидский правитель в 96–95 гг. до н.э.

864

Антиох X Благочестивый – селевкидский царь в 95–83 гг. до н.э.

865

«Эукерос» (др.-греч.) – «своевременный».

866

Именно об этом у Иосифа Флавия больше ничего не говорится.

867

См. выше, III, 10, 1. (Перев.)

868

Писидия – страна воинственных горцев (в горах Тавра).

869

По «Иудейской войне» (I, 4, 4), имя этого аравийского царя – Обеда.

870

В «Иудейской войне» (I, 4, 5) иные цифры: 1000 всадников, 8000 наемной пехоты и еще 10 000 сторонников из иудеев.

871

Фракийцы пользовались славой беспримерно жестоких. (Перев.)

872

Митридат II правил в Парфии со 124 по 88 г. до н.э.

873

Филипп I Филадельф был царем части Селевкидской державы в 94–83 гг. до н.э.

874

Антиох XII Дионис был одним из царей Селевкидского государства в 87–84 гг. до н.э. Правление нескольких царей в этой эллинистической державе было одним из проявлений охватившего ее кризиса.

875

Птолемей, сын Менная, был тираном Халкиды (области в Келесирии), Арета правил набатеями, обитавшими к востоку от Иордана.

876

Александр Яннай правил в Иудее со 103 по 76 г. до н.э.

877

Здесь, как и несколько ниже, в греческом тексте заметен пропуск. (Перев.)

878

Тигран Великий – правитель Армении (95–55 гг. до н.э.). Ему удалось захватить часть Месопотамии, Сирию, Киликию и Каппадокию. Он находился на селевкидском престоле с 83 по 69 г. до н.э.

879

Луций Лициний Лукулл – римский полководец, в 74–70 гг. до н.э. – проконсул Киликии и Азии, нанес решающее поражение царю Понта Митридату VI Эвпатору, а затем Тиграну Великому.

880

Митридат VI был тестем Тиграна Великого. Рим начал войну с Тиграном из-за его отказа выдать Митридата.

881

Речь идет о стране, располагавшейся на территории современной Грузии.

882

Александра (Саломея) правила с 76 по 67

Книга 14

Предисловие

Книга посвящена событиям в Иудее от начала правления Аристокбула II (67 г. до н.э.) до утверждения на царском престоле Ирода I и казни последнего правителя из хасмонейской династии Антигона (37 г. до н.э.). Историю Иудеи Иосиф Флавий излагает в тесной связи с историей Рима. Главная сюжетная линия – это покорение Иудеи Римом. Здесь фигурируют Помпей, Красс, Юлий Цезарь, Марк Антоний, Октавиан. Особым достоинством этой книги является обильное цитирование Иосифом множества официальных документов, касающихся Иудеи и евреев диаспоры, чего нет в других источниках.

Глава 1

1. О деяниях царицы Александры и о ее смерти мы рассказали в предшествующей нашей книге. Теперь нам следует непосредственно перейти к ближайшим к этому событиям, причем придется обратить все внимание на то, чтобы не упустить ничего, ни одной подробности, ни по неведению, ни по забывчивости. Ведь читателям необходимо иметь историческое повествование о таких фактах, которые по своей древности большинству совершенно неизвестны, мы же должны по силе возможности украсить этот рассказ чистотой стиля, поскольку это в смысле гармоничности сочетаний отдельных слов зависит от нас, дабы читатели получали сведения в красивой

форме и с удовольствием усваивали их; но на первом плане для историков все-таки должна стоять историческая точность и правда, потому что читатели путем чтения их сочинений желают пополнить пробелы своего знания.

2. Когда на третий год сто семьдесят седьмой олимпиады, в консульство Квинта Гортензия и Квинта Метелла⁸⁸³, носившего прозвище Критского, Гиркан стал первосвященником, Аристокбул немедленно объявил ему войну; и вот во время битвы, произошедшей при Иерихоне, многие из солдат [Гиркана] перешли на сторону его брата. Вследствие этого Гиркан бежал в крепость, где в то время были заключены, по распоряжению его матери, как это было нами изложено выше, жена и дети Аристокбула. Последний, однако, между тем успел напасть и захватить своих [главных] противников, искавших спасения в портике святилища. Затем Гиркан вступил в переговоры со своим братом по поводу всего случившегося, и спор их разрешился соглашением в том смысле, что править станет Аристокбул, а самому ему жить вне дел, спокойно пользуясь своими личными средствами. Когда они порешили это в храме, то закрепили свой уговор клятвою и рукобятием, а затем на виду у всего народа обняли друг друга и расстались, причем Аристокбул направился во дворец, а ставший теперь частным человеком Гиркан в [прежнее] жилище Аристокбула.

3. У Гиркана был друг Антипатр, идумеянин родом, который при значительном богатстве обладал весьма энергичным и беспокойным характером; вследствие своего расположения к Гиркану он находился в неприязненных и натянутых отношениях к Аристокбулу. Николай из Дамаска сообщает, что он происходил от первых вернувшихся из Вавилона в Иудею евреев; но это он говорит лишь в угоду сыну его Ироду, который по некоей случайности стал царем иудейским. Об этом [Ироде] мы в свое время побеседуем.

Итак, этот Антипатр первоначально, как и отец его, носил имя Антипа. Отца его царь Александр и жена его назначили начальником над всею Идумею, а он, как говорят, заключил дружбу с симпатизировавшими ему арабами и жителями Газы и Аскалона, причем склонил их в свою сторону многими богатыми дарами.

И вот Антипатр младший взглянул косо на захват власти Аристокбулом и, боясь, как бы ему самому не пострадать вследствие ненависти к нему Аристокбула, тайно собрал к себе наиболее влиятельных и знатных из иудеев на совещание, причем выставил им на вид, что совершенно невозможно спокойно взирать на то, что Аристокбул незаконно захватил власть, лишив ее своего старшего и вследствие этого старшинства гораздо более

правоспособного брата. Точно такие же речи он постоянно твердил и Гиркану и указывал ему при этом на то, что он подвергает свою жизнь опасности, если не оградить себя бегством. Дело в том, говорил он, что друзья Аристобула не пропускают ни одного случая, чтобы не советовать ему умертвить брата, так как только в таком случае он сможет прочно укрепить за собою власть. Однако Гиркан не придавал веры этим речам, потому что он по природе был честным человеком и по своей порядочности нелегко склонялся на сторону клеветы. Кроме того, его бездеятельность и умственная вялость вызывали у всех представление о нем как о человеке слабом и немужественном, тогда как Аристобул был как раз обратного нрава, человеком предприимчивым и смышленным.

4. И вот, когда Антипатр увидел, что Гиркан не склоняется на его речи, он не пропускал ни единого дня без того, чтобы не наговорить ему на брата и не убеждать его в том, что Аристобул собирается его умертвить. Лишь после настойчивых просьб ему удалось склонить его к бегству к арабскому царю Арете. При этом он обещал ему помощь последнего, если он согласится внять его просьбам. Ввиду этого [Гиркан] действительно признал бегство к Арете весьма полезным, тем более, что Аравия граничит с Иудеею. Впрочем, сперва Гиркан послал к арабскому царю Антипатра, которому поручил взять с царя клятвенное уверение, что тот его не выдаст врагам, если он явится к нему с просьбою об убежище. Получив от арабского царя нужное обещание, Антипатр вернулся к Гиркану в Иерусалим и немного спустя вместе с ним покинул город ночью и после продолжительного путешествия прибыл с ним в так называемую Петру, резиденцию Ареты. Будучи очень дружен с царем, Антипатр стал его уговаривать вернуть Гиркану Иудею; делая это беспрестанно, ежедневно, и подкрепляя слова свои подарками, он наконец склонил Арету. Впрочем, и Гиркан обещал последнему, в случае, если удастся вернуться в страну и вновь овладеть престолом, отдать ему область с двенадцатью городами, которую отец его, Александр, отнял у арабов. Города эти были следующие: Медава, Навалло, Ливиада, Фараваса, Агалла, Афона, Зоара, орон, Марисса, Ридда, Луса и орива.

Глава 2

1. Побуждаемый такими [заманчивыми] обещаниями, Арета во главе пятидесятитысячного войска, отчасти конного, отчасти пешего, выступил в поход против Аристобула и победил его в бою. Так как после этой победы многие воины перешли на сторону Гиркана, Аристобул увидел себя покинутым и бежал в Иерусалим. Тогда царь арабский двинулся во главе

всего войска за ним к святилищу и приступил к осаде Аристобула. При этом народ, со своей стороны, стал поддерживать Гиркана и помогать ему в осаде [врага], тогда как на стороне Аристобула оставались одни только священнослужители. Между тем Арета распорядился, чтобы арабы и иудеи расположились лагерем рядом, и затем со всем усердием принялся за осаду. Так как все эти события произошли как раз в праздник опресноков, носящий у нас название Пасхи, то наиболее знатные из иудеев покинули теперь страну и бежали в Египет.

Тем временем некий праведный и боголюбивый муж, по имени Хоний, который некогда во время засухи обратился к Предвечному с молитвою о даровании дождя и молитве которого Бог немедленно внял, скрывался, видя, что эта жестокая распря еще нескоро прекратится.

Когда же его привели в лагерь иудеев, то стали упрашивать, чтобы он, как некогда, молитвою своею прекратил бездождие, и теперь проклял Аристобула и его приверженцев. Несмотря на все возражения и просьбы, Хоний был принужден толпою стать посередине ее, затем он сказал: «о, Предвечный, царь всего существующего! Так как окружающие теперь меня – народ, а осаждаемые – твои служители, то я молю Тебя не внимать ни просьбам первых, ни же приводить в исполнение относительно вторых их просьбы».

За эту его молитву ближайшие из стоявших около него гнусных иудеев убили его.

2. Однако Предвечный немедленно наказал их за эту гнусность и следующим образом воздал им за убийство Хония: пока священнослужители и Аристобул подвергались осаде, наступил праздник Пасхи, в который, по нашему обычаю, приносятся Предвечному обильные жертвы. Тогда товарищи Аристобула, нуждаясь в материале для жертвоприношений, обратились к единоверцам с просьбою снабдить их таковыми за какие угодно деньги. Несмотря на то, что единоверцы назначили за каждую голову [жертвенного животного] по 1000 драхм, Аристобул и священнослужители охотно согласились заплатить эту цену и выплатили деньги, спустив их на ремнях со стен. Однако осаждающие, взяв деньги, и не думали отдать за них жертвенных животных, и даже дошли при этом до такой гнусности, что нарушили данное слово и глумились над Предвечным, не выдав просителям нужного для жертвоприношения. Увидев себя таким образом обманутыми, священнослужители стали молить Бога воздать единоверцам по заслугам. Предвечный же не откладывал возмездия, но наслал на страну сильный

ураган, который уничтожил все плоды страны, так что модий⁸⁸⁴ зерна стоил тогда одиннадцать драхм.

3. В это время бывший пока еще в Армении Помпей⁸⁸⁵, все еще воевавший с Тиграном, послал в Сирию Скавра. Когда последний прибыл в Дамаск, то нашел там Лоллия и Метелла, которые только что взяли этот город, и потому сам поспешил в Иудею⁸⁸⁶. По прибытии его туда к нему явились посланные как от Аристовбула, так и от Гиркана с просьбою оказать поддержку. За это Аристовбул обещал заплатить ему четыреста талантов и такую же сумму обещал ему Гиркан. Но Скавр склонился на сторону Аристовбула, потому что этот был и богаче, и великодушнее, и менее требователен, тогда как Гиркан был беден и скуп и требовал за свое неопределенное обещание гораздо большего. Большая была разница, насильно ли взять в высшей степени укрепленный и сильный город или же прогнать беглецов с толпою набатейцев, даже не вполне подготовленных к ведению войны.

В силу этих соображений он склонился на сторону Аристовбула, получил с него деньги и освободил его от осады, причем повелел Арете удалиться, иначе он будет объявлен врагом римлян. После этого Скавр вернулся в Дамаск, Аристовбул же во главе большого войска двинулся на Арету и Гиркана, сразился с ними при Папироне и разбил их. При этом он перебил до шести тысяч врагов, в числе которых пал и брат Антипатра, Фалион.

Глава 3

1. Через некоторое время Помпей прибыл в Дамаск и посетил Келесирию. Тогда к нему явились посланные от всей Сирии, от Египта и от Иудеи. Аристовбул при этом послал ему крупный подарок, а именно золотой виноградник ценою в пятьсот талантов. Об этом подарке упоминает также каппадокиец Страбон, выражаясь следующим образом: «Из Египта также явилось посольство с венцом стоимостью в четыре тысячи золотых монет, и от иудеев с целым виноградником или садом; это произведение было названо художниками «Усладою».

Это подношение и мы видели в Риме выставленным в святилище capitoлийского Юпитера⁸⁸⁷ с надписью: «Принадлежит Александру, царю иудейскому». Оценено оно было в пятьсот талантов, и, по преданию, именно оно и было послано Аристовбулом, правителем иудейским.

2. Немного спустя к Помпею вновь явились посланные, а именно от лица Гиркана Антипатр, а от лица Аристовбула Никодим. Последний стал обвинять во взяточничестве сперва Габиния, а потом Скавра, указывая, что один из

них взял триста, а другой четыреста талантов. Этим он увеличил лишь в лице их число врагов Аристобула.

Приказав спорящим сторонам явиться в другое время, Помпей с наступлением весны вывел войска свои из зимних стоянок и двинулся в область Дамаска. По дороге он разрушил крепость Апамею, которую укрепил кизикийец Антиох, и разгромил владения Птолемея Менная, гнусного человека, который был несколько не лучше своего родственника, обезглавленного Дионисия из Триполиса, сам же за свои злодеяния он избег кары ценою десяти тысяч талантов, которыми Помпей и выплатил жалованье своим солдатам. После этого Помпей овладел Лифиадою, где властвовал иудей Силас. Затем он прошел через города Гелиополь и Халкиду и, перейдя через хребет, прорезающий Келесирию, вернулся через Пеллу в Дамаск. Тут он занялся также разбором дел иудеев и их споривших между собой вождей, Гиркана и Аристобула, тем более, что и народ был восстановлен против обоих, не желая подчиняться ни тому, ни другому и мотивируя это тем, что у них существует обычай, в силу которого народ обязан подчиняться лишь священнослужителям почитаемого Бога. Между тем, хотя Гиркан и Аристобул и потомки священников, они старались ввести другую форму правления, чтобы поработить себе народ. Гиркан обвинял брата в том, что, хотя он, Гиркан, и старше его, был, однако, лишен Аристобулом права перворождения и владеет небольшою частью страны, тогда как всю остальную насильно захватил Аристобул. Именно Аристобул, по его обвинению, совершает постоянные набеги на пограничных соседей, равно как занимается морским разбоем; народ никогда бы не думал восстать против него, если бы Аристобул не был таким своевольным и беспокойным человеком. Это обвинение поддерживалось более чем тысячею наиболее знатных иудеев, которых привел Антипатр. Аристобул на это возражал, что виною потери власти брата является характер последнего, его бездеятельность и вследствие этого отсутствие у него авторитетности. Сам он по необходимости принужден был взять власть в свои руки из опасения, как бы ее не утратить вовсе, а теперь правит совершенно так же и на том же основании, как некогда его отец, Александр. Для подтверждения своих слов он сослался на молодых франтов, которых пурпурные одежды, головные прически, запястья и прочие украшения вызывали насмешки, так как эти щеголи явились сюда как будто не на суд, а на какой-то парад.

3. Выслушав их, Помпей признал факт насилия, совершенного Аристобулом, и затем с ласковыми увещаниями отправил их домой, обещая явиться в их страну и там привести все в порядок, лишь только покончит все с

набатеями. Пока же он просил их держаться спокойно. Вместе с этим он отличил Ариостобула, чтобы удержать его от организации восстания в стране и от занятия проходов. Впрочем, Ариостобул действительно так и сделал: он не стал ожидать всего того, что ему обещал Помпей, но отправился в город Дий⁸⁸⁸, а оттуда в Иудею.

4. На это Помпей разгневался и, собрав войско, предназначенное для похода против набатеев, равно как вспомогательные отряды из Дамаска и прочей Сирии, во главе всех римских войск двинулся на Ариостобула. Миновав Пеллу и Скифополис, он прибыл в Корею, самый северный город Иудеи, и отсюда отправил в прекрасную, воздвигнутую на вершине горы крепость Александрией, куда бежал Ариостобул, [гонца] с предложением явиться к Помпею. Ариостобул, побуждаемый многими не воевать с римлянами, покинул крепость и, уговорившись с братом относительно дальнейшего правления, вернулся затем, с разрешения Помпея, назад в крепость. Так поступал он и во второй, и в третий раз, постоянно льстя себя надеждою овладеть еще царством и притворяясь покорным исполнителем всех решительно приказаний Помпея, но вместе с тем каждый раз возвращаясь назад в свою крепость, чтобы не лишать себя опоры и иметь возможность готовиться [там] на случай войны, постоянно опасаясь, как бы власть не перешла все-таки к Гиркану. Когда же [в конце концов] Помпей приказал ему сдать крепость и лично поручить это своим военачальникам (иначе нельзя было сделать это), то Ариостобул хотя и повиновался, но сделал это со злобою в сердце, вернулся затем в Иерусалим и стал готовиться [там] к войне. Немного спустя, когда Помпей был уже в пути, собираясь воевать с ним, к Помпею прибыли посланные из Понта с известием о смерти Митридата, павшего от руки собственного своего сына, Фарнака⁸⁸⁹.

Глава 4

1. Расположившись станом около Иерихона, где растут финиковые пальмы и добывается лучший бальзам, вытекающий, если надрезать острым камнем плоды кустарников, откуда и появляется пахучий сок⁸⁹⁰, Помпей затем на заре двинулся к Иерусалиму.

Тогда Ариостобул переменял свое решение, явился к Помпею, обещал ему [значительную] сумму денег и впустил в Иерусалим. При этом он просил его прекратить войну и мирно решить дело, как ему будет угодно. Помпей внял его просьбам и простил его, а затем послал Габиния с военным отрядом в город за деньгами. Впрочем, ни одно из этих обещаний не было приведено в исполнение: Габинию пришлось вернуться без денег и не быв впускенным в

город, потому что воины Аристобула не допустили сделать так, как было уговорено. На это Помпей страшно рассердился: он отдал Аристобула под стражу и сам двинулся в город, который со всех сторон был очень укреплен и лишь с севера представлял менее надежный оплот; дело в том, что город был окружен широким и глубоким ущельем, шедшим вокруг весьма сильно укрепленного каменной стеною храма.

2. Внутри города тем временем происходил спор партий, не соглашавшихся между собою относительно дальнейшего образа действий: одним казалось лучше всего отдать город Помпею, другие же, именно приверженцы Аристобула, советовали запереться в городе и воевать, так как Аристобула держат под стражей. Затем последние предупредили первых, заняли храм и уничтожили мост, который ведет от него к городу; они решились вполне выдержать осаду. Прочие жители впустили [римское] войско и передали Помпею город и царский дворец.

Тогда Помпей послал своего военачальника Пизона с войском для занятия города и дворца и для того, чтобы укреплять дома вблизи и около храма. Сперва он еще предложил заключившимся в храме мирные переговоры, когда же те не приняли его предложения, он окружил стеною все окрестности храма, причем Гиркан охотно помогал ему во всем. Помпей между тем на заре расположился лагерем вблизи северной части святилища, там, где его легче всего можно было взять. Впрочем, и здесь вздымались огромные башни и был проведен ров по ту сторону глубокого ущелья. Сторона, направленная к городу, представляла из себя крутой обрыв, после того как был разрушен мост, около которого расположился Помпей, и поэтому насыпаемый римлянами вал весьма медленно подвигался вперед, причем римлянам приходилось вырубать окрестные леса. После того как вал достиг достаточной вышины и глубокий ров был более или менее засыпан, Помпей придвинул привезенные из Тира осадные орудия и снаряды и, поместив их [на валу], стал осыпать святилище градом камней. Если бы закон наш не повелевал нам не работать по субботним дням, то вал не достиг бы своей вышины, потому что этому воспрепятствовали бы осажденные; дело в том, что закон разрешает отражать наступление и нападение, но не позволяет препятствовать какому-либо другому предприятию неприятелей.

3. Когда римляне заметили это, то они по субботам перестали обстреливать иудеев или вступать с ними в бой, но занимались насыпанием валов и сооружением башен либо придвигали осадные орудия, чтобы на следующий день иметь их под рукой в полной исправности. В сколь высокой мере у нас развито богопочитание и соблюдение законов, видно из того, что

священнослужителей не удерживал от отправления своих обязанностей страх перед осадой, но что они ежедневно, дважды, рано утром и около девятого часа, приносили свои жертвы на алтарь и не прекращали этих своих жертвоприношений даже в тех случаях, когда в деле защиты храма от нападений иудеи терпели какую-нибудь неудачу. Так, например, когда город был взят в день поста третьего месяца в сто семьдесят девятую олимпиаду, в консульство Гая Антония и Марка Туллия Цицерона⁸⁹¹, в то время, как враги ворвались в храм и стали избивать всех там находившихся, священнослужители тем не менее не прерывали своего священнодействия и их не могли принудить к бегству ни страх за свою жизнь, ни множество убитых уже товарищей, потому что они были убеждены, что лучше подвергнуться своей участи, оставаясь у жертвенников, чем в чем бы то ни было нарушить предписания законов. А что это не только пустые речи в похвалу ложного благочестия, но истинная правда, это свидетельствуют все историки, повествующие о деяниях Помпея, в том числе и Страбон, и Николай, и вдобавок Ливий, написавший римскую историю⁸⁹².

4. Когда вследствие ударов подведенного тарана обрушилась величайшая башня и образовалась некоторая брешь, враги толпою влились [за стену]. Первым вступил на стену сын Суллы, Корнелий Фауст⁸⁹³, со своими воинами, за ним в другом месте центурион⁸⁹⁴ Фурий со значительным отрядом. Тогда все преисполнилось убийства. Некоторые из иудеев были перерезаны римлянами, другие своими же земляками; были и такие, которые кидались в бездну или сгорали живьем, поджигая свои собственные дома, лишь бы не дожидаться угрожающей им гибели. Таким образом погибло до двенадцати тысяч иудеев; римлян же пало очень немного.

Также и Апсалом, дядя и тесть Аристобула, попал при этом случае в плен. Сильное поругание постигло тогда и святилище, которое до этого было закрыто и невидимо. Дело в том, что туда проникли Помпей и немалое число его товарищей и узрели то, что не было разрешено видеть никому, кроме первосвященников. Несмотря на то, что он нашел здесь золотую трапезу⁸⁹⁵ со светильником, жертвенные чаши и множество курений, да, кроме того, в казне еще около двух тысяч талантов священных денег, он, в силу своего благочестия, ничего этого не тронул, но поступил так, как того и следовало ожидать от его добродетели⁸⁹⁶.

Повелев на следующий день храмовым прислужникам очистить храм и принести Предвечному установленные жертвы, он передал первосвященство Гиркану за множество оказанных им услуг и, между прочим, за ту услугу, которую он оказал ему, удержав живших в той местности иудеев от союза с

Аристокбулом; затем он распорядился отрубить головы виновникам войны и наградил Фауста и остальных его товарищей, которые храбро взобрались [первыми] на стену, соответственными знаками отличия⁸⁹⁷.

Иерусалим он заставил платить дань римлянам, те же города Келесирии, которые прежде находились в зависимости от жителей Иерусалима, он занял сам и подчинил их собственному полководцу, народ же весь [иудейский], дошедший прежде до высокой степени могущества и распространения, он втиснул обратно в пределы его страны. Незадолго перед тем разрушенный город Гадару он велел вновь отстроить в угоду своему вольноотпущеннику Деметрию гадарскому, остальные же города, Гиппос, Скифополис, Пеллу, Дий, Самарию, Мариссу, Азот, Ямнию и Арэфусу, вернул прежним обитателям. Все эти расположенные внутри страны города, исключая те, которые были окончательно разрушены, равно как приморские: Газу, Яффу, Дору и Стратонову Башню, которая, великолепно отстроенная Иродом и украшенная гаванями и храмами, была теперь переименована в Кесарию,— все эти города Помпей объявил независимыми и включил их в состав [римской] провинции⁸⁹⁸.

5. Виновниками этого бедствия, постигшего Иерусалим, являлись Гиркан и Аристокбул, ссорившиеся между собою. Теперь мы утратили свою свободу и стали подвластны римлянам, теперь нам пришлось поневоле вернуть сирийцам страну, которую мы отняли у них силою нашего оружия; кроме того, римляне в короткое время получили с нас более десяти тысяч талантов, а царская власть, которая прежде предоставлялась в виде почета родовитым первосвященникам, теперь стала уделом мужей из престопадаря. Впрочем, об этом нам еще придется говорить в своем месте. Между тем Помпей, передав Скавру Келесирию до реки Евфрата и Египта и оставив ему два римских легиона⁸⁹⁹, направился в Киликию, чтобы скорее вернуться в Рим. Вместе с ним ехал в оковах также и Аристокбул с его семейством; у Аристокбула было две дочери и столько же сыновей; из последних один, Александр, по дороге бежал, младший же, Антигон, вместе со своими сестрами был доставлен в Рим.

Глава 5

1. Между тем Скавр предпринял поход на аравийскую Петру, и, так как ее было трудно взять и он кругом нее опустошил всю страну, войску его пришлось страдать от голода. Тогда, по распоряжению Гиркана, Антипатр доставил ему из Иудеи хлеба и всего, в чем Скавр нуждался. Когда же Скавр послал Антипатра к Арете, с которым он находился в дружественных

отношениях, в качестве посла, то Антипатр убедил его заплатить Скавру известную сумму денег за прекращение опустошения страны и сам явился поручителем в сумме трехсот талантов. На этих условиях Скавр прекратил войну, впрочем, не столько по желанию Ареты, сколько потому, что и сам давно хотел этого.

2. Когда впоследствии сын Аристобула, Александр, объезжал Иудею, то в Сирию прибыл претором римским Габиний⁹⁰⁰. В числе прочих предприятий последнего можно отметить также то, что он пошел войною на Александра. Гиркан пока еще не был в состоянии совладать с силою римлянина, хотя и пытался уже вновь восстановить иерусалимскую стену, разрушенную Помпеем. Однако в этом ему воспрепятствовали находившиеся в городе римляне. Между тем Александр объезжал всю страну и вооружал множество иудеев; в короткое время ему удалось собрать десять тысяч пехотинцев и к ним пятьсот всадников и укрепить Александрией, крепость около Кореи, равно как Махерон в горах арабских.

Тогда на него двинулся Габиний, успев послать вперед Марка Антония с остальными военачальниками. Последние вооружили своих римлян, равно как подвластных им иудеев с Пифолаем и Малихом во главе, и, захватив также добровольцев Антипатра, выступили навстречу Александру. За ним следовал сам Габиний во главе регулярного войска. Александр отступил тогда в местность вблизи Иерусалима, и когда враги здесь сошлись и дело дошло до битвы, римляне перебили около трех тысяч врагов и не меньше того взяли в плен.

3. В это время Габиний подошел к Александриону и предложил находившимся в нем воинам сдаться, обещая простить им все их прежние провинности. Между тем перед крепостью расположилось станом множество врагов. На них напали римляне, и при этом случае Марк Антоний отличился как храбрый воин, перебивший множество неприятелей⁹⁰¹. Между тем Габиний оставил тут часть своего войска, чтобы овладеть этим местом хотя бы путем осады, а сам двинулся в другую часть Иудеи, где распорядился вновь отстроить города, которые находил разрушенными. Таким образом вновь возникли Самария, Азот, Скифополис, Анфедон, Рафия, Дора, Марисса, Газа и множество других. Так как люди охотно повиновались распоряжениям Габиния, тогда можно было опять спокойно жить в тех городах, которые столь долгое время оставались пустыми.

4. Совершив все это в пределах страны, Габиний вернулся к Александриону. Во время осады Александр отправил к нему посольство с просьбою простить ему его провинности и получить взамен того крепости Гирканию и Махерон,

а затем и Александрией. Эти укрепления Габиний срыл до основания; когда же к нему прибыла мать Александра, державшая сторону римлян, потому что ее муж и остальные дети находились тогда в Риме, Габиний исполнил все ее просьбы⁹⁰². Удовлетворив ее, он ввел Гиркана в Иерусалим и поручил ему на будущее время заботу о святилище. После этого Габиний учредил пять синедрионов⁹⁰³ и разделил весь народ на пять округов, так что одна часть иудеев имела свое управление в Иерусалиме, другая в Гадаре, третья в Амафунте, четвертая в Иерихоне, а пятая в галилейском Сепфорисе.

Глава 6

1. Таким образом, иудеи, утратив монархическое устройство, подчинились аристократическому образу правления. Тем временем Аристокбул бежал из Рима в Иудею и собрался вновь восстановить Александрию, только что окончательно разрушенную. Тогда Габиний выслал против Аристокбула воинов под начальством Сисенны, Антония и Сервилия, чтобы они воспрепятствовали ему овладеть местностью и захватили его. Тогда многие иудеи перешли на сторону Аристокбула за его прежнюю доблесть, а также потому, что они всегда радовались каким-нибудь новшествами. Так, например, передался ему с тысячью воинов некий Пифолай, бывший помощником военачальника в Иерусалиме. Между тем многие из перешедших к Аристокбулу были безоружны. Аристокбул отпустил всех их в Махерон, так как они ему только мешали, не будучи годны для дела, и двинулся вперед во главе восьми тысяч вооруженных. Когда же на них с силою ударили римляне, иудеи были побеждены, несмотря на всю свою отчаянную храбрость, и под натиском врагов обратились в бегство. При этом их было перебито до пяти тысяч человек, остальные же разбежались и старались спастись кто как мог. Впрочем, более чем с тысячью [товарищей] Аристокбул бежал в Махерон и стал там укрепляться, предаваясь розовым надеждам, невзирая на понесенный урон. В течение двух дней ему удавалось выдерживать осаду; но затем, покрытый ранами, он попал вместе со своим сыном Антигоном, бежавшим с ним из Рима, в плен к Габинию. После этого несчастья Аристокбул вновь был отослан в Рим и там содержался в темнице, процарствовав и быв первосвященником три года и шесть месяцев⁹⁰⁴. Это был блестящий и великодушный человек. Детей его сенат, впрочем, отпустил на волю, потому что Габиний написал, что обещал это их матери в награду за передачу [римлянам] крепостей.

2. Затем дети Аристокбула вернулись назад в Иудею. Габиний тем временем решил предпринять поход на парфян. Когда же он уже перешел через

Евфрат, ему заблагорассудилось двинуться в Египет и восстановить Птолемея на троне. Впрочем, об этом рассказано в другом месте⁹⁰⁵.

Во время этого похода против Архелая⁹⁰⁶ Антипатр снабдил Габиния хлебом, оружием и деньгами, а также расположил в его пользу и сделал его союзниками тех иудеев, которые жили выше Пелузия и должны были охранять доступ в Египет. Когда же он вернулся из Египта, то нашел Сирию в полном возмущении и восстании. Дело в том, что сын Аристобула, Александр, которому вновь удалось насильно овладеть царством, возбудил многих иудеев, прошел во главе огромного войска по стране, убивал всех римлян, попадавшихся ему на пути и бежавших на гору Гаризим, и наконец приступил к осаде остальных [римлян].

3. Когда же Габиний нашел Сирию в таком положении, он как умный человек послал вперед к повстанцам Антипатра с тем, чтобы тот постарался отговорить их от безумного предприятия и вернуться на более разумный путь. Антипатру действительно удалось уговорить многих и вернуть их к своим обязанностям, но Александра он не был в состоянии убедить. Последний во главе тридцатитысячного иудейского войска выступил против Габиния, но потерпел в бою поражение, причем у него пало у горы Итавирийской⁹⁰⁷ десять тысяч воинов.

4. Устроив затем дела в Иерусалиме таким образом, как то казалось желательным Антипатру, Габиний двинулся на набатейцев. Победив их в бою, он послал вперед [в Рим] парфянских беглецов, Митридата и орсана, которые явились было к нему под предлогом, что они убежали⁹⁰⁸. Затем Габиний после великих и славных военных подвигов сам отправился в Рим, а провинцию передал Крассу. О походах Помпея и Габиния на иудеев писали также Николай Дамасский и каппадокиец Страбон, причем их сообщения совершенно совпадают между собою.

Глава 7

1. Собираясь в поход против парфян. Красс явился в Иудею. Тут он похитил храмовые деньги, оставшиеся от Помпея (на сумму две тысячи талантов), а также имел дерзость утащить из храма всю золотую утварь (на сумму восемь тысяч талантов). При этом он присвоил себе также штангу из червонного золота весом в триста мин, а наша мина весит два с половиной фунта. Эту жердь передал ему священнослужитель Элеазар, на обязанности которого лежала охрана сокровищ храма, и сделал он это не из глупости (напротив, это был человек почтенный и праведный), но потому, что видел, как Красс собирается захватить все золото храма. Так как Элеазару было поручено

охранять также завесы храма, которые были удивительной красоты и очень ценны, то он, опасаясь за все храмовые сокровища, решился отдать Крассу золотую жердь вместо всех остальных ценностей, причем взял с Красса клятвенное уверение, что тот не тронет ничего более, но удовлетворится этим подарком стоимостью во много десятков тысяч. Золотая штанга была вделана внутрь деревянной перекладки; об этом было известно одному только Элеазару, тогда как все прочие ничего о том не знали. Между тем Красс взял эту штангу, как будто бы действительно не имел в виду взять еще что-нибудь, но затем, вопреки своей клятве, похитил из храма решительно все золото.

2. Никого не должно удивлять, что в нашем храме была такая масса золота, потому что все в мире иудеи, равно как прочие почитатели Предвечного в Азии и в Европе, с давних времен доставляли туда свои приношения. Впрочем, масса упомянутых нами сокровищ вовсе не преувеличена нами из тщеславия или из хвастовства; множество других историков подтверждают наши данные. Так, например, у каппадокийца Страбона сказано следующее: «Послав на [остров] Кос, Митридат велел взять ценности, спрятанные там царицею Клеопатрою, а также восемьсот талантов иудеев». У нас нет другой общественной казны, кроме священной; поэтому очевидно, что азиатские евреи из страха перед Митридатом перевезли свои богатства на остров Кос: иначе совершенно непонятно, почему иудеи, обладавшие укрепленным городом и храмом, стали бы посылать свои ценности на Кос. В равной мере вполне естественно, что этого не сделали александрийские иудеи, которым нечего было бояться Митридата.

В другом месте тот же самый Страбон сообщает, что в то время, как Сулла переправлялся в Элладу для войны с Митридатом, он послал в Кирену Лукулла для подавления восстания наших единоплеменников, говоря, что последними полон весь мир. Его слова следующие: «Четыре рода жителей было в городе Кирене: граждане, земледельцы, колонисты и иудеи. Последние проникли уже во все города, и нелегко найти какое-либо место на земле, где не нашлось бы это племя и которое не было бы занято им. Так, например, Египет и Кирена, находящиеся под властью одних и тех же правителей, относятся ко всем остальным безразлично, но охотно принимают и содержат у себя толпы иудеев и процветают вместе с ними, следуя законам иудейским. В самом Египте иудеи пользуются правом жительствова и гражданства, и в Александрии значительная часть города отведена этому племени. Над ними поставлен даже их собственный этнарх, который управляет народом, разбирает его тяжбы и скрепляет сделки и решения,

совершенно на правах представителя самостоятельного народа. Итак, в Египте иудейское племя достигло такого могущества, потому что египтяне и иудеи одного происхождения, а также оттого, что вышедшие [из страны] иудеи поселились поблизости; а в Кирену это перешло потому, что ее границы находятся в соприкосновении с Египтом, подобно Иудее, которая вдобавок прежде была составной частью Египта». Таковы данные Страбона.

3. Устроив все по своему желанию, Красс пошел войною на Парфию. Тут он погиб со всем своим войском, как то рассказано в другом месте⁹⁰⁹. Кассий⁹¹⁰ между тем бежал в Сирию и овладел ею, стал охранять ее от набега парфян, ставших смелее после победы над Крассом. Затем он прибыл в Тир и пошел также на Иудею. Тут он напал на Тарихею, быстро взял ее, захватив около тридцати тысяч человек в плен, велел казнить Пифолая, который сменил Аристовула в качестве главаря мятежников; к этой казни побудил его Антипатр, который пользовался огромным авторитетом у него, так же как и у идумеян, из среды которых он взял себе и жену знатного арабского рода по имени Кипра. От нее Антипатр имел четырех сыновей, Фазаеля, Ирода, который впоследствии стал царем, Иосифа и Ферора, а также дочь, Саломею. Этот Антипатр находился, впрочем, в дружеских отношениях также с другими правителями, особенно с арабским князем, которому он даже переслал детей своих во время войны с Аристовулом. Кассий, впрочем, вскоре двинулся к Евфрату, чтобы там встретить нападение врагов, как то повествуется и другими писателями.

4. Несколько позже Цезарь овладел Римом после бегства Помпея и сената за Ионийское море⁹¹¹ и, освободив Аристовула из заточения, решил послать его во главе двух легионов в Сирию, чтобы в качестве влиятельного там лица дать благоприятный оборот тамошним делам⁹¹². Однако Аристовулу не пришлось порадоваться осуществлению надежд, которые возникли у него, благодаря могуществу Цезаря: соумышленники Помпея поторопились отравить его, и приверженцам Цезаря пришлось похоронить его. Его труп был набальзамирован долгое время и сохранялся в меду, пока впоследствии Антоний не послал его в Иудею, распорядившись похоронить его в царском склепе. Затем по поручению Помпея Сципион велел отрубить голову сыну Аристовула, Александру, обвинив юношу в происках против римлян. Александр таким образом погиб в Антиохии, а братьев его принял к себе Птолемей Меннай, который правил над Халкидой, расположенной вблизи Ливанского хребта. Потом Птолемей послал сына своего Филиппиона в Аскалон к вдове Аристовула, предлагая переслать к нему ее сына Антигона и дочерей. В одну из них, Александру, Филиппион влюбился и женился на ней.

Впрочем, впоследствии Птолемей убил его и сам женился на Александре, а о братьях ее постоянно заботился.

Глава 8

1. После победы над Помпеем и его смерти⁹¹³, когда Цезарь сражался в Египте, ему весьма много услуг оказывал Антипатр, правитель иудеев сообразно повелению Гиркана. Так, например, когда Цезарь пытался привести вспомогательное войско пергамскому царю Митридату и не был в состоянии пройти через Пелузий, почему и должен был остановиться около Аскалона, к нему явился на выручку Антипатр с тремя тысячами тяжеловооруженных иудеев и в конце концов побудил также союзников из Аравии явиться к нему на помощь. Ради Антипатра пошли в поход также все сирийцы, не желавшие отставать от других в своем воодушевлении к Цезарю, в том числе князь Ямвлих и сын его, Птолемей, населявшие хребет Ливанский, а также почти все остальные города. Тогда Митридат выступил из Сирии и прибыл в Пелузий⁹¹⁴. Когда жители отказались принять его к себе, он приступил к осаде города. Тут опять отличился Антипатр, а именно он первый пробил брешь в одном месте стены и тем дал всем прочим возможность проникнуть в город. Таким образом окончилось дело при Пелузий. Когда же Антипатр и Митридат были на пути к Цезарю, иудеи, населявшие дом Хония⁹¹⁵, воспротивились их проходу. Впрочем, и их убедил перейти на свою сторону Антипатр, особенно тем, что предъявил им письмо первосвященника Гиркана, где тот убеждал их быть друзьями Цезарю и доставлять его войску съестные припасы и все необходимое. Когда же иудеи убедились в солидарности Антипатра и первосвященника, то охотно подчинились; а на основании слухов об их покорности жители окрестностей Мемфиса также пригласили к себе Митридата, который явился к ним и подчинил их себе.

2. Когда он обошел так называемую Дельту, он сразился с врагами около Иудейского стана⁹¹⁶. Над правым крылом начальствовал Митридат, над левым Антипатр. Когда войска сошлись в бою, крыло Митридата отступило и ему пришлось бы подвергнуться страшнейшей опасности, если бы Антипатр, который успел уже разбить врагов, не прибежал со своими солдатами вдоль берега реки, не освободил бы Митридата и не обратил бы в бегство уже побеждавших египтян. Во время преследования последних Антипатр овладел также их лагерем, а Митридата удержал от дальнейшего бегства. У Митридата было при этом восемьсот человек, у Антипатра же сорок. Обо всем этом Митридат сообщил Цезарю, указывая при том на Антипатра, как

на виновника не только победы, но и их спасения, так что тогда Цезарь выразил Антипатру похвалу и впоследствии, в самые критические минуты войны, всегда пользовался его поддержкою. Во время этих битв Антипатр был ранен.

3. Когда впоследствии Цезарь окончил войну и отплыл обратно в Сирию, он удостоил Гиркана и Антипатра великих почестей: первого он утвердил в сане первосвященника, а второму дал право римского гражданства и освободил от всех решительно повинностей.

Много уверяют, будто и Гиркан участвовал в том походе и [вместе с Антипатром] был в Египте. Это доказывается сообщением каппадокийца Страбона, говорящего от имени Азиния⁹¹⁷ следующее: «...после вторжения Митридата и иудейского первосвященника Гиркана в Египет...». Тот же самый Страбон в другом месте, ссылаясь на Ипсикрата, говорит, что Митридат выступил [против Египта] один, а затем призвал к себе в Аскалон Антипатра, правителя Иудеи, который и доставил ему 3000 воинов, равно как склонил на его (Митридата) сторону также и других правителей, и что в этом походе участвовал тоже первосвященник Гиркан.

4. Так повествует Страбон. В это время явился к Цезарю Антигон, сын Аристобула, и, жалуясь на печальную участь отца своего, который по вине Цезаря пал жертвою отравления, и на то, что брат его был казнен Сципионом, просил сжалиться над его грустным положением человека, изгнанного из своих владений. При этом он обвинял Гиркана и Антипатра в том, что они правят народом лишь при помощи насилия и поступили с ним (Антигоном) крайне несправедливо. Бывший при этом Антипатр стал оправдываться в возводимых против него обвинениях, указал на то, что Антигон окружен мятежными и беспокойными людьми, а также упомянул о своих трудах и подвигах во время походов, коих, по его словам, сам Цезарь был свидетелем. Он при этом указывал на то, что Аристобул совершенно основательно был увезен в Рим, потому что являлся всегда заклятым врагом римлян; что же касается его брата, то его казнь Сципионом была лишь заслуженным возмездием за его разбойничьи набеги, и он потерпел наказание совершенно основательно и справедливо.

5. После такого объяснения Антипатра Цезарь объявил Гиркана первосвященником, а Антипатру предоставил все права, которых тот домогался, и решил сделать его полновластным наместником в Иудее. При этом он разрешил Гиркану, на основании его просьбы о такой милости, восстановить стены родного города, которые оставались после Помпея все еще разрушенными. Вместе с тем он распорядился, чтобы консулы в Риме

записали это постановление и поместили его на Капитолии. Решение сената поэтому отредактировано следующим образом:

«Претор Луций Валерий, сын Луция, сделал следующее предложение сенату в декабрьские иды⁹¹⁸ в храме Согласия⁹¹⁹. Присутствовали при записи решения Луций Колоний, сын Луция, из коллинской и Папирий из квиринской [трибы]⁹²⁰.

Относительно предложения иудейских старейшин: Александра, сына Ясона, Нумения, сына Антиоха, и Александра, сына Дорофея, мужей доблестных и [римских] союзников, возобновить прежде заключенный с римлянами дружественный союз, в знак чего они привезли золотой щит ценностью в пятьдесят червонцев и просили выдать им охранные грамоты к независимым городам и царям, чтобы беспрепятственно и безопасно проезжать по их владениям и входить в их гавани,— постановлено: вступить с ними в дружественный союз, исполнить их просьбы и принять привезенный щит». Этот договор был заключен при первосвященнике и правителе Гиркане, в девятый год его правления⁹²¹, в месяце панеме.

И от афинского народа Гиркан, оказавший ему множество услуг, добился подобной же чести. Афиняне прислали ему народное постановление следующего содержания: «При притании⁹²² и священстве Дионисия, сына Асклепиада, в пятый день после месяца панема, было передано старейшинам сие решение афинян. Записал при архонте⁹²³ Агафокле Эвкл, сын Менандра из Алимусы, в одиннадцатый день месяца мунихиона⁹²⁴, в одиннадцатую пританию, во время заседания в театре; за правильностью голосования следил эрхидец⁹²⁵ Дорофей с помощниками; докладывал Дионисий. Постановлено народом: так как Гиркан, сын Александра, первосвященник и правитель иудейский, постоянно являл по отношению ко всему [афинскому] народу и по отношению к отдельным его представителям благоволение и всяческую о них заботливость, как относительно тех афинян, которые являлись к нему в качестве послов, так и по своим личным делам, всегда радушно принимал их и заботился о доставлении им безопасного проезда по стране, что было и прежде засвидетельствовано нами и подтверждается ныне сообщениями сунийца Феодосия, сына Феодора, который сделал об этом доклад народу и упомянул о доблести названного мужа, присовокупив, что последний имеет в виду и впредь оказывать нам по силе возможности всяческую поддержку,— мы решаем почтить Гиркана золотым почетным венком по закону, воздвигнуть в храмах народном и харит⁹²⁶ его бронзовую статую и возвестить об этом через глашатаев в театре, во время праздников Диониса⁹²⁷, при представлении новых трагедий, а также в праздники

Панафинейские⁹²⁸ и Элевсинские⁹²⁹ во время гимнастических игр. Чиновники должны позаботиться о том, чтобы Гиркану, пока он будет пребывать в столь дружественном к нам расположении, оказывались всевозможные льготы и любезности, дабы видно было, что народ наш чествует славных мужей и питает такие чувства признательности к достойным людям. Вместе с тем следует избрать из среды афинян послов, которые отвезли бы Гиркану данное постановление и предложили бы ему, после оказания ему указанных почестей, и впредь всегда относиться благожелательно к нашему городу».

Однако довольно этих доказательств того, каким почетом пользовался Гиркан у римлян и у афинского народа.

Глава 9

1. Устроив дела в Сирии, Цезарь отплыл назад. Лишь только Антипатр, сопровождавший Цезаря во время отбытия его из Сирии, вернулся в Иудею, он приступил немедленно к восстановлению разрушенной Помпеем стены и, разъезжая по стране, успокаивал смуту либо угрозами, либо увещаниями держаться спокойно. При этом он поставлял на вид, что те, кто будет предан Гиркану, будут жить в полном благополучии и спокойно и безмятежно пользоваться своим имуществом, тогда как все те, которые станут предаваться пустым надеждам на возможность восстания и рассчитывать на могущие явиться в результате его выгоды, будут иметь в нем, вместо наместника, властелина, в Гиркаие, вместо царя, тирана, а в римлянах и Цезаре, вместо покровителей, злых врагов. При этом Антипатр присовокуплял, что и римляне не допустят смещения того, кто ими самими поставлен во главе страны. Такими убеждениями он водворял порядок по всей стране.

2. Видя, что Гиркан медлителен и апатичен, Антипатр назначил старшего из сыновей своих, Фазаеля, начальником над Иерусалимом и его окрестностями, а следующему за ним сыну, весьма еще молодому Ироду (ему было тогда лишь двадцать пять лет), поручил управление Галилеею. Впрочем, последнему нисколько не мешала его юность; будучи человеком рассудительным, юноша немедленно нашел возможность выказать свою доблесть, а именно ему удалось захватить Иезекию, атамана разбойников, совершавшего во главе огромного отряда набеги на пограничные с Сириею области; затем он казнил его и многих его товарищей по шайке. Это дело вызвало в сирийцах большую симпатию к Ироду, потому что он очистил страну от разбоев, о чем они давно мечтали. Поэтому они стали прославлять его за это в деревнях и городах, так как он вернул им мир и спокойное,

безмятежное пользование благами жизни. Благодаря этому, Ирод стал известен также и Сексту Цезарю, родственнику Цезаря Великого, наместнику Сирии. Тогда у брата Ирода, Фазаеля, также явилось желание совершить подобные подвиги, и, побуждаемый славою брата, он желал снискать себе такую же популярность. Ему удалось достигнуть этого и снискать полное благоволение жителей иерусалимских, самостоятельно управляя городом, не возносясь, как то свойственно неблагодарным людям, и не злоупотребляя своею властью. Все это привело к тому, что Антипатр пользовался в глазах народа прямо царскою властью и почестями, которые обыкновенно выпадают на долю лишь неограниченным властителям. Между тем, однако, Антипатр нисколько, как то часто случается, в своем всемогуществе не умалял своей преданности по отношению к Гиркану.

3. Когда те из иудеев, которые занимали общественные должности, увидели, насколько возвысились Антипатр и его сыновья, благодаря популярности их и денежным средствам Иудеи и Гиркана, они почувствовали злобу против Антипатра. Дело в том, что он заключил дружбу с римскими властелинами, а затем уговорил Гиркана послать им денег, которые тот передавал ему, а Антипатр пересылал римлянам эти суммы уже от своего имени, а не от лица Гиркана. Когда Гиркан узнал об этом, он не только не рассердился, но даже очень был рад этому.

Между тем более выдающиеся иудеи, видя, как своевластен, отважен и властолюбив становится Ирод, явились к Гиркану и стали уже открыто обвинять Антипатра, говоря: «Доколе же станешь ты спокойно взирать на все происходящее? Или ты не видишь, что Антипатр и его сыновья разделили между собою всю власть, тогда как ты лишь по имени остаешься царем? Не закрывай же на это глаз своих, не считай себя вполне безопасным, относясь столь легкомысленно к себе и царской власти. Не обманывай себя убеждением, что Антипатр и его сыновья теперь все еще твои заместители, но обрати внимание на то, что они открыто признаются полновластными правителями. Так, например, сын его, Ирод, нарушил наш закон, казнив Иезекию и его товарищей. А между тем закон запрещает казнить без приговора суда даже преступника. Тем не менее он решился на такое деяние, не имея от тебя на то полномочия».

4. При этих словах Гиркан склонился [в пользу обвинителей], тем более, что и матери убитых Иродом возбуждали его гнев тем, что ежедневно напоминали в храме царю и народу, что он должен предать Ирода суду синедриона. Все это наконец побудило Гиркана вызвать Ирода в суд, дабы он оправдал себя в возводимых на него обвинениях. Ирод действительно явился

в суд, причем отец посоветовал ему явиться туда не в качестве частного лица, но с предосторожностями и отрядом телохранителей. Сделав в Галилее нужные на всякий случай распоряжения, Ирод явился в сопровождении такого отряда, который по сравнительной многочисленности своей не мог возбудить опасений у Гиркана, но вместе с тем был достаточен для того, чтобы в случае необходимости защитить его в суде. Тем временем наместник сирийский Секст написал Гиркану письмо с предложением оправдать Ирода и с выражением угрозы в противном случае. Письмо Секста явилось для Гиркана желанным поводом освободить Ирода, которого он любил как родного сына, от ответственности перед синедрионом. И вот, когда Ирод, окруженный своим отрядом, явился в синедрион, он нагнал на всех такой страх, что никто из прежних его обвинителей не решился сказать против него ни одного слова; наступила минута всеобщего молчания, и все были в полном недоумении, что делать дальше. В таком положении один только человек, некий Самея, муж праведный и стоявший, вследствие того, выше всякого страха, поднялся со своего места и сказал: «Судьи! И ты, царь! Ни я сам, ни вы, вероятно, никогда еще не видали, чтобы таким образом являлся в суд обвиняемый. Всякий, кому приходилось когда-либо являться сюда на судьбище в качестве обвиняемого, являлся сюда в смущении и с робостью, с видом человека, желающего возбудить нашу жалость, с распущенными волосами и в темном одеянии. Между тем наш любезнейший Ирод, обвиняемый в убийстве и с этой целью приглашенный сюда, облекся в пурпур, убрал по-праздничному свою голову и явился к нам в сопровождении воинов с целью перебить всех нас, если мы по закону осудим его, а самому спастись, совершив насилие над правосудием. Впрочем, я не стану обвинять Ирода, что он более занят ограждением своей личной безопасности, чем соблюдением закона: ведь вы сами, равно как и царь, приучили его к такой смелости. Однако знайте, что Господь Бог всемогущ и что этот [юноша], которого вы теперь желаете в угоду Гиркану оправдать, некогда накажет вас и самого царя за это».

Все это действительно впоследствии вполне сбылось: Ирод, сам став царем, казнил всех судей синедриона, кроме одного Самеи, равно как самого Гиркана. Самею Ирод ставил очень высоко за его праведность, равно как за то, что, когда впоследствии город был осаждаем Иродом и Сосием, Самея уговорил народ впустить их, ссылаясь при этом на то, что вследствие греховности народа это неизбежно. Впрочем, об этом мы поговорим в своем месте.

5. Когда Гиркан заметил, что члены синедриона [все-таки] собираются осудить Ирода, он отложил заседание до другого дня, а сам тайно послал Ироду совет бежать из города и тем избежать опасности. Ирод действительно удалился в Дамаск, как будто убегая от царя, когда же он прибыл к Сексту Цезарю и почувствовал себя у него в безопасности, то явно выказал нежелание повиноваться, если бы синедрион вздумал вызвать его вторично в суд. На это члены синедриона рассердились и всеми силами старались убедить Гиркана, что все это он делает себе же во вред. Гиркан это отлично сознавал, но ничего не мог поделать, по отсутствию мужества и бездеятельности.

Когда же Секст назначил Ирода (за известную сумму денег) наместником над Келесириею, Гиркан испугался, как бы Ирод не вздумал пойти на него войною. Немного спустя это его опасение действительно сбылось, потому что Ирод двинулся во главе войска войною, чтобы отомстить за свой вызов в суд и за то, что ему пришлось выслушать в заседании синедриона. Впрочем, от нападения на Иерусалим его удержали выступившие ему навстречу отец Антипатр и брат его; им удалось успокоить его гнев и убедить не предпринимать ничего, но удовлетвориться тем, что он нагнал страх на того, кто помог ему достигнуть такого высокого положения. Если Ирод, говорили они, сердится на то, что ему пришлось предстать перед судом, то пусть он вспомнит также о своем освобождении и будет благодарным за него, вместо того, чтобы платить за это насилием и не быть признательным за свое спасение; кроме того, пусть он подумает также о том, что, если Господь решает судьбы войны, этот поход крайне несправедлив; поэтому он не может и рассчитывать на победу, так как собирается воевать с царем и близким человеком, от которого он испытал много хорошего и который не оказал ему никакого зла; если же этот человек навлек на себя его подозрение и хотя бы тень неудовольствия, то в этом можно обвинять не его самого, а скорее его советников.

Ирод внял таким убеждениям, полагая при этом, что для его личных расчетов вполне уже достаточно, если ему удалось хотя бы только показать народу свое могущество.

Глава 10

1. Таковы были тогда дела в Иудее. Тем временем Цезарь, вернувшись в Рим, готовился к отплытию в Африку, чтобы воевать там со Сципионом и Катон²³⁰. Тогда Гиркан отправил к нему послов с просьбою утвердить дружественный союз с ним. При этом случае я считаю необходимым

упомянуть здесь о всех почетных союзах, заключенных между римлянами, их властителями и нашим народом, дабы все знали, как хорошо относились к нам цари Азии и Европы, уважая нашу храбрость и верность. Так как многие из нерасположения к нам не доверяют тому, что писано о нас персидскими и македонскими авторами, которые к тому же не находятся в публичных библиотеках, но имеются только у нас и у некоторых других варварских народов, тогда как сообщения римлян неоспоримы (дело в том, что все эти данные записаны в городских архивах и в Капитолии до сих пор находятся вырезанными на медных таблицах, подобно тому как Цезарь Юлий, сделав александрийских иудеев полноправными гражданами, объявил о том, распорядившись воздвигнуть медную колонну в Александрии с соответствующею надписью),— ввиду всего этого я и остановлюсь на данном вопросе. Я приведу факты на основании решений римского сената и Юлия Цезаря, касающихся Гиркана и нашего народа.

2. «Гай Юлий Цезарь, император и верховный жрец⁹²¹, вторично избранный диктатором⁹²², посылает свой привет начальству, совету и народу сидонийскому. Если вы себя чувствуете хорошо, то я радуюсь, ибо я со своим войском тоже доволен.

Посылаю вам при сем копию постановления, внесенного на [медную] доску и касающегося Гиркана, сына Александра, первосвященника и правителя иудейского, дабы вы внесли его в ваш государственный архив, и выражаю при этом желание, чтобы вы выставили это постановление на медной таблице написанным по-гречески и по-латински. Вот эта копия: Юлий Цезарь, вторично император и верховный жрец, постановил на основании решения совета: так как иудей Гиркан, сын Александра, как ныне, так и раньше, во время мира и на войне, являл себя всегда верным и ревностным представителем наших интересов, как то засвидетельствовано целым рядом других полководцев, и ввиду того, что он во время последнего александрийского похода явился к нам на помощь во главе полуторатысячного отряда, а во время отправки его мною против Митридата превзошел всех, бывших в строю, храбростью, то по всем этим причинам я назначаю Гиркана, сына Александра, с потомками иудейскими этнархами⁹²³, желаю, чтобы они навсегда сохранили за собою установленное их законами первосвященническое достоинство, и желаю видеть в нем и его сыновьях наших союзников, которые должны постоянно считаться в числе преданнейших друзей наших. Все дела, касающиеся культа или внутренних отношений иудеев между собою, пусть разрешает он сам или ведают его сыновья. Равным образом, если бы возник какой-либо спор между иудеями, я

признаю авторитетность его решения [Гирканом]. Вместе с тем запрещаю, чтобы войска располагались у него на зимние стоянки или чтобы с него взимались какие-либо денежные суммы»

3. «Решение и постановление консула⁹³⁴ Гая Цезаря таково: пусть сыновья его [Гиркана] правят народом иудейским и пользуются доходами с предоставленных им земель, а первосвященник, он же и правитель иудеев, пусть творит верховный суд. К Гиркану, сыну Александра, иудейскому первосвященнику, следует отправить послов для заключения с ним дружественного наступательного и оборонительного союза. Должно выставить на Капитолии, равно как в храмах сидонском, тирийском и аскалонском, по медной таблице с соответствующей надписью на римском и греческом языках. Пусть это постановление будет сообщено всем городским начальникам и их подчиненным, равно как всем нашим друзьям. Следует вручить послам дары и повсюду разослать это [наше] решение».

4. «Гай Цезарь, император, диктатор и консул, сим объявляет сенату и римскому народу, что за доблесть и расположение назначает самого Гиркана, сына Александра, и его потомков первосвященником и священнослужителями иерусалимскими и судьями народа на том самом основании, в силу которого их предки занимали священнические должности».

5. «Гай Цезарь, в пятый раз консул⁹³⁵, сим постановляет, что первосвященник и этнарх иудейский Гиркан, сын Александра, может владеть, управлять городом Иерусалимом по своему усмотрению и укрепить его стенами. Пусть будут иудеи освобождены в каждый второй податной год от взноса одного кора [пшеницы] и пусть они не будут употребляемы на какие бы то ни было общественные работы и освобождены от всяких других повинностей».

6. «Гай Цезарь, вторично император, сим постановил: все иудейские города, за исключением Яффы, должны платить известную сумму в пользу Иерусалима ежегодно, исключая каждый седьмой год, который называется иудеями субботним, в каковой не сеют, не собирают плодов древесных; жители Сидона обязаны каждый второй год в виде пошлины выплачивать четвертую часть жатвы; кроме того, они обязаны платить Гиркану и его сыновьям десятину, как они платили таковую также предкам его; пусть ни один чиновник, ни один претор, ни один легат⁹³⁶ не набирает войск в пределах иудейских, равно как не допускает солдат вымогать от иудеев деньги ни для зимовок, ни под каким-либо другим предлогом; пусть иудеи будут свободны от всех решительно повинностей; все, что впоследствии будет принадлежать иудеям в силу приобретения или покупки, должно принадлежать им

невозбранно. Мы желаем, чтобы город Яффа, который первоначально уже принадлежал иудеям при заключении ими дружественного договора с римлянами, будет, как и прежде, их собственностью; пусть в качестве натуральной повинности сын Александра, Гиркан, и его потомки получают с окрестных земледельцев за вывозимую ежегодно из страны в сидонскую гавань пшеницу двадцать шесть тысяч семьдесят пять мер, исключая седьмой год, так называемый субботний, когда иудеи не сеют, не собирают плодов древесных; все поселения, находящиеся в так называемой Великой равнине, которыми раньше владели Гиркан и его предки, по решению сената должны и впредь принадлежать ему на прежних основаниях. Равным образом остаются в силе все древние отношения как между отдельными иудеями, так и между первосвященниками и священнослужителями, равно как все постановления [римского] народа и сената относительно иудеев. Все эти права их распространяются также на жителей города Лидды. Все местности, земли и поселения, которыми владели сирийские и финикийские цари в награду за свой союз с римлянами, сенат признает [отныне] собственностью этнарха Гиркана и иудеев. Гиркану, его сыновьям и их послам предоставляется право сидеть в театре среди сенаторов во время гладиаторских боев или боя зверей, и, в случаях, если бы они просили у диктатора или высшего сановника права присутствовать на заседаниях сената, то они должны быть допускаемы туда и постановления сената должны сообщаться им не позже десятидневного срока после постановления решения».

7. «Гай Цезарь, в четвертый раз выбранный полномочным диктатором и уже пожизненным и в пятый раз назначенный консулом, постановил следующее решение относительно прав иудейского первосвященника и этнарха Гиркана, сына Александра: ввиду того, что мои предшественники по управлению провинциями засвидетельствовали все лучшее относительно первосвященника иудейского Гиркана и самих иудеев перед лицом сената и народа римского, причем как народ, так и сенат выразили иудеям свою за это признательность, то и нам следует вспомнить о том и позаботиться, чтобы со стороны сената и римского народа еще раз воспоследовало выражение благодарности Гиркану, всему иудейскому народу и сыновьям Гиркана за выраженное ими к нам расположение и всяческие их нам услуги».

8. «Юлий Гай, претор и консул римский, посылает привет свой начальникам, совету и народу [острова] Пароса⁹³⁷. В присутствии ваших послов ко мне явились делегаты от делосских иудеев и некоторые из иудейских поселенцев и заявили мне, что вы путем законодательных решений препятствуете им

жить по их родным обычаям и отправлять их богослужение. Мне вовсе не нравятся такие решения ваши относительно наших друзей и союзников, что вы им препятствуете жить по их собственным обычаям, собирать деньги на их личные и богослужебные нужды, тогда как это не возбраняется им даже в Риме. Наш претор и консул Гай Цезарь в своем постановлении относительно запрещения всяких сходок в городе [Риме] изъял именно иудеев из общего правила и разрешил им собирать деньги и собираться на совещания. Равным образом и я, запретив все прочие сходки, разрешаю одним только иудеям собираться сообразно их установлениям и отправлять требования их закона. Поэтому и вы должны отменить все свои постановления, которые вы сделали относительно наших друзей и союзников, вследствие доблестного и прекрасного к нам отношения иудеев».

9. Когда после смерти Гая консулами были Марк Антоний и Публий Долабелла⁹³⁸, они собрали сенат и, введя туда посланных Гиркана, стали поддерживать их просьбу, т.е. также заключили дружественный союз с ними. Все их просьбы исполнил сенат, сделав соответственное распоряжение. Для того чтобы читатели этого сочинения имели под руками точное тому доказательство, я привожу здесь самый текст сенатского решения. Вот оно:

10. «Сенатское решение, взятое из архива и из общественных таблиц квесторов⁹³⁹, при квесторах Квинте Рутилии и Квинте Корнелии. Таблицы второй начало: постановлено за три дня до апрельских ид⁹⁴⁰ в храме богини Согласия, в присутствии Луция Кальпурния Пизона из мененской трибы, Сервия Папиния Квинта из демонской трибы, Гая Канипия Ревила из теретинской трибы, Публия Тидетия, сына Левкия, из поллииской трибы, Левкия Апулина, сына Левкия, из серпийской трибы, Флавия Левкия из демонской трибы, Публия Плавтия, сына Публия, из папирской трибы, Марка Акилия, сына Марка, из мекийской трибы, Левкия Эрукция, сына Левкия, из стеллатинской трибы, Марка Квинта Планкилла, сына Марка, из поллийской трибы и Публия Серия. Доклад сделали консулы Публий Долабелла и Марк Антоний. Ввиду того, что сенатское постановление, состоявшееся относительно иудеев при Гае Цезаре, не было внесено в квесторский архив, мы, по предложению консулов Публия Долабеллы и Марка Антония, решили внести его на медные таблицы и сообщить городским квесторам, дабы и они поместили у себя двойную копию его. Постановление это состоялось за пять дней до февральских ид⁹⁴¹ в храме Согласия. Представителями первосвященника Гиркана были при этом следующие лица: Лисимах, сын Павсания, Александр, сын Феодора, Патрокл, сын Херея, и Ионатан, сын Хония».

11. Одного из этих делегатов Гиркан послал также к тогдашнему претору в Азии²⁴² Долабелле с просьбою освободить иудеев от военной службы и разрешить им, держась старинных обычаев, не нарушать исконного их образа жизни. Получение этого разрешения ему не стоило большого труда: получив письмо Гиркана, Долабелла без дальних совещаний разослал по всем городам Азии, на первом же плане главному тогда городу в Азии, Эфесу, относительно иудеев циркуляр следующего содержания:

12. «В первое число месяца ленея²⁴³, при притане Артемоне, претор Долабелла посылает совету, начальникам и народу города Эфеса свой привет. Александр, сын Феодора, посланный первосвященника и этнарха иудейского Гиркана, сына Александра, доложил мне о невозможности его единоплеменникам носить оружие и участвовать в походах в субботные дни, равно как о невозможности доставать предписанную им законом пищу. Поэтому и я, сообразно примеру своих предшественников, освобождаю иудеев от военной службы, разрешаю им следовать их законным исконным ритуальным установлениям и отправлять священные жертвы, равно как собирать с этой целью нужные для того денежные суммы, и предлагаю вам сие мое решение оповестить по городам».

13. Таковую любезность оказал Долабелла Гиркану, отправившему к нему посла.

Постановление консула Луция Лентула:

«Сим освобождаю римских граждан иудейского исповедания, живущих и отправляющих свое богослужение в Эфесе, ввиду их религиозных убеждений, в этом заседании, состоявшемся за двенадцать дней до октябрьских календ²⁴⁴, в консульство Луция Лентула и Гая Марцелла²⁴⁵, от военной службы. Постановление это состоялось в присутствии трибуна Тита Аппия Бальба, сына Тита, из гарантинской трибы, Тита Тонгия, сына Тита, из кростоминской трибы. Квинта Раисия, сына Квинта, Тита Помпея Лонгина, сына Тита, военного трибуна²⁴⁶ Гая Сервилия Гракха, сына Гая, из теретинской трибы, Публия Клузия Галла, сына Публия, из ветурийской трибы и Гая Сенция, сына Гая, из саботинской трибы».

«Трибун и пропретор²⁴⁷ Тит Аппий Бальб, сын Тита, сим посылает должностным лицам, совету и народу города Эфеса свой привет. Ввиду моего ходатайства за живущих в Азии иудеев консул Луций Лентул освободил их от военной службы. После этого я достиг того же самого постановления от пропретора Фаяния и проквестора²⁴⁸ Луция Антония, почему прошу вас позаботиться о том, чтобы никто не побуждал [к военной службе] иудеев».

14. Народное решение⁹⁴⁹ делосцев:

«Распоряжение начальства при архонте Беоте, в двадцатый день месяца фаргелиона⁹⁵⁰. Квартирующий в нашем городе и заведующий воинским набором легат Марк Пизон, созвав нас и правоспособных граждан, распорядился не набирать в военную службу никого из римскоподданных иудеев, ввиду того, что они по ритуальным соображениям освобождены от военной службы консулом Луцием Корнелием Лентулом. В силу этого мы должны повиноваться решению легата».

Подобное же постановление сделали относительно нас также граждане города Сард⁹⁵¹.

15. «Гай Фанний, сын Гая, проконсул, посылает привет должностным лицам Коса⁹⁵². Сим извещаю вас, что посланники иудейские обратились ко мне с просьбою получить копию постановленного относительно их сенатского решения, которое при сем и прилагается. Вместе с тем прошу вас, на основании сенатского декрета, позаботиться об этих людях и приложить старание, чтобы они могли беспрепятственно проехать к себе домой через ваши владения».

16. «Консул Луций Лентул объявляет: тех иудеев римскоподданных, которых я нашел отправляющими свое богослужение в Эфесе, я освобождаю сим вследствие соображений ритуального свойства [от военной службы]. Постановление это сделано за двенадцать дней до календ месяца квинтилия»⁹⁵³.

17. «Проквестор и пропретор Луций Антоний, сын Марка, сим шлет привет свой должностным лицам, совету и населению города Сард. Так как римские граждане иудейского закона явились ко мне с заявлением, что у них имеются издревле существующие собрания и судилище, где они разрешают все свои [внутренние] дела и личные споры, и просили меня сохранить за ними эти учреждения, я решил исполнить их просьбу и предоставить и дальше им его».

18. «Марк Публий, сын Спурия, Марк, сын Марка, и Луций, сын Публия, заявляют: после того, как мы доложили проконсулу Лентулу о просьбе александрийца Досифея, сына Клеопатрида, чтобы римские граждане иудейского вероисповедания, отправляющие издавна свое богослужение, были освобождены от военной службы и спросили его мнения на сей счет, он освободил этих иудеев ввиду соображений ритуального свойства. Постановление его состоялось за двенадцать дней до календ месяца квинтилия».

19. При консулах Луций, Лентуле и Гае Марцелле, в присутствии трибуна Тита Аппия Бальба, сына Тита, из горацианской трибы, Тита Тонгия из кростолинской трибы, Квинта Раисия, сына Квинта, Тита Помпея Лонгина, сына Тита, из корнелийской трибы, военного трибуна Гая Сервилия Гракха, сына Гая, из трибы теретинской, Публия Клузия Галла, сына Публия, из ветурийской трибы, военного трибуна Гая Тевтия, сына Гая, из эмилийской трибы, Секста Атилия Серрана, сына Секста, из эмилийской трибы. Гая Помпея, сына Гая, из сабатинской трибы, Тита Аппия Менадра, сына Тита, Публия Сервилия Страбона, сына Публия, Луция Пакция Капитона, сына Луция, из коллинской трибы, Авла Фурия Тертия, сына Авла, и Аппия Менаса – в присутствии всех этих лиц Лентул постановил следующее решение: «Сим освобождаю [от военной службы] тех римских граждан иудейского вероисповедания, которые издавна отправляют свое богослужение в Эфесе; я делаю это в настоящем заседании ввиду соображений ритуального свойства».

20. «Должностные лица города Лаодикеи⁹⁵⁴ сим приветствуют консула Гая Рабилия, сына Гая⁹⁵⁵. Отправленный первосвященником Гирканом посол Сопатр вручил нам письмо твое, в котором ты пишешь нам, что от первосвященника иудейского Гиркана явились послы с письменною просьбою разрешить иудеям отправление суббот и остального культа сообразно их древним религиозным постановлениям, чтобы никто не имел права вмешиваться в их дела, так как они наши друзья и союзники, и чтобы никто не обижал их в нашей области. Так как жители Тралл⁹⁵⁶ открыто воспротивились этому твоему постановлению, а ты все-таки принудил их к этому, то иудеи просили тебя также отписать и нам относительно их. Итак, мы готовы повиноваться твоему предложению и заявляем, что, получив твое послание, мы внесли его в наш общественный архив. Относительно же всего того, что ты нам предлагаешь, мы примем надлежащие меры к точному его исполнению».

21. «Проконсул Публий Сервилий Гальба, сын Публия, посылает привет должностным лицам, совету и народу Милета⁹⁵⁷. Ваш согражданин Пританис, сын Герма, обратился ко мне, когда я был в заседании в Траллах, с заявлением, что вы относитесь к иудеям несообразно нашим установлениям, препятствуете им справлять их субботы и собирать плоды сообразно с их обычаями, тогда как он постановил решение на законном основании. Ввиду этого заявляю вам, что по выслушании обеих сторон я решил, что не следует препятствовать иудеям в отправлении их обычаев».

22. Постановление жителей Пергама. «При притане Кратиппе, в первый день месяца дасия, состоялось следующее решение властей: так как римляне, следуя похвальному примеру своих предков, охотно заступаются за сохранение безопасности всех вообще людей и особенное внимание и старание прилагают к тому, чтобы доставлять своим союзникам и друзьям благоденствие и прочный мир, то, когда к ним были посланы от иудейского народа и его первосвященника Гиркана послы в лице почтенных и заслуженных Стратона, сына Феодота, Аполлония, сына Александра, Энея, сына Аптипатра, Аристокбула, сына Аминта, Сосипатра, сына Филиппа, сенат, по выслушании всех отдельных пунктов их предложений и просьб, постановил: чтобы царь Антиох, сын Антиоха, не смел ни в чем обижать иудеев, римских союзников; чтобы он возвратил им все укрепления, гавани и вообще местности и все, что он у них отнял; затем, чтобы был разрешен вывоз товаров из их гаваней, но с тем условием, чтобы никто, ни царь, ни народ какой-либо, не смел вывозить из страны или гаваней иудейских ничего беспошлинно, исключая одного только александрийского царя Птолемея, так как он союзник и друг наш; наконец, чтобы был удален, сообразно их просьбе, яффский гарнизон. В силу этого один их сочленов нашего совета, Луций Петтий, человек доблестный и почтенный, предложил выразить нашу полную готовность следовать во всем предписанию сената и позаботиться о доставлении посланным возможности возвратиться беспрепятственно и безопасно домой. Потом мы пригласили в заседание совета и народного собрания Феодора, который вручил нам свою грамоту с изложением сенатского решения, и выслушали его горячую речь, в которой он описал нам всю доблесть и все великодушие Гиркана, ко всем вообще прекрасно относящегося и особенно любезно принимающего у себя всякого иностранца. Затем мы отправили грамоту [Феодора] в общественный архив, а сами решили, сообразно сенатскому постановлению, оказать всякую поддержку иудеям, как союзникам римлян. После этого Феодор, вручив нам грамоту, обратился с просьбою к нашим властям отправить Гиркану копию решения с послами, которым поручил сообщить ему о прекрасном отношении к нему народа нашего, а также просить его и впредь сохранять и не умялять к нам дружбы и поддержать нас при случае, за что ему будет выражена должная благодарность, равно как напомнить, что еще во времена иудейского патриарха Аврама наши предки были в дружественных с ними отношениях, как мы находим о том официальные записи в общественных архивах».

23. Постановление жителей Галикарнаса⁹⁵⁸. «По предложению Марка Александра, при священстве Мемнона, родного сына Аристида и приемного

сына Эвонима, [такого-то числа, месяца] анфестериона⁹⁵⁹, постановлено народом: «Так как мы всегда относились и относимся с благоговением к выражению всякого религиозного чувства, то, следуя великодушному по отношению ко всем людям народу римскому, известившему нашу общину относительно своей дружбы и союза с иудеями и пожелавшему, чтобы последним были разрешены их богослужение, установленные празднества и собрания, мы также решили, чтобы всем желающим иудеям, будь то мужчины или женщины, было позволено справлять их субботы, приносить жертвы по иудейскому ритуалу и совершать богослужения у моря, сообразно их установлениям. Буде же кто либо, частное лицо или официальное, воспрепятствует им в том, да будет обложен в пользу города денежным штрафом».

24. Постановление жителей Сард. «По предложению должностных лиц, совет и народное собрание решили: после того как наши иудейские сограждане, которые всегда пользовались большими симпатиями со стороны нашего народа, теперь обратились к совету и народному собранию с просьбою разрешить им, ввиду восстановления им со стороны римского совета и народа права пользоваться свободно собственными установлениями и жить по своим законам, свободно и беспрепятственно отправлять свой культ, а также отвести им место, где бы они могли собираться с женами и детьми своими для отправления своего богослужения и принесения Господу Богу своих жертв,— совет и народное собрание постановили: разрешить иудеям собираться в определенные дни для отправления установленного их законами богослужения и предписать начальникам отвести им соответствующее для постройки место, которое они найдут подходящим, равно как вменить в обязанность городским сборщикам доставлять им все для того необходимое».

25. Постановление жителей Эфеса. «В пританию Минофила, в первый день месяца артемисия, народ решил, по докладу Никандра, сына Евфима, и по предложению должностных лиц: ввиду того что иудейские жители [нашего] города обратились к проконсулу Марку Юнию Бруту, сыну Понтия, с просьбой разрешить им отправление суббот и беспрепятственное богослужение сообразно их установлениям, и ввиду того что он согласился на их просьбу, совет и народное собрание, в солидарности с римскими интересами, сим постановили, чтобы никто не смел препятствовать иудеям справлять субботы, чтобы они за это не подвергались никакому взысканию, а напротив, чтобы им было разрешено руководствоваться во всем их собственными законоположениями».

26. Существует еще множество других подобных постановлений римского сената и должностных лиц относительно Гиркана и нашего народа, равно как имеется масса решений отдельных городов и охранных грамот должностных лиц для утверждения за нами прав, поверить содержанию коих могут спокойно читатели наши ввиду всего того, что мы пока привели. Так как мы привели целый ряд явных и наглядных доказательств дружественного к нам отношения со стороны римлян, доказательств, записанных на медных столбах и таблицах, по сей день хранящихся в Капитолии⁹⁶⁰, где они и впредь будут храниться, то мы сочли приведение всех решительно постановлений [такого рода] излишним и неинтересным и полагаем, что не найдется столь неумного читателя, который бы не поверил нашей искренности и правдивости наших слов относительно дружественного расположения к нам римлян после приведения вышеуказанных тому доказательств и потребовал бы еще больше их. Итак, мы [в достаточной мере] показали, сколь дружественны были [нам] римляне в те времена.

Глава 11

1. Около того же времени вспыхнули смуты в Сирии и притом по следующей причине: один из единомышленников Помпея, Басс Цецилий, составил заговор против Секста Цезаря и, убив его, стал во главе войска и овладел верховной властью⁹⁶¹. Ввиду этого возгорелась ожесточенная война вблизи Апамеи, так как военачальники Цезаря двинулись [против Басса] во главе отряда конницы и пешей рати. В виде помощи Антипатр также послал им отряд под начальством своих сыновей, потому что помнил все оказанные ему Цезарем благодеяния и считал вследствие этого своей обязанностью отомстить за его убийство и наказать его убийцу. Пока затягивалась эта война, заместителем должности Секста явился из Рима Мурк⁹⁶². В это время был убит в курии Кассием и Брутом также и [Юлий] Цезарь⁹⁶³, после того как владел верховной властью три года и шесть месяцев.

2. Когда вследствие возникшей из-за смерти Цезаря войны все более или менее влиятельные лица рассеялись повсюду с целью набирать войска, в Сирию прибыл из Рима Кассий⁹⁶⁴ с тем, чтобы принять командование над стоявшими при Апамее войсками. Затем он снял осаду, примирил Басса и Мурка, направился к прочим городам, чтобы набрать там оружие и войска, и наложил на эти города значительную дань. При этом он особенно обидел Иудею, требуя с нее семьсот талантов серебра. Видя ужас и большое смущение населения, Антипатр распорядился распределить сбор этой дани между своими сыновьями и другими лицами, в числе которых находился

также некий Малих, очень плохо относившийся к нему. Первым внес назначенную сумму от лица Галилеи Ирод и тем снискал себе особенную дружбу Кассия, так как Ирод разумно решил, что теперь следует выслуживаться перед римлянами и за чужой счет снискивать их благоволение. Тем временем поплатились своей личной свободой управители всех других городов, и Кассий лишил самостоятельности четыре города; наиболее могущественными из них были Гофна и Эммаус; другими же двумя являлись Лидда и Фамна. Кассий при этом был так разгневан, что убил бы Малиха (рискнувшего оказать ему противодействие), если бы Гиркан не удержал его от решительного шага при посредстве Антипатра, послав ему сто талантов из собственных своих средств.

3. Когда Кассий покинул Иудею, Малих стал злоумышлять против Антипатра, рассчитывая, что смерть его станет для Гиркана залогом прочности власти последнего. Между тем этот план не остался секретом для Антипатра. Узнав о нем, Антипатр двинулся за Иордан и стал набирать [себе] войско из арабов в туземцев. Будучи, однако, хитрым человеком, Малих отрицал свои козни и стал клятвенно уверять Антипатра и его сыновей, что ему никогда и в голову не могла прийти такая мысль, потому что ведь Фазаель охраняет Иерусалим, да и склады оружия находятся в ведении Ирода. Видя невозможность осуществления своих планов, он примирился с Антипатром. В это время претором Сирии был Мурк. Узнав о готовящемся Малихом перевороте в Иудее, он чуть было не казнил его, но Малиха спас заступившийся за него Антипатр.

4. Однако Антипатр не думал, что в лице Малиха он спас своего собственного убийцу. Дело в том, что, собрав войско, Кассий и Мурк поручили заведование всеми делами Ироду, назначили его правителем Келесирии и, дав ему флот и конные и пешие отряды, обещали провозгласить его царем иудейским после войны, которая тогда возникла между Антонием и молодым Цезарем [Августом]⁹⁶⁵. Испугавшись такого оборота дел, Малих теперь стал особенно стараться избавиться от Антипатра; с этой целью он подкупил виночерпия Гиркана, у которого Антипатр обедал, и тот отравил последнего. Держа наготове солдат, Малих овладел всем городом. Когда же Ирод и Фазаель узнали о покушении Малиха на их отца и гневно потребовали от него объяснения, Малих вновь стал отрицать свою вину и так и не сознался в убийстве. Таким образом умер Антипатр, отличавшийся благочестием, справедливостью и любовью к своей отчизне. Сын его, Ирод, немедленно решил отомстить за отца и двинуться с этой целью во главе войска на Малиха, тогда как старшему сыну, Фазаелю, казалось более

подходящим захватить Малиха хитростью, чтобы не навлекать на себя обвинения в возбуждении междоусобной войны. Поэтому он принял к сведению оправдания Малиха и подал вид, будто верит, что тот отнюдь не виновен в смерти Антипатра. Тем временем он стал воздвигать отцу своему роскошный надгробный памятник. Между тем Ирод отправился в Самарию, которую нашел в грустном положении, и прекратил распри населения ее.

5. Когда вскоре затем наступил праздник в Иерусалиме, он явился во главе своего войска к городу. Малих испугался и стал уговаривать Гиркана не позволять Ироду вступать в город. Гиркан послушался его и привел в качестве объяснения своего запрещения, что нельзя вводить в город иностранцев во время священного праздника. Однако Ирод, не обратив никакого внимания на вестника [Гиркана], ночью вступил в город. Этим он вверг в ужас Малиха, который, впрочем, не переставал разыгрывать комедию, открыто оплакивая Антипатра и называя его своим другом, на самом же деле втайне принимая меры предосторожности для ограждения своей личности. Тогда и приверженцы Ирода решили не подавать виду, что понимают эту комедию, а, как будто ничего не подозревая, относились к нему любезно и предупредительно.

6. Тем временем Ирод письмом сообщил Кассию о смерти отца своего. Кассий, отлично зная характер Малиха, написал ему в ответ, что должно отомстить за смерть отца, а сам тайно разослал предписания тирийским военачальникам оказывать всякое содействие Ироду, когда тот начнет требовать [с Малиха] удовлетворения. Когда Кассий взял Лаодикею и к нему стали со всех сторон привозить венки и дары, то Ирод рассчитал, что туда прибудет Малих и получит там свое возмездие. Однако Малих, находившийся тогда около финикийского города Тира, стал подозревать о всем этом и решился на исполнение еще более отчаянного плана, а именно, так как его собственный сын находился тогда в Тире в качестве заложника, он решил, проникнув в город, похитить ребенка, двинуться в Иудею и, пока Кассий будет занят войной с Антонием²⁶⁶, склонить народ к отпадению и самому занять престол. Однако этот план потерпел неудачу вследствие противодействия со стороны Предвечного и потому, что более хитрый Ирод разгадал его. Он послал в город одного из своих служителей под предлогом приготовить все к пиру (на который были приглашены все его друзья), на деле же к начальникам с предложением выступить против Малиха с кинжалами. Начальники вышли из города, нашли Малиха поблизости на морском берегу и убили его там. В ужасе Гиркан лишился языка; когда же он затем пришел в себя, то спросил у людей Ирода о подробностях этого случая

и кто явился убийцей Малиха. Когда же ему ответили, что тот убит по повелению Кассия, Гиркан выразил свое одобрение, потому что Малих был весьма гнусным человеком и [часто] злоумышлял против отчизны.

7. Такое возмездие понес Малих за свое предательство относительно Антипатра.

Лишь только Кассий покинул Сирию²⁶⁷, в Иудее [опять] возникла смута. Дело в том, что оставленный в Иерусалиме некий Геликс²⁶⁸ двинулся во главе войска на Фазаеля. Таким образом, народу [опять] пришлось взяться за оружие. Тогда Ирод двинулся к дамасскому военачальнику Фабию, но в своем желании поспешить на помощь к брату был удержан болезнью. Тем временем, впрочем, Фазаель собственными силами одержал верх над Геликсом, заключил его в башню, а затем уже, заключив с ним договор, отпустил опять на волю. Вместе с тем он стал укорять Гиркана в том, что он, которому они оказывали столько услуг, поддерживает их врагов. Дело в том, что брат Малиха склонил тогда немало местностей к отпадению и стал укреплять их, в том числе также и наиболее недоступный город Масаду. Впрочем, в это же самое время Ирод успел оправиться от своей болезни; он отнял у него все занятые им местности и, на основании заключенного договора, отпустил его на волю.

Глава 12

1. Тем временем расположенный к сыну Аристовула, Антигону, который успел набрать войско и деньгами склонить на свою сторону Фабию, Птолемей Меннай из родственных чувств сделал попытку вернуть Антигону власть. Вместе с ним двинулся в поход также оставленный Кассием в Тире в качестве правителя Марион. Этот Кассий разделил вообще всю Сирию на отдельные наместничества. Марион вторгся в находившуюся по соседству Галилею, захватил там три укрепленных пункта и занял их своими гарнизонами. Против него двинулся Ирод и отнял у него все его приобретения; но при этом он отнесся крайне снисходительно к тирийским гарнизонам; некоторым из них он даже дал подарки из расположения своего к их городу. Совершив это, Ирод выступил навстречу Антигону, сразился с ним и, победив его, изгнал из Иудеи, пока тот еще не достиг [пограничных] возвышенностей. По возвращении своем в Иерусалим Ирод удостоился от Гиркана и народа награждения венками. В то время он успел уже стать в близкие отношения к семье Гиркана и потому оказывал последнему особенное внимание; он был нареченным женихом дочери Аристовула, сына Александра, и внучки Гиркана со стороны матери. Впоследствии она родила

ему трех сыновей и двух дочерей⁹⁶⁹. Впрочем, раньше он успел уже взять себе жену из простонародья, некую Дориду, от которой у него родился его старший сын, Антипатр.

2. Тем временем Антонию и Цезарю [Августу] удалось победить Кассия при Филиппах, как о том повествуется и другими историками. После этой победы Цезарь отправился в Италию, Антоний же в Азию⁹⁷⁰. Когда Антоний прибыл в Вифинию, к нему отовсюду потянулись посольства. В числе прочих явились также и знатные представители иудеев и стали жаловаться на Фазаеля и Ирода, указывая на то, что Гиркан царствует лишь по имени, тогда как на деле вся власть в руках последних. Между тем Антоний относился весьма хорошо к Ироду. Когда последний прибыл к нему, чтобы оправдаться в возводимых на него обвинениях, ему удалось добиться, что обвинителей перестали даже слушать. Этого достиг Ирод у Антония путем подкупа.

Когда Антоний прибыл в Эфес, первосвященник Гиркан и весь народ [иудейский] отправили к нему посольство с поручением вручить ему золотой венец и с просьбой издать указ, в силу которого были бы отпущены на свободу по отдельным епархиям⁹⁷¹ все неправильно захваченные Кассием в плен иудеи и им была бы возвращена земельная собственность, которой они были лишены во времена Кассия. Признав это ходатайство иудеев правильным, Антоний немедленно отправил Гиркану и иудеям, равно как и тирийцам, постановление следующего содержания:

3. «Марк Антоний император посылает привет первосвященнику и этнарху Гиркану, а также [всему] иудейскому народу. Если дела ваши хороши, я доволен; сам я с войском своим нахожусь в вожделенном здравии. Лисимах, сын Павзания, Иосиф, сын Менная, и Александр, сын Феодора, явились ко мне в Эфес в качестве послов, исполнили теперь, как и некогда в Риме, данное им поручение твое и народа, и усердно описали мне твое к нам расположение. Убежденный их вещественными доказательствами и доводами в том, что вы действительно весьма преданы нам, и узнав ваш благородный образ мыслей и ваше благочестие, позволяю себе выразить вам свое благоволение. После того как враги ваши и римского народа прошли по всей Азии, не щадя ни священных мест, ни храмов и не соблюдая данных клятв, мы, которые заступаемся не только за наши личные интересы, но преследуем общее благо, наказали всех виновных в беззакониях относительно людей и безобразиях по отношению к богам. Этими своими преступлениями враги, по нашему мнению, вызвали и то, что солнце отвернулось, лишь бы не взирать на гнусное убийство Цезаря. Однако мы расстроили их богопротивные замыслы, для приведения в исполнение

которых Македония представляла самое подходящее и самой природой как бы предназначенное место, и разбили гнусную толпу их единомышленников, которую они собрали вблизи македонского города Филиппы, причем им удалось занять отличные позиции за оградой тянувшихся до самого моря гор, так что доступ туда представлялся возможным лишь через один только проход. Несмотря на все это, мы побили их, потому что боги решили наказать их за все их безбожные начинания. Бежавший в Филиппы и подвергшийся там осаде нашей, Брут разделил с Кассием его печальную участь²². Итак, теперь, когда те подверглись наказанию, мы надеемся, что Азия впредь сможет наслаждаться миром и отдохнуть от войны. Дарованный нам Господом Богом мир мы желаем распространить и на союзников наших, так что ныне, благодаря нашей победе, тело Азии сможет как бы оправиться от продолжительной болезни. Поэтому я теперь памятую особенно о тебе и о [твоем] народе, заботясь о развитии вашего благосостояния. Ввиду сего я рассылаю указы по отдельным городам, чтобы была возвращена свобода всем тем свободнорожденным или рабам, которые были проданы с публичного торга Гаем Кассием или его подчиненными. Вместе с тем я утверждаю за вами невозбранное пользование всем тем, что даровано вам было мной и Долабеллой. Тирийцам я сим запрещаю подвергать вас каким бы то ни было насилиям и повелеваю им возратить все то, что они отняли у иудеев. Присланный тобой венец [с благодарностью] я принял».

4. «Император Марк Антоний посылает привет должностным лицам, совету и народу города Тира. Ввиду того что ко мне в Эфес прибыли послы первосвященника и этнарха Гиркана и заявили мне, что вы владеете их областью, которую вы заняли во время владычества наших противников, я желаю, так как мы начали войну за главенство и, заботясь о всех благочестивых и праведных людях, наказали тех, кто забывал оказанные благодеяния и нарушал данные клятвы,— итак, я желаю, чтобы тот мир, которым пользуетесь вы, распространился также на союзников наших, и повелеваю вам долее не задерживать имущества, полученного от наших противников, но возратить его тем, у кого вы его отняли. Ведь никто [из противников наших] не получал ни своей области, ни своего войска от сената; напротив, овладев всем этим насильно, они держались за это силой и вознаграждали этим своих сообщников по преступности.

Так как они подверглись теперь заслуженному наказанию, то мы желаем, чтобы наши союзники невозбранно владели своей прежней собственностью и чтобы вы вернули иудейскому этнарху Гиркану все занятые вами теперь земли, которые принадлежали ему хотя бы за день до начала преступной

войны Гая Кассия против нашей провинции, равно как запрещаем вам насильно мешать им в пользовании их личной собственностью. Если же у вас есть какие-нибудь в этом отношении оправдания, то вы можете привести их в свою пользу, когда мы приедем в ваши места, ибо мы намерены соблюдать в одинаковой мере интересы всех союзников наших».

5. «Император Марк Антоний посылает привет свой должностным лицам, совету и населению Тира. Сим посылаю вам свое распоряжение, которое прошу принять к сведению и относительно которого прошу распорядиться поместить его в общественном архиве с латинскими и греческими копиями. Самый же оригинал прошу держать на особенно видном месте, чтобы все желающие могли прочесть его. Император Марк Антоний, один из триумвиров, постановил: «Ввиду того что во время последнего бунта Гай Кассий разграбил чужую провинцию, занятую войсками союзников, и притеснял дружественных римскому народу иудеев, мы, наказав его за наглость с оружием в руках, путем наших постановлений и решений повелеваем, чтобы все отнятое у наших союзников, равно как все то, что у иудеев было продано [с публичного торга], будь то люди или вещи, было возвращено им, а именно чтобы всем людям была возвращена их первоначальная свобода, а вещи были отданы прежним владельцам. Всякого, кто осмелился ослушаться моего распоряжения, постигнет кара. В случае нарушения мне предоставляется право распорядиться с ослушником сообразно моему личному каждый раз усмотрению».

6. Совершенно то же самое он написал также сидонянам, антиохийцам и арадийцам. Мы считали уместным привести здесь все это в подтверждение указанного нами расположения и попечения римлян о нашем народе.

Глава 13

1. Когда впоследствии Антоний прибыл в Сирию, то выехавшая к нему навстречу и свидевшаяся с ним в Киликии Клеопатра⁹²³ очаровала его своими прелестями. Тогда вновь явились к нему сто самых влиятельных иудеев с жалобами на Ирода и его клеветов, причем они выбрали из своей среды наиболее ловких ораторов. Но против них стал говорить от имени молодого поколения Мессала⁹²⁴ и сделал это в присутствии самого Гиркана, который тем временем уже успел породниться [с Иродом]. Антоний выслушал обе стороны в Дафне⁹²⁵ и затем спросил Гиркана, кто из них лучше умеет править народом. Когда же тот указал на Ирода, Антоний, который и раньше относился к нему благосклонно в память своей давнишней дружбы к отцу его, с которым он и Габиний некогда были в наилучших приятельских

отношениях, назначил обоих братьев тетрархами²⁷⁶ и поручил им заведование всеми делами иудеев, причем утвердил их в этом сане специальной грамотой. Вместе с тем он распорядился арестовать пятнадцать противников их. Когда же он собрался казнить их, его отговорили от этого намерения приверженцы Ирода.

2. Впрочем, вернувшиеся с такой неудачей послы все-таки не отчаивались, но послали еще тысячу человек к Антонию в Тир, куда тот, по слухам, должен был приехать. Однако Антоний, успевший получить от Ирода и его брата большие взятки, отдал приказ наместнику казнить иудейских посланников, которые-де стремятся к возбуждению смут, и поддерживать приверженцев Ирода. В то же время Ирод (находившийся вместе с Гирканом на песчаной равнине перед городом) тотчас пошел к ним навстречу и посоветовал им удалиться, чтобы, в противном случае, не подвергнуться крупной беде. Послы не послушались этого совета, и тогда внезапно выбежавшие [из города] и вооруженные короткими мечами римляне многих из них перебили, а некоторых ранили. Остальные же обратились в бегство, вернулись домой и прятались в ужасе. Когда народ стал громко роптать на Ирода, Антоний разгневался и приказал умертвить арестованных.

3. На следующий год Сириею овладели царский сын Пакор и парфянский сатрап Барцафарн²⁷⁷. В это время умер также и Птолемей Меннай; получивший после него престол сын его Лизаний заключил дружбу с сыном Аристубула, Антигоном, причем это дело уладил [вышеуказанный] сатрап, который пользовался у него огромным влиянием. Антигон обещал дать парфянам тысячу талантов и пятьсот женщин, если они лишат Гиркана власти, передадут ее ему и убьют приверженцев Ирода. Впрочем, обещания своего он [впоследствии] не сдержал. Ввиду этого парфяне пошли войной на Иудею, собираясь сделать царем Антигона; Пакор двинулся по прибрежной полосе, Барцафарн же вторгся изнутри страны. Тирийцы не впустили Пакора, сидоняне же и птолемаидцы приняли его к себе.

Тогда Пакор отправил в страну иудейскую конный отряд для рекогносцировки и поддержки Антигона. Начальствовал над этим отрядом царский виночерпий, носивший с ним одно и то же имя. Когда же многие из живших около горы Кармила иудеев явились к Антигону с изъявлением желания принять участие в его экспедиции, Антигону показалось вероятным, что он при их помощи овладеет частью страны. Место это называется Дримы. Но здесь им было оказано сопротивление, и они распались и двинулись [окольными путями] к Иерусалиму. Так как по дороге к ним присоединялись новые приверженцы, то в конце концов образовался

значительный отряд, который явился к царскому дворцу и приступил к его осаде. Однако люди Фазаеля и Ирода немедленно явились на помощь; произошел бой на площади, и тогда молодежь победила врагов, вогнала их в храм и разослала по ближайшим домам воинов для ограждения их. Однако поднявшийся против них народ, видя их покинутыми союзниками, сжег их вместе с этими домами. За это насилие, впрочем, немного спустя Ирод сильно отомстил своим противникам, сразился с ними и перебил многих из них.

4. Пока между ними ежедневно происходили стычки, враги стали поджидать из страны прибытия простонародья, которое должно было явиться к так называемому празднику Пятидесятницы. Когда же наступил этот праздник, около храма собралось несколько десятков тысяч людей, вооруженных и безоружных. Они заняли святилище и весь город, исключая окрестности дворца, который был еще во власти Ирода и его немногочисленного военного отряда. И вот, пока Фазаель охранял стену, Ирод во главе отряда двинулся на врагов через городское предместье и, сразившись тут с ними в жестоком бою, обратил в бегство много десятков тысяч, причем одни из его противников бежали в город, другие в храм, третьи в находящееся вне города небольшое укрепление, которое там имеется.

При этом Фазаель оказал брату должную поддержку. Тем временем парфянский военачальник Пакор по просьбе Антигона прибыл в город во главе немногочисленного конного отряда под предлогом подавить восстание, на самом же деле с тем, чтобы помочь Антигону добиться власти. Так как Фазаель выехал ему навстречу и принял его дружелюбно в свой дом, то Пакор стал уговаривать его отправить его во главе посольства к Барцафарну, причем имел в виду коварный какой-то замысел. Ничего дурного не подозревавший Фазаель так бы и поступил, если бы Ирод не удержал его от этого шага, не доверяя варварам. Напротив, он советовал принять меры предосторожности относительно Пакора и его спутников.

5. Впрочем, Гиркан и Фазаель все-таки отправились [к сатрапу], и Пакор, оставив у Ирода двести всадников и десять человек отборного отряда, известного под именем «свободных», поехал вместе с ними. Когда они прибыли в Галилею, к ним навстречу выступили с оружием в руках начальники тамошних городов. Барцафарн принял [иудеев] сперва любезно и одарил их подарками, а затем стал злоумышлять против них. Фазаель с товарищами был помещен вблизи [города] Экдипона²⁷⁸, недалеко от моря.

Когда они тут узнали, что Антигон обещал парфянам за них тысячу талантов и пятьсот женщин, то они стали уже с подозрением относиться к варварам,

тем более, что кто-то сообщил им, будто на них ночью готовится нападение и будто с этой целью за ними наблюдает специальная стража. Они действительно были бы схвачены, если бы варвары не вздумали подождать, пока оставшиеся в Иерусалиме парфяне не схватят Ирода, чтобы он не убежал от них, если узнает об избиении своих товарищей. Так оно и было на самом деле, и иудеи [своими собственными глазами] видели стражу. Тогда кое-кто посоветовал Фазаелю сесть на коня и не ждать дольше. Особенно побуждал его к этому офелий, который узнал [о коварных замыслах парфян] от некоего Самаралла²⁷⁹, самого богатого в то время сирийца, и обещал приготовить корабли для бегства, ибо море было близко. Однако Фазаель не желал покидать Гиркана и навлекать опасность на брата. Поэтому он отправился к Барцафарну и представил ему всю незаконность его действий, если он так злоумышляет против них. При этом он обещал ему заплатить больше денег, чем дал бы ему Антигон, и указал на то, что для него было бы опасно убивать явившихся к нему на основании его слова послами ни чем не обидевших его людей. На это варвар стал клясться, что все эти опасения несколько не основательны и что он мучается ложной подозрительностью. Затем он отправился к Пакору. После его отъезда несколько парфян заключили Гиркана и Фазаеля в оковы, а эти несчастные стали осыпать парфян бранью за их вероломство.

6. Отправленный к Ироду виночерпий получил поручение выманить Ирода за стены города и там схватить его. Между тем Фазаелем были посланы люди с извещением о коварстве парфян, но эти вестники были перехвачены врагами. Когда об этом узнал Ирод, он обратился к Пакору и к парфянским военачальникам, которые, в силу своего высокого положения, являлись начальниками остальных парфян. Хотя им на самом деле и было все известно, однако они коварно прикинулись, будто ничего не знают, и предложили Ироду выехать в их обществе за город навстречу послам, которые привезут извещение; при этом парфяне уверяли, что эти посланные отнюдь не захвачены врагами, но скоро явятся с извещениями о том, как устроился Фазаель. Ирод им не поверил, потому что узнал из других источников о плене своего брата. Когда же его предупредила о том еще его теща, дочь Гиркана, он стал еще осторожнее относиться к парфянам. Хотя другие и не очень доверяли ей, однако сам Ирод поверил этой в высшей степени умной женщине.

7. Пока парфяне совещались о дальнейшем образе действий (они не решались открыто напасть на человека, занимавшего столь видное положение) и сговаривались отложить исполнение своего плана до

следующего дня, Ирод был крайне смущен и, более доверяя тому, что он узнал о судьбе своего брата и о кознях парфян, чем уверениям противоположного характера, с наступлением вечера решил воспользоваться темнотой для бегства и более не медлить, как будто бы угрожавшая ему со стороны врагов опасность была еще не достаточно определена. Поэтому, собрав своих воинов и посадив на вьючных животных женщин, а именно мать, сестру и невесту, внучку Аристубула, равно как мать последней (дочь Гиркана), а также младшего своего брата, равно как всю прислугу и домочадцев, Ирод незаметно от врагов двинулся по направлению к Идумее. Впрочем, навряд ли нашелся бы тогда столь черствый сердцем враг, который, присутствуя при этом, не пожалел бы о судьбе этих людей, видя, как женщины прижимали к себе младенцев и со слезами и рыданиями покидали теперь свою отчизну и томившихся в оковах друзей своих, идя навстречу собственной весьма неопределенной будущности.

8. Между тем Ирод, возвышаясь над постигшим его страшным ударом, сам нисколько не терял мужества и присутствия духа, но во время пути утешал еще своих спутников и уговаривал их не предаваться слишком печали, потому что это только помешает их бегству, в котором одном заключается все их спасение.

Ввиду утешений Ирода те, действительно, по мере сил старались спокойнее переносить постигшее их горе. Впрочем, сам Ирод чуть было не наложил на себя руки, когда один из мулов оступился и мать Ирода подверглась при этом большой опасности. Этот порыв его был вызван не только мыслью о матери, но и опасением, как бы не попасть в руки гнавшихся за ними неприятелей, вследствие происшедшей от этого падения задержки. Он было уже извлек свой меч и собирался пронзить себя им, но тут его удержали многочисленные спутники и указали ему, что он не может бросить их на произвол врагам, ибо не благородно избегать самому опасности и тем самым ввергать в нее близких людей. Таким образом. Ирод был удержан от приведения в исполнение своего отчаянного намерения отчасти чувством самолюбия, отчасти убеждениями, отчасти же множеством лиц, не допустивших его наложить на себя руки. Когда же тем временем и мать его опять пришла в себя и оправилась, насколько позволяли обстоятельства, благодаря окружающим ее попечениям. Ирод стал продолжать начатый путь и по возможности скорее пытался достигнуть крепости Масады. По дороге ему пришлось часто сражаться с выступавшими ему навстречу и преследовавшими его парфянами, но он [постоянно] оставался победителем.

9. Впрочем, во время своего бегства Ирод подвергался опасностям также со стороны иудеев, которые напали на него с оружием в руках по пути, когда он успел удалиться от города на расстояние шестидесяти стадий. Однако он побил их так, как будто бы он не был захвачен в тяжелую и критическую минуту, но был наилучшим образом вооружен и стоял во главе огромного специально готового к бою войска.

Впоследствии, когда Ирод стал уже царем, он воздвиг на месте этой своей победы над иудеями великолепный дворец и положил основание городу, который назвал Иродиадою²⁸⁰. Когда Ирод достиг идумейского города Трессы, навстречу ему выступил брат его Иосиф и стал совещаться с ним о дальнейшем образе действий, потому что с Иродом шла значительная масса народа, помимо наемных воинов, а Масада, куда он хотел укрыться, не могла вместить в себе такого огромного числа людей. Тогда Ирод отпустил от себя большинство их, более девяти тысяч человек, предложив им по мере возможности укрываться в Идумее и дав им деньги на дорогу. Сам же он с самыми ловкими и преданными удалился в крепость, оставил там женщин и свиту (около восьмисот человек), благодаря значительным в крепости запасам хлеба, воды и прочих припасов, а сам двинулся к Петре Аравийской.

Тем временем с наступлением дня парфяне стали грабить все в Иерусалиме и между прочим царский дворец, оставив, впрочем, нетронутым имущество Гиркана, доходившее стоимостью до трехсот талантов. Однако многое из имущества Ирода ускользнуло от них, главным образом потому, что этот умный и предусмотрительный человек заранее предупредил их, отослав главные свои ценности в Идумею. Однако парфяне не удовлетворились тем, что нашли в городе; поэтому они предавали грабежу и разорению также все его окрестности и разрушили при этом весьма могущественный город Мариссу.

10. После того как Антигон таким образом был вновь водворен в Иудее, при помощи парфянского царя он получил от него пленных Гиркана и Фазаеля. Впрочем, он был в довольно безвыходном положении, так как у него ускользнули те женщины, которых он должен был, сообразно своему обещанию, отдать врагам вместе с деньгами. Вместе с тем он опасался также, как бы народная масса не вздумала вернуть царскую власть Гиркану (которого стерегли парфяне), и потому он велел отрубить ему уши, рассчитывая лишить его таким образом возможности быть первосвященником вследствие телесного порока, так как закон требовал, чтобы сан первосвященника занимало лицо нормально сложенное.

Нужно изумляться присутствию духа Фазаеля, который, при известии о предстоящей ему казни, вовсе не утратился смерти, но, считая такую смерть от руки врага слишком тяжелой и позорной, не имея возможности лично наложить на себя руки вследствие оков, решил разбить себе голову о стену. Таким образом, он сам лишил себя жизни, причем этот род смерти казался ему наиболее достойным в его безысходном положении: он все-таки лишил врага удовольствия казнить его по своему усмотрению. Говорят, что, когда он умирал от своей тяжелой раны, Антигон послал к нему врачей якобы для оказания помощи, но на самом деле чтобы окончательно отравить его. Но раньше, чем Фазаель испустил дух, некая женщина принесла ему известие, что его брат Ирод избег преследований врагов. Поэтому Фазаель спокойно встретил смерть, зная, что остается в живых человек, который сможет отомстить за его смерть и жестоко наказать врагов.

Глава 14

1. Тем временем Ирод не отчаивался в постигших его крупных несчастиях, но изо всех сил старался выпутаться из затруднительного положения. Например, он отправился к арабскому царю Малиху, которому он раньше оказал целый ряд услуг, и рассчитывал получить от него столь нужную ему теперь денежную помощь, в виде ли ссуды или в форме подарка, так как царь сам в свое время немало попользовался его щедростью. Так как Ирод пока не знал еще ничего о постигшей его брата судьбе, то он спешил освободить его из рук врагов и был готов заплатить за него крупный выкуп, хотя бы стоимостью в триста талантов. Ввиду этого он захватил с собой также семилетнего сына Фазаеля, чтобы оставить его арабам в качестве заложника. Когда же ему навстречу выехали послы Малиха с просьбой вернуться назад (дело в том, что Малих утверждал, будто бы парфяне запретили ему принять Ирода; впрочем, эта отговорка служила лишь предлогом, чтобы не возвращать Ироду долга, а также была вызвана убеждениями знатнейших арабов, которые не желали лишаться денежных сумм, оставленных им некогда Антипатром), тогда Ирод ответил им, что целью его приезда вовсе не является желание стеснить арабов, но необходимость посоветоваться [с царем] о крайне неотложных делах.

2. Затем, однако, Ирод все-таки считал более разумным удалиться в Египет. Тогда он прибыл в какое-то святилище (где он оставил небольшой отряд своих приверженцев), а на следующий день в Ринокоруру, где узнал о судьбе, постигшей его брата. Тем временем, впрочем, Малих успел одуматься и поспешил вслед за Иродом, однако не мог его догнать, потому что

последний, спеша к Пелузию, удалился значительно вперед. Когда он прибыл туда и находившиеся там корабельщики не захотели повезти его в Александрию, он обратился к начальствующим лицам. Принятый последними с почтением и сопутствуемый ими к городу, он прибыл туда и был там удерживаем Клеопатрой. Однако Клеопатра не смогла уговорить его остаться у нее, потому что он вследствие наступления зимы спешил в Рим, тем более, что из Италии приходили вести о тамошних смутах и больших политических переменах⁹⁸¹.

3. Поэтому Ирод поехал отсюда [на корабле] в Памфилию; его застигла страшная буря, и он с трудом спасся в Родосе, потеряв при этом, однако, свой багаж. Тут он встретил двух друзей, Саппина и Птолемея. Найдя город страшно разоренным вследствие войны Кассия, он, несмотря на личный недостаток средств, все-таки не мог удержаться от того, чтобы не поддержать его, и помог ему свыше сил своих. Затем он велел снарядить себе трирему⁹⁸² и поехал на ней в сопровождении друзей своих в Италию, где и высадился в Брундизии. Прибыв затем в Рим, он сперва сообщил Антонию о событиях в Иудее, а именно как был загублен взятый парфянами в плен брат его, Фазаель, как Гиркан [до сих пор] находится у них в плену, как парфяне провозгласили царем Антигона, обещавшего им [за это] тысячу талантов деньгами и пятьсот женщин из наиболее знатных семейств, как он сам, Ирод, однако, увез этих женщин ночью и как ему удалось избежать врагов, претерпев множество лишений; как затем его домашние подвергаются крайней опасности вследствие осады и как он сам, несмотря на зимнее время и забыв о всяких личных неудобствах, приплыл сюда в уповании исключительно на его, Антония, помощь.

4. Антоний сжалился над постигшим Ирода бедствием, и, так как подумал о том, что и самые могущественные люди зависят от превратностей судьбы в такой же точно мере, как и угнетенные, он, в память прежних дружественных отношений к Антипатру, а также побуждаемый обещанными Иродом, в случае назначения своего царем, денежными суммами (он заплатил ему и раньше, когда был назначен тетрархом), особенно же вследствие ненависти к Антигону (в котором видел опасного для римлян мятежника), охотно согласился поддержать Ирода и исполнить его просьбу. Сам Цезарь⁹⁸³ также выразил готовность исполнить желание Ирода и поддержать его, потому что он памятовал о походе Антипатра вместе с отцом его в Египет, равно как его гостеприимство и во всех отношениях предупредительную любезность, а также потому, что желал сделать угодное Антонию, который особенно отстаивал интересы Ирода. Когда затем собрался совет, представленные

Иродом Мессала, а за ним Атратин рассказали об услугах, оказанных отцом его (Антипатром) римлянам, вспомнили о всегдашнем его расположении к ним, а также стали обвинять Антигона во враждебных римлянам замыслах, что видно не из одного того только, что он, совершенно помимо римлян, добился власти при помощи парфян. Так как сенат не скрыл при этом своего гнева, то Антоний немедленно явился с указанием, что для предстоящей парфянской войны было бы полезно провозгласить Ирода царем. Это предложение было принято и единогласно утверждено.

5. Так ревностно соблюдал Антоний интересы Ирода, что не только выхлопотал ему, не рассчитывавшему вовсе на это, царскую власть, но и добился того, чего уже никак не ожидал Ирод, что он мог в качестве царя выехать спустя семь дней из Италии (дело в том, что Ирод хотел домогаться царского достоинства не для себя лично, так как не рассчитывал на это, потому что римляне имели обыкновение провозглашать царями лишь лиц соответствующего происхождения, а для своего шурина Аристобула, который был внуком Аристобула со стороны отца и внуком Гиркана по матери) Этого молодого человека Ирод, впрочем, казнил, как мы покажем в свое время.

Когда окончилось заседание сената, Антоний и Цезарь вышли оттуда в сопровождении Ирода, консулов и всех остальных должностных лиц, для того чтобы принести [установленную] жертву и поместить состоявшееся решение в Капитолии. Затем Ирод в первый день своего царствования обедал у Антония.

Таким образом, он достиг царской власти в сто восемьдесят четвертую олимпиаду, во вторичное консульство Гнея Дометия Кальвина и [в первое] – Гая Азиния Поллиона⁹⁸⁴.

6. В течение всего этого времени Антигон осаждал засевших в Масаде, причем у них было вдоволь всяких жизненных припасов и ощущался лишь недостаток в воде, так что вследствие этого брат Ирода, Иосиф, решил было с двумястами своих людей бежать к арабам, так как до него дошли слухи, что Малих раскаивается в своем проступке относительно Ирода. От исполнения этого предприятия, впрочем, сам Господь Бог удержал Иосифа, послав ночью дождь: когда водоемы наполнились влагой, не было более необходимости бежать, и все теперь снова ободрились, тем более, что в пополнении недостававшего запаса воды они усматривали поддержку, оказанную им самим Предвечным. Поэтому они рискнули сделать вылазку и сразиться с войсками Антигона, отчасти в открытом поле, отчасти под прикрытием. При этом они перебили множество неприятелей. В то время прибыл за парфянами

в Иудею римский полководец Вентидий⁹⁸⁵, посланный из Сирии для того, чтобы прогнать парфян. Он явился якобы на помощь Иосифу, на самом же деле вся цель его была при этом получить взятку с Антигона. Расположившись поэтому вблизи самого Иерусалима, он тотчас получил от Антигона деньги и сам удалился с большей частью своего войска; а для того, чтобы не навлекать на себя подозрения [в подкупе], он оставил тут Силона с отрядом. Антигон, впрочем, подкупил и его и обезопасил себя этим, рассчитывая, между прочим, на то, что парфяне вторично поддержат его.

Глава 15

1. Когда вскоре затем Ирод приехал из Италии в Птолемаиду и набрал там значительное войско, состоявшее отчасти из наемников, отчасти из единоплеменников (иудеев), он направился по Галилее против Антигона. Вместе с тем к нему примкнули также Силон и Вентидий, которых уговорил посланный Антонием Деллий поддержать Ирода. Вентидий был как раз занят тем, что подавлял беспорядки, возникшие в различных городах благодаря парфянам, тогда как Силон, подкупленный Антигоном, пребывал в Иудее. Между тем, по мере того как Ирод подвигался вперед, могущество его росло с каждым днем, и, за малыми исключениями, к нему присоединилась вся Галилея. Когда же он двинулся к Масаде (где было необходимо выручить осажденных родственников), город Яффа⁹⁸⁶ представил ему некоторую задержку; ввиду его враждебности пришлось сперва взять этот город, чтобы, при дальнейшем следовании Ирода к Иерусалиму, не оставалось крепости в тылу для врагов. При этом Силон воспользовался представившимся случаем изменить свою позицию; когда же иудеи принялись преследовать его, Ирод во главе небольшого отряда поспешил к нему на выручку, обратил иудеев в бегство и тем спас Силона, очутившегося было в крайне затруднительном положении. Взяв затем Яффу, Ирод поспешил на выручку своих родных. Из жителей многие теперь примкнули к нему, отчасти вследствие расположения к отцу Ирода, отчасти ввиду славы, которая следовала за Иродом, отчасти в воздаяние оказанных им обоими услуг, большинство же было побуждаемо к тому надеждами, которые возникали у них относительно будущего, когда Ирод утвердит за собой царскую власть.

2. Таким образом, у Ирода набиралось внушительное войско, и по мере того, как он двигался вперед, Антигон занимал своими отрядами самые важные пункты по пути следования его или помещал в них засады; впрочем, все это вовсе или по крайней мере очень мало не вредило врагам. Ирод освободил своих родственников в Масаде, взял крепость Трессу и двинулся на

Иерусалим, причем вместе с ним шло не только войско Силона, но к нему примкнули также многие из жителей Иерусалима, испугавшиеся его могущества. Когда Ирод расположился лагерем на западной стороне города, то поставленная здесь стража стала стрелять из луков и метать дротики; некоторые отряды рискнули даже выйти из города и вступили в борьбу с авангардом Ирода. Тогда Ирод в первый раз приказал возвестить под стенами [города], что он, явившись лишь для блага народа и спасения города, готов не только забыть все обиды, нанесенные ему его отъявленными врагами, но и дать амнистию за самые тяжкие провинности. В ответ на это воззвание Ирода Антигон обратился к Силону и римскому войску, что они нарушат всякую справедливость, если отдадут царскую власть Ироду, который является совершенно частным лицом и притом идумеянином, т.е. полуевреем, тогда как по справедливости и обычаям [страны] эта власть должна принадлежать лишь кровным иудеям. Если, продолжал он, иудеи теперь и недовольны тем, что он (Антигон) добился царской власти при помощи парфян, и решили ее отнять у него, то все-таки имеется еще много членов его семьи, которые, не причинив никакого зла римлянам и вдобавок будучи священниками, совершенно несправедливо терпят обиду, будучи лишены этой власти; впрочем, они сумеют добиться ее. Пока происходили переговоры, перешедшие затем в ругань, Антигон распорядился отогнать врагов от стены. Последние, однако, принялись за стрельбу из луков и, пустив в ход всю свою храбрость, без труда согнали противников с их башен.

3. Тогда-то Силон явно обнаружил, что его подкупили. Дело в том, что по его наущению многие из солдат стали громко роптать на недостаток съестных припасов и требовать денег для приобретения их, причем просили, чтобы их отвели в более удобные места на зимние стоянки, потому что все окрестности города разорены солдатами Антигона. Вследствие этого весь лагерь заволновался и сделал попытку удалиться. Однако Ирод стал энергично убеждать военачальников Силона и его солдат не покидать его, ссылаясь при этом на то, что они следуют за ним по приказанию Цезаря, Антония и сената. При этом он говорил, что позаботится об их благополучии и без труда доставит им в изобилии все, чего бы они ни пожелали. После этого обещания он немедленно двинулся в глубь страны и тем самым лишил Силона всякого повода к отступлению; при этом ему удалось добыть такое множество припасов, на какое никто не мог рассчитывать, и послал своим друзьям в Самарии просьбу доставить к нему в Иерихон хлеба, вина, оливкового масла, скота и всего прочего, дабы его войско не терпело ни малейшего недостатка. Об этом узнал также Антигон, и потому он

немедленно распорядился разослать по окрестностям отряды, которые должны были перехватить обозы [Ирода]. Сообразно приказанию Антигона, около Иерихона собралось значительное войско, которое засело в горах и стало ожидать прохода транспортов. Впрочем, и Ирод, в свою очередь, не дремал. С десятью когортами, пятью римскими и пятью иудейскими, равно как с отрядом наемников, к которым было присоединено еще несколько кавалерии, он двинулся к Иерихону. Город этот он нашел покинутым жителями; лишь пятьсот человек заняли с женами и детьми крепость, но Ирод взял ее и отпустил их; римляне тем временем рассыпались по городу и стали грабить его, причем нашли в жилищах множество всевозможных драгоценностей. Затем царь оставил в Иерихоне гарнизон, сам вернулся назад и отпустил римское войско на зимовье в преданные ему области: Идумею, Галилею и Самарию. Вместе с тем и Антигон путем подкупа добился от Силона согласия на оставление части войска в Лидде; этим он думал снискать себе расположение Антония. Таким образом, римляне, освободясь от военной службы, устроились отлично.

4. Ирод, однако, не желал пребывать в бездействии. Послав в Идумею брата своего Иосифа во главе двух тысяч пехотинцев и четырехсот всадников, он сам направился к Самарии. Устроив тут свою мать и прочих домашних, освободившихся тем временем от заключения в Масаде, Ирод пошел в Галилею с целью занять несколько пунктов, где были помещены гарнизоны Антигона. Прибыв при снежной выюге в Сепфорис, причем отряд Антигона покинул город, он завладел богатым запасом продовольствия. Так как там жило в пещерах несколько разбойничьих шаяк, он выслал против них отряд конницы и три когорты пехоты и решил прекратить грабежи. Это произошло в непосредственной близости к деревне Арбеле. На сороковой день явился сам Ирод во главе всего своего войска, и хотя враги выступили ему навстречу весьма храбро, однако правое крыло их дрогнуло; когда же они вступили в бой с отрядом самого Ирода, то они, которые одержали уже победу, обратились в бегство, и воины царя преследовали их. Таким образом Ирод гнался за ними до реки Иордана, а также за теми, которые бежали по другим дорогам. Таким путем Ирод подчинил себе всю Галилею, исключая разбойничьи шайки в [горных пещерах]. После этого он роздал войску денежные награды, а именно каждому солдату вручил полтораста драхм, а начальникам гораздо более. Затем уже он разместил все войско по зимним квартирам. В это время прибыли к нему Силон и другие, находившиеся на зимних стоянках военачальники, потому что Антигон отказался давать им продовольствие дольше месячного срока. Вместе с тем Антигон

распорядился отдать всем своим приверженцам в окрестностях приказ собрать все припасы, имеющиеся в стране, и бежать с ними в горы, дабы римляне, лишенные всего необходимого, погибли от голода. Между тем Ирод поручил своему младшему брату Ферору позаботиться об этих людях и вместе с тем приказал ему вновь отстроить Александрией; последний быстро доставил войску в изобилии все нужное, а также укрепил покинутый всеми город Александрией.

5. Около того же времени Антоний находился в Афинах. Вентидий между тем, послав Силона против парфян в Сирию, поручил ему сперва поддержать в этой войне Ирода, а затем уже собрать союзников для римского похода. Ирод, однако, отправил Силона обратно к Вентидию, а сам собрался лично покончить с разбойничьими шайками в пещерах и с этой целью двинулся против них. Пещеры находились в крайне недоступных горах, и вход в них был среди почти отвесных скал, защищенных остроконечными утесами. В этих пещерах разбойники укрывались со своими семействами. Тогда царь распорядился соорудить большие кованые ящики и спустить их на железных цепях с вершины гор, потому что его люди не могли ни спуститься по скатам благодаря их отвесности, ни подняться на верх [по той же причине]. Эти ящики были полны воинов, снабженных длинными баграми, которыми они должны были схватывать выходящих из пещер разбойников и сбрасывать их затем вниз. Впрочем, спуск этих ящиков представлял значительную опасность ввиду необычайной глубины пропастей. В то же самое время разбойники [в пещерах] были снабжены в достаточной мере продовольствием и всем нужным; когда же ящики были спущены вниз, никто из разбойников не решился выйти на площадки перед пещерами, но все были в большом страхе. Тогда один из воинов [Ирода] опоясался мечом, ухватился обеими руками за цепь, на которой висел ящик, и выскочил на площадку, сердясь на то, что разбойники не решаются выйти к нему. Подойдя затем к входу в пещеру, он сперва своими копьями перебил множество столпившихся у входа, а затем схватил багром тех, кто двинулся вперед, вытащил их на площадку и сбросил в пропасть. После этого он проник в самую пещеру, убил там множество разбойников, а затем спокойно прыгнул обратно в свой ящик. Тогда на остальных врагов напал страх, они услышали стоны умирающих и стали отчаиваться в своем спасении. Однако наступление ночи положило конец всему этому предприятию. Когда царь возвестил им требование сдаться, многие вышли, отдались во власть его и обещали ему покорность. Точно таким же образом продолжалась осада [остальных] на следующий день, тем более, что солдаты стали смелее

выскакивать из ящиков и драться у входа в пещеры, куда они также кидали огонь, чтобы опустошить внутренности пещер, где было собрано много дров. При этом один старик, заключенный в пещере с семьей сыновьями своими и женой, сделал следующее: когда члены его семьи просили его разрешить им выйти на площадку и отдаться во власть римлян, он сам встал у входа и поочередно перебил всех выходивших детей своих, равно как и жену. Затем он сбросил тела их в пропасть и за ними сам ринулся вниз, предпочитая смерть рабству. Перед этим он еще стал хулить Ирода за его низкое происхождение, хотя царь (присутствовавший при всем этом) и простирал к нему правую руку, обещая полную безопасность. Таким образом все пещеры в конце концов были заняты.

6. После этого царь поручил Птолемею охрану этих местностей, а сам во главе шестисот всадников и трех тысяч пехотинцев двинулся к Самарии с целью решить спор свой с Антигоном на поле брани. Однако командование Птолемея окончилось для него неудачей, потому что те отряды, которые и раньше производили смуты в Галилее, напали на него и убили его, после чего бежали в болота и неприступные местности, предавая все на пути своем разграблению. Однако Ирод сейчас же вернулся и наказал их, перебив часть мятежников и подвергнув осаде других, которые бежали в укрепления. Укрепления эти он взял, а людей перебил. Этим он раз и навсегда подавил в них стремление к мятежам, а города в наказание обложил данью в сто талантов.

7. Тем временем Пакор пал в битве, и счастье отвернулось от парфян. Тогда, по приказанию Антония, Вентидий послал Ироду на помощь Махера с двумя легионами и тысячью всадников. Между прочим, Махер, несмотря на увещевания Ирода, склонился на подкуп со стороны Антигона и удалился под предлогом ближе ознакомиться с положением дел последнего. Но, подозревая о его истинных намерениях, Антигон не стал дожидаться его прибытия, а встретил его градом камней пращников, тем самым показывая ему, что он понял его планы. Когда теперь Махер убедился, что Ирод посоветовал ему наилучшее и что он, не вняв его совету, поступил нехорошо, он двинулся назад к городу Эммаусу и в гневе на постигшую его неудачу стал избивать всех попадавшихся ему по пути иудеев, невзирая на то, враждебны ли они или дружественны ему. Тогда царь, в свою очередь, страшно рассердился и пошел к Самарии. Он решил пожаловаться Антонию и сказать ему, что не нуждается в таких союзниках, которые приносят больше вреда ему, чем врагам, и что он сам в силах справиться с Антигоном. Однако Махер последовал за ним и стал упрашивать остаться здесь или, по

крайней мере, в случае ухода, все-таки оставить при нем брата своего Иосифа, чтобы он вместе с ним мог воевать с Антигоном. Усиленные просьбы Махера заставили Ирода склониться на его сторону; он оставил ему Иосифа с войском, но советовал брату остерегаться опасности и не ссориться с Махером.

8. Сам Ирод поспешил к Антонию (который как раз в это время осаждал город Самосату на Евфрате), имея для своего прикрытия отряды конный и пеший. Прибыв в Антиохию и найдя там множество лиц, которые непременно желали поехать к Антонию, но не решались на это из боязни подвергнуться по пути нападению варваров и погибнуть, он смело предложил взять на себя главенство в этой экспедиции. На расстоянии двухдневного перехода от Самосаты туземцы устроили засаду, чтобы лишить Антония подвоза [припасов], причем эти люди заняли лесные опушки при входе в равнину, а значительные, спрятанные там же конные отряды должны были дожидаться, пока проезжающие не вступят на равнину. Когда проехали первые части и проследовал в арьергарде Ирод, на него внезапно бросилось из засады до пятисот врагов. Первые ряды быстро были обращены в бегство, царь же ринулся немедленно вперед на выручку товарищей и стал рубить врагов; этим он вновь возбудил мужество своих людей и придал им отваги, а так как тем временем бежавшие вернулись назад, то на варваров отовсюду посыпались удары и множество их подверглось избиению. Царь сам налег на них изо всех сил и двинулся вперед тогда лишь, когда ему удалось отбить у врагов все то, что они успели было похитить (множество вьючного скота и рабов). Когда же затем на них напало еще более значительное количество врагов, находившихся в засаде в лесах при выходе из равнины. Ирод вступил и с ними в отчаянный бой, обратил их в бегство и, перебив множество их, дал своим спутникам, которые называли его теперь своим спасителем и заступником, возможность беспрепятственно совершать дальнейший путь свой.

9. Когда Ирод приблизился к Самосате, Антоний выслал ему навстречу войско и личную свою свиту, чтобы выразить ему этим свое почтение и оказать поддержку: Антоний уже знал о нападении варваров. Он с удовольствием ждал приезда Ирода, и так как узнал о подвигах, совершенных им в пути, то принял его с выражением удивления его храбростью, немедленно заключил его в объятия и принял его с тем большим почетом, что он сам недавно провозгласил его царем. Так как немного спустя Антиох сдал Антонию свою крепость и тем самым война окончилась, Антоний поручил Сосию Сирию с приказанием поддерживать Ирода, а сам

двинулся в Египет. Сосий тотчас выслал два легиона в Иудею для поддержки Ирода, а сам с ядром своего войска последовал за ним.

10. В это время в Иудее умер Иосиф следующим образом: он совершенно забыл о том, что советовал ему брат его при отъезде к Антонию, и расположился лагерем на склонах гор (дело в том, что он во главе предоставленных ему Махером пяти когорт собирался двинуться на Иерихон, чтобы овладеть посеянным тамошними хлебом). Но так как римский отряд состоял из одних только новобранцев, которые были еще неопытны в военном деле (тем более, что большинство этих людей было набрано в Сирии), то, когда на него там напали враги, он увидел себя в критическом положении и должен был умереть. Пал он, сражаясь геройски, и потерял при этом всех своих воинов, именно шесть когорт. Победив таким образом врагов, Антигон велел отрубить Иосифу голову, а брат последнего Ферор предложил ему за нее пятьдесят талантов. После этого галилеяне отложились от своих наместников и потопили приверженцев Ирода в озере. В Иудее [также] произошли значительные смуты. Тем временем Махер принялся за укрепление местечка Гитты.

11. К царю между тем явились вестники с сообщением о случившемся и довели до его сведения в антиохийской Дафне о судьбе его брата, причем сам Ирод уже был предварен различными непреложными сновидениями о смерти брата. Поэтому он ускорил свое выступление к Ливанскому хребту, прибыл туда и, приняв в свое войско, состоявшее из одного римского легиона, еще около восьмисот туземцев, направился к Птолемаиде. Отсюда он ночью выступил во главе своего войска и пошел через Галилею. Тут против него выступили враги, но, будучи побеждены в битве, должны были вновь запереться в той крепости, откуда они вышли накануне. На заре Ирод совершил нападение на эту крепость, но так как он вследствие сильной снежной бури ничего не мог тут поделать, то отступил со своим войском в ближайшие деревни. Когда же сюда прибыл к нему второй, присланный ему Антонием легион, то враги, занимавшие укрепление, испугались и ночью покинули его. Затем царь поспешил к Иерихону, имея в виду отомстить жителям за смерть своего брата. Расположившись станом и угостив всех начальствующих лиц, Ирод затем отпустил их, а сам отправился в свою половину. Тут явилось доказательство милости Божией к царю: дело в том, что в этот самый момент рушилась крыша дома, причем никого не ранила. Из этого все могли убедиться, как Предвечный любит Ирода, раз он дал ему возможность избегнуть такой явной и великой опасности.

12. На следующий день шесть тысяч врагов спустились с горных вершин и своим желанием вступить в бой испугали римлян. Неприятельские легковооруженные выступили вперед и стали закидывать дротиками и камнями вышедший против них отряд царя, причем какой-то воин ударил самого Ирода копьём в бок.

Тем временем Антигон послал в Самарию полководца по имени Паппа, с небольшим отрядом, желая возбудить во врагах убеждение, что он ведет войну с большими силами, чем бы следовало. Этот полководец укрепился станом против Махера. Между тем Ирод [вскоре] взял пять городов, перебил найденных и захваченных там жителей, число которых доходило до двух тысяч, а сам, сжегши эти города, двинулся на Паппу. Последний расположился станом около деревни Каны. Тут [к Ироду] пристало множество людей из Иерихона и других частей Иудеи; когда же он подошел ближе и враги отчаянно ринулись ему навстречу, он сразился с ними и разбил их, а затем в отместку за убиение брата преследовал их до самой деревни, в которую они бежали, и по пути предавал их избиению. Так как все жилища были наполнены воинами и многие искали убежища на крышах, то Ироду пришлось взять их силой; когда же он велел разрушать крыши, то увидел, что внутри дома были полны воинов. Тогда сверху стали на них швырять глыбами камней и убивать их кучами. Это было самое ужасное зрелище за всю ту войну; груды тел были затем свалены друг на друга около стен. Это обстоятельство совершенно подавило мужество врагов, которым приходилось ожидать и себе такой же [печальной] участи.

Тогда вблизи деревни можно было видеть множество народа. Это были беглецы. Если бы не наступила жестокая зима, упоенное победой царское войско пришло бы к самому Иерусалиму, и все дело было бы сделано, тем более, что и Антигон ввиду всеобщего бегства теперь думал лишь об окончательном оставлении города.

13. Тогда царь, ввиду наступления вечера, отпустил солдат своих обедать, а сам, будучи очень утомлен, вошел в один из домов и стал купаться. Здесь [опять] он подвергся крайней опасности, из которой спасло его лишь Божие Провидение. Дело в том, что Ирод совсем уже разделся и при нем находился для услуг один только мальчик, как вдруг мимо него пробежал какой-то воин с обнаженным мечом и выскочил в дверь, за ним последовали с таким же оружием второй и третий. Эти воины бежали было в тот дом и скрывались внутри его из страха. Теперь они так были напуганы, что не тронули царя, думая об одном лишь, как бы самим беспрепятственно спастись из дома. На следующий день Ирод распорядился отрубить у павшего Паппы голову и

отослать ее Ферору в знак отмщения за судьбу брата: Паппа собственноручно убил последнего.

14. По окончании зимы Ирод двинулся отсюда подошел к самому Иерусалиму и расположился вблизи его лагерем⁹⁸⁷. То был уже третий год, что его назначили в Риме царем. Затем он двинулся вперед, подошел совсем близко к той части городской стены, которая была менее всего укреплена, и расположился лагерем перед самым храмом, имея в виду вести атаку точно таким же образом, как то некогда сделал Помпей. Он распорядился соорудить три вала в этой местности и воздвигнуть на них башни, причем работа шла крайне энергично и все окрестные деревья были срублены.

Поручив эти работы специалистам, сам Ирод, пока его войско стояло здесь еще лагерем, поехал на свою свадьбу в Самарию, чтобы жениться там на дочери Александра и внучке Аристобула, с которой, как мной было выше упомянуто, он был обручен⁹⁸⁸.

Глава 16

1. Свадьба эта была уже справлена, как через Финикию двинулся Сосий, выславший вперед часть своего войска изнутри страны, а сам во главе многочисленного конного и пешего отряда следовавший за ним. Тогда явился из самарянской области и царь, ведя с собой значительное подкрепление к прежним своим боевым силам: у него было теперь около тридцати тысяч человек. Все эти войска, в составе одиннадцати легионов, шести тысяч конницы и прочих вспомогательных сирийских сил, собрались под стенами Иерусалима и расположились станом у северной части города. Войска эти были под командой двух лиц; Сосия, посланного Антонием в качестве союзника, и Ирода, старавшегося ради себя самого лишить власти Антигона, который в Риме был объявлен врагом [республики], чтобы самому вместо него занять, сообразно сенатскому постановлению, царский престол.

2. Собравшиеся отовсюду иудеи тем временем с большим рвением и мужеством сопротивлялись войскам Ирода и, будучи заключены в стенах города, сильно хвастались [неприступностью] храма и прославляли народ свой, которого Господь освободит-де от угрожающих опасностей. Все то, что из припасов находилось еще вне города, они собрали к себе, чтобы ни самим врагам, ни их выючным животным не оставалось никакой пищи, причем доставляли врагам затруднения своими неожиданными разбойничьими набегами. Когда об этом узнал Ирод, он поместил в наиболее соответствующих местах засады для поимки разбойников, а для доставления припасов разослал на далекое пространство вооруженные отряды и, таким

образом, собрал столько продовольствия, что вскоре у его войска было в изобилии все необходимое.

Вместе с тем, благодаря дружной работе стольких рук, вскоре были сооружены и три вала. Теперь было летнее время, так что ни погода, ни люди не могли помешать успешному ходу этих работ. Затем поместили [на валах] осадные орудия, стали поражать стену и пустили в ход все способы, чтобы овладеть городом. Тем временем, однако, осажденные нисколько этим не смущались, но, в свою очередь, употребляли все старания, чтобы ослабить начинания врагов; так, например, при своих вылазках они поджигали полуготовые или уже совсем готовые осадные орудия, а в происходивших при этом стычках нисколько не уступали римлянам в смелости, хотя и не обладали их опытностью [в военном деле]. Когда они разрушили первые осадные сооружения [римлян], неприятели воздвигнули новые; иудеи приняли, в свою очередь, все меры, сражались под землею с солдатами, занятыми прокладкой подземных подкопов, и вообще бились в этой войне до крайности, скорее, впрочем, из отчаяния, чем по предварительно строго определенному плану, тем более, что их осаждало такое значительное войско, да и донимали их голод и недостаток во всем необходимом, потому что тот год был субботним. И вот первыми из врагов взошли на стену двадцать добровольцев, а затем и центурионы Сосия. Первая стена была взята по истечении сорока дней, а вторая по прошествии пятнадцати дней. При этом были подожжены некоторые из храмовых портиков, в чем Ирод обвинил Антигона, имея в виду тем самым возбудить против него ненависть иудеев. Когда же были взяты окрестности храма и Нижний город, иудеи бежали в самый храм и в верхнюю часть города. А так как они боялись, что римляне помешают продолжать ежедневные жертвоприношения Господу Богу, то они отправили к ним посольство с просьбой разрешить им ввоз исключительно жертвенных животных. Ирод позволил им это в расчете, что они теперь сдадутся ему. Когда же он увидел, что ошибся в своих надеждах и что иудеи особенно рьяно стоят за Антигона, он собрал все свои силы и штурмом взял город. Произошла страшная резня, так как римляне были разъярены продолжительностью осады, а иудейские приверженцы Ирода не желали оставлять в живых ни одного противника. Тогда происходили массовые избиения на улицах, в домах и в храме, где жители искали убежища. Не было пощады никому – ни детям, ни старцам, ни слабым женщинам. Хотя царь повсюду посылал своих людей с просьбой щадить врагов, однако никто уже не сдерживал своих порывов, но предавал, как бы в опьянении, всех и все избиению. Тогда и Антигон, не думая о своей прежней,

равно как и настоящей, участи, покинул башню и бросился к ногам Сосия. Последний, однако, отнюдь не сжалился над постигшей его неудачей, но резко накинулся на него и обзывал его Антигоною⁹⁸⁹; впрочем, это не помешало ему не отпустить его, как женщину, на свободу; напротив, он велел связать его и отдать под стражу.

3. Теперь, победив врагов, Ирод задался целью обуздать также и своих иноверных союзников, потому что чужеземные войска собирались подвергнуть осмотру храм и его святыни. Одних царь удержал от этого путем убеждения, других угрозами, а некоторых пришлось прогнать даже с оружием в руках, потому что, если бы они узрели что-либо из запрещенного, он считал бы победу хуже поражения.

Вместе с тем он запретил также вполне разграблять город, неоднократно спрашивая Сосия, разве римляне желают лишить город окончательно людей и имущества и оставить его (Ирода) царем пустыни, тогда как ему не хотелось бы купить владычество даже над всей вселенной убиением стольких сограждан. Когда же тот возразил, что солдаты имеют право на грабеж вследствие участия своего в осаде, Ирод сказал, что он готов выдать каждому из них вознаграждение из своих собственных средств. Выкупив таким образом остальную часть города, царь исполнил свое обещание: он блестяще вознаграждал каждого воина, подобающим образом одарил военачальников, а Сосию сделал прямо царский подарок, так что римляне расстались с ним богатыми людьми.

4. Это бедствие постигло Иерусалим в консульство Марка Агриппы и Каниния Галла, в третий месяц сто восемьдесят пятой олимпиады⁹⁹⁰, и опять-таки в день поста, как бы для повторения постигшего иудеев несчастья при Помпее: двадцать семь лет тому назад, в этот же самый день, город был взят последним. Принеся затем в жертву Господу Богу золотой венец, Сосий ушел из-под Иерусалима и повез с собой в оковах Антигона, чтобы отдать его Антонию. Однако Ирод опасался, как бы Антигон не был пощажён Антонием, привезен им в Рим и там не был бы оправдан сенатом, если только он там заявит, что сам он происходит из царского рода, Ирод же простой человек, и что поэтому несмотря на некоторые его провинности относительно римлян, все-таки по происхождению царская власть принадлежит детям Антигона. Опасаясь такого оборота дела, он большой суммой денег уговорил Антония казнить Антигона. После этого Ирод избавился от своего страха, а владычество Хасмонеев прекратилось после ста двадцати шести лет⁹⁹¹.

Эта семья отличалась блеском и славой, не только происходя из знатного рода и обладая первосвященническим саном, но и выдаваясь геройскими подвигами, совершенными предками на пользу народа. Но Хасмонеи потеряли власть благодаря своим постоянным распрям, и власть эта перешла к сыну Антипатра, Ироду, происходившему из простонародья и из семьи, подчиненной царям. Однако довольно о семействе Хасмонеев.

* * *

*

См. также: [Иудейская война](#)

883

По летосчислению по олимпиадам – это 70 г. до н.э., если же исходить из данных римских консульских списков – 69 г.

884

около 8 литров. (Перев.)

885

Гней Помпей (106–48 гг. до н.э.) к этому времени приобрел в Риме славу выдающегося полководца. Он подавил восстание Сертория в Испании, участвовал в подавлении восстания Спартака, всего за сорок дней очистил Средиземное море от пиратов, разгромил понтийского царя Митридата VI Эвпатора, подчинил Риму правителя Армении Тиграна Великого. В результате его завоеваний на востоке в римские провинции были превращены Понт и Вифиния, Армения признала вассальную зависимость от Рима. В 63 г. до н.э. римской провинцией стала и Сирия.

886

Эмилий Скавр прибыл в Иудею по поручению Помпея в 64 г до н.э.

887

Главный храм Рима, посвященный Юпитеру (в римской мифологии – царь богов), а также его супруге богине Юноне (богиня брака и материнства) и Минерве (богиня мудрости, покровительница ремесел и искусств). Именно к этому храму направлялись триумфальные шествия римских полководцев, чтобы там принести жертву из захваченной добычи.

888

В «Иудейской войне» – Дион.

889

Митридат VI, разгромленный римлянами, бежал на Боспор (некогда им завоеванный) к своему сыну Фарнаку. Когда последний поднял мятеж против отца, Митридат приказал рабу убить себя. Произошло это в 63 г. до н.э. Фарнак несколько позднее, воспользовавшись гражданскими войнами в Риме, попытался отвоевать у римлян Понт. Тогда Юлий Цезарь в августе 47 г. стремительно перебросил свои войска из Египта в Малую Азию и с ходу разбил Фарнака в битве у Зелы. Фарнак был убит во время бегства. Об этой своей победе Юлий Цезарь сообщил предельно краткой фразой, ставшей крылатым изречением: «Пришел, увидел, победил».

890

См. Об этом также в «Иудейской войне» (I, 6, 6).

891

В 63 г. до н.э. Марк Туллий Цицерон (106–43 гг. до н.э.) – выдающийся римский оратор, писатель, общественный деятель. 63 год был апогеем его политической деятельности. На этот год он был избран консулом, и в этом качестве прославился подавлением заговора Катилины.

892

Тит Ливий (59 г. до н.э. – 17 г. н.э.) – крупнейший римский историк, автор капитального труда «История Рима от основания города» из 142 книг. К сожалению, текст тех книг, в которых идет речь о событиях, излагаемых здесь Иосифом, не сохранился.

893

Фауст Корнелий был сыном Луция Корнелия Суллы (138–78 гг. до н.э.), известного римского государственного деятеля и полководца. В 83 г. до н.э. Луций Корнелий Сулла установил свою диктатуру в Риме, а в 79 г. Отказался от власти. Как полководец одержал ряд блестящих побед, в том числе над Митридатом VI. Фауст Корнелий Сулла в дальнейшем оказался среди противников Юлия Цезаря и погиб.

894

Центурион – в римской армии командир центурии (сотни).

895

Стол.

896

Здесь изложена более точная, чем в «Иудейской войне» (I, 7, 6), версия посещения Помпеем Иерусалимского храма.

897

Corona muralis – золотой зубчатый венок был традиционной римской наградой для воина, который первым взбирался на стену вражеского города.

898

В состав провинции Сирии.

899

Легион («legio» – «набор») – боевая единица римской армии. После реформы Мария (107 г. до н.э.) легион, состоявший из 5–6 и более тысяч человек, подразделялся на 10 когорт по 500–600 воинов в каждой. Когорты делились на манипулы.

900

Авл Габиний был консулом в 58 г. до н.э. Следовательно, став в 57 г. наместником Сирии, он управлял ею в качестве проконсула, а не претора. Управление римскими провинциями бывшими консулами и преторами было введено во времена диктатуры Суллы.

901

Эти события изложены и в «Иудейской войне» (I, 8, 3–4) причем Иосиф дает там еще более восторженную оценку храбрости Марка Антония, будущего союзника, а затем главного соперника Октавиана Августа в борьбе за власть в Риме.

902

По «Иудейской войне» (I, 8, 5), три вышеназванные крепости были разрушены по просьбе матери Александра.

903

Иерусалим (с ранее единственным в Иудее синедрионом) утратил, таким образом, свое значение столицы. В этой реформе был реализован типично римский политический принцип: «Разделяй и властвуй».

904

Аристокл II правил в Иудее с 67 по 63 г. до н.э.

905

об этом говорится в «Иудейской войне» (I, 8, 7), но еще более кратко. Птолемей XII Авлет был изгнан александрийцами, но добился поддержки у Помпея и Красса, двух участников первого триумvirата (в этот негласный союз входил и Юлий Цезарь). По их приказу Габиний вторгся в Египет и снова возвел на престол Птолемея XII. Поскольку этим Габиний нарушил

волю римского сената, он вскоре был отозван для суда в Рим, а наместником Сирии в 54 г. стал Красс.

906

Архелай был поставлен у власти в Александрии вместо изгнанного Птолемея XII.

907

Библейская гора Табор, ныне Джебелет-Тур. (Перев.)

908

В борьбе за парфянский престол между сыновьями убитого Фраата III Митридатом и ородом победил последний. Митридат спасся бегством и попытался получить помощь у римлян для захвата власти в Парфии.

909

В «Иудейской войне» (I, 8, 8) Иосиф повествует об этом также кратко. Римское войско потерпело сокрушительное поражение от парфян при Каррах в 53 г. до н.э. С гибелью Красса распался и первый триумвират.

910

Гай Кассий Лонгин был квестором Красса. Он управлял Сирией с 53 по 51 г. до н.э.

911

Имеются в виду события начала 49 г. до н.э., когда Юлий Цезарь со своим войском из Галлии, перейдя Рубикон, стремительным броском овладел Римом.

912

Наместником Сирии в 49–48 гг. до н.э. был ревностный сторонник Помпея Квинт Цецилий Метелл Сципион. Он участвовал в битве при Фарсале на стороне Помпея.

913

Решающую победу над Помпеем Цезарь одержал в июле 48 г. до н.э. при Фарсале (на северо-востоке Греции). Помпей бежал в Египет, но был там убит. Юлий Цезарь, преследуя Помпея, высадился в Египте.

914

Здесь содержится явное противоречие с тем, что сообщает сам Иосиф в «Иудейской войне» (I, 9, 3). Там он говорит, что не Юлий Цезарь послал войска Митридату, которые остановились у Аскалона, а, наоборот, Митридат

стремился в Египет и был вынужден остановиться у Аскалона. Версия «Иудейской войны» выглядит гораздо убедительнее. Митридат, царь Пергама, спешил с войском на выручку Цезарю в Египет, где последний в Александрии отбивался от значительно превосходящих сил египтян (невероятно, чтобы в этой исключительно сложной ситуации Цезарь мог послать войска Митридату). Конфликт же в Египте произошел из-за вмешательства Юлия Цезаря в спор о египетском престоле между Птолемеем Дионисом и Клеопатрой. Митридат оказал существенную поддержку Цезарю. Соединившись с Митридатом, Цезарь разгромил египтян и отдал египетский престол очаровавшей его Клеопатре.

915

Это так называемый онийский округ, где жили египетские евреи.

916

Иудейский стан (лагерь) – это название местности, как сообщает Иосиф Флавий в «Иудейской войне» (I, 9, 4).

917

Азиний Поллион (76 г. до н.э. – 4 г. н.э.) – римский оратор, общественный деятель (консул в 40 г. до н.э.), поэт, историк. Известен как покровитель выдающегося поэта Вергилия. «История» Азиния не сохранилась. Известен также как основатель первой публичной библиотеки в Риме.

918

Т.е. 13 декабря. Идами римляне называли тринадцатый или пятнадцатый день месяца.

919

Это храм Конкордии на римском Форуме. В римской [религии](#) существовало обожествление некоторых абстрактных понятий. Так было обожествлено и персонифицировано в виде богини Конкордии понятие согласия (гражданского согласия).

920

В данном случае имеются в виду территориальные трибы (округа). Одной из форм народных собраний в Риме были трибутные комиции, где голосование происходило по трибам (каждая триба имела один голос).

921

Неясно, какую дату избрал в данном случае Иосиф Флавий для начала отсчета правления Гиркана II.

922

Притания – исполнение обязанностей афинскими должностными лицами – пританами – из числа Совета 500. Обязанности пританов исполнялись поочередно в течение года представителями каждой из десяти фил, на которые были разделены афинские граждане. Срок исполнения своих обязанностей каждым пританом составлял 35–36 дней. По пританам афиняне вели исчисление времени.

923

Архонты – высшие должностные лица в Афинах. По имени первого архонта (эпонима) назывался год.

924

Мунихион (по афинскому календарю) примерно соответствует апрелю.

925

очевидно, принадлежавший к Эрхии (дему, т.е. части филы, в Аттике).

926

Хариты – в древнегреческой мифологии богини радости и женской красоты. Наиболее известны были три хариты: Аглая («блеск»), Талия («цвет»), Эвфросина («радость»). Обычно их изображали в виде трех прекрасных обнаженных девушек. В Риме харит стали называть грациями.

927

Дионис – у древних греков бог растительности, виноградарства и виноделия. В честь Диониса устраивались празднества – дионисии (Великие дионисии. Сельские дионисии, Леней), сопровождавшиеся жертвоприношениями, хоровым пением, торжественными процессиями, театральными представлениями и состязаниями поэтов.

928

Панафинеи – главный афинский праздник в честь богини Афины. Великие Панафинеи праздновались раз в четыре года в течение пяти дней. Кульминационным моментом праздника было торжественное шествие с жертвами и новой одеждой, сотканной женщинами Афин для статуи богини в храме Эрехтейон на Акрополе. Празднество включало в себя также конкурсы музыкантов и певцов, соревнования атлетов, колесниц и т.д.

929

Элевсинские мистерии – официальные культовые празднества в Афинах в честь богини плодородия Деметры и ее дочери Персефоны. В основе

символического содержания элевсинских мистерий лежал миф о похищении Персефоны богом подземного царства мертвых Аидом. Персефона получила возможность две трети года проводить с Деметрой (и тогда природа плодоносит), но треть года она должна была оставаться с Аидом (в этот период года плодоносящие силы земли замирают). В мистериях могли принимать участие только посвященные – только им открывался сокровенный смысл культовых действий. Во время празднества совершалось торжественное шествие из Афин в близлежащий Элевсин, происходило посвящение в мисты, приносились жертвы Деметре, совершались культовые действия, недоступные для непосвященных.

930

Юлий Цезарь возвратился в Рим после победы над Фарнаком. В Риме он сумел погасить бунт легионеров, пообещав выполнить их требования, и вскоре отправился с шестью легионами в Африку, где находились крупные силы сторонников Помпея во главе с полководцем Метеллом Сиппионом, ярким республиканцем и противником всякого единовластия Марком Порцием Катонем Младшим и нумидийским царем Юбой. В апреле 46 г. до н.э. в битве при Тапсе Цезарь разгромил своих противников. Катон и Юба покончили жизнь самоубийством.

931

Император – высший почетный титул полководцев в республиканском Риме. Юлий Цезарь получил этот титул от своих воинов еще во время наместничества в Испании. В 45 г. до н.э. титул императора был присвоен ему сенатом (после разгрома Цезарем сыновей Помпея в Испании). Верховный жрец (*pontifex maximus*) – высшая жреческая должность в Риме. Юлий Цезарь был избран великим понтификом еще до своего наместничества в Испании.

932

Диктатор – должностное лицо в Риме, наделенное высшими чрезвычайными полномочиями на срок не более шести месяцев. В первый раз Цезарь получил полномочия диктатора осенью 49 г. до н.э., во второй раз – после победы при Тапсе (на десять лет); в 44 г. решением сената Юлий Цезарь был провозглашен пожизненным диктатором.

933

Этнарх – правитель области, в данном случае Иудеи.

934

Консул – высшее должностное лицо в Римской республике. На каждый год народное собрание избирало двух консулов. Гай Юлий Цезарь был консулом в 59 г., 48 г., 46 г. и 44 г. до н.э. Он отказался от присвоенного ему в 45 г. десятилетнего консульства.

935

Это постановление относится к 44 г. до н.э., так как пятое консульство Цезаря приходится на этот год.

936

Легат – в данном случае скорее всего чиновник из канцелярии наместника либо заместитель командующего армией.

937

Парос – один из островов Кикладской группы в Эгейском море. Остров Делос также находится в этом архипелаге.

938

Марк Антоний и Юлий Цезарь были избраны консулами на 44 г. до н.э. Поскольку Юлий Цезарь был убит в марте этого года, то коллегой-консулом Марка Антония стал Публий Корнелий Долабелла (избираемый в таких случаях консул назывался консулом суффектом).

939

Квесторы ведали финансовыми делами, их учетом. В военных походах они сопровождали консулов.

940

Т.е. 11 апреля.

941

Т.е. 9 февраля.

942

Азия – территория бывшего Пергамского царства в Малой Азии, ставшая римской провинцией в 129 г. до н.э.

943

Леней – название месяца в одном из местных календарей Малой Азии. Соответствует дистру в сирийско-македонском календаре.

944

Календы – в римском календаре первое число месяца. За двенадцать дней до октябрьских календ – 20 сентября.

945

Это римские консулы 49 г. до н.э.

946

Военный трибун – римский офицер (в легионе было от четырех до десяти трибунов).

947

Народный трибун – римский магистрат, избиравшийся только из плебеев как защитник их прав и интересов. Он имел право вето на решения магистратов, мог опротестовать решение сената. Пропретор – бывший претор, назначенный наместником провинции после окончания своей претуры.

948

Проквестор – квестор в провинции.

949

Т.е. постановление народного собрания.

950

Фаргелион – название месяца в афинском календаре. Соответствует дасию в сирийско-македонском календаре.

951

Сарды – город в Малой Азии (некогда столица Лидийского царства).

952

Кос – остров в Эгейском море.

953

Квинтилий – пятый месяц в древнеримском календаре (год начинался с марта). После смерти Юлия Цезаря был переименован в «юлий» (июль). По реформе календаря, осуществленной Юлием Цезарем, год начинался с 1 января.

954

Лаодикея – город в Малой Азии на реке Лик.

955

один из консулов суффектов 45 г. до н.э., избранный на три последних месяца этого года, так как Юлий Цезарь сложил с себя звание консула.

956

Траллы – город в Малой Азии.

957

Милет – город на юго-западном побережье Малой Азии.

958

Галикарнас – город на юго-западном побережье Малой Азии. В честь правителя Мавсола (371–353 гг. до н.э.) в городе был воздвигнут Мавзолей, считавшийся одним из семи «чудес света».

959

Анфестерион – название месяца в афинском календаре. Соответствовал дистру в сирийско-македонском календаре.

960

На Капитолии находился государственный архив Рима (Табулярий).

961

Это произошло в 46 г. до н.э.

962

Луций Стаций Мурк, прибывший в Сирию с тремя легионами, был наместником этой провинции в 45–43 гг. до н.э.

963

Гай Юлий Цезарь был убит в здании сената 15 марта 44 г. до н.э. Во главе заговора стояли Марк Юний Брут и Гай Кассий Лонгин. Вскоре после этого в Риме началась новая полоса гражданских войн.

964

Гай Кассий Лонгин прибыл в Сирию наместником вопреки решению комиций, которое отменяло прежнее решение Цезаря. Сирия должна была достаться не Кассию (ему была определена Киренаика), а Долабелле, сыгравшему важную роль в установлении порядка в Риме в связи с массовыми выступлениями плебса из-за убийства Цезаря. Но Кассий прибыл в Сирию в конце 44 г., раньше Долабеллы.

965

Иосиф Флавий, очевидно, имеет в виду соперничество за власть между консулом Марком Антонием и молодым (ему было всего 19 лет) Октавианом, усыновленным в свое время Цезарем, сразу после убийства Цезаря. Это соперничество вылилось в военные действия, когда Марк Антоний двинул войска в Галлию, чтобы расправиться с противником Цезаря Децимом Брутом, а против Антония выступили основные силы римской армии во главе с консулами и Октавианом. Антоний был разбит, однако в ноябре 43 г.

до н.э. Октавиан, Марк Антоний и наместник Нарбоннской Галлии Эмилий Лепид заключили союз (так называемый второй триумвират).

966

При заключении своего договора триумвиры условились, что Лепид должен стать консулом на следующий год и остаться в Риме, а Антоний и Октавиан поведут легионы на восток, где обосновались их главные противники Марк Юний Брут (в Македонии) и Гай Кассий Лонгин (в Сирии).

967

Кассий отправился с войском в Малую Азию, чтобы соединиться с Брутом. Соединение их сил произошло в начале 42 г. до н.э. в Сардах. Затем они двинулись в Македонию, куда прибыли легионы Антония и Октавиана.

968

В «Иудейской войне» (I, 12, 1) Иосиф называет его Феликсом.

969

Речь идет о Мариамме из рода Хасмонеев.

970

В октябре 42 г. до н.э. при Филиппах (в Македонии) Антоний и Октавиан разгромили Брута и Кассия. После этой победы триумвиры разделили управление территорией государства: Антонию достались восточные провинции, Октавиану – западные, Лепид получил Африку.

971

Епархия – греческий эквивалент латинского термина «провинция».

972

В ходе первого боя при Филиппах Брут обратил в бегство войска Октавиана, Кассий же потерпел поражение от Антония и покончил жизнь самоубийством. Во втором сражении Антоний и Октавиан разгромили легионы Брута. Бежавший Брут пронзил себя мечом.

973

Речь идет о правительнице Египта Клеопатре VII, сумевшей до этого очаровать Юлия Цезаря (у них родился сын Цезарион). Будучи любовницей Цезаря, Клеопатра два года жила в Риме (до его убийства). Ее приезд в киликийский Тарс, где находился Антоний, по сообщению Плутарха, был обставлен чрезвычайно помпезно. Женское обаяние 28-летней Клеопатры, окружавшие ее роскошь и праздность пленили Марка Антония. С этих пор

начался его пылкий роман с Клеопатрой, который смогла прервать только смерть.

974

Мессала – римский сенатор.

975

Так называлось предместье Антиохии, славившееся своей красотой и служившее любимой резиденцией сперва Селевкидам, а затем и римским полководцам. Здесь находилась знаменитая роща из лавровых деревьев (отсюда название местности) с храмом Аполлона. (Перев.)

976

Тетрарх – титул правителя четвертой части какого-либо региона. Тетрархами называли также не только «четверовластников» в строгом смысле этого слова, но и мелких властителей вообще.

977

Парфяне захватили почти всю Сирию в конце 41 или в начале 40 г. до н.э. Пакор был сыном парфянского царя орода I.

978

Приморский город в Галилее между Тиром и Птолемаидой. (Перев.)

979

В «Иудейской войне» (I, 13, 5) Иосиф называет этого сирийского богача Сарамаллой.

980

По «Иудейской войне» (I, 13, 8) – Иродион.

981

очевидно, речь идет о событиях 41–40 гг. до н.э., когда произошел острый конфликт между Октавианом и консулом 41 года Луцием Антонием (братом Марка Антония), вместе с которым действовала Фульвия, жена Марка Антония. Октавиан осадил противников в городе Перузии и принудил их сдаться. Сохранив жизнь Луцию Антонию и Фульвии, он жестоко расправился с жителями и защитниками Перузии. Обеспокоенный Марк Антоний прибыл в Рим, однако до сражения дело не дошло. Конфликт был урегулирован новым соглашением (фактически повторявшим прежнее), триумвират сохранился.

982

Трирема – корабль с тремя рядами весел.

983

Т.е. Октавиан. После усыновления Юлием Цезарем он сменил свое имя на Гай Юлий Цезарь Октавиан (прежнее имя было Гай Октавий Фурий). С 40 г. до н.э. (о событиях этого года как раз и идет речь) он именовался Императором Цезарем.

984

Т.е. в 40 г. до н.э.

985

Публий Вентидий Басс, легат Антония, прибыл в Иудею в 39 г. до н.э. В 39–38 гг. Он нанес парфянам ряд крупных поражений, вернув Риму восточные провинции. За это он был удостоен титула императора и триумфа.

986

Т.е. Иоппия.

987

Это был 37 г. до н.э.

988

Речь идет о свадьбе Ирода и Мариаммы из рода Хасмонеев.

989

Конечно, Сосий не сравнивал Антигона с Антигоной, которая была, по греческой мифологии, дочерью фиванского царя Эдипа и похоронила вопреки приказу царя брата-изменника, за что была осуждена на мучительную смерть, но покончила с собой. Сосий хотел подчеркнуть беспомощность Антигона, называя его женским именем.

990

По спискам римских консулов – это 37 г. до н.э. При датировке по олимпиадам Иосиф снова не указывает порядковый год очередной олимпиады (почему-то назван месяц).

991

Антигон – последний правитель из рода Хасмонеев – был казнен в 37 г. до н.э. Определяя срок правления этой династии, Иосиф противоречит себе, так как ранее он сообщал, что Иуда Маккавей стал править со 166 г. до н.э. (XII, 6, 3). Возможно, Иосиф ведет отсчет правления этой династии со 163 г.,

исходя из того, что именно в этом году Иуда стал первосвященником (XII, 10, 6).

Книга 15

Предисловие

Содержание книги охватывает первые восемнадцать лет правления Ирода I. Политическая история Иудеи этого времени снова излагается Иосифом Флавием в тесной связи с политическими событиями в Риме, приведшими к утверждению империи. Довольно подробно рассказана история борьбы за власть между Октавианом и Антонием. Но главное внимание автора сосредоточено на усилиях Ирода сохранить свою власть в сложной политической ситуации, когда он, будучи союзником Антония, сумел добиться расположения Октавиана. Иосиф описывает беспощадные расправы Ирода с теми, кто посягал либо мог посягать на его власть. Много внимания уделяется личной жизни жестокого правителя; центральное место здесь занимает неистовая любовь Ирода к Мариамме, завершившаяся ужасной трагедией. Но даже и эта сюжетная линия своеобразно накладывается на эпизод из римской истории – пылкую и тоже трагическую любовь Марка Антония и Клеопатры. Последняя глава книги содержит описание Иерусалимского храма, построенного Иродом I.

Глава 1

1. О том, как Сосий и Ирод силою взяли Иерусалим и при этом полонили Антигона, нами было рассказано в предшествующей книге. Теперь нам придется говорить о событиях, находящихся в связи с предыдущими.

После того как Ирод подчинил себе всю Иудею, он удостоил высокого почета всех тех, кто поддерживал его, пока он еще не достиг власти; всех же приверженцев своих противников он постоянно и непрерывно преследовал, и не проходило дня, чтобы он не подвергал их мучениям. Особенного же почета с его стороны удостоивались фарисей Поллион и ученик последнего, Самея, потому что эти люди советовали своим согражданам во время осады Иерусалима принять к себе Ирода. Теперь они получали за это заслуженную награду. Этот же самый Самея некогда предсказал Гиркану и судьям, когда они судили Ирода за преступление, за которое полагалась смертная казнь, что, если они оправдают Ирода, последний всех их умертвит. Это

предсказание, по воле Господа Бога, впоследствии действительно оправдалось.

2. Теперь же, овладев Иерусалимом, Ирод стал собирать все царские драгоценности. При этом он не стеснялся грабить лиц состоятельных. Набрав таким образом множество серебра и золота, он одарил всем этим Антония и его друзей. Вместе с тем он распорядился умертвить сорок пять главных приверженцев Антигона и велел поставить к городским воротам стражу с приказом следить за тем, чтобы из города не было унесено имущество казненных. При этом убитые подвергались тщательному обыску, и все серебро и золото, равно как все находившиеся при них драгоценности, передавались царю. Вообще творились всякие безобразия ввиду того, что царь отличался отчасти большою любостыжательностью, отчасти очень нуждался в деньгах, потому что ввиду субботнего года земля оставалась совершенно невозделанною. Именно теперь наступил субботний год, когда нам запрещено сеять.

Между тем, взявший в плен Антигона и державший его в оковах, Антоний рассчитывал сохранить его для своего триумфа. Когда же он узнал, что народ волнуется и относится с расположением к Антигону, ненавдя Ирода, он решил отрубить Антигону голову в Антиохии, ибо иначе нельзя было никак успокоить иудеев. Подтверждение моим словам находится у каппадокийца Страбона, который говорит [по этому поводу] следующее:

«Привезя иудея Антигона в Антиохию, Антоний отрубил ему там голову. Он был первым римлянином, который велел таким образом казнить царственное лицо; по его мнению, иначе нельзя было заставить иудеев признать вместо него вновь провозглашенного царем Ирода, потому что даже пытки не могли побудить иудеев называть последнего царем. Так высоко было их мнение о прежнем царе. Антоний при этом полагал, что бесславная смерть царя заставит забыть иудеев о нем, а с другой стороны, ослабит ненависть их к Ироду». Таково свидетельство Страбона.

Глава 2

1. Когда первосвященник Гиркан, находившийся в плену у парфян, узнал, что царская власть перешла к Ироду, он явился к последнему, бежав следующим образом из плена: Барцафарн и Пакор, военачальники парфянские, захватив в плен Гиркана, бывшего сперва первосвященником, а затем и царем, а также брата Ирода, Фазаеля, увели их к себе в страну парфянскую. Фазаель, не снесший позора быть в оковах и предпочитавший

славную смерть какой-нибудь жалкой жизни, сам наложил на себя руки, как я рассказал уже выше.

2. Когда же Гиркан был привезен к парфянскому царю Фраату⁹² и последний узнал о его знатном происхождении, то к нему стали относиться более мягко. Ввиду этого царь освободил Гиркана от оков и разрешил ему жить в Вавилоне, где тогда было много иудеев. Последние почитали Гиркана как первосвященника и царя, равно как делали это и все прочие иудеи, жившие у Евфрата. Это было Гиркану приятно. Когда же он узнал, что царская власть перешла к Ироду, он воспрянул духом, во-первых, потому, что был вообще расположен к Ироду, а затем и оттого, что рассчитывал, что Ирод вспомнит об оказанной ему некогда услуге, когда Гиркан спас его от опасности смерти во время суда, которому подвергся Ирод. При этом Гиркан говорил с иудеями о том, как бы ему хотелось отправиться к Ироду. Те, однако, удерживали Гиркана от этого и уговаривали его остаться, указывая на то, что он пользуется у них всяческой властью и почетом как первосвященник и царь, тогда как он на это не будет там иметь права вследствие того, что его некогда искалечил Антигон, при этом они поставляли ему еще на вид, что цари не всегда помнят услуги, оказанные им, когда они были еще простыми людьми, и что поворот в их судьбе нередко изменяет их мирозерцание.

3. Несмотря на все эти представления, имевшие в виду одно лишь благо Гиркана, последний, однако, все-таки хотел уехать, тем более, что и Ирод прислал ему письмо, в котором советовал упросить Фраата и тамошних иудеев не сердиться на него, если он, Гиркан, разделит царскую власть с Иродом. При этом Ирод упоминал еще, что теперь как раз наступил момент, когда он сможет отблагодарить его за все оказанные ему благодеяния – как за полученное воспитание, так и за спасение ему жизни, – и тогда Гиркан сможет воспользоваться этим. Отправив такое письмо Гиркану, Ирод одновременно с этим послал к Фраату послом Сарамаллу с богатыми дарами и просьбою долгие не препятствовать ему воздать должное по заслугам своему благодетелю. Впрочем, Ирод тут вовсе не имел в виду оказать услугу Гиркану: но так как он правил вовсе не так, как следовало, то он опасался всяких осложнений и потому скорее желал иметь в руках Гиркана или же совершенно от него избавиться. Последнее он, впрочем, несколько позже и сделал.

4. Гиркан склонился на эти убеждения и, будучи отпущен царем парфянским и снабжен деньгами со стороны иудеев, прибыл [к Ироду], который принял его со всякими почестями и дал ему первое место во время совещаний и обедов, называя его при этом обманным образом отцом своим и всячески

стараясь подавить в нем всякое подозрение в его лояльности. Вместе с тем Ирод предпринял также многое другое, чтобы таким путем закрепить за собою власть. Но из этого вышли лишь осложнения для него самого и для его семьи. Остерегаясь назначить на пост первосвященника какого-нибудь представителя знати, он нарочно послал в Вавилон за неким Ананилом, простым священником, и поручил ему первосвященство.

5. Однако дочь Гиркана, Александра, жена Александра, сына царя Аристобула, родившая Александру двоих детей, прекрасного Аристобула и милостивую Мариамму, жену Ирода, не отнеслась спокойно к такому унижительному с нею обращению. Она очень обеспокоилась и смутилась позором ее сына в том смысле, что при его жизни первосвященническое достоинство перешло к какому-то выскочке. Поэтому она отправила при содействии одного музыканта письмо Клеопатре с просьбою добиться от Антония назначения на пост первосвященника ее сына.

6. Но Антоний медлил с исполнением этой просьбы; [в это время] в Иудею прибыл по своим делам друг его, Деллий. Увидя Аристобула, он был в восторге от его красоты и статного сложения, равно как преклонился перед красотой царицы Мариаммы, и сказал, что Александра является матерью редко красивых детей. Когда же Александра стала говорить с ним, он убедил ее велеть срисовать обоих детей и послать портреты Антонию, который-де при виде их не откажет ей ни в чем. Александра из тщеславия поддавалась этим убеждениям и послала портреты Антонию. При этом Деллий не прекращал своих восхвалений и дошел до того, что сказал, что эти дети не человеческие, но от какого-нибудь бога. Этим он хотел возбудить в Антонии чувство похотливости. Антоний, впрочем, побоялся послать за царицею, женою Ирода, но отправил послов за юношею с оговоркою, впрочем: «...если это не представит затруднений». Когда это было сообщено Ироду, он решил, что не безопасно послать такого красавца, каким тогда был шестнадцатилетний Аристобул, да вдобавок еще знатного рода, к Антонию, самому могущественному тогда римлянину, который охотно предавался всевозможным эротическим увлечениям и имел возможность беспрепятственно доставлять себе какие угодно удовольствия. Поэтому он отписал ему, что, если только этот юноша выедет из страны, это подаст немедленно повод к войне и всяким смутам, потому что иудеи только и рассчитывают на нового царя для совершения государственных переворотов.

7. Приведя это в свое оправдание перед Антонием, Ирод решил дольше не оскорблять юноши и Александры, тем более, что и жена его, Мариамма, усиленно упрашивала его предоставить первосвященническую власть ее

брату; к тому же и Ирод был убежден в соблюдении своих личных при этом интересов, потому что Аристокбул, достигнув такого почета, не сможет уже уйти из страны. Поэтому он созвал друзей своих на совещание и стал сильно жаловаться на Александру, говоря, что она злоумышляет против царства и при посредстве Клеопатры домогается свержения его с престола, дабы, при помощи Антония, юный Аристокбул получил престол вместо него. При этом он указал на незаконность и бесчестность ее домогательств, потому что Александра тем самым лишила бы и дочь свою ее высокого почетного положения и вместе с тем вызвала бы смуты в самом царстве, которое он создал с такими трудностями и которого добился путем невероятных опасностей. Вместе с тем, продолжал он, он готов забыть все несправедливые домогательства и попытки ее лишить его законной власти и готов теперь передать первосвященническое достоинство ее сыну, вместо которого он раньше назначил Ананила, так как [в то время] Аристокбул был еще совсем ребенком. Все это Ирод говорил не без задней мысли и крайне обдуманно, имея в виду ввести в полнейшее заблуждение присутствующих женщин и друзей. Тогда Александра в волнении, отчасти от радости вследствие выпавшей на долю сына ее чести, которой она теперь никак уже не ожидала, отчасти из страха перед тем, как бы не навлечь на себя подозрения, стала со слезами на глазах оправдываться, говоря, что она действительно изо всех сил старалась добиться для сына первосвященнического достоинства, но отнюдь не злоумышляла против царской власти. Впрочем, говорила Александра, она не желала бы воспользоваться последней, если бы ей и пришлось достигнуть ее, так как уже теперь на ее долю выпала достаточно великая честь, что царствует Ирод, который один перед всеми умеет дать всей семье достаточную безопасность. Ныне же, закончила она речь свою, она совершенно подавлена благодеянием, оказанным ее сыну в форме предоставленной ему чести быть первосвященником, и она сама готова безусловно повиноваться во всем [Ироду], причем просит извинить ее, если она, вследствие родственных отношений или слишком понадеявшись на себя, совершила что-нибудь непристойное.

После этого все они помирились и в знак того подали друг другу руки. Этим, казалось, было устранено всякое недоразумение.

Глава 3

1. Тогда Ирод немедленно сменил первосвященника Ананила, который, как мы упомянули выше, не был туземным евреем, но происходил из переселившихся за Евфрат иудеев, ибо много десятков тысяч представителей

этого народа поселилось в Вавилонии. В числе их был и Ананил, происходивший, впрочем, из первосвященнического рода. Издавна у него были дружественные отношения к Ироду. Захватив царский престол, Ирод почтил Ананила [высоким саном первосвященника], а теперь опять сместил его для того, чтобы уладить внутренние семейные неурядицы. Впрочем, тут Ирод поступил противозаконно, потому что первосвященник, раз утвержденный в этом сане, считался несменяемым. Впрочем, первым нарушил это правило Антиох Эпифан, сменивший Иисуса и поставивший на его место Хонию, вторым был Аристовул, отнявший сан у своего брата Гиркана, а третьим явился Ирод, предоставивший это место юному Аристовулу.

2. Таким образом, Ироду казалось, что он уладил свои семейные дела, хотя он и не переставал, как бы то следовало ввиду состоявшегося примирения, относиться с подозрением к Александре, боясь, чтобы она, по примеру прежних интриг, не вздумала улучшить минуту для совершения государственного переворота. Поэтому он распорядился, чтобы она не покидала царского дворца и ничего не смела предпринимать самостоятельно; кроме того, была назначена стража, которая должна была следить, чтобы она без ведома царя не делала ничего, что не входило бы в круг ее ежедневных обязанностей. Все это вскоре восстановило против него Александру и вызвало в ней ненависть к Ироду. Преисполненная женского тщеславия, она не выносила подозрительного за собою наблюдения, предпочитая подвергаться чему угодно, чем лишаться, под видом почета, свободы и жить в рабстве и [постоянном] опасении.

Поэтому она отправила Клеопатре письмо с горькими сетованиями на свою судьбу и с просьбою оказать ей посильную помощь. Клеопатра посоветовала ей тайно бежать с сыном к ней в Египет. Этот совет пришелся Александре по вкусу, и она следующим образом стала приводить его в исполнение. Велев приготовить два гроба, она легла в один и приказала сыну лечь в другой, причем распорядилась, чтобы посвященные в план слуги вынесли их ночью. Путь отсюда лежал у них к морю, где уже был готов корабль, на котором беглецы намеревались переправиться в Египет. Этот план сообщил при случайной встрече Саббиону, одному из приверженцев Александры, ее прислужник Эзоп, полагая, что тот уже знает о нем.

Узнав об этом, Саббион, который был на дурном счету у Ирода, считавшего его одним из отравителей отца своего, Антипатра, вздумал вновь снискать себе благоволение царя доносом и сообщил ему о всем плане Александры. Ирод дал последней дойти до исполнения задуманного намерения и затем

велел схватить ее с поличным на месте преступления. Несмотря на все желание наказать ее, Ирод тем не менее посмотрел сквозь пальцы на ее провинность (тем более, что не желал возбуждать и без того недовольную им Клеопатру) и сделал вид, будто прощает ее из великодушия. Однако вместе с тем он окончательно решил избавиться от юноши; впрочем, он решил отложить пока это дело, чтобы совпадение двух событий не слишком резко бросилось всем в глаза.

3. Когда вскоре наступил праздник Кущей (празднующийся у нас с большой пышностью), он весело провел эти дни, предаваясь вместе со всем остальным народом удовольствиям. Впрочем, по этому поводу чувство зависти вскоре побудило его привести в исполнение задуманное намерение. Дело в том, что, когда юный Аристокбул, достигший тогда семнадцатилетнего возраста, в полном первосвященническом облачении приступил к алтарю, чтобы принести жертву и совершить все по установленному ритуалу, и при этом обнаружилась его необыкновенная красота и статность, явный признак его родовитого происхождения, собравшуюся толпу народную охватил нескрываемый экстаз, и все вспомнили о деяниях, совершенных его дедом, Аристокбулом. Побежденная этим чувством, толпа сейчас же обнаружила свое настроение, стала громко и бурно выражать свой восторг кликами и пожеланиями всякого благополучия, так что тут обнаружился весь восторг народа, притом в более высокой степени выражалась благодарность за прежде полученные благодеяния, чем то было позволено в присутствии настоящего царя. Вследствие всего этого Ирод решился привести в исполнение свой замысел относительно юноши. Когда однажды, после праздника, Ирод обедал в Иерихоне, куда Александра пригласила его вместе с сыном, царь весело шутил с юношей, а затем увлек его в отдаленное место и здесь стал предаваться в его обществе различным играм и юношеским забавам. Но так как здесь стало слишком жарко, то они скоро утомились и вышли освежиться к тем большим прудам, которые находились на дворе и несколько освежали полуденный зной. Они сперва глядели, как купались служители и приближенные, а затем и Аристокбул, по совету Ирода, полез в воду. Тут приятели, которым Ирод заранее отдал соответствующее распоряжение, стали как бы в шутку погружать Аристокбула в воду и не раньше отпустили его, пока он не утонул. Таким образом погиб Аристокбул, которому было всего только восемнадцать лет. В течение одного года он был первосвященником, а преемником ему вновь стал Ананил.

4. Когда весть об этом несчастье дошла до женщин, их радость сразу сменилась горем и глубокою печалью о безвременно погибшем; также и во

всем городе при получении скорбного известия был траур, причем каждая семья оплакивала юношу как своего родного. Еще более скорбела Александра, особенно когда узнала, каким образом произошла гибель ее сына; но ей приходилось сдерживать себя, чтобы избегнуть еще большего горя. Она несколько раз думала покончить с собою, но воздерживалась от этого при мысли, что, если она останется в живых, ей легче будет отомстить за столь гнусно загубленного юношу. Поэтому она решила оставаться дольше в живых и не подавать никакого виду, будто знает, что ее сын погиб не случайно, самой же тем временем выжидать удобного случая для мести. Таким образом Александра всеми силами отвлекала от себя подозрение. Ирод же, со своей стороны, старался перед всеми показать, что смерть юноши произошла совершенно случайно, и потому не только представлялся глубоко опечаленным, но горько плакал и выражал печаль свою открыто, причем, быть может, истинная скорбь и обуяла его, когда он видел перед собою труп цветущего и прекрасного усопшего, хотя и считал смерть последнего необходимою для своей личной безопасности. Очевидно, всем этим Ирод старался отвлечь от себя подозрение в виновности в смерти юноши. Вместе с тем он ревностно отнесся к устройству особенно торжественных похорон, велел соорудить великолепный гроб и позаботился об обилии курений; равным образом он распорядился положить в гроб также множество драгоценностей. Этим он рассчитывал несколько умерить горе женщин и ободрить их своею щедростью.

5. Между тем всем этим он, однако, нисколько не обманул Александры; напротив, постоянное напоминание ей о постигшем ее бедствии делало ей царя еще ненавистнее, и она печалилась больше и больше; тогда она написала Клеопатре о коварстве Ирода и гибели сына. Клеопатра и раньше всегда готова была исполнить просьбы Александры, которой несчастью она соболезновала, и потому она приложила всяческое старание, не переставая побуждать Антония отомстить за смерть юноши. Несправедливо, говорила она при этом, что Ирод, получивший от Антония без всякого со своей стороны права царскую власть, теперь совершает такие беззакония по отношению к настоящим царям. Антоний склонился на ее доводы и, когда прибыл в Лаодикею, послал за Иродом, чтобы он оправдался в гибели Аристубула, причем Антоний присовокупил, что, если это убийство случилось с его ведома, он поступил совершенно незаконно. Опасаясь этого разбирательства, а также боясь раздражить Клеопатру, не перестававшую возбуждать против него Антония, Ирод решил повиноваться (другого выхода тут не было); поэтому он передал все дела шурина своему, Иосифу, тайно

наказав ему, в случае, если ему, Ироду, придется погибнуть от руки Антония, немедленно убить также Мариамму: сам он был слишком привязан к этой женщине и опасался, как бы, в случае его смерти, ее красота не послужила для кого-либо другого предметом искушения. Такого позора Ирод особенно боялся, имея в виду главным образом Антония, который домогался этой женщины, потому что уже успел прослышать о ее красоте и влюбиться в нее. Распорядившись таким образом, Ирод отправился к Антонию, причем вообще не ожидал ничего для себя хорошего.

6. Заведывая всеми делами во дворце и потому часто встречаясь с Мариаммой, которую приходилось навещать из чувства приличия, Иосиф многократно бывал у нее и каждый раз особенно распространялся о любви и преданности к ней Ирода. А так как они, и в особенности Александра, по-женски принимали его слова за комплименты, Иосиф в своем рвении показать расположение царя к Мариамме дошел однажды до того, что сообщил им о приказании царя. Этим он думал уверить царицу, что Ирод не может жить без нее и не желал бы даже разлучаться с нею после смерти, если бы его постигло какое-нибудь несчастье. Таковы были намерения Иосифа. Между тем женщины, как и можно было предполагать, вовсе не усмотрели в этом любви Ирода, а, напротив, вывели заключение о гнусности его, который при своей смерти думал лишь об их гибели и насильственной кончине, и отнеслись к словам [Иосифа] с сильною подозрительностью.

7. В это же время со стороны недругов Ирода по городу Иерусалиму был пущен слух, что Антоний позорно казнил его. Конечно, этот слух привел в замешательство всех во дворце, особенно женщин. Александра стала уговаривать Иосифа бежать с ними из дворца к знаменам римского легиона⁹⁹³, который тогда расположился станом под стенами города для охраны царской власти и находился под командою Юлия. Таким путем, говорила она, во-первых, расположенные в их пользу римляне дадут им безопасное убежище в случае возникновения бунта во дворце, а во-вторых, они смогут рассчитывать на исполнение всевозможных желаний, если только Мариамму увидит Антоний, при помощи которого можно будет вернуть утраченную власть и все то, что по праву принадлежит людям истинно царского происхождения.

8. Между тем, пока они все еще рассуждали об этом, пришло письмо Ирода с сообщением всего хода дела, из которого видно было, что слухи, безусловно, ложны и неправильны. Прибыв к Антонию, Ирод быстро склонил его на свою сторону теми дарами, которые привез с собою из Иерусалима, а дружественным разговором вскоре достиг того, что Антоний перестал

сердиться на него и прежние наветы Клеопатры на него совершенно утратили всякую силу. При этом Антоний выразился в том смысле, что нехорошо привлекать царя к ответственности за то, что происходит у него в царстве (в таком случае он сам не желал бы быть царем), ибо те, кто предоставил царю его власть, должны предоставить ему и полное право пользоваться ею. Вместе с тем он сказал, что не позволит более Клеопатре вмешиваться в дела правителей. О всем этом писал Ирод и описывал при этом о почестях, которыми удостоил его Антоний, ежедневно приглашавший его на совещания и к своему столу, несмотря на все происки Клеопатры, сильно желавшей завладеть его страной и добиться царской власти, а потому старавшейся всеми способами избавиться от него. А раз он достиг благоволения Антония, ему. Ироду, уже нечего опасаться более неприятностей с его стороны; он скоро вернется, а расположение Антония укрепит его на престоле и упрочит за ним его положение. Клеопатре тоже более не на что рассчитывать, потому что, в ответ на ее домогательства, Ирод предоставил ей Келесирию, чем удовлетворил ее и положил предел ее вожделениям, которые она всегда питала относительно Иудеи.

9. По получении этого письма женщины отказались от своего намерения бежать к римлянам в случае смерти Ирода. Однако план их не остался в тайне. Когда Антоний двинулся на парфян⁹⁹⁴, а Ирод вернулся в Иудею, сестра царя Саломея и мать его немедленно донесли ему то, что они узнали об Александре, причем Саломея стала еще обвинять мужа своего, Иосифа, в сожительстве с Мариаммою. Саломея говорила все это из чувства давнишней вражды к царице, потому что последняя во время случавшихся между ними размолвок всегда держала себя свысока с нею и укоряла ее в низком происхождении. Так как Ирод был страстно влюблен в Мариамму, то страшно взволновался и едва мог удержаться от выражения своей ревности каким-нибудь насильственным актом. Однако он сдержал свой порыв и с глазу на глаз спросил Мариамму о ее отношениях к Иосифу. Та стала клясться и привела в доказательство своей невиновности все, что только могла, и тогда царь понемногу склонился в ее пользу. Побежденный любовью к жене, он вскоре забыл свой гнев, так что даже стал извиняться, что поверил наветам. Вместе с тем он горячо благодарил ее за ее целомудрие и стал уверять ее в своей пылкой любви. В конце концов, как это бывает в таких случаях, оба расплакались и заключили друг друга в объятия. Пока царь хотел все больше и больше уверить ее в своей любви к ней и вызвать в ней то же самое чувство к нему, Мариамма вдруг сказала: «однако вовсе не доказательство твоей любви, что ты приказал сделать, если бы погиб от руки

Антония, а именно чтобы и я безвинно погибла». Эти слова совершенно расстроили царя, он немедленно оттолкнул от себя жену, зарыдал, стал рвать на себе волосы и говорил, что теперь имеется налицо явное доказательство ее интимных отношений к Иосифу, ибо тот не проговорился бы о тайно полученном поручении, если бы у них не установились слишком близкие отношения. В таком состоянии царь чуть не убил свою жену; однако и на этот раз любовь к ней осилила порыв его и он сдержался, хотя это стоило ему громадных усилий. Вместе с тем он, даже не повидав Иосифа, велел казнить его; Александру же, как виновницу всего несчастья, приказал заключить в темницу.

Глава 4

1. В это время в Сирии опять возникли волнения, потому что Клеопатра не переставала возбуждать Антония против всех. Она уговаривала его отнимать у всех престолы и предоставлять их ей, а так как она имела огромное влияние на страстно влюбленного в нее Антония и при своей врожденной любостязательности отличалась неразборчивостью в средствах, то решила отравить своего пятнадцатилетнего брата⁹⁹⁵, к которому, как она знала, должен был перейти престол; при помощи Антония она также умертвила свою сестру Арсиною⁹⁹⁶, несмотря на то, что та искала убежища в храме эфесской Артемиды⁹⁹⁷. Где только Клеопатра могла рассчитывать на деньги, там она не стеснялась грабить храмы и гробницы; не было столь священного места, чтобы она не лишила его украшения, не было алтаря, с которого она не сняла бы всего, лишь бы насытить свое незаконное корыстолюбие. Ничего не удовлетворяло этой падкой до роскоши и обуреваемой страстями женщины, если она не могла добиться чего-либо, к чему стремилась. Вследствие этого она постоянно побуждала Антония отнимать все у других и отдавать ей; точно таким же образом она вздумала добиться Сирии, после того как с ним проехала по ней. Так она добилась смерти Лизания, сына Птолемея, под предлогом, будто он соединился, для совершения переворота, с парфянами, а затем стала требовать от Антония, чтобы он отнял у царей Иудею и Аравию и предоставил эти страны ей. Хотя Антоний вообще во всем уступал этой женщине, однако расположение и страстная любовь к ней не допустили его до готовности во всем слушаться ее, потому что он не желал навлекать на себя укор, будто он для нее не останавливается даже перед самыми тяжкими преступлениями. Итак, для того чтобы не навлекать на себя обвинения в явной гнусности в силу исполнения всех решительно желаний этой женщины, он отнял у каждого из царей по части их владений и

подарил их Клеопатре. Он отдал ей города в пределах области от реки Элевтера до границ Египта, исключая Тир и Сидон, которые, как он знал, издавна пользовались независимостью, хотя Клеопатра и сильно приступала к нему с просьбами отдать их ей.

2. Добившись этого и проводив до Евфрата Антония, отправлявшегося в поход против Армении⁹⁹⁸, Клеопатра вернулась назад и прибыла в Апамею и Дамаск. Затем она поехала также в Иудею, и здесь с нею встретился Ирод, который заарендовал у нее полученную ею в дар часть Аравии и окрестности Иерихона. Эта область дает наилучший бальзам, равно как имеет множество прекрасных финиковых пальм. При этих обстоятельствах, когда ей приходилось иметь довольно много дела с Иродом, Клеопатра, природою своею побуждаемая к чувственным удовольствиям, а может быть, и охваченная действительно чувством искренней любви к нему, пыталась интимнее сблизиться с царем; может быть, она тут преследовала цель, и это вероятнее, иметь новый повод овладеть им для исполнения своих коварных замыслов. Как бы то ни было, она делала вид, будто совершенно покоряется Ироду. Однако последний и раньше не был расположен к Клеопатре, зная, что она всем в тягость; он стал ее еще более ненавидеть за то, что она дошла до такого бесстыдства, и вместе с тем решил предупредить ее коварные замыслы и отомстить ей. Поэтому он отверг ее предложения и стал совещаться со своими приближенными, не лучше ли будет убить ее, раз она теперь в его руках. Таким образом, он полагал освободить из затруднения всех тех, кто уже испытал на себе гнет Клеопатры, равно как и будущие ее жертвы. Этим самым он думал оказать услугу самому Антонию, так как Клеопатра изменит ему, если только он очутится в каком-нибудь затруднении и обратится к ее помощи. От исполнения этого замысла Ирода, однако, удержали друзья его, поставляя ему, во-первых, на вид, что ему, который имеет совершить более важные предприятия, вовсе не подобает подвергать себя такой явной опасности, а затем, умоляя его не предпринимать ничего слишком поспешно, ибо Антоний не снесет этого спокойно, даже если ему кто-нибудь наглядно сумеет представить всю пользу такого поступка. Его страсть к Клеопатре лишь еще более возгорится от сознания, что его лишили ее насильственным или коварным образом. При этом Ирод не будет в состоянии привести какое-либо достаточное основание того, что он рискнул поднять руку на женщину, обладавшую величайшим значением своей эпохи. А пользу, которая проистечет из этого, навряд ли кто-либо примет во внимание, несмотря на то, что Ирод добьется ее ценою такой смелости и риском потерять расположение [Антония]. Из всего этого

очевидно, что он потрясет царство свое массою невообразимых бедствий и подвергнет таковым всю семью свою, тогда как он вполне приличным образом может отклонить столь преступное предложение [Клеопатры]. Такими соображениями и представлением очевидной опасности приближенные удержали Ирода от приведения в исполнение задуманного им плана. Поэтому он щедро одарил Клеопатру и проводил ее до Египта.

3. В это время Антоний овладел Арменией и отослал в Египет пленными сына Тиграна, Артавазда, с его семьею и сатрапами. При этом он подарил всех их, равно как все награбленные сокровища, Клеопатре. Впоследствии в Армении воцарился Артаксес⁹⁹⁹, старший из сыновей царя, успевший спастись тогда бегством. С течением времени, однако, Архелай и Нерон Цезарь прогнали его из страны и возвели на престол его младшего брата Тиграна¹⁰⁰⁰.

4. Но об этом потом; что же касается дани, которую Клеопатра должна была получать с подаренной ей Антонием области, то Ирод был в этом отношении аккуратен, не считая безопасным подавать Клеопатре повод к ненависти. Арабский царь, за которого поручителем являлся Ирод, некоторое время выплачивал двести талантов, но затем стал неисправен в своих платежах, и если иногда и выплачивал часть наложенной на него дани, то делал это не без принудительных мер.

Глава 5

1. Ирод, в свою очередь, видя такую неискренность [арабского царя], который в конце концов не желал более исполнять свои обязанности, решил пойти на него походом, но был удержан от этого римскою [междоусобною] войною. Так как теперь ожидалась битва при Акции, которая и произошла в сто восемьдесят седьмую олимпиаду, причем Цезарь сражался с Антонием из-за верховного владычества¹⁰⁰¹. Ирод решил собрать для Антония отборное вспомогательное войско, потому что страна Ирода давно уже давала обильные урожаи, а сам царь достиг значительного благосостояния. Впрочем, Антоний отклонил эту помощь и [вместо того] предложил Ироду вступить в борьбу с царем арабским, недобросовестность которого по отношению к нему и к Клеопатре уже была известна ему. Этого также желала Клеопатра, рассчитывая сама выиграть, если те ослабят друг друга. Ввиду такого поручения со стороны Антония Ирод вернулся восвояси, но не отпускал еще своего войска, чтобы немедленно вторгнуться в пределы Аравии. Поэтому он приготовил значительные конные и пешие отряды и двинулся к Диосполису, где его уже поджидали арабы, которые успели узнать о готовящейся против них войне. В ожесточенной последовавшей

затем битве победителями остались иудеи. После этого в Кане, местности Келесирии, собралось огромное арабское войско. Заранее об этом извещенный, Ирод явился туда во главе ядра своего войска и, приблизившись к Кане, решил расположиться там лагерем, чтобы в удобный момент вступить в бой. Пока он был занят этим, иудейское войско стало кричать, что довольно потеряно времени и что следует идти на арабов. Войско желало немедленно вступить в бой с врагами, потому что оно уповало на свою отличную боевую готовность и потому что особенно храбрились все те, которые участвовали в победоносной первой схватке с арабами.

При такой явной и шумной воинственности царь решил воспользоваться пылом своего войска и, уверяя солдат, что не желает стеснять их мужество, выехал в полном вооружении вперед, тогда как все остальные следовали за ним в боевом порядке. Тотчас арабов обуял ужас; хотя они сперва и оказали некоторое сопротивление, однако, увидав непоколебимость и отчаянную решимость врагов, большинство их дрогнуло и побежало. Арабы наверное погибли бы при этом случае, если бы [некий] Афенион не навредил Ироду и иудеям. Будучи военачальником над той частью Аравии, которая находилась в зависимости от Клеопатры, и [постоянно] враждуя с Иродом, он не стал равнодушно смотреть на ход событий, но решил держаться в стороне, если победителями выйдут арабы, а в случае их поражения, как то и было на самом деле, напасть на иудеев во главе отряда, заранее выбранного и подготовленного к бою. И вот, когда иудеи успели утомиться и уже считали себя победителями, он внезапно напал на них и стал избивать их. Дело в том, что иудеи уже успели израсходовать весь запас энергии в борьбе с явными врагами, да и слишком беспечно пользовались своей победой над ними. Поэтому они потерпели поражение от быстрого натиска врагов и понесли тяжкие утраты в этой неудобной для кавалерии гористой местности, к которой нападающие, однако, привыкли. Видя поражение иудеев, арабы также вновь собрались с силами, вернулись еще раз и стали избивать уже обратившихся в бегство иудеев.

Таким образом всюду происходила ожесточенная резня, а из тех, кто успел спастись, немногие вернулись назад в лагерь. Видя такой исход битвы, Ирод немедленно поехал за помощью; однако он не успел вовремя вернуться, потому что лагерь иудеев был уже взят и арабы немало радовались, что им неожиданно удалось одержать такую победу над грозным врагом и уничтожить столь значительное неприятельское войско. После этого Ирод принялся за грабежи и, делая частые набеги на страну арабов, наносил им крупный вред. При этом он располагался станом на горах, но воздерживался

от открытого боя. Беспokoя и расстраивая врагов своими постоянными набегами, он вместе с тем заботился также о том, чтобы всячески исправить урон, нанесенный его воинам.

2. В это время между Цезарем и Антонием произошла также битва при Акции, а именно в седьмой год царствования Ирода. Тогда же страну иудеев постигло небывалое дотолe землетрясение, результатом которого была массовая гибель скота. Также погибло до тридцати тысяч человек под развалинами рушившихся зданий. Впрочем, одни только солдаты, жившие под открытым небом, не потерпели при этом никакого урона. Когда о том узнали арабы от тех людей, которые сообщением этих сведений хотели особенно выслужиться перед ними, то арабы еще более возгордились, полагая, что теперь, после постигшего неприятельскую страну бедствия и гибели стольких людей, им уже нетрудно будет овладеть этой страной. Они даже схватили посланников иудейских (явившихся для заключения с ними, после всего случившегося, мира) и убили их, чтобы затем с отчаянной храбростью двинуться на само войско иудеев. Однако иудеи не решились встретить нападение врагов, отчасти потому, что впали в оцепенение после стольких бедствий, отчасти же и еще более потому, что не забыли недавнего поражения; поэтому у них не было уже никакой надежды победить арабов в открытом бою, тем более, что нельзя было рассчитывать на помощь единоплеменников, столь тяжко у себя дома пострадавших. В таком положении царь старался всячески образумить военачальников и пытался ободрить тех, которые совершенно пали духом. Когда ему удалось успокоить и ободрить главнейших между ними, он решился обратиться также к войску. Этого он не посмел раньше, чтобы при таких грустных обстоятельствах не возбудить его еще более. Теперь же он обратился к солдатам со следующей речью:

3. «Я, люди, отлично понимаю, что в настоящее время произошло многое такое, что препятствует нашему преуспеванию; вполне естественно, что даже самые храбрые люди при таких обстоятельствах теряют свое мужество. Однако, так как война теперь неизбежна и постигшие нас бедствия не таковы, чтобы одним славным подвигом нельзя было поправить все сделанное, я решился поговорить с вами и указать, каким образом вы сможете вновь явить свою прежнюю, врожденную вам храбрость. Сперва я желаю объяснить вам всю правоту этой нашей войны, к которой мы вынуждены благодаря наглости наших врагов. Если вы об этом хорошенько подумаете, то это должно быть для вас главной побудительной причиной в храбрости. После этого я намерен доказать вам, что постигшие нас теперь

бедствия вовсе уже не так страшны и что у нас есть немало надежды на победу.

Итак, я начну с первого пункта, причем беру вас в свидетели правильности моих слов. Вы, конечно, знаете незаконный образ действий арабов, которые всегда и всюду отличаются вероломством, как то и естественно в варварах, не знающих Господа Бога. Особенно же они насолили нам своим корыстолюбием, своею завистливостью и своими коварными интригами. Зачем мне много говорить об этом? Кто другой, как не мы, спасли их от опасности потерять власть и подпасть под иго Клеопатры? Только моя дружба с Антонием и расположение его к нам было причиной того, что их не постигли слишком тяжелые бедствия, так как Антоний старательно избегал предпринимать все такое, что могло бы возбудить наше подозрение. Когда же Антоний пожелал предоставить Клеопатре по части наших обоюдных владений, я также уладил это дело, одарив его из своих средств богатыми подарками и снискав обоим дальнейшую безопасность. Расходы по этому делу я также взял на себя, выплатив двести талантов и поручившись [за арабов] в такой же сумме. Эти деньги должны были бы пасть на всю страну, а теперь мы освобождены от этого платежа. Если уже несправедливо, чтобы иудеи платили кому-нибудь подати или поземельные налоги, то еще более неосновательно, чтобы мы платили таковые за тех, кого мы сами выручили. Особенно это относится к арабам, которые, по собственному признанию, удержали за собою свою независимость благодаря нам и которые теперь желают лишить нас всего и обидеть нас, причем мы не враги их, но друзья. Если верность должна иметь место относительно самых ярых врагов, то тем более она неизменно должна быть соблюдаема по отношению к друзьям. Впрочем, это не относится к арабам, которые на первом плане преследуют одну свою личную выгоду, причем не отступают даже перед [явною] несправедливостью, лишь бы иметь возможность обогатиться. Итак, неужели у вас еще возникает сомнение в том, следует ли наказывать нечестивцев, когда того желает сам Предвечный и требует, чтобы [мы] всегда ненавидели заносчивость и несправедливость, тем более, что мы в данном случае начали не только вполне справедливую, но и необходимую войну? То, что [даже] у эллинов и варваров признается за величайшее беззаконие, они сделали с нашими посланниками, а именно убили их. Греки считают послов людьми священными и неприкосновенными, мы же получили величайшие откровения и священнейшие законы наши от вестников самого Господа Бога. Священное имя послов может напоминать людям о Господе Боге и в состоянии примирять врагов между собою. Итак, разве можно совершить

более крупное беззаконие, как убить послов, отправленных для выяснения истины? И каким образом такие люди смогут впредь быть счастливыми в жизни или рассчитывать на военную удачу, если они совершили такое злодеяние? Я полагаю, что это невозможно. Впрочем, быть может, найдется человек, который скажет, что правда на нашей стороне, тогда как враги и многочисленнее и храбрее нашего. Но так говорить совершенно недостойно вас, ибо на чьей стороне право, там и Бог, а где Господь Бог, там и сила и мужество. Если мы разберем наше положение, то придем к следующим результатам: в первой битве мы остались победителями; когда мы вторично сразились с ними, то они также не выдержали нашего нападения, но тотчас ударились в бегство, не будучи в состоянии выдержать наш натиск и нашу храбрость. Когда мы уже одерживали победу, на нас напал Афенион, не известив нас о своей войне с нами. Разве это свидетельствует о храбрости врагов, а не о вторичной гнусности и коварстве? Чего нам поэтому отчаиваться в таком положении, которое, напротив, раскрывает нам наилучшие надежды? Неужели нам страшиться таких людей, которые всегда побеждаемы, когда сражаются по всем правилам, а когда считают себя победителями, то всегда достигают этого незаконным способом? Итак, если кто-нибудь все-таки станет еще считать их храбрыми, разве он сам при таком положении вещей не бросится на них с еще большим мужеством? Ибо отвага заключается не в бою со слабыми противниками, а в умении побить более сильных врагов. Если же кого-либо устрашают наши домашние бедствия и результаты землетрясения, то пусть он подумает о том, что этими самыми бедствиями введены в заблуждение те же арабы, имеющие о них самое преувеличенное представление, а также о том, как недостойно нам трусить из-за того, что придает им столько смелости. Ведь враги наши набираются храбрости не вследствие какой-нибудь своей личной удачи, но потому, что рассчитывают, что мы утратили всякую надежду, будучи сломлены нашими бедствиями.

Когда же мы двинемся на них, то сумеем умерить их пыл, причем наше мужество возрастет по мере того, как они в битве будут падать духом. Ведь мы вовсе не понесли уже столь крупного урона, да и постигшее нас бедствие вовсе не является, как готовы думать некоторые, знаком гнева Предвечного на нас. Вся эта неудача – дело простого случая. Если же все это случилось по желанию Господа Бога, то ясно, что теперь и прекратилось по Его желанию, ибо он удовлетворяется прошедшим; если бы он и дальше думал наказывать нас, то не изменил бы теперь Своего решения. А что сам Господь желает этой войны и считает ее справедливою, это видно из следующего: в то самое

время, когда многие в стране погибли от землетрясения, все солдаты остались невредимыми и все вы спаслись, так что тем самым Предвечный показал вам, что, если бы вы двинулись в поход всем народом, с детьми и женами, никто из вас не потерпел бы никакого урона. Имея все это в виду, особенно же памятуя, что в Господе Боге вы имеете всегдашнего заступника, вы теперь смело и спокойно можете выступить против тех, кто нечестив к друзьям, кто вероломен в битвах, кто насильствен по отношению к послам и кто всегда был побеждаем вашею доблестью».

4. После этой речи иудеи почувствовали больше храбрости вступить в бой. Ирод же совершил установленные жертвоприношения и быстро двинулся на арабов, перейдя через реку Иордан. Затем он расположился лагерем вблизи врагов, имея в виду занять лежавшее между ним и неприятелями укрепление, которое считал полезным для себя как в случае быстрого начала битвы, так и в том случае, если бы дело затянулось, так как у него был бы в распоряжении укрепленный стан. Так как и арабы рассчитывали таким же точно образом, то произошел бой из-за крепости. Сперва завязалась перестрелка, затем большие толпы вступили между собою в рукопашный бой, причем порядочное число людей пало с обеих сторон, и наконец арабы были побеждены и отступили.

Это тотчас же сильно воодушевило иудеев; Ирод же, понимая, что войско арабское теперь решится скорее на все другое, только не на бой, начал храбро срывать их укрепления и двинулся вперед с целью овладеть их лагерем. Таким образом, враги были принуждены биться и выступили в беспорядке и робко, потеряв всякую надежду на одержание победы. И все-таки они вступили в бой, уповая на свое большинство и побуждаемые к тому необходимостью. Произошла ожесточенная битва, в которой пало немало людей с обеих сторон. Под конец, однако, арабы были обращены в бегство. При этом началась страшная резня среди бегущих, потому что они не только умирали от руки врагов, но сами губили друг друга, ибо при массе и беспорядочности беглецов последние топтали друг друга или ранили себя своим же собственным оружием. Таким образом их пало около 5000 человек, остальная же масса врагов поспешно бежала в [какое-то] укрепление, где ей, однако, представлялось мало надежды спастись вследствие недостатка в съестных припасах, особенно же в воде. Преследовавшим их иудеям не удалось проникнуть вместе с ними в крепость; поэтому они окружили ее и отрезали к ней решительно всякий доступ, не впуская и не выпуская из нее никого.

5. В такой крайности арабы отправили парламентариев к Ироду, чтобы переговорить с ним об условиях сдачи, а также (вследствие ужасной жажды) с предложением каких угодно условий, лишь бы он дал им воды. Однако царь не принял ни послов, ни выкупа за пленников, ни другого чего-либо, потому что намеревался наказать их за все несправедливости, нанесенные ими иудеям. Таким образом, побуждаемые недостатком всего прочего и особенно жаждою, некоторые арабы вышли из крепости, отдались в руки врагов и дали связать себя. Так в течение пяти дней отдались в плен около четырех тысяч человек; на шестой день все остальные решили сделать из крепости нападение на врагов и вступить с ними в бой, предпочитая пасть на поле брани в случае необходимости, чем бесславно погибать поодиночке. Решив это, они вышли из укрепления, но не могли долго биться и храбро сопротивляться, потому что были утомлены душою и телом и видели благодеяние в смерти и позор, если бы остались в живых. В этой первой битве пало около семи тысяч человек. После такого удара арабы окончательно утратили все свое прежнее мужество. В таком бедственном положении арабы, изумляясь военному искусству Ирода, добровольно подчинились ему и признали его правителем своего народа. Ирод, очень радуясь своим успехам, вернулся в свою страну, где его сильно превозносили за этот его доблестный подвиг.

Глава 6

1. После того как Ирод устроил дела свои вообще хорошо и во всех отношениях гарантировал себя, он подвергся опасности сразу потерять все, так как Цезарю удалось победить Антония в сражении при Акции. Тогда изменилось положение не только самого Ирода, но вместе с тем также всех его друзей и врагов, потому что казалось невероятным, чтобы Ирод остался теперь безнаказанным вследствие его столь тесной дружбы с Антонием. Друзья Ирода перестали уповать на возможность поддержки с его стороны, что же касается его врагов, то они делали вид, будто соболезнуют ему, а в тайниках души своей лелеяли надежду на перемену к лучшему. При таких обстоятельствах Ирод считал полезным избавиться от Гиркана, в котором видел единственного себе соперника, имеющего право на царский престол; при этом он рассчитывал, что, если он сам (Ирод) удержится и избегнет грозящей опасности, в настоящем положении дел для него будет выгоднее, если не найдется человека, имеющего больше прав на царский престол, чем он сам, если же придется потерпеть от Цезаря, то он все-таки считал более

целесообразным избавиться от Гиркана, не желая, чтобы последний стал его преемником по престолу.

2. Пока царь обдумывал это дело, с другой стороны, ему само собою представился повод привести его в исполнение. Вследствие мягкости своего характера Гиркан ни в это, ни в другое время не желал интриговать и вообще касаться политики, удовлетворяясь тем положением, которое дала ему судьба. Между тем отличавшаяся честолюбием и постоянно рассчитывавшая на поворот дел Александра стала теперь уговаривать отца своего (Гиркана) не допускать, чтобы Ирод навсегда продолжал свои беззакония относительно членов своей семьи, но воспользоваться случаем и в уповании на лучшее будущее постараться гарантировать себе безопасность. Поэтому, уговаривала она, нужно о всем написать правителю арабскому, Малиху, и просить его принять их к себе и дать им безопасное убежище, ибо, если по их удалении дела Ирода примут такой оборот, как они должны принять вследствие вражды к нему Цезаря, им одним будет принадлежать законное право на престол как по их происхождению, так и вследствие расположения к ним народной массы. Первоначально Гиркан не обращал на эти слова никакого внимания, но когда Александра, в пылу своего честолюбия и женской настойчивости, не переставала уговаривать его денно и ночно и всегда указывала ему на подходящий момент и на козни Ирода, старик наконец решился вручить одному из преданных друзей своих, некоему Досифею, письмо, где он просил араба прислать ему всадников, которые могли бы взять их и проводить до Асфальтового озера¹⁰⁰², отстоявшего от пределов Иерусалима на расстояние 300 стадий. Гиркан потому доверил это письмо Досифею, что он был предан ему и Александре и к тому же имел немало поводов быть враждебным Ироду. Дело в том, что Досифей приходился родственником казненному Иродом Иосифу и братом тех, которые в Тире были раньше перебиты Антонием. Впрочем, все это не побудило Досифея оставаться верным Гиркану, но, предпочитая снискать себе милость царя, он передал письмо Ироду. Последний похвалил его за расположение и приказал ему довести дело до конца, а именно вновь запечатать письмо, доставить его Малиху и получить от него ответ, потому что Ироду очень хотелось узнать при этом случае мнение Малиха. Досифей старательно исполнил поручение, арабский же правитель ответил, что готов принять к себе Гиркана и членов его семьи, равно как всех его единомышленников из иудеев, и обещал прислать рать, которая могла бы эскортировать их, причем обещал всякую поддержку, в чем бы иудеи ни нуждались. Получив и это письмо, Ирод немедленно послал за Гирканом и спросил его, не заключил ли он союза с

Малихом. Когда же Гиркан стал отречься, он в заседании синедриона предъявил ему письмо и затем велел казнить его.

3. Все это мы описываем, как рассказано в мемуарах самого царя Ирода. У других писателей имеются, впрочем, на этот счет разногласия, а именно будто Ирод велел казнить Гиркана не за это дело, но основываясь на всегдашних интригах последнего против него. По этим источникам выходит, будто Ирод задал во время пира ничего не подозревавшему Гиркану вопрос, не получал ли он каких-либо писем от Малиха; когда Гиркан сказал, что в письме Малих послал ему только привет, то Ирод будто бы спросил, не получил ли при этом Гиркан чего-либо в подарок [от арабского правителя]. Когда же старик ответил, что принял от араба лишь четырех верховых коней. Ирод в этом усмотрел подкуп и измену и велел казнить старика. В виде же доказательства того, что Гиркан совершенно невинно умер таким образом, писатели приводят только мягкость его характера, в силу которой он даже в юности не выказывал ни смелости, ни предприимчивости, ибо он в то время, как сам имел в руках своих царскую власть, лично вовсе не пользовался ею, но предоставил ее почти целиком Антипатру, из расположения к последнему. В данное же время ему шел уже восемьдесят второй год; он знал, что Ирод вполне упрочил за собою власть свою; при этом он ведь также приехал из-за Евфрата, где покинул глубоко чтившее его население, чтобы совершенно отдаться во власть Ирода. Ввиду всего этого совершенно неправдоподобно, будто Гиркан домогался чего-либо или принимал участие в заговоре; всему этому препятствовал, весь склад его характера, и [потому] все это произошло вследствие подозрительности одного только Ирода.

4. Такой конец постиг Гиркана, после того как он в жизни испытал всевозможные перемены и превратности судьбы. С самого начала, когда царство перешло к его матери Александре, он был тотчас назначен первосвященником иудейского народа и девять лет занимал эту почетную должность. Затем, после смерти матери, царство перешло к нему, и он правил три месяца, после чего был смещен своим братом, Аристокбулом, но затем вновь восстановлен в своих правах Помпеем. Пользуясь всеми знаками почета, он пребывал царем в течение сорока лет. Будучи вторично свергнут с престола, а именно Антигоном, и изувечен им, он жил в плену у парфян. Через некоторое время он вернулся от них на родину, побуждаемый к тому упованием на поддержку со стороны Ирода. Однако во всех своих на этот счет надеждах он ошибся, найдя [во дворце царя] лишь многотрудные условия существования. Самое тяжелое несчастье его постигло в момент вышерассказанной нами смерти его. Он был человеком покладистым и

нерешительным, а так как он не задавался широкими замыслами и, в сущности, не был способен заниматься государственными делами, то и предоставлял главную заботу об управлении близким людям. Вследствие мягкости Гиркана Антипатру и Ироду и удалось добиться своего высокого положения, а между тем они-то и уготовили ему столь незаслуженный и безбожный конец.

5. Избавясь таким образом от Гиркана, Ирод поспешил к Цезарю, причем не мог рассчитывать со стороны последнего за все свои деяния, а особенно за дружбу к Антонию, на отличный прием. Так как Ирод опасался, что Александра воспользуется удобным случаем, взбунтует народ и восстановит его против царя, то он поручил все дела брату своему Ферору, отправил мать свою Кипру, сестру и всех детей своих в Масаду и поручил брату, в случае если он услышит о каком-либо постигшем его бедствии, не выпускать из рук власти. А так как жена его, Мариамма, вследствие размолвки между нею и его матерью и сестрою, не могла жить вместе с последними, то он поместил ее с ее матерью Александрою в Александрионе, причем оставил их там под присмотром своего казначея Иосифа и итурейца Соема, которые с самого начала доказали ему свою полнейшую верность. Теперь он поручил им надзор за этими женщинами под предлогом оказания им особого почета. При этом Иосифу и Соему было дано поручение немедленно убить обеих женщин, если бы они узнали о каком-либо несчастии, постигшем Ирода, и всеми силами стараться закрепить царскую власть за его детьми и братом, Ферором.

6. Сделав все эти распоряжения, Ирод поспешил в Родос, чтобы встретиться там с Цезарем. Приехав в город, он снял диадему, но остался во всем прочем царском убранстве своем. Когда ему удалось добиться аудиенции, он в полной мере выказал всю свою неустрашимость, а именно не прибег, как то делается обыкновенно в таких случаях, к просьбам и не выказал ни малейшего опасения за все совершенные им проступки, но безбоязненно дал отчет во [всех] своих поступках. Он рассказал Цезарю о своей большой дружбе с Антонием, о том, что он не участвовал в его походах, так как сам был вовлечен в борьбу с арабами, но что он посылал Антонию деньги и хлеб. Этого было, впрочем, слишком мало, что он сделал для Антония, потому что, по его мнению, тот, кто объявляет себя чьим-либо другом и видит в нем своего благодетеля, должен всеми силами души и тела, насколько это в его власти, поддерживать друга. Хотя он (Ирод) и оказал, таким образом, Антонию меньше услуг, чем бы следовало, он все-таки очень доволен дальнейшим образом своих действий относительно его, а именно он не

покинул Антония после поражения его при Акции и не перешел на сторону того, которому теперь улыбнулось счастье, но остался если и не фактическим товарищем Антония по полю брани, все-таки его наилучшим советником, а именно он указал ему, как на единственную возможность спастись и не утратить власти навсегда, на необходимость умертвить Клеопатру. «Если бы он избавился от нее,— продолжал Ирод,— то у него осталась бы надежда захватить верховную власть и легче найти средство примириться во вражде своей к тебе. Однако Антоний не внял этому совету, себе во вред, а тебе на пользу, и предпочел отвергнуть его. Итак, если ты теперь в гневе на Антония, поставишь мне в вину мое к нему расположение то я не только не стану отречься, но не задумаюсь еще раз открыто подтвердить здесь мою приязнь к нему. Если же ты, оставя его в стороне, посмотришь, каков я к своим благодетелям и каков я в дружбе, то у тебя доказательство налицо в виде совершенных мною деяний. Если переменялось имя, из этого еще не следует, чтобы моя дружба пошатнулась к тому, кто является заместителем и преемником моего друга».

7. Такими словами, в которых ясно звучала полная независимость. Ирод без труда склонил на свою сторону Цезаря, человека, отличавшегося благородством духа, так что то, что представлялось первоначально поводом к обвинениям, теперь вызвало благоволение к нему императора. Вместе с тем последний вновь венчал Ирода царским венцом и просил его об одном лишь: быть с ним так же дружным, как дружен он раньше был с Антонием. К этому Цезарь присовокупил, что ему написал Квинт Дидий, насколько отважно Ирод поддержал его в бою с гладиаторами¹⁰⁰³. Удостоившись такого приема и видя, что теперь он укрепился еще более в своей власти отчасти благодаря подарку Цезаря, отчасти же вследствие римского [сенатского] постановления, которого он добился для большей уверенности, Ирод решил сопровождать Цезаря в Египет после того, как успел по мере сил одарить и самого императора и его приближенных и выказать им все свое великодушие. Вместе с тем он рискнул даже заступиться за одного из близких Антонию людей, именно за Александра, прося пощадить его. Однако достигнуть этого Ироду не удалось, потому что Цезарь клятвенно обещал казнить его. Затем Ирод вновь вернулся в Иудею с большим почетом и большею уверенностью, чем крайне поразил всех, кто ожидал совершенно обратной развязки. Народу казалось, что царь, по милости Предвечного, всегда выходит из опасности лишь с большим и новым блеском. Ирод немедленно приступил к приготовлениям к встрече Цезаря, собиравшегося вторгнуться из Сирии в Египет. Когда император прибыл, он принял его с

царскою пышностью в Птолемаиде, причем угостил все его войско и изобильно снабдил его всеми припасами. Таким образом он вскоре попал в число наиболее близких императору людей. Во время военных смотров он сопровождал Цезаря верхом, примкнув к его свите с отрядом из блестяще и богато вооруженных ста пятидесяти человек. Вместе с тем он сопровождал императорское войско также по пустынным местностям. Самому Цезарю он преподнес в подарок восемьсот талантов и этим заставил всех предположить, что данный подарок превзошел все платежные силы его царства. Это уверило всех еще более в его преданности и расположении, и для него было весьма полезно, что он умел так кстати выказать свое великодушие. Когда римляне возвращались назад из Египта, он также явил снова полную готовность снабжать их всем нужным и оказывать им услуги.

Глава 7

1. Вернувшись назад, Ирод застал всю семью свою в сильном смятении и жену свою, Мариамму, и ее мать, Александру, крайне расстроенными. Они были очень огорчены, потому что поняли, как и можно было подозревать, что их заключили в Александрион не для их личной безопасности, но как в крепость, где они не только потеряли всякую власть над другими, но и не были в состоянии распоряжаться собою. Мариамма стала подозревать, что вся любовь царя к ней является лишь притворною и притом в его же личных интересах, и печалилась о том, что, если бы что-нибудь случилось с Иродом, и у нее была бы отнята всякая надежда остаться долее в живых. При этом она вспомнила о поручении, некогда данном Иосифу, и старалась всячески склонить в свою пользу стражу, особенно же Соема, понимая, что судьба ее всецело зависит от последнего. Сначала Соем соблюдал верность Ироду и в точности исполнял все его предписания, но несколько позже поддался увещаниям и подаркам льстивших ему женщин и кончил тем, что сообщил им обо всем, что поручил ему царь. Сделал он это главным образом потому, что уже не рассчитывал, что Ирод вернется назад облеченным прежнею властью. Рассчитывая ввиду этого не подвергнуться со стороны Ирода особенно большой опасности, он решил сделать многое в угоду этим женщинам, которых, по его расчетам, никак не минует власть и которые впоследствии особенно щедро наградят его, когда сами овладеют престолом или по крайней мере станут в близкие отношения к [будущему] царю. Но он не боялся ничего даже в том случае, если бы Ирод, устроив все по своему желанию, вернулся назад, потому что и в таком случае Ирод ни в чем не откажет жене своей, так как Соем отлично знал необыкновенную любовь

царя к Мариамме. Все эти соображения побудили его рассказать Мариамме о полученном поручении. Мариамма тут с ожесточением узнала, что ей предстоят со стороны Ирода одни только опасности, и была бы очень опечалена, если бы царя не постигла заслуженная им участь, причем решила, что дальнейшая совместная жизнь ее с Иродом невозможна, если он вернется.

Впоследствии она все это высказала Ироду, нисколько не скрывая от него всей своей печали.

2. Когда царь возвратился с большею, чем на какую мог рассчитывать, удачею, он, как и следовало, раньше всех поделился своею радостью с женою, которую любил больше всего на свете. Мариамма, однако, во время его рассказа об удачном путешествии видимо не столько радовалась, сколько казалась огорченною и не могла скрыть неудовольствие, но в сознании своего достоинства и благородства вздохнула в ответ на приветствие Ирода, причем открыто показала, что скорее печалится при его рассказах, чем радуется. Следствием этого было то, что теперь Ирод смутился не только на основании [неопределенных] подозрений, но и вследствие наличности фактов. Он совершенно растерялся при виде такой нескрываемой ненависти со стороны жены, опечалился, но не считал возможным отказаться от любви своей к ней. Он то не мог сдерживать свой гнев, то снова примирялся с нею, переходя от одного к другому и всегда сильно страдая. Таким образом, обуреваемый и ненавистью и любовью к ней, он несколько раз был готов казнить ее за ее пренебрежение [к нему], но каждый раз чувствовал себя слишком слабым для того, чтобы устранить от себя эту женщину [навсегда]. Вообще же он охотно казнил бы ее, но вместе с тем боялся разлуки и полагал, что, если Мариамма умрет, он сам будет более ее наказан.

3. Видя такие отношения Ирода к Мариамме, сестра и мать его признали этот момент наиболее подходящим для выражения своей ненависти к ней и в разговоре стали постоянно возбуждать против нее Ирода такими тяжкими обвинениями, которые были в состоянии возбудить в нем единовременно как ненависть, так и отвращение к Мариамме. Ирод слушал все эти речи не без удовольствия, но вместе с тем не решался на основании их предпринять что-либо против нее, так как был далеко не уверен. Однако отношение к ней становилось у него все хуже и хуже, и наконец возникли несказанные страдания, так как Мариамма не скрывала своего неудовольствия, а у Ирода любовь понемногу сменялась гневом. В конце концов он принял бы решительные меры, но в это время получил извещение, что Цезарь вышел победителем из борьбы, что Антоний и Клеопатра умерли и что он овладел

теперь Египтом. Поэтому он поехал навстречу Цезарю и оставил домашние дела в прежнем их положении. При отъезде царя Мариамма стала просить у него награды Соему за его ревностную службу, а именно места военачальника. Соем действительно получил это почетное назначение. Ирод же, встретившись с Цезарем в Египте, мог теперь свободнее общаться с ним, считаясь его другом, и удостоился при этом величайших почестей: Цезарь подарил ему четырехсот галлов¹⁰⁰, телохранителей Клеопатры, и вновь отдал ему область, отнятую у него царицею, равно как включил в пределы его царства также Гадару, Гиппос и Самарию, а также приморские города Газу, Анфедон, Яффу и Стратонову Башню.

4. Достигнув этого, Ирод еще более возвысился и сопровождал Цезаря в Антиохию. Насколько его внешние дела шли удачно, настолько печальными нашел он при возвращении домашние дела свои, особенно относительно жены, со стороны которой он прежде всего пользовался таким счастьем. Любил он Мариамму действительно так сильно, как никто другой, о котором повествует история. Хотя она и соблюдала царю верность и вообще держала себя во всех отношениях к нему благопристойно, однако, по привычке всех женщин, вместе с тем относилась к нему с неприязнью, причем иногда обходилась с ним, невзирая на всю его страсть к ней, крайне резко и, несмотря на все свое подчинение и покорность ему, нередко давала ему почувствовать свои капризы. Но всего этого Ирод как будто не замечал вовсе и с достоинством и терпением переносил все. Вместе с тем она открыто стала укорять мать и сестру царя в низком происхождении, так что результатом этого явилась ненависть и непримиримая вражда между всеми этими женщинами; в то же время появились и более тяжкие обвинения. Таким образом, подозрительность царя получала обильную пищу и возрастала в течение целых полугода с тех пор, как Ирод вернулся от Цезаря. В конце концов эта все более и более раздуваемая вражда обнаружилась по следующему поводу. Когда однажды Ирод в полдень отправился в опочивальню, чтобы отдохнуть от жары, он позвал к себе Мариамму, побуждаемый большою любовью к ней. Царица явилась к нему, но отказалась разделить с ним ложе и стала укорять и поносить его за убийства ее отца и брата.

Царь с трудом снес это оскорбление и готов был решиться на крайность, но в это время услышавшая необычайный шум сестра царя Саломея послала к нему заранее подготовленного к тому виночерпия, которому было приказано сказать Ироду, будто Мариамма просила снабдить его любовным питьем для царя. Если же царь смутится и спросит его, что это за питье, то виночерпий

должен отдать его царю по приказанию последнего; если же царь не смутится этим, пусть он воздержится от дальнейших разговоров; при этом Саломея уверила виночерпия, что здесь нет никакой опасности. Подготовив все таким образом, Саломея именно теперь послала виночерпия к царю. Виночерпий уверенно и свободно явился к царю с заявлением, что Мариамма дала ему подарки и уговорила его предложить царю любовное питье. Когда Ирод крайне заволновался и спросил его, что это за питье, тот ответил, что Мариамма дала ему нечто такое, содержание чего он сам не знает. Поэтому-то он и объявляет ему об этом, чтобы оградить себя от ответственности и предупредить царя. Услышав это, и без того уже возбужденный Ирод еще более разгневался и велел пытать евнуха, наиболее преданного Мариамме, потому что знал, что помимо этого евнуха жена его не могла решительно ничего предпринять. В такой крайности евнух под пыткой ничего, правда, не мог сказать относительно любовного питья, но зато рассказал, как у царицы явилась ненависть к Ироду вследствие разоблачений, сделанных ей Соемом. Не успел тот произнести свои слова, как царь громко закричал, что, всегда бывший верным ему и царству, Соем не осмелился бы проговориться о полученном поручении, если бы не был в близких отношениях к Мариамме. Поэтому он распорядился немедленно схватить и казнить Соема, а жену свою предал суду самых преданных друзей своих, ожесточенно обвиняя ее в приготовлении любовного питья и отравы. При этом Ирод несколько не сдерживал себя и был вспыльчивее, чем бы следовало при судебном разбирательстве. В конце концов присутствующие, видя такое настроение царя, приговорили Мариамму к смерти. По произнесении этого приговора как сам царь, так и некоторые из судей решили не сразу приводить его в исполнение, но пока посадить царицу в одну из темниц при дворце. Однако Ироду пришлось внять настойчивым требованиям Саломеи, советовавшей ему умертвить Мариамму, чтобы тем самым избежать народных смут, которые могли бы возникнуть, если бы народ узнал, что царица еще жива.

5. Итак, Мариамма была отведена на казнь. Тогда Александра, видя, в каком положении дела, и понимая, что ей осталось мало надежды не потерпеть таким же точно образом от Ирода, круто и весьма неприлично изменила прежнее свое высокомерное поведение. Желая доказать полную свою непричастность к взводимому на царицу обвинению, она выбежала [на улицу] и стала при всех поносить дочь свою, называя ее гадкою и неблагодарною к мужу женщиною и говоря, что теперь она подвергается заслуженному наказанию за свои дерзости, так как поступила непристойно относительно своего главного благодетеля. Так как Александра столь наглым

образом притворялась и даже вцепилась при этом дочери своей в волосы, то ее, как и следовало, многие сочли неприличною ханжою; особенно дала понять это Александре сама осужденная, которая с самого начала не ответила ей ни слова и, нисколько не смутясь, лишь с презрением посмотрела на эту гнусную женщину, очевидно показывая ей все ее жалкое ничтожество. Сама она совершенно бесстрашно и не изменившись в лице пошла на казнь, даже в последнюю минуту являя всем доказательство своего благородства.

6. Таким образом умерла Мариамма, этот высочайший идеал женской целомудренности и великодушия. Впрочем, ей недоставало сдержанности, и в характере ее в слишком сильной степени замечалась некоторая неуживчивость. Красотою своею и умением с достоинством держать себя она превосходила всех своих современниц: это и явилось главною причиною того, что она недостаточно любезно встречала царя и относилась к нему с недостаточною предупредительностью; пользуясь всегда любовью со стороны царя и не имея повода предполагать с его стороны какой-нибудь неприятности, она позволяла себе с ним слишком много. А так как ее угнетала судьба, постигшая близких ей людей, и она нисколько не стеснялась высказывать ему это прямо, то она в конце концов навлекла на себя вражду матери и сестры царя и даже самого Ирода; относительно последнего между тем она всегда была уверена, что он оградит ее от всяких неприятностей.

7. После казни Мариаммы любовь царя к ней возросла еще более, чем то было когда-либо раньше, как мы уже имели случай упоминать. Дело в том, что эта любовь к ней царя вовсе не была временною или ослабилась вследствие привычки, но как она с самого начала отличалась страстным энтузиазмом, так она не ослабевала и впоследствии при постоянном сожителстве. Теперь же казалось, что в виде наказания за казнь Мариаммы любовь к ней охватила его в еще гораздо более сильной степени, так что он часто громко призывал ее к себе, предавался ничем не сдерживаемым слезам, в конце концов стал придумывать всевозможные способы забыться и развлечься и с этою целью задавал попойки и пиры. Впрочем, все это отнюдь не помогало, так что он запустил даже все государственные дела и страдал в столь высокой степени, что приказал своим слугам громко звать Мариамму, как будто бы она была еще жива и могла слышать это и явиться. В то время как царь находился в таком состоянии, [в стране] появилась чума, которая похитила не только массу простонародья, но и наиболее близких к царю друзей его, причем у всех явилась мысль, что это бедствие служит доказательством гнева Божьего за беззаконие, совершенное относительно Мариаммы. Все это еще более расстраивало царя, так что он под предлогом

охоты отправился наконец в пустынное место. Но здесь ему удалось пробыть лишь короткое время, ибо через несколько дней он впал в опасную болезнь. Его поразило сильное и сопряженное со страшными болями воспаление затылка, связанное с сотрясением мозга и расстройством умственных способностей. Все примененные средства, однако, нисколько не помогали, так что наконец явилось сомнение в возможности выздоровления царя. Так как все попытки в этом отношении оказывались тщетными и сам царь мог соблюдать лишь ту диету, к которой принуждал его характер болезни, врачи согласились давать ему все, чего бы он ни пожелал, и предоставили случаю выздоровление его, на которое, впрочем, было мало надежды. Болезнь эта охватила царя в Самарии, прозванной Себастею.

8. Тем временем пребывавшая в Иерусалиме Александра, успев узнать о положении царя, приложила все старания, чтобы овладеть укрепленными пунктами города. Этих пунктов было два; из них один находился в самом городе, другой же в храме. Всякий, кто овладевал ими, тем самым подчинял себе и весь народ иудейский: помимо этих пунктов не могли совершаться жертвоприношения, без которых не может жить ни один иудей, потому что все они готовы скорее лишиться жизни, чем отступить от установленного служения Предвечному. Поэтому Александра вступила в переговоры со стражею, указывая на необходимость передать эти укрепления ей и детям Ирода, чтобы в случае кончины последнего никто не мог предупредить их и захватить власть. В случае же, если бы царь выздоровел, по ее мнению, опять-таки самыми надежными людьми явятся члены его собственной семьи. [Командиры] гарнизонов отнеслись к этому предложению Александры с неудовольствием и, оставаясь прежде верными царю, тем более решили оставаться таковыми и теперь, так как чувствовали ненависть к Александре и считали безбожным изменять находившемуся еще в живых Ироду. Они были издавна преданы ему, а один из них, Ахиаб, даже доводился племянником царю. Поэтому они немедленно донесли последнему о планах Александры. Ирод распорядился тотчас казнить ее, а так как он сам едва успел оправиться от болезни и все еще страдал душою и телом, то был крайне раздражителен и стал казнить по самым ничтожным причинам всех, кто попадался ему под руку. Так, например, он казнил многих из самых преданных друзей своих, а именно Костобара, Лисимаха, Гадию, носившего прозвище Антипатра, а также Досифея. Поводом к этому послужило следующее.

9. Костобар был идумеянином и принадлежал к числу знати своей страны, потому что предки его были жрецами идумейского божества Котзе. После того, как Гиркан ввел у идумеян иудейские обычаи и религию, Ирод овладел

страною и назначил правителем Идумеи и Газы Костобара, причем выдал за него сестру свою, Саломею, после казни ее первого мужа Иосифа, о которой мы сообщали выше. Достигнув неожиданно столь высокого положения, Костобар вознесся в своем счастье и несколько вышел из своих границ, не считая себя более обязанным повиноваться предписаниям Ирода и полагая, что идумеяне вовсе не для того приняли иудаизм, чтобы быть в подчинении у иудеев. Поэтому он послал сказать Клеопатре, что, так как Идумея всегда находилась под властью ее предков, она имеет право требовать себе от Антония эту страну, причем он сам выражал полную готовность примкнуть к царице. Впрочем, все это Костобар сделал не для того, чтобы угодить Клеопатре и усилить ее власть, а потому, что рассчитывал сам стать полновластным правителем идумейского народа и увеличить свое могущество за счет ослабления Ирода. Этим надеждам он предавался с тем большею охотою, что имел крупную поддержку не только в знатности своего происхождения и в значительных денежных средствах, добытых путем систематической экономии, но и в том, что всегда энергично преследовал раз намеченную цель.

Итак, Клеопатра стала просить у Антония эту страну, но не получила ее, тогда как Ироду было сообщено все это и он совсем уже было приготовился казнить Костобара. Однако ввиду заступничества сестры и матери своих он простил его, причем, однако, все остальное время никак не мог освободиться от недоверия к Костобару за его тогдашнюю попытку.

10. Спустя некоторое время Саломея поссорилась с Костобаром. Тогда она немедленно послала ему разводное письмо с целью расторжения своего брака.

Так поступила она вопреки иудейским законам, потому что это у нас разрешается мужу, тогда как женщина не вправе вступить в новый брак, пока она не получила развода от первого своего мужа. Однако Саломея пренебрегла этим основным законом и поступила здесь совершенно произвольно. Брату же своему, Ироду, она объявила, что бросила мужа из любви к нему, Ироду: она узнала, что муж ее, вместе с Антипатром, Лисимахом и Досифеем, злоумышляет против безопасности государства. Вместе с тем для подтверждения своих слов она указала на то, что Костобар держит у себя вот уже двенадцать лет сыновей Вава, что и было в действительности так. Все это, узнанное столь неожиданно, крайне смутило царя, и он очень заволновался, так как не ожидал ничего подобного. Что касается сыновей Вава, Ирод первоначально собирался казнить их, так как они стали во враждебные к нему отношения, впоследствии же он совершенно

забыл о них, и с тех пор прошло много времени. Вражда же и ненависть к ним возникла следующим образом: когда еще царская власть была в руках Антигона, и Ирод во главе войска осаждал Иерусалим, нашлось много лиц, которые вследствие массы связанных с осадой бедствий желали впустить Ирода в город и уже были готовы возложить на последнего все свои надежды. Происходившие, однако, из знатного рода и пользовавшиеся в глазах толпы авторитетом сыновья Вава продолжали оставаться верными Антигону, постоянно поносили Ирода и побуждали народ сохранить за Антигоном принадлежащую ему по праву рождения власть. И вот народ держался их взгляда на вещи, считая это более полезным и целесообразным. Когда же Ирод взял город и верховная власть оказалась в его руках, Костобар, которому было поручено занять и оберегать все выходы из города, чтобы из него как-нибудь не ускользнули виновные граждане или противники царя, принял сыновей Вава и отвез их к себе, зная, в каком они почете у народа, и рассчитывая, что в случае переворота спасение их может сослужить ему самому крупную службу. Впоследствии он, чтобы освободиться от всякого с его стороны подозрения, клятвенно уверил Ирода, что ему ничего неизвестно о судьбе их. Также и позже, когда Ирод велел объявить о том во всеобщее сведение и обещал награду за поимку и всячески старался найти их, Костобар не сознался. Раз он однажды солгал, то он считал теперь для самого себя небезопасным выдать этих людей и еще старательнее скрывал их не только из расположения к ним, но и по необходимости.

После того как Ирод узнал все это от сестры своей, он послал в указанное место, где находились сыновья Вава, и велел казнить как их, так и всех вместе с ними обвиненных. Теперь не оставалось в живых уже никого из родни Гиркана, и Ирод властвовал единолично, так что никто более не осмеливался противодействовать его незаконным начинаниям.

Глава 8

1. Таким образом Ирод все более и более уклонялся от соблюдения древних установлений и обычаев и введением иноземных начинаний подтачивал издревле сложившийся и нерушимый строй жизни. Так как все то, что раньше поддерживало в народной массе прежнее благочестие, теперь подвергалось презрению, то мы в результате от этого немало пострадали в позднейшее время. Во-первых, он ввел в честь Цезаря через каждые пять лет повторявшиеся общественные игры и построил в [самом] Иерусалиме театр, равно как на равнине огромный амфитеатр, роскошь которых бросалась

всем в глаза, но которые отнюдь не соответствовали мировоззрению иудеев, ибо иудеи были непривычны к такого рода зрелищам. Празднование этих игр он производил с большою торжественностью, приглашая с этою целью зрителей из соседних стран и собирая весь [иудейский] народ из них. Также и борцы и всякие другие участники в состязаниях приглашались со всех концов земли, и они являлись в надежде на призы и на славу победы, причем тут участвовали крупнейшие корифеи своего дела. Ирод назначал выдающиеся призы не только участникам в гимнастических состязаниях, но также и знатокам музыки и танцев и тем побуждал лучшие силы вступать в состязания. Равным образом он назначал также большие призы квадригам¹⁰⁰⁵, парным экипажам и одиночкам; одним словом, все, что где бы то ни было выдавалось роскошью и блеском, он старался превзойти еще большею красотою. Кругом всего театра тянулись надписи в честь Цезаря и были воздвигнуты из червонного золота и серебра изображения трофеев его от тех народов, которых он победил на войне. Не было таких драгоценных и прекрасных одеяний и камней, которые бы не показывались зрителям на этих состязаниях. При театре имелся запас диких зверей, в том числе масса львов и всяких других зверей, отличавшихся чрезмерною силою или особенною редкостью. Этих зверей выпускали на бой как между собою, так и с присужденными к смерти людьми, причем иноземцам в одинаковой мере доставляли удовольствие как роскошь обстановки, так и волнение, вызываемое этими опасными зрелищами, тогда как для туземцев тут было лишь доказательство явного разложения нравов, чистоту которых они так свято соблюдали. Иудеи считали явным безбожием предоставлять диким зверям людей для удовольствия других людей и в столь же высокой степени безбожным вводить в свою личную жизнь чужеземные обычаи. Больше же всего оскорбляли их трофеи, и они не мало печалились, видя в них запрещенные законом изображения вооруженных людей.

2. Впрочем, от Ирода не ускользнуло возмущение народа; и так как он счел неуместным действовать в этом случае силою, то позвал к себе несколько лиц и пытался убедить их, что тут нет ни малейшего богохульства. Однако это ему не удалось, и все в негодовании на его беспутство единогласно закричали, что, если они пока сносили многое, теперь они никак не допустят в городе идолов, причем имели в виду трофеи. При этом они ссылались на то, что это возбранено им их законом. Видя такое их волнение и что нелегко будет их успокоить иначе как путем наглядного доказательства, Ирод пригласил наиболее влиятельных из них в театр и, указав на трофеи, спросил, за что они принимают их. Когда же те закричали, что это изображения

людей, он распорядился снять оружие и показал им голые деревянные столбы. Это тотчас же вызвало неудержимый смех, и общая веселость еще более увеличилась оттого, что иудеи раньше столь иронически относились к убранству этих трофеев.

3. Успокоив таким образом народ и умерив его гнев, Ирод увидел, что большинство убедилось в безопасности [этих трофеев] и более не волнуется. Впрочем, было еще несколько лиц, которые никак не желали примириться с противными народному духу нововведениями и видели в нарушении основных обычаев начало великих бедствий. Эти люди считали своею священной обязанностью скорее подвергнуться опасности, чем допускать такие нововведения в государстве и спокойно взирать на то, как Ирод насильно насаждает противные народному духу начала, причем является царем лишь по имени, а на деле представляет из себя врага народа. Вследствие этого десять граждан составили заговор и поклялись подвергнуться любой опасности (в числе заговорщиков был также один слепой, которого принудили примкнуть тревожные слухи; хотя он и не был в состоянии принять в деле личное участие, однако он приготовился пострадать со всеми прочими, если бы заговорщиков постигла неудача; этим он немало содействовал подъему духа остальных своих товарищей).

4. Спрятав под плащами кинжалы, заговорщики немедленно отправились в театр в надежде, что Ирод не уйдет от них, так как они нападут на него внезапно, и что в крайнем случае, даже если им не удастся убить его самого, они перебьют многих из его приверженцев; они готовы были удовольствоваться хотя бы тем, что смерть их заставит по крайней мере царя образумиться и подумать, насколько он поглумился над народом. Заговорщики были вполне подготовлены ко всему и отличались большою отвагою. Но один из шпионов Ирода разузнал все дело и сообщил о всем плане царю, когда последний собирался войти в театр. Так как Ирод знал, что большинство его реформ вызывало лишь возбуждение и ненависть, то счел это сообщение довольно вероятным и потому вернулся во дворец и велел поодиночке позвать к себе обвиняемых. Ввиду того что заговорщики были схвачены слугами царя с поличным, они стали думать не о том, как бы избежать наказания, но решили встретить неизбежную теперь смерть с возможно большим мужеством. Поэтому они не выказали раскаяния и не пытались отрицать свою вину, но тотчас после ареста отдали свои кинжалы и храбро сознались, что составили заговор с благою и честною целью, причем не было и речи о какой-нибудь личной для себя выгоде или о личной мести, но преследовалось лишь общее благо народа, которое оберегать и за которое

умирать должен быть готов всякий. После того как они так смело рассказали весь ход своего заговора, они были арестованы царскими телохранителями и умерщвлены под пыткой. Немного, впрочем, спустя некоторые лица схватили и навлекшего на себя всеобщую ненависть доносчика и не только убили его, но разорвали на части и бросили псам. Хотя многие из граждан присутствовали при этом, но никто не донес о том. Наконец Ирод распорядился нарядить строжайшее следствие, и тогда несколько женщин во время пытки показали то, чему они были свидетельницами. После этого всех виновных вместе с их семьями постигла кара, причем пощады не было никому. Но народное волнение и привязанность иудеев к своим законам поставили Ирода в затруднительное положение, и ему пришлось изыскивать меры обезопасить свое правление. Поэтому он решил всячески удерживать в повиновении народ и поставить его в такие условия, чтобы он при таком стремлении к перевороту не мог перейти к открытому восстанию.

5. У него в городе имелось два укрепленных пункта, а именно дворец, в котором он сам жил, и храмовая крепость, названная Антониею и сооруженная им. Теперь он задумал возвести для ограждения себя от народа третью крепость, а именно в Самарии, которую он назвал Себастою. Итак, он решил укрепить это место, находившееся на расстоянии одного дня пути от Иерусалима и представлявшее то удобство, что оно могло служить отличным средством для обуздания не только города, но и всей страны. Для ограждения себя от всенародного восстания Ирод приступил к перестройке города, носившего название Стратоновой Башни и теперь прозванного Иродом Цезареєю. На широкой равнине он воздвиг укрепление и поместил в нем отряд всадников, выбранный для того по жребию; в Галилее он построил Гаву, в Перее Есевон. Ирод воздвиг все эти крепости в разных местностях, постоянно заботясь о том, чтобы укрепить и обезопасить свое положение, и стараясь держать в своих руках весь народ, чтобы он менее думал о возмущении (впрочем, некоторое небольшое брожение замечалось всегда) и чтобы ни малейшее движение не оставалось незамеченным, так как всегда имелись налицо силы, бывшие в состоянии немедленно все узнать и подавить всякую такую попытку. Когда он отправился, чтобы укреплять Самарию, он пригласил поселиться там многих из своих прежних солдат, равно как и многих пограничных жителей, причем соблазнил их перспективою постройки нового храма. Вместе с этим он также желал поднять таким образом значение этого города, который раньше не принадлежал к числу особенно блестящих. Главною побудительною для этих иноземцев причиною было то, что Ирод в видах своей личной безопасности не скупился на деньги.

При этом Ирод переименовал город в Себасту и распределил между жителями ближайшую, лучшую во всей стране землю, дабы они при своем поселении сейчас же пользовались известным благосостоянием. Он окружил город крепкою стеною и воспользовался покатою местности, причем дал городу такие размеры, что он не уступал в этом отношении даже наиболее знаменитым городам. Он обнимал двадцать стадий. Внутри города он оставил красивую открытую площадь в полторы стадии и воздвиг здесь храм, принадлежавший по величине и красоте к числу самых выдающихся. Отдельные части города также были им постоянно украшаемы, причем это вызывалось соображениями личной безопасности, стремлением воспользоваться крепкими стенами для обращения всего города в огромную крепость, а также желанием оставить после себя достойный памятник своего вкуса и человеколюбия.

Глава 9

1. В этот же самый год, именно в тринадцатый год царствования Ирода, великие бедствия постигли страну вследствие ли гнева Господня или потому, что несчастья повторяются периодически. Сперва наступила продолжительная засуха, так что земля стала совершенно бесплодною и не принесла даже того, что она обыкновенно дает в необработанном виде. Затем, так как вследствие недостатка хлеба пришлось изменить весь образ жизни, явились болезни и род чумы, причем одно бедствие сменяло другое. Ввиду отсутствия должного ухода и пищи чума уносила все больше и больше жертв, а гибель последних уменьшала бодрость остальных, тем более, что они не были в состоянии противопоставить этому бедствию что бы то ни было. Так как посевы текущего года погибли и запасы прежних лет истощились, то не было уже никакой надежды на благоприятное будущее, тем более, что чума, против ожидания, затягивалась все дольше и дольше. Итак, теперь уже ничего не оставалось; были уничтожены также и семена для будущего посева, так что можно было ожидать вторичной голодовки. Нужда заставляла людей прибегать в этой крайности к многоразличным средствам. В не меньшей мере ощущал ее и сам царь, так как он теперь лишился обычных земельных податей и в своей щедрости успел израсходовать все свои деньги на тех, чьи города он восстановил. Он не видел тут никакой возможности помочь беде, а последняя между тем росла, и с ней росла также ненависть его подданных: в неудаче обыкновенно обвиняются лица начальствующие.

2. Находясь в таком положении, Ирод стал всячески измышлять средства помочь беде. Его положение затруднялось тем, что и у соседей, которых

постигло то же бедствие, нельзя было получить хлеба, и что у него не хватило бы денег, если бы даже они нашлись, помочь такой массе страждущих. Но так как царь считал обязанностью всеми возможными средствами помочь беде, то он собрал все ценности своего дворца и велел сплавить все золото и серебро, не щадя ни драгоценной, ни художественной утвари. Затем он послал эти деньги в Египет, где наместником Цезаря [тогда] был Петроний. Несмотря на то, что многие искали у последнего помощи в этой беде, он все-таки, будучи очень расположен к Ироду и желая помочь его подданным, дал ему первому право вывезти [из Египта] хлеб, причем всячески содействовал покупке этого хлеба и его вывозу. Таким образом, Ирод был главным виновником этой помощи. И вот Ирод по прибытии хлебных запасов легко заставил народ приписать именно его заботливости эту помощь и тем самым не только изменить мнение своих прежних недоброжелателей, но и постарался высказать народу свою особенную о нем заботливость и свое попечение. Классифицировав население точнейшим образом, он сперва роздал часть хлеба всем тем, которые были в состоянии сами озаботиться приготовлением себе пищи; потом он направил к пекарям и доставил готовую пищу всем тем многочисленным лицам, которые по старости или другой какой-либо причине не могли сами испечь себе хлеб. Вместе с тем царь позаботился также оградить от бедствий зимы многих, которые не имели теплой одежды, потому что в этой беде погиб также весь скот, так что не было ни шерсти, ни другой возможности сделать одежду. Когда и эти лица были удовлетворены, он оказал помощь соседним городам и послал в Сирию семян для посевов. Тем самым он оказал не в меньшей мере и самому себе услугу, потому что вернул стране ее плодородие и дал всем возможность впредь иметь обилие хлеба. Когда же вновь наступило время жатвы, он разослал по стране пятьдесят тысяч человек, которых он сам кормил за это время и которым помог оправиться, и таким образом вернул себе расположение всего своего столь сильно пострадавшего царства, причем немало оказывал поддержки и окрестным племенам, очутившимся в столь же бедственном положении. Не было такого лица, постигнутого нуждою, которому он не помог бы сообразно средствам; при этом он оказал поддержку даже целым народам и городам, не говоря уже о тех частных лицах, которые впали в нужду вследствие многочисленности своих семей. Все, кто обращался к нему, получали просимое, так что, по точному подсчету, оказалось, что царь роздал иностранцам десять тысяч коров хлеба (кор равняется десяти аттическим медимнам), а своим подданным около восьмидесяти тысяч. Эта заботливость и своевременная помощь царя

настолько упрочили его положение среди иудеев и так прославили его у других народов, что возникшая прежде к нему ненависть из-за введения новых порядков в царстве теперь прекратилась у всего народа, потому что царь своею щедрою помощью в столь опасную минуту примирил с собою всех. Слава его росла за пределами его владений, и казалось, что все это постигшее страну горе было предназначено лишь для того, чтобы увеличить его популярность. Так как Ирод во время бедствия выказал столь неожиданное великодушие, то отношение простонародья к нему совершенно изменилось: народ смотрел теперь на него не так, как привык судить о нем по его прежним деяниям, а видел в нем своего заступника в беде.

3. Около этого же времени царь послал также Цезарю пятьсот избранных телохранителей своих для войны. Галл Элий повел их к Красному морю¹⁰⁰⁶, и здесь они оказали ему весьма ценную поддержку. Когда же у Ирода вновь накопились в достаточном количестве деньги, он приступил к постройке дворца в верхней части города, причем устроил в нем обширные помещения, которые богато изукрасил золотом, камнями и диванами; в каждом из них имелось много кроватей, чтобы принять большое количество людей. Сообразно с объемами этих помещений царь дал им и названия, наименовав, например, одно из них в честь Цезаря, другое в честь Агриппы¹⁰⁰⁷.

В это же время Ирод вновь вступил в брак. Его побудили к тому его эротические наклонности, причем он вообще никогда не упускал случая пользоваться обстоятельствами для своего удовольствия. Мысль о браке явилась у него следующим образом: живший в Иерусалиме некий Симон, сын александрийца Воэта, выдающийся священнослужитель, обладал дочерью, считавшейся тогда первою красавицею. О ней говорили в городе, и слухи о ней дошли до Ирода. Когда же он увидел эту девушку, красота ее поразила его¹⁰⁰⁸. Но царь отказался от мысли прибегнуть в данном случае к насилию, справедливо боясь навлечь на себя обвинение в тирании. Поэтому он предпочел вступить с девушкою в [законный] брак. Но так как Симон занимал слишком незначительное место, чтобы быть в состоянии породниться с царем, с другой же стороны, был слишком известен, чтобы не считаться с ним, то Ирод нашел удобное средство исполнить свое желание, решив поднять общественное положение всей семьи и дать ей более почетное место. Поэтому он немедленно сместил первосвященника Иисуса, сына Фавита, и назначил на его место Симона. Затем он вступил с ним в родственные отношения.

4. По окончании брачных празднеств он соорудил укрепление в той местности, где когда-то одержал победу над иудеями, когда он сам утратил

власть и она была в руках Антигона. Эта крепость отстоит от Иерусалима на расстоянии около шестидесяти стадий и самую природою предназначалась быть удобным укреплением, так как поблизости находился довольно значительный холм, искусственно увеличенный человеческими руками и наверху срезанный и выровненный. На нем возвышались круглые башни, к которым вела крутая лестница из двухсот отесанных камней. Внутри этих башен находятся красивые царские покои, сооруженные не только в целях безопасности, но и для красоты. Около подножия холма возвышались грандиозные здания, служившие, между прочим, водопроводами (в этой местности воды нет), причем вода течет сюда издалека. Здания эти сооружены с огромными издержками. Равнина покрыта домами наподобие целого города, а на холме возвышается крепость, господствующая над всей этой местностью¹⁰⁰⁹.

5. Так как Ироду все удалось согласно его надеждам, то он более уже не боялся возникновения смут в государстве: подданных он держал вполне в руках, отчасти нагоняя на них страх, будучи неумолим в случае необходимости наказания, отчасти же выказывая к ним великодушную заботливость в беде. Вместе с тем, однако, он прибег к помощи иностранцев для укрепления своей личной безопасности, как будто бы ему нужен был такого рода оплот против своих собственных подданных. С иностранными государствами он поддерживал отличные отношения и при случае оказывал им услуги, чем еще более располагал их в свою пользу, причем выказывал всю свою истинно царскую щедрость. Благодаря этому и постоянной удаче влияние его росло. Такое ревностное его отношение и такая услужливость его к Цезарю и к наиболее влиятельным римлянам поневоле заставили его уклониться от установленных родных обычаев и во многом нарушать иудейские законоположения. Он в своей усердии основывал города и воздвигал храмы, правда не в Иудее (иудеи этого не потерпели бы, так как почитание статуй и изображений на манер греческих нам запрещено), но делал это вне пределов страны. При этом он оправдывался перед иудеями тем, что все это он предпринимает не по собственному желанию, но по поручению и предписаниям свыше, тогда как перед Цезарем и римлянами он выказывал достаточное пренебрежение к установленным законоположениям и делал вид, будто ставит почитание римлян выше последних. Впрочем, сам он больше всего имел тут в виду свою собственную пользу, так как сгорал желанием оставить потомству выдающиеся памятники своего правления. Это-то и побуждало его основывать города и не жалеть для того никаких расходов.

6. Найдя на морском берегу местность, в высшей степени удобную для города и раньше называвшуюся Стратоновою Башнею, он велел составить обширный план и приступил к постройкам, восстановил весь город, притом из белого мрамора, и украсил его роскошными дворцами и общественными зданиями. Самым же замечательным его сооружением, отличавшимся как величиною, так и массою употребленного на него труда, была обширная гавань, величиною с Пирейскую¹⁰⁰, представлявшая внутри отличную стоянку и двойной ряд пристаней. Сооружение это было замечательно особенно тем, что царь не имел нужных материалов на месте, но должен был с большими издержками доставать их издалека. Город этот расположен в Финикии, по дороге в Египет, между Яффою и Дором. Это два приморских пункта, неудобные по своей доступности ветрам, которые здесь наносят песок морской на берег и затрудняют причал, так что в большинстве случаев купцам приходится становиться на якорь в открытом море. Желая изменить характер этой местности, царь назначил для гавани настолько обширное пространство, что тут могли укрыться целые большие флотилии, и с этою целью приказал бросить в воду на глубину двадцати аршин огромнейшие камни. Большинство из них имело пятьдесят футов в длину, не менее восемнадцати футов в ширину и около девяти футов в высоту. Впрочем, тут были камни и больше, и поменьше. Весь мол, который он воздвиг в море, достигал двухсот футов в длину. Половина этого сооружения представляла оплот против набегавших волн (почему и называлась молотом), а другая половина представляла из себя каменную стену с башнями. Самая большая башня получила название Друзовой и была особенно красива. Название свое она получила в честь пасынка Цезаря, Друза, умершего в юных летах¹⁰¹. Тут же были устроены и сводчатые помещения, служившие местом отдыха и пристанищем для моряков. Пространство перед ними представляло шедшую кругом всей гавани набережную, которая служила отличным местом прогулки для желающих. Вход в гавань был устроен с северной стороны, потому что именно северный ветер тут наиболее мягкий. При въезде в гавань с левой стороны возвышалась огромная башня, построенная на прочном основании, чтобы противостоять напору волн, а с правой стороны были поставлены как раз напротив башни два огромных и соединенных между собою каменных столба. Кругом всей гавани тянулись дома из белого мрамора; среди них воздымался холм, на котором стоял храм в честь Цезаря. Храм этот был виден еще издали с моря; в нем находились две статуи: одна, изображавшая Рим, другая – самого Цезаря. Вследствие красоты и дороговизны материалов сам город получил название Цезареи¹⁰². Подземные

его каналы и ходы были не менее грандиозны, чем наружные сооружения. Некоторые из них, отделенные друг от друга равными промежутками, тянулись вплоть до самого моря. Всех их перерезал один большой канал, куда стекались дождевая вода и нечистоты; а так как он выходил в самое море, то волны морские проникали сюда извне и очищали таким образом весь город. Царь соорудил в самом городе также и театр, равно как амфитеатр за городом, у южной оконечности гавани. Этот амфитеатр мог вместить огромное количество народа и был помещен так удобно, что из него открывался вид на море. Город принял такой вид свой в течение двенадцатилетнего периода, потому что царь не щадил в этом случае ни сил, ни денег.

Глава 10

1. Окончив это дело, равно как успев отстроить и Себасту, Ирод решил послать сыновей своих, Александра и Аристокла¹⁰¹³, в Рим, чтобы они представились Цезарю. Когда они прибыли в Рим, то нашли пристанище в доме особенно преданного друга Ирода, Поллиона, хотя могли остановиться также у самого Цезаря. Последний принял юношей в высшей степени любезно и предоставил Ироду право назначить одного из них, по собственному желанию, своим наследником. При этом он отдал ему также области Трахонеи, Батанеи и Авранитиды. Подарок этот был вызван следующим поводом: некий Зинодор арендовал у Лизания его область, но так как он не удовлетворялся доходами с нее, то увеличивал последние путем разбойничьих набегов на Трахонею. В этой местности обитали вообще погибшие люди, грабившие владения дамасцев. Между тем Зинодор нисколько не препятствовал этому, но, напротив, сам имел долю в добыче. Страдавшие от этого пограничные жители обратились к тогдашнему наместнику Варрону с жалобой и просили написать Цезарю о безобразном поступке Зинодора. В ответ на это Цезарь послал распоряжение прекратить эти разбои, а самую область предоставить Ироду, который позаботится уже о том, чтобы соседи более не подвергались неприятностям со стороны жителей Трахонеи. Впрочем, поимка разбойников представлялась делом далеко не легким, так как они привыкли к грабежам, представлявшим для них единственный источник доходов: у них не было ни города, ни земельной собственности, и они укрывались в подземных пещерах, которые служили им убежищем и где они жили со своим скотом. Так как они запаслись водою и пищею, то очевидно могли выдержать довольно продолжительную осаду. Входы в их пещеры были узки, и в них приходилось входить гуськом, тогда

как внутри эти пещеры были весьма обширны и могли вместить множество народа; при этом верх их выступал немного наружу, будучи почти сровнен с поверхностью. Вся местность представлялась скалистой и трудно проходимой, если не пользоваться указаниями проводника, потому что тропинки вели не прямо, но сильно перекрещивались. Когда жившие здесь люди не могли совершать насилия над ближайшими соседями, они грабили друг друга, не останавливаясь ни перед какими преступлениями. И вот когда Ирод отправился в эту местность, полученную им в дар от Цезаря, он при содействии проводников прекратил все прежние безобразия и даровал окрестным жителям спокойствие и мир.

2. Рассердившись сперва на отнятие области, а еще более возбужденный тем, что она досталась Ироду, Зинодор отправился в Рим, чтобы пожаловаться на Ирода. Но ему пришлось вернуться безуспешно. Тем временем в местности за Ионийским морем был в качестве представителя Цезаря послан Агриппа. Когда последний остановился для зимовья в Митилене, находившийся с ним в коротких приятельских отношениях Ирод прибыл также туда, а затем возвратился обратно в Иудею. Тогда к Агриппе явилось несколько гадарцев с обвинениями против Ирода, но Агриппа даже не выслушал их и отправил их в окопах обратно к царю. Также и арабы, которые издавна были недовольны образом правления Ирода, всполошились и пытались устроить восстание, притом, как кажется, по довольно веским соображениям. Дело в том, что, когда Зинодор увидел, что ему уже не на что более рассчитывать, он поспешил отдать арабам за пятьдесят талантов часть своих земель, а именно Авранитиду. Так как эта область входила в состав подаренных Ироду Цезарем, то арабы усмотрели в этом насилие лично по отношению к себе, совершали поэтому частые набеги, желая овладеть страной насильно, или же прибегали к жалобам. Вместе с тем они склоняли на свою сторону также несостоятельных солдат, вообще были очень враждебно настроены против Ирода и надеялись всегда на какой-нибудь переворот, на который обыкновенно рассчитывают всякие неудачники. Давно видя это и не желая подавать повода к открытым смутам, Ирод не обращал внимания на их угрожающие выходки, а старался успокоить их добрыми речами.

3. По истечении семнадцатого года царствования Ирода в Сирию прибыл Цезарь. Тогда значительное количество жителей Гадары обратилось к нему с жалобой на Ирода, обвиняя его в жестокости и тираническом образе правления. На этот шаг они решились главным образом по настояниям и наущению Зинодора, который при этом клятвенно уверял их, что не преминет всяческим образом освободить их из-под власти Ирода и

подчинить их исключительно и непосредственно одному только Цезарю. Гадарцы дали себя убедить такими соображениями и энергично принялись обвинять царя, причем большую смелость придавал им факт, что выданные Агриппой Ироду связанными жалобщики не подверглись никакому наказанию, ибо Ирод отпустил их, не причинив им ни малейшего зла. Вообще насколько Ирод был неумолим по отношению к своим собственным подданным, настолько же великодушно он прощал проступки чужеземцев. И вот, когда гадарцы стали обвинять его в насилиях, грабежах и разорении храмов, Ирод бесстрашно стал готовиться к защите; однако Цезарь крепко пожал ему руку и нисколько не переменил своего к нему отношения, несмотря на волнение народной толпы. Расследование этого дела продолжалось целый день, а на следующий оно стало совершенно лишним, потому что гадарцы, видя расположение к нему Цезаря и синедриона и предполагая, что и было естественно, что их выдадут царю, боясь пыток, решили ночью покончить с собою; при этом одни из них зарезались, другие низверглись со скал, третьи искали добровольной смерти в волнах реки. Итак, они сами осудили себя за свое легкомыслие и за свою виновность, вследствие чего Цезарь немедленно оправдал Ирода. К этой удаче царя присоединилась другая, довольно крупная, а именно Зинодор повредил себе кишку, так что, обессилев от большой потери крови, умер в сирийской Антиохии. Тогда Цезарь отдал Ироду также довольно значительную область Зинодора, а именно всю местность Улафу и Паниады с окрестностями, лежавшими между Трахонеей и Галилеей. Вместе с тем он познакомил его также с сирийскими наместниками, причем приказал им предпринимать все только с одобрения Ирода. Вообще царь имел во всем большую удачу, а именно два правителя огромного римского государства, Цезарь и Агриппа, относились к нему с таким расположением: Цезарь после Агриппы любил больше всего Ирода, Агриппа же отводил Ироду в своем сердце второе место после Цезаря. Пользуясь таким большим влиянием, Ирод выпросил у Цезаря для брата своего Ферора тетрархию, причем уделил брату из своей собственной казны капитал в сто талантов, чтобы в случае несчастья он был бы лично гарантирован и не очутился в зависимости от сыновей его (Ирода). Проводив затем Цезаря до моря, Ирод на обратном пути воздвиг в честь его в бывшей области Зинодора, вблизи места, называющегося Панием, великолепнейший храм из белого мрамора. Здесь в горе находится очень красивая пещера, под которою земля образует глубокую, бездонную, наполненную стоячею водою бездну, а сверху возвышается огромнейшая

гора. У подошвы ее, вблизи пещеры, находятся истоки реки Иордана. Это чудное место Ирод украсил храмом, посвященным Цезарю.

4. В это же время он освободил подданных своих от взноса третьей части податей, под предлогом, чтобы люди оправились от неурожая, а на самом деле с целью вернуть себе утраченное расположение сограждан. Дело в том, что последние были недовольны всеми этими новыми сооружениями, в которых усматривали залог гибели прежнего благочестия и падение нравов, причем на это постоянно глухо раздавался ропот недовольного народа. Впрочем, Ирод зорко следил за всем этим, лишая подданных удобного случая для выражения неудовольствия и постоянно принуждая их к работам. Сходки были запрещены гражданам, равно как совместные прогулки и собрания, причем везде был установлен строжайший надзор. Ослушников постигали жестокие наказания. Многие люди открыто и тайно были уводимы в крепость Гирканию и там предаваемы казни. Как в городе, так и по большим дорогам имелись смотревшие за этим шпионы. Рассказывают, что сам Ирод не брезговал этим средством, но часто, облекшись в одежду простолюдина, ночью смешивался с толпой простонародья, чтобы узнать настроение его относительно правительства. Тех, кто всячески и решительно противился нововведениям, он преследовал многоразличным образом, прочий же народ он принуждал присягать на соблюдение ему верности и повиновения всем правительственным предначертаниям. Большинство уступало этим требованиям отчасти из расположения, отчасти из страха, всех же недовольных и озлобленных этими насилиями он всяческим образом губил. При этом Ирод потребовал присяги на верность также от учеников фарисея Поллиона и от Самеи, равно как от большинства их приверженцев; но последние отказались от этого и, несмотря на такой отказ, все-таки не подверглись каре, благодаря заступничеству Поллиона. Равным образом были освобождены от этой принудительной меры так называемые ессеи. Это секта, образ жизни которой устроен по образцу школы греческого мудреца Пифагора¹⁰¹⁴. Впрочем, о них я в другом месте скажу подробнее. Здесь следует указать, почему царь так глубоко чтит ессеев и считал их выше прочих людей, тем более, что таким путем выяснится и взгляд общества на эту секту.

5. Был некий есей по имени Манаим (Менахем), который вообще, особенно же вследствие своего праведного образа жизни, пользовался общим уважением, тем более, что Господь Бог открыл ему знание будущего. Этот человек взглянул однажды на маленького Ирода, когда тот шел в школу, и предсказал ему, что он будет царем иудейским. На это Ирод, полагавший, что тот его не знает или шутит с ним, ответил, что он ведь принадлежит к

простому классу. Манаим, однако, улыбнулся, ударил его рукою по спине и сказал: «И тем не менее ты будешь царствовать и притом счастливо, ибо Предвечный так решил. Помни также об ударах Манаима, и пусть они будут тебе символом переменчивости судьбы. Все это было бы прекрасно, если бы ты всегда любил справедливость и благочестие, равно как всегда был бы мягок со своими подданными. Но я, который знаю все, знаю, что ты не останешься таковым. Правда, ты будешь счастлив, как никто другой, и уготовишь себе вечную славу, но вместе с тем ты забудешь также о благочестии и справедливости. Все это известно Предвечному, и в конце своей жизни ты вспомнишь о Его гневе на тебя».

На эти слова Ирод тогда не обратил внимания, потому что не мог рассчитывать на их осуществление. Впоследствии, однако, он возвысился, достиг царской власти и высшего счастья. Тогда он во всем величии своей власти послал за Манаимом и стал расспрашивать его, сколько времени он будет править. Манаим воздержался от точного ответа. Тогда ввиду его молчания Ирод спросил его, будет ли его царствование продолжаться десять лет, на что Манаим отвечал, что и двадцать и тридцать; но при этом он воздержался от точного определения этого срока. Ирод удовлетворился и этим, обласкал старика и отпустил его, и с тех пор в честь его относился всегда с уважением к ессеям. Несмотря на всю странность этого факта, мы все-таки сочли необходимым уделить ему здесь место и сообщить нашим читателям все о нем, тем более, что многие из ессеев высоко чтимы [у нас] за свой праведный образ жизни и за знание всего божественного.

Глава 11

1. После стольких прекрасных сооружений Ирод приступил при начале восемнадцатого года¹⁰¹⁵ своего царствования к невиданному дотоле делу, а именно к перестройке храма Господня. Он желал расширить его объемы и увеличить его высоту, считая, что тем он окончит самое замечательное из всех своих сооружений. Так оно и было в действительности, и этим Ирод снискал себе вечную славу. Но так как он знал, что народ не расположен к нему, и отлично понимал трудности такого сооружения, он счел за лучшее, раньше, чем приступить к делу, убедить народ речью в целесообразности такого начинания. Поэтому он собрал народ и обратился к нему со следующими словами: «Сограждане! Говорить о всем, что сделано мною во время моего царствования, я теперь считаю излишним; впрочем, все это я сделал не столько для своей собственной славы, сколько в видах вашей же личной безопасности. И вот, после того как я не забывал о вас в

многообразных и крайних бедствиях и при сооружении разных построек думал менее о себе, чем о вашем благе, я полагаю, что мне с помощью и пожеланию Предвечного удалось довести вас до такого цветущего благосостояния, которого раньше не достигал народ иудейский.

Поэтому мне кажется теперь лишним говорить здесь вам, вы это сами прекрасно знаете, о том, что я сделал для страны, сколько городов мы воздвигли в стране и вновь присоединенных к ней владениях, чем отличнейшим образом мы сами возвысились; здесь я хочу указать лишь на то, сколько поднимет наше благочестие и прославит нас то сооружение, приступить к которому я теперь имею в виду. Этот храм построили в честь Всесильного Бога наши отцы по возвращении из Вавилона; но ему недостает целых шестидесяти локтей в высоту, чтобы сравняться с древним Соломоновым храмом. Но пусть никто не вздумает при этом случае обвинять предков наших в недостатке благочестия. Они сами имели в виду соорудить его в должных размерах, но меры были тут предписаны им Киром и Дарием Гистаспом¹⁰¹⁶, которым и потомкам которых были подвластны наши предки¹⁰¹⁷, равно как впоследствии они были подчинены македонянам. Поэтому они не имели возможности построить храм такой высоты, какой бы требовали его прототип и их собственное благочестие. А так как я теперь, по милости Божией, правлю [самостоятельно], наслаждаюсь полным миром, у меня много денег и большие доходы, а главным образом так как к нам расположены и дружелюбны римляне, эти властители всего, как говорится, мира, то я попытаюсь исправить ошибку прежних времен, объясняющуюся стесненным положением зависимых людей, и воздам Предвечному дань благочестия за все те благодеяния, которыми он осыпал меня во время этого моего царствования».

2. Так говорил Ирод, и его неожиданная речь поразила большинство присутствовавших. Отсутствие твердой уверенности не придавало им бодрости, и они беспокоились, что царь уничтожит все [старое] здание храма раньше, чем сможет довести до конца свое предприятие. Эта опасность казалась им тем более серьезной, чем серьезнее представлялись им размеры нового сооружения. Видя их в таком настроении, царь стал их успокаивать, говоря, что не раньше снесет храм, чем когда у него будет все готово для сооружения [нового святилища]. В этом он, действительно, и не обманул их: приготовив тысячу телег для перевозки камней, выбрав десять тысяч наиболее опытных работников, купив для тысячи священников облачения и позаботившись обучить одних из этих священнослужителей плотничьему,

других же строительному искусству¹⁰¹⁸, он при такой подготовке приступил к самому сооружению нового храма.

3. Срыв древние фундаменты и возведя вместо них новые, он воздвиг на них храм длиною в сто локтей, шириною в сто, высотой же в сто двадцать локтей, из которых последние двадцать с течением времени ушли в землю, когда фундамент опустился¹⁰¹⁹. Впрочем, возвести эти добавочные двадцать локтей мы собрались во времена Нерона. Храм был сооружен из прочных белых камней, из которых каждый имел в длину двадцать пять, в высоту восемь, а в ширину около двенадцати локтей. Все здание, подобно царскому чертогу, понижалось к краям, тогда как высшею частью являлась середина, так что ее можно было видеть издалека на расстоянии многих стадий; особенно же хорошо видно было это тем, кто жил как раз напротив здания или подходил к нему. Входные двери и их карнизы были, наподобие входа в самый храм, украшены пестрыми занавесами, на которых были вышиты узорами цветы и которые свешивались со столбов. Сверху над входом с фриза свешивалась золотая виноградная лоза, кисти которой спадали вниз. Зрители поражались в одинаковой мере как величиною, так и искусством этого украшения, равно как ценностью употребленного на него материала. Царь окружил здание храма рядами покоев, которые все находились по величине своей в соответствии со зданием храма. При этом он потратил на них такое множество денег, что казалось, никто раньше его не мог так украсить храм. Эти здания покоились на огромной стене, в свою очередь представлявшей одно из замечательнейших человеческих сооружений. Гора (на которой стоял храм) представляла значительный каменистый холм, постепенно повышавшийся к восточной стороне города и заканчивавшийся там крутою вершиною. По повелению Предвечного первый наш царь Соломон¹⁰²⁰ вершину этого холма отделил и обстроил крупными сооружениями, равно как воздвиг стену и снизу у подошвы холма, там, где открывается глубокое ущелье. Тут он постепенно охватил края холма большими, соединенными свинцовыми скрепами глыбами камня, так что в конце концов получилась четверугольная терраса, удивительная как по своему объему, так и по высоте, на которой она находится. Огромные глыбы показывали снаружи всю свою величину, тогда как внутри они были связаны между собою прочными железными скреплениями, делавшими их устойчивыми навеки. Когда это сооружение было доведено таким образом до вершины холма, царь велел сровнять верх тем, что засыпал промежутки между скалою и стеною и устроил таким образом совершенно гладкое и ровное место без выступов. Вся окрестность этой площади обнимала в

совокупности четыре стадии, причем каждая сторона ее имела одну стадию в длину. Внутри, вокруг всей вершины горы тянулась еще стена, к которой с востока примыкала двойная галерея одинаковой со стеною длины и лежала как раз против находившегося в центре площадки входа в здание храма. Эту галерею украсили многие из прежних царей. Вокруг всего здания храма тянулись прибитые к стенам доспехи варваров, и к этим трофеям, которые Ирод опять поместил теперь на их прежнем месте, он присоединил еще доспехи, отнятые им у арабов.

4. С северной стороны этого сооружения была построена прямоугольная сильная крепость, славившаяся своею неприступностью. Ее воздвигли еще предшественники Ирода, цари и первосвященники из дома хасмонейского, и назвали ее Варис. Здесь сохранялось у них священное облачение, которое надевал на себя только первосвященник в случае необходимости принести жертву. Также и Ирод сохранял здесь это облачение; после его смерти оно попало в руки римлян, у которых и оставалось вплоть до времен императора Тиберия. При последнем сирийский наместник Вителлий¹⁰²¹, прибыв в Иерусалим и удостоившись от жителей весьма блестящего приема, желал им выказать свою за это благодарность, и так как они просили вернуть им это священное облачение, написал о том императору Тиберию. Тиберий согласился вернуть священное одеяние иудеям, и таким образом оно оставалось у них до смерти царя Агриппы. После него тогдашний наместник сирийский Кассий Лонгин и наместник Иудеи Куспий Фад¹⁰²² приказали иудеям положить это облачение в крепость Антонию, ибо римляне одни должны были быть хозяевами, как они были таковыми и раньше. Тогда иудеи послали послов к императору Клавдию с соответственными представлениями. Когда послы эти прибыли в Рим, находившийся там как раз царь Агриппа Младший¹⁰²³ обратился по этому поводу с просьбою к императору и получил разрешение вернуть иудеям облачение, причем соответственное распоряжение было послано верховному сирийскому наместнику Вителлию. Прежде первосвященническое облачение было обыкновенно запечатано печатями самого первосвященника и казначеев, так что за день до наступления праздника казначеи являлись к начальнику римского гарнизона и по проверке печатей получали от него облачение. Затем, по миновании праздника, они относили его обратно на прежнее место, показывали начальнику крепости и осматривали и удостоверяли печати. Все это я упомянул здесь вследствие многообразных горестных событий, имевших совершиться в будущем.

В то время иудейский царь Ирод еще более укрепил эту цитадель в целях усиления и ограждения храма и назвал ее Антониєю в честь своего друга, бывшего римского военачальника Антония.

5. В западной стене, окружавшей все храмовые постройки, было четверо ворот. Одни из них вели к царскому дворцу, причем необходимо было пересечь лежавшую по пути котловину, двое вели к предместью города, а четвертые ворота обращены были к самому городу. При этом спуск в ложбину и выход из нее совершался по ряду специально устроенных для того ступеней. Город лежал как раз напротив святилища, образуя амфитеатр, за которым с южной стороны тянулось глубокое ущелье.

Фасад святилища также имел с южной стороны в середине входы и вместе с тем тройную царскую галерею, тянувшуюся от восточного до западного склона в долину; провести ее дальше оказалось невозможным. Это было одно из самых замечательных сооружений в мире. Дело в том, что долина была так глубока, что голова кружилась, если смотреть в нее сверху; а тут была построена еще огромная галерея, так что у каждого кружилась голова еще раньше, чем взор достигал дна долины, потому что здесь присоединялась глубина последней к высоте галереи. Вместе с тем с одного конца галереи до другого были воздвигнуты четыре параллельных ряда колонн; из них последний, четвертый ряд входил в самую стену здания. Толщина каждой колонны была так значительна, что для обхвата ее требовалось три человека; высота каждой достигала двадцати семи футов, причем подножие ее составляло двойную базу. Всех колонн было сто шестьдесят две; капители их были снабжены коринфскими украшениями¹⁰²⁴ и поражали тонкостью своей работы. Так как колонны тянулись четырьмя рядами, то получались три [крытых] галереи. Из них две были совершенно одинаковы, а именно по тридцати футов в ширину, по стадии в длину и более чем по пятидесяти футов в высоту. Ширина же средней галереи была в полтора, а высота в два раза больше крайних галерей, так что она значительно возвышалась над последними. Крыши этих зданий были украшены рельефными резными деревянными изображениями. Крыша средней галереи была выше прочих, и кругом вдоль стены были поставлены небольшие колонки, делившие все пространство на отдельные поля. Все это было так гладко отполировано, что иной, кто не видал этого, пожалуй, и не поверит и что никто не мог взирать на это без величайшего изумления.

Такова была внешняя ограда храма. Внутри, на небольшом от нее расстоянии, была другая, снабженная несколькими ступенями. Она образовалась из каменной стены, на которой находилась надпись, под

страхом смертной казни запрещавшая иностранцам доступ сюда¹⁰²⁵. Эта внутренняя ограда имела на южной и северной стороне по три входа, отстоявших друг от друга на равном расстоянии, с восточной же стороны одни большие ворота, через которые входим мы с женами своими в состоянии ритуальной чистоты. За эту ограду находилось недоступное женщинам святилище, а дальше третье отделение, доступ куда был открыт одним только священнослужителям. Тут находился сам храм, а перед ним возвышался алтарь, на котором мы приносим Господу Богу жертвы всесожжения. Ни в одно из этих трех отделений царь Ирод не вступал (ему это было запрещено как несвященнослужителю); он лично участвовал лишь в возведении галерей и внешних стен, которые и были воздвигнуты им в течение восьми лет.

6. Самый храм был отстроен священнослужителями за один год и шесть месяцев. Весь народ преисполнился радости и возблагодарил Господа Бога, во-первых, за быстрое окончание работы, а затем и за ревность царя. При этом они устроили радостный праздник в честь освящения храма. Царь принес в жертву Предвечному триста волов; остальные жертвовали каждый сообразно своим средствам; впрочем, невозможно установить совершенно точное число принесенных тогда в жертву животных. При этом день освящения храма совпал с днем восшествия царя на престол (а этот день уже всегда праздновался), и поэтому теперь празднество отличалось особенным блеском.

* * *

*

См. также: [Иудейская война](#)

⁹⁹²

Фраат IV – царь Парфии (ок. 40–3 гг. до н.э.).

⁹⁹³

До 100 г. н.э. легионы не имели знамени из материи. Знаком легиона было изображение орла (из серебра или золота).

⁹⁹⁴

В свой первый поход на Парфию Антоний выступил в 36 г. до н.э.

⁹⁹⁵

Речь идет о Птолемеи XIV, втором муже (и брате) Клеопатры. Он скончался в 44 г. до н.э. в пятнадцатилетнем возрасте. Возможно, его отравили.

⁹⁹⁶

Арсиния была сестрой Клеопатры. Во время бурных событий в Александрии, когда там находился Юлий Цезарь, она была провозглашена александрийской царицей. Однако Цезарь восстановил на престоле Клеопатру. Арсиния была убита по воле Клеопатры, когда та заручилась уже покровительством Марка Антония.

[997](#)

Храмы имели право убежища – человека, скрывавшегося в храме, нельзя было ни убить, ни схватить. Иосиф Флавий, сообщая эту подробность, тем самым обвиняет Клеопатру в святотатстве.

[998](#)

Этот поход Антоний предпринял в 34 г. до н.э.

[999](#)

Артавазд II был царем Армении в 55–34 гг. до н.э. Его брат Артаксес царствовал с 34 по 20 г.

[1000](#)

Речь идет о походе в Армению Тиберия Клавдия Нерона в 20 г. до н.э. Тогда на армянский престол взошел Тигран III (20–8 гг. до н.э.). Тиберий стал именоваться Цезарем лишь после его усыновления Октавианом Августом в 4 г. н.э.

[1001](#)

Решающее сражение между Октавианом и Антонием произошло на море у мыса Акции (греческое побережье Ионийского моря) в сентябре 31 г. до н.э. В этом морском бою Клеопатра оставила боевые порядки флота Антония и отплыла в Египет, что сыграло немалую роль в поражении Антония. Сухопутная армия Антония без боя перешла на сторону Октавиана. Летом 30 г. Октавиан вторгся в Египет и довольно легко завоевал его, превратив вскоре в римскую провинцию. Антоний покончил с собой, немного позднее это сделала и 39-летняя Клеопатра, предпочтя смерть позору участия в триумфе Октавиана. Октавиан стал единоличным правителем Римской державы. В 27 г. сенат присвоил ему имя Августа («возвеличенного богами»), и он стал именоваться «Император Цезарь Август». В истории Рима началась эпоха Империи, хотя внешне государство выглядело республиканским (все республиканские учреждения и должности были сохранены), а себе Октавиан взял титул принцепса (первого в сенате). Отсюда период в истории Римской империи до конца III в. (до императора

Диоклетиана) определяют как эпоху принципата. Основы принципата как формы государственного правления были заложены Октавианом Августом.

[1002](#)

Т.е. до Мертвого моря.

[1003](#)

Гладиаторы, о которых идет речь, были подготовлены Антонием (или Клеопатрой) для участия в играх, которыми он хотел отметить свою победу над Октавианом. Гладиаторы находились в Кизике (южное побережье Мраморного моря) и после поражения Антония при Акции попытались по суше пробиться в Египет к своему хозяину. Их продвижение было остановлено наместником Сирии Квинтом Дидием. В разгроме гладиаторов существенную помощь Квинту Дидию оказал Ирод. Квинт Дидий сорвал также замысел Клеопатры бежать из Египта через Красное море в Африку или Индию. По его приказу арабы сожгли корабли Клеопатры.

[1004](#)

Речь идет не о галлах, а о галатах. Галаты (кельтский народ) в 70-е годы III в. до н.э. вторглись в Малую Азию, в центре которой и осели, дав название этой области (Галатия). С 25 г. до н.э. Галатия стала одной из римских провинций. Немало галатов служили наемниками у эллинистических правителей.

[1005](#)

Квадрига – колесница с запряженными в один ряд четырьмя лошадьми.

[1006](#)

В 25 г. до н.э. по распоряжению Октавиана Августа наместник Египта Элий Галл двинулся в поход на юг Аравийского полуострова. Несмотря на захват некоторых городов Химьяритского царства, поход оказался неудачным.

[1007](#)

Марк Випсаний Агриппа, друг Октавиана с юности, в то время был фактически вторым человеком в империи после Октавиана Августа.

[1008](#)

Ее звали Мариаммой, как и казненную Иродом Мариамму из рода Хасмонеев.

[1009](#)

Как уже говорилось, в «Иудейской войне» (I, 21, 10) Ирод, по словам Иосифа Флавия, назвал эту крепость Иродионом.

[1010](#)

Пирей был портом Афин (имел три гавани). При Перикле (V в. до н.э.) от Афин до Пирея были сооружены стены в несколько километров длиной, которые обеспечивали безопасность связи между Афинами и Пиреем.

[1011](#)

Нерон Клавдий Друз (38–9 гг. до н.э.) был младшим сыном третьей жены Октавиана Ливии (и младшим братом Тиберия, будущего императора).

[1012](#)

Т.е. Кесарии.

[1013](#)

они были сыновьями Ирода от Мариаммы из рода Хасмонеев.

[1014](#)

Пифагор (540–500 гг. до н.э.) – древнегреческий философ. О его философском учении достоверного известно мало. Пифагор учил о бессмертии души, о переселении душ, проповедовал необходимость очищения души и тела, особое внимание уделял числовой символике, пытаясь при помощи ее осмыслить мироздание. В Южной Италии, в г. Кротоне, основал религиозно-философскую школу-братство с общим имуществом на принципах строгого аскетизма. Пифагорейская община взяла власть в Кротоне и проводила антидемократическую политику.

[1015](#)

В «Иудейской войне» (I, 21, 1) Иосиф говорит о том, что Ирод заново отстроил храм на пятнадцатом году своего правления.

[1016](#)

Речь идет о персидских царях Кире II (559–530 гг. до н.э.) и Дарии I (522–486 гг. до н.э.).

[1017](#)

Иосиф Флавий говорит здесь о первом храме, возведенном при царе Соломоне и о втором, построенном вместо разрушенного Навуходоносором в конце VI в. до н.э. при тогдашнем персидском сатрапе Зоровавеле.

[1018](#)

Эти священнослужители должны были строить те части храма, куда запрещался вход мирянам. (Перев.)

[1019](#)

Здесь текст представляет пропуск, восстановленный мною по латинскому переводу. (Перев.)

[1020](#)

Конечно, Соломон вовсе не был первым царем Иудейским. Его здесь и в других местах (например, XX, 10) Иосиф называет так, потому что желает характеризовать Соломона как первого действительно блестящего и могущественного государя евреев. (Перев.)

[1021](#)

Луций Вителлий был наместником Сирии в 35–39 гг. н.э., Тиберий же был императором с 14 по 37 г. н.э.

[1022](#)

Следовательно, это могло произойти в период с 45 по 47 г. н.э.

[1023](#)

Это Агриппа II, сын Агриппы I.

[1024](#)

Капитель – венчающая часть колонны. Коринфские капители (наиболее пышные из всех видов греческих капителей) представляли собой расширяющиеся кверху чаши, украшенные стилизованными листьями и завитками.

[1025](#)

Вот этот текст, найденный недавно: «Ни один иноземец не смеет войти за решетку и ограду святилища. Кто будет схвачен, тот сам станет виновником собственной смерти». (Перев.)

Книга 16

Предисловие

Эту книгу Иосиф Флавий посвятил описанию дальнейшего правления Ирода в Иудее. В центре внимания автора – придворные интриги и взаимоотношения Ирода с римской императорской властью. Иосиф хорошо передает атмосферу подозрительности, наветов и борьбы за влияние при дворе иудейского царя. Кульминацией книги является чудовищная расправа Ирода с собственными сыновьями – Александром и Аристокбулом. В своем рассказе Иосиф приводит множество примеров раболепствования Ирода

перед Октавианом Августом и его ближайшим сподвижником Марком Випсанием Агриппой.

В книге содержится немало интересных сведений о положении иудеев в разных частях Римской империи. Ценными являются данные Иосифа по истории североаравийского Nabateyского царства.

Глава 1

1. Ревностно заботясь при устройстве всего общественного строя об искоренении всяческого зла как из пределов самого города, так и вообще из страны, царь личной властью издал закон, который совершенно не соответствовал прежним установлениям и который требовал продажи воров в рабство вне пределов царства. Это постановление было не только слишком сурово за подобные провинности, но и шло вразрез с основными иудейскими законами: быть рабом у иноземцев, ведших различный с иудеями образ жизни, и быть вынужденным исполнять все требования иноземцев, само по себе представляло уже нарушение благочестия, а вовсе не наказание виновных, относительно которых древнее законодательство сохранило известное постановление, гласившее: вор должен был вчетверо возместить убыток, а в случае невозможности быть проданным в рабство, впрочем, никак не к иноземцам и отнюдь не навсегда; он обязательно получал обратно свою свободу по истечении шестилетнего срока¹⁰²⁶. И вот когда вышло это [царское] постановление, определявшее столь суровое и незаконное наказание, в этом была усмотрена известная доля заносчивости царя, который издал свое постановление не как царь, а как тиран в насмешку над подданными; а так как оно вполне соответствовало вообще характеру всех прочих его постановлений, то оно послужило поводом к упрекам и недовольству по адресу его.

2. Около этого же времени царь предпринял поездку в Италию, чтобы повидаться с Цезарем, а также со своими сыновьями, жившими в Риме. Цезарь принял его во всех отношениях любезно и разрешил ему отвезти обратно на родину сыновей, которые уже успели закончить свое образование. Когда Ирод вернулся с ними из Италии, простонародье восторженно отнеслось к юношам, снискавшим себе всеобщее благоволение как дарами счастья, которыми их наделила судьба, так и своею царственной внешностью и осанкою. Но за то они тотчас же навлекли на себя и недоброжелательство со стороны Саломеи, сестры царя, и тех, что своими наветами загубили Мариамму. Дело в том, что последние уже теперь боялись, что, когда юноши сами вступят на престол, им придется

поплатиться за незаконные свои поступки по отношению к их матери. Это опасение опять побуждало [придворных] к клеветническим наветам на юношей, причем выставлялось на вид, что те вовсе не находят удовольствия в обществе отца своего, так как считают безнравственным жить вместе с тем, кто являлся убийцею их матери.

Так как подобные наветы походили на истину, основываясь на убедительном факте, то врагам удалось преуспеть в своих кознях и лишить юношей расположения, которое питал к ним отец их. Конечно, недоброжелатели ничего этого не высказывали царю прямо, но распространяли такие слухи в народе; когда же об этом было донесено Ироду, в нем понемногу стала развиваться та ненависть [к сыновьям], подавить которую он с течением времени уже по самой природе своей не был в состоянии. Впрочем, пока у царя чувство родительской любви было еще сильнее всякой подозрительности и клеветы, и потому он заботился, чтобы его сыновьям оказывались всевозможные почести; когда же они достигли соответственного возраста, он женил их, а именно Аристокбулу дал в жены Беренику, дочь Саломеи, а Александру – Глафиру, дочь каппадокийского царя Архелая¹⁰²⁷.

Глава 2

1. Устроив это и узнав, что Марк Агриппа вновь прибыл из Италии в Азию, Ирод тотчас поехал к нему и просил его приехать в иудейское царство, чтобы найти там гостеприимство преданного ему друга. Тот уступил настойчивым просьбам царя и приехал в Иудею. Ирод принял его с возможною любезностью во вновь отстроенных городах своих, где показывал ему все замечательные сооружения, а затем доставлял ему и друзьям его всевозможные развлечения и удовольствия, не щадя на это никаких средств. Так он показал ему Себасту и вновь отстроенную приморскую Кесарию, равно как и сооруженные с такими крупными издержками крепости Александрией, Иродиаду и Гирканию. Вместе с тем он повез его также в Иерусалим, где народ встретил Агриппу в праздничных одеяниях и с кликами восторга. Агриппа, в свою очередь, принес Всевышнему в жертву гекатомбу¹⁰²⁸ и устроил народу угощение, причем не давал никому перещеголять себя в щедрости. Несмотря на то, что он охотно остался бы здесь еще несколько дней, Агриппа, однако, был стеснен временем: будучи принужден вернуться вновь в Ионию, он ввиду приближения зимы не считал безопасным отлагать свое плавание.

2. Итак, Агриппа отплыл назад, богато одаренный Иродом, который почтил подарками также наиболее выдающихся лиц его свиты.

Царь провел зиму у себя дома, а с наступлением весны направился опять к Агриппе, который, как он знал, имел в виду предпринять поход на Босфор. Таким образом, он проплыл мимо островов Родоса и Коса, рассчитывая у Лесбоса встретиться с Агриппою. Но тут застиг его северный ветер, который не дал кораблям возможности войти в гавань. Простояв поэтому несколько дней у Хиоса¹⁰²⁹, он принял тут множество просителей и отпустил их, одарив по-царски; когда же он увидел городские портики, разрушенные во время войны с Митридатом и нелегко восстанавливаемые, как другие здания, вследствие своей величины и красоты, Ирод отпустил [гражданам] столько денег, сколько было нужно для восстановления этого сооружения и даже больше, и приказал не мешкать, а поскорее приняться за постройку, чтобы вернуть городу его прежнее украшение.

Когда наконец ветер улегся, царь поехал в Митилену¹⁰³⁰, а оттуда в Византий; узнав же, что Агриппа успел уже миновать Кианейские скалы¹⁰³¹, он поспешил нагнать его. Около Синопа на Черном море Агриппа неожиданно увидал флотилию Ирода, и это доставило ему удовольствие. Свидание было очень радостно, так как Агриппа увидел доказательство величайшей преданности и любви к нему Ирода, который пустился в столь продолжительное плавание и не желал покидать его в нужную минуту, причем бросил свою страну и поставил на втором плане управление своими собственными делами. Во время этого похода Ирод был неотлучно с ним, являясь его союзником в боях, советником в серьезные минуты и приятным товарищем в удовольствиях; всегда и везде был он с ним, деля с ним все тягости вследствие своего к нему расположения и радости, чтобы почтить его.

Когда окончилось у них то дело на Понте, ради которого Агриппа был послан туда, они решили возвратиться назад уже не морем, но проехать через Пафлагонию¹⁰³² и Каппадокию. Перерезав затем Великую Фригию, они прибыли в Эфес, а оттуда морем переправились на Самос¹⁰³³. Тут в каждом городе царь оказывал великие милости всем обращавшимся к нему за помощью. Он никогда не останавливался в раздаче денег или в оказании любезности, беря все издержки на свой счет. Он являлся также у Агриппы заступником за тех, которые имели к нему какие-либо просьбы, и достигал того, что никто из просителей не уходил недовольным. Так как сам Агриппа был человеком хорошим, великодушным и готовым быть всякому по мере сил своих полезным, лишь бы не обижать никого, то заступничество царя находило себе здесь широкое поле применения, побуждая и без того тароватого Агриппу к оказанию всевозможных благодеяний. Так, например, царь примирил его с илионцами¹⁰³⁴, на которых тот гневался, заплатил за

хиосцев сумму, которую они должны были императорским наместникам, освободил их от ввозных пошлин и вообще поддерживал всех, по мере сил, в их нуждах.

3. Когда они, таким образом, прибыли в Ионию, к ним явилась огромная толпа живших в [ионийских] городах иудеев, которые воспользовались представившимся удобным случаем, чтобы пожаловаться на те притеснения, которым их подвергают, а именно что им мешают жить сообразно их обычаям, что их нарочно заставляют являться в суд в дни священных праздников, что у них отнимают предназначенные для Иерусалима деньги, что их заставляют нести военную службу и заниматься общественными работами, причем принуждают тратить на это священные деньги, тогда как от всего этого они навсегда освобождены римлянами, предоставившими им право жить по собственным их законам. И вот, когда они так кричали, царь просил Агриппу выслушать их жалобу и приказал одному из своих друзей, некоему Николаю, выступить в качестве их заступника и представителя. Агриппа собрал римских должностных лиц и присутствовавших там царей и властителей, а Николай выступил вперед и начал за иудеев [следующую] речь:

4. «Всесильный Агриппа! Все те, которые находятся в стесненном положении, должны обращаться за помощью к лицам, могущим поддержать их. Особенное право на это имеют здесь предстоящие ныне. Получая от вас прежде неоднократно те милости, которые служили их благополучию, они теперь просят, чтобы вы, даровавшие им эти милости, теперь не лишали их таковых.

Ведь они получили свои привилегии от тех, у которых исключительно и есть на то возможность и власть, а теперь у них отнимают эти преимущества не более сильные, но такие же точно, как они сами, подданные ваши. Если они удостоились больших преимуществ, то в этом самом и заключается уже похвала им; значит, они оказались достойными таких великих милостей.

Если же эти преимущества незначительны, то гнусно, что дарование их не дает им возможности спокойно пользоваться ими. Вполне ведь ясно, что те, которые стесняют и гнетут иудеев, оскорбляют обе стороны, как тех, кто удостоился милостей, не признавая порядочными людьми тех, кого таковыми признавали более могущественные, почему и даровали им указанные привилегии, так и самих даровавших эти преимущества, потому что стараются свести на ничто дарованные ими привилегии. И вот, если бы кто-нибудь спросил их, чего они предпочли бы лишиться, жизни или родных своих обычаев, процессий, жертвоприношений и празднеств, устраиваемых

ими в честь так называемых богов их, то я отлично знаю, что они готовы были бы претерпеть все, лишь бы не тронуть чего-либо из обычаев. Ведь большинство их и предпринимает войны для ограждения этих установлений. Мы же тем измеряем благополучие, которым ныне благодаря вам пользуется все человечество, что каждой стране предоставлена возможность справлять почитаемые родные обычаи и жить по ним. И вот теперь люди, которые сами не согласились бы претерпеть таковое, изо всех сил пытаются навязать это другим, совершенно упуская из виду, что они поступают одинаково безбожно, когда пренебрегают собственными священными постановлениями относительно своих богов или когда святотатственно посягают на подобные чужие установления. Посмотрим теперь на дело еще с другой стороны. Разве существует такое племя, такой город или целый народ, которым покровительство вашей власти и могущество римлян не представлялось бы величайшим благом? Разве найдется кто-либо, который бы отказался от ваших милостей? Нет, не найдется такого сумасшедшего. Нет никого, ни частного лица, ни общины, которые бы не чувствовали на себе этих милостей. Действительно, все, кто собирается отнять у кого бы то ни было вами дарованные милости, должны отказаться, в свою очередь, и от своих собственных вами дарованных привилегий; при этом вес такие милости не могут быть даже вполне оценены во всем их значении: если сопоставить прежнюю форму правления с теперешнею, то среди многих прочих преимуществ последней, направленных к всеобщему благополучию, следует особенно остановиться на том, что ныне люди более не рабы, но свободны. И тем не менее, невзирая на все наши преимущества, последние все-таки не могут возбуждать зависти. Благодаря вам мы живем счастливо во всех отношениях и теперь просим только одного, именно и впредь пользоваться правом беспрепятственно соблюдать требования древнего благочестия, а это как само по себе не может быть вредно, так не может стеснять и тех, кто нам разрешил это. Ведь Божество в одинаковой мере охотно принимает поклонение, как и относится доброжелательно к тому, кто способствует поклонению Ему. В наших установлениях нет решительно ничего несовместимого с человеческим достоинством, а все направлено к благочестию и благотворной справедливости. Мы отнюдь не утаиваем данных нам для повседневной жизни предписаний, которые являются лишь напоминанием о нашем благочестии и свидетельствуют о прекрасном отношении нашем к людям вообще; каждый седьмой день [недели] мы посвящаем изучению всего, что избавило бы нас от будущих прегрешений. Если кто рассмотрит эти законы наши поближе, то увидит, что они, и сами по

себе прекрасные, особенно выигрывают в наших глазах от своей древности, хотя некоторые и отрицают это; а эта древность их вызывает к ним тем более почтения и любознательности в тех, кто, приняв эти законы, свято чтит их. Теперь нас лишают этих преимуществ, насильственно отнимая у нас деньги, собранные нами с богоугодною целью, и таким образом открыто кощунствуя, назначают нам принудительные работы, заставляют нас в праздники являться в судилища и на работы, и все это не на основании заранее заключенного договора, но чтобы поглумиться над нашею хорошо всем известною религиозностью и для того, чтобы выразить нам свою ни на чем не основанную и беспредельную ненависть. Впрочем, ваше распространившееся по всей земле владычество одно в состоянии поддерживать в одинаковой мере добрые стремления, как и сдерживать всякое недоброжелательство, высказываемое одними против других.

Поэтому, могущественный Агриппа, мы теперь просим о том, чтобы не подвергаться обидам и глумлениям, чтобы не быть стесненными в наших обычаях, чтобы не лишаться нашего имущества и не подвергаться насилиям со стороны тех, кого мы сами ни в чем не стесняем.

Все эти требования наши не только справедливы, но уже раньше были признаны с вашей стороны вполне законными. Мы могли бы сослаться на целый ряд сенатских постановлений и на таблицы, помещенные на Капитолии, относительно наших привилегий, которые наглядно показали бы, что они дарованы нам вами за испытанную верность нашу, и которые имели бы все-таки законную силу, даже если бы мы их вовсе не заслужили своим к вам отношением. Охраняя права не только наши, но вообще всех людей, вы благодетельствуете в вашем владычестве всем, даруя милости в большей мере, чем можно было бы рассчитывать; всякий, кто вздумал бы перечислять все оказанные вами благодеяния, мог бы вести речь свою без конца. Впрочем, для того чтобы доказать, что мы достигли всех милостей совершенно справедливо, нам достаточно, умолчав о всем прочем, назвать одно лишь имя теперешнего царя нашего, который ныне сидит здесь рядом с тобою.

Разве он хоть раз изменил своему расположению к вашему дому, разве он когда-либо обнаружил какую-нибудь неверность? Разве можно говорить о какой-нибудь такой чести, которой он не оказал бы вам? Разве есть такая услуга, в оказании которой он не явился бы первым? Что же препятствует тому, чтобы число наших услуг не сравнялось с числом ваших нам благодеяний? Конечно, вполне уместно, чтобы я не оставил теперь без упоминания также и доблести отца его Антипатра, который явился на

помощь Цезарю с двумя тысячами воинов при вторжении его в Египет и не уступал в храбрости никому ни во время сухопутных сражений, ни во время морских битв. Что теперь говорить о том, какую поддержкою явились тогда эти воины и каких великих наград удостоился каждый из них от Цезаря; мне следовало бы тут напомнить о письмах, посланных тогда Цезарем сенату, о том почете, которого публично удостоился Антипатр, получивший тогда и право [римского] гражданства.

Итак, все с достаточною убедительностью свидетельствует о том, что мы вполне заслужили [римские] милости и теперь на вполне законном основании требуем от тебя подтверждения этих наших преимуществ, на которые мы могли бы, если бы они даже не были дарованы нам раньше, ныне рассчитывать, видя добрые отношения нашего царя к вам, а ваши к нему. Вместе с тем нам сообщили тамошние [иерусалимские] иудеи, сколь милостиво ты посетил страну их, как ты принес богатые жертвы Предвечному, выразив свое к Нему почтение молитвами, как ты угостил народ и благосклонно принял от него его дары.

Такой прием, оказанный тебе, человеку со столь обширную властью, народом и городом [Иерусалимом], должен служить символом твоей дружбы к народу иудейскому, дружбы, возникшей благодаря посредничеству дома Ирода. Напоминая тебе обо всем этом, мы теперь, в присутствии здесь сидящего царя нашего, не просим ничего сверх того, что вы сами уже даровали нам, и умоляем не относиться безразлично к тому, что этих ваших милостей собираются теперь лишить нас посторонние лица».

5. На такую речь Николая греки и не думали возражать, тем более, что тут не было никакого судебного разбирательства, но лишь возбуждался вопрос о насильственном нарушении фактических прав. Поэтому греки вовсе и не отрицали правильности приведенных фактов, но ограничились лишь указанием на то, что иудеи совершенно завладели теперь их территорией и позволяют себе всяческие несправедливости. На это иудеи отвечали, что они сами являются такими же коренными жителями страны [как и греки] и, соблюдая свои родные установления, никому не причиняют ни малейшего зла. Тогда Агриппа признал, что иудеи являются потерпевшею стороною, и, ввиду расположения к нему и дружбы Ирода, выразил готовность оказать иудеям всяческую поддержку в их совершенно законных требованиях, сказав при этом, что он готов исполнить и всякие другие просьбы их, лишь бы это не умаляло власти римлян. Что же касается их просьбы о подтверждении уже прежде дарованных им прав их, то он сим вновь утверждает их за ними и

требует, чтобы никто не препятствовал им спокойно жить согласно их собственным установлениям.

С этими словами он распустил собрание. Ирод же поднялся с места, обнял Агриппу и выразил ему свою признательность за его расположение к нему. Обрадованный этим, Агриппа, в свою очередь, заключил царя в объятия и расцеловался с ним.

После этого Агриппа уехал с Лесбоса, царь же решил от Самоса вернуться домой и поэтому простился с Агриппою. Несколько дней спустя он прибыл, благодаря попутному ветру, в Кесарию. Отправившись отсюда в Иерусалим, он созвал народ в собрание; там было также много обитателей внутренних частей страны. Тут он выступил вперед, дал отчет о своем путешествии и особенно подчеркнул то обстоятельство, что ему удалось добиться для всех иудеев повсеместно в Азии невозбранного на будущее время отправления своих установлений. О своей удаче и об устройстве своих дел он сумел также упомянуть, равно как о том, что он не упускал никогда случая заботиться о благе иудеев. В радости он отпустил народу четвертую часть повинностей за истекший год. Народ в восторге от его речи и оказанной милости разошелся в великой радости, выражая царю своему всяческие благопожелания.

Глава 3

1. Тем временем неурядица в доме царя росла и росла, принимая все более угрожающий характер: с одной стороны, Саломея как бы по наследству перенесла всю свою ненависть на юношей и, принимая во внимание успешность своих интриг против их [покойной] матери, совершенно потеряла чувство меры и дошла до того, что решилась не оставить в живых никого из родни покойной, ею загубленной, царицы, кто мог бы отомстить за смерть ее; с другой же стороны, и у юношей кипела глухая злоба против отца отчасти при воспоминании о страданиях их матери (и эта злоба была вполне основательна), отчасти вследствие пробуждавшегося и в них страстного желания власти. И вот вновь началось горе, подобное прежнему, а именно раздались укору юношей по адресу Саломеи и Ферора, возникали ненависть последних к юношам и интриги против них. Обе стороны отличались одинаковою ненавистью друг к другу; неодинаков был лишь характер проявления этой ненависти. В то время как юноши видели признак благородства в том, что по неопытности не сдерживали своего гнева и всегда были готовы открыто высказывать хулу и порицания, придворная партия поступала таким же образом, но прибегала при этом к ловким и остроумно подведенным наветам, постоянно тем самым подзадоривая юношей и

побуждая их к решительному и рискованному шагу относительно их родителя. Так как юноши не обращали внимания на приписываемые их матери провинности и полагали, что она, во всяком случае, пострадала невинно, то придворные не сомневались, что они лично отомстят тому, кто видимо являлся виновником ее смерти. В конце концов этими слухами преисполнился весь город и, как это бывает в борьбе, все сожалели о неопытности юношей; вместе с тем росла и бдительность Саломеи, которая старалась в поведении самих юношей найти доказательство непреложности своих слов. Они так скорбели о смерти своей матери, и смерть ее, по их мнению, ложилась позором и на них самих, что старались повсюду вызвать законную жалость не только к участи своей матери, но и к самим себе, которые принуждены жить вместе с убийцами ее и делить с ними все.

2. Все эти распри быстро росли, так как удобною для того почвою являлось отсутствие царя. Когда Ирод вернулся и обратился, как мы выше упомянули, с речью к народу, Ферор и Саломея немедленно явились к нему с представлением, как велика для него опасность со стороны юношей, которые-де без стеснения грозят не отлагать мщения за убийство своей матери. Вместе с тем они указывали Ироду также на то, что те рассчитывают при помощи каппадокийца Архелая предстать перед Цезарем и обратиться к нему с обвинениями против отца своего. Услышав это, Ирод очень встревожился и еще более смутился, когда ему о том же сообщили также и другие. При этом он не мог не подумать о прежде постигших его бедствиях, как он лишился своих лучших друзей и любимой жены вследствие возникших в семье распрей, а так как он предвидел, что ближайшее будущее сулит ему гораздо более тяжкое горе и несчастье, он был крайне расстроен. Дело в том, что, несмотря на дарованные ему Господом Богом и превосходившие всякие ожидания внешние успехи, он в домашней жизни был невыразимо несчастен и рознь эта доходила до таких пределов, что никто себе этого даже не мог представить; вместе с тем он не знал, не отдать ли ему все внешние свои успехи за устранение зол в домашней среде и не лучше ли будет избавиться от такого обилия домашних неурядиц отречением от высокого царственного положения.

3. Находясь в таком смущении и столь неопределенном положении, он решил, чтобы обуздать юношей, призвать другого сына своего, Антипатра, который родился у него, когда он еще был частным человеком, и дать ему почетное положение, впрочем, не в такой степени, как сделал он это впоследствии, уступив и отдав ему все. Таким путем Ирод рассчитывал сократить притязания сыновей Мариаммы и думал, что они тем скорее

придут в себя, чем скорее поймут, что не они являются единственными господами положения и что не им одним и притом обязательно предстоит унаследование царской власти. Поэтому он ввел при дворе Антипатра в качестве их соперника, рассчитывая не без основания на целесообразность такой меры для себя лично и на то, что, если он поставит юношей на второй план, они со временем исправятся. Однако все случилось иначе, чем он предполагал.

Сыновьям [Ирода] отнюдь не понравилось стеснение, которому они теперь подверглись, с другой же стороны, Антипатр выказал всю силу своего характера, внезапно добившись власти, на которую раньше никак не мог рассчитывать: теперь у него была одна только цель – вредить своим братьям и не допускать их к занятию первенствующего положения, равно как не отходить от отца, который уже поддался наветам со стороны и благодаря стараниям [Антипатра] мог быть еще более возбуждаем против опороченных юношей. Все такие наветы исходили от Антипатра, причем последний, однако, остерегался подавать вид, что он является виновником их; напротив, он пользовался для этого совершенно неподозрительными клеветами, которые тем самым лишь еще более доказывали свое мнимое расположение к царю. В то время [при дворе] было уже много лиц, которые примкнули к Антипатру в расчете на награды и которые заставляли Ирода верить, что они говорят все это из преданности ему. При таком дружном и верно рассчитанном образе действий сами юноши, со своей стороны, подавали все новые поводы к сплетням. Они нередко плакали над постигшим их унижением, взывали к матери своей и открыто в присутствии приближенных царя обвиняли последнего в нарушении права. Все это ловко подхватывалось гнусными сообщниками Антипатра и доносилось Ироду в приукрашенном виде, так что домашние смуты только росли и росли. Царь расстраивался этими доносами и, желая еще более унижить сыновей Мариаммы, все более возвышал Антипатра, так что в конце концов решил даже пригласить ко двору мать его¹⁰³⁵; вместе с тем он неоднократно писал о нем императору и выставлял его как особенно дельного человека.

Когда же Агриппа после десятилетнего правления в Азии собрался вернуться в Рим, Ирод отплыл к нему из Иудеи и взял с собою при этом случае одного лишь Антипатра. Последнего он поручил Агриппе с просьбою взять его с большими подарками в Рим, чтобы Антипатр там мог заслужить благоволение Цезаря. Таким образом, могло казаться, что Антипатр забрал всю власть в свои руки, тогда как его юные братья окончательно и раз навсегда были лишены ее.

Глава 4

1. Во время этого путешествия Антипатр достиг действительно всякого почета и видимо пользовался огромным успехом; так как Ирод заранее оповестил всех друзей своих о его приезде, то в Риме ему был оказан блестящий прием. Но Антипатр теперь страдал от того, что он вдали от отца и что ему не представляется более случая по-прежнему клеветать на братьев; поэтому он опасался возможности перемены в отце, который мог бы вздумать относиться к сыновьям Мариаммы более ласково. Носясь с этими мыслями, Антипатр не отступал от раз принятого намерения своего, но посылал и отсюда частые письма отцу своему, чтобы восстановить последнего и раздражать его относительно братьев; предлогом ему служило при этом сильное беспокойство об отце; на самом же деле тут целиком сказывалась вся гнусность его характера и вся сила его и без того необузданного властолюбия. В конце концов ему удалось довести Ирода до такого гнева и такой злобы, что последний окончательно возненавидел юношей; Впрочем, пока он еще воздерживался от приведения в исполнение своих [мрачных] планов касательно их. Чтобы, однако, не совершить опрометчивости по недосмотру или по слишком большой поспешности, Ирод предпочел поехать в Рим и там пожаловаться императору на детей своих. При этом он желал избежать всего, чем он мог бы навлечь на себя подозрение в слишком большой жестокости. Прибыв в Рим, он поспешил в Аквилею¹⁰³⁶, чтобы тут поскорее повидаться с Цезарем. Получив аудиенцию и попросив разрешения побеседовать о крупном, постигшем его горе, Ирод представил [императору] сыновей своих¹⁰³⁷ и стал жаловаться на их недружелюбие и дерзкие замыслы, направленные к тому, чтобы всюду и всячески выказывать отцу враждебность и ненависть, которые-де клонятся к тому, чтобы умертвить его и таким безбожным образом овладеть царским престолом. При этом Ирод указывал на то свое, дарованное ему самим Цезарем право, в силу которого он перед смертью вовсе не был обязан отдать царство тому или другому сыну, но пользовался правом свободной передачи престола тому из сыновей своих, которого он сочтет по его преданности ему наиболее достойным. Впрочем, продолжал он, они вовсе уже не столь заботятся о власти, но охотно отказались бы даже вовсе не только от нее, но и от собственной своей жизни, лишь бы иметь возможность умертвить отца своего: такая дикая и свирепая ненависть к нему развилась в сердцах их. Это свое горе, которое он долго был принужден таить в себе, ему теперь приходится раскрывать перед Цезарем и такими речами оскорблять его слух.

Пусть скажут юноши, подвергались ли они когда-либо какому-нибудь стеснению с его стороны? Когда он был жесток с ними? Как же они смеют у него, столь справедливого человека, оспаривать право власти, которой он сам достиг после долгих трудов и опасностей! Как они могут мешать ему пользоваться ею и предоставить ее тому, кого найдет достойным ее? Ведь такая награда, наравне со всякою другою за благочестие, выпадает лишь на долю того, кто старается за это сравниться в достаточной заботливости со своим предшественником. Итак, очевидно, что все их интриги против него никак не могут быть названы приличными. Ведь тот, кто только и думает о получении царской власти, тем самым все время рассчитывает, вместе с тем, и на смерть отца своего: иначе ему не достигнуть власти. Сам он давал до сих пор [всем] своим подданным и особенно своим царственным детям все в изобилии, позаботившись не только о приличной обстановке, о служителях и о содержании их, но и поженив их блестящим образом, а именно дав одному из них в жены дочь сестры своей, Александру же – дочь царя Архелая. Самое важное, однако, теперь то, что он сам при таких обстоятельствах не воспользовался своею личною властью, но решил привезти юношей к их общему благодетелю, Цезарю, и, отказавшись теперь от всего, на что может иметь право оскорбленный отец и подвергшийся козням царь, готов вместе с ними выслушать решение императора. Впрочем, он просит, чтобы его права не были попораны и чтобы ему не приходилось дольше жить в постоянном страхе за себя; он надеется, что Цезарь не оставят дольше в живых тех, кто решился на такое ужасное дело: если они теперь избегнут кары, то им самим впоследствии придется так же сильно пострадать от людей, как они теперь причинили страдания другому.

2. С такую страстностью жаловался Ирод Цезарю на сыновей своих. Пока он говорил, юноши в крайнем смущении разразились слезами, а еще громче заплакали, когда он кончил, потому что в них было искреннее сознание, что они никогда не доходили до такого безбожного намерения; но, вместе с тем, они отлично сознавали, как трудно на самом деле оправдаться им в возведенных на них Иродом обвинениях; несмотря на то, что теперь представлялся к тому наиболее подходящий случай, они все-таки не сочли уместным выяснить, насколько отец был введен в заблуждение своею собственною страстностью и поспешностью. Поэтому они совершенно не знали, что им говорить, только плакали и в конце концов разразились громкими рыданиями; они боялись, что, если будут молчать, это может подтвердить их виновность, а с другой стороны, затруднялись, по юности и вследствие страшного смущения, в способе своей защиты. Впрочем, от

Цезаря, который следил за ними, отнюдь не ускользнуло, что они молчат не столько по сознанию своей виновности, сколько по неопытности и смущению. Жалость к ним обуяла всех присутствовавших; вместе с тем сам отец их в тайниках души своей не мог не чувствовать сострадания к ним.

3. Увидя некоторое расположение как со стороны отца, так и со стороны Цезаря, видя также, что многие из присутствующих плачут и все глубоко опечалены, один из братьев, Александр, обратился к отцу со следующей речью, в которой пытался опровергнуть возводимые обвинения:

«Отец! Расположение твое к нам подтверждается уже всем этим делом; ведь если бы ты замышлял против нас что-нибудь ужасное, ты не привел бы нас к тому, кто является общим спасителем. Тебе, в силу твоей царской и отцовской власти, было вполне возможно расправиться с людьми, тебя обидевшими. Но то, что ты привез нас в Рим и посвящаешь его (императора) во все это дело, служит гарантией нашего спасения. Ведь никто не поведет того, убить кого имеет в виду, в святилища и храмы. Но наше положение отчаянное: мы не желали бы оставаться долее в живых, если во всех укоренилась уверенность, что мы посягали на такого отца. Еще хуже было бы, если бы предпочли безвинной смерти жизнь, оставаясь в вечном подозрении. Итак, если наше сознание, что мы говорим правду, имеет некоторую силу в глазах твоих, нам доставила бы блаженство возможность единовременно убедить тебя в своей невинности и избежать грозящей нам опасности; но если все-таки клевета удержится на своем месте, то к чему нам это солнце, на которое мы взирали бы, запятнанное подозрением? Конечно, указание на то, что мы стремимся к власти, является достаточно ловким обвинением по отношению к таким молодым людям, как мы, а если к тому еще присоединить упоминание о нашей достойной матери, то этого вполне достаточно, чтобы усугубить первое наше несчастье и довести нас до настоящего горя. Но взгляни на то, не общий ли это случай и не применимо ли подобное обвинение в сходных случаях. Ведь ничто никогда не мешает царю, у которого есть молодые сыновья, мать коих умерла, видеть в них подозрительных лиц, домогающихся престола своего отца. Однако одного только подозрения не довольно, чтобы высказывать столь безбожное обвинение. Пусть кто-либо осмелится сказать нам, что случилось нечто такое, в силу чего при всем легковерии [людей] нечто невероятное стало непреложным. Разве кто-либо смеет обвинять нас в составлении отравы, или совершении заговора среди сверстников, или в подкупе прислуги, или в распространении воззваний против тебя? И все-таки каждое из таких преступлений, даже если оно и не имело места, легко служит предметом

клеветы. Правда, отсутствие единодушия в царской семье является крупным несчастьем, и та власть, которую ты называешь наградой за благочестие, часто вызывает в гнуснейших людях такие надежды, ради которых они готовы не сдерживать своих дурных наклонностей. Никто не сможет упрекнуть нас в чем-либо противозаконном. Но как устранит клевету тот, кто не желает слушать? Быть может, мы сказали что-либо лишнее?

Если это так, то во всяком случае это не относилось к тебе, ибо это было бы несправедливо, но относилось к тем, которые не умалчивают ни о чем сказанном. Кто-либо из нас оплакивал свою мать? Да, но мы жаловались не на то, что она умерла, а на то, что и после смерти она подвергается поруганию со стороны недостойных людей. Обвиняемся мы в том, что стремимся к власти, которая, как нам известно, в руках отца нашего? Но с какой стати? Если, как это и есть на самом деле, мы пользуемся царским почетом, разве мы стараемся не напрасно? Или если мы им еще не пользуемся, то разве мы не можем впоследствии рассчитывать на него? Или неужели мы стремились захватить власть, уничтожив тебя? Но после такого злодеяния нас не несла бы земля и не держало бы море. Разве благочестие и религиозность всего народа допустили бы, чтобы во главе правления стали отцеубийцы и чтобы такие люди входили в священный храм, тобою же сооруженный? Далее, наконец! оставя в стороне все прочее, разве мог бы, пока жив император, оставаться безнаказанным какой-либо убийца? Сыновья твои не так безбожны и безумны, но, право, они гораздо несчастнее, чем бы следовало для тебя. Если же у тебя нет поводов к обвинениям, если ты не находишь козней, что же укрепляет тебя в уверенности совершения такого страшного преступления? Мать наша умерла. Но ее судьба не могла нас восстановить [против тебя], а лишь сделать нас более рассудительными. Мы хотели бы еще многое привести в свое оправдание, но у нас нет слов для этого, так как ничего не случилось. Поэтому мы предлагаем всемогущему Цезарю, являющемуся в настоящую минуту судьей между нами, следующий исход: если ты, отец, вновь желаешь относиться к нам без подозрительности и верить нам, то мы готовы оставаться в живых, хотя, конечно, уже не будем по-прежнему счастливы, ибо среди крупных несчастий одно из наиболее тяжких – быть ложно обвиненным; если же у тебя еще есть какое-либо опасение относительно нас, то спокойно принимай себе меры к ограждению своей личной безопасности, мы же удовлетворимся сознанием своей невиновности: нам жизнь вовсе не так дорога, чтобы сохранять ее ценою беспокойства того, кто даровал нам ее».

4. Пока юноша говорил таким образом. Цезарь, который и раньше не верил чудовищной клевете, теперь еще более склонился в его пользу и не спускал глаз с Ирода, видя, как он расстроен. Волнение охватило также всех присутствовавших, и в зале раздался ропот против жестокосердия царя. Всеобщее сожаление вызвало столь невероятное обвинение цветущих и красивых юношей, и все готовы были оказать им поддержку, особенно после того, как Александр так ловко и умело возразил на обвинение. Впрочем, и юноши сами еще не были в состоянии прийти в себя, плакали и, убитые горем, смотрели в землю.

Таким образом, однако, у них опять явилась надежда на благополучный исход этого дела, тем более, что царь, видимо построивший свое обвинение на весьма шатком основании, нуждался в некоторой поддержке, так как сам не был в состоянии что-либо возразить. Немного погодя Цезарь сказал, что, если, по его мнению, юноши и были довольно далеки от желания совершить возводимое на них преступление, они все-таки не так держали себя по отношению к отцу своему, чтобы не подавать повода к такому обвинению. При этом император предложил Ироду оставить всякое подозрение и помириться со своими сыновьями, потому что несправедливо с его стороны верить в такие козни собственных детей. Взаимное примирение, говорил он, заставит забыть все случившееся и лишь усилит любовь их друг к другу, причем обе стороны должны будут простить друг другу слишком поспешное подозрение и постараться загладить последнее еще большею преданностью. Увещевая их таким образом, император сделал юношам знак [рукою]. Когда же они хотели броситься к ногам отца и со слезами вымолить себе у него прощение. Ирод предупредил их, заключил их в объятия и стал осыпать их поцелуями, так что никто из присутствовавших, ни свободнорожденный, ни раб, не был в состоянии скрыть свое волнение.

5. Поблагодарив затем Цезаря, юноши вместе удалились, и с ними ушел Антипатр, притворно выражавший свою радость по поводу их примирения. В течение ближайших дней Ирод одарил Цезаря, который как раз устраивал для римского народа игры и раздачу хлеба, тремястами талантами. Цезарь в свою очередь подарил ему половину доходов с кипрских медных рудников и поручил ему заведование другою половиною их; вместе с тем он почтил царя всяческими другими дарами и вниманием, относительно же престолонаследия предоставил Ироду полную свободу в выборе себе либо одного преемника, либо нескольких, между которыми он, по личному усмотрению, мог разделить свое царство. Ирод хотел это сделать

немедленно, но император не разрешил, указывая на то, что при жизни не следует отказываться от власти ни над царством, ни над детьми своими.

6. После этого Ирод вернулся назад в Иудею. Пока он был в отсутствии, значительная часть, а именно область Трахонская, отпала от него. Впрочем, оставленные в ней военачальники вскоре опять справились с нею и побудили ее к повиновению. Когда Ирод с сыновьями приплыл к киликийскому городу Элеусе, который теперь переименован в Себасту, он встретился тут с каппадокийским царем Архелаем; тот радушно приветствовал его, радуясь его примирению с сыновьями и особенно тому обстоятельству, что именно его зять Александр опроверг возведенное на них обвинение. Тут они обменялись истинно царскими дарами. Отсюда Ирод поехал в Иудею и, прибыв туда, вступил в храм, где сообщил о всем случившемся во время путешествия, упомянул о расположении к нему Цезаря и о всем прочем, что считал полезным довести до сведения народа. Закончил он речь свою увещанием жить дружно и обратился с этим увещанием не только к сыновьям своим, но и к придворным и ко всему прочему населению и объявил, что назначает себе в преемники по престолу сыновей своих, сперва Антипатра, а затем и сыновей от Мариаммы, Александра и Аристовула. Пока же он просил смотреть на него одного как на царя и властелина, так как ему не мешают ни его старость, являющаяся наилучшим моментом для царствования ввиду приобретенного опыта, ни что другое держать еще бразды правления: он еще в силах управлять государством и держать в повиновении детей своих. Затем он обратился к военачальникам и войску с указанием, что, если они будут пока смотреть на него одного как на государя, – жизнь их потечет спокойно и они сами будут способствовать собственному благополучию.

С этими словами царь распустил собрание. Большинству присутствовавших речь его понравилась. Впрочем, были также некоторые, не оставшиеся довольными ею, потому что вследствие его борьбы с сыновьями и надежд, возлагавшихся на них, многое в государстве изменилось и население допускало возможность коренного переворота.

Глава 5

1. Около этого времени закончилась отстройка города Цезарей Себасты, которую вновь отделал Ирод¹⁰³⁸; десятый год со времени начала работ близился к концу, а освящение города пало на двадцать восьмой год правления царя, в сто девяносто вторую олимпиаду. Для ознаменования освящения города был устроен необычайный праздник, к которому были

сделаны блестящие приготовления. Царь обещал при этом случае устроить музыкальные и гимнастические состязания, заготовил огромное число гладиаторов и диких зверей, позаботился о конском ристалище и вообще обставил все празднество большим блеском, чем то было принято даже в Риме или в других местах. Эти игры он посвятил Цезарю и распорядился, чтобы они повторялись каждые пять лет. Император, в свою очередь, желая почтить преданность Ирода, посылал ему из личных средств все нужное для игр. Равным образом и жена Цезаря, Юлия¹⁰³⁹, послала от себя много особенно ценных [в Палестине] вещей, дабы ни в чем не было недостатка. Стоимость всех этих даров исчислялась в общем до пятисот талантов.

В городе на игры собрались огромные массы народа и целые посольства, которые отправили отдельные общины в знак благодарности за полученные благодеяния. Всех их Ирод принял радушно и гостеприимно и почтил их беспрерывными удовольствиями: днем увеселяли их театральные зрелища, а по ночам их ждали изысканные и дорогие удовольствия, так что щедрость царя вошла в поговорку. Во всех своих предприятиях Ирод всегда старался превзойти все, что было раньше. Говорят даже, будто Цезарь и Агриппа неоднократно заявляли, что страна Ирода слишком мала для его великодушия и что он достоин быть царем всей Сирии и Египта.

2. После этого празднества и игр царь воздвиг новый город на равнине, носящей название Кафарсава, выбрав для того богато орошенную и плодородную местность. Вокруг нового города текла река, а над ним возвышалась замечательная по величине деревьев роща. В честь отца своего, Антипатра, Ирод назвал этот город Антипатридою. Кроме того, он построил выше Иерихона в честь своей матери укрепление, отличавшееся как неприступностью, так и красотой, и назвал его Кипроном. В честь своего нежно любимого брата Фазаеля он воздвиг великолепный мавзолей, а именно соорудил над самым городом [Иерусалимом] башню, не уступавшую по величине своей маяку в Фаросе¹⁰⁴⁰. Башню эту он назвал Фазаелевой, и она служила как для охраны города, так и для сохранения воспоминания об умершем брате, в честь которого и была названа. Вместе с тем он основал в честь того же брата также город при входе в северную часть иерихонской долины, и благодаря ему он поднял благосостояние дотоле бесплодных окрестностей города, так как о том позаботилось новое население его. И этот город был назван им Фазаелидою.

3. Было бы затруднительно перечислить здесь все прочие благодеяния, которыми он осыпал города Сирии и Эллады, равно как другие местности, куда ему приходилось заезжать во время своих путешествий. Для

общественных и казенных зданий он, видимо, израсходовал действительно крупные денежные средства, равно как доставлял таковые для окончания начатых построек, если первоначально ассигнованные суммы оказывались недостаточными. Самыми крупными и знаменитыми из его сооружений и деяний являются следующие:

Родосцам он на собственные средства отстроил пифийский храм¹⁰⁴¹ и дал им много талантов серебра на снаряжение флота; жителям Никополя, основанного императором вблизи Акция, он помог соорудить большинство их общественных зданий; антиохийцам, жителям крупнейшего сирийского центра, он украсил двумя рядами портиков ту широкую улицу, которая пересекает весь город, и велел всю занимаемую городом площадь вымостить шлифованными плитами для большего украшения города и удобства жителей; олимпийским играм, по безденежью утратившим свою прежнюю славу, он даровал прежнее их значение и почет тем, что назначил им денежную субсидию и путем жертвоприношений и прочими подарками сделал их вновь популярными. Благодаря своей щедрости он был навеки записан элидцами¹⁰⁴² в число почетных строителей игр.

4. При таких обстоятельствах, конечно, многие изумляются противоречиям в характере Ирода. Если мы взглянем на щедрость и благодеяния, которыми он осыпал всех людей, то никто, сколь низко ни оценивал бы его, не смог бы не согласиться, что царь обладал весьма доброю душою. Если же, с другой стороны, обратить внимание на насилия и несправедливости, которые он совершал относительно своих подчиненных и ближайших родственников, и вспомнить о жестокости и неумолимости его характера, то придется склониться к убеждению, что Ирод являлся чудовищем, чуждым всякой мягкости. Вследствие этого некоторые полагают, что он страдал внутренним разладом и всегда боролся сам с собою. Я, впрочем, с этим не согласен и думаю, что обе указанные черты его характера имеют одну общую причину. Так как он был честолюбив и совершенно подчинялся этой страсти, то он предавался порывам великодушной щедрости, лишь бы у него была надежда сейчас же снискать себе славу или впоследствии увековечить себя; благодаря, однако, непосильным при этом денежным затратам ему поневоле приходилось быть жестоким к своим подданным. Все то, что он изобильно тратил на одних, приходилось насильно отнимать у других. Отлично сознавая, насколько подданные ненавидят его за все притеснения, а с другой стороны, не будучи в состоянии прекратить насилия (что отозвалось бы неблагоприятно на его доходах), он пользовался этим самым нерасположением народа в целях личного своего обогащения. Что касается

далее его приближенных и домашних, то если кто-либо из них не льстил ему на словах, или не признавал себя рабом его, или возбуждал к себе подозрение в смысле злоумышления против царской власти, то Ирод не умел владеть собою и свирепствовал без меры против родственников и друзей своих, обходясь с ними как с врагами; все эти гнусности он позволял себе относительно их исключительно потому, что безумно жаждал личного почета. Доказательством столь сильно в нем развитой страсти этой служат мне почести, оказанные им Цезарю, Агриппе и прочим друзьям своим. Поскольку он сам преклонялся пред более могущественными, постольку же он желал почета и для себя лично, и такое сильное приложение с его стороны старания доказывало лишь, что он сам домогался подобного. Народ иудейский по своему закону чужд всему подобному и привык ставить справедливость выше славолубия. В силу всего этого он и не пользовался благосклонностью в глазах Ирода, так как не умел льстить честолюбию царя ни статуями, ни храмами, ни подобными средствами. Во всем этом я вижу причину безобразного отношения Ирода к своим домашним и приближенным, а также объяснение его потворства иноземцам и людям вообще недостойным.

Глава 6

1. Отдельные общины притесняли иудеев, живших в Азии, равно как в ливийской Кирене; хотя прежние правители когда-то даровали им равноправие, но в это время греки относились к ним отвратительно, отнимая у них священные деньги и нанося им вред в их частных владениях. Сильно от этого страдая и не предвидя предела бесчеловечному отношению к ним греков, иудеи отправили к императору посольство с жалобой на свое положение. Цезарь восстановил им их прежнюю равноправность и послал в указанные провинции соответственные распоряжения. Здесь мы приводим копии с этих постановлений в доказательство расположения, которое питали к нам древние правители.

2. Цезарь Август, верховный жрец, облеченный властью народного трибуна¹⁰⁴³, объявляет: «Ввиду того что народ иудейский не только в настоящее время, но и прежде, особенно при отце моем, императоре Цезаре, являл себя преданным римскому народу, особенно когда иудейским первосвященником был Гиркан, я и присяжные советчики мои, по решению римского народа, постановляем: чтобы иудеи пользовались правом невозбранно жить по своим законам, как то было при первосвященнике Всевышнего Гиркане; чтобы священные деньги были неприкосновенны,

посылались в Иерусалим и вручались там казначеям иерусалимским; чтобы иудеев не привлекали в судебные заседания ни по субботам, ни накануне суббот с девятого часа. Если кто-нибудь будет уличен в краже священных книг или священных денег из молитвенного дома или зала иудейского совета, тот будет обвинен в кощунстве, а имущество его поступит в римскую казну. Свидетельство, данное мне иудеями относительно моего гуманного отношения ко всем людям, а также о Гае Марции Цензорине, равно как настоящее постановление, я приказываю вывесить в знаменитом посвященном мне всеми жителями Азии храме анкирском¹⁰⁴. Кто нарушит в чем-либо это постановление, будет жестоко наказан». Это было записано на колонне в святилище Цезаря.

3. «Император посылает привет свой Норбану Флакку. Все те иудеи, которые, по древнему обычаю, собирают и отправляют в Иерусалим священные деньги, пусть делают это беспрепятственно».

4. Таковы постановления императора. Также и Агриппа издал следующее постановление об иудеях:

«Агриппа посылает привет свой начальству, совету и населению города Эфеса. Я желал бы, чтобы контроль и охрана отправляемых в Иерусалимский храм священных денежных сумм лежали, сообразно издревле установленному обычаю, на живущих в Азии иудеях. Все те, кто украдет священные деньги иудеев и будет искать убежища в священном месте, должны быть схватываемы и выдаваемы для заслуженной кары иудеям как лица кощунствующие. Вместе с тем я послал также претору Силану письменный приказ о том, чтобы в субботные дни ни один иудей не привлекался к суду».

5. «Марк Агриппа посылает привет начальству, совету и народу Кирены. Киренские иудеи, относительно которых уже Август запретил ливийскому претору Флавию и остальным лицам провинции затруднять отсылку священных, по их обычаю, денег в Иерусалим, теперь обратились ко мне с жалобой, что некоторые чиновники препятствуют им в этом, совершенно неосновательно и незаконно домогаясь различных поборов. Поэтому я приказываю отныне ни в чем не стеснять иудеев и, если у некоторых общин были священные деньги, возвратить их тем, кому поручено было собрать их, или живущим там иудеям».

6. Проконсул «Гай Норбан Флакк посылает привет свой должностным лицам и совету города Сард. Цезарь прислал мне приказание не мешать никому из иудеев, сколько бы их ни было, и собирать по установленному у них обычаю

и отсылать в Иерусалим священные деньги. Я пишу вам об этом, дабы вы знали, что то желание не только мое, но и самого императора».

7. Равным образом и проконсул Юлий Антоний писал: «Посылаю привет свой должностным лицам, совету и населению города Эфеса. Живущие в Азии иудеи явились ко мне в февральские иды во время судебного заседания в Эфесе и заявили мне, что Цезарь Август и Агриппа разрешили им пользоваться собственными их законоположениями жить по их установлениям и в знак благочестия приносить в жертву Всевышнему по собственному усмотрению и невозбранно все перворожденное; равным образом они просили теперь меня закрепить за ними это право, дарованное им Августом и Агриппою. Посему я объявляю вам, что сообразно постановлениям Августа и Агриппы я сам также разрешаю им это делать беспрепятственно на основании их древних постановлений».

8. Все это я привел здесь по необходимости, потому что наша история попадет главным образом в руки греков. Им я хочу доказать, что мы не только издревле удостоивались всяких почестей и правители никогда не возбраняли нам жить по нашим установлениям, но что они даже поддерживали нас в нашем благочестии и в воздавании почестей Всевышнему. Я часто упоминаю об этом, чтобы примирить народы с нами и уничтожить причину врожденной во многих неразумных людях вражды к нам и этим нашим установлениям. Среди отдельных племен нет ни одного, которое жило бы по обычаям вполне тождественным с нравами других народов; между государствами мы в этом отношении находим множество различий. Между тем у всех людей, у греков и у варваров, справедливость представляет одинаковое понятие и считается везде в равной мере полезным началом для всех. А так как наши законы в особенно сильной мере отличаются этой справедливостью, то естественно, что, если мы только точно следуем этим законам, мы становимся ко всем решительно расположенными и любвеобильными людьми. Поэтому мы можем и от других требовать к себе хорошего отношения и не допустим, чтобы с нами обходились как с чужеземцами, лишь вследствие различия в наших установлениях; напротив, мы желали бы признания нашей пригодности и порядочности. Стремление к последней обще всем людям и представляет из себя единственное средство, как следует устроить жизнь.

Возвращусь, однако, к своему повествованию.

Глава 7

1. Расходовавши большие деньги на внешние и внутренние дела царства, Ирод как-то узнал, что предшественник его, Гиркан, открыл гробницу Давида и похитил оттуда три тысячи талантов серебра, но что там осталось весьма много денег, которыми можно было бы покрыть все расходы; поэтому он довольно долго обдумывал план воспользоваться этими суммами. И вот однажды ночью он с большими предосторожностями, чтобы никто из граждан не узнал о том, распорядился открыть гробницу и в сопровождении преданнейших друзей своих вошел в нее. Впрочем, денег, подобно Гиркану, он тут не нашел, но зато обрел огромное множество золотых украшений и разных драгоценностей. Все это он взял себе. Желая основательно ознакомиться с содержимым склепов, он захотел проникнуть глубже в гробницу, к тому самому месту, где покоились тела Давида и Соломона. Тут, однако, погибли двое из его оруженосцев, как говорят, от пламени, которое вылетело на них, когда они сделали попытку проникнуть внутрь склепа. В полном ужасе Ирод выбежал из склепа и затем распорядился воздвигнуть, в знак умиловления Предвечного, памятник из белого камня при входе в гробницу. На это он израсходовал огромную сумму денег. Об этом памятнике упоминает также современный Ироду историк Николай, но не говорит, чтобы царь проник в самую гробницу, так как он (Николай) понимал все неприличие подобного деяния. Впрочем, и в других случаях этот писатель поступает подобным же образом. Живя в его царстве и находясь с царем в личных сношениях, он писал лишь в угоду ему и чтобы ему льстить, останавливаясь при этом исключительно на таких фактах, которые могли возвеличить Ирода, оправдывая многие из явных его несправедливостей и даже особенно тщательно скрывая их. Так, например, он старается превознести царя даже в таких его поступках, как казнь Мариаммы и умерщвление сыновей ее, и для этого клеветает, обвиняя царицу в отсутствии целомудрия, а юношей в интригах [против царя]. Вообще, во всей своей истории этот автор чрезмерно превозносит все справедливые поступки царя и в такой же мере старается извинить все совершенные им беззакония. Впрочем, как я уже говорил, ему это вполне простительно: он писал не историю, а оказывал лишь услугу царю. Мы же, которые сами происходим из хасмонейского царского рода и поэтому сами принадлежим к священническому сословию, не сочли удобным говорить о нем неправду и чистосердечно и сообразно истине излагаем ход событий; правда, мы высоко чтим многих царственных потомков Ирода, но гораздо выше их мы ставим истину, которой, когда Ирод поступал справедливо...¹⁰⁴⁵

Поэтому случилось, что мы навлекли на себя гнев их.

2. После его безбожного посягательства на гробницу домашние дела Ирода видимо стали ухудшаться, оттого ли, что уже прежде замечались изъяны, которые теперь стали расти от его греховности и наконец привели к неописанным бедствиям, или потому, что царя преследовал злой рок; при этом то обстоятельство, что он [в прочих делах] был счастлив, могло вызвать предположение, что все эти [домашние] неурядицы являлись следствием его греховности. В придворном кругу был такой разлад, какой бывает в момент междоусобной войны: всюду чувствовалась ненависть, выражавшаяся в чудовищных взаимных наветах. Антипатр постоянно ковал крамолу против своих братьев; он очень ловко навлек на них обвинение извне, тогда как сам притворялся нередко их заступником. Делал он это с целью выказать им якобы свое расположение и преданность; на самом деле он преследовал лишь свои личные планы. Таким образом действий он ловко обманывал даже отца своего, так что последний был убежден, что он все предпринимает исключительно в видах его блага. Ввиду этого Ирод подчинил Антипатру даже своего главного министра Птолемея и стал советоваться относительно государственных дел с его матерью. Одним словом, эти люди стали отныне играть главнейшую роль, могли делать, что бы ни пожелали, и возбуждать царя против кого угодно. Тем временем сыновья Мариаммы все сильнее ощущали тягость своего положения и в сознании своего благородного происхождения никак не могли примириться с постигшим их бесчестьем, именно, что они были отторгнуты [от семьи] и занимали такое неблестящее положение. Что касается женщин, то жена Александра, дочь Архелая, Глафира, питала ненависть к Саломее, отчасти из чувства привязанности к своему мужу, отчасти потому, что ее обвиняли в слишком высокомерном отношении к дочери Саломеи. Дочь последней была замужем за Аристобулом, а Глафира не выносила, что та держала себя как равная ей.

3. Когда эта ссора обнаружилась во второй раз, сюда оказался замешанным даже брат царя, Ферор. Он навлек на себя особенное подозрение и ненависть, потому что совершенно подчинился одной из своих рабынь, так недостойно увлекся любовью к ней – и в столь сильной мере отдался ей, что совершенно забросил невесту, дочь царя, и только думал о рабыне. Ирод почувствовал себя опозоренным со стороны брата, которому он оказал такие значительные благодеяния, которого он сделал своим соправителем и который, как он видел, платил ему теперь злом за добро. Он не желал его даже видеть. Не считая Ферора достойным этой девушки. Ирод выдал ее за сына Фазаеля; лишь долго спустя, когда он мог предположить, что страсть погасла в его брате, он вступил с ним вновь в переговоры о браке и

предложил ему в жены свою вторую дочь, называвшуюся Кипрой. Вместе с тем и Птолемей стал советовать Ферору прекратить оскорбительное для брата поведение и покончить со своим любовным увлечением. При этом [министр] указывал, что постыдно в угоду рабыне лишать себя расположения со стороны царя, возбуждать последнего и подавать ему повод к сильной ненависти.

Видя всю пользу такого изменения вещей, Ферор вспомнил, что и раньше ему простили одну провинность, и отторгнул рабыню, успевшую родить ему ребенка. Вместе с тем он выразил царю согласие на брак со второю его дочерью, назначил сроком свадьбы тридцать дней и поклялся при этом, что отныне прекратит все свои отношения с отторгнутой рабыней. По истечении тридцатидневного срока, однако, он настолько был одержим любовью к рабыне, что отказался решительно от всех своих намерений и вновь вернулся к любимой женщине. Это окончательно расстроило и взорвало Ирода, который не скрывал своего гнева. Отныне царь в разговорах постоянно делал разные намеки, и многие, основываясь на гнѣве Ирода, делали эти замечания исходною точкою разных наветов против Ферора. Вообще теперь не проходило ни дня, ни даже часа, чтобы царю не приходилось волноваться. Напротив, постоянно ему докладывали о новых распрях между его родными и наиболее близкими ему людьми. Так, например, Саломея дошла в своем сильном озлоблении против сыновей Мариаммы до того, что вмешалась в супружеские отношения своей родной дочери, бывшей замужем за Аристобулом, одним из юных сыновей Мариаммы, и побудила ее рассказать и сообщить ей о многом, чего бы та, собственно, не должна была говорить. Этим она вызывала раздоры и давала новые поводы к подозрениям. Таким образом она сама разузнавала все, что происходило между юношами, и сеяла разлад между дочерью и ее мужем. В угоду своей матери дочь часто сообщала Саломее, как братья, оставаясь наедине, вспоминают о Мариамме, как ненавидят отца и как постоянно грозят, в случае, если когда-либо достигнут царства, обратить сыновей Ирода от прочих жен в сельских писарей (к чему-де они благодаря своим теперешним занятиям и по своей подготовке только и способны), и как они грозят, если увидят женщин в царственном убранстве их матери, облечь их в мешки и бросить в темницы, где бы они не видели даже солнечного света. Все это через посредство Саломеи немедленно сообщалось царю, который узнавал о том, правда, со скорбью в сердце, но все-таки заботился об общем умиротворении. Впрочем, все эти подозрительные вести мучили его, он лишь более озлоблялся и в конце концов начинал верить всему. Хотя он тогда относительно своих

сыновей держал себя все еще довольно милостиво, вследствие того, что они сумели оправдаться перед ним, однако зато впоследствии произошло гораздо более крупное горе.

4. Дело в том, что Ферор явился к Александру, женатому, как мы упомянули, на дочери Архелая, Глафире, и сообщил ему, будто бы со слов Саломеи, что Ирод воспылил страстью к Глафире и притом страстью неудержимою. Услышав это, Александр, по юности и страстности своей, страшно разгорячился и на основании случайно прорвавшегося замечания стал особенно подозрительно относиться к проявлениям нежности Ирода к молодой женщине (а Ирод действительно неоднократно выражал ей свое расположение) и принимать их с самой скверной стороны. Наконец он чувствовал себя более не в силах сдерживать свое горе, отправился к отцу и со слезами поведал ему то, что сообщил ему Ферор. Ирод окончательно вышел из себя и, не будучи в состоянии снести столь гнусной для него и притом ложной клеветы, страшно заволновался; он громко стал жаловаться на гнусность своих родных, которым он оказал столько добра и которые, в свою очередь, возвели на него такую напраслину, послал затем за Ферором и обратился к нему с проклятиями:

«Гнуснейший мерзавец,— сказал он ему,— неужели ты дошел до такой степени неблагодарности, что мог обо мне подумать и распространять такие вещи? Разве я не вполне ясно вижу в этом твои намерения; ведь ты являешься к моему сыну с такими речами не только для того, чтобы позорить меня, но и добиваешься моей гибели, заставляя детей моих ковать крамолу против меня и готовить мне яд их руками? Какой бы сын, если бы его не охраняли, подобно этому, добрые гении, удержался от убийства родного отца при таком обвинении, возводимом на него? Разве ты желал вселить в его душу один лишь разлад или же дать ему в руку и меч против родителя? Чего же ты желал, когда ты в ненависти своей к нему и к его брату, прикидываясь другом, клеветал ему на меня и говорил ему такие вещи, которые измыслить и вымолвить могла лишь твоя гнусность? Прочь, негодяй, который так подло поступил относительно своего благодетеля и брата; пусть позор твой будет вечно на тебе, я же не только не стану преследовать моих детей, как они того заслуживают, но превзойду самого себя в ласковом к ним отношении в гораздо большей мере, чем они того достойны».

5. Так говорил царь, Ферор же, который на месте попался в своей гнусности, сказал, что все выдумала Саломея, от которой-де и исходят все эти речи. Лишь только услышала это присутствовавшая тут же Саломея, как она притворно возопила, что все это ложь относительно ее, что все прилагают

всяческие усилия навлечь на нее ненависть царя и что всяким образом хотят погубить ее за ее преданность Ироду, которого она всегда предваряет об угрожающих ему опасностях. В настоящую минуту возбуждение против нее достигло еще гораздо больших размеров, потому что она была единственною, которая убеждала брата отречься от теперешней жены своей и жениться на дочери царя. Очевидно, что он и возненавидел ее за это. Пока она так говорила, она рвала на себе волосы и неоднократно била себя в грудь. Все это по виду убеждало в ее искренности, но гнусность ее характера явно свидетельствовала о притворстве с ее стороны. Тем временем Ферор стоял среди них и не имел возможности приличным образом оправдаться; он должен был признаться в том, что действительно распускал такие слухи про царя, но ему не верили, что он говорил с чужих слов. Эта перебранка и спор между ними продолжались порядочное время. Наконец царь с чувством гадливости отпустил от себя как брата, так и сестру, похвалил сына за силу воли и за то, что он передал ему все эти наветы, и уже поздно вечером подумал о том, чтобы дать телу своему покой и отдых. Вся эта внезапно обнаружившаяся история сильно повредила репутации Саломеи (все были уверены, что навет все-таки исходил от нее). Жены царя¹⁰⁴⁶ были и без того восстановлены против нее, так как знали ее скверный характер и ее непостоянство, в силу которого она становилась с ними то во враждебные, то в дружеские отношения. Поэтому они постоянно имели сказать что-нибудь Ироду против нее, а один случай еще более укрепил их в этой решимости.

6. Арабский царь Обод был человеком недеятельным и апатичным по характеру, и [поэтому] все дела его лежали на Силлае, муже способном, еще молодым и красивом. Однажды Силлай по какому-то делу прибыл к Ироду. Обедая вместе с последним, он увидел Саломею и почувствовал влечение к ней. Зная к тому же, что она вдова, он вступил с нею в разговор. Саломея, в свою очередь, теперь не пользовавшаяся таким расположением брата, как некогда, и отнесшаяся тепло к молодому человеку, согласилась на брак с ним. С этого момента все присутствовавшие за столом [женщины] убедились, что между Силлаем и Саломеей явно установились необыкновенно короткие отношения. Обо всем этом женщины донесли царю, причем смеялись над неприличным поведением обоих. Ирод обратился по этому поводу также к Ферору и поручил ему проследить за столом, как те относятся друг к другу. Ферор сообщил, что, судя по их жестам и взорам, они очевидно пришли к взаимному между собою соглашению. После этого араб уехал, оставаясь под подозрением. Спустя, однако, два или три месяца он вновь вернулся и теперь уже прямо явился к Ироду с предложением выдать

за него замуж Саломею. При этом он указывал, что такое родство будет не бесполезно для него в смысле вступления царя в более тесное общение с царством арабским, которое, в сущности, у него уже теперь почти в руках, а впоследствии наверно перейдет к нему. Когда Ирод передал сестре своей это предложение и спросил ее, согласна ли она на такой брак, та немедленно ответила утвердительно. Тогда от Силлая потребовали перехода в еврейство (иначе брак был невозможен); тот, однако, на это не согласился, ссылаясь на то, что в таком случае арабы побьют его камнями. С этим он уехал. Между тем Ферор стал обвинять Саломею в несоблюдении целомудренности, тем более, что и женщины утверждали, что у нее установились слишком интимные отношения к арабу. Тогда Саломея попросила выдать за сына своего от брака с Костобаром ту девушку, которую царь первоначально предназначал в жены своему брату, но которой не взял Ферор, так как, сообразно нашему сообщению, он был увлечен другой женщиной. Царь первоначально согласился на этот брак, но затем склонился на убеждения Ферора, который указывал на то, что юноша этот не будет надежным зятем, так как его отец был убит Иродом, и что было бы куда правильнее выдать девушку замуж за его собственного сына, будущего владельца тетрархии. Вместе с тем он просил прощения у Ирода, и тот согласился на это. Таким образом, девушка, переменяв жениха, вышла за сына Ферора, и царь подарил ей в приданое сто талантов.

Глава 8

1. Домашние смуты, однако, отнюдь не прекращались, но постоянно вызывали все новые и большие осложнения. И вот случилось нечто, что, проистекая из довольно скверного источника, повело впоследствии к крупным затруднениям. У царя были евнухи, которых он крайне любил за их красоту. Из них один исполнял обязанности виночерпия, другой служил за столом, а третий, как наиболее преданный, должен был заботиться о ложе царя. Влияние их на государственные дела было огромно.

Кто-то донес царю, что сын Ирода, Александр, подкупил этих евнухов огромною суммою денег. Когда они были допрошены относительно дружественных сношений с Александром и близости к нему, они этого не отрицали, но вместе с тем настаивали на невинности своей в смысле каких-то козней против отца Александра. Однако, когда их подвергли пытке и они очутились в безвыходном положении, причем палачи в угоду Антипатру особенно старательно мучили их, несчастные сказали, что в душе Александра [действительно] были нерасположение и ненависть к отцу и что Александр

убеждал их покинуть уже слишком состарившегося Ирода, который-де старался скрыть свои лета, крася волосы и таким образом вводя всех в заблуждение относительно своего возраста. Если же, говорил он, они будут преданы ему, то, лишь только он добьется царского престола, который, несмотря ни на какие желания царя, все-таки должен перейти только к нему (Александр), они быстро получат первые места в государстве. При этом он будто бы указывал на то, что не только благодаря своему происхождению, но и вследствие того, что у него все уже приготовлено, власть не может миновать его, так как многие из военачальников и целый ряд верных и надежных друзей вполне готовы сделать для него все и подвергнуться чему угодно.

2. Узнав об этом, Ирод весь преисполнился гнева и страха; он озлобился такими гнусными речами, и вместе с тем они испугали его, заставляя видеть всюду опасность. Все это в совокупности только еще больше раздражало его, и он в своем озлоблении опасался, как бы в эту минуту ему не угрожала более серьезная опасность, чем от какой он был в силах оградить себя. Ввиду этого он не приступал к открытому расследованию дела, но подослал к подозрительным лицам соглядатаев. Так как он относился с недоверием и ненавистью решительно ко всем и всюду видел угрожающую опасность, то стал питать подозрение даже относительно ни в чем не повинных людей. В этом он совершенно не знал никаких границ: те, кто, на его взгляд, были при нем слишком долго, казались ему опасными, так как он считал их более способными нанести ему зло; тех же, кто почему-либо не общался с ним, было достаточно только назвать; этого ему было довольно, чтобы загубить их и тем гарантировать себе личную безопасность.

В конце концов его приближенные, потеряв всякую уверенность в своей безопасности, стали доносить друг на друга, торопясь предупредить в этом своих товарищей и думая лишь оградить самих себя; когда случалось, что они достигали своей цели, то, в свою очередь, навлекали на себя подозрения и оказывались сами [в глазах царя] достойными того же наказания, которое они столь предупредительно и преступно уготовили своим товарищам. Таким-то образом поступали все те, кто имел с кем-либо личные счеты, но месть их падала назад на их же собственные головы; каждый случай представлялся им удобным для того, чтобы устроить ловушку противникам; впрочем, они сами попадались таким же способом, каким старались устроить козни другим. Дело в том, что на царя вскоре нападало раскаяние в гибели людей очевидно невиновных, но это тяжелое чувство отнюдь не удерживало

его от дальнейших подобных мероприятий, а скорее побуждало его подвергать доносчиков такой же участи.

3. Таковы были смуты при дворе. Царь объявил уже многим приближенным своим, что впредь не требует более их посещений. Это распоряжение он сделал для того, чтобы иметь большую свободу действий и не стесняться по-прежнему. При этом случае он удалил от себя также двух издавна преданных ему друзей, Андромаха и Гемелла, которые оказали ему многочисленные услуги при дворе и немало поддерживали его во время посольств и разных совещаний, равно как воспитали сыновей Ирода; они раньше занимали высокое место при дворе. Андромаха царь удалил оттого, что сын его был близок к Александру, Гемелла же потому, что он знал личную преданность старика Александру, которого он воспитал и обучил и с которым не разлучался во все время пребывания его в Риме. Царь охотно избавился бы от них менее деликатным способом, но так как он не мог этого сделать относительно столь выдающихся и недавно еще игравших у него столь крупную роль мужей, то лишил их только внешнего почета и тем предупредил возможность преступных замыслов с их стороны.

4. Виновником всего этого являлся Антипатр, который, поняв страшное действие распушенности отца своего, издавна был его ближайшим советником и рассчитывал скорее всего добиться своей цели, если избавится решительно от всех лиц, которые могли бы оказывать ему сопротивление. И вот, лишив таким образом Андромаха всякого влияния, царь стал подвергать пыткам всех, кого признавал за лиц, преданных Александру, и добиваться, не знают ли они о какой-нибудь интриге против него. Все эти люди умирали, не имея что сказать. Это [еще более] озлобляло царя, так как он не мог допытаться ничего из предполагавшегося им. Антипатр при этом выказал необычайное умение представлять действительно невинных людей в качестве непоколебимых и преданных приверженцев [Александра] и побуждать тем самым царя к еще более тщательным розыскам в области тайных мероприятий. Однажды одна из многочисленных жертв пытки сказала, что знает, как юноша неоднократно, когда его хвалили за высокий рост и умение стрелять и прославляли его доблесть, говаривал, что все эти блага, которыми наделила его природа, скорее вредны ему, чем полезны: за них-де отец сердится на него и завидует ему. Поэтому он во время совместных прогулок всегда нагибается, чтобы казаться меньше отца, а на охоте в присутствии отца всегда дает промах, ибо ему хорошо известно завистливое чувство отца ко всяким соперникам. Когда подвергшийся пытке вследствие этих слов почувствовал некоторое облегчение, он присовокупил к сказанному, что

Александр в сообществе брата своего Аристобула решил устроить во время охоты засаду и умертвить отца, затем, по совершении этого преступления, бежать в Рим и добиться там утверждения на царском престоле. Вместе с тем было захвачено также письмо юноши к брату, где Александр обвинял отца в несправедливости, так как он предоставил Антипатру область, дававшую доход в двести талантов. Ирод решил, что тут у него в руках имеется уже существенное и непреложное, на его взгляд, доказательство виновности сыновей. Поэтому он распорядился схватить Александра и посадить в тюрьму. Впрочем, он все-таки и теперь еще не успокоился, так как не очень верил доходившим до него слухам (при некотором размышлении царь приходил к выводу, что пока еще несколько не обнаружилось коварные замыслы юношей, а, напротив, только их неудовольствие и известное юношеское самолюбие, да и очевидно было, что убийца никак не отправится в Рим). Вместе с тем он хотел бы иметь в руках какое-либо более солидное доказательство незаконных происков сына и очень бы не желал, чтобы казалось, будто он слишком поспешно решил посадить его в тюрьму. Поэтому он подверг пытке наиболее выдающихся друзей Александра, загубил множество их, но не добился от них ничего, на что рассчитывал. И вот в то самое время, как Ирод решился на такие мероприятия, а во дворце все было преисполнено страха и смущения, один молодой человек сказал под пыткой, что Александр поручил своим римским друзьям добиться у Цезаря скорейшего приглашения его (Александра) в Рим, так как он имеет сообщить подробности направленного против императора плана, в силу которого отец его склонил на свою сторону против римлян парфянского царя Митридата. К этому юноша присовокупил, что Александр приготовил и держит в Аскалоне наготове яд.

5. Этому навету Ирод поверил, находя некоторое утешение относительно своей поспешности в льстивых уверениях гнусных приближенных. Впрочем, несмотря на немедленно принятые меры, яда не нашлось. Между тем Александр, упрямо желая преисполнить чашу своих бедствий, несколько не стал отрицать возводимые на него обвинения, но встретил страстность отца еще большею ошибкою, быть может, с целью пристыдить таким путем отца, столь готового внимать клевете, а быть может, и для того, чтобы в случае, если ему поверят, загубить Ирода со всем его двором. Дело в том, что Александр составил в четырех экземплярах и разослал заявление, где говорилось, что нечего прибегать к пыткам и дальнейшему следствию, так как он действительно составил заговор, в котором приняли участие также Ферор и наиболее преданные друзья его, и что здесь против его воли

замешана явившаяся к нему ночью Саломея. Все заговорщики (говорилось далее) пришли к одному и тому же выводу, а именно решили как можно скорее избавиться от царя и восстановить прочный мир и безопасность. В этом заявлении находились также указания на причастность к делу Птолемея и Сапинния, наиболее преданных царю людей. Старинные друзья теперь свирепствовали друг против друга, как будто бы только что всех охватило какое-то ослепление; ни защита, ни обвинения не принимались более в расчет; над всеми тяготело сознание неизбежной роковой гибели. Пока одни томились в оковах, другие шли на смерть, а третьи с ужасом думали о подобной же предстоявшей им самим судьбе, во дворце, на месте прежнего веселья, воцарились уединение и грусть... Невыносимую показала Ироду вся жизнь его, он был сильно расстроен; великим наказанием ему было – никому больше не верить и от всех чего-то ожидать. Нередко его расстроенному воображению чудилось, что сын его восстает против него и он видит его подле себя с обнаженным мечом. При таком, длившемся день и ночь, душевном состоянии царя обуяла болезнь, не уступавшая бешенству или [полному] расстройству умственных способностей.

6. В таком положении находился Ирод. Узнав об этом его состоянии, озабочиваясь судьбою дочери и мужа ее и сочувствуя Ироду, с которым был дружен и бедственное положение которого знал, каппадокийский царь Архелай прибыл [в Иерусалим], потому что не строил себе иллюзий насчет действительности. Застав Ирода в таком состоянии, он счел в данный момент совершенно неуместным ни укорять его, ни указывать на преждевременность некоторых его мер; он понимал, что если начнет хулить его, то только укрепит его в настойчивости, если же поспешит защищать, то вызовет в нем лишь еще больший гнев. Поэтому он начал другую тактику, чтобы поправить столь несчастное положение, прикинулся разгневанным на юного зятя своего и говорил, что Ирод еще достаточно мягок, что не предпринимает ничего поспешно. Вместе с тем он указал на свое желание расторгнуть брак дочери с Александром и не щадить даже дочери, если бы оказалось, что она знала что-либо и не донесла о том.

Когда Ирод сверх всякого ожидания нашел Архелая таковым, особенно же когда увидел, как он сердится за него, царь стал несколько мягче и, полагая, что он, по всей видимости, все-таки был не вполне справедлив в своих предшествующих мероприятиях, понемногу дал охватить себя прежнему отцовскому чувству. Однако теперь он оказался вполне достойным сожаления: когда кто-нибудь стал отвергать возведенные на юношу обвинения как клеветнические, он выходил из себя, если же Архелай

поддерживал обвинение, он преисполнялся страшной скорбью, плакал и даже просил его не расторгать брака и не так сердиться на совершенные юношей злодеяния. Когда Архелай нашел, что Ирод смягчился, он стал переносить обвинения на друзей Александра, указывать на то, что молодого и неопытного человека загубили те, и все более навлекать подозрения Ирода на его брата. А так как Ирод и без того был восстановлен против Ферора, то последний, не имея посредника и видя влияние Архелая, сам явился к нему в черной одежде. Видя перед собой в недалеком будущем все признаки неизбежной гибели, он сделал это. Архелай не отказался от заступничества, но вместе с тем указал также на полное свое бессилие скоро убедить царя, находившегося в таком состоянии. Он сказал, что гораздо лучше будет, если Ферор сам отправится просить у него прощения и при этом возьмет всю вину на себя. Таким образом он несколько умерит гнев Ирода, при этом Архелай обещал поддержать его своим присутствием. Убедив Ферора в целесообразности этого, он достиг двух благих результатов: во-первых, юный Александр освобождается от тяготевших на нем клеветнических обвинений, и, во-вторых, Ферор примирился с братом. После этого Архелай вернулся в Каппадокию, успев себе, как никто в те времена, снискать благоволение Ирода, который почтил его весьма ценными подарками и, между прочим, торжественно причислил его к наиболее преданным друзьям своим. Вместе с тем он обещал ему также поехать в Рим, тем более, что об этом уже было написано императору. До Антиохии они ехали вместе. Тут Ирод устроил примирение между сирийским наместником Титием и Архелаем, которые поссорились друг с другом, и затем вернулся обратно в Иудею.

Глава 9

1. Пробыв в Риме и вернувшись оттуда, Ирод начал войну с арабами по следующему поводу: жители Трахонеи, область которых император отнял у Зенодора и отдал Ироду, не имели более возможности заниматься разбоями, но были принуждены жить теперь спокойно, занимаясь земледелием. Однако этим они не были довольны, да и земля не щедро вознаграждала труд их. Вначале, впрочем, они воздерживались от насилий над соседями, потому что царь не допускал этого, и своей заботливостью Ирод стяжал себе великую славу. Когда же он отплыл в Рим с целью обвинить там своего сына Александра и представить императору Антипатра, жители Трахонеи стали распускать слухи, будто Ирод погиб, отпали от царства и обратились к прежним обычным своим насилиям относительно соседей. Впрочем, тогда их

усмирили военачальники отсутствовавшего царя. Около сорока главных разбойников покинули страну в страхе, что их постигнет участь попавшихся в плен, отправились в Аравию и были там приняты Силлаем в отместку за неудавшийся брак его с Саломеей. Он предоставил им укрепленное место, где они и поселились; отсюда они совершали разбойничьи набеги не только на Иудею, но и на всю Келесирию, причем Силлай оказывал им поддержку в их злодеяниях.

Когда Ирод вернулся из Рима, то узнал, в каком бедственном положении обстоят дела в его стране; а так как он не был в состоянии совладать с разбойниками, благодаря поддержке, оказываемой им арабами, но вместе с тем был вне себя от их злодейств, то отправился в Трахонею и стал умерщвлять родственников разбойников. Вследствие этих бедствий разбойники еще более озлобились, а так как у них был закон, в силу которого требовалось всяческим образом мстить убийцам родных¹⁰⁴⁷, они усиленно продолжали разорять и грабить всю страну Ирода. Тогда царь переговорил об этом с императорскими наместниками Сатурнином и Волумнием¹⁰⁴⁸ и потребовал наказания разбойников. Но от этого те в своем возбуждении стали еще более дерзки, приводили в полное смятение области Иродова царства, разрушали деревни и умерщвляли пленных, так что их беззакония походили на настоящую войну. Теперь число разбойников доходило уже до тысячи. В гневе на это Ирод стал требовать выдачи разбойников и, кроме того, возвращения долга в шестьдесят талантов, которые он при посредстве Силлая дал Ободу и срок отдачи которых миновал. Между тем совершенно отстранивший Обода Силлай самостоятельно правил страной; он отрицал, что в Аравии находились разбойники, отдачу же долга отложил впредь до постановления на этот счет Сатурнина и Волумния, наместников сирийских. В конце концов последние постановили, что деньги должны быть выданы Ироду в тридцатидневный срок, равно как должна состояться взаимная выдача подданных. В стране Ирода не нашлось, впрочем, решительно ни одного араба, бежавшего туда вследствие совершения какого-либо преступления или по иной причине, арабам же было доказано, что они дают у себя приют разбойникам.

2. По миновании условленного срока Силлай отправился в Рим, не исполнив ничего из постановленного решения. Ирод стал настойчиво требовать возвращения денег и выдачи разбойников, а так как Сатурнин и Волумний дали ему разрешение пойти на арабов походом, то он во главе войска двинулся на Аравию и сделал в течение трех дней семь [обычных] переходов. Достигнув крепости, где засели разбойники, он приступом взял их всех,

сравнивал крепость, носившую название Раипты, с землей, но, впрочем, никого при этом не обидел. Арабы под предводительством Накеба поспешили им на помощь, и произошла битва, в которой пало немного людей Ирода, но были убиты сам предводитель Накеб и около двадцати пяти людей его. Остальные обратились в бегство. Наказав их, Ирод переселил в Трахонею 3000 идумейцев, которые должны были держать разбойников в повиновении. Затем он отправил находившимся тогда в Финикии [римским] наместникам донесение об этом и сообщил, что он ничем не преступил данного ему относительно арабов полномочия. По точном расследовании наместники нашли это донесение вполне согласным с истиной.

3. Поспешившие в Рим вестники немедленно сообщили Силлаю о всем происшедшем и при этом по обыкновению сильно все преувеличили. Силлай тем временем уже успел стать известным императору. Лишь только он узнал о посольстве, как немедленно отправился к двору, облекшись в черную одежду, и предстал перед Цезарем с жалобой на то, что Аравия опустошена войной и все его царство приведено в смятение, так как Ирод разгромил его со своим войском. Со слезами на глазах он уверял, что 2500 самых лучших арабов пало и в числе их был убит также предводитель Накеб, его друг и родственник, что богатства, находившиеся в Раипте, разграблены и что никакого внимания не обратили на Обода, который не в состоянии вести войну, так как не было налицо ни его, Силлая, ни ядра арабской рати. Так говорил Силлай и хитро прибавил, что он сам не покинул бы страны, если бы не был уверен в желании Цезаря, чтобы везде и всюду царствовал мир, и что война не окончилась бы благоприятно для Ирода, если бы он сам оставался дома. Цезарь разгневался на это и стал спрашивать находившихся налицо приверженцев Ирода и его посланных из Сирии о том только, действительно ли Ирод предпринял поход. Так как те были принуждены подтвердить это, император же не входил в рассуждение, по какой причине все это случилось, гнев Цезаря еще возрос, и он написал Ироду резкое письмо, в котором говорил, что, если он обходился с ним раньше как с другом, он будет видеть в нем теперь лишь своего подданного.

Вместе с тем и Силлай сообщил арабам письмом о повороте дела. Арабы воспрянули духом, не стали вовсе выдавать разбойников, искавших у них убежища, и не заплатили денег; напротив, они теперь совершенно овладели пастбищами, которые им Ирод предоставил за плату, и говорили, что вследствие гнева императора царь иудейский смещен. Этим же моментом воспользовались трахонцы, восстали против идумейских гарнизонов и стали разбойничать вместе с арабами, которые разоряли страну иудейскую,

преследуя здесь не только цели наживы, но особенно свирепствуя в видах гнусного мщения.

4. Когда Ирод потерял расположение Цезаря, то всем этим крайне опечалился; но он должен был переносить это и еще худшее, что вскоре случилось и что его еще больше расстроило. Дело в том, что Цезарь не принял его посольства, которое царь отправил [в Рим], чтобы оправдаться, равно как отослал обратно без аудиенции и второе посольство. Все это убивало царя и внушало ему опасения; еще больше огорчало его, что Силлай находился в Риме и снискал себе доверие, в то же самое время домогаясь всевозможных льгот. Обод успел тем временем умереть, и власть его над арабами перешла к Энею, изменившему свое имя на Арета. Силлай старался клеветой устранить последнего от власти, чтобы самому овладеть ею и с этой целью роздал крупные суммы царедворцам, обещая заплатить самому Цезарю тоже большие деньги. Император успел уже рассердиться на Арету за то, что он вступил на престол, не списавшись предварительно с ним. Между тем Арета послал императору письмо и дары, в числе которых находился золотой венец стоимостью во много талантов. В этом письме он обвинял Силлая, говоря, что это презренный раб, который отравил обода и еще при жизни его захватил высшую власть, что он совершал постоянные прелюбодеяния с арабскими женами и что он занимал деньги, чтобы таким образом добиться власти. Однако император не обратил на это письмо никакого внимания, но отправил его обратно вместе со всеми дарами.

Между тем положение Иудеи и Аравии все ухудшалось, так как в одной царствовала неурядица, а в другой все распалось за отсутствием хозяина. Царь арабский пока не имел возможности подавлять всех нечестивцев, так как не успел еще упрочить власть свою. Ирод же был принужден сносить все незаслуженные оскорбления, потому что император сердился на него за его слишком поспешные мероприятия. Не видя исхода из столь бедственного положения. Ирод решил еще раз отправить посольство в Рим с целью вновь снискать себе расположение Цезаря при помощи друзей или непосредственным обращением к самому императору.

Глава 10

1. Туда уехал Николай Дамасский. В это время дела с семейством и сыновьями стали у Ирода гораздо хуже [прежнего]. Вообще, если раньше было очевидно, что злой рок уготовил царю самое ужасное горе, которое может испытать человек, то теперь еще более крупное бедствие постигло царя. Эврикл из Лакедемона, человек, происходивший из довольно знатного

рода, но вполне испорченный, равно как отличавшийся большим сладострастием и льстивостью, но умевший скрывать то и другое, приехал к Ироду, привез ему подарки, за которые, впрочем, получил гораздо более ценные, и сумел ловко воспользоваться представившимися обстоятельствами для того, чтобы снискать себе в особенно высокой степени расположение царя. Собственно, он остановился у Антипатра, но посещал больше всего Александра, потому что говорил, что находится в близких отношениях к каппадокийскому царю Архелаю. Таким точно образом он представился также поклонником Глафиры и вообще незаметно сумел всех склонить на свою сторону, причем постоянно следил за всем, что говорилось и делалось, чтобы выводить из этого сплетни.

В конце концов оказывалось, что каждый считал его исключительно своим только другом, тогда как всем прочим казалось, что он общается с другими лишь им на пользу. И так удалось ему склонить на свою сторону юного еще Александра и убедить его в том, что он только ему одному может сказать решительно все. Тогда тот со скорбью рассказал ему о своем отчуждении от отца, сообщил ему о судьбе своей матери и об отношениях к Антипатру, как последний, отстранив их совсем, пользуется теперь неограниченной властью. Все это, говорил Александр, прямо невыносимо, тем более, что отец настолько уже всех их возненавидел, что не принимает больше участия в их обедах и вовсе не говорит с ними. Так, вполне естественно, поведал ему Александр все, о чем скорбел.

Все эти разговоры Эврикл передал Антипатру, указывая на то, что он делает это не из корыстных или личных целей, но потому, что его, которого Антипатр принял с такими почестями, совершенно подавляет вся серьезность этого положения: он присовокупил еще совет остерегаться Александра. Вероятно, говорил он, все это было сказано неспроста: очевидно, что в основании всех этих слов лежит какое-нибудь крайнее решение. Видя в этом доказательство его дружбы и расположения, Антипатр стал теперь делать Эвриклу при разных случаях подарки и в конце концов уговорил его даже сообщить обо всем Ироду. Царь из его убедительных речей вполне вывел заключение о правильности неприязни Александра, и Эвриклу постоянными ловкими нашептываниями удалось настолько настроить и возбудить царя, что ненависть последнего не знала теперь пределов. Это он показал сейчас же, сделав Эвриклу подарок в пятнадцать талантов. Получив эти деньги, Эврикл поехал к каппадокийскому царю Архелаю и стал там восхвалять Александра и Ирода, говоря, что он сам оказал ему крупную услугу, примирив Александра с отцом его. Получив затем деньги и от Архелая, он

уехал раньше, чем обнаружилась его гнусность. Впрочем, и в Лакедемоне Эврикл не прекратил своего скверного образа жизни и за целый ряд гнусностей был затем изгнан из отечества.

2. Иудейский царь теперь уже относился к Александру и Аристобулу не так, как прежде, когда он только выслушивал возводимую на них клевету, он стал настолько озлоблен против них, что, если ему не клеветали на них, сам доискивался чего-либо, заставляя следить решительно за всем, все разузнавая и охотно слушая каждого, кто мог сказать против юношей что бы то ни было. [И вот он узнал]¹⁰⁴⁹, что Эварат с острова Коса¹⁰⁵⁰ вошел в соглашение с Александром. Это известие доставило Ироду особенное наслаждение.

3. Так как клевета против юношей росла и все как будто видели особую, так сказать, заслугу в том, что могли сообщить относительно их что-либо тяжкое, донесение о чем могло казаться преследующим лишь благо царя, то случилось нечто весьма серьезное в жизни молодых людей. У Ирода было два телохранителя, Юкунд и Тиранн, особенно ценимые им за силу и рост. Царь рассердился на них и удалил их от себя; и вот они стали сопровождать Александра, который ценил их за их гимнастическую ловкость, давал им кое-какие деньги и вообще делал им разные подарки. Царю немедленно они показались подозрительными, и он велел подвергнуть их пытке. Сперва они долго крепились, но затем сознались, что Александр убеждал их умертвить Ирода, если он во время охоты за дикими зверями очутится вблизи их. Тогда-де возможно будет сказать, что царь свалился с лошади и упал на их копья, как это раз с ним действительно и случилось. Вместе с тем они показали, что в конюшне у них зарыто золото, и обвинили начальника охоты в том, что он дал им копья из царского арсенала, равно как, по приказанию Александра, снабдил оружием также и слуг последнего.

4. После них был схвачен также комендант крепости Александриона и подвергнут пытке. Его обвинили в том, что он хотел принять в эту крепость [царственных] юношей и выдать им хранившуюся там царскую казну. Однако он не признался в этом, но явившийся Иуда, сын его, подтвердил правильность обвинения и представил видимо писанное рукой Александра письмо следующего содержания: «Если мы, с Божией помощью, совершим все то, что имеем в виду, то мы прибудем к вам. Поэтому, согласно обещанию, приготовьте все к нашему приему в крепости». После получения этого письма Ирод уже несколько не сомневался в существовании заговора сыновей против него. Александр, однако, уверял, что писец Диофант подделал его почерк и вся эта записка является плодом коварства Антипатра.

Диофант слыл знатоком своего дела и впоследствии умер, избличенный в таком же точно поступке.

5. Всех тех, кто подвергся пытке, царь представил в Иерихоне толпе народной, дабы добиться обвинения сыновей своих. Чернь побила их собственноручно камнями. Когда же толпа приготовилась подобным же образом умертвить и Александра, царь удержал ее от этого и выслал для успокоения ее Птолемя и Ферора. Юношей заключили под стражу и учредили за ними тщательный надзор; к ним более не допускали никого, все их поступки и слова замечались, одним словом, они очутились в ужасном положении бесчестных преступников. Один из арестантов, именно Аристобул, был доведен до такого отчаяния, что заставил даже свою тещу и тетку [Саломею] пожалеть о постигших его бедствиях и возненавидеть виновника их. «Разве,— говорил он,— и тебе не угрожает опасность гибели, потому что о тебе клеветуют, будто ты, в надежде на брак с Силлаем, сообщаешь ему все здесь происходящее?» Впрочем, та немедленно поспешила сообщить об этих речах брату. Последний тогда более уже не мог сдержаться себя, приказал заковать их в оковы и разлучить, а также велел им самим написать императору, какое зло они причинили отцу своему. Так им это было велено, но они написали, что вовсе не злоумышляли против отца своего и не принимали никаких мер относительно его; что они, [правда], задумали бежать, да и то по необходимости, потому что вечные подозрения делали им жизнь невыносимой.

6. Около этого времени из Каппадокии от Архелая прибыл посол, некий Мела, который принадлежал к числу сановников царя. Ирод, желая ему доказать нерасположение к нему Архелая, велел позвать Александра, который и явился, как был, в кандалах, и вновь стал расспрашивать его, куда и как [братья] решили бежать. Александр сказал, что к Архелая, потому что последний обещал доставить их в Рим. Впрочем, говорил он, они не имели в виду ничего неуместного или гнусного относительно отца и нет ни слова правды в том, в чем обвиняют их бессовестные противники. Им бы хотелось, в видах более точного расследования, чтобы Тиранн и его товарищи еще оставались в живых, но и их загубили скорее, причем Антипатр подослал в народ своих собственных клеветов.

7. При этих словах его царь приказал отвести Мелу и Александра вместе к дочери Архелая Глафире и спросить у нее, не знает ли она чего-либо относительно злого умысла против Ирода. Лишь только они явились и Глафира увидала Александра в оковах, как стала биться головой об стену и вне себя громко и жалостно рыдать. У молодого человека также выступили

на глазах слезы, и всем присутствующим зрелище это было крайне тягостно, так что они долго не были в состоянии сделать или говорить то, ради чего явились. Несколько позже Птолемей, которому было поручено привести Александра, обратился с просьбой сказать, знала ли его жена что-либо из его планов, и тогда Александр воскликнул: «Да разве она этого не знала, она, которую я люблю больше жизни своей и которая является матерью детей моих?» На это Глафира с рыданиями отвечала, что она не знала ни о чем дурном; если же она тем сможет способствовать спасению мужа, то она готова лгать на себя и рассказать все, что угодно. Александр сказал: «Ни я сам, ни ты, мы не знаем ни о чем гнусном, что предполагают те, кому это всего менее к лицу; тебе известно только, что мы решили удалиться к Архелаю, а оттуда в Рим». Когда Глафира, «в свою очередь, подтвердила это, Ирод, полагая, что он изобличил Архелая в происках против него, вручил олимпу и Волумнию письма и приказал им во время проезда отдать их в Элеузе Киликийской, выразить ему свое неудовольствие на то, что он принял участие в заговоре сыновей его, а оттуда поехать в Рим; если там Николай сообщит им, что Цезарь более не гневается на него, то пусть они вручат ему прилагаемые письма, которые вполне изобличают козни юношей. Архелаю удалось оправдаться признанием, что он действительно собирался принять у себя юношей, но лишь с целью оказать пользу им и их отцу, дабы последний в своем гневе на возводимые против них обвинения не прибег к слишком крутым мерам; при этом Архелай совершенно отрицал свое намерение направить юношей к императору, равно как не обещал им ничего, что могло бы служить доказательством его отпадения от Ирода.

8. Когда посланные приехали в Рим, им вскоре представился случай вручить письмо императору, уже успевшему примириться с Иродом. Посольство Николая постигла судьба такого рода: когда он прибыл в Рим и явился ко двору, то решил говорить сперва не только о цели своего приезда, но и прямо приступить к обвинению Силлая. Дело в том, что арабы, еще до его прибытия, очевидно распались на враждебные друг другу партии. Надеясь найти поддержку в нем, многие арабы примкнули к Николаю, сообщили ему о всех преступлениях, совершенных Силлаем, и доставили ему очевидные доказательства того, что он умертвил весьма многих приближенных Ирода. У них в руках были и письма, попавшие к ним во время ссоры и вполне изобличавшие Силлая. Видя в этом особенно благоприятный случай, Николай воспользовался им для приведения своих намерений в исполнение и ревностно занялся примирением Ирода с Цезарем. Он отлично понимал, что если вздумает оправдывать образ действий Ирода, то не достигнет ничего, и

поэтому решил обвинять Силлая, полагая, что тут представится случай замолвить словечко и за Ирода. Когда при таком положении дел был назначен день для разбора обоюдных жалоб, Николай в присутствии послов Ареты стал во многом обвинять Силлая, особенно же в том, что он умертвил царя и многих арабов, что он занимал деньги не для полезных мероприятий, и доказал, что он виновен в изнасиловании не только многих арабских, но и римских женщин. Ко всему этому он присоединил затем самое важное обвинение, а именно, что он обманул Цезаря, рассказав ему совершенно неправильно о поступках Ирода. Когда Николай дошел до этого пункта, Цезарь остановил его, требуя, чтобы он говорил лишь об Ироде, правда ли, что тот повел свое войско на Аравию, что он умертвил 2500 жителей и подверг страну разграблению и увел массу пленных. Николай сказал, что именно об этом он и собирался говорить и объяснить, что ничего не произошло из того, что донесли императору, и что вполне несправедливо сердиться на все это. При таком неожиданном обороте дела Цезарь стал особенно внимательно слушать Николая, который рассказал о ссуде в пятьсот талантов и о существовании расписки, в которой сказано, что, если будет пропущен срок платежа, Ироду предоставляется право гарантировать себе уплату захватом всей территории. При таких условиях, говорил он, весь поход царя является уже не походом, а лишь поездкой с целью потребовать себе обратно собственные свои деньги. К тому же и этот поход не был предпринят скоро и опрометчиво и не совпал с сроком обязательства. Ирод решился на крайнюю меру лишь после того, как неоднократно обращался к содействию сирийских наместников Сатурнина и Волумния, и после того, как Силлай наконец в присутствии их поклялся именем императора, что он в тридцатидневный срок уплатит деньги и выдаст Ироду бежавших из Иудеи к нему подданных его. А так как Силлай не сдержал своего обещания, то Ирод опять отправился к [римским] наместникам; когда же они разрешили ему взять свое, то и тогда он нехотя выступил со своим войском. «Такова то была война,— сказал Николай,— каковою представляли ее тебе эти артисты, таков был весь поход. Какая же это война, разрешение на которую дали твои собственные военачальники, которую допускал договор, причем подверглось поруганию имя не только прочих богов, но и твое собственное, Цезарь? Теперь же мне следует поговорить также относительно пленных. Бежавшие от гнева Ирода сперва сорок трахонейских разбойников, а потом и больше сделали своим убежищем Аравию. Их принял к себе Силлай и стал кормить их назло всем прочим обитателям страны. Им он роздал земли и с ними он сам делил добычу от грабежей их. Он клятвенно обещал выдать этих людей

[Ироду] в день возвращения своего долга, но и теперь еще нельзя указать ни на кого, кто был бы уведен царем из Аравии, кроме именно этих разбойников, притом даже не всех, а тех лишь, которые не нашли возможности скрыться. И вот так как вся история о пленниках является ложным и злобным измышлением, то ты, Цезарь, узнаешь, какое огромное здание лжи воздвиг Силлай для того только, чтобы вызвать гнев твой. Я утверждаю, что, когда на нас напала арабская рать и лишь после того, как на стороне Ирода пал один или двое, а Ирод слабо отбивался, явился на поле битвы арабский военачальник Накеб, потерявший при этом случае около двадцати пяти воинов. Число их Силлай умножил на сто и заявил, что пало две тысячи пятьсот человек».

9. Это еще более подействовало на императора, и, обратясь к Силлаю, он, преисполненный гнева, спросил, сколько арабов пало. Когда тот смутился и сказал, что его ввели в заблуждение, тогда были прочитаны письменный договор, документы наместников и целый ряд жалоб [разных] городов на грабежи. Цезарь был вне себя от ярости, так что присудил было Силлая к смертной казни; затем он помирился с Иродом, высказал ему сожаление по поводу слишком резкого письма своего, вызванного клеветой, и упрекнул Силлая в том, что тот лживым доносом принудил его опозорить преданного друга¹⁰⁵¹. В конце концов Силлай был отправлен домой для того, чтобы исполнить свои обязательства, согласно договору, а затем потерпеть заслуженное наказание. Цезарь, однако, не благоволил Арете за то, что он не через него, а самовольно сел на престол. Он решил было отдать и Аравию¹⁰⁵² Ироду, но от этого его удержали посланные последним письма. Узнав о том, что император [вновь] благосклонен к Ироду, олимп и Волумний, сообразно приказанию царя, решили немедленно вручить Цезарю письменное извещение о виновности сыновей Ирода. По прочтении этих писем император решил, что будет неудобно предоставить новую область старику, который не в ладах со своими собственными детьми. Поэтому он принял послов Ареты и, укорив их только в том, что царь их поступил слишком поспешно, не дождавшись с его стороны утверждения на престоле, взял у них дары их и утвердил за Аретой власть.

Глава 11

1. Примирившись с Иродом, император написал ему об этом, выразил свое соболезнование по поводу неурядиц его с сыновьями и сказал, что, если последние действительно решились на какую-либо крайнюю меру, с ними следует обойтись как с отцеубийцами, на что он его сам и уполномочивает;

если же они имели в виду только бегство, то ему следует изменить свое решение и не предпринимать относительно их ничего серьезного. При этом Цезарь советовал ему созвать суд в Берите, где имелось римское население, пригласить туда наместников и каппадокийского царя Архелая, равно как всех тех, кого Ирод считает настоящими и неизменными своими друзьями, и порешить с ними, как поступить в данном случае. Такое письмо Цезарь послал Ироду. По получении его царь очень обрадовался состоявшемуся примирению, но еще более был доволен, что ему предоставлена относительно своих сыновей полная свобода действий. И поскольку прежние несчастья сделали его человеком тяжелым, хотя и не могли бы подвинуть его на кровавую расправу с собственными детьми, постольку он теперь, ввиду поворота дел к лучшему и возвращения свободы действий, совершенно отдался мощному чувству своей ненависти. Итак, он послал в суд такое количество человек, какое ему заблагорассудилось, за исключением, впрочем, одного Архелая: он не считал возможным пригласить его, ввиду его враждебности, а также оттого, что предусматривал с его стороны серьезный отпор.

2. Когда в Берит прибыли [римские] наместники и все вызванные царем из различных городов. Ирод поместил сыновей своих (не желая их представлять судьям) в сидонской деревушке Платане, вблизи города, чтобы всегда иметь возможность представить их в случае их вызова в суд. Сам он лично предстал перед полторастами судьями и начал свое обвинение, которое казалось не слишком тяжким, поскольку его принуждали к тому печальные обстоятельства, но которое было совершенно неуместно в устах отца относительно детей своих. Он был крайне раздражен и выходил из себя, доказывая виновность юношей; при этом он выказал явные признаки своего гнева и необузданной дикости, не давая судьям возможности лично проверить доказательства виновности, но повторяя свое недостойное отца обвинение детей, сам читая их письма, в которых, впрочем, вовсе не упоминалось ни о заговоре, ни о каком-либо другом преступном замысле, но где только говорилось об их планах бегства и встречались некоторые крупные резкости по его адресу, вызывавшиеся его собственной враждебностью к детям. На таких местах царь возвышал голос и говорил, что тут лишнее доказательство очевидного существования заговора, причем клялся, что охотнее лишился бы жизни, чем выслушивать такие речи. В заключение он сказал, что как по природе, так и в силу предоставленной ему императором власти он имел бы право решить данный вопрос по собственному усмотрению, и привел древнее постановление, в силу

которого, если родители человека выступали против него с обвинением и возлагали руки свои на голову сына, последний обязательно подвергался побитию камнями со стороны всех присутствовавших при этом. Несмотря на то, что он (царь) властен делать в своей стране и в своем царстве все, что угодно, он все-таки готов выслушать приговор судей. Последние, говорил он, здесь не столько в качестве судей, долженствующих вынести приговор по очевидному преступлению детей, которые его чуть не погубили, сколько в качестве свидетелей, имеющих возможность понять гнев его, так как никто, даже иноземец, не отнесется безучастно к столь коварному замыслу.

3. После этой речи царя судьи, даже не пригласив юношей в заседание для возражения на обвинения, решили, что невозможно смягчить гнев Ирода или побудить его к примирению, и поэтому согласились с ним. Первым высказал свое мнение Сатурнин, бывший консул⁴⁰⁵³ и человек с весом, выражаясь сдержанно, как то подобало его высокому общественному положению. Он сказал, что Ирод может судить сыновей своих, но не считает его вправе умерщвлять их. Он-де говорит, как отец, также имеющий сыновей, и оставался бы при своем мнении даже при более тяжелых условиях, если бы дети его причинили ему даже более крупное горе. За ним высказались совершенно в таком же точно смысле и сыновья Сатурнина; их было трое, и они сопровождали отца своего в качестве легатов. Волумний, напротив, настаивал на смертной казни людей, совершивших такое преступление относительно отца своего. То же самое по очереди говорило и большинство судей, так что казалось, что теперь уже ничто не спасет юношей от смерти.

Вдруг Ирод увез юношей в Тир. Сюда прибыл к нему из Рима Николай. Рассказав ему предварительно обо всем, происшедшем в Берите, царь стал расспрашивать его, какого мнения держатся его римские друзья насчет сыновей его. Тот ответил, что друзья считают их намерения преступными, но советовал при этом заключить их только в тюрьму и стеречь их там. «Если ты, впрочем,— сказал он,— все-таки решишь казнить их, то сделай это погody, чтобы не навлечь на себя обвинения, будто ты действовал по внушению гнева, а не рассудка. Если же ты, напротив, думаешь помиловать их, то отпусти их, чтобы не вызывать на себя еще большей и окончательно непоправимой беды. Таково мнение и большинства твоих римских друзей». Он умолк, а царь погрузился в глубокое раздумье и затем приказал Николаю ехать вместе с ним.

4. Когда Ирод приехал в Кесарию, все население тотчас стало говорить только о его сыновьях, и вся столица была в волнении, какой исход примет дело. Страх обуял всех при мысли, что старая неурядица приведет теперь к

крайне тягостному концу и, хотя все сочувствовали страданиям [узников], без риска нельзя было ничего говорить и даже слушать других. Все скрывали в душе свое соболезнование и заметно переносили страшнейшие страдания. Впрочем, нашелся некий ветеран, по имени Терон, сын которого, будучи сверстником Александра, находился в дружественных отношениях с последним. Все то, о чем думали другие и о чем они молчали, он свободно высказывал, причем неоднократно и без стеснения говорил народу, что истина погибла, что справедливость в людях исчезла, что ложь и порочность овладели ими и что дела находятся в таком неприглядном свете, что преступники не видят даже всего ужаса человеческих страданий. Все это он говорил свободно, подвергаясь при этом значительной опасности. Правильность его взглядов трогала всех, так как он столь смело и мужественно выступил с ними в такую минуту. Поэтому все, кто слышали его речи, относились к нему с уважением и с удивлением взирали на его бесстрашие в то самое время, как сами считали более безопасным хранить молчание. Перспектива самим пострадать заставляла всех разделять его взгляды.

5. Терон затем явился совершенно свободно к самому царю и потребовал, чтобы ему позволили переговорить с ним один на один. Когда ему была дана эта возможность, он сказал: «Не будучи, о царь, в состоянии удерживаться долее в таком бедственном положении, я решился рискнуть своей личной безопасностью и позволить себе эту вольность, которая, однако, необходима в твоих же собственных интересах и принесет тебе пользу, если ты только как следует отнесешься к ней. Куда девался твой рассудок, [очевидно] тебя покинувший? Где тот тонкий ум, при помощи которого ты совершил столько великих деяний? Почему это тебя покинули друзья твои и близкие тебе люди? Я не в состоянии признать в приближенных твоих искренне преданных тебе друзей, которые спокойно взирают на такое злодеяние, совершаемое в некогда столь счастливой стране. Разве ты сам не хочешь понять, что делается? Неужели ты собираешься умертвить двух юношей, которых родила тебе твоя царственная супруга, юношей, наделенных всякими преимуществами, и на старости лет отдашь в распоряжение сына, который плохо оправдал возлагаемые на него надежды, или в распоряжение родных, которых ты сам уже столько раз приговаривал к смерти? Разве ты не можешь понять, что молчащая чернь все-таки видит совершаемое преступление и преисполняется ненависти к этому бедствию и что солдаты, особенно же их начальники, питают сострадание к несчастным и вместе с тем ненависть к виновникам всего этого?» Сначала царь выслушивал все это

довольно безучастно; но он, естественно, расвирепел, когда Терон прямо коснулся его слабого места и упомянул о неверности его приближенных. В свою очередь Терон, по необразованности не применяясь к обстоятельствам, постепенно расходился все более и более и говорил с исто солдатской развязностью. Тогда Ирод сильно возмутился и принял слова его скорее за поношение, чем за полезный совет. Когда же царь услышал о неудовольствии солдат и о возбуждении их предводителей, то приказал схватить и посадить в тюрьму всех тех, кого поименовал Терон, равно как его самого.

6. Этим случаем ловко воспользовался некий Трифон, царский брадобрей. Явившись к царю, он заявил, будто Терон неоднократно уговаривал его зарезать Ирода бритвой во время исполнения его служебных обязанностей. При этом будто бы старик указывал ему на то, что таким путем Трифон добьется высокого положения у Александра и получит от него крупные подарки. После этого царь велел схватить Трифона и подвергнуть пыткам Терона, его сына и брадобрея. Терон оставался непреклонен, но сын его, видя, как уже измучен отец, и не имея никакой надежды на спасение, иаоборот предвидя для себя еще большие мучения вследствие бедственного положения старика, обещал поведать царю всю правду, лишь бы только такой ценой избавить от пытки и истязаний самого себя и отца своего. Когда царь честным словом обещал ему это, он объявил, что было решено, чтобы Терон лично расправился с Иродом, так как, оставаясь с ним наедине, такого рода замысел мог быть легко приведен в исполнение; в таком случае по совершении этого намерения он мог наверное рассчитывать на благодарность и признательность со стороны Александра. Этими словами юноша действительно избавил отца своего от пытки; остается лишь неизвестным, сказал ли он сущую правду или выдумал все это, чтобы избавить себя и родителя своего от тяжкого положения.

7. Если Ирод раньше хоть несколько задумывался и в тайниках души своей стыдился казнить сыновей своих, то теперь он устранил все, что могло бы его подвинуть на более гуманное решение, и спешил поскорее привести свое намерение в исполнение. Сперва он вывел на площадь 300 обвиненных начальников, Терона с сыном и обвинявшего их брадобрея. Всех их он осудил, а чернь закидала их на смерть всем, что попадало ей под руку. Александр и Аристокбул были доставлены в Себасту и казнены там, по повелению отца, через повешение. Трупы их ночью были похоронены в Александрионе, где уже покоились их дядя со стороны матери и весьма многие из предков.

8. Вероятно, кое-кому покажется довольно неестественным, что давно питаемая ненависть могла возрасти до таких пределов и, перейдя все границы, побороть даже самую природу. Равным образом можно было бы спросить, какая вина была возведена на юношей: разве они чем-нибудь основательным довели отца своего до такого гнева, что впоследствии уже никак не могли примирить его с собой? Или, быть может, он был так бессердечен, так властолюбив и тщеславен, что не терпел рядом с собой никого, лишь бы одному нераздельно владеть всем? Или следует признать здесь вмешательство рока, который в состоянии осилить всякое самое толковое рассуждение, того рока, который, как мы уверены, неизбежно направляет все деяния людей, который мы называем судьбой и помимо которого не случается ничего? Мне кажется, будет вполне достаточно определить это представление совершенно различным от того, в силу которого мы якобы сами себе приписываем все и становимся лично ответственными за все свои начинания. Впрочем, обо всем этом еще раньше нас дал свое определение закон. Что касается двух других причин, то, пожалуй, можно было бы упрекнуть юношей в том, что они в своем юношеском самообольщении и своем царственном тщеславии были доступны всяким возводимым на отца наветам, что они недостаточно терпимо относились к его поступкам и привычкам, что они легко верили всем гнусностям и не были сдержанны на язык; вследствие обеих последних причин не трудно было поймать их шпионам, следившим за ними и доносившим о них в угоду царю. Однако и отец их очевидно никак не может рассчитывать на оправдание своего преступного решения, так как вовсе не собрал достаточно ясных улик существования заговора и рискнул умертвить собственных детей своих без достаточного расследования. Между тем эти сыновья его были красивы и популярны, никому ни в чем не уступали, были одинаково искусны как на охоте, так и на войне и при случае могли блеснуть красноречием. Во всем этом они преуспевали, особенно старший, Александр. Если Ирод решил уже окончательно осудить их, то было бы достаточно, оставя их в живых, бросить их в темницу или изгнать их и держать вдали от власти, причем римское могущество представило бы ему полную гарантию того, что они не повредили бы ему ни нападением, ни каким-либо насильственным действием.

Между тем столь поспешная казнь сыновей, вызванная лишь обуявшей его страстностью, является доказательством его необузданной преступности; при этом он совершил такое преступление в старческом уже возрасте. Вместе с тем его не может извинить также то обстоятельство, что он так долго тянул

дело и постоянно откладывал казнь. Иногда бывает, что человек в [первом] волнении решается на какой-нибудь неуместный поступок; но если он обдумывает этот поступок и колеблется, то решаясь на него, то опять отступая, и в конце концов все-таки приводит его в исполнение, это доказательство гнуснейшей кровожадности характера. Это Ирод действительно впоследствии и подтвердил, не остановясь перед казнью остальных своих друзей, которых особенно любил; хотя о них и можно было сожалеть меньше, так как они вполне заслужили гибель, однако и здесь царь проявил прежнюю жестокость и не пощадил никого. Впрочем, об этом ниже придется еще говорить.

* * *

*

См. также: [Иудейская война](#)

[1026](#)

об освобождении раба-еврея через шесть лет говорится в книге Исход ([Исх 21.2](#)).

[1027](#)

Архелай – последний царь Каппадокии (36 г. до н.э. – 17 г. н.э.). В 17 г. н.э. Каппадокия стала римской провинцией.

[1028](#)

Гекатомба – сто быков.

[1029](#)

Хиос – остров у берегов Малой Азии. Был razорен Митридатом VI в 86 г. до н.э. (с 85 г. находился под властью Рима).

[1030](#)

Митилена – главный город острова Лесбос, расположенного в Эгейском море севернее о. Хиос.

[1031](#)

Так назывались два островка, лежащие при впадении Босфора в Черное море. Они известны по мифу об аргонавтах. (Перев.)

[1032](#)

Пафлагония – область в Малой Азии на южном берегу Черного моря

[1033](#)

Самос – остров у побережья Малой Азии неподалеку от Эфеса.

[1034](#)

Жители Илиона – города вблизи древней Трои.

[1035](#)

Т.е. Дориду.

[1036](#)

Аквилея – город на северном побережье Адриатического моря.

[1037](#)

В «Иудейской войне» (I, 23, 3) Иосиф говорит о том, что Ирод привез к Октавиану Августу только одного Александра, обвинив своего сына в попытке отравить его.

[1038](#)

Это бывшая так называемая Стратонова башня. (Перев.)

[1039](#)

Речь идет о Ливии, третьей жене Октавиана Августа. По его завещанию она была принята в патрицианский род Юлиев и получила имя Юлии.

[1040](#)

Как уже говорилось выше, маяк на острове Фарос (у Александрии) достигал в высоту 110 метров.

[1041](#)

Храм Аполлона (Пифия), победившего змея Пифона.

[1042](#)

олимпия, где находилось святилище Зевса и где проводились олимпийские игры, с 572 г. до н.э. принадлежала Элиде, и с того времени именно элидцы обладали правом организации олимпийских игр.

[1043](#)

Октавиан Август был великим понтификом с марта 12 г. до н.э. Власть народного трибуна он получил в 30 г. до н.э. пожизненно, чем нарушил закон, по которому народным трибуном мог быть только человек из плебейского рода.

[1044](#)

Анкира – город в Галатии.

[1045](#)

Здесь в тексте пропуск. (Перев.)

[1046](#)

У Ирода было десять жен; правда, Мариамма из рода Хасмонеев уже была им казнена.

[1047](#)

Т.е. закон кровной мести.

[1048](#)

Сентий Сатурнин являлся наместником провинции Сирии в 9–6 гг. до н.э. Волумний был направлен императором в качестве проконсула и ведал в провинции главным образом сбором налогов.

[1049](#)

Тут в тексте пропуск, восстановленный нами по смыслу. (Перев.)

[1050](#)

Кос – один из островов Додеканеса вблизи побережья Малой Азии (неподалеку от Галикарнаса), о нем уже упоминалось выше.

[1051](#)

Слово «друг» по отношению к Ироду и Октавиану Августу не следует понимать буквально. «Друзьями» императора и Рима титуловались зависимые от Рима цари.

[1052](#)

Здесь, как, впрочем, и везде, Иосиф именует Nabateyское царство Аравией.

[1053](#)

Сентий Сатурнин был консулом в 19 г. до н.э.

Книга 17

Предисловие

Книга содержит описание событий, происходивших в Иудее в последние годы правления Ирода I и в период правления его наследника Архелая. Иосиф Флавий по-прежнему много внимания уделяет придворным интригам (заговор Антипатра против отца, раскрытый Иродом, что повлекло за собой казнь уже третьего сына жестокого властителя и расправы над многими другими людьми; борьба между родственниками Ирода I за его наследство и раздел Августом между ними владений Ирода). Архелай, назначенный

Августом правителем Иудеи, Идумеи и Самарии, установил не менее жестокий режим, чем его отец. Иосиф приводит многие факты массовых выступлений иудейского населения против Рима и местной верхушки, служившей его опорой. Это – и два восстания в Иерусалиме, подавленные Архелаем и римскими войсками, и восстания Иуды Галилеянина, царского раба Симона, пастуха Аффронта, участники которых грабили и сжигали царские дворцы, захватывали имущество местной знати. Впрочем, Иосиф с его проримскими симпатиями называет этих повстанцев разбойниками. Обстановка в Иудее была столь накаленной, что Октавиан Август предпочел сместить Архелая и включить в 6 г. н.э. территорию Иудеи в состав римской провинции Сирии.

Глава 1

1. После того как Антипатр погубил своих братьев и заставил отца решиться на гнуснейшую относительно их крайность и безбожную преступность, ему уже не приходилось рассчитывать впоследствии на особенную жизненную удачу. Хотя он и был избавлен от страха за прочность своей власти вследствие невозможности вмешательства со стороны братьев, но находил, что овладеть царством представит ему крупные затруднения и тягости: глубоко внедрилась в народе ненависть против него. Если уже это было для него весьма тягостно, то еще более огорчало его нерасположение к нему войска; а между тем на войске всегда зиждилось внутреннее благополучие, если чернь проявляла склонность к мятежам. Такую опасность уготовила ему гибель его братьев. Тем не менее он был теперь соправителем отца своего и собственно настоящим царем; отец ему доверял больше прежнего, причем Антипатр укрепил свое положение именно тем, за что он, собственно, был достоин гибели; но при этом он загубил братьев своих, как будто бы заботясь о спасении Ирода, а не потому, что его побуждала к тому ненависть к этим братьям; больше их он сам был враждебен отцу своему. Такие мучения терзали теперь Антипатра. Он во всем этом положении предвидел возможность удалить со своего пути Ирода и тем предупредить, что кто-либо станет обвинять его в чем-нибудь и этим поставит его в затруднение; с другой стороны, он предвидел для Ирода возможность найти поддержку, если бы он, Антипатр, открыто выступил в качестве его врага. И вот, подобно тому, как одна лишь ненависть к отцу побудила его посягнуть на братьев, эта же самая ненависть теперь еще более подзадорила его не выпускать из рук начатого дела. Он рассчитывал, что если Ирод умрет, то он тем самым прочно утвердит за собой власть, если же дольше останется в живых, то это

лишь усугубит его опасность, потому что раскрытие всех тех планов, которые он затеял по необходимости, заставят отца смотреть на него, как на заклятого врага. Поэтому он не щадил средств, чтобы снискать себе расположение приближенных отца, стараясь крупными денежными подарками подавить ненависть многих к себе и особенно добиваясь путем блестящих и щедрых даров снискать благоволение друзей своих в Риме, на первом же плане расположение сирийского наместника, Сатурнина. Щедростью даров он надеялся склонить на свою сторону также и брата Сатурнина, равно как сестру царя, которая была замужем за одним из виднейших приближенных Ирода. В искусстве притворяться другом людей, с которыми он общался, он достиг величайших результатов и снискал доверие; вместе с тем он сумел отлично заглушить во многих ненависть к себе. Впрочем, он не был в состоянии обмануть свою тетку, которая уже давно его поняла, которую нельзя было ввести в заблуждение и которая вполне приготовилась оказать отпор его гнусным начинаниям. Несмотря на то, что ее дочь была замужем за дядей Антипатра со стороны матери (причем этот дядя женился на ней, которая раньше была женой Аристобула, благодаря посредничеству и заботливости именно Антипатра, тогда как другая дочь ее была замужем за Каллеем, сыном Саломеи от второго брака), однако это родство не могло оградить его от того, что вся его гнусность была понята. Так же точно его не избавили от [всеобщей] ненависти и прежние его родственные отношения. Дело в том, что Ирод заставил Саломею, влюбленную в араба Силлая и желавшую выйти за него замуж, вступить в брак с неким Алексой. При этом Ироду оказывала поддержку [императрица] Юлия; она-то именно и уговорила Саломею не отказываться от этого брака, чтобы не вызывать открытой вражды, так как Ирод поклялся, что поссорится с Саломеей, если она не выйдет за Алексу. Саломея подчинилась отчасти потому, что ее уговорила Юлия, жена самого Цезаря, а отчасти и потому, что та указала ей на всю выгоду этого брака. В это же самое время Ирод отправил дочь царя Архелая, бывшую замужем за его сыном Александром, назад к отцу ее и вернул ей из своих личных средств ее приданое, чтобы не было на этот счет никаких недоразумений между ними.

2. Ирод сам весьма заботливо занялся воспитанием детей сыновей своих (у Александра было от Глафиры двое мальчиков¹⁰⁵⁴, а у Аристобула от Береники, дочери Саломеи, трое мальчиков и две девочки¹⁰⁵⁵); когда его навещали друзья, он показывал им внуков и при этом [всегда] оплакивал судьбу, постигшую его собственных сыновей. При этом он молил Бога, чтобы его

внуков не постигла подобная же участь, но чтобы они росли в добродетели и любви к справедливости и тем отплатили ему за все его попечения о них.

Когда внуки его достигли соответственного возраста, он подумал об их браке и помолвил старшего из сыновей Александра с дочерью Ферора, а сына Аристобула с дочерью Антипатра; одну из дочерей Аристобула он решил выдать замуж за сына Антипатра, другую же дочь Аристобула за своего собственного сына Ирода, который родился у него от дочери первосвященника¹⁰⁵⁶. У нас ведь в обычае, что мужчина в одно и то же время имеет нескольких жен¹⁰⁵⁷. Эти помолвки царь устроил из сострадания к сиротам, думая путем нового родства вызвать в Антипатре расположение к ним.

Однако Антипатр не преминул выказать к этим юным существам такую же неприязнь, какую он питал к их родителям, своим братьям; заботливость Ирода о них только раздражала его, так как он предполагал, что влияние их будет гораздо больше влияния их отцов и что, особенно когда они подрастут, царь Архелай станет поддерживать своих внуков, да и Ферор, который уже был тетрархом, даст одну из девушек в жены сыну своему. Вместе с тем его возмущало также простонародье своей постоянно выказываемой жалостью к сиротам, а также тем, что оно из ненависти к нему всячески доказывало непримиримую вражду его относительно братьев. Поэтому он особенно старался побудить отца к отмене его решения, устрашая его представленьями об опасности, связанной с дарованием [юношам] такой силы. Наконец Ирод уступил просьбам Антипатра, так что последний сам решил жениться на дочери Аристобула, а его сын на дочери Ферора. Таким образом, состоявшиеся помолвки были, благодаря уступчивости царя, отменены.

3. У царя Ирода в это время было девять жен: мать Антипатра¹⁰⁵⁸, дочь первосвященника, которая родила ему сына его же имени (Ирода), дочь его брата и дочь его сестры, у которых обеих, впрочем, не было детей. В числе его жен находилась также одна самарянка¹⁰⁵⁹, от которой он имел двух сыновей, Антипу и Архелая, и дочь Олимпиаду, которую впоследствии взял в жены Иосиф, племянник царя. Архелай и Антипа воспитывались у одного частного лица в Риме. Кроме того, женой Ирода была также иерусалимская гражданка Клеопатра, от которой у него были сыновья Ирод и Филипп, также воспитывавшиеся в Риме. Другая жена его была некая Паллада, родившая ему сына Фазаеля. Помимо этих жен он жил еще с Федрой и Эльпидой, родившими ему двух дочерей, Роксану и Саломею. Что касается старших дочерей Ирода от Мариаммы, от брака с которыми отказался Ферор, то одну

из них царь выдал замуж за племянника своего Антипатра, а другую за племянника своего Фазаеля¹⁰⁶⁰.

Вот из кого состояла семья Ирода.

Глава 2

1. Желая обезопасить себя относительно трахонцев, царь решил в центре их страны основать иудейское поселение, по размерам своим не уступавшее городу. Этим он желал не только оградить свою собственную страну, но и иметь пункт, откуда он мог бы быстро нападать на врагов своих. Узнав, что некий вавилонский еврей перешел через Евфрат во главе пятисот вооруженных луками всадников и около ста родственников и поселился наудачу в сирийском городе Антиохии Эпидафне, причем тогдашний претор Сатурнин предоставил ему для поселения местность Валафу, Ирод послал за ним и за его отрядом и обещал отдать ему область в топархии Батане, граничащей с Трахонеей, желая тем самым создать оплот лично для себя. Вместе с тем он объявил эту область свободной от всех налогов и обычных повинностей и предоставил ее ему в безвозмездное пользование.

2. Привлеченный этими обещаниями, вавилонянин прибыл к [царю], принял от него землю и настроил в ней крепости, а также поселение, которому дал имя Бафиры. Этот человек стал действительно оплотом как туземцам, так и иудеям, являвшимся из Вавилона в Иерусалим для жертвоприношений, и ограждал их от разбоев трахонцев. Поэтому многие, которым были дороги иудейские установления, со всех сторон стекались к нему. Таким образом, эта страна [быстро] заселилась, тем более, что при полной безопасности она была еще свободна от налогов. Это продолжалось все время, пока Ирод был жив. Когда власть перешла после него к Филиппу, последний короткое время взимал незначительные подати. Однако Агриппа Великий и сын его Агриппа¹⁰⁶¹ в значительной степени повысосали соки из населения этой области, причем, впрочем, не желали лишать его свободы. Римляне, к которым перешла власть после них, оставили за населением его прежнюю свободу, но сильно притесняли его повышением налогов.

Впрочем, о том я еще поговорю в своем месте, когда пойдет речь об этом.

3. Когда скончался вавилонянин Замарис, который оказал Ироду такую услугу сохранением за ним указанной области, всю жизнь свою отличался доблестью и оставил после себя доблестных сыновей, один из них, Иоаким, выдававшийся своей храбростью, приучил своих вавилонян к конским ристаниям, так что отряд из этих лиц служил телохранителями указанным царям. Когда Иоаким в преклонных летах умер, он оставил после себя

доблестного и отважного сына Филиппа, который мог быть во всех отношениях сопоставлен с крупнейшими героями. Поэтому-то царь Агриппа соблюдал верную с ним дружбу и питал непреклонное к нему благоволение. Какое бы крупное войско царь ни содержал, этот Филипп постоянно должен был заведовать обучением его, и всегда, во всех походах, на его долю выпадала обязанность предводительствовать этой ратью.

4. Но возвращаюсь к Ироду. Все дела при нем были поручены Антипатру. Ирод не стеснял его решительно ни в чем, так как Антипатр окончательно сумел овладеть расположением и доверием отца. Полагаясь на последнего, Антипатр стал серьезно помышлять о том, как бы еще расширить свою власть, тем более, что отец чувствовал себя совершенно безопасным со стороны его. Между тем Антипатр внушал всем страх не столько своим могуществом, сколько гнусностью своих интриг.

Впрочем, Ферор особенно льстил ему, равно как тот, в свою очередь, отвечал ему в высокой степени тем же, причем, однако, Антипатр, склонив на свою сторону всю женскую половину двора, завлек его в искусно расставленные сети. Дело в том, что Ферор находился в полном подчинении у своей жены, тещи и свояченицы, несмотря на всю ненависть к последним вследствие оскорбительного их поведения относительно его незамужних дочерей. Тем не менее он подчинялся им и не мог ничего предпринять помимо этих женщин, которые совершенно обставили его и окончательно между собой спелись. Таким же точно образом и Антипатр повиновался им, как по собственному своему желанию, так и в угоду своей матери: эти четыре женщины были вполне солидарны между собой. Впрочем, раз между Ферором и Антипатром возникла размолвка из-за пустяков. Повод к этому подала сестра царя, которая давно поняла положение дел. Видя, что эта солидарность всех их направлена во вред Ироду, она не задумалась сообщить последнему обо всем. Понимая, что их дружба неприятна царю, они решили с виду более не сходиться друг с другом, но выказывать взаимную ненависть и хулить друг друга, особенно в присутствии самого Ирода или кого-либо из лиц, могущих донести ему об этом, втайне же еще теснее сплотиться между собой. Так они и поступили. Однако от Саломеи не осталась скрытой с самого начала ни их солидарность, ни значение их дальнейшего поведения. Она не дала ввести себя в заблуждение, но выводывала все и сообщала об этом с крупными преувеличениями брату, рассказывая ему об их тайных собраниях и пиршествах, а также об их сокровенных планах. Если бы последние не преследовали гибели царя, то ничто, по ее мнению, не препятствовало бы действовать им открыто. Теперь же они, будучи на глазах

у всех, враждуют между собой и всячески стараются якобы повредить друг другу, когда же они вдали от народа, они, как лучшие друзья, стараются во всем быть солидарными между собой и соглашаются относительно [совместной] борьбы с теми, от которых столь старательно скрывают свою дружбу. Все это она разузнавала и при случае в точности доносила брату, который и сам уже понимал положение, но не решался принять крутые меры на основании почти голословных обвинений сестры. Дело в том, что среди иудеев существовала партия, которая кичилась своим точным соблюдением предписаний закона и имела притязание на особое благоволение Всевышнего. В полном подчинении у этой секты были женщины. Партия эта именуется фарисеями. Они могли в сильной степени оказывать противодействие царям, будучи в одинаковой мере хитры и готовы открыто воевать с ними и подрывать их авторитет. Когда все иудеи клятвенно подтвердили свою верность Цезарю и повиновение постановлениям царя, эти лица в числе более шести тысяч человек отказались от присяги. Когда царь приговорил их за это к уплате денежного штрафа, жена Ферора внесла за них требуемую сумму. В ответ на эту ее любезность они предсказали ей (все верили, что Господь Бог даровал им предвидение будущего), что по решению Предвечного власть будет отнята у Ирода и его потомства и что царство перейдет к ней и ее детям от Ферора. Это не осталось скрытым от Саломеи и было объявлено царю с присовокуплением того, будто некоторые из придворных уже подкуплены. Тогда царь распорядился казнить наиболее виновных фарисеев, а также своего внука Багою, равно как одного из наиболее красивых в то время прислужников своих, некоего Кара. Вместе с тем он распорядился предать казни также всех тех своих близких, которые поверили предсказанию и речам фарисеев. Они подействовали на тщеславие Багои, предсказав ему, что он еще будет носить имя отца и благодетеля ими объявленного будущего царя. Они говорили, что он со временем будет держать всех в своих руках, потому что к нему вернется способность вступить в брак и иметь законных детей.

Глава 3

1. Наказав таким образом изобличенных фарисеев, Ирод собрал синедрион из своих друзей, обвинил жену Ферора в дерзких оскорблениях, нанесенных ею его племянницам, и объявил, что он сам чувствует себя обесчещенным ею: она-де сеет раздор и распрю между ним и его братом, по силе возможности, словом и делом, она виновна в том, что фарисеям удалось увернуться от наложенного на них денежного штрафа, и она виновница всего

того, что теперь происходит. «Итак, Ферор,— сказал он,— если ты, не настаивая на моих на этот счет объяснениях, сам по личной инициативе расстанешься с этой женщиной, которая только подает повод к распрям между нами, и если теперь же решишь отпустить ее, дорожа родственным ко мне чувством, то только таким образом ты останешься мне братом, и ничто не нарушит наших отличных отношений».

Однако Ферор, правда, сильно потрясенный этими прекрасными словами, сказал, что он не считает возможным ни отказаться от родственных чувств к брату, ни же отречься от любви к жене своей, но охотнее бы умер, чем лишился любимой жены. Несмотря на тяжкое оскорбление, заключавшееся для царя в этих словах, Ирод, однако, пока подавил в себе гнев против Ферора, но запретил Антипатру и его матери общаться с Ферором, а также советовал удерживать от этого остальных женщин. Те обещали это, но при случае Ферор и Антипатр продолжали видеться и даже пировать вместе. В то же время поговаривали также о том, будто жена Ферора находится в близких отношениях с Антипатром, причем посредницей служит мать Антипатра.

2. Побавиваясь, однако, отца и опасаясь, как бы далее не навлечь на себя еще больше неудовольствия с его стороны, Антипатр написал своим римским друзьям, чтобы они посоветовали Ироду отправить его как можно скорее к императору. На основании этого Ирод послал Антипатра [в Рим], дав ему с собой ценнейшие подарки и завещание, в котором назначал после своей смерти Антипатра своим преемником или, в случае, если бы он умер раньше его, своего сына Ирода, который был у него от дочери первосвященника. Одновременно с Антипатром и араб Силлай приехал [в Рим]; впрочем, он не сделал ничего из того, что повелел ему Цезарь. Поэтому Антипатр стал обвинять его перед императором в тех же преступлениях, в каких обвинял его раньше Николай. Вместе с тем и Арета выступил с жалобой на Силлая, так как последний распорядился против его воли казнить многих выдающихся лиц, в том числе Соема, человека, заслуживающего во всех отношениях глубокого уважения, а также императорского слугу Фабата. Поводом к последнему обвинению, возбужденному против Силлая, послужило следующее обстоятельство: у Ирода был в качестве особенно доверенного телохранителя некий Коринфий. Силлай уговаривал его крупной суммой денег умертвить Ирода, и тот согласился. Об этом узнал Фабат от самого Силлая и сообщил о том царю. Последний велел схватить и пытать Коринфия и в конце концов добился от него полного признания. На основании оговора Коринфия он распорядился также арестовать двух других арабов; один из них был начальником племени, другой другом Силлая. Эти

люди, которых царь также подверг пытке, сознались, что они явились с тем, чтобы ободрить Коринфия в его намерении и оказать ему, в случае необходимости, поддержку в деле убиения Ирода. После того как Ирод донес обо всем том Сатурнину, этот распорядился отправить их в Рим.

3. Так как Ферор не изменял любви своей к жене, то Ирод приказал ему удалиться в свою тетрархию. Ферор с удовольствием повиновался этому повелению и дал священную клятву в том, что возвратится не раньше, чем узнает о смерти Ирода. В силу этой клятвы он не повиновался царю даже тогда, когда Ирод перед смертью просил его к себе, чтобы оставить ему кое-какие распоряжения. Однако Ирод не поступил по его примеру, но сам без приглашения явился впоследствии к Ферору, когда тот заболел. Когда же Ферор умер, он торжественно перевез его тело в Иерусалим и похоронил его там, назначив продолжительный траур по нему. Это обстоятельство стало для Антипатра, несмотря на его отплытие в Рим, причиной бедствий, и Господь Бог наказал его теперь за братоубийство. Я в подробностях расскажу всю его историю, которая может служить примером того, насколько во всем главную роль играет добродетель.

Глава 4

1. После смерти и погребения Ферора к Ироду явились два особенно чтимых Ферором вольноотпущенника его и просили не оставлять так смерти брата, но подвергнуть расследованию его неожиданную и грустную кончину. Ирод внимательно отнесся к этим речам, которые вызвали в нем доверие, и вольноотпущенники заявили, что Ферор накануне заболевания обедал у своей жены и что он умер оттого, что был там отравлен ядом, всыпанным в дотолу неизвестное ему блюдо. Этот яд был привезен какой-то арабской женщиной и должен был якобы служить любовным зельем (откуда он носит и название свое), но на самом деле был предназначен для отравления Ферора. Как известно, все арабские женщины искусны в составлении ядов. Та же женщина, которую они теперь обвиняют, сама созналась, что была особенно дружна с одной из приятельниц Силлая. Вместе с тем они утверждали, что для покупки яда к ней отправились также теща Ферора и его свояченица, которые накануне указанного обеда и возвратились в обществе той аравитянки. Разгневанный этими сообщениями, Ирод приказал подвергнуть пытке прислужниц указанных женщин, а также нескольких свободнорожденных женщин, но вследствие их упорного молчания дело оставалось темным, пока наконец одна из рабынь, терзаемая пыткой, не сказала только того, что просит Предвечного уготовить такие же мучения

Антипатровой матери, которая одна является виновницей всех их страданий. Все это раскрыло глаза Ироду, и в конце концов он с помощью пыток выведal от женщин все о пиршествах и тайных сходках, о том, что Антипатр передавал Ферору самые тайные вещи, сообщенные ему под секретом (а между тем Антипатр получил от отца подарок в сто талантов в награду за обещание ничего не сообщать Ферору), о ненависти Антипатра к отцу и о его постоянных жалобах своей матери на живучесть Ирода, тогда как к самому Антипатру уже приближается старость, так что, если он когда-либо добьется власти, последняя навряд ли порадует его; о том, что многие из его братьев и их сыновей воспитываются как будущие правители и тем самым безусловно лишают его твердой уверенности в получении власти. Уже теперь, говорил Антипатр, в случае какого-нибудь несчастья, преемником на престоле объявлен его брат, а не сын его. Вместе с тем Антипатр обвинял царя в крайней жестокости, выразившейся, между прочим, в умерщвлении сыновей. При этом он говорил, что, опасаясь подобной же участи, он сам придумал свою поездку в Рим, а Ферор по той же причине удалился в тетрархию.

2. Все это совпадало с доносами сестры царя [Саломеи] и заставляло более не сомневаться в искренности показаний женщин. В отместку за гнусность Антипатра Ирод отнял у его матери Дориды все ее драгоценности стоимостью на много талантов и изгнал ее из страны, с женщинами же Ферора он вступил опять в дружеские отношения. Особенно возбуждал гнев царя против его сына самарянин Антипатр, управляющий делами царского сына Антипатра.

Между прочим, этот самарянин сообщил под пыткой, что Антипатр приготовил яд и вручил его Ферору с советом всыпать его отцу во время его (Антипатра) отсутствия, чтобы тем менее навлечь подозрение именно на него. Этот яд привез из Египта Антифил, один из друзей Антипатра; затем яд этот был послан Ферору через Феодиона, дядю Антипатра со стороны матери; таким-то образом яд попал в руки жены Ферора, которой последний передал его на сохранение. При допросе со стороны царя та созналась во всем и, побежав якобы для того, чтобы принести яд, бросилась с крыши дома; однако она не убилаь насмерть, потому что упала на ноги. Приведя ее затем в чувство, царь обещал ей и ее родным полную безопасность, если только она скажет всю правду, тогда как пригрозил ей ужаснейшими мучениями, если она вздумает скрывать что-либо. Тогда она клятвенно обещала рассказать все по правде и действительно, по мнению многих, рассказала эту правду следующим образом: «Яд был привезен из Египта Антифилом, которому дал его брат врач. Затем этот яд доставил нам

Феодион, и я спрятала его, получив его от Ферора, которому вручил его для тебя Антипатр; когда же Ферор заболел и ты, прибыв к нему, отнесся к нему столь ласково, он увидел твое к нему расположение и переменял свое первоначальное намерение. Призвав меня, он сказал: «Жена, Антипатр соблазнил меня и подговорил меня к умерщвлению своего отца, моего брата, задумав адское дело и дав мне яд для совершения его. Теперь же, когда брат мой ясно доказал неизменность своих прежних чувств ко мне, а сам я собираюсь покончить все свои счета с жизнью, я не желаю осквернять памяти своих предков, соглашаясь на братоубийство. Принеси поэтому яд и сожги его на моих глазах».

Затем она сказала, что принесла яд и поступила совершенно сообразно повелению своего мужа, сжегши большую часть яда и оставив лишь ничтожную долю его, чтобы, после смерти Ферора, в случае притеснений со стороны царя, самой принять отраву и тем покончить с собой и своими бедствиями. Сказав это, она представила флакон с ядом. Второй брат Антифила и его мать подтвердили все это под пыткой и признали флакон за настоящий. Вместе с тем подверглась обвинению также и жена царя, дочь первосвященника, в том, что она, зная обо всем, захотела скрыть все. В силу этого Ирод прогнал ее с сыном и вычеркнул его из своего завещания, где он первоначально фигурировал в качестве претендента на царский престол. Тестя своего Симона, сына Боэта, он лишил первосвященнического сана и назначил на его место иерусалимца Матфия, сына Феофила.

3. В это время прибыл из Рима в Бафилл вольноотпущенник Антипатра. Будучи допрошен под пыткой, он показал, что привез яд для вручения его матери Антипатра и Ферору с тем, чтобы, в случае неудачи первой попытки отравления царя, теперь можно бы по намерению избавиться от Ирода. Вместе с тем Ирод получил также письма от своих римских друзей, которые извещали его, что по наущению Антипатра обвиняются Архелай и Филипп¹⁰⁶² в том, что они будто бы ненавидят отца за убиение Аристубула и Александра и начинают уже жалеть о своей собственной судьбе, причем будто бы высказывают предположение, что отец зовет их назад с исключительной целью и их также загубить. Этой клеветы приверженцы Антипатра добились ценой крупных денежных сумм. Вместе с этим и сам Антипатр писал о братьях отцу, приводя все возводимые на них тяжкие обвинения, но при этом прося совершенно простить юношей, ссылаясь на их возраст и объясняя этим их невоздержанные речи. Сам он в то время продолжал свою борьбу с Силлаем и ухаживал за влиятельными лицами, приобретая с этой целью всяких дорогих подарков на сумму до двухсот

талантов. Станным является во всяком случае то обстоятельство, что он сам ничего не узнал из того, что готовилось против него в течение последних семи месяцев. Причиной тому были надзор и охрана путей и общая ненависть всех к Антипатру: не было никого, кто бы подверг себя опасности ради доставления Антипатру сведений, касавшихся его спокойствия.

Глава 5

1. Когда Антипатр написал отцу, что вскоре окончит все свои дела как следует и затем приедет, Ирод скрыл свой гнев и ответил ему, чтобы он не замешкался в пути, дабы с ним (Иродом) не произошло чего-либо во время его отсутствия; вместе с тем он коснулся слегка и обвинений, возведенных на его мать, но обещал покончить все дело миром, лишь только Антипатр приедет. Ирод пустил здесь в ход всю свою любезность, боясь, как бы сын его не заподозрил чего-либо и не только не отложил бы своего путешествия, но и, оставаясь в Риме, не стал бы интриговать против царской его власти и не добился бы в этом отношении чего-нибудь существенного. Антипатр получил это письмо в Киликии, после того как ему уже успели сообщить в Таренте о смерти Ферора. Последнее известие сильно смутило его, впрочем, не потому, чтобы он был столь сильно расположен к Ферору, но оттого, что Ферор умер, не отравив, сообразно обещанию своему, Ирода. Прибыв в киликийский город Келендерис, он уже стал колебаться, следует ли ему вообще возвращаться домой: очень уж его огорчало изгнание матери. При этом одни из друзей его советовали ему где-нибудь обождать исхода дела, другие же настаивали на необходимости его возвращения домой, говоря, что он своим появлением прекратит все обвинения, подобно тому, как и теперь обвинители его только потому так сильны, что он отсутствовал. Антипатр внял совету последних и поехал в гавань Себасту, которую дорогой ценой соорудил Ирод и которую назвал в честь Цезаря Себастою¹⁰⁶³. Тут Антипатр уже явно мог догадаться о грозящей ему беде, потому что никто не встретил и не приветствовал его, тогда как при его отплытии народ провожал его благословениями и пожеланиями всего лучшего. Теперь то же население не задумалось встретить его самыми враждебными проклятиями, видя, что ему приходится поплатиться за смерть братьев.

2. В это самое время в Иерусалиме находился преемник сирийского наместника Сатурнина, Вар Квинтилий¹⁰⁶⁴. Ирод послал за ним, прося его выступить советчиком в данном деле. Пока они совещались между собой, прибыл Антипатр, который был совершенно не осведомлен о случившемся. Он, еще облаченный в порфиру, вошел во дворец. Привратники впустили его,

но запретили доступ его друзьям. Теперь он сильно испугался, отлично поняв, в какое попал положение; особенно же поразило его, что, когда он приблизился к отцу, чтобы обнять его, царь оттолкнул его от себя, стал упрекать его в братоубийстве и в злоумышлении против его собственной жизни и сказал, что на следующий день Вар все разберет и рассудит. Лишь только Антипатр узнал о таком постигшем его бедствии, как удалился удрученный этим горем. Тут ему встретились его мать и жена (дочь Антигона, предшественника Ирода на иудейском престоле). Узнав от них все подробности, он занялся приготовлениями к своей защите.

3. На следующий день Вар и Ирод собрались на заседание, куда были призваны также приверженцы обеих партий, родственники царя и его сестра Саломея, равно как все те, которые могли дать какие бы то ни было показания, те, которые подверглись пыткам, и схваченные незадолго до его приезда рабы матери Антипатра. Последние представили также письмо, содержание которого главным образом сводилось к тому, чтобы Антипатр не возвращался, так как царь осведомлен обо всем, и что единственным теперь для него заступником является император, где он может рассчитывать не попасться в руки отцу. Антипатр бросился перед отцом на колени и стал умолять его не произносить приговора, не расследовав дела, но выслушать его, потому что он имеет возможность оправдаться. Однако Ирод приказал вывести Антипатра в середину зала и затем стал громко жаловаться на то, что у него такие дети, от которых он уже столько страдал раньше, теперь ему на старости лет пришлось убедиться в столь ужасной гнусности Антипатра; при этом Ирод упомянул о том, как он постоянно заботился о воспитании и образовании своих детей, не жалея для этого ничего и всегда предоставляя для удовлетворения всех их желаний крупные денежные суммы. За это, говорил он, воздаянием теперь служит то, что они коварно старались загубить его жизнь и преступно домогаются царства, во всяком случае раньше, чем это дозволяется законом, желанием отца и чувством справедливости. Он удивляется Антипатру и тому, в расчете на что тот решился на столь отчаянный шаг. Ведь он документально уже назначен его преемником на престол и при жизни царя ни в чем не уступал ему, ни во внешнем блеске, ни в фактическом могуществе; ведь Ирод предоставил ему ежегодную ренту в пятьдесят талантов и дал ему на дорогу в Рим триста талантов. Вместе с тем он напомнил ему, что он теперь вполне уподобился своим братьям, если они действительно виновны в том, в чем он их осуждал; что если же они не виновны, то он напрасно взвалил на них вину и обвинил в тяжком преступлении [столь близких] родственников. Ведь все то, что

постановил относительно их он сам, он постановил исключительно на основании донесений и сообщений его (Антипатра). Теперь братья считаются вполне оправданными, так как он сам навлек на себя подозрение в покушении на отцеубийство.

4. При этих словах Ирод разразился слезами и не был в состоянии говорить дальше. По просьбе царя заступить его место Николай Дамасский, который был дружен с Иродом, долго жил при нем и знал все дела его, стал приводить затем все доводы за и против Антипатра. Антипатр обратился с защитительной речью к отцу своему и стал указывать на множество примеров своей ему преданности, равно как на те почести, которых он за это удостоился и которые не имели бы места, если бы он не доказал ему своей полнейшей верности. «Везде,— говорил он,— где представлялась необходимость в особой заботливости, я прилагал все старания, чтобы предусмотреть все, если требовалось личное вмешательство, я все брал лично на себя». Поэтому, продолжал он, нисколько не основательно предполагать, что он, который столько раз ограждал отца своего от гнусных интриг, теперь сам является злоумышленником и заменяет явную, засвидетельствованную ему преданность гнусностью такого намерения. Ведь он уже давно провозглашен преемником отца своего, и никто не оспаривал у него в будущем тех почестей, которые воздаются ему уже теперь; нисколько не вероятно, чтобы человек, невозбранно и заслуженно владеющий половиной чего-либо, стал с риском и опасностью для себя домогаться целого, причем остается вполне невыясненным, насколько ему удастся достигнуть своей цели. Неужели он предпринял бы нечто такое, он, который был свидетелем казни своих братьев, он, который выступил доносчиком и обвинителем, когда дело могло оставаться скрытым, и исполнителем самого приговора, когда гнусное их намерение относительно отца выяснилось целиком. Все эти поступки его служат поэтому доказательством того, насколько благожелательно он, Антипатр, всегда поступал относительно отца своего. Касательно его поступков в Риме он ссылается на свидетельство императора, которого столь же трудно обмануть, как самого Господа Бога. Все это могут подтвердить письма императора, причем нехорошо, что больше веры, чем им, приписывается тем, которые клеветой стараются посеять смуту; большинство этих лиц воспользовалось для проявления своей враждебности досугом, явившимся у них вследствие его отъезда, и они ничего не смогли бы сделать, если бы он не уехал. После этого Антипатр стал проклинать пытки, говоря, что они приводят лишь ко лжи, потому что по самой природе вещей

пытаемые говорят в своих мучениях все, что угодно палачам; впрочем, он сам предложил подвергнуть его пытке.

5. После этого в судилище произошло движение. Все очень жалели Антипатра, который обливался слезами и жестоко царапал себе лицо; даже во врагах его явилось чувство жалости, и видно было, что и Ирод поколеблен, хотя не желал показать это. Тем временем, однако, Николай стал дальше и подробнее развивать мысль, высказанную вначале царем, привел доказательства виновности обвиняемого на основании признаний под пыткой и сообщений прочих свидетелей, особенно же он остановился на явном мягкосердечии царя, который не щадил никогда ничего для воспитания и образования своих сыновей и теперь попадает из одного тяжелого положения в другое. Правда, говорил он, его не столько изумляет дерзость тех братьев, потому что они были слишком юны и подпали влиянию гнусных людей, советовавших им поправить все законы природы и поспешить овладеть могуществом раньше, чем следовало. Но зато его, естественно, крайне поражает гнусность Антипатра, который не только остался безучастен к величайшим благодеяниям, оказанным ему отцом (подобно самым ядовитым змеям, хотя и в последних замечается стремление не жалить своих благодетелей), но и в своей жестокости не принял во внимание ужасную судьбу, постигшую его братьев, сам вел следствие над ними и сам настаивал на приведении в исполнение приговора над изобличенными: «Мы, однако, не укоряем теперь тебя в том, что ты не сдержал своего гнева на них, но мы поражены тем, что ты поспешил уподобиться им по преступности. Мы убеждаемся, что все твои начинания в этом смысле вовсе не были направлены к тому, чтобы оградить отца, но преследовали лишь гибель братьев, дабы своей ненавистью к ним ты мог более уверить всех в своей сыновней преданности и тем получить возможность вернее погубить его самого. Все это ты подтвердил своими поступками.

Ты умертвил своих братьев, доказав их виновность, но не выдал их единомышленников. Этим ты всем доказал, что ты накануне обвинения вошел с ними в сделку, направленную против твоего отца, желая один воспользоваться плодами отцеубийства и из обоих преступлений извлечь удовольствие, вполне достойное твоего характера. Впрочем, явно перед всеми ты выступил в роли преследователя своих братьев, за что тебя все, как и следовало, превозносили высоко. Если же это было не так, то ты являешься еще большим негодяем, так как ты втайне ковал козни против отца своего, не схватив братьев как злоумышленников против него (сам ты не задумался перед таким же преступлением), но ненавидя их, как приемников власти, на

которую они имели больше прав, чем ты. Кроме того, ты желал после братьев умертвить также и отца своего, чтобы не рискнуть быть изобличенным в ложном обвинении их. Ту смерть, которую ты теперь сам заслужил, ты уготовил несчастному отцу своему, задумав не обыкновенное отцеубийство, но такое, какого до сих пор не знала история.

Ты злоумыслил не только как сын против отца, но поднял руку на своего друга и благодетеля, которому ты помогал в государственных делах и преемником которого ты был объявлен, причем тебе не было возбранено теперь уже пользоваться всеми благами власти; напротив, желания отца твоего и его письменное постановление гарантировали тебе исполнение всех твоих надежд. Между тем ты не имел в этом деле в виду расположение Ирода, но решил все это по своему личному усмотрению и своей гнусности, желая отнять у отца, который во всем слепо доверял тебе, его часть, причем, однако, ты на словах выставлял себя его спасителем. На самом же деле ты искал случая умертвить его и не только довольствовался при этом своей личной испорченностью, но втянул в интриги также и мать свою, посеял смуту в семье относительно своих братьев и даже осмелился называть отца своего разъяренным зверем. Этим ты выказал злобу, которая сильнее злобы всякой змеи. Ведь ты напустил своего яду в душу ближайших родных и благодетелей своих. Ты втянул в свое дело телохранителей и впутал в свои интриги против старца мужчин и женщин, как будто тебе не было довольно удовлетвориться чувством своей личной ненависти. И теперь, после того, как ради тебя подверглись пыткам свободнорожденные и рабы, и после того, как мужчины и женщины сознались в существовании заговора, ты явился сюда и спешишь не только отрицать истину, утверждая, что ты вовсе не задумывал умерщвления отца своего, но и восстаешь против принятого относительно тебя решения, против добропорядочности Вара и против всякой справедливости! И вот ты настолько уверен в своем собственном бесстыдстве, что выражаешь сам готовность подвергнуться пытке, чтобы все, преданные отцу твоему, оказались лжецами, а твоим заявлениям под пыткой была предана вера. Конечно, ты, Вар, не станешь ограждать царя против дерзких поплзновений его родных, ты не умертвишь того гнусного животного, которое притворяется преданным отцу своему для того лишь, чтобы добиться гибели своих братьев и затем поскорее овладеть самолично престолом, причем оно выказывает всю свою смертельную ненависть к нему. Ведь ты знаешь, что отцеубийство является одинаковым преступлением как против природы, так и против всех жизненных условий, причем исполнение

его нисколько не отличается от самого замышления его. Тот, кто за это не наказывает, сам совершает преступление против природы».

6. К этому [оратор] присоединил еще целый ряд обвинений против матери Антипатра, указал на то, сколь много она по женскому легкомыслию болтала, упомянул о ее заговорах и жертвоприношениях, предпринятых с целью повлиять на царя, рассказал, как разнузданно и цинично держал себя Антипатр с женами Ферора, и остановился на данных, добытых пыткой и свидетельскими показаниями. Он заранее заготовил много различных пунктов обвинения и ловко пользовался в этих видах также случайно раскрывавшимися теперь фактами. Все те люди, которые раньше, боясь мщения Антипатра в случае его оправдания, умалчивали о многом, теперь открыто выдали его врагам и не скрывали более своей к нему ненависти, потому что видели, насколько он подавлен всеми обвинениями и насколько изменяет ему его обычное счастье. Все это ускорило обвинительный над ним приговор, и притом не столько в силу нерасположения к нему обвинителей, сколько вследствие чудовищной его дерзости, вследствие его ненависти к отцу и братьям, так как он преисполнил дом свой смутой и убийствами и всегда относился ко всем либо с ненавистью, либо дружелюбно не по заслугам, но по степени возможной пользы, которую могли ему впоследствии оказать. Большинство этих людей уже давно ясно видели все это, именно те из них, которые обладали критическим чутьем и могли нелицеприятно судить о фактах; но прежде они не решались громко объявлять о том, теперь же, когда им нечего было бояться, они выложили решительно все, что знали. И вот тогда-то посыпались всевозможные разоблачения, причем их нельзя было оспаривать ни ссылкой на то, будто большинство своими показаниями заискивает у Ирода, ни тем, что они умалчивают о чем-либо в видах личной безопасности. Все это люди высказывали потому, что действительно считали поведение Антипатра гнусным и побуждались к тому не ограждением безопасности Ирода, но были убеждены в необходимости наказания Антипатра. Многие выступили со своими разоблачениями даже без приглашения, так что Антипатр, несмотря на свое умение отрицать все и не краснеть, не имел возможности раскрыть рот для возражения. Когда Николай закончил обвинительную речь свою. Вар предложил Антипатру приступить к опровержению обвинений, если у него имеются доказательства невиновности. При этом Вар указал как на свое желание, так и, как ему известно, на желание отца его, чтобы Антипатр вышел из суда оправданным. Тогда Антипатр, вместо того чтобы предъявить непреложные доказательства своей невиновности в заговоре

против отца, бросился наземь и стал взывать к Господу Богу и ко всем, прося их засвидетельствовать его невинность. Таков уже прием всех непорядочных людей: когда они задумывают какую-либо гнусность, то забывают совершенно о Боге и приступают к своему делу по личному усмотрению; когда же их накрывают и они подвергаются опасности поплатиться за свои деяния, они всегда прибегают к Предвечному, прося его засвидетельствовать их невинность. Так было и с Антипатром. Сперва он решился на все, как будто бы Бога не существовало вовсе; когда же ему был отрезан всякий путь к самооправданию и не на что было опереться, чтобы опровергнуть возведенные обвинения, он положился на милость Божию, прося Его свидетельствовать за него и явить чудо для его спасения. При этом он не переставал выставлять перед отцом на вид все свои заслуги.

7. После того как Вар несколько раз обращался к Антипатру, но не добился от него ничего, кроме взывания к Всевышнему, он, видя неуспешность своей попытки, приказал принести яд, чтобы убедиться в его действенности. Когда яд был принесен, то, по требованию Вара, его должен был выпить осужденный на казнь преступник. Он немедленно пал мертвым. После этого Вар поднялся с места и распустил собрание. На следующий день он поехал в Антиохию, где, как в столице Сирии, чаще всего и пребывал.

Ирод распорядился немедленно заключить сына в оковы. Впрочем, никто не узнал, в каких отношениях были Вар и Ирод и что сказал последнему Вар перед своим отъездом. Однако большинству казалось, что все предпринятое впоследствии Иродом относительно Антипатра было сделано им с одобрения Вара.

Посадив Антипатра в темницу, царь послал донесение об этом деле императору в Рим и поручил лицам, везшим это письмо, устно сообщить Цезарю о гнусности Антипатра. В эти же дни было перехвачено также и письмо Антифила к Антипатру (первый находился тогда в Египте), и когда царь распечатал его, то прочитал следующее: «С опасностью для своей собственной жизни я посылаю тебе письмо Акмы¹⁰⁶⁵. Тебе известно, что, если это узнают, я подвергнусь опасности с двух сторон. Желая тебе, впрочем, успеха в своем деле».

Таково было содержание письма. Царь же стал искать второе письмо, которого нигде нельзя было найти. Раб Антифила, доставивший это послание, говорил, что не получал другого. Царь был в большом смущении. Тогда кто-то из приближенных Ирода увидал шитую на хитоне¹⁰⁶⁶ раба складку (на нем было два платья) и подумал, не спрятано ли письмо внутри этой складки. Так оно и оказалось. Письмо было захвачено и оказалось

следующего содержания: «Акма – Антипатру. Я написала для твоего отца такое письмо, какое ты пожелал, и послала копию с него моей госпоже якобы от имени Саломеи; когда [Ирод] прочитает это письмо, он наверное накажет Саломею, как злоумышляющую против его жизни». Письмо это было якобы адресовано Саломеей на имя госпожи Акмы и было по заказу Антипатра составлено от имени Саломеи, причем Акма сама сочинила его по указаниям Антипатра. Содержание его было следующее: «Акма – царю Ироду. Задавшись целью сообщать тебе решительно о всех направленных против тебя начинаниях и найдя письмо Саломеи к моей госпоже, я с личной для себя опасностью, но имея в виду твою пользу, сняла с него копию и послала тебе ее. Это письмо Саломея писала еще тогда, когда собиралась выйти замуж за Силлая. Разорви письмо, чтобы моя жизнь не подвергалась опасности». Это было написано также Антипатру, дабы он знал, что по его желанию Акма известила Ирода, будто Саломея прилагает все усилия к тому, чтобы злоумышлять против царя, и что Акма послала ему копию с подложного письма Саломеи к ее госпоже. Акма была еврейка, находившаяся в услужении у императрицы Юлии¹⁰⁶⁷. Все это она сделала в угоду Антипатру, потому что была подкуплена им ценой крупной суммы денег для того, чтобы способствовать ему в его начинаниях, направленных против его отца и тетки.

8. Ирод расвирепел от неслыханной гнусности Антипатра и решил было немедленно казнить его как виновника такого преступления и злоумышленника, направившего все силы свои не только против него и его сестры, но и как человека, введшего смуту в семью Цезаря. К этому побуждала его также Саломея, которая била себя в грудь и предлагала казнить ее, если бы обнаружилось, что это обвинение правильно. Ирод послал за сыном и подверг его допросу, причем предложил ему без страха говорить все, что он может привести в свое оправдание. Когда же Антипатр молчал, царь просил его, так как все равно он по всем пунктам изобличен, по крайней мере не скрывать от него имен своих сообщников по преступлению.

Антипатр взвалил всю вину на Антифила, но больше не выдал никого. В гневе Ирод решил отправить сына к императору в Рим, чтобы он там дал ответ в своих страшных замыслах. Но затем он побоялся, как бы Антипатру не удалось при помощи друзей избежать угрожающей ему опасности, и потому по-прежнему велел держать его в темнице в оковах, сам же послал новых послов с письменным обвинением против сына, сообщил, в какой мере Акма является соучастницей в преступлениях Антипатра, и приложил к этому копии писем.

Глава 6

1. Посланные, получив инструкции о том, что говорить на вопрос [императора], и снабженные письмами, поехали в Рим. Царь же тем временем заболел и составил новое завещание, в котором, из ненависти к сыновьям Антипатра, Архелаю и Филиппу, за козни их отца, предоставлял престол младшему своему сыну¹⁰⁶⁸; кроме того, он оставлял императору тысячу, жене его Юлии, его детям, друзьям и вольноотпущенникам пятьсот талантов. Вместе с тем он назначил в завещании также сыновьям и внукам своим денежные суммы, ренты и земельные наделы. Сестру свою Саломею он наградил особенно щедро, ибо она всегда оставалась ему верна и никогда не решалась злоумышлять против него. Так как царь отчаивался в своем выздоровлении (ему было уже около семидесяти лет), то он стал особенно раздражителен против всех и легко сердился. Причиной такому раздражению его служило предположение, что все его презирают и народ радуется постигнутому его горю, тем более, что некоторые из более влиятельных в глазах народа лиц восстали против него по следующему поводу:

2. Иуда, сын Сарифея, и Матфий, сын Маргалофа¹⁰⁶⁹, считались самыми красноречивыми и наиболее опытными знатоками иудейских законов; эти люди пользовались большим расположением в глазах народа за то, что они воспитывали юношество (все, кто желали усовершенствоваться в добродетели, бывали у них ежедневно). Узнав, что теперешняя болезнь царя неизлечима, они побудили юношество уничтожить все начинания царя, противоречившие основным древним законам, и начать борьбу благочестия за эти законы. Благодаря дерзким нововведениям царя, говорили они, и противоречию этих нововведений основному закону его и постигли не только неслыханные для обыкновенного человека несчастья, но и сама болезнь его является последствием этого. Действительно, Ирод кое в чем нарушил закон, в чем его и могли упрекать последователи Иуды и Матфия. Так, например, царь воздвиг над главным фронтоном храма очень дорогой жертвенный дар в форме огромного золотого орла¹⁰⁷⁰. Между тем закон возбраняет своим последователям постановку статуй и вообще изображений живых существ. Учителя потребовали снятия этого орла, причем говорили, что если тут и есть опасность, то людям, которые собираются пожертвовать жизнью для спасения и сохранения родных обычаев, приходится значительно выше удовольствий жизни ценить свою доблесть, потому что они тем самым создадут себе вечную славу как теперь, так и впоследствии: их жизнь будет всегда вспоминаться с уважением. Ведь и тем, кто беспрепятственно и

спокойно живет теперь, придется неизбежно когда-либо умереть, и поэтому все, кто стремится к самоусовершенствованию, должны твердо решиться расстаться с жизнью со славой и почетом. Ведь великое успокоение заключается в том, что умираешь, совершая славные подвиги, связанные с опасностью, и в таком случае как сыновья умирающих, так и все родственники их, мужчины и женщины, делаются участниками их славы.

3. Такими речами Иуда и Матфий возбуждали молодежь; в это время до них донесся благоприятный им слух, будто царь скончался. Поэтому они в полдень отправились к храму, сорвали на глазах у множества бывшего в храме народа золотого орла и разрубили его на куски. Царский военачальник (которому немедленно сообщили об этом деле) посмотрел на это серьезнее, чем бы следовало, и явился во главе значительного отряда, достаточного для того, чтобы дать отпор черни, собиравшейся снять священное изображение. Он совершенно неожиданно напал на толпу; как это обыкновенно бывает, чернь решилась на свою решительную попытку скорее необдуманно, чем по здравом рассуждении, и потому пришла в замешательство и совершенно не знала, что ей делать. Поэтому военачальнику удалось захватить не менее сорока юношей, которые смело остались на месте, когда остальная толпа бежала, а также взять в плен Иуду и Матфия, считавших позорным бежать при его появлении; он представил их царю. Когда их привели и царь спросил их, почему они осмелились уничтожить им воздвигнутый жертвенный подарок, они отвечали: «То, что мы задумали, мы решили исполнить и исполнили все так, как подобает настоящим мужчинам. Мы желали оградить святилище, которое посвящено Господу Богу, тем более, что укрепило нас в нашем решении постоянное ознакомление с законом. Нет ничего удивительного в том, что мы выше оценили те законы, которые преподал нам Моисей и которые он по указанию Предвечного оставил нам записанными, чем твои постановления. Мы с удовольствием подвергнемся смерти и какому угодно наказанию с твоей стороны, потому что сознаем, что мы подвергнемся этому не за преступные деяния, но за любовь к истинному благочестию». То же самое сказали все они и доказали на словах такую же решимость, которая заставила их и действовать.

Тогда царь велел заковать их в оковы и послать в Иерихон, куда он созвал всех влиятельных иудеев. Когда последние съехались, царь пригласил их в амфитеатр. Там, лежа на постели и не будучи более в силах держаться на ногах, он принялся перечислять все свои заслуги перед ними, упомянул, с какими расходами он построил храм, чего не могли сделать в течение своего стадвадцатилетнего царствования Хасмонеи, и сказал, что он соорудил его во

славу Предвечному и украсил его драгоценными приношениями, память о которых, как он надеется, и слава которых останется за ним и после смерти. Затем он возвысил голос и начал кричать, что они еще при его жизни не стесняются оскорблять его, что днем на виду у всех нагло прикасаются к его жертвенным дарам и что, хотя как будто все это направлено против него лично, если присмотреться поближе, на деле тут совершенно простое святотатство.

4. Боясь, как бы Ирод в своей жестокости не рассвирепел на них и не сделал бы их ответственными за происшедшее, все присутствующие стали утверждать, что все это произошло помимо их ведома и что, по их мнению, этого дела нельзя оставить безнаказанным.

Ирод обошелся с ними вообще довольно мягко, но сместил с должности первосвященника Матфия, как отчасти виновника всего случившегося, и назначил первосвященником брата жены своей, Иозара. При этом же первосвященнике Матфии случилось, что на один день был назначен другой первосвященник, именно на один из дней постных. Произошло это дело таким образом: накануне постного дня Матфий видел во сне, будто бы он общается с женой. Так как он в силу этого лишился возможности отправлять свои священнические обязанности, то его заместил его родственник Иосиф, сын Эллима.

Итак, Ирод сместил первосвященника Матфия, а другого Матфия, который поднял бунт, вместе с несколькими товарищами велел сжечь живьем. В эту ночь произошло лунное затмение.

5. Между тем болезнь Ирода все ухудшалась, так как Господь Бог наказывал его за все его беззакония. То был медленный огонь, который был не столько заметен наружно, сколько свирепствовал у него внутри тела; к этому присоединялось еще страстное, непреодолимое желание оторвать у себя какой-нибудь член тела.

Его мучили также внутренние нарывы, особенно же страшные боли в желудке; ноги его были наполнены водянистой, прозрачной жидкостью. Такая же болезнь постигла и низ его живота; на гниющих частях появлялись черви; когда он хотел подняться, дыхание причиняло ему страшные страдания как вследствие зловония, так и вследствие затруднительности своей; всего его охватывали судороги, причем царь обнаруживал неестественную силу. Богобоязненные люди, которые по своим знаниям умели объяснять такие явления, говорили, что теперь Предвечный наказывает царя за его великие беззакония. Между тем больной, страдая более всякого другого, все еще надеялся на выздоровление, посылал за

врачами и не переставал в точности пользоваться всеми предписываемыми ими средствами. Переправившись через Иордан, он даже погрузился в горячие ключи Каллирои¹⁰⁷¹, которые вообще очень целебны и содержимое которых годно для питья. Вода этих ключей стекает в так называемое Асфальтовое (Мертвое) море. Тут врачам показалось, будто он поправляется; но когда царь сел в ванну, наполненную маслом, он чуть не умер на глазах их. Ирод пришел в себя лишь от громких криков слуг. Теперь он уже потерял всякую надежду на выздоровление и потому приказал выдать каждому солдату по пятидесяти драхм. Вместе с тем он распорядился выдать крупные награды военачальникам и друзьям своим. Затем он вернулся назад в Иерихон, и тут желчь так возбудила его против всех, что он перед самой смертью выдумал следующее страшное дело: когда, по его приказанию, явились отовсюду все наиболее влиятельные иудеи (это была страшная масса людей, потому что все повиновались предписанию, ибо ослушникам угрожала смертная казнь), царь, в одинаковой мере возбужденный как против невинных, так и против виновных, приказал всех их запереть в ипподроме. Затем он послал за своей сестрой Саломеей и ее мужем Алексой и сказал им, что он скоро умрет, так как его страдания неимоверны. Конечно, это вполне естественно и бывает со всеми, но его особенно огорчает, что он умрет и никто не станет оплакивать его и скорбеть о нем в такой мере, в какой это было бы прилично, так как он ведь царь.

Ему прекрасно известно настроение иудеев, и он знает, насколько желательна и приятна им смерть его, так как они еще при его жизни устроили бунт и нагло отнесли к его жертвенным дарам. Поэтому, говорил он, теперь их дело придумать для него какое-нибудь облегчение его страданий. Итак, если они (Саломея и ее муж) не откажутся помочь ему, то ему будут устроены такие пышные похороны, каких не удостоился еще никто из царей, и тогда весь народ обуяет искренняя скорбь, между тем как теперь народ этот издевается и смеется над ним. Поэтому, когда они (Саломея и ее муж) удостоверятся в его смерти, пусть они распорядятся окружить ипподром войсками, которым, однако, не следует пока сообщать о его кончине (это можно будет возвестить народу после исполнения его воли) и прикажут им перестрелять заключенных в ипподроме людей. Тем, что они таким образом умертвят всех, они окажут ему двойную услугу, во-первых, тем, что в точности исполнят выраженное им перед смертью желание, а во-вторых, тем, что в таком случае народ почтит его искренним горем. Ирод умолял их об этом со слезами на глазах, прося их сделать это из родственного чувства к

нему и из любви к Господу Богу. Так как он настаивал на том, чтобы они оказали ему эту честь, те обещали в точности исполнить его желание.

6. Если кто-либо вздумает объяснять прежние поступки этого человека относительно родных тем, что он совершил их из привязанности к жизни (и боязни умереть), то это его приказание является окончательно бесчеловечным, так как он, покидая жизнь, желал повергнуть весь народ в горе вследствие утраты самых дорогих ему лиц. Ведь он приказал умертвить из каждого дома по одному человеку, притом без того, чтобы эти лица совершили что-либо незаконное или обвинялись в каком-нибудь преступлении; все, кто ценит добродетель, обыкновенно в такие минуты забывают свою ненависть к действительным врагам своим¹⁰⁷².

Глава 7

1. Пока Ирод давал это поручение родственникам своим, было получено письмо от отправленных им к римскому императору послов. Сущность этого письма сводилась к тому, что Цезарь в гневе велел казнить Акму за ее участие в преступлениях Антипатра; последнего же он вполне отдавал в распоряжение Ирода, как отца и царя, и предоставлял царю право либо изгнать его из страны, либо казнить. Услышав это, Ирод немного оправился от своих страданий, потому что письмо доставило ему удовольствие; особенно же он был доволен казнью Акмы и предоставлением ему права по личному усмотрению распорядиться с Антипатром. Но так как вскоре страдания его опять возобновились со страшной силой, он в изнеможении захотел съесть чего-нибудь и потребовал себе яблока и ножа.

И раньше он обыкновенно сам срезал с яблок кожу и ел плод, нарезав его небольшими кусочками. Взяв нож и оглянувшись, он вдруг вздумал пронзить себя им. Он, наверное, привел бы это намерение в исполнение, если бы его не предупредил его двоюродный брат Ахиаб¹⁰⁷³, который схватил его за руку. Он громко закричал, и сейчас же по всему дворцу раздались крики и громкие стенания, как будто царь уже умер. Ввиду этого Антипатр, убежденный в смерти отца, воспрянул духом, рассчитывая теперь выйти на волю и немедленно захватить в свои руки царскую власть. Он тотчас вступил в переговоры с тюремщиком, обещая ему большую награду сейчас и впоследствии и указывая на то, что теперь наступил момент действовать решительно. Однако тюремщик не только не склонился на просьбы Антипатра, но и сообщил царю весьма красноречиво о его планах. Ирод, который и раньше не был расположен к сыну, услышав это сообщение тюремщика, громко возопил и стал биться головой об стену, несмотря на то,

что лежал уже при последнем издыхании. Затем он оперся на локоть и приказал послать нескольких копьеносцев, не откладывая умертвить Антипатра и похоронить его без всяких почестей в Гиркании.

Глава 8

1. Ирод изменил свое первоначальное решение и вновь переделал свое завещание. Антипе, которого он сперва назначил своим преемником на царском престоле, он отдал тетрархию в Галилее и Перее, Архелая он провозгласил своим преемником, а области Гавланитиду, Трахонею, Батанею и Панеаду оставил в виде тетрархии Филиппу, сыну Архелая, царского брата¹⁰⁷⁴. Ямнию, Азот, Фазаелиду он предоставил сестре своей Саломее, которая получила сверх того пятьсот тысяч серебряной монеты. Царь подумал также о всех остальных родственниках своих и, дав каждому из них денежные суммы и значительные ренты, сделал их всех богатыми людьми. Императору он завещал десять миллионов серебряников, кроме различной золотой и серебряной утвари и весьма драгоценной одежды, а жене его Юлии и некоторым другим лицам он оставил по пятьсот тысяч. Затем он умер, спустя пять дней после казни Антипатра, процарствовав тридцать четыре года после умерщвления Антигона и тридцать семь лет после провозглашения своего царем со стороны римлян. Это был человек, одинаково жестокий ко всем, необузданный в гневе, попиравший справедливость, но притом пользовавшийся большей удачей, чем кто-либо иной. (Ведь он, исходя из простого звания, добился царского сана и, несмотря на тысячи опасностей, всегда ускользал от них, сумев при этом дожить до преклонного возраста¹⁰⁷⁵.) Что же касается его домашней обстановки и его сыновей, то и здесь все соответствовало его личным желаниям и стремлениям, потому что он мог радоваться тому, что сумел совладать с ними, как со своими врагами. Мне, однако, он и в этом отношении представляется человеком крайне несчастным.

2. Между тем Саломея и Алекса выпустили заключенных в ипподроме на свободу раньше, чем стало известно о смерти царя. При этом они сказали, будто сам царь распорядился, чтобы они вернулись к себе домой к делам своим. Этим они оказали народу крупное благодеяние. Когда весть о смерти царя распространилась повсюду, Саломея и Алекса собрали войско в иерихонский амфитеатр и тут сначала прочитали ему послание Ирода к воинам, где царь благодарил последних за верную преданность и просил их так же отнестись и к его сыну Архелая, которого он назначает своим преемником. Затем Птолемей, которому был доверен царский перстень с

печатью, прочитал завещание; последнее, впрочем, не иначе вступало в законную силу как с утверждения императора. По прочтении завещания немедленно поднялись громкие клики в честь [нового] царя, Архелая; воины по отдельным частям, предводительствуемые своими начальниками, присягнули ему на верность и преданность и призвали Господа Бога в хранители царя.

3. Затем состоялись похороны царя, причем Архелай озаботился устроить их как можно пышнее и не щадил средств, чтобы придать им в честь усопшего больше блеска. Тело умершего покоилось на золотом ложе, усеянном разнообразными драгоценными камнями; покров был пурпуровый, и тело покойного было облачено в багряницу; на голове его покоилась диадема¹⁰⁷⁶, поверх которой был надет золотой венец; в правой руке находился скипетр. Около ложа шли сыновья умершего и масса его родственников; за ними следовало войско по отрядам сообразно своей национальности: сперва шли копьеносцы, затем отряды фракийцев, германцев и галлов, все в полной походной форме. За ними следовало уже все остальное войско, предводительствуемое своими лохагами¹⁰⁷⁷ и таксиархами¹⁰⁷⁸ и снаряженное как бы на войну. Затем шли пятьсот служителей, несших курения. Вся процессия прошла [таким образом] восемь стадий до Иродиона, где, сообразно повелению покойного, и состоялось его погребение.

4. Так умер Ирод. Архелай справил в честь отца, как того требовал обычай, семидневный траур, затем угостил своих друзей и, отменив траур, направился в храм. Везде на пути его приветствовали кликами радости и прославлениями, так как все наперебой друг перед другом старались высказать ему свои благопожелания. Затем Архелай взошел на устроенное возвышение, снабженное золотым тронем, и обратился с приветственной речью к народу, выражая ему свое удовольствие по поводу его расположения к нему, которое высказалось в его благопожеланиях; вместе с тем он благодарил собравшихся, что они предали забвению все несправедливости, совершенные относительно их его отцом, и обещал приложить все старания, чтобы воздать им добром за их к нему расположение. При этом Архелай сказал, что он пока не принимает титула царя, потому что тогда только будет иметь на него право, когда император утвердит завещание отца его. По этой же причине он отклонил и желание иерихонского войска, собиравшегося возложить на него диадему; он-де отлично понимает неуместность такой почести, потому что еще не удостоился официального утверждения со стороны императора. Когда же он достигнет власти, то приложит все свое старание, чтобы вознаградить их за расположение к нему; он постарается

доказать им, что хочет быть во всех отношениях и для всех лучше отца своего. Как это обыкновенно бывает с толпой, последняя была уверена, что люди, достигшие высокого положения и власти, в первые же дни выказывают весь свой характер; поэтому, поскольку Архелай говорил мягко и любезно с народом, постольку же чернь еще более превозносила его похвалами, а затем стала требовать себе всяких льгот: одни громко требовали, чтобы им облегчили их ежегодные налоги, другие просили освободить узников, заключенных Иродом в темницы (там их давно томилось множество), были, наконец, и такие, которые требовали отмены налогов, безжалостно взимавшихся со всего покупаемого и продаваемого на рынках. Считая весьма важным для себя с самого начала заслужить расположение народа, нужное для утверждения его во власти, Архелай нисколько не отклонял этих просьб, но начал с полной готовностью исполнять все эти желания народа. Затем он принес жертву Предвечному и отправился обедать со своими друзьями.

Глава 9

1. В это время некоторые иудеи, собравшись для того чтобы совершить попытку к восстанию, стали громко оплакивать Матфия и его умерщвленных Иродом товарищей, которые из страха народа перед последним до сих пор не удостоились еще чести быть погребенными; эти люди были приговорены к казни за снятие золотого орла [с храма]. И вот бунтовщики с криками и воплями стали поносить царя, как будто бы это могло облегчить положение казненных. Собравшись на сходку, они потребовали, чтобы Архелай наказал всех тех лиц, которые пользовались особым благоволением Ирода, а раньше всего сместил назначенного Иродом первосвященника и заменил его более сведущим в законах и более порядочным человеком. Хотя Архелай и был очень обеспокоен этим их движением, однако постарался успокоить их, имея в виду поскорее отправиться в Рим и там гарантировать себе поддержку со стороны императора. Поэтому он выслал к ним одного из своих военачальников с приказанием уговорить их, указать им, чтобы они оставили свою неразумную в данный момент затею и приняли во внимание, что смерть, постигшая их друзей, была вполне законной; вместе с тем военачальнику было поручено доказать им, что в их требованиях много оскорбительного и что современные обстоятельства требуют на первом плане единодушия, пока Архелай не вернется к ним обратно с утверждением в сане царя со стороны императора. Тогда он готов обсудить с ними совместно их требования, пока же просит воздержаться от дальнейших манифестаций, чтобы не навлечь на себя названия бунтовщиков.

2. Такое поручение царь дал военачальнику и отпустил его затем к народу. Бунтовщики, однако, кричали и не дали военачальнику промолвить слова; они угрожали смертью ему, равно как всякому, кто бы вздумал уговорить и остановить их в их намерениях; при этом они придавали больше значения своим собственным желанием, чем требованиям начальников, считая безобразным, что если они при жизни Ирода лишились друзей своих, не иметь, после его смерти, возможности отомстить своим врагам. В своем крайнем озлоблении они считали законным и справедливым всякий приятный им поступок, совершенно игнорируя связанную с этим для них опасность; если кому-нибудь из них и приходила в голову такая мысль, то он предпочитал насладиться скорее чувством мщения своим злейшим врагам, чем думал о возможных последствиях этого мщения. Несмотря на то, что Архелай высылал к ним для переговоров несколько лиц и некоторые сами, без его приказа, от себя пытались успокоить недовольных, последние никому не дали говорить. Напротив, они страшно рассвирепели и подняли целый бунт; при этом было очевидно, что они решатся на крайние меры, если к ним присоединится побольше простонародья.

3. В это время наступил праздник, в который иудеям древним законом предписано есть опресноки. (Этот праздник носит название Пасхи, служа напоминанием их удаления из Египта; эти дни иудеи празднуют особенно охотно, и у них в обычае приносить тогда больше жертв, чем в какой-либо другой праздник; в это же время на поклонение Всевышнему стекается в город бесчисленная масса жителей не только из пределов их собственной страны, но и из-за границы.) И вот бунтовщики, оплакивавшие смерть законоучителей Иуды и Матфия, также собрались в храме, где у них всего было вдоволь, потому что им не было стыдно выклянчивать себе запасы у других. Тогда Архелай, опасаясь, как бы эти люди в своем ослеплении не решились на опасные меры, выслал к ним отряд тяжеловооруженных под командой хилиарха¹⁰⁷⁹ с предписанием сдерживать пыл бунтовщиков раньше, чем к ним присоединится и ими будет увлечена слишком большая часть народа. При этом царь приказал привести к нему всех тех, кто обнаружил бы слишком большое увлечение беспорядками. На этих солдат руководители бунта и масса простонародья набросились с яростью, крича и ободряя друг друга, окружили их и закидали большинство их камнями. Спаслись бегством лишь немногие из солдат и их военачальник, но все они были ранены. Затем, совершив это, бунтовщики вновь принялись за жертвоприношения. Между тем Архелай стал опасаться за целостность своего царства, если не подавить этого волнения народа. Поэтому он выслал все свое войско, а также кавалерию,

предписав последней воспрепятствовать тому, чтобы заключенным в храме была оказываема какая-либо поддержка со стороны расположившихся вне святилища, а также ловить тех, кто избегнет рук пехоты и считал бы себя уже в безопасности. Таким образом всадники перебили до трех тысяч человек; остальные ушли на ближайшие возвышенности. Затем Архелай велел возвестить всем, что разрешает им вернуться к делам своим. Тогда эти люди оставили празднование Пасхи и возвратились домой, боясь всяких осложнений, хотя они [вначале] и выказали, благодаря своей необразованности, такую дерзость.

После этого Архелай в сопровождении своей матери¹⁰⁸⁰, Птолемея, Николая и многих друзей отправился в морское путешествие, поручив заведование всеми домашними и государственными делами своему брату Филиппу. Вместе с ним поехала также Саломея, сестра Ирода, со всей многочисленной родней своей, под предлогом поддержать Архелая в его утверждении царем, на деле же с целью противодействовать ему в этом и особенно для того, чтобы поднять шум из-за случившегося в храме. В Кесарии с Архелаем встретился Сабин, сирийский уполномоченный императора, отправлявшийся в Иудею, чтобы арестовать денежные суммы Ирода. Однако от этого намерения удержал его прибывший туда Вар, которого с этой целью Архелай специально пригласил через Птолемея. В угоду Вару Сабин воздержался от занятия иудейских крепостей и от опечатания казны, которую предоставил в распоряжение Архелая до принятия соответствующего решения со стороны императора. Сам он остался в Кесарии, обещав это Архелаю. Когда же Архелай отплыл в Рим, а Вар вернулся в Антиохию, Сабин двинулся на Иерусалим и занял царский дворец. Затем он послал за начальниками гарнизонов и всеми чиновниками и прямо потребовал от них отчета, распоряжаясь по личному усмотрению судьбой укреплений. Однако чиновники не ослушались ни в чем приказаний Архелая, удержали у себя все, что им доверил царь, и сослались на то, что они берегут все для императора.

4. В то же самое время отправился в Рим также другой сын Ирода, Антипа, имея в виду со своей стороны выступить претендентом на престол. Он был побужден к тому Саломеей, которая убедила его, что он имеет больше прав на престол, чем Архелай, так как он был объявлен царем в первом завещании, которое имеет более законной силы, чем написанное впоследствии. Его сопровождали его мать и Птолемей, брат Николая, который раньше принадлежал к числу наиболее влиятельных друзей Ирода, а теперь был близок к нему. Особенно же сильно побуждал Антипу домогаться

престола некий Иреней, человек, отличавшийся необыкновенным красноречием и достигший благодаря этому своему недюжинному таланту высокого общественного положения. Поэтому Антипа и не внимал советам тех, которые уговаривали его уступить своему старшему брату Архелаю, вдобавок назначенному царем в самом завещании Ирода.

Когда Антипа прибыл в Рим, все родные стали на его сторону, впрочем, не из расположения к нему, но из ненависти к Архелаю, особенно же оттого, что все они жаждали свободы и желали быть подчинены римскому наместнику. Если бы, однако, тут вышла задержка, то они считали для себя более выгодным поддерживать Антипу, чем Архелая, и потому всячески отстаивали интересы первого. Вместе с тем и Сабин прислал Цезарю письменное обвинение против Архелая.

5. Архелай, со своей стороны, представил императору прошение, в котором излагал свои притязания и, приложив к этому завещание отца, равно как послав к Цезарю Птолемея с перечнем Иродова имущества и перстня, стал ожидать исхода своего дела. Император прочитал бумаги его и письма Вара и Сабина, удостоверился в состоянии имущества Ирода и в его ежегодных доходах, а также внимательно разобрал все доводы Антипы относительно его прав на царский престол. Затем он собрал для обмена мыслей своих друзей, и в том числе Гая, сына Агриппы и его дочери Юлии¹⁰⁸¹, который пользовался у него большим влиянием и которого он считал своим первым советником. Всем желающим высказаться относительно настоящего положения дел император предоставил это право. Первым выступил с речью Антипатр, сын Саломеи, человек, отличавшийся необыкновенным красноречием и весьма враждебный Архелаю. Он сказал, что притязания Архелая на престол являются насмешкой, потому что Архелай на самом деле вполне воспользовался царской властью раньше, чем его утвердил в этом сане император; при этом он укорял его в том, как дерзко он распорядился с умерщвленными во время праздника, наказание которых ему, даже если бы те были действительно виновны, надлежало бы предоставить власть имущим, а не оставлять это право за собою: если он тут действовал как царь, то он оскорбил императора, не зная еще, как тот относится к нему; если же он действовал как частное лицо, то это еще хуже, так как нельзя иметь притязания на какое-либо право и на утверждение в нем, если отнял у самого Цезаря принадлежащее ему одному право. Вместе с тем он обвинил Архелая также в том, что тот уволил некоторых военачальников, что самовольно сел на царский престол, что он, как настоящий царь, постановлял решения и соглашался на требования лиц, предъявивших ему свои притязания

официально, и что он вообще держал себя так, как только мог себя держать человек, уже утвержденный Цезарем в сане. При этом он поставил ему также на вид, что Архелай выпустил лиц, заключенных в ипподроме, и присоединил к этому еще многое, что отчасти было верно, отчасти по самому существу своему могло случиться вследствие того, что слишком молодые люди злоупотребляют властью из честолюбия. Равным образом он укорял его в недостаточном уважении к памяти отца, указывая, будто Архелай задал пир в ту самую ночь, когда скончался Ирод, следствием чего и явилась попытка народа устроить бунт. Если, продолжал он, Архелай так отплатил мертвому отцу своему, который оказал ему столько благодеяний и притом таких значительных, днем притворно обливался слезами, как актер, а ночью предавался всяким удовольствиям, которые были ему доступны вследствие его высокого положения, то ясно, что Архелай таким же точно образом поступит и относительно Цезаря, если тот утвердит его во власти, как он поступил и относительно отца своего: ведь он танцует и поет, как будто бы умер его враг, а не ближайший родственник и вдобавок благодетель. Весьма странным поступком со стороны Архелая является и то обстоятельство, что он теперь прибыл к Цезарю с просьбой утвердить его на престоле, после того как раньше сделал все, на что уполномочить его могло лишь признание его верховным властителем. Особенно же ярко он описывал преступное избиение людей в святилище, подробно рассказал, как они при наступлении праздника были перерезаны наподобие жертвенных животных (причем в числе их находилось несколько чужестранцев, остальные же были туземцами), как храм наполнился мертвыми телами. Он подчеркивал, что такое злодеяние было совершено не иноземцем, но человеком, облеченным священным именем царя, и было сделано им для того, чтобы удовлетворить ненавистную и прирожденную всем людям страсть к тираническому своеволию. Поэтому-то отцу и во сне никогда не снилось сделать такого человека своим преемником на престоле: ведь Ироду был известен характер Архелая. При этом оратор указал на то, что и по смыслу завещания преимущество принадлежит Антипе, которого отец назначил своим преемником на троне тогда, когда он еще не страдал ни физически, ни душевно, но был в полном владении своими умственными силами и настолько здоров, что мог сознательно управлять и распоряжаться всеми своими делами. Впрочем, если бы отец Архелая в прежнем своем завещании распорядился относительно его так же, как в последнем, то ясно, каким бы царем мог стать Архелай, который уже теперь пренебрег императором, тогда как от последнего только и зависит его утверждение в сане, и который,

будучи еще частным человеком, не задумался перерезать своих сограждан в храме.

6. Сказав все это и скрепив свою речь свидетельскими показаниями целого ряда тут же находившихся родственников, Антипатр смолк. Тогда в качестве представителя интересов Архелая поднялся Николай¹⁰⁸² и начал говорить, что все случившееся в храме скорее должно быть приписано самовольному поведению пострадавших, чем властным распоряжениям Архелая; ведь лица, решающиеся на такие предприятия, не только поступают гнусно с теми, кого они возбуждают, но и принуждают к насильственным мерам людей совершенно спокойных. Вполне ясно, что бунтовщики восстали на словах как бы против Архелая, в действительности же против императора. Ведь они напали на высланных вполне своевременно Архелаем воинов, которые должны были остановить их в дерзком начинании, и перебили их, не принимая во внимание ни близости Предвечного, ни святости праздника. За таких-то людей Антипатр выступил теперь ходатаем, потому ли, что желает насытить вражду свою к Архелая, или оттого, что ненавидит голую истину. «Те, кто приступают неожиданно к насильственным действиям, именно и являются лицами, принуждающими других даже против воли братья за оружие для ограждения своей безопасности». Вместе с тем оратор привел целый ряд других возражений против доводов обвинителей, которые сами находились в числе советчиков [Архелая]: ничто, что облекается в форму обвинения, не произошло помимо их ведома. Впрочем, все это само по себе и не является преступным, но выставляется теперь таковым для того лишь, чтобы повредить Архелая, ибо таково уже у них желание насолить родственнику, который оказал крайне важные услуги отцу своему, а по отношению к ним всегда выказывал родственные чувства и обходился с ними гуманно. При этом царь Ирод составил свое завещание в полном обладании умственными способностями, и это второе завещание уже потому действительнее первого, что царь предоставил Цезарю, как верховному правителю, право утвердить его по всем пунктам. [Я убежден, что] Цезарь никоим образом не последует примеру тех дерзких людей, которые, пользуясь всеми благами власти при жизни Ирода, теперь во всем нагло противодействуют его желаниям, причем не имеют даже права считать себя такими его слугами (каким является Архелай). Ведь Цезарь и не подумает нарушить последнюю волю человека, который постоянно и во всем следовал его указаниям, был его другом и сотрудником и написал свое завещание в уповании на его лояльность. Император по своей доблести и верности, которые известны всему миру, не последует примеру этих гнусных людей и

не признает сумасбродным безумцем человека и царя, который назначил преемником своим достойного сына и в этом вполне уповал на преданность Цезаря. Ирод не мог ошибиться в выборе своего наследника, если он был настолько рассудителен, что решил все это оставить на утверждение императора.

7. Этим словом Николай закончил речь свою, Архелай же бросился к ногам Цезаря. Последний велел ему подняться и сказал, что он считает его вполне достойным престола. Этим он в достаточной мере ясно высказал свое личное на этот счет мнение и доказал, что он поступит совершенно сообразно завещанию и вполне примет во внимание интересы Архелая. Сейчас, впрочем, он не решил дальнейшего образа своих действий, но удовлетворился тем, что удостоверился в полном успокоении Архелая. Распустив затем собрание, император стал обсуждать вопрос о том, утвердить ли на престоле Архелая, или распределить эту власть между всеми представителями Иродовой семьи, которая ведь также нуждалась в поддержке.

Глава 10

1. Пока, однако, император постановлял какое бы то ни было решение, мать Архелая, Малтака, заболела и умерла, а от сирийского наместника Вара было получено письмо, в котором он извещал о бунте иудеев. Дело в том, что после отплытия Архелая народ стал волноваться; сам Вар приехал, жестоко наказал зачинщиков восстания, по силе возможности успокоил волнующихся и возвратился в Антиохию, оставив в Иерусалиме один легион для подавления всякой попытки иудеев к восстанию. Впрочем, ему не вполне удалось подавить возмущение. Дело в том, что по отъезде Вара императорский наместник Сабин, оставшийся на месте, стал сильно удручать восстающих, рассчитывая на то, что при помощи оставленного ему войска он справится с ними и с народом. Он окружил себя значительным числом телохранителей, чем возбуждал лишь иудеев и побуждал их к возмущению. При этом он пытался насильно овладеть укреплениями и в своей алчности и своем корыстолюбии всецело предавался разысканию царских сокровищ.

2. При наступлении Пятидесятницы (так называется один из наших праздников) огромные толпы народа собрались в город не только с целью помолиться, но и для того, чтобы выразить свое негодование по поводу насилий Сабина; много явилось также галилеян, идумеян, иерихонцев, а также жителей Заиорданья; к ним присоединилось огромное множество иудеев, которые сильнее других пылали желанием отомстить Сабину. Все

собравшиеся разбились на три отряда и расположились каждый отдельно, причем одни заняли ипподром, а из прочих двух отрядов один расположился вдоль восточной, южной и северной сторон святилища, а другой вдоль западной стороны, где находился царский дворец. У них были сделаны приготовления для осады отовсюду окруженных ими римлян. Сабин испугался такой массы врагов и опасался вспышки со стороны мужей, которые предпочли умереть, чем подчиниться, и всю свою доблесть полагали в победе; поэтому он немедленно послал Вару письмо и настоятельно просил его тотчас же поддержать его в крайней опасности, угрожающей оставленному им войску; он писал ему о возможности быть вскоре захваченными в плен и перебитыми. Сам он занял высокую башню крепости, так называемую Фазаелеву башню, воздвигнутую в честь Иродова брата Фазаеля и получившую свое название после убийства Фазаеля парфянами, и дал знак римлянам выступить против иудеев; и в то время как сам он не решался спуститься к друзьям своим, он считал возможным, чтобы другие умирали за него и за его любостязание. Когда римляне рискнули сделать вылазку, произошел ожесточенный бой, в котором римляне одержали верх над врагами. Однако, невзирая на такое бедствие и несмотря на массу павших, иудеи не переставали сохранять мужество. Они сделали обход и взобрались на крыши галерей, окружающих снаружи храм; тут снова возгорелся ожесточенный бой, причем иудеи бросали сверху камни, либо прямо руками, либо из пращей; они были на это мастера. К ним также присоединились все стрелки¹⁰⁸³, которые наносили римлянам значительный урон, потому что успели занять более возвышенную позицию и были недостижимы для неприятельских дротиков, тогда как сами имели крупные преимущества перед врагами. В таком виде бой продолжался значительное время. Наконец римлянам надоело все это, и они, незаметно от иудеев, взобравшихся на крыши галерей, подожгли эти галереи. Так как они при этом кидали в огонь много горючего материала, то пламя быстро охватило крышу, деревянные части которой, особенно благодаря наличности массы смолы и воска, равно как покрытой лаком позолоты, вскоре были объаты пламенем. Таким образом, это великое и дивное сооружение превратилось в ничто, а находившиеся на крыше нашли тут неожиданно свою гибель. Когда крыша рухнула, многие упали вместе с ней в огонь, других при этом застрелили враги. Отчаиваясь в своем спасении и страшась предстоящей участи, многие сами ринулись в огонь, другие же собственноручно покончили с собой при помощи своих мечей. Те, наконец, которые пытались спастись тем же путем, каким взобрались на крышу, были все перебиты римлянами вследствие своей

безоружности, своего отчаяния и потери мужества, в которую их ввергала безоружность. Таким образом, ни один из тех, которые взобрались на крышу, не спасся. Римляне ринулись повсюду, где только можно было проникнуть, внутрь храма и старались овладеть богатствами последнего. При этом многое было разворовано солдатами, Сабин же унес на глазах у всех четыреста талантов¹⁰⁸⁴.

3. Иудеи были огорчены несчастьем, постигшим павших в битве друзей, а также похищением сокровищ. Тем не менее, однако, они заняли царский дворец всеми своими наиболее дельными и храбрыми воинами и угрожали поджечь дворец и перебить всех; при этом они предлагали римлянам скорее удалиться, обещая им и Сабину с его приверженцами в этом случае полную безопасность. Тогда большинство царских войск перешло на их сторону. Руф же и Грат, располагавшие тремя тысячами отборного и рослого войска Ирода, примкнули к римлянам. То же самое сделал и отдельный конный отряд, бывший под командой Руфа¹⁰⁸⁵. Иудеи, в свою очередь, не ослабляли осады; они подкапывали стены и кричали осажденным, чтобы те не мешали им вернуть прежнюю свою свободу. Сабину, правда, хотелось удалиться со своими воинами, но вместе с тем он не решался поверить [иудеям] вследствие учиненных над ними насилий, да к тому же его сильно сбивала неожиданная мягкость врагов. Кроме того, он ожидал прибытия Вара и потому подвергался дальнейшей осаде.

4. В это же самое время множество других волнений охватило Иудею, причем многие решились на открытую борьбу либо в надежде на личную выгоду, либо из ненависти к иудеям. Так, например, две тысячи бывших солдат Ирода, вернувшихся теперь на родину, собрались в пределах самой Иудеи и начали неприязненные действия против царских приверженцев. Соппротивление стал им оказывать двоюродный брат Ирода, Ахиаб, но так как более опытные в военном деле противники оттеснили его с равнины на плоскогорье, то он искал по возможности спасения в неприступных горных ущельях.

5. Был там также некий Иуда, сын могущественного атамана разбойников Иезекии, которого Ирод с большими трудностями держал в повиновении. Этот Иуда собрал около галилейского города Сепфориса огромную толпу отчаянных людей, сделал набег на царский дворец, захватил все находившееся там оружие, вооружил им всех своих приверженцев и похитил все находившиеся там деньги. Так как он грабил и брал в плен всех, кто ему попадался на пути, то он всюду вселял ужас. При этом им руководило желание добиться высшего положения и даже царского достоинства;

впрочем, он рассчитывал достигнуть этого не столько доблестью, сколько дерзким захватом.

6. Существовал тогда также один из служителей царя Ирода, некий Симон, человек красивый, огромного роста и крайне сильный, пользовавшийся доверием царя. Основываясь на беспорядочном состоянии дел, этот человек осмелился возложить на себя царский венец. Собрав себе толпу приверженцев, которые в своем безумии провозгласили его царем, и считая себя вполне достойным этого высокого сана, Симон разграбил и сжег царский дворец в Иерихоне. Равным образом он предал пожару целый ряд других дворцов в стране, причем предоставлял толпе своих приверженцев грабить их сколько угодно. Он, наверное, совершил бы еще более значительные беззакония, если бы против него не были приняты меры: Грат присоединил царские войска к римским и во главе этой рати выступил против Симона. Когда затем произошла продолжительная и ожесточенная битва, большинство приверженцев Симона, происходивших из Переи и представлявших из себя беспорядочную толпу, сражавшуюся скорее храбро, чем умело, погибло, а сам Симон, искавший спасения в бегстве по узкому ущелью, попался в руки Грата и был им обезглавлен¹⁰⁸⁶.

Около Иордана, в Амафе, дворец был также сожжен толпой бродяг, похожих на приверженцев Симона. Таким образом, полная разнузданность овладела народом, так как у него не было своего царя, который мог бы доблестным правлением сдерживать народную массу, а прибывшие для успокоения возмущившихся иноземцы лишь подливали масла в огонь своим наглым отношением и своим корыстолюбием.

7. Вместе с тем даже некий Афронг, человек, не блиставший ни знатностью рода, ни личной доблестью, ни обилием денежных средств, всего-навсего простой пастух, отличавшийся, впрочем, огромным ростом и недюжинной физической силой, решил домогаться царской власти. Удовольствие пользоваться выдающимся положением заставляло его не дорожить даже личной жизнью и подвергнуться гибели. У него было четверо братьев, таких же рослых и сильных, как он сам. В них он рассчитывал иметь хорошую поддержку при овладении царским престолом. Так как около них собралась огромная толпа приверженцев, то каждый из братьев взял на себя командование одним отрядом. Таковы-то были его военачальники. Они помогали ему, вступая постоянно, по собственному усмотрению, в стычки.

Сам же Афронг надел на себя царский венец и держал совет относительно дальнейшего образа действий. При этом он всюду руководился лишь своим собственным мнением. В руках такого человека власть была долгое время; он

назывался царем и мог невозбранно делать все, что ему было угодно. Как он сам, так и его братья сильно вредили своей жестокостью римлянам и царским войскам, питая как к тем, так и к другим сильную ненависть: последних они ненавидели за надменность при жизни Ирода, римлян же за те обиды, которые они, по их мнению, наносили им. С течением времени озлобленность их росла все более и более. Никому, кто попадался им в руки, уже не было спасения, либо вследствие их корыстолюбия, либо вследствие их любви к убийствам. Однажды они напали близ Эммауса на когорту римлян, которая везла войску хлеб в оружие. Окружив римский отряд, они закидали дротиками начальника его, Ария, и сорок лучших его пехотинцев. Испугавшись этого поражения, остальные римляне спаслись бегством, бросив трупы товарищей; им на выручку, впрочем, пришел Грат во главе царских войск, бывших в его распоряжении.

Такие стычки устраивали они в течение долгого времени, нанося римлянам немало вреда и сильно притесняя свой собственный народ. Впрочем, впоследствии все они пали, один в битве с Графом, другой в бою с Птолемеем. Старший попался в руки Архелая, и тогда последний, в горе от постигшей братьев неудачи и не видя для себя спасения вследствие своего одиночества и потери войска от переутомления, отдался, уповая на Господа Бога, в полное распоряжение Архелая¹⁰⁸⁷.

8. Все это, впрочем, произошло значительно позже, Тем временем Иудея была полна разбойничьих шаек. Где только ни собиралась толпа недовольных, она тотчас выбирала себе царя, на общую гибель. Правда эти цари наносили римлянам незначительный вред, зато свирепствовали среди своих собственных единоплеменников.

9. Лишь только Вар узнал из письма Сабина о случившемся, он стал опасаться за участь римского легиона. Поэтому он взял два остальных легиона (в Сирии их было всего три) и четыре отряда конницы, равно как вспомогательные войска, которые тогда предоставили в его распоряжение некоторые цари и тетрархи, и поспешил с ними на помощь осажденным в Иудее. Войска, высланные вперед, получили приказание спешить в Птолемаиду. Между прочим, когда он проходил через город Берит, жители дали ему вспомогательный отряд в полторы тысячи человек. Равным образом и царь Каменистой Аравии, Арета, который из вражды к Ироду сдружился с римлянами, послал ему довольно значительные пешие и конные отряды. Когда же вся рать собралась в Птолемаиде, он дал часть ее своему сыну и одному из своих друзей¹⁰⁸⁸ для того, чтобы они начали войну с галилеянами, населявшими окрестности Птолемаиды. Было совершено нападение, и враги

были обращены в бегство. Затем был занят город Сепфорис, жители его проданы в рабство, а город сожжен. Сам Вар во главе всего войска двинулся к Самарии, но не причинил этому городу никакого вреда, так как жители его не принимали участия в смутах. Тут он расположился станом в деревушке Ар, входившей в состав области Птолемея. Эту деревню подожгли арабы, побуждаемые к тому ненавистью к Ироду и потому также враждебно относившиеся ко всем друзьям последнего. Выступив отсюда, арабы разграбили и сожгли другую деревню, Самфон, которая представляла из себя довольно укрепленный и неприступный пункт. Вообще на пути их все подвергалось насилию, везде царили пожар и убийство. Таким образом, по приказанию Вара, желавшего устроить нечто вроде искупительной жертвы в память павших воинов, был подожжен и Эммаус; жители, впрочем, успели вовремя покинуть этот город. Отсюда он двинулся уже к Иерусалиму. Когда же расположившиеся у стен для осады иудеи увидели приближение его войска, то не стали дольше ждать и отступили, бросив осаду. Затем, когда Вар жестоко накинулся на иерусалимских иудеев, последние стали оправдываться тем, что стечение такой массы народа в городе объясняется наступившими праздниками и что войну следует приписать вовсе не их желанию, но дерзости пришельцев и что они вместе с римлянами скорее подвергались осаде, чем думали сами осаждать римлян. Навстречу Вару выехали Иосиф, двоюродный брат царя Ирода¹⁰⁸⁹, Грат и Руф во главе войск своих и все осажденные римляне. Сабин, впрочем, не попадался Вару на глаза: он удалился из города к морю.

10. Потом Вар разослал по стране часть своего войска и стал ловить виновников возмущения. Когда ему указывали на таковых, он их наказывал как зачинщиков; многих, впрочем, он отпустил без наказания. Таким образом, было казнено (через пригвождение к кресту) две тысячи человек. Видя затем, что войска ему более не нужны, он распустил их, потому что они, вопреки повелениям и желаниям Вара, совершили много насилий и грабежей из любостяжания. Когда же он узнал, что вновь собралось десять тысяч иудеев, он поспешил захватить их. Впрочем, они не вступили с ним в бой, но, по совету Ахиаба, сдались Вару.

Последний простил толпе ее провинности, руководителей же ее отправил к императору. Большинство из них Цезарь отпустил безнаказанными, подвергнув казни лишь тех из участников бунта, которые принадлежали к числу родственников Ирода, потому что они, вопреки всякой справедливости, выступили против своих сородичей.

Глава 11

1. Устроив таким образом дела свои и оставив в Иерусалиме в качестве гарнизона прежний легион, Вар двинулся к Антиохии. Для Архелая же тем временем в Риме возникли новые осложнения по следующему поводу: с разрешения Вара в Рим прибыло посольство иудеев, просившее автономии. Этих представителей народа было всего пятьдесят; в Риме к ним присоединилось еще свыше восьми тысяч иудеев. Когда Цезарь собрал совет из своих приближенных и главных римских должностных лиц в храме Аполлона, сооруженном им с большими расходами, туда прибыли посланные в сопровождении толпы местных евреев, а также Архелай со своими друзьями. Так как родственники царя питали ненависть к Архелая, то, с одной стороны, они не желали поддержать его, с другой же, считали тягостным вместе с посланными выступить против него, причем понимали, насколько будет позорно в присутствии Цезаря выступать против родственников. Вместе с тем и Филипп, по совету Вара, прибыл из Сирии в Рим, главным образом для поддержания брата (к которому питал большое расположение Вар), а с другой стороны, также для того, чтобы в случае перемены порядка правления (Вар считал и это возможным, так как предвидел разделение царства вследствие множества поборников автономии) не упустить случая гарантировать и себе некоторую часть.

2. Когда было предоставлено слово иудейским посланным, собиравшимся говорить о необходимости уничтожения царской власти, они приступили к обвинению Ирода во всевозможных беззакониях; правда, они называли его царем, и он был таковым по имени, но позволял себе тиранические деяния, направленные к гибели иудеев, и не отступал перед самовольным введением различных новшеств. Существовало множество людей, которых он загубил дотоле неизвестным по своей жестокости в истории способом, а еще хуже страдания оставшихся в живых, так как он стеснял их не только лично, но и угрожал отнять у них все их имущество. Окрестные города, населенные иноземцами, он не устал украшать за счет гибели и разорения своих собственных подданных; народ он вверг в безвыходную нищету, тогда как он застал его, за немногими исключениями, в положении благосостояния; у знати, которую он подвергал казни по самым ничтожным причинам, он отнимал имущество, тех же представителей ее, которым оставлял жизнь, окончательно лишал всех денег. Помимо того, что насильно и беспощадно взимались налоги, назначенные каждому жителю ежегодно, никогда нельзя было обойтись без взяток как ему самому, так и его приближенным, друзьям

и чиновникам, которым было поручено взимание этих налогов. Иначе, если не заплатить денег, нельзя было спокойно жить. Можно обойти молчанием растление им девушек и опозорение женщин. Так как эти злодеяния совершались им в пьяном виде и без свидетелей, то потерпевшие лучше молчали, как будто бы ничего и не было, чем разносили молву об этом. Итак, Ирод выказал относительно их такое же зверство, какое могло выказать лишь животное, если бы последнему была предоставлена власть над людьми. Хотя народ претерпевал и раньше многие превратности и пертурбации, однако история не знает о таком несчастии, какое постигло народ благодаря Ироду. Поэтому-то они так охотно провозгласили царем Архелая, полагая, что, кто бы ни сел на престол, он будет все-таки мягче Ирода; поэтому они охотно несли траур по его отцу и были готовы сделать все, лишь бы расположить к себе нового царя. Последний, однако, видимо боясь показаться неродным сыном Ирода, не задумался немедленно выказать народу весь свой характер и притом в такое время, когда император еще не успел утвердить его в сане и дать ему безграничную власть. Он немедленно показал своим подданным пример той доблестной «мягкости и законности», которую желал впоследствии проявлять относительно их: первым его поступком относительно народа и Предвечного было то, что он учинил избиение трех тысяч единоплеменников в святилище. Как же им теперь не выказывать ему совершенно основательной ненависти, если он помимо своей жестокости еще возвел на них обвинение в незаконном сопротивлении его власти! Результат их просьбы сводится теперь к тому, чтобы освободиться от такого царства и таких правителей, слиться с населением Сирии и подчиниться посылаемым туда наместникам. Тогда-то обнаружится, действительно ли они беспокойны и добиваются смут, или же они могут быть добрыми подданными при мягких правителях.

3. Так говорили иудеи. Николай приступил к оправданию царей от возводимых на них обвинений и сказал, что они не выступали против Ирода, пока он был жив (особенно неприлично обвинять мертвого, когда имели возможность сделать это при его жизни и когда они могли добиться наказания его). Поступок Архелая он отнес на счет их собственной дерзости; они стремились к противозаконным деяниям и сами начали избивать тех, на обязанности которых лежало удерживать их от насилий; теперь они жалуются на то, что и с ними поступили так же. Вместе с тем он упрекнул их в беспокойном нраве и в том, что они находят удовольствие в возмущениях, причем их невоспитанность выражается в нежелании повиноваться

справедливости и законам, так как они хотят везде занимать первенствующее место.

4. Так говорил Николай. Услышав это, император распустил собрание. Через несколько дней он назначил Архелая, правда, не царем, но этнархом половины владений Ирода, причем обещал ему почетный титул царя, если только Архелай заслужит этого своим поведением. Вторую половину он разделил на две части и отдал их двум другим сыновьям Ирода, а именно Филиппу и Антипе. Последний являлся конкурентом своему брату Архелаю на всю область. Антипе достались Перея и Галилея, дававшие ежегодный доход в двести талантов. Батанея, Трахонея, Авранитида и область, носящая название «удел Зенодора», доставляли Филиппу доход в сто талантов. Остальное, именно Идумея, Иудея и Самария, достались Архелаю, причем самаряне были освобождены от четвертой части налогов; император даровал им эту льготу за то, что они не приняли участия в общем восстании народа. Таким образом, Архелаю были подчинены города: Стратонова башня, Себаста, Яффа и Иерусалим.

Газа, Гадара и Ипп были городами с греческим населением; император отнял их у него и включил их в состав Сирии. Архелай получал с уделенной ему области ежегодного дохода шестьсот талантов¹⁰⁹⁰.

Это досталось сыновьям Ирода из отцовского наследия. Саломее император подарил кроме того, что оставил ей по завещанию брат ее (а именно Ямнию, Азот, Фазаелиду и 500 000 серебряных монет), еще царский дворец в Аскалоне. Таким образом, ежегодный доход ее достигал шестидесяти талантов, а владения ее находились в области Архелая. Также и остальные родственники царя получили уделы, назначенные им по завещанию. Двум незамужним дочерям царя император подарил помимо того, что оставил им отец, еще по 250 000 серебряников и выдал их замуж за сыновей Ферора. Все те суммы, до полутора тысяч талантов, которые были царем завещаны самому Цезарю, он вернул сыновьям его, а себе оставил лишь несколько вещей, не столько, впрочем, вследствие их ценности, сколько на память о царе Ироде.

Глава 12

1. Когда Цезарь распорядился таким образом, один иудейский юноша, воспитывавшийся в городе Сидоне у некоего римского вольноотпущенника, выдал себя за сына Ирода, так как очень походил лицом на Александра, которого умертвил его отец Ирод. Это сходство было подтверждено всеми видевшими юношу. Это-то обстоятельство и побудило его добиваться

царской власти. В сообщники он выбрал себе единоплеменника, человека опытного в придворных интригах, впрочем, большого негодяя, который по самой природе своей был искусным интриганом. Этого человека иудей взял себе в руководители в своем гнусном предприятии и затем объявил себя Александром, сыном Ирода, говоря, что его спрятал один из тех, кому было поручено казнить его. Последний умертвил других юношей, чтобы ввести в заблуждение присутствовавших при этом, его же и его брата Аристубула он спас. Этим он сам был окончательно сбит с толку и невольно вводил в заблуждение других. Когда он прибыл на остров Крит, то убедил в том всех иудеев, с которыми ему пришлось иметь дело. Снабженный с их стороны значительной денежной суммой, он поехал затем на остров Мелос. Тут в еще гораздо большей степени стали стекаться к нему деньги, потому что люди верили в его царственное происхождение и давали ему деньги в надежде, что он, по достижении престола отца своего, вознаградит своих благодетелей. Затем он, в сопровождении своих новых друзей, поехал в Рим и, прибыв в Дикеархею, также удачно сумел обмануть тамошних иудеев. К нему отнеслись как к царю и особенно примкнули к нему те, кто был расположен к Ироду и дружен с ним. Причиной этого служило общечеловеческое свойство, в силу которого охотно слушаешь речи человека красивого. Ему удалось вселить в людей, имевших сношения с Александром, уверенность, что он именно и есть сам царевич, так что те даже готовы были присягнуть в этом. Молва о нем достигла Рима раньше его, так что все тамошние иудеи вышли к нему навстречу. Их особенно увлекала чудесность его спасения и, когда он проезжал на колеснице по улицам, они выражали особенно бурную радость по поводу того, что он сын именно Мариаммы. Вся обстановка Александра была, за счет друзей его, поистине царская. Народ окружал его толпою, в честь его раздавались ликования, и вообще произошло все то, что обыкновенно бывает, когда, против ожидания, находится мнимо погибший.

2. Когда весть о нем дошла до императора, последний не поверил ей, так как знал, что нелегко было обмануть Ирода в столь серьезных для него делах. Однако, не будучи вполне уверен, он приказал одному из своих вольноотпущенников, Келладу, который был [когда-то] близок с царственными юношами, привести к нему Александра. Так тот и сделал, причем оказался не смысленнее прочих. Император, впрочем, не дал ввести себя в заблуждение. Сходство действительно было, но не настолько большое, чтобы можно было обмануть зоркий глаз. От тяжелой работы Лже-Александр огрубел, и тогда, как можно было бы ожидать у человека такого происхождения и получившего такое воспитание нежности кожи, последняя,

напротив, на всем его теле была жестка и груба. Видя, насколько учитель и его ученик спелись в своей лжи и держали себя одинаково дерзко, император стал расспрашивать мнимого Александра о судьбе спасшегося вместе с ним Аристобула и по какой причине он не явился сюда для участия в тех почестях, которые подобают лицам столь высокого происхождения. Тот сказал, что Аристобул из боязни перед опасностями моря остался на Кипре, а также для того, чтобы в случае, если Александра постигнет неудача, род Мариаммы не пресекался окончательно; тогда Аристобул, оставаясь в живых, мог бы начать действовать против своих врагов. Когда же выдумавший всю эту комедию стал подтверждать слова юноши и поддерживать его, император отвел юношу в сторону и обратился к нему со следующими словами:

«Если ты мне скажешь всю правду, то я тебе в награду за это подарю жизнь. Поэтому скажи мне, кто ты такой и кто побудил тебя к такому рискованному предприятию; ведь это преступление, которого ты, по юности своей, не мог сам придумать»¹⁰⁹¹. Тут не было уже исхода. Пришлось рассказать Цезарю о всем плане, каким образом и кем он был придуман. Видя крепкое телосложение Лже-Александра, император (желавший сдержать данное ему слово) отправил его гребцом на корабль, а виновника всей этой истории предал казни. Жителям острова Мелоса было уже достаточным наказанием, что они бросили на ветер в пользу Лже-Александра такую кучу денег.

Так бесславно окончился дерзкий план Лже-Александра.

Глава 13

1. Когда назначенный тетрархом Архелай прибыл в Иудею, то лишил сына Боэта, Иоазара, первосвященнического сана в наказание за его участие в восстании и назначил на его место его брата Элеазара. Затем он роскошно отстроил иерихонский дворец и провел половину воды, орошавшей в избытке деревушку Неару, к городу, причем засадил всю окрестную равнину финиковыми пальмами. Тут он основал деревню, которую назвал Архелайдою. Вместе с тем он позволил себе одно правонарушение, а именно женился на Глафире, дочери Архелая, которая раньше была женой его брата Александра и имела от последнего детей¹⁰⁹². Иудеям строго возбраняется жениться на вдовах своих братьев. И Элеазар недолго был первосвященником, так как еще при его жизни эту должность занял вместо него Иисус, сын Сия.

2. На десятом¹⁰⁹³ году правления Архелая наиболее выдающиеся иудеи и самаряне, не будучи в состоянии переносить его жестокость и тиранию, обвинили его перед императором, особенно ввиду того, что Архелай, как они

узнали, нарушил предписание Цезаря обращаться мягко с поданными. Когда это услышал император, то разгневался и послал за поверенным Архелая в Риме (его также звали Архелаем), так как не считал нужным писать этнарху Архелаю. Поверенному этому он сказал: «Поезжай немедленно и привези к нам Архелая», Последний тотчас же отправился в путь и, прибыв в Иудею, застал Архелая за пиром в обществе друзей. Тут он сообщил ему о желании Цезаря и стал торопить его с отплытием. Когда же он прибыл [в Рим] и Цезарь выслушал некоторых обвинителей и его самого, то он приговорил его к изгнанию, назначил ему для жительства галльский город Виенну¹⁰⁹⁴ и конфисковал его имущество.

3. Раньше чем Архелай получил приглашение явиться в Рим, он рассказал своим друзьям о следующем сне: он видел десять¹⁰⁹⁵ зрелых и полных колосьев пшеницы, склонившихся низко; их объедало десять волов. Проснувшись и считая этот сон весьма знаменательным, он послал за снотолкователями, которые были искусны в своем деле. Пока те еще спорили между собой и не могли прийти к соглашению, некий ессеи Симон потребовал, чтобы ему было предоставлено право говорить без стеснения, и сказал, что виденный Архелаем сон предвещает поворот судьбы к худшему. Волы знаменуют собою горе, потому что труд этих животных тяжкий, а перемена судьбы предвещается тем, что волы трудом своим вспахивают землю, которая поэтому благодаря им подвергается изменениям. Десять колосьев указывают на такое же количество лет, потому что колосья зреют ежегодно один раз. Итак, наступает конец правлению Архелая. Таким образом Симон объяснил сон, а на пятый день после этого прибыл посланный императором в Иудею уполномоченный Архелай.

4. Нечто подобное случилось также с женой Архелая, Глафирой, дочерью царя Архелая, с которой тот, как я упомянул выше, вступил в брак, после того как она была замужем за Александром, сыном Ирода и братом Архелая. Когда ее первый муж, Александр, был казнен отцом своим, то она вышла замуж за ливийского царя Юбу. После смерти последнего она жила вдовой в Каппадокии, у отца своего, и тут-то на ней женился Архелай, расставшийся по этому поводу со своей женой Мариаммою. Такая сильная любовь к Глафире обуяла его. Уже в бытность замужем за Архелаем ей приснился следующий сон: ей приснилось, будто Александр явился к ней, и она заключила его в свои объятия. Он же стал укорять ее, говоря: «Глафира, ты теперь подтверждаешь поговорку, что не следует доверять женщинам. Ты девушкой вышла за меня и жила со мною, у нас с тобою были дети, но ты предала забвению мои ласки и вступила во второй брак. И с тебя не было

достаточно этого позора. Ты решилась отдаться третьему мужу, и притом бесстыдно и нагло ввела его в мой дом. Выйдя за Архелая, ты связалась со своим шурином, моим братом. Я же не могу забыть своей любви к тебе; поэтому я освобожу тебя от этого позора и верну тебя к себе, как то было прежде».

Глафира рассказала это своим родственникам, а несколько дней спустя умерла.

5. Я считал приведение этих фактов вполне уместным в своем повествовании, которое в этом месте посвящено истории царей. Кроме того, я полагаю, что тут мы имеем отличное доказательство бессмертия души и того, что Предвечный печется о людях. Кто же этому не поверит, тот, оставаясь при своем мнении, никому не должен препятствовать признавать за истину то, что побуждает человека к добродетели.

Область, некогда подчиненная Архелая, была включена в состав Сирии. Император же послал туда бывшего консула, Квириния¹⁰⁹⁶, чтобы сделать перепись в Сирии и продать дом Архелая.

* * *

*

См. также: [Иудейская война](#)

¹⁰⁵⁴

Сыновьями Александра были Тигран и Александр.

¹⁰⁵⁵

Сыновей Аристовула звали Ирод, Агриппа и Аристовул, дочерей – Иродиада и Мариамма.

¹⁰⁵⁶

Т.е. От Мариаммы, дочери первосвященника Симона.

¹⁰⁵⁷

Как известно, нигде в книгах Ветхого Завета многоженство не запрещается. Евреи, живущие в мусульманских странах, до сих пор держатся полигамии. В Европе раввин Гершом в 1018 году установил моногамию. (Перев.)

¹⁰⁵⁸

Т.е. Дорида.

¹⁰⁵⁹

Малтака.

¹⁰⁶⁰

Антипатр и Фазаель – дети Саломеи, сестры Ирода I.

[1061](#)

Т.е. Агриппа I и Агриппа II.

[1062](#)

Архелай – сын Ирода I от Малтаки, Филипп – от Клеопатры.

[1063](#)

Эпитет «Август», обязательно присоединявшийся к имени римского императора, передается по-гречески через «Сэбастос». (Перев.)

[1064](#)

Квинтилий Вар был наместником Сирии в 6–4 гг. до н.э.

[1065](#)

В «Иудейской войне» (I, 32, 6) Иосиф Флавий называет Акму служанкой Ливии, жены Октавиана Августа.

[1066](#)

Хитон – одежда из куска ткани, он набрасывался на правый бок и соединялся на левом плече. Хитон перетягивался поясом. Эта одежда закрывала тело (за исключением левого бока и правого плеча) до колен.

[1067](#)

Т.е. Ливии.

[1068](#)

По «Иудейской войне» (I, 32, 7) – Антипе.

[1069](#)

В «Иудейской войне» (I, 33, 2) Иуда назван сыном Сепфорея, Матфий – сыном Маргала.

[1070](#)

Установка Иродом золотого орла над фронтоном храма была не только нарушением иудейских религиозных предписаний, но прежде всего характеризовала его лояльность Риму. Орел был символом Рима еще со времен ранней Республики. Кроме того, орел считался одним из важнейших атрибутов Юпитера.

[1071](#)

Каллироя находилась на восточном берегу Мертвого моря и представляла в древности оживленный курорт. Горячие ключи с большой примесью

минеральных ингредиентов еще по сей день служат арабам для целебных целей. (Перев.)

[1072](#)

Насколько серьезно можно относиться к этому рассказу Иосифа, видно из того, что то же деяние приписывается в Талмуде Яннаю... Таким же вымыслом, по мнению Э. Ренана («Евреи под владычеством Рима»), является и рассказ об осквернении золотого орла над фронтоном храма. (Перев.)

[1073](#)

В «Иудейской войне» (I, 33, 7) Ахиаб назван племянником Ирода.

[1074](#)

Судя по дальнейшему содержанию «Иудейских древностей» и по «Иудейской войне», речь здесь должна идти о Филиппе, брате Архелая и сыне Ирода.

[1075](#)

Ирод скончался в возрасте 70 лет.

[1076](#)

Диадема – головная повязка, на Востоке издревле считалась знаком царского достоинства.

[1077](#)

Лохаг – командир лоха (отряда), очевидно, в те времена соответствовал римскому центуриону.

[1078](#)

Таксиарх – командир отряда, колонны в тысячу воинов (во времена Александра Македонского).

[1079](#)

Хилиарх – командир отряда в тысячу воинов. Однако в данном случае, если сравнить с соответствующим местом из «Иудейской войны» (II, 1, 3), это военный трибун, возглавлявший когорту воинов (500–600 человек).

[1080](#)

Т.е. Малтаки.

[1081](#)

Гай был старшим сыном Агриппы от его брака с Юлией, дочерью Октавиана Августа, единственной от его брака со Скрибонией. От брака Юлии и Агриппы родилось пять детей, однако уже тогда Юлия увлеклась любовными

похождениями и через несколько лет после кончины Агриппы Октавиан применил к своей распутной дочери суровые санкции закона о прелюбодеянии, отправив ее в ссылку, где она и скончалась.

[1082](#)

Т.е. Николай Дамасский.

[1083](#)

Т.е. стрелки из лука.

[1084](#)

В «Иудейской войне» (II, 3, 3) говорится о том, что 400 талантов из храмовой казны было расхищено римскими воинами во время грабежа, Сабин же забрал себе остальное.

[1085](#)

Грат был командиром гвардейской пехоты Ирода, Руф – кавалерии.

[1086](#)

По «Иудейской войне» (II, 4, 2), Симон был убит в бою.

[1087](#)

В «Иудейской войне» (II, 4, 3) Иосиф говорит о том, что все братья Афронта были взяты в плен.

[1088](#)

Гаю («Иуд. война». II, 5, 1). Именно Гай подавил мятежи в Галилее и захватил Сепфорис.

[1089](#)

В «Иудейской войне» (II, 5, 2) Иосиф фигурирует как троюродный брат Архелая.

[1090](#)

По «Иудейской войне» (II, 6, 3), – 400 талантов.

[1091](#)

В «Иудейской войне» (II, 7, 2) говорится, что помилование взамен раскрытия обмана Лже-Александру пообещал не сам Август, а Келад от имени императора.

[1092](#)

Глафира – дочь каппадокийского царя Архелая была замужем за сыном Ирода I (от Мариаммы из рода Хасмоиеев) Александром.

[1093](#)

По «Иудейской войне» (II, 7, 3), на девятом году. (Перев.)

[1094](#)

Виенна – город в Нарбоннской Галлии, недалеко от Лугдуна (Лиона).

[1095](#)

В параллельном месте «Иудейской войны» (II, 7, 3) число колосьев и волов определено в девять, сообразно указанному там числу лет правления Архелая. (Перев.)

[1096](#)

Публий Сульпиций Квириний был консулом в 12 г. до н.э.

Книга 18

Предисловие

Иосиф Флавий рассказывает здесь о событиях в Иудее после отстранения от власти Архелая (6 г. н.э.) до 40-х годов I в. Книга особенно ценна своими сведениями по истории первоначального христианства. В ней содержится знаменитый рассказ Иосифа Флавия о деятельности и распятии Иисуса, повествуется об Иоанне Крестителе, как нигде, полно рассказывается о деяниях жестокого и алчного прокуратора Иудеи Понтия Пилата. Иосиф сообщает также о переписи в Иудее (которая в евангелиях связывается с биографией Иисуса Христа), проведенной сирийским наместником Квиринием. В этой книге Иосиф Флавий тоже дает краткие характеристики «философских школ» у иудеев, добавляя на сей раз к фарисеям, саддукеям и ессеям zelотов. Снова события в Иудее оказываются тесно связанными с событиями, происходившими в Риме. В этом плане особенно интересен рассказ о пребывании в Риме Агриппы в последние годы правления Тиберия и в начале правления Гая Калигулы.

Иосиф приводит немало ценных сведений о взаимоотношениях Рима и Парфии и истории Аршакидской державы. Заканчивается книга весьма пространством рассказом о положении евреев, живших в Парфии.

Глава 1

1. Сенатор Квириний, который раньше занимал все государственные должности и проложил себе дорогу к консульству, человек, пользовавшийся

во всех делах огромным влиянием, явился в Сирию, куда его посылал император для того, чтобы творить суд и оценить все имущество населения¹⁰⁹⁷. Вместе с ним был послан и Копоний, происходивший из всаднического сословия¹⁰⁹⁸. Ему была предоставлена верховная власть [прокуратора] над всею Иудеею. Затем в Иудею, которая тем временем вошла в состав Сирии, прибыл и Квириний, желая совершить общую перепись¹⁰⁹⁹ и конфисковать имущество Архелая.

Хотя иудеи при первых слухах о переписи с самого начала были возмущены этим, но в конце концов оставили всякую мысль о сопротивлении, благодаря увещаниям первосвященника Иоазара, сына Бозта. Уступая увещаниям Иоазара, они, наконец, беспрепятственно допустили расценку своего имущества. Однако некий галилеянин Иуда, происходивший из города Гамалы, вместе с фарисеем Саддуком стал побуждать народ к оказанию сопротивления, говоря, что допущение переписи поведет лишь к рабству¹¹⁰⁰. Они побуждали народ отстаивать свою свободу. Их не может постигнуть неудача, говорили они, потому что налицо самые благоприятные условия; даже если народ ошибется в своих расчетах, он создаст себе вечный почет и славу своим великодушным порывом; Предвечный лишь в том случае окажет иудеям поддержку, если они приведут в исполнение свои намерения, особенно же, если они, добиваясь великого, не отступят перед осуществлением своих планов.

Народ с восторгом внимал этим речам, и таким образом предприятие получило еще более рискованный характер. Не было большего бедствия для нашего простонародья, как то, какое готовили ему вышеназванные люди. Благодаря постоянным войнам иудеи более уже не были в состоянии оказывать кому бы то ни было сопротивления; друзей, которые могли бы поддержать их в трудную минуту, тем более не было; зато происходили постоянные разбойничьи набеги и умерщвления наиболее именитых граждан под предлогом преследования общего блага, на самом же деле для того, чтобы палачи могли пользоваться имуществом умерщвленных. Отсюда возникли всевозможные возмущения, происходил ряд политических убийств, отчасти вследствие кровопролитной междоусобной борьбы, так как люди, озверев, кидались друг на друга и в своем увлечении не желали оставлять в живых никого из своих противников, отчасти же вследствие избиения врагов. Наконец наступил голод, доводящий людей до крайнего бесстыдства; города брались насильно и разрушались, пока наконец эта смута не довела до того, что сам храм Предвечного стал жертвою пламени, брошенного врагами.

Такое горе и такие осложнения приносят с собою нарушение и отвержение родных установлений для всех участников этого дела.

Между тем Иуда и Саддук ввели у нас четвертую философскую школу. Имея большое число горячих приверженцев, они не только в настоящий момент преисполнили государство смуту, но и необычными философскими учениями положили на будущее время начало всевозможных бедствий.

Я думаю на этом несколько подробнее остановиться, особенно уже потому, что гибель нашему государству принесла ревностно приверженная этому учению молодежь.

2. У иудеев с давних пор существовали три философских школы, основывавшиеся на толковании древних законов: школы ессеев, саддукеев и фарисеев¹⁰⁰. Нам уже приходилось говорить о них во второй книге [нашей] «Иудейской войны»¹⁰², но вместе с тем я и здесь готов в немногих словах упомянуть о них.

3. Фарисеи ведут строгий образ жизни и отказываются от всяких удовольствий. Всему тому, что разум признает за благо, они следуют, считая разум лучшим охранителем во всех желаньях. Они выдаются своим почтительным отношением к людям престарелым и отнюдь не осмеливаются противоречить их предначертаниям. По их мнению, все совершающееся происходит под влиянием судьбы. Впрочем, они нисколько не отнимают у человека свободы его воли, но признают, что по предначертанию Божию происходит смешение Его желания с желанием человека, идти ли ему по пути добродетеля или злобы. Фарисеи верят в бессмертие души и что за гробом людей ожидает суд и награда за добродетель или возмездие за преступность при жизни; грешники подвергаются вечному заключению, а добродетельные люди имеют возможность вновь воскреснуть¹⁰³. Благодаря этому они имеют чрезвычайное влияние на народ, и все священнодействия, связанные с молитвами или принесением жертв, происходят только с их разрешения. Таким образом, отдельные общины засвидетельствовали их добродетель, так как все были убеждены, что фарисеи на деле и на словах стремятся лишь к наиболее высокому.

4. По учению саддукеев, души людей умирают вместе с телом; они не признают никаких других постановлений, кроме постановлений закона. Они считают даже похвальным выступать против учителей своей собственной философской школы. Это учение распространено среди немногих лиц, притом принадлежащих к особенно знатным родам. Впрочем, влияние их настолько ничтожно, что о нем и говорить не стоит. Когда они занимают правительственные должности, что случается, впрочем, редко и лишь по

принуждению, то саддукеи примыкают к фарисеям, ибо иначе они не были бы терпимы простонародьем.

5. Учение ессеев¹¹⁰⁴ требует все предоставлять на волю Божию; они признают бессмертие душ и считают стремление к справедливости высшею целью. В храм они доставляют пожертвования, но сами они не занимаются жертвоприношениями, признавая другие способы очищения более целесообразными. Поэтому им запрещен доступ в общий храм и они совершают свое богослужение отдельно. Впрочем, это наилучшие люди, которые всецело отдаются земледельческому труду. Достоинство удивления то чувство справедливости у них, которое они, помимо всех прочих народов, ставят не ниже добродетели и которого не знают ни греки, ни другие народы. Это столь в них развитое чувство укоренилось у них не со вчерашнего дня, а издревле, и в силу его они не препятствуют никому жить со всеми общею, равною жизнью: имущество у них общее, и богач пользуется у них не большим, чем ничего не имеющий бедняк. Такой образ жизни ведут эти люди, и число их превышает четыре тысячи человек. Они не имеют ни жен, ни рабов, полагая, что женщины ведут лишь к несправедливостям, а вторые подают повод к недоразумениям. Живя сами по себе, они услуживают друг другу. Для заведования доходами и плодами земли они с помощью голосования избирают наиболее достойных лиц из священнического сословия; последние и должны заботиться о доставлении хлеба и прочих съестных припасов. Они живут все одинаково и наиболее подходят к тем дакийским племенам, которые носят название полистов¹¹⁰⁵.

6. Родоначальником четвертой философской школы стал галилеянин Иуда. Приверженцы этой секты во всем прочем вполне примыкают к учению фарисеев. Зато у них замечается ничем не сдерживаемая любовь к свободе. Единственным руководителем и владыкою своим они считают Господа Бога. Идти на смерть они считают за ничто, равно как презирают смерть друзей и родственников, лишь бы не признавать над собою главенства человека. Так как в этом лично может убедиться воочию всякий желающий, то я не считаю нужным особенно распространяться о них. Мне ведь нечего бояться, что моим словам о них не будет придано веры; напротив, мои слова далеко не исчерпывают всего их великодушия и готовности их подвергаться страданиям. Народ стал страдать от безумного увлечения ими при Гессии Флоре, который был наместником и довел иудеев злоупотреблением своей власти до восстания против римлян¹¹⁰⁶.

Таковы были философские школы иудеев.

Глава 2

1. Секвестровав имущество Архелая и окончив перепись в тридцать седьмом году после поражения Антония Цезарем Августом при Акции¹¹⁰⁷, Квирий сместил первосвященника Иоазара за то, что он не поладил с народом, и назначил на его место Анана, сына Сефа¹¹⁰⁸. Ирод¹¹⁰⁹ и Филипп получили каждый по предназначенной им тетрархии¹¹¹⁰. Ирод затем окружил стенами Сепфорис, красивейший город всей галилейской страны, и посвятил его императору, а другой город, Вифарамфту, он также окружил стеною и назвал его в честь императрицы Юлиадою. Филипп, со своей стороны, отстроил расположенную у истоков Иордана Панаду и назвал ее Кесарией. Местечко Вифсаиду¹¹¹¹, расположенное у Генисаретского озера, он обратил в город, увеличив число жителей и снабдив его всем нужным, и назвал его Юлиадою в честь Юлии, дочери императора.

2. При прокураторе Колонии, который, как я упомянул, прибыл в Иудею вместе с Квиринием, произошло следующее событие: во время праздника опресноков, носящего у нас название Пасхи, в полночь священнослужители обыкновенно открывали врата храма. Когда они и на этот раз последовали этому обычаю, несколько тайно прибывших в Иерусалим самарян разбросали под сводами галерей человеческие кости¹¹¹². Вследствие этого пришлось, чего раньше никогда не было, никого не впускать в храм и вообще снабдить последний большею охраною.

Вскоре после этого Колоний возвратился в Рим, и преемником ему стал Марк Амбивий¹¹¹³. При нем умерла Саломея, сестра царя Ирода Великого, оставив [императрице] Юлии Ямнию, всю топархию, расположенный на равнине город Фазаелиду и город Архелаиду, где находились огромные плантации пальм с наилучшими плодами. После Амбивия наместником стал Анней Руф¹¹¹⁴, при котором умер второй римский император после пятидесяти семи лет, шести месяцев и двух дней правления (в течение этого периода он четырнадцать лет делил власть с Антонием) в семидесятисемилетнем возрасте¹¹¹⁵. Преемником ему на престоле стал Тиберий Нерон, сын его от императрицы Юлии¹¹¹⁶. Он был, следовательно, третьим римским императором. При нем был послан в Иудею пятый наместник, преемник Аннея Руфа, Валерий Грат¹¹¹⁷. Он сместил первосвященника Анана и поставил на его место Исмаила, сына Фаби. Впрочем, недолго спустя он уволил и Исмаила и назначил на его место Элезара, сына первосвященника Анана. По прошествии года он удалил и его и передал этот пост Симону, сыну Камифа. Однако и последний удержался не более года, и преемником ему был

назначен Иосиф, прозванный также Каиафой. После всего этого Грат возвратился в Рим, проведя в Иудее одиннадцать лет, и вместо него прибыл его преемник Понтий Пилат.

3. Тетрарх Ирод, находившийся в очень дружественных отношениях с Тиберием, основал в честь последнего в самой плодородной местности Галилеи¹¹⁸, у Генисаретского озера, город Тивериаду¹¹⁹. Невдалеке отсюда, в деревушке Аммаус, находятся горячие ключи. Здесь были поселены всевозможные пришельцы отовсюду, в числе которых было немало галилеян, множество насильно удаленных и отправленных в ссылку людей, а также несколько высокопоставленных лиц. Сюда же были привлечены для поселения всевозможные набранные отовсюду бедняки, равно как целый ряд лиц, свободное происхождение которых не было даже установлено. Всем им тетрарх предоставил права свободнорожденных граждан и дал им различные преимущества; а для того чтобы привязать их к городу, он настроил жилища и дал им земельные участки. Он отлично понимал, что поселение здесь людей было, собственно, противно иудейским законам, вследствие того, что Тивериада была основана на месте множества находившихся здесь и разрытых с этою целью могил. Тут закон постановлял, что жители должны считаться ритуально нечистыми в течение семидневного срока.

4. Около этого времени пал от руки сына своего Фраатака парфянский царь Фраат¹²⁰. Поводом к этому послужило следующее: хотя у Фраата были законные дети, однако он взял себе в наложницы итальянскую рабыню Формусу, которую прислал ему в числе прочих даров Юлий Цезарь. Сперва он находился с нею в незаконном сожителстве, но с течением времени, увлеченный ее красотою, женился на ней и сделал ее своею законною супругою. После того как она успела родить ему сына Фраатака, она вскоре достигла огромного влияния на царя и задумала приложить все старания, чтобы укрепить за своим сыном престол парфянский. Впрочем, она [вскоре] увидела, что достигнет этого не иначе как если коварным образом избавится от законных детей Фраата. Тогда она стала уговаривать последнего отправить законных детей в Рим в качестве заложников. Так оно и было сделано (Фраат не был в состоянии отказать Формусе в чем бы то ни было), и Фраатак, оставшись один, получал теперь подготовку к будущему правлению. Но вместе с этим юноше показалось слишком долгим ждать смерти отца для получения престола, и потому он задумал умертвить отца при содействии своей матери, с которою, как гласила молва, он даже находился в преступной связи. Все это, т.е. отцеубийство, равно как кровосмешение с матерью, возбудило в одинаковой мере ненависть к нему

его подданных, и поэтому он, не успев достигнуть совершеннолетия, потерял власть¹¹²¹ во время мятежа и был убит. Тогда, однако, наиболее родовитые парфяне пришли к заключению, что им невозможно жить без царя. Последний должен был, иначе это противоречило бы закону, происходить непременно из рода Аршакидов, тем более, что и раньше неоднократно, да и теперь происходили в правлении затруднения вследствие наличия итальянской наложницы и ее потомства. Поэтому они отправили депутацию к Ороду¹¹²² и просили его сесть на престол. Впрочем, этот человек, по своей гнусности, легкой раздражительности и крайней жестокости, вскоре заслужил ненависть всего народа, хотя и принадлежал к царскому роду. Решив убить его, заговорщики привели свой план в исполнение, по мнению некоторых, во время пиршества за столом (парфяне никогда не расстаются со своими мечами), а по мнению большинства, во время охоты. Потом парфяне послали в Рим и стали просить себе царя из числа тамошних заложников. Преимущество перед прочими братьями было оказано Вонону¹¹²³, который теперь стал думать, что судьба улыбнулась ему, так как царство предлагали ему две крупнейшие державы в мире, его собственная страна и чужая [ему Римская империя]. Впрочем, варвары, вообще по природе своей не отличающиеся устойчивостью, быстро раскаялись в своем выборе, считая последний и неуместным, и бесславленным, так как не хотели повиниться чужеземному рабу: заложничество они признавали рабством, да и к тому же царь у них появился не в результате правильной войны, но, что было гораздо хуже, был им позорно навязан в мирное время. Поэтому они немедленно признали на царство мидийского¹¹²⁴ правителя Артабана, происходившего из рода Аршакидов. Артабан принял это приглашение и явился к ним с войском. Навстречу ему выступил Вонон, а так как первоначально парфяне еще оставались верны последнему, то в происшедшей затем битве он победил своего соперника и Артабан должен был бежать к пределам Мидии. Вскоре, впрочем, Артабан набрал новое большое войско и сразился с Вононом, которого ему удалось победить. Вонон умчался верхом в сопровождении немногих приверженцев в Селевкию¹¹²⁵. Учинив затем страшную резню среди не оправившегося еще от ужаса парфянского войска, Артабан двинулся во главе своей многочисленной рати к Ктесифону. Таким образом он стал наконец царем парфянским¹¹²⁶, а Вонон бежал в Армению¹¹²⁷. Тут он продолжал сначала домогаться своей страны и отправил посольство к римлянам. Однако Тиберий ответил ему отказом, как вследствие его малодушия, так и по причине угроз Артабана (который, в свою очередь, отправил послов с извещением, что он начнет войну). Так как теперь уже не было никакой

возможности вернуть престол, тем более, что и могущественные, жившие около Нифаты¹¹²⁸, армянские князья примкнули к Артабану, Вонон отдался под покровительство сирийского претора Силана. Последний, принимая во внимание римское воспитание Вонона, оставил его у себя в Сирии, Артабан же отдал Армению одному из своих сыновей, именно ороду.

5. Тем временем умер также царь Коммагены, Антиох¹¹²⁹. При этом престоноародье восстало против знати; обе партии послали [в Рим] депутации. Знать просила обратить область в римскую провинцию, народ, однако, желал иметь по-прежнему своих царей. Сенат решил отправить Германика для улаживания положения на востоке¹¹³⁰, но здесь судьба уготовила Германику найти смерть. Прибыв на восток и устроив там все дела, он был отравлен Пизоном, как о том рассказывается в других источниках¹¹³¹.

Глава 3

1. Когда претор¹¹³² Иудеи Пилат повел свое войско из Кесарии в Иерусалим на зимнюю стоянку, он решил для надругания над иудейскими обычаями внести в город изображения императора на древках знамен. Между тем закон наш возбраняет нам всякие изображения. Поэтому прежние преторы вступали в город без таких украшений на знаменах. Пилат был первым, который внес эти изображения в Иерусалим, и сделал это без ведома населения, вступив в город ночью. Когда узнали об этом, население толпами отправилось в Кесарию и в течение нескольких дней умоляло претора убрать изображения. Пилат не соглашался, говоря, что это будет оскорблением императора, а когда толпа не переставала досаждать ему, он на шестой день приказал своим воинам тайно вооружиться, поместил их в засаде в здании ристалища, а сам взошел на возвышение, там же сооруженное. Но так как иудеи опять возобновили свои просьбы, то он дал знак и солдаты окружили их. Тут он грозил немедленно перерубить всех, кто не перестанет шуметь и не удалится восвояси. Иудеи, однако, бросились на землю, обнажили свои шеи и сказали, что они предпочитают умереть, чем допускать такое наглое нарушение мудрого закона. Пилат изумился их стойкости в соблюдении законов, приказал немедленно убрать из Иерусалима [императорские] изображения и доставить их в Кесарию.

2. Затем Пилат соорудил водопровод в Иерусалиме. На это он употребил деньги святилища. Водопровод питался ключами, находившимися на расстоянии двухсот стадий от города. Однако население воспротивилось этому, и много десятков тысяч иудеев собралось около рабочих, занятых сооружением водопровода, и стало громко требовать, чтобы наместник

оставил свой план. Как то обыкновенно бывает в таких случаях, некоторые из них позволили себе при этом оскорбить Пилата ругательствами. Последний распорядился переодеть значительное число солдат, дал им дубины, которые они должны были спрятать под платьем, и велел им окружить толпу со всех сторон. Толпа, в свою очередь, получила приказание разойтись. Но так как она продолжала поносить его, то он подал воинам условный знак и солдаты принялись за дело гораздо более рьяно, чем то было желательно самому Пилату. Работая дубинами, они одинаково поражали как шумевших мятежников, так и совершенно невинных людей. Иудеи, однако, продолжали держаться стойко; но так как они были безоружны, а противники их вооружены, то многие из них тут и пали мертвыми, а многие ушли, покрытые ранами. Таким образом было подавлено возмущение.

3. Около этого времени жил Иисус, человек мудрый, если Его вообще можно назвать человеком. Он совершил изумительные деяния и стал наставником тех людей, которые охотно воспринимали истину. Он привлек к себе многих иудеев и эллинов. То был Христос. По настоянию наших влиятельных лиц Пилат приговорил Его к кресту. Но те, кто раньше любили Его, не прекращали этого и теперь. На третий день он вновь явился им живой, как возвестили о Нем и о многих других Его чудесах боговдохновенные пророки. Поныне еще существуют так называемые христиане, именующие себя таким образом по Его имени¹³³.

4. Около этого же самого времени другое горе постигло иудеев. Впрочем, об этом после. В это же самое время не прекращались в Риме бесстыдства, совершавшиеся в храме богини Исиды¹³⁴. Поэтому я сперва упомяну о последнем, а затем перейду уже к рассказу о судьбе иудеев.

В Риме жила некая знатная и славившаяся своею добродетелью женщина, по имени Паулина. Она была очень богата, красива и в том возрасте, когда женщины особенно привлекательны. Впрочем, она вела образцовый образ жизни. Замужем она была за неким Сатурнином, который был так же порядочен, как и она, и не уступал ей в хороших качествах. В эту женщину влюбился некий Деций Мунд, один из влиятельнейших тогда представителей всаднического сословия. Так как Паулина была слишком порядочная женщина, чтобы ее можно было купить подарками, как он узнал от подосланных лиц, Деций возгорел еще большим желанием обладать ею, так что обещал за единожды дозволенное сношение с нею заплатить ей целых 200 000 аттических драхм. Однако Паулина не склонилась и на такое щедрое вознаграждение, и тогда юноша, не будучи далее в силах переносить муки [неудовлетворенной] любви, решил покончить с собою и умереть голодной

смертью. Решив это, он не откладывал исполнения этого решения в долгий ящик и сейчас же приступил к нему. У Мунда жила одна бывшая вольноотпущенница отца его, некая Ида, женщина, способная на всякие гнусности. Видя, как юноша чахнет и озабоченная его решением покончить с собою, она явилась к нему и, переговорив с ним, выразила твердую уверенность, что при известных условиях вознаграждения сможет ему доставить возможность иметь Паулину. Юноша обрадовался этому, и она сказала, что ей будет достаточно всего 50 000 драхм для того, чтобы овладеть Паулиною. Подбодрив таким образом Мунда и получив от него требовавшуюся сумму денег, она пошла не тою дорогою, какую пошел он, так как видела, что той женщины за деньги не купишь. С другой стороны, зная, как ревностно относится Паулина к культу Исиды, она выдумала следующий способ добиться своей цели: явившись к некоторым жрецам [Исиды] для тайных переговоров, она сообщила им, под величайшим секретом, скрепленным деньгами, о страсти юноши и обещала сейчас выдать половину всей суммы, а затем остальные деньги, если жрецы как-нибудь помогут Мунду овладеть Паулиною. Жрецы, побужденные громадностью суммы, обещали свое содействие. Старший из них отправился к Паулине и просил у нее разрешения переговорить с нею наедине. Когда ему это было позволено, он сказал, что явился в качестве посланца от самого бога Анубиса⁴³⁵, который-де пылает страстью к Паулине и зовет ее к себе. Римлянке доставило это удовольствие, она возгордилась благоволением Анубиса и сообщила своему мужу, что бог Анубис пригласил ее разделить с ним трапезу и ложе. Муж не воспротивился этому, зная скромность жены своей. Поэтому Паулина отправилась в храм. После трапезы, когда наступило время лечь спать, жрец запер все двери. Затем были потушены огни, и спрятанный в храме Мунд вступил в обладание Паулиною, которая отдавалась ему в течение всей ночи, предполагая в нем бога. Затем юноша удалился раньше, чем явились жрецы, не знавшие об этой интриге. Паулина рано поутру вернулась к мужу, рассказала ему о том, как к ней явился Анубис и хвасталась перед ним, как ласкал ее бог. Слышавшие это не верили тому, изумлялись необычности явления, но и не могли согласиться с таким невероятным событием, тем более, что знали целомудрие и порядочность Паулины. На третий день после этого события она встретилась с Мундом, который сказал ей:

«Паулина, я сберег 200 000 драхм, которые ты могла внести в свой дом. И все-таки ты не преминула отдаться мне. Ты пыталась отвергнуть Мунда. Но мне не было дела до имени, мне нужно было лишь наслаждение, а потому я и

прикрылся названием Анубиса». С этими словами юноша удалился. Паулина теперь только поняла всю дерзость его поступка, разодрала на себе одежды, рассказала мужу о всей этой гнусности и просила его помочь ей наказать Мунда за это чудовищное преступление. Муж ее [немедленно] сообщил обо всем императору.

Подвергнув дело относительно участия жрецов самому строгому и точному расследованию, Тиберий приговорил к пригвождению к кресту их и Иду, которая была виновницею всего этого преступления, совершенного столь гнусно над женщиною. Затем он велел разрушить храм Исиды, а изображение богини бросить в реку Тибр. Мунда он приговорил к изгнанию, полагая, что наказал его таким образом достаточно за его любовное увлечение.

Таковы были позорные поступки жрецов храма Исиды.

Теперь я, по обещанию своему, возвращусь к рассказу о судьбе, постигшей в это время римских иудеев.

5. В это время из Иудеи бежал человек, боявшийся обвинения в нарушении некоторых законов и наказания за это. Вообще, это был гнусный человек. Он тогда проживал в Риме и соединился здесь с тремя подобными ему негодьями. К ним примкнула Фульвия, знатная женщина, принявшая иудаизм. Они убедили ее послать пурпур и золото в Иерусалимский храм, и когда та сдала им это, то они присвоили его себе, как то и было их первоначальным намерением. Тиберий, которому по желанию Фульвии сообщил об этом муж ее Сатурнин, бывший с императором в дружественных отношениях, распорядился изгнать из Рима всех иудеев. Консулы выбрали из них четыре тысячи человек и послали их в качестве солдат на остров Сардинию. Гораздо большее число, однако, они предали казни, потому что те отказались от участия в военной службе, благодаря запрещению этого иудейскими законами¹¹³⁶.

Глава 4

1. Таким образом, иудеи, вследствие гнусности четырех человек, были изгнаны из города. Также и самаряне не удержались от возмущения. Их смутил некий лживый человек, который легко во всем влиял на народ. Он побудил их собраться к нему на гору Гаризим, которую они считают особенно священной. Тут он стал уверять пришедших [отовсюду] самарян, что покажет им зарытые здесь священные сосуды Моисея. Самаряне вооружились, поверив этой басне, и расположились в деревушке Тирафана. Тут к ним примкнули новые пришельцы, чтобы возможно большею толпою

подняться на гору. Однако Пилат предупредил это, выслав вперед отряды всадников и пехоты, которые, неожиданно напав на собравшихся в деревушке, часть из них перебили, а часть обратили в бегство. При этом они захватили также многих в плен, Пилат же распорядился казнить влиятельнейших и наиболее выдающихся из этих пленных и беглецов.

2. Когда этим дело кончилось, представители верховного совета самарян явились к бывшему консулу Вителлию, который теперь был прокуратором сирийским¹¹³⁷, и стали обвинять Пилата в казни их погибших единоплеменников, говоря, что последние пошли в Тирафану вовсе не с целью отложиться от римлян, но для того, чтобы уйти от насилий Пилата. Тогда Вителлий послал Марцелла¹¹³⁸, одного из своих приближенных, в Иудею, чтобы принять там бразды правления, Пилату же велел ехать в Рим для ответа перед императором в возводимых на него обвинениях. Проведя в Иудее десять лет, Пилат поехал в Рим, так как не смел ослушаться приказания Вителлия. Но раньше, чем он успел прибыть туда, Тиберий умер¹¹³⁹.

3. После этого Вителлий поехал в Иудею и прибыл в Иерусалим как раз во время праздника Пасхи. Так как он был встречен радушно, то Вителлий навсегда освободил население от платежа налога на привозимые и продаваемые [в городе] плоды. Вместе с тем он разрешил держать первосвященническое облачение и все к этому относящееся в храме, предоставив надзор и охрану этих вещей священнослужителям, как то было некогда раньше. Теперь же эти облачения хранились обыкновенно в так называемой крепости Антония, по следующей причине: некий Гиркан, первый из целого ряда первосвященников, носивших это имя, построил себе вблизи храма башню, в которой обыкновенно и жил. Здесь у него хранилось его облачение, надевать которое он один только был вправе, и когда он уходил в город, то облакался в свою простую собственную одежду. Так поступали затем его сыновья и их дети. Овладев царством, Ирод Великий роскошно отстроил эту башню, названную им в честь своего друга Антония Антониею, и как нашел там первосвященническое облачение, так и продолжал хранить его там, не думая, что возбудит этим неудовольствие народа против себя. Такого же образа действий держался и преемник и сын его Архелай. Овладев областью последнего, римляне удержали у себя также облачение первосвященника, которое сохранилось в каменном здании, запечатанном печатями священнослужителей и казначеев, причем начальник стражи башни обязан был ежедневно заботиться о том, чтобы перед этим помещением всегда горел светильник. За семь дней до наступления

праздника облачение выдавалось священнослужителям начальником стражи. Освятив облачение, первосвященник возвращал его через день после окончания праздников, и оно продолжало по-прежнему храниться в башне. Так делалось в каждый из трех больших ежегодных праздников и в день поста. Вителлий разрешил иудеям хранить облачение у себя и запретил вмешиваться в это дело начальнику стражи, но предоставить иудеям пользование облачением, когда в том представится надобность. Этим он расположил народ в свою пользу. Затем он сместил первосвященника Иосифа Каиафу и назначил на его место Ионатана, сына бывшего первосвященника Анана. После этого Вителлий вернулся обратно в Антиохию.

4. Тем временем Тиберий отправил Вителлию письмо, в котором просил его заключить дружественные сношения с парфянским царем Артабаном. Император опасался его враждебных действий, так как Артабан успел овладеть Арменией и мог подать повод к значительным осложнениям. При этом император указывал на то, что лишь в том случае может доверять Артабану, если он выдаст заложников и главным образом в числе их своего собственного сына. Вместе с этим письмом Вителлию Тиберий отправил значительные денежные подарки царям Иберии и Албании¹⁴⁰, убеждая их немедленно начать войну с Артабаном. Цари, однако, воздержались от такой войны, но напустили на Артабана скифов¹⁴¹, предоставив последним свободный пропуск через свои владения и проход Каспийский. Таким образом, Артабан вновь лишился Армении, страна парфянская стонала под ужасами войны, наиболее влиятельные лица были убиты, везде царило полное смятение и сын самого царя пал со многими тысячами войска в одной из битв. Вителлий был готов умертвить старика Артабана и с этою целью за большие деньги подкупил друзей и родственников царя, но Артабан понял, что этот замысел будет приведен в исполнение, так как он окружен массою влиятельных лиц, которые не останутся ни перед чем. Он ясно сознавал, что все его родственники подкуплены и лишь коварным внешним образом выказывают ему преданность, которая у них впоследствии немедленно изменится, когда они перейдут на сторону врагов. Поэтому он решил спастись бегством в свои горные сатрапии. Тут ему удалось впоследствии набрать большое войско из даев и саков¹⁴², вступить затем в борьбу с противниками и вернуть себе власть¹⁴³.

5. При известии об этом Тиберий пожелал заключить с Артабаном дружественный союз. Получив приглашение в этом смысле, старик охотно принял предложение. Тогда Артабан и Вителлий встретились у берегов

Евфрата. На реке был сооружен мост, и посередине этого моста они сошлись, сопровождаемые каждый отрядом своих телохранителей. После того как они обо всем условились, тетрарх Ирод угостил их в роскошной палатке, которую он с большими расходами велел для этой цели соорудить на самой середине моста. Вскоре после этого Артабан послал Тиберию в качестве заложника своего сына Дария и отправил императору богатые дары. В числе последних находился также некий иудей Элезар, человек семи футов роста, прозванный за это гигантом. После того Вителлий вернулся в Антиохию, Артабан же в Вавилон.

Желая, чтобы император от него первого узнал о получении заложников, тетрарх Ирод отправил к нему посланных с письмами, где все было в точности донесено, так что консуляру [Вителлию] не приходилось ничего прибавить к этому. Когда император известил Вителлия, что он уже все знает из донесения Ирода, Вителлий страшно рассердился, видя в этом поступке [Ирода] большее оскорбление, чем то было на самом деле. Однако он подавил в себе гнев до тех пор, пока власть не перешла к Гаю Калигуле.

6. Тогда же, на двадцатом году правления Тиберия¹⁴⁴, умер и брат тетрарха Ирода, Филипп, после того как в течение тридцати семи лет правил Трахоном, Гавланитидой и Батанею. Его правление отличалось мягкостью и спокойствием. Он провел всю жизнь в пределах подчиненной ему области. Когда ему случалось выезжать, он делал это в обществе нескольких избранных. При этом за ним всегда возили его кресло, сидя на котором, он творил суд. Если по пути к нему являлся кто-либо с жалобой, то он, недолго думая, тут же ставил кресло, садился на него и выслушивал обвинителя. Виновных он тут же подвергал наказанию и немедленно отпускал тех, кого обвинили несправедливо. Филипп умер в Юлиаде. Труп его был доставлен в мавзолей, который он сам заранее воздвиг для себя, и торжественно похоронен там. Так как Филипп не оставил после себя потомства, то Тиберий взял его область себе и присоединил ее к Сирии. Впрочем, доходы с этой тетрархии он распорядился сохранить за нею.

Глава 5

1. Около этого времени царь каменистой Аравии Арета и тетрарх поссорились между собою по следующей причине: Ирод был давно уже женат на дочери Ареты. Во время одного путешествия в Рим он заехал к своему сводному брату Ироду, который родился от дочери первосвященника Симона. Влюбившись в жену брата, Иродиаду (она была дочерью их общего брата Аристубула и сестрою Агриппы Великого), он рискнул предложить ей

выйти за него замуж. Иродиада согласилась и сговорилась с ним войти в его дом, когда он возвратится из Рима. При этом было условлено, что Ирод прогонит дочь Ареты. После этого тетрарх отплыл в Рим, заключив вышеуказанный договор. Когда же он, по исполнению в Риме всего нужного, собирался вернуться домой, жена его, без его ведома успевшая разузнать все о его условии с Иродиадою, просила разрешения уехать в Махерон, находящийся как раз на границе владений Ареты и Ирода, причем никому не сказала о цели этой своей поездки. Ирод согласился, не предполагая, что жене его что-либо известно. Последняя между тем заранее послала в Махерон к начальнику, поставленному там ее отцом, просьбу приготовить все к дальнейшему путешествию. Затем она явилась сама и поехала тотчас же в Аравию, причем арабские князья последовательно сопровождали ее, пока она (довольно скоро) не приехала к отцу своему. Ему она рассказала о намерении Ирода. Арета на основании этого решил начать войну со своим зятем, именно на границах Гамалитиды. Собрав войска, обе стороны вступили в борьбу, причем вместо Ареты и Ирода сражались их военачальники. В происшедшей тут битве все войско Ирода было уничтожено, благодаря измене нескольких перебежчиков, которые примкнули к Ироду, принадлежа собственно к числу подданных тетрарха Филиппа. Ирод отписал об этом Тиберию. Император разгневался на образ действий Ареты, послал Вителлию приказ объявить ему войну и представить ему Арету либо живым в оковах, либо прислать ему его голову.

2. Такой приказ отдал Тиберий сирийскому наместнику. Некоторые иудеи, впрочем, видели в уничтожении войска Ирода вполне справедливое наказание со стороны Господа Бога за убиение Иоанна. Ирод умертвил этого праведного человека, который убеждал иудеев вести добродетельный образ жизни, быть справедливыми друг к другу, питать благочестивое чувство к Предвечному и собираться для омовения. При таких условиях (учил Иоанн) омовение будет угодно Господу Богу, так как они будут прибегать к этому средству не для искупления различных грехов, но для освящения своего тела, тем более, что души их заранее уже успеют очиститься. Так как многие стекались к проповеднику, учение которого возвышало их души. Ирод стал опасаться, как бы его огромное влияние на массу (вполне подчинившуюся ему) не повело к каким-либо осложнениям. Поэтому тетрарх предпочел предупредить это, схватив Иоанна и казнив его раньше, чем пришлось бы раскаяться, когда будет уже поздно. Благодаря такой подозрительности Ирода Иоанн был в оковах послан в Махерон, вышеуказанную крепость, и

там казнен. Иудеи же были убеждены, что войско Ирода погибло лишь в наказание за эту казнь, так как Предвечный желал проучить Ирода¹¹⁴⁵.

3. Приготовив для войны с Аретой два легиона и присоединив к ним тех легковооруженных и всадников, которых ему предоставили подвластные римлянам царьки, Вителлий между тем двинулся к Петре (столице Аравии) и прибыл [сперва] в Птолемаиду. Когда же он собрался повести свое войско через Иудею, к нему навстречу вышли наиболее влиятельные граждане и умоляли его не проходить через их страну, так как по закону они не вправе разрешить внесение в Иудею тех изображений, которые в таком значительном числе имеются на его знаменах. Вителлий согласился, изменил свое первоначальное решение и, велел войску идти по великой равнине, сам в сопровождении тетрарха Ирода и некоторых друзей своих поехал в Иерусалим, чтобы, ввиду наступления иудейского национального праздника, принести там жертву Предвечному. Здесь он был восторженно принят населением и пробыл там три дня, в течение которых отнял первосвященство у Ионатана и поставил на его место брата его Феофила. На четвертый день он получил письменное извещение о смерти Тиберия и потому заставил население присягнуть на верность императору Гаю Калигуле. Вместе с тем он отозвал также свое войско и распустил его на зимние стоянки, так как теперь, с переходом престола к Гаю, Вителлий не имел уже полномочия продолжать войну. Рассказывают, что и Арета, при известии о походе Вителлия, стал гадать по полету птиц и пришел к заключению, что неприятельское войско не дойдет до Петры: из военачальников сторон умрет либо тот, кто начал войну, либо тот, кто отдал приказание к выступлению войск, либо тот, против кого направлен весь поход.

Таким образом, Вителлий вернулся в Антиохию. Тем временем сын Аристубула, Агриппа, за год до смерти Тиберия отправился в Рим, чтобы там, при первой представившейся возможности, добиться чего-либо от императора. Мне хочется здесь несколько подробнее остановиться на потомстве Ирода Великого, отчасти потому, что это потомство играло большую роль в истории, отчасти потому, что тут оправдывается положение, что ни обилие потомков, ни другая какая-либо находящаяся в распоряжении людей сила не имеет никакого значения, если люди не отличаются истинным благочестием. Ведь в течение столетнего периода почти все многочисленное потомство Ирода, за немногими исключениями, подверглось гибели. Вместе с тем каждому будет полезно ознакомиться с постигшими этих потомков бедствиями. Особенно интересна в этом отношении судьба наиболее выдающегося из них, Агриппы, который, происходя из совершенно

второстепенной семьи, помимо всякого ожидания, достиг такой значительной власти. Правда, на эту тему мы говорили и раньше, но теперь я хотел бы остановиться на этом подольше.

4. У Ирода Великого было от Мариаммы, дочери Гиркана, две дочери. Одна из них, Салампсо, была выдана отцом своим замуж за своего двоюродного брата Фазаеля, сына брата Ирода того же имени. Другая дочь, Кипра, также вышла замуж за другого двоюродного брата своего, сына сестры Ирода, Саломеи. Салампсо родила Фазаелю пятерых детей, сыновей: Антипатра, Ирода и Александра, и дочерей Александру и Кипру. На последней женился Агриппа, сын Аристовула. Александра же вышла замуж за знатного киприйца, Тимия, и умерла бездетною. Кипра родила Агриппе двух мальчиков, Агриппу и Друза (из них последний умер ребенком), и трех дочерей: Беренику, Мариамму и Друзиллу. Отец их, Агриппа, когда-то воспитывался вместе с другими своими братьями, Иродом и Аристовулом. Все трое были детьми Береники и сына Ирода Великого. Береника в свою очередь была дочерью Костобара и сестры Ирода, Саломеи. Все они остались сиротами после казни, постигшей отца их Аристовула и его брата Александра, как мы рассказали уже выше. Когда они подросли, то поженились; именно указанный Ирод, брат Агриппы, взял себе в жены Мариамму, дочь Олимпиады и внучку царя Ирода Великого. Мариамма была дочерью Иосифа, племянника Ирода. От нее Ирод имел сына Аристовула. Третий брат Агриппы, также носивший имя Аристовула, женился на дочери эмессийского царя Сампсигерама, Иотапе, которая родила ему глухую дочь, также названную Иотапою. Это было потомство по мужской линии. Сестра их Иродиада вышла замуж за сына Ирода Великого, Ирода же, происходившего от Мариаммы, дочери первосвященника Симона. Она родила ему дочь Саломею. После рождения этой девочки Иродиада, вопреки нашим законам, вышла замуж за сводного брата своего мужа, именно за галилейского тетрарха Ирода, но разошлась и с ним еще при его жизни. Ее дочь Саломея вышла замуж за трахонского тетрарха Филиппа, сына Ирода [Великого]. Так как Филипп умер бездетным, то на ней женился Аристовул, сын Ирода и брат Агриппы. У них было трое детей: Ирод, Агриппа и Аристовул. Это, следовательно, было потомство Фазаеля и Салампсо.

У Кипры родилась от Антипатра дочь того же имени, на которой впоследствии женился Алекса Гелкий, сын Алексы, и от которой он также имел дочь Кипру. Братья же Антипатра, Ирод и Александр, умерли бездетными. У казненного царем Иродом Александра были от дочери каппадокийского царя Архелая сыновья Александр и Тигран. Последний стал

царем Армении и умер бездетным после обвинений, возведенных на него в Риме. У Александра же родился сын, прозванный в честь дяди своего Тиграном. Нерон сделал его царем Армении, и у него родился сын Александр. Последний женился на Иотапе, дочери коммагенского царя Антиоха, и был провозглашен Веспасианом царем киликийского острова. Все потомство Александра сейчас же при рождении оставляло старинные иудейские обычаи и жило по образцу греков. Остальные дочери царя Ирода умерли бездетными. А так как перечисленные мною потомки Ирода были еще в живых в то время, когда Агриппа Великий овладел престолом, то мне остается теперь рассказать, какие превратности судьбы постигли Агриппу и как он, преодолев их, сумел добиться величайшего почета и власти.

Глава 6

1. Незадолго до смерти царя Ирода Великого Агриппа жил в Риме, где очень сдружился со своим сверстником Друзом, сыном императора Тиберия¹¹⁴⁶. Вместе с тем он сблизился также с Антониею, женою Друза Великого (т.е. старшего)¹¹⁴⁷. Антония очень ценила мать Агриппы, Беренику, и хотела вывести в люди также сына ее. Будучи по характеру своему человеком широким и в высшей степени щедрым, Агриппа, однако, сдерживал себя в этом отношении, пока была жива его мать, так как боялся возбудить ее гнев. Когда же Береника умерла и он стал самостоятелен, Агриппа растратил свои средства отчасти постоянными ежедневными кутежами, отчасти путем той расточительности, с которою он раздавал деньги. Наиболее значительные суммы пошли в карманы императорских вольноотпущенников¹¹⁴⁸, так как Агриппа рассчитывал на их поддержку. Вскоре он впал в такую бедность, что не мог долее жить в Риме. Кроме того и Тиберий запретил друзьям своего [недавно] скончавшегося сына показываться ему, чтобы вид их не вызывал в нем горестных воспоминаний о покойном.

2. Вследствие этого Агриппа отплыл в Иудею. Он был убит потерей всех своих денег, а также невозможностью уплатить долги кредиторам, которых было много и которые не давали ему случая как-нибудь скрыться. Не зная, что делать, и мучимый стыдом, он отправился в идумейскую крепость Малафу, чтобы там покончить самоубийством. Об этом намерении узнала его жена Кипра и стала употреблять все усилия, чтобы помешать приведению его в исполнение. Так, например, она отправила жене тетрарха Ирода, сестре своей Иродиаде¹¹⁴⁹, письмо, в котором рассказала о намерении Агриппы и о том, что его к этому побудило, и просила ее как родственницу помочь ее мужу выпутаться, причем указывала на свои собственные в этом

направлении попытки, несмотря на то, что она сама не обладала такими крупными средствами. Иродиада и муж ее послали за Агриппой, дали ему для жительства Тивериаду, определили ему вместе с тем известную сумму денег на содержание и дали ему звание тивериадского агоранома¹¹⁵⁰. Вскоре, однако, Ирод изменил свое решение относительно зятя, хотя то, что он для него сделал, вовсе не удовлетворяло Агриппу. Однажды в Тире во время пиршества возникли у них за вином какие-то разногласия; Ирод стал ругать зятя бедняком и укорять его в том, что он получает свое пропитание от него. Этого не снес Агриппа; он тотчас отправился к консуляру Флакку¹¹⁵¹, с которым был когда-то в Риме особенно дружен и который теперь был сирийским наместником.

3. Флакк его принял любезно и дал ему помещение, приняв к себе раньше также брата Агриппы, Аристокбула, с которым Агриппа, впрочем, жил в ссоре. Однако, несмотря на их взаимную вражду, консуляр одинаково дружественно относился к ним обоим и одинаково почитал их. Впрочем, Аристокбул успокоился не раньше, чем во вражде своей к брату восстановил против него также и Флакка, причем поводом к этому послужило следующее обстоятельство: жители Дамаска спорили с сидонцами относительно правильности границ. Флакк собирался разрешить их распрю. Зная, каким влиянием пользуется Агриппа у Флакка, они решили просить его о заступничестве и обещали ему за это крупную сумму денег. Агриппа постарался сделать все в пользу дамасцев. Между тем Аристокбул, который узнал об обещанной брату взятке, донес о том Флакку. Так как при расследовании этот донос оказался правильным, то Флакк порвал свою дружбу с Агриппой и прогнал его от себя. Впав таким образом опять в крайнюю бедность, Агриппа отправился в Птолемаиду, а так как ему ни здесь ни в другом месте не представлялось возможности жить, он решил ехать в Италию. Однако он был стеснен в деньгах. Поэтому он просил своего вольноотпущенника Марсию занять у кого-нибудь для него нужную сумму. Марсия обратился к некоему Петру, вольноотпущеннику Береники, матери Агриппы, которая, однако, в завещании передала его в распоряжение [своей подруги] Антонии, и просил его выдать ему деньги под письменное обязательство Агриппы с его поручительством. Петр, однако, который был зол на Агриппу за то, что потерял за ним несколько денег, потребовал от Марсии расписку в получении двадцати тысяч аттических драхм, хотя и выдал ему на две с половиною тысячи меньше. Марсия должен был согласиться на это, так как иначе ничего нельзя было сделать.

Получив эти деньги, Агриппа поехал в Амфедон, где нанял корабль, чтобы отправиться в дальнейший путь. Узнав об этом, наместник Ямнии, Геренний Капитон, выслал военный отряд с тем, чтобы вытребовать от Агриппы триста тысяч сестерций, взятых им в Риме из императорской казны, и вместе с тем распорядился насильно задержать должника. Агриппа внешне подчинился последнему распоряжению, с наступлением же ночи велел перерубить канаты и отплыл в Александрию. Тут он просил алабарха¹¹⁵² Александра дать ему займы двести тысяч драхм. Александр отказал ему в этом, но согласился выдать эту сумму под поручительство Кипры, из уважения к ее преданности мужу и вообще за ее порядочность. Кипра дала свое поручительство. Тогда Александр выдал им в Александрии пять талантов, а остальные обещал вручить в Дикеархее по прибытии туда Агриппы: он знал и боялся расточительности последнего. Кипра затем простилась с мужем, который поехал в Италию, и возвратилась с детьми своими в Иудею.

4. Прибыв в Путеолы¹¹⁵³, Агриппа отправил письмо императору Тиберию, находившемуся тогда на острове Капрее¹¹⁵⁴, извещая его о своем приезде и прося его разрешения приехать поклониться ему на Капрее. Тиберий был очень рад этому, ответил ему любезным письмом и сказал, что с удовольствием примет его у себя на Капрее. Когда Агриппа приехал, император принял и приветствовал его с тою же любезностью, которую выказал ему и в письме. На следующий день, однако, Тиберий получил письмо от Геренния Капитона, который писал ему, что Агриппа задолжал 300 000 сестерций, пропустил условленный срок уплаты и, когда ему напомнили об этом, бежал из страны своей; таким образом, теперь Геренний совершенно не знает, как вернуть эти деньги. Прочитав письмо, император сильно разгневался и запретил Агриппе доступ ко двору, пока он не заплатит долга. Агриппа, однако, несколько не испугался гнева императора, но обратился к Антонии, матери Германика и Клавдия¹¹⁵⁵, который впоследствии стал императором, с просьбою одолжить ему 300 000 сестерций, чтобы не утратить дружбы Тиберия. В уважение к памяти его матери Береники, с которою ее связывала тесная дружба, равно как потому, что он был сверстником и товарищем ее сына Клавдия, Антония выдала ему деньги, так что он мог уплатить означенный долг, и у него возобновились прежние дружеские отношения к Тиберию. Последний в свою очередь даже поручил ему своего внука (Тиберия)¹¹⁵⁶ и велел сопровождать его повсюду. Питая благодарность к Антонии, Агриппа стал особенно ласково относиться к ее внуку Гаю¹¹⁵⁷, который пользовался особенною популярностью, благодаря расположению всех к его покойному отцу. В это время жил некий самарянин

Фалл, императорский вольноотпущенник. Сделав у него заем в миллион сестерций, Агриппа вернул Антонии долг свой, а с помощью остальных денег старался угождать Гаю, причем достиг на него особенно значительного влияния.

5. Между тем дружба между Агриппою и Гаем все росла. Когда они однажды вместе выехали на прогулку, у них зашла речь о Тиберии, и, так как они были одни, Агриппа выразил желание, чтобы Тиберий поскорее умер и предоставил власть Гаю как наиболее достойному во всех отношениях. Это услышал Евтих, вольноотпущенник и возница Агриппы. Впрочем, пока он молчал об этом. Впоследствии Агриппа совершенно основательно обвинил этого вольноотпущенника в похищении у него плаща. Евтих бежал, но, будучи пойман, был приведен к городскому префекту Пизону. Когда последний спросил его о причине бегства, Евтих отвечал, что ему необходимо сделать императору сообщение, касающееся безопасности его личности. Поэтому Пизон велел связать его и отправить на Капрею. Тиберий по своей привычке оставил его в оковах (и не торопился с его допросом), потому что был вообще наиболее медлительным государем. Так, например, он никогда не принимал посольств тотчас же по их прибытии и не смещал военачальников и наместников до их смерти. Так же медленно происходил и допрос арестантов. Когда друзья однажды спросили его о причине такой его медлительности, Тиберий отвечал, что он потому задерживает посольства, чтобы их сейчас же не сменили новые депутации уполномоченных, которых затем во множестве пришлось бы принимать и угощать; общественные же должности он оттого дает людям один раз навсегда, чтобы те несколько совестились и не слишком притесняли подчиненных. В самой природе всякого должностного лица, говорил он, лежит стремление к любостыжанию. Если должности будут предоставляться чиновникам не надолго и не на определенное, но на короткое время, то эти чиновники приложат все свое старание полнее обобрать людей состоятельных. Если же их назначат на более продолжительный срок, то они, имея перед собою возможность беспрепятственного грабежа, вскоре вследствие своего обогащения утомятся этим и надолго оставят подчиненных в покое. Если же перемещения следуют быстро друг за другом, то начальники не успевают удовлетвориться наложенными на подчиненных поборами, так как они не будут иметь времени ощутить неудовольствие по поводу своих вымогательств и не успеют обогатиться до перемещения на новую должность. В доказательство правильности этого своего взгляда он приводил следующий пример: некий раненый лежал на дороге и множество мух село на его раны. Кто-то из

прохожих почувствовал сострадание к несчастному и, видя его беспомощное состояние, решил отогнать мух. Но раненый просил его оставить это, и тогда прохожий удивленно спросил, почему он противится, чтобы тот облегчил ему его страдания. На это раненый отвечал: «Ты причинишь мне еще более сильные страдания, если отгонишь этих мух. Так как они успели уже насытиться моею кровью, то они не с такой силою кусают меня и даже иногда совсем перестают меня терзать. Если же затем явятся новые рои мух голодных и найдут меня уже истощенным, то я окончательно погибну». Поэтому-то, продолжал император, он, заботясь о состоянии без того уже сильно разоренных подданных своих, и не отправляет к ним одного чиновника за другим, которые, наподобие мух, стали бы высасывать все из них, тем более, что тогда к их любостыжательности присоединилась бы боязнь, что их вскоре лишат предоставленного им удовольствия. Подтверждением этого взгляда Тиберия служит и соответственный образ его действий: в течение тех двадцати двух лет, что он был императором, он послал в Иудею всего только двух наместников, Грата и его преемника Пилата. Так поступал он не только относительно Иудеи, но и относительно других подвластных ему провинций. Также и преступления арестантов он, по собственному признанию, подвергал разбору всегда спустя лишь продолжительное время, дабы преступники быстрою казнью не получали облегчения своих страданий, которого они, по преступности своей, вовсе не заслужили, и для того, чтобы наказание им увеличилось томительною неизвестностью.

6. По этой-то причине и Евтих не мог добиться, чтобы его допросили, и оставался в темнице. Через некоторое время Тиберий переехал с острова Капреи в Тускулан, который находится на расстоянии ста стадий от Рима. Тут Агриппа стал просить Антонию добиться [у императора] допроса Евтиха по возведенному на него обвинению. Антония пользовалась у Тиберия большим почетом отчасти вследствие близких родственных своих к нему отношений (она была женою его брата Друза), отчасти же вследствие своего добродетельного образа жизни. Дело в том, что, несмотря на свою молодость, она оставалась вдовою и отказывалась от всякого нового брака, хотя император и уговаривал ее выйти вторично замуж. При этом она вела незапятнанный образ жизни. Кроме того, она оказала Тиберию неоценимую услугу: некий Сеян, начальник преторианской гвардии¹¹⁵⁸, бывший друг мужа Антонии и пользовавшийся, благодаря войскам, огромною властью, устроил опасный заговор, к которому примкнули многие сенаторы и вольноотпущенники¹¹⁵⁹. Так как заговорщики сумели подкупить войско, то

дело приняло бы серьезный оборот и Сеян привел бы свой план в исполнение, если бы Антония не выступила смелой противницей его гнусных начинаний. Узнав о задуманном покушении на жизнь Тиберия, она написала последнему о том подробное письмо, которое вручила одному из преданнейших слуг своих, Палланту, для доставки Тиберию на остров Капрею. Извещенный об этом, император велел казнить Сеяна и его заговорщиков¹⁶⁰. С этих пор Антония, которую Тиберий и раньше очень уважал, пользовалась в его глазах еще большим почетом и доверием.

И вот, когда Антония просила Тиберия допросить Евтиха, император сказал: «Если Евтих выдумал слова, которые он приписал Агриппе, то он получит от меня должное возмездие; если же при расследовании окажется, что он сказал правду, то пусть Агриппа остерегается, как бы наказание, которое он собирается уготовить своему вольноотпущеннику, не пало на его собственную голову». Когда Антония сообщила об этом Агриппе, последний еще более настаивал на производстве следствия, и так как Агриппа не переставал просить об этом Антонию, то она выбрала удобную минуту, когда Тиберия после обеда вынесли в носилках на прогулку в сопровождении ее внука Гаю и Агриппы, приблизилась к носилкам и просила императора вызвать Евтиха и допросить его. На это Тиберий заметил: «Клянусь, Антония, богами, что то, что я теперь делаю, я делаю не по своей личной воле, но благодаря твоим просьбам». С этими словами он приказал Макрону, преемнику Сеяна, привести Евтиха. Когда тот вскоре затем явился, император спросил его, что он может сказать против человека, которому он обязан свободой. Евтих сказал: «Государь! однажды этот вот Гаю и Агриппа выехали на прогулку в колеснице, а я сидел у ног их. Они беседовали долго о всякой всячине, и наконец Агриппа обратился к Гаю со следующими словами: «Наступит ли день, когда этот старик умрет и сделает тебя владыкою мира? Ведь внук его, Тиберий, не будет нам препятствием. Ты можешь умертвить его. Тогда вселенная будет счастлива, а более ее я». Тиберий поверил этому, и в нем пробудилось прежнее неудовольствие против Агриппы, так как он приказал ему когда-то следить за его внуком Тиберием, сыном Друза; однако Агриппа не поступил сообразно этому, но всецело посвятил себя Гаю. Поэтому император сказал: «Макрон, наложи на него оковы». Макрон, однако, не понял, о ком говорил Тиберий, никак не предполагая, что последний мог иметь в виду Агриппу, и поэтому не привел приказания в исполнение.

Вскоре затем император застал Агриппу на ипподроме. Тогда он обратился к Макрону: «Ведь я же приказал наложить на него оковы!» Когда Макрон еще

раз переспросил императора, о ком идет речь, последний ответил: «об Агриппе».

Тогда Агриппа стал просить о помиловании, указывая на то, что ведь он воспитывался совместно с его сыном и руководил воспитанием младшего Тиберия. Однако он ничего не добился, и в пурпуровой одежде был отведен в темницу. Тогда стояла сильная жара, и, так как Агриппа за обедом выпил много вина, его теперь стала мучить жажда, так что он совершенно изнемогал от нее и жестоко страдал. Вдруг он увидел, что один из рабов Гая, некий Фаумагт, нес воду в сосуде. Он попросил дать ему напиток. Тот охотно подал ему кувшин, и Агриппа воскликнул: «Юноша, так как ты оказал мне эту услугу, то, когда я освобожусь от оков, я не премину добиться у Гая освобождения твоего; ведь ты услужил мне, арестанту, совершенно таким же образом, как делал это раньше, когда я был полноправным человеком». Агриппа, действительно, сдержал это свое обещание: когда он впоследствии сам стал царем, то добился у Гая, ставшего тем временем императором, полного освобождения Фаумагта и сделал его своим личным управляющим; перед смертью своею он поручил его сыну своему Агриппе и дочери своей Беренике с тем, чтобы они оставили его в этой должности. Фаумагт и умер в ней, достигнув преклонного возраста.

7. Все это, впрочем, случилось гораздо позже. Тогда же Агриппа в числе многих других арестантов стоял перед императорским дворцом и в отчаянии прислонился к дереву. На это дерево внезапно слетел филин, и тогда один из арестантов, германец по происхождению, увидя это, спросил стоявшего тут же солдата, кто этот человек в пурпуровом плаще. Узнав, что тот называется Агриппою, что он иудей, принадлежащий к числу наиболее видных представителей своего народа, он просил воина подвести его поближе к Агриппе, так как имеет сообщить ему нечто и желал бы задать ему несколько вопросов относительно иудейских законов. Когда ему это было разрешено, германец обратился через переводчика к Агриппе и сказал ему: «Молодой человек, теперь ты опечален внезапным поворотом в судьбе своей, которая так круто изменилась у тебя. Вероятно, ты не поверишь словам моим, когда я скажу тебе, что Предвечный решил изменить твою судьбу и прекратить настоящую скорбь твою. Однако знай, что я готов клясться как своими собственными богами, так и римскими, благодаря которым мы томимся в этих оковах, что скажу одну только правду, и притом не ради праздного времяпрепровождения и болтовни и не для того, чтобы тщетно ободрить тебя. Ведь обещания, в случае их неисполнения, лишь усугубляют печаль, и лучше их с самого начала вовсе не делать. И несмотря на это, несмотря на то,

что я рискую личной безопасностью, я считаю себя обязанным сообщить тебе о решении богов. По всей видимости, ты скоро будешь освобожден от этих своих цепей; тогда ты достигнешь величайшего почета и власти, и все те, кто теперь скорбит о постигшей тебя судьбе, будут заискивать перед тобою. Ты умрешь, добившись счастья и оставив состояние детям своим. Помни, однако, что, когда ты вновь увидишь эту птицу, тебе предстоит умереть через пять дней. Что все так и случится, это возвещают тебе боги, пославшие эту птицу. Я, знакомый с предсказанием будущего, не счел себя вправе скрыть от тебя все это, дабы ты, зная, что тебя ждет лучшее будущее, легче переносил страдания настоящей минуты и не придавал им слишком большого значения. Помни также, что когда счастье улыбнется тебе, то были мы, товарищи твои по заключению, которые предсказали тебе скорое освобождение». Это предсказание германца первоначально показалось Агриппе столь же смешным, сколь оно впоследствии возбудило его удивление.

Тем временем Антония, которую очень огорчало постигшее Агриппу несчастье, но которая понимала, что теперь несвоевременно да и бесполезно будет заступаться за него у Тиберия, постаралась добиться от Макрона, чтобы в виде стражи Агриппы и в лице сотников, которым поручался неуклонный надзор за арестантами, назначались люди более мягкосердечные, чтобы Агриппе ежедневно разрешалось купаться, чтобы ему было дозволено видаться с друзьями и вольноотпущенниками своими и чтобы он вообще не ощущал никакого существенного недостатка ни в чем. Таким образом, арестованного посещали его друг Сила и вольноотпущенники Марсия и Стойхей. Они доставляли ему любимую пищу и вообще всячески заботились о нем; так, например, они приносили с собою, как будто бы для продажи, плащи, которые, с наступлением ночи, при содействии солдат и с ведома Макрона, подстилали Агриппе. Так продолжалось дело в течение шести месяцев.

8. Таково-то было положение Агриппы. Между тем Тиберий возвратился на остров Капрею, где и заболел¹⁶¹, сперва, правда, легко, но затем, когда болезнь осложнилась, он стал сильно опасаться за свое выздоровление. Поэтому он приказал Эводу, самому приближенному из вольноотпущенников своих, привезти к нему детей, с которыми ему необходимо было переговорить перед смертью. Родных детей у Тиберия больше не было, после того как единственный сын его, Друз, умер. Теперь оставались в живых еще сын Друза, Тиберий Гемелл, а также сын брата Тиберия, Германика, Гай, юноша, получивший вполне законченное

образование и пользовавшийся в глазах народа большою популярностью за доблесть отца своего Германика. Последний (т.е. Германик) пользовался особенным расположением простонародья благодаря чистоте нравов, легкой доступности и тому, что он никогда не домогался особенно выдающегося положения. Поэтому-то не только народ и римский сенат весьма уважали Германика, но и все подвластные римлянам племена, которых подкупала мягкость его обращения с ними или которые слышали об этой черте его характера. Когда он умер, всех обуяла скорбь, причем люди не представлялись опечаленными в угоду властям, но потому, что все в государстве горевали о нем, как о родном дорогом покойнике. Так воспоминание о нем продолжало жить среди людей. Результатом всего этого была большая популярность его сына; особенно привязаны были к нему солдаты, которые сильно старались, чтобы престол перешел к нему, и в случае необходимости готовы были умереть за него.

9. Тиберий, приказав Эводу привести к нему на следующий день рано утром детей, стал теперь молить богов явить знамение, кому из юношей надлежит стать его преемником. Правда, он охотнее всего оставил бы престол своему внуку, но еще больше значения и веры, чем своему личному взгляду на дело и желанию, он придавал решению богов. У него, между прочим, было твердое убеждение, что тот из претендентов получит престол, который первым явится к нему рано утром.

Решив это, он послал за воспитателем своего внука и приказал ему на заре привести к нему питомца. Тиберий предполагал, что этим он повлияет на решение богов. Бог, однако, решил иначе. В таком расчете император приказал Эводу, как только стало светать, впустить к нему того из юношей, который придет первым. Тот вышел и, найдя Гая (Тиберий еще не пришел, так как ему слишком поздно подали завтрак, а Эвод ничего не знал о намерениях своего государя), сказал ему: «отец зовет тебя». С этими словами он ввел его к императору.

Увидя Гая, Тиберий понял всемогущество Бога и то, что он сам ничего не мог против этого поделать и не мог теперь уже изменить принятое решение. Затем он стал жалеть как о самом себе, что у него отнята возможность привести в исполнение собственное желание, так и о своем внуке Тиберии, который не только лишился римского престола, но и вместе с тем подвергается личной опасности, потому что его безопасность теперь в руках других, более могущественных лиц, которые не станут терпеть его рядом с собою. При этом император понимал, что и родственные узы не окажут Тиберию услуги, так как наследник престола будет бояться и ненавидеть его

отчасти как претендента на власть, отчасти как человека, который не сможет не злоумышлять против его особы с целью совершить государственный переворот.

Тиберий был вообще предан учению о предзнаменованиях и более кого бы то ни было другого руководствовался этим в течение всей своей жизни. Так, например, однажды при появлении Гальбы¹¹⁶² он сказал своим приближенным, что входит человек, которому некогда выпадет на долю честь быть римским императором. Так как Тиберий более других императоров придавал значение предзнаменованиям, тем более, что неоднократно видел их оправдавшимися, то он руководствовался ими также в делах правления. Теперь его крайне огорчало все случившееся, он страдал, как будто бы его внук уже был умерщвлен, и упрекал себя в том, что так положился на предзнаменование. Ему ведь было так легко спокойно и без печали умереть в неведении будущего, а теперь приходилось расставаться с жизнью, предвидя грядущее горе наиболее близких ему людей. Хотя его и очень огорчало, что престол неожиданно перешел к нежелательному лицу, однако император, правда нехотя и с неудовольствием, обратился к Гаю со следующими словами: «Дитя мое! Хотя Тиберий мне и ближе, чем ты, однако я все-таки по доброй воле и с утверждения богов вручаю тебе власть над римским народом. Но при этом прошу тебя: не забывай, когда ты будешь императором, ни о моем к тебе благоволении, в силу которого я поставил тебя на такое высокое место, ни о родстве своем с Тиберием. Знай, что я с соизволения богов даровал тебе такое благо, за которое ты вознаградишь меня, если подумаешь о родстве своем с Тиберием. С другой стороны, помни, что, пока он будет жив, Тиберий будет оплотом твоей власти и личности, а если умрет, то это будет началом твоего несчастья. Стоять одиноким на таком высоком посту тяжело, и боги не оставят безнаказанным беззаконное нарушение какого-либо предписания». Так говорил Тиберий. Впрочем, ему не удалось повлиять на Гая, который обещал ему, правда, повиновение, но который, вступив на престол, немедленно распорядился умертвить Тиберия, как то предвидел старый император. Однако и сам он недолго спустя погиб, пав жертвою заговора.

10. Несколько дней спустя после назначения Гая своим преемником Тиберий умер, пробыв императором двадцать два года пять месяцев и три дня. Таким образом Гай стал четвертым римским императором¹¹⁶³. Когда римляне узнали о смерти Тиберия, они очень обрадовались этому приятному для них известию. Они все еще не решались поверить этому, хотя они того и страстно желали (за верность этого сообщения они готовы были заплатить огромные

деньги); однако вместе с тем они опасались, как бы в случае, если бы известие было опровергнуто, им не пришлось по доносам поплатиться жизнью за проявление такой своей радости. Ведь один этот человек совершил ужаснейшие преступления по отношению к римской знати, будучи крайне раздражительным и совершенно не умея сдерживать свой гнев, даже когда не было никакого повода к тому. Он ко всем относился крайне жестоко и за самые маловажные провинности сейчас же налагал смертную казнь. Поэтому, насколько римляне радовались при извещении о его смерти, настолько же им мешало предаваться этой радости опасение за то наказание, которому они подверглись бы, если бы слух оказался ложным.

Узнав о смерти Тиберия, вольноотпущенник Агриппы, Марсия, поспешил к последнему, чтобы сообщить ему эту добрую весть. Он застал его отправляющимся на купанье, наклонился к нему и по-еврейски шепнул ему на ухо: «Лев умер!» Агриппа сразу понял смысл этих слов, очень обрадовался и сказал: «Я тебя отблагодарю за все твои услуги и за эту добрую весть. Лишь бы это была правда». Сотник, которому было поручено наблюдение за Агриппой, видя, с какою поспешностью прибыл Марсия и какую радость вызвали в Агриппе слова его, подумал, не случилось ли что-нибудь особенное, и спросил их об этом. Те сперва старались уклониться от ответа, но когда сотник стал приставать к Агриппе, последний (успевший уже снискать его благоволение) открыто рассказал ему дело. Сотник разделил радость Агриппы, предвидя выгоду и для себя, и предложил ему вместе пообедать. Пока они еще сидели за столом и наслаждались вином, пришел кто-то с известием, что Тиберий жив и через несколько дней вернется в город. Тогда сотник страшно испугался, совершив проступок, за который полагалась смертная казнь, а именно, что он при известии о смерти императора на радостях пирует с арестантом. Поэтому он столкнул Агриппу с ложа и воскликнул: «Да разве ты думаешь, что безнаказанно обманул меня с известием о кончине императора? Ведь ты за это заплатишь мне головою своею». Затем он приказал вновь заковать Агриппу в цепи, которые он перед тем снял с него, и усилил за ним надзор. Это была страшная ночь для Агриппы.

На следующий день, однако, по городу распространилось известие, подтверждавшее кончину Тиберия; теперь население уже не боялось открыто говорить об этом; некоторые лица даже стали приносить [благодарственные] жертвы. Тем временем были получены письма от Гая. Одно из них было адресовано в сенат, которому Гай сообщал о смерти Тиберия и о том, что престол перешел к нему. Другое письмо было получено городским

префектом Пизоном с тем же известием и приказанием освободить Агриппу из военной тюрьмы и перевести его в дом, где он жил до своего ареста. Теперь он мог спокойно ожидать будущего. Правда, он был еще подвержен аресту и охраняем стражею, но мог жить по своему усмотрению.

Когда затем Гай приехал с телом покойного Тиберия в Рим и, по римскому обычаю, устроил пышные похороны, он хотел в тот же самый день освободить Агриппу. Однако Антония отговорила его от этого, впрочем, не из нерасположения к арестанту, а потому, что заботилась, чтобы Гай не скомпрометировал себя и не навлек на себя обвинения, будто он так обрадовался смерти Тиберия, что немедленно освободил человека, подвергнутого покойным императором тюремному заключению. Впрочем, по прошествии нескольких дней Гай послал за Агриппой, велел его привести во дворец, поручил его заботам своего брандмейстера и портного, а затем возложил ему на главу диадему и провозгласил его правителем тетрархии Филиппа, к которой он присоединил еще тетрархию Лисания. Вместо той железной цепи, в которую был закован Агриппа, он подарил ему золотую такого же веса. Начальником стоявшей в Иудее римской кавалерии он назначил Марилла.

11. На втором году правления императора Гая [Калигулы] Агриппа просил разрешения отправиться в свои владения, чтобы устроить там дела свои. Затем он обещал возвратиться ко двору. Разрешение это было дано ему Гаем, и Агриппа поехал домой, куда, вопреки ожиданию всех, возвратился царем, причем наглядно показал людям, знавшим его некогда в бедности и теперь видевшим такое его благополучие, насколько велика сила судьбы. Они поздравляли его с тем, что его надежды сбылись, другие же не верили всему этому.

Глава 7

1. Между тем сестра Агриппы, Иродиада, бывшая замужем за тетрархом Галилеи и Перее Иродом, стала завидовать могуществу своего брата, видя, что он занимает гораздо более высокое положение, чем ее муж, и вернулся, покрытый почетом и богатый, тогда как ему некогда пришлось спасаться бегством от кредиторов. Она печалилась и сердилась при такой перемене в положении брата, особенно же она была недовольна, когда видела Агриппу в царском облачении разъезжающим по улицам. Тут она не была в состоянии скрыть свое неудовольствие и зависть и уговаривала мужа отправиться в Рим и добиться там подобных же почестей. Она указывала на то, как трудно жить ей, если Агриппа, сын некогда казненного родным отцом своим Аристокла, человек, впавший в такую нужду, что люди из сострадания изо дня в день

доставляли ему все необходимое для жизни, человек, уехавший от своих кредиторов, теперь вернулся домой царем, тогда как Ирод, сын царя, которому самое происхождение дает право на занятие такой высокой должности, сидит себе спокойно дома, оставаясь частным человеком. «Если ты, Ирод,— говорила она,— раньше не огорчался тем, что занимаешь положение ниже отца своего, то теперь по крайней мере воспользуйся своим царским происхождением и не оставайся позади человека, который пользовался твоими деньгами; не допускай, чтобы он добился своею бедностью большего, чем мы, так как мы можем многого достигнуть при помощи нашего богатства; стыдись быть ниже тех, кто вчера еще и позавчера жили благодаря твоему состраданию. Поедем в Рим и не будем щадить ни труда, ни денег, потому что несколько не лучше копить деньги, чем добиться с помощью их царского престола».

2. Ирод настойчиво отклонял это предложение, любя свой покой и подозрительно относясь к шумной римской жизни. Иродиаду он старался отговорить от ее намерения. Ввиду этого последняя, однако, еще более приставала к нему, настаивая на том, что необходимо пустить в ход все, чтобы добиться царского престола. Она не раньше успокоилась, чем склонила его на свою сторону; впрочем, он не умел ей ни в чем отказать и подчинялся ее решениям. Итак, он приготовился к отъезду, который обставил всевозможную пышностью, не щадя для этого денег, и отправился в Рим в сопровождении Иродиады. Лишь только Агриппа узнал об их намерениях и приготовлениях, как и сам принял свои меры. Узнав об их отъезде, он отправил в Рим Фортуната, одного из своих вольноотпущенников, которому вручил подарки для императора, а также письмо, направленное против Ирода. Остальное Фортунат при случае должен был словесно сообщить Гаю. Фортунат поехал немедленно вслед за Иродом, и плавание его было столь благополучно, что он прибыл к императору одновременно с Иродом. Последнего он застал у Гая, которому Фортунат сейчас же вручил письмо. Оба корабля одновременно пристали в Дикеархее. Гая они нашли в кампанском городке Байях, который отстоит от Дикеархеи на расстоянии пяти стадий. Тут в Байях находится целый ряд сооруженных с большими издержками императорских вилл, причем каждый государь старался при постройке этих дворцов перещеголять своего предшественника. В этой местности имеются бьющие из земли горячие ключи, которые отличаются целебными свойствами. Вообще, жизнь тут представляет много приятного. Гай только что разговаривал с Иродом, который явился к нему раньше других, как ему было подано письмо Агриппы, содержащее обвинения

против Ирода. Дело в том, что Агриппа обвинял последнего в участии в заговоре Сеяна при императоре Тибериусе и в заговоре с парфянским царем Артабаном, направленном против Гая. Он подкреплял свой донос указанием, что в арсенале Ирода лежит заготовленное для 70 000 воинов оружие. Гай, прочитав письмо, пришел в беспокойство и спросил Ирода, правда ли то, что сказано в письме об оружии. Не имея возможности отрицать истину, Ирод признался, что это так. Тогда Гай поверил также обвинению в соучастии его в заговоре, отнял у него тетрархию и присоединил ее к царству Агриппы. Вместе с тем он предоставил последнему также все деньги Ирода, которого приговорил к позорной ссылке в галльский город Лугдунум¹⁶⁴. Узнав, что Иродиада сестра Агриппы, император вернул ей ее личные средства и, полагая, что она не захочет разделить печальную участь своего мужа, сказал, что отныне защитником ей будет брат ее. Однако Иродиада ответила на это: «Государь! Ты великодушно и милостиво предложил мне исход, но мне мешает воспользоваться милостью твоею моя преданность мужу: я, разделявшая с ним все, когда он был счастлив, теперь не считаю себя вправе бросить его при перемене судьбы». Император рассердился на нее за это великодушие и приговорил ее к ссылке вместе с Иродом. Имущество ее он предоставил Агриппе. Такое наказание постигло Иродиаду от Господа Бога за ее зависть к брату и за то, что она легкомысленно уговорила мужа, а он ее послушался.

Первый и следующий год своего правления Гай являл себя великодушным государем и человеком мягким, чем и заслужил глубокую любовь римлян и подчиненных народов. С течением же времени он, благодаря своей власти, перестал считать себя обыкновенным смертным, сам провозгласил себя божеством и вообще начал всячески глумиться над Предвечным.

Глава 8

1. Тем временем между александрийскими иудеями и жившими в том же городе греками произошла распря, результатом которой было то, что к императору Гаю явилась депутация из трех выборных с той и с другой стороны¹⁶⁵. В числе представителей александрийских граждан находился также некий Апион, который возводил на иудеев тяжкие обвинения и, между прочим, утверждал, что они отказываются почитать императора. Все-де подданные Римской империи, говорил Апион, воздвигают в честь Гая алтари и храмы и всюду почитают его, как бога; одни только александрийские иудеи считают позорным воздвигать в честь его статуи и клясться его именем. На эти гнусные и тяжкие обвинения, которыми Апион естественно рассчитывал

восстановить Гая против иудеев, готовился возражать главный представитель иудейской делегации. Филон, человек, пользовавшийся широкою известностью, брат алабарха Александра и большой знаток философии¹¹⁶⁶. Но Гай не разрешил этого Филону и приказал ему удалиться. При этом император был так озлоблен, что, очевидно, замышлял что-то ужасное против иудеев. Филон, оскорбленный, удалился и сказал при этом своим товарищам-иудеям, что они не должны терять мужества, так как Гай на словах, правда, страшно озлоблен против них, но на деле он уже успел восстановить против себя Предвечного.

2. Разгневанный тем, что одни иудеи так презирают его, Гай послал в Сирию легата Петрония, преемника Вителлия. Он приказал ему с сильною ратью вторгнуться в Иудею и, если иудеи добровольно уступят, воздвигнуть в храме Господнем его статую, если же они окажут сопротивление, сделать это с оружием в руках. Приняв начальство над Сириею, Петроний поспешил исполнить поручение императора. Он собрал возможно больше союзнических войск, присоединил к ним два римских легиона¹¹⁶⁷ и явился в Птолемаиду на зимовку, чтобы весною начать правильную войну. Об этих своих решениях он написал Гаю. Последний похвалил его за энергию и советовал не уступать, но неуклонно преследовать ослушников войною. Между тем толпы иудеев являлись к Петронию в Птолемаиду, моля его не побуждать их к противозаконным действиям и к нарушению древних установлений. «Если тебе уже безусловно необходимо воздвигнуть статую [императора],— говорили они,— то делай по-своему, но сначала перебей нас всех. Мы не в состоянии допустить вещь, запрещенную нам авторитетом законодателя нашего, а также нашими предками, которые в этом запрещении видели главное побуждение к добродетели». Петроний, сдерживая гнев, ответил: «Если бы я был императором и постановил бы это самолично, то обращение ваше ко мне имело бы смысл. Теперь же я, как уполномоченный государя, обязан всеми силами исполнить его предначертания, чтобы ослушанием не навлекать на себя тяжкого наказания». «Так как, Петроний, таково твое решение,— сказали иудеи,— а именно не нарушать повеления Гая, то и мы сами не станем нарушать предписания закона, которому мы, повинувшись Предвечному и памятуя о добродетели и трудах наших предков, до сих пор оставались верны; мы не решимся на гнусное нарушение тех предписаний, которые, по постановлению Предвечного, должны принести нам счастье, и все это из страха перед смертью. Поэтому мы попытаем счастья в бою за соблюдение наших древних установлений и знаем, что, раз мы решились подвергнуться опасности, у нас будет надежда с помощью

Божию на победу во славу Его, особенно если мы ради Его рискнем на все это и подвергнемся военной судьбе. Если же мы послушаемся тебя, то навлечем на себя страшный позор трусости как по отношению к самому факту нарушения законов, так и особенно тем, что вызовем неудержимый гнев Предвечного, которого ведь и ты сам признаешь более могущественным, чем Гая».

3. Видя из этих слов непоколебимость иудеев и то, что ему без боя не удастся исполнить приказание Гая и воздвигнуть его статую придется лишь ценою страшной резни, Петроний решил в обществе своих приближенных и слуг отправиться в Тивериаду, чтобы ознакомиться с настроением тамошних иудеев. Сознавая всю опасность войны с римлянами, но считая гораздо более опасным и преступным нарушать законы, огромные толпы иудеев и здесь встретили Петрония по его прибытии в Тивериаду. Они умоляли его не доводить их до такой крайности и не осквернять города постановкою статуи. «Итак,— воскликнул Петроний,— вы желаете воевать с императором, не принимая во внимание его боевой готовности и своего собственного бессилия?» Иудеи отвечали: «Мы вовсе не желаем войны; мы охотнее умрем, чем нарушим законы». При этом они бросались наземь и открывали шеи, готовясь принять смертельные удары. Так поступали они в течение сорока дней. При этом они окончательно запустили свои занятия земледелием, несмотря на то, что было время посева. Они выказывали большую стойкость и полную готовность скорее умереть, чем допустить постановку статуи.

4. При таком положении дел Аристокбул, брат царя Агриппы, и Хелкия Великий, в сопровождении прочих знатных членов семьи и главнейших представителей народа, обратились к Петронию с просьбою, так как он видит решимость народа, не доводить последнего до наступления, но написать Гаю, как толпа противится постановке статуи, как она бросила даже земледельческие занятия, как она не желает и не может вступить в войну, но охотнее соглашается умереть, чем преступить свои законы, и как по причине неводеланности почвы явятся разбои неизбежным следствием этого и невозможности платить повинности. Быть может, Гай при таких условиях оставит свою мысль о насильственном образе действий и не захочет погубить народ во время возмущения. Если же Гай все-таки будет настаивать на своем прежнем решении начать войну, то тогда и Петроний сможет приняться за это дело. Такими представлениями товарищи Аристокбула старались уговорить Петрония. Видя, с одной стороны, столь серьезное отношение и настойчивые просьбы их, причем они не щадили средств убедить его, с другой же стороны, видя непоколебимость иудеев и считая большим грехом

перед Всевышним пожертвовать жизнью стольких десятков тысяч людей в угоду сумасбродству Гая, Петроний, боясь также вечных угрызений совести, решил все-таки написать об этом Гаю – о невозможности исполнить его приказание, хотя и был уверен в страшном гневе императора за то, что не повиновался ему неотложно. Быть может, Петроний рассчитывал также уговорить императора, а в противном случае уже, если тот будет настаивать на своем безумном мнении, решил начать войну с иудеями. Даже если бы гнев императора обратился против него самого, Петроний готов был в силу своей доблести умереть за такое множество людей. Поэтому он решил послушаться иудеев, умолявших его.

5. Созвав иудеев в Тивериаду (куда явились несметные толпы их) и обратившись к ним с речью, Петроний сказал, что теперешний шаг он предпринимает не по собственному желанию, но по повелению императора, который приказал дать почувствовать его гнев немедленно всем тем, кто бы осмелился послушаться его. Поэтому он, Петроний, который достиг такого почетного положения, считает своею обязанностью поступить вполне согласно повелению государя. «И тем не менее,– продолжал он,– я счел бы несправедливым пожертвовать своею личною безопасностью и своим почетным положением ради вас, которых так много. Я преклоняюсь пред величием закона, который вы, благодаря его древности, считаете своею обязанностью отстаивать, и преклоняюсь главным образом пред величием и могуществом Всевышнего. Я не могу допустить, чтобы храм Его был осквернен дерзким святотатством правителя. Поэтому я посылаю Гаю донесение о вашем решении и по силе возможности поддержу вас, чтобы доказать вам, что я соглашаюсь с вашими, вполне правильными взглядами. Предвечный же, могущество которого выше всякого человеческого начинания и уменя, да поддержит вас в соблюдении вами древних законов и да предохранит его (Гая) от того, чтобы он в своих нечеловеческих требованиях не лишился окончательно того почета, к которому привык. Если же Гай выйдет из себя и направит против меня всю силу гнева, я готов идти на всякую опасность и подвергнуться всякому физическому и нравственному страданию скорее, чем видеть гибель вашу, гибель такого множества людей за столь славную идею. Теперь же пусть каждый отправится восвояси, к делам своим. Позаботьтесь о возделке земли. Сам я пошлю в Рим и не упущу ни лично, ни через друзей своих никакого случая, чтобы добиться для вас благоприятного результата».

6. С этими словами он отпустил иудеев, причем просил наиболее выдающихся из них принудить народ к занятию земледелием и успокоить его

обещаниями всего лучшего в будущем. Так Петроний спешил ободрить народ. Предвечный в свою очередь явил Петронию свою помощь и заботливость во всем. Лишь только Петроний окончил разговор с иудеями, Всевышний ниспослал сильный дождь. Это было большою неожиданностью, потому что с самого утра этого страшно жаркого дня не было видно на небе ни одного облачка, да и жара в течение целого года отнимала у людей всякую надежду на дождь, хотя они иногда и видели на небе облачки. Когда поэтому теперь так неожиданно и внезапно полил сильный дождь, иудеи почерпнули в этом надежду, что и Петронию удастся его ходатайство за них. Сам Петроний поразился еще больше, видя воочию, насколько Предвечный заботится об иудеях и как Он проявляет это; никто, даже если бы захотел, не мог бы утверждать противное. Поэтому все то, что Петроний написал Гаю, должно было побудить императора к перемене решения и заставить его отказаться от мысли довести до отчаяния столько тысяч человек. При этом Петроний поставлял на вид, что, если Гай распорядится перебить их всех (а по его мнению было ясно, что они без борьбы не допустят нарушения законов), он лишится доходов и подвергнет себя позору на вечные времена. Затем Петроний охарактеризовал Гаю могущество Бога, покровительствующего иудеям, как чрезвычайное, которое наверное не преминет вскоре же явить себя во всей своей силе.

Таковы были доводы Петрония.

7. Царь Агриппа, живший пока еще в Риме, все более и более сближался с другом своим Гаем. Однажды Агриппа пригласил его обедать, причем постарался превзойти всех как расходами, так и роскошью блюд и всяческих удовольствий, так что, не говоря уже о других, и сам Гай не мог бы, в случае желанья, не только превзойти его, но даже и померяться с ним в этом отношении. Одним словом, Агриппа превзошел самого себя и сделал все возможное в угоду императору. Преклоняясь перед его расположением к нему и перед великодушием, с которым Агриппа в угоду ему принудил себя понести огромные, чрезмерные расходы, Гай, желая в свою очередь не отставать от Агриппы и вознаградить его чем-либо за доставленное ему удовольствие, разгоряченный и развеселившийся от вина, которое ему постоянно подливал Агриппа за обедом, воскликнул: «Я и раньше чувствовал честь, которую ты мне всегда оказывал, и знаю твою великую преданность мне, выражавшуюся тобою с личной опасностью при Тиберии. И теперь ты ни в чем не изменил своего ко мне отношения и стараешься даже выше сил своих выказать мне свою преданность. Поэтому я, считая, что было бы постыдно уступать тебе со своей стороны в подобном же рвении, желаю

теперь наверстать упущенное. То, чем я до сих пор одаривал тебя, конечно, были сущие пустяки. Теперь я хочу доставить тебе от всего сердца и по мере сил моих все, что могло бы сделать счастье твое полным». Гай говорил таким образом, предполагая, что Агриппа попросит себе обширной земельной собственности или доходов с каких-либо городов. Хотя у Агриппы была уже вполне готова просьба, однако он пока умолчал о ней, а тотчас ответил Гаю, что, как в прежних его добрых отношениях к нему вопреки желанию Тиберия, так и в теперешнем его добром расположении к нему, им, Агриппою, никогда не руководила мысль об извлечении для себя каких-либо выгод. То, что Гай дал ему раньше, уже является крупным вознаграждением, превосходящим всякие самые смелые надежды. «Даже если бы дары эти,— сказал он,— и были меньше, чем они есть, то и в таком случае они все-таки явились бы слишком большою наградой за мою любовь и заслуги перед тобою».

Гай был поражен этою скромностью и стал настаивать, чтобы Агриппа сказал ему, чего он желает. Тогда тот сказал: «Государь, так как ты столь милостиво считаешь меня достойным награды, то я не стану просить тебя ни о чем таком, что имело бы в виду мое обогащение; ведь я, благодаря твоему великодушию, и без того не беден. Поэтому я попрошу тебя о такой вещи, которая даст тебе славу человека благочестивого, которая побудит Предвечного быть твоим защитником во всех твоих начинаниях и которою я смогу стяжать себе добрую память у всех, кто о том узнает; могу ли я рассчитывать на исполнение с твоей стороны моего желания? Прошу тебя, откажись от мысли воздвигнуть твою статую в иудейском храме, как ты о том послал распоряжение Петронию».

8. Хотя Агриппа понимал всю опасность этой просьбы (если бы Гай не согласился на исполнение ее, то ему предстояла бы неизбежная смерть), однако он сознавал все значение ее и решил попытаться счастья. Гай был очарован любезностью Агриппы, с другой стороны, не желал оказаться лжецом перед столькими свидетелями, видевшими, как он сам настаивал на просьбе Агриппы, и не хотел, чтобы эти люди подумали, будто он сейчас же раскаялся в своем решении. Вместе с тем он изумился сдержанности Агриппы, который отстранил на задний план личное счастье в виде ли денежных доходов или другим каким-либо способом, и выставил вперед лишь общее благо, сохранение законов и поклонение Предвечному. Поэтому Гай согласился на исполнение просьбы Агриппы и тотчас же отправил Петронию письмо, в котором похвалил его за набор войска и за то, что он

послал к нему за советом, как поступать дальше. В письме этом между прочим было сказано:

«Если ты успел уже воздвигнуть мою статую, то пусть она стоит; если же ты не успел еще сделать это, то не заботься дальше о том, но распусти войско и вернись к тому делу, ради которого я тебя первоначально послал. Я не интересуюсь более постановкою статуи и делаю это в угоду Агриппе, человеку, которого я слишком высоко чту, чтобы мог отказать ему в какой-либо просьбе».

Это письмо Гай написал Петронию раньше, чем получил его донесение о том, что иудеи оказывают отчаянное сопротивление и открыто выражают намерение вступить в борьбу с римлянами. Получив это сообщение, Гай страшно разгневался, что иудеи дерзнули испытать его могущество. Он был вообще человеком, который, если озлоблялся против кого-нибудь, уже не знал никаких пределов, но находил удовольствие лишь в удовлетворении своей злобы. Поэтому он послал Петронию следующий ответ: «Так как ты оценил дары, преподнесенные тебе иудеями, выше моих приказаний и осмелился в угоду им послушаться моих повелений, то я повелеваю тебе самому быть своим судьей и решить, как тебе следует поступить, дабы почувствовать мой гнев. Я желаю, чтобы твоя судьба послужила уроком для всех в настоящее и будущее время, что нельзя не исполнять приказаний своего государя».

9. Такое письмо написал Гай Петронию. Однако последний не получил его при жизни Гая, так как путешествие тех, кому была поручена доставка этого письма, затянулась и Петроний раньше получил другое письмо с известием о смерти Гая¹¹⁶⁸. Господь Бог не забыл об опасностях, которым добровольно подверг себя Петроний в угоду иудеям и во славу Божию, но дал ему удовлетворение тем, что в гневе своем низверг Гая за его дерзкую попытку объявить себя божеством. Вместе с Петронием были довольны и Рим и вся империя, особенно же выдающиеся сенаторы, против которых необузданно свирепствовал Гай. Последний умер недолго спустя после отправки Петронию письма с приказанием ему покончить самоубийством. О причине смерти Гая и о характере составленного против него заговора я поговорю впоследствии. Петроний сперва получил письмо, извещавшее его о смерти Гая, а немного спустя пришло то, в котором ему предписывалось покончить самоубийством. Он был доволен гибелью, постигшею Гая, и изумлялся Провидению, которое вознаградило его так быстро за оказанное им Господу Богу почтение и за спасение храма и иудеев. Таким образом, Петроний избег, сам того не зная, смертельной опасности.

Глава 9

1. Тем временем живших в Месопотамии и главным образом в Вавилоне иудеев постигло страшное, необычайное бедствие, выразившееся в том, что многие из них были перерезаны так, как раньше не бывало тому примера в истории. Чтобы в точности рассказать обо всем этом, мне придется изложить причины, поведшие к такому несчастью. В Вавилонии находится город Наардея, крайне оживленный, обладающий отличною и обильною землею. Ко всем прочим преимуществам присоединялось еще и то, что там был избыток населения. Город этот недоступен врагам, так как река Евфрат со всех сторон окружает его и он, кроме того, защищен стенами. В таких же благоприятных условиях находится на той же реке город Низибис. Уповая на укрепленность своих городов, тамошние иудеи удерживали у себя двойные драхмы, которые закон предписывает отдавать Предвечному, равно как не посылали никаких других жертвенных даров, и смотрели на свои города как на казнохранилища. Отсюда уже деньги при случае посылались в Иерусалим, причем огромные тысячные толпы людей сопровождали эту доставку денег из боязни перед грабежами парфян, которым Вавилония платила дань. В это время в Наардее жило два брата, Асиной и Анилей. Так как они [рано] лишились отца, то мать приучила их ткать, тем более, что в этом, по понятиям местных жителей, не было ничего позорного; у них мужчины даже прядут шерсть. Однажды мастер, у которого они учились, стал выговаривать им за их опаздывания на работу и затем подверг их телесному наказанию. Юноши приняли это за личное оскорбление, собрали все хранившееся у них в доме оружие и отправились в такое место, где река разделяется на два рукава; тут были отличные пастбища и множество хлеба, запасенного на зиму.

К ним собрались все негоднейшие юноши; им братья роздали оружие, сами стали во главе их и не переставали руководить ими при совершении всевозможных гнусностей. Уповая на недоступность своего убежища и соорудив себе укрепление, братья стали посылать товарищей к соседним пастухам с предложением выплачивать известную дань овцами, которые могли бы им служить пищею. При этом они обещали, в случае повиновения, жить с пастухами в дружбе и ограждать их от всех врагов, откуда бы они ни явились, и угрожали перебить их стада в случае отказа. Так как при таких условиях не было выбора, то пастухи послушались и послали им столько скота, сколько те от них потребовали. Таким образом, силы юношей крепили и они были в состоянии внезапными нападениями вредить кому угодно по

личному своему усмотрению. Всякий, кто имел с ними дело, старался задобрить их, а они наводили страх даже на смельчаков. Молва о них дошла наконец до парфянского царя.

2. Тогда вавилонский сатрап, узнав об этом и желая подавить мятежников в самом корне раньше, чем они успели бы натворить бед, собрал возможно большее войско из парфян и вавилонян и ринулся на них, имея в виду нагрянуть на них врасплох, пока они еще не узнали о готовящемся на них походе. Он тихо оцепил низменность и спокойно дожидался следующего дня. То была суббота, когда иудеи отдыхают от трудов. Полагая, что враги в этот день не решатся вступить с ним в бой и что ему придется лишь схватить и перевязать их, он понемногу начал подвигаться вперед, имея в виду затем сразу неожиданно нагрянуть на них. В это время Асиной сидел со своими товарищами в стороне, причем оружие лежало вблизи их. Вдруг Асиной воскликнул: «Товарищи, до меня доносится конское ржанье, но не коней, которые пасутся на свободе, а таких, на которых сидят всадники; при этом я слышу лязг удил, боюсь, как бы враги не застали нас врасплох и не окружили нас. Пусть кто-нибудь выйдет вперед соглядатаем, чтобы принести точную весть о случившемся; я желал бы, чтобы мое предположение оказалось ложным».

Так он говорил, и немедленно некоторые из его товарищей пошли удостовериться. Впрочем, они весьма быстро вернулись и сказали: «Ты нисколько не ошибся относительно действия врагов, которые более не желают, чтобы мы дольше издевались над ними. Они нас застигли хитростью и теперь нагрянут на нас с такою огромною ратью, что перебьют нас как скот, причем мы оказываемся бессильными что-нибудь поделать, так как наш закон повелевает нам воздерживаться от всякого труда в сегодняшний день». Однако Асиной не разделял мнения лазутчиков на этот счет, но считал более разумным мужественно нагрянуть на врагов, чем спокойно дать убить себя; поэтому он предпочел прибегнуть в такой крайности к силе, на которую его побуждали обстоятельства; он решился даже преступить закон и готов был в случае необходимости умереть. После этого он взялся за оружие и тем подал пример смелости и храбрости своим товарищам. Итак, они ринулись на врагов, перебили множество их, которые столь беспечно рассчитывали на легкую победу, и обратили в бегство остальных.

3. Между тем парфянский царь, получив известие об этом сражении и удивившись мужеству братьев, пожелал лично повидать их и поговорить с ними. Поэтому он послал к ним самого верного своего телохранителя со следующим поручением: «Царь Артабан, хотя вы и позволили себе нанести

дерзкое оскорбление ему и его стране, готов, однако, подавить свой гнев ради вашей доблести; он прислал меня предложить вам вступить с ним в союз, и с этой целью предоставляет вам безопасный проезд по всем его дорогам и просит дружественно явиться к нему без обмана и коварства. При этом он вам обещает подарки и такой почет, который вам при вашем теперешнем положении будет особенно полезен благодаря могуществу царя». Между тем Асиной сам не решился ехать, а послал своего брата Анилея с дарами, какие мог набрать. Тот отправился и вскоре предстал перед царем. Артабан, увидев одного только Анилея, спросил его о причине отсутствия Асины. Узнав, что тот остался в своей низине из опасения, царь стал клясться всеми богами, что он никогда не обидит никого, кто явится к нему, полагаясь на его слово. При этом он протянул ему правую руку, что служит у всех варваров доказательством величайшего доверия. Никто из них, дав правую руку, никогда не считал бы себя вправе обмануть другого и никто не сомневается в своей безопасности, если получит это доказательство верности со стороны тех, кого он подозревал бы в желании причинить ему зло. Поступив таким образом с Анилеем, Артабан отослал его назад к брату для того, чтобы он уговорил его приехать к нему. Все это царь сделал, имея в виду воспользоваться доблестью этих иудейских братьев в свою пользу, а именно думая сделать из них себе оплот против своих собственных сатрапий, которые уже возмутились или собирались возмутиться. В таком случае он думал выпустить их против сатрапий; с другой же стороны, он боялся, что, если будет принужден к войне против мятежников. Асиной и вавилоняне лишь укрепятся в своем могуществе, при первом слухе о войне сами начнут неприязненные действия и в крайнем случае не упустят возможности по мере сил разорить страну.

4. С такими расчетами Артабан отправил Анилея. Последний крайне убедительно рассказал брату о любезности царя вообще, в особенности же о данной им клятве. В результате оба поехали к Артабану.

Последний принял их с большим удовольствием и удивился Асиной, который выказал такое геройство духа, тогда как на вид был так мал и настолько ничтожен, что вызывал во всех чувство презрения. При этом царь сказал друзьям своим: «он, очевидно, обладает душою гораздо более величественною, чем его тело». Во время пиршества царь указал на Асины Авдагасу, начальнику своих телохранителей, и сказал, какой он славный герой и какую доблесть обнаруживает на войне. Однако Авдагас просил царя разрешить ему убить этого человека и тем воздать ему за все то зло, которое он причинил стране парфянской. На это царь ответил: «Не могу же я дать

тебе такое разрешение по отношению к человеку, доверившемуся моему слову, человеку, которому, кроме того, я дал свою правую руку и которому поклялся именем богов. Но если ты толковый человек, то не заставишь меня прибегнуть к нарушению клятвы и сам постарайся отомстить за погранную парфянскую страну. Поэтому, когда он пойдет назад, ты напади на него и без моего ведома расправься с ним». На заре царь послал за Асинеем и сказал ему: «Юноша, теперь пора тебе вернуться восвояси уже для того, чтобы не возбудить в некоторых здешних полководцах зависти и не вызывать в них желания помимо моего ведома расправиться с тобою. Я тебе предоставляю вавилонскую область, дабы твоя заботливость оградила ее от грабежей и от всяких бедствий. Я считаю себя вправе видеть в тебе своего друга, так как я поклялся в своей верности, при этом ни в каких-нибудь мелких делах, а в серьезном вопросе, касающемся твоей личной безопасности». С этими словами он вручил ему дары и немедленно отпустил Асинея. По возвращении последнего на родину он принялся за сооружение крепостей и за укрепление запущенных местностей. Таким образом, он вскоре достиг большого могущества, какого раньше не достигал никто, кто собственной смелостью добился столь высокого положения. Также и парфянские полководцы, которые посылались в его распоряжение, весьма раболепствовали перед ним. Малым сравнительно с их почетом казался почет, который оказывали ему за его доблесть жители Вавилона. Таким образом, Асинея достиг величайшего могущества: все дела Месопотамии сосредоточились в его руках, и это счастье его длилось пятнадцать лет.

5. Несмотря на такую удачу братьев, в конце концов и их начали постигать бедствия, главным образом потому, что они обратили свою добродетель, при помощи которой достигли такой великой власти, в насмешку, решившись ради удовлетворения своих страстей и удовольствия преступить древние узаконения. Дело в том, что в их страну прибыл некий парфянский военачальник; он привез с собою и жену свою, которая отличалась всевозможными прелестями и красотой своего стана вызывала всюду удивление. О красоте ее либо узнал, либо лично в ней убедился Анилей, брат Асинея; он в нее безумно влюбился и вместе с тем был в большом затруднении, так как у него не было никакой надежды овладеть этой женщиной иначе как силою; а с другой стороны, он никак не мог противостоять своей страсти. Поэтому немедленно муж ее был признан врагом Анилея, и лишь только между ними произошел поединок, в котором, конечно, пал муж, женщина должна была насильно выйти за Анилея. Вместе с тем она вошла в дом братьев и принесла в одинаковой мере горе как

Анилею, так и Асинею, и причиной этого послужило следующее обстоятельство. Когда она после смерти мужа была захвачена насильно, то принесла с собою также изображения богов, которых почитали она и ее муж. У жителей тех мест в обычае держать в домах божков и брать их с собою во время путешествий; так и она привезла их с собою по обычаю своей страны. Сперва она поклонялась этим божкам втайне, когда же стала женою Анилея, она стала по-прежнему почитать их и воздавать им те почести, которые воздавала при первом муже. Тогда наиболее приближенные к брату лица стали укорять Анилея, что он нарушает еврейские постановления и глумится над их законом, взяв себе в жены иностранку, которая отвергает жертвоприношения и установленное богопочитание. Пусть он смотрит, как бы ему в погоне за удовольствиями не пришлось потерять власть, которая теперь, благодаря Господу Богу, достигла такого значения. Однако они не только ничего не добились, но Анилей убил даже одного из наиболее почитаемых воинов за то, что он позволил себе слишком вольные речи. Умирая за законы, этот воин стал взывать к Богу о мести, которая должна была постигнуть Анилея и Асинея, и просил послать остальным товарищам такой же конец от руки врагов. Такая месть должна была постигнуть братьев за то, что они подали пример беззаконий, товарищей же за то, что они не поддержали его и допустили такие его страдания за глумление над законом. Товарищи очень опечалились, но пока сдерживали себя, памятуя, что они достигли благополучия исключительно благодаря могуществу братьев. Когда же они услышали, что среди них происходит культ парфянских божеств¹¹⁶⁹, они не сочли возможным долгие допускать такое глумление Анилея над законами. Поэтому они в громадном количестве явились к Асинею и громко требовали от Асинея, чтобы он, если раньше не сумел соблюсти своих интересов, теперь по крайней мере вернулся на путь истинный раньше, чем его преступление станет причиной гибели как для него, так и для всех остальных. Затем они жаловались на то, что брак его с этою женщиною заключен против их законов и обычаев, и говорили, что культ этой женщины направлен к обесчещению Господа Бога.

Асинею и сам знал прекрасно, что преступление его брата является и явится причиной великих бедствий; впрочем, он ничего не сделал, уступая родственному чувству, против брата, который был охвачен такою сильною страстью. Но когда ежедневно товарищи все в большем числе стали приставать к нему и все громче жаловаться на брата, он обратился к Анилею с соответственными представлениями и стал порицать его за прежние его поступки, потребовал прекращения этих безобразий на будущее время и

велел отослать жену к ее родственникам. Однако он этим ничего не достиг; напротив, женщина, узнав, что народ волнуется из-за нее, и боясь, как бы Анилей не пострадал из-за любви к ней, подсыпала Асиною в пищу яду и таким образом освободилась от этого человека. При этом она не беспокоилась о последствиях своего поступка, так как судить ее пришлось бы ее же сожителю.

6. Став, таким образом, единовластным правителем, Анилей задумал идти походом на некоего Митридата, человека, занимавшего в стране парфянской высокое положение и женатого на дочери царя Артабана. Это владение он подверг разграблению, причем захватил здесь массу денег, рабов, скота и много другого, что может сделать жизнь человека приятною. Находившийся поблизости Митридат, узнав о захвате своих владений, страшно рассердился на то, что Анилей без всякого повода и невзирая на его высокое положение вздумал обидеть его; потому он набрал как можно более всадников, и притом наилучших, и явился во главе их, чтобы начать неприятельские действия против Анилея. Прибыв к одной из своих деревень, он расположился здесь на отдых, имея в виду на следующий день вступить в бой, так как следующий день была суббота, которую иудеи обыкновенно проводят в бездействии. Анилей узнал о том от некоего сирийца, жителя другой деревни; этот человек, между прочим, сообщил ему все в точности, а также указал ему место, где Митридат собирался ужинать; поэтому Анилей, накормив своих солдат заранее, ночью двинулся вперед в расчете застигнуть парфян врасплох. Около четвертой стражи¹¹⁷⁰ он напал на врагов, когда те еще спали, перебил многих из них, а остальных обратил в бегство. При этом он захватил Митридата живьем, посадил его голого на осла и повез с собою, а это у парфян считается величайшим бесчестием. Приведя его затем в таком жалком виде в лес, Анилей должен был приложить все старания отговорить товарищей своих, которые требовали смерти Митридата. Он указал им на то, насколько нехорошо убивать человека, занимающего у парфян столь высокое положение, притом особенно высоко чтимого у царя, благодаря родству с ним. Теперь дело еще возможно поправить, потому что, если Митридат и подвергся оскорблению, он все-таки будет относиться с благодарностью к тем, кто спас ему жизнь. Если же он подвергнется гибели, царь, конечно, не задумается устроить великую резню среди вавилонских иудеев. Последних, однако, следует пощадить как из родственных чувств, так и потому, что, если приключится какая-нибудь неудача, они лишатся последнего убежища, тем более, что цвет иудейского юношества уже призван под знамена. Так рассуждал Анилей и убедил собрание, которое отпустило Митридата.

Когда последний вернулся домой, жена встретила его упреками и спросила его, неужели он, зять царя, так спокойно отнесется к нанесенному оскорблению и не подумает отомстить обидчикам своим, удовлетворившись тем, что избег плена у иудеев. «Поэтому вернись теперь,— сказала она,— к своей прежней доблести, или я должна поклясться своими царственными богами, что перестану быть твоей женой». Тогда Митридат, не будучи в состоянии выносить изо дня в день постоянные глумления, а с другой стороны, зная гордость жены и боясь расторжения брака с нею, против воли и неохотно решился собрать по возможности большое войско и двинулся во главе его на врагов. При этом он решил скорее погибнуть, чем попасть в руки иудеев.

7. Когда Амилей узнал, что Митридат приближается к нему во главе огромного войска, он счел постыдным оставаться в своих низинах, а не выступать навстречу врагам. Поэтому он, полагаясь на прежние свои удачи, рассчитывал и теперь справиться с врагами и думал, что, по обыкновению, возбудит мужество своих воинов. Таким образом, он двинул вперед свою рать. К его войску пристали многие лица в расчете поживиться на чужой счет во время грабежа; кроме того, эти люди думали устрашить врагов своим внешним видом. Они прошли около 90 стадий, причем путь их лежал по безводной местности, был полдень и их страшно мучила жажда. Тут-то внезапно появился Митридат и нагрянул на них, истощенных жаждой и потому не бывших в состоянии в такую жару даже нести оружие. Началось постыдное бегство людей Амилея, так как им, утомленным, приходилось сражаться с бодрым неприятелем. Произошла страшная резня, и много десятков тысяч народа пало.

Амилей с трудом собрал остатки войска и спасся бегством в лес. Этим он доставил большую радость Митридату, который одержал такую победу. Впрочем, к Амилею вскоре собралось огромное количество всякого сброда, который несколько не дорожил своею безопасностью, но искал лишь минутной удачи. Конечно, эти люди несколько пополнили ряды его поредевшего войска, но они не могли сравниться с павшими, благодаря своей полной неподготовленности; впрочем, он с ними нагрянул на вавилонские деревни и подверг их полному опустошению. Тогда вавилоняне и прочие участники войны послали в город Наарду к жившим там иудеям с требованием выдать им Амилея. Это было тщетное желание, потому что иудеи, даже если бы и хотели, не имели возможности выдать его; поэтому они предложили заключить мир. Так как и те желали мира, то они вместе с вавилонянами послали людей к Амилею для переговоров. Вавилоняне, лично

осмотрев и изучив то место, где расположился станом Анилей, ночью тайно напали на опьяненных и покоившихся в глубоком сне врагов и без труда перебили всех, и в том числе Анилея.

8. Таким образом вавилоняне освободились от столь тягостного им соседа, который до сих пор служил им препятствием в их действиях против иудеев. С последними они всегда сильно ссорились вследствие разности религиозных установлений, и обе стороны старались делать друг другу неприятности. Поэтому теперь с гибелью Анилея вавилоняне набросились на иудеев. Последние боялись насилия со стороны вавилонян и, не будучи в состоянии оказать им сопротивление в открытом бою, а с другой стороны, считая невозможным жить с ними, ушли в Селевкию, один из наиболее выдающихся городов, основанный Селевком Никатором. Население этого города составляют в большом числе македоняне, а еще в большем – греки; также имеется там значительное ассирийское население. В этот город бежали иудеи; тут они в течение пяти лет жили спокойно, на шестой же год в Вавилоне появилась среди них чума. Вследствие этого в Селевкию пришли новые иудеи. Их постигло тогда более крупное бедствие, о котором я сейчас расскажу.

9. Между греками и сирийцами Селевкии происходили постоянные споры и разногласия, причем, однако, победителями всегда оставались греки. Теперь же, когда в этот город переселились иудеи, перевес оказался на стороне сирийцев, потому что к ним примкнули иудеи, привыкшие к опасности и отличавшиеся также способностью воевать. Тогда греки, видя, что они в меньшинстве, и считая единственным средством к восстановлению своего прежнего значения по силе возможности разъединение иудеев и сирийцев, вступили в переговоры с теми сирийцами, с которыми они раньше были близки, и обещали им мир и дружбу. Те охотно на это согласились. Таким образом, обе стороны вступили в переговоры, которые вели наиболее выдающиеся представители той и другой партии. Вскоре состоялось полное соглашение. После этого, желая дать друг другу веское доказательство взаимной дружбы, они воспользовались ненавистью к иудеям, напали на них неожиданно и перебили свыше 50 000 человек. Таким образом погибли все иудеи, кроме тех, кого спасли сострадательные друзья или кому дали возможность бежать близкие соседи. Беглецы направились в Ктесифон, город с греческим населением, недалеко от Селевкии. Тут царь обыкновенно проводил зиму, и здесь у него были собраны значительные запасы. Впрочем, и тут они не могли долго оставаться, потому что селевкийцы не питали никакого уважения к своему царю. Таким образом, все тамошнее иудейское

население дрожало перед вавилонянами и селевкийцами, тем более, что все жившие в тех местах сирийцы соединились с селевкийцами с целью истребить иудеев. Поэтому многие иудеи ушли в Наарду и в Низибис из-за безопасности в этих городах и руководствуясь тем, что там была сосредоточена масса воинов. Таково было положение вавилонских евреев.

* * *

*

См. также: [Иудейская война](#)

1097

Публий Сульпиций Квириний принадлежал к старинному римскому патрицианскому роду, представители которого неоднократно занимали высшие государственные должности. Трудно установить по лаконичному сообщению Иосифа о том, что Квириний «занимал все государственные должности», какие же это были должности. И хотя действовал определенный порядок продвижения по лестнице магистратур (квестор, трибун, эдил, претор, консул), при Октавиане Августе появилось немало должностей, на которые не избирали, а назначал император. Ко времени своего прибытия в Сирию в качестве наместника в 6 г. н.э. Квиринию было уже не менее 61 года: для консулов был установлен возрастной ценз в 43 года, а Квириния избрали на эту должность в 12 г. до н.э.

1098

Прокураторами обычно были представители сословия всадников.

1099

о переписи, проводимой Квиринием в Иудее, повествуется в Евангелии от Луки ([Лк 2.2](#)) и в Деяниях святых апостолов ([Деян 5.37](#)). Впрочем, существует мнение, что речь там идет о двух переписях, и это в определенной мере сказалось на установлении времени наместничества Квириния в Сирии (утверждается, что он был наместником этой провинции дважды – в 3–2 гг. до н.э. и в 6–7 гг. н.э.).

1100

о выступлении Иуды Галилеянина против переписи повествуется и в христианской литературе ([Деян 5.37](#)).

1101

Термин «фарисеи» происходит от древнееврейского «перушим» – «отделившиеся, обособившиеся». Название саддукеев скорее всего происходит от имени Садока, древнего иерусалимского первосвященника.

Термин «ессеи», вероятно, происходит от арамейского «assaja» – «врачи, лекари».

1102

Впрочем, и в «Иудейских древностях» (XIII, 5, 9) автор останавливается на этих сектах. (Перев.)

1103

В «Иудейской войне» (II, 8, 14) Иосиф говорит о том, что фарисеи верят в бессмертие души. По их мнению, души злых людей обречены на вечные мучения, души же добрых людей после их телесной смерти переселяются в другие тела.

1104

Наиболее подробно учение ессеев Иосиф излагает во Второй книге «Иудейской войны», восьмая глава которой почти полностью посвящена описанию этой секты.

1105

очевидно, Иосиф Флавий выбрал в качестве примера для сравнения с образом жизни ессеев одно из дакийских племен, жившее еще в условиях первобытных отношений, так как во время написания им «Иудейских древностей» в Дакии вспыхнуло мощное антиримское восстание под предводительством Децебала. Императору Домициану пришлось тогда заключить мир с даками, невыгодный для Рима. Лишь в начале II в. Дакия была завоевана императором Траяном.

1106

Гессий Флор был прокуратором Иудеи в 64–66 гг. Иосиф здесь и в «Иудейской войне» стремится свести причины Иудейской войны к злоупотреблениям римских наместников.

1107

Т.е. в 6–7 гг. н.э. (битва при Акции произошла в сентябре 31 г. до н.э.).

1108

В Новом Завете он фигурирует под именем Анны. (Перев.)

1109

Это Ирод-Антипа (или Антипа), сын Ирода I от Мариаммы.

1110

Т.е. Ирод и Филипп сохранили свои владения (установленные Августом) после включения владений Архелая в римскую провинцию.

111

Эту Вифсаиду не следует смешивать с расположенным к западу от Генисаретского озера местечком того же названия; там родились апостолы Андрей и Петр. (Перев.)

112

По Моисееву законодательству, такой поступок осквернял храм и всех пребывавших в нем. (Перев.)

113

Марк Амбивий – прокуратор Иудеи в 9–12 гг.

114

Анней Руф стал прокуратором Иудеи в 12 г. и исполнял эту должность до 15 г. н.э.

115

очевидно, Иосиф считал первым римским императором Юлия Цезаря, а Октавиана Августа – вторым. Октавиан скончался 19 августа 14 г. н.э. (родился 23 сентября 63 г. до н.э.). Иосиф Флавий отсчитывает срок его правления с 43 г. до н.э., когда он стал триумвиром вместе с Марком Антонием и Антонием Лепидом.

116

Тиберий Клавдий Нерон был старшим сыном третьей супруги Октавиана Августа Ливии (Юлии Августы) от ее первого брака с сенатором Тиберием Клавдием Нероном. В 4 г. Тиберий был усыновлен Августом и получил имя Тиберий Юлий Цезарь. Став императором, именовался Тиберием Цезарем Августом.

117

Валерий Грат был прокуратором Иудеи в 15–26 гг.

118

Галилея входила в тетрархию Ирода-Антипы.

119

озеро поэтому получило название Тивериадского. (Перев.)

120

Речь идет о парфянском царе Фраате IV (40–3 гг. до н.э.).

1121

Фраат V был царем Парфии в 3 г. до н.э. – 3 г. н.э.

1122

Ород I правил в Парфии с 4 по 7 г. н.э.

1123

Вонон I – царь Парфии в 7–12 гг.

1124

Мидия – местность на западе Иранского плоскогорья.

1125

Селевкия находилась в Вавилонии на реке Тигр.

1126

Артабан II был парфянским царем в 10–38 гг.

1127

Вонон занимал армянский престол в 11–16 гг.

1128

Снежные горы Курдистана в Северной Месопотамии. (Перев.)

1129

Антиох III – царь Коммагены, умер в 17 г. н.э., правил не более трех лет. После его смерти Коммагена (на северо-востоке Сирии) была подчинена Риму (с 17 по 38 г. н.э.).

1130

Германик (15 г. до н.э. – 19 г. н.э.) – племянник Тиберия; в 4 г. н.э. был усыновлен Тиберием по приказу Октавиана Августа. Германик являлся выдающимся римским полководцем, одержал важные победы над германцами. После смерти Августа он отказался от предложения своих войск стать властелином Рима. Испытывавший подозрительность и зависть к Германику Тиберий отправил его в восточные провинции. В Сирии его отравил враждовавший с ним наместник Гней Кальпурний Пизон. Германик был чрезвычайно популярен среди римлян, смерть его вызвала повсеместный траур. В отравлении Германика молва обвиняла самого императора Тиберия. Пизон перед судом сената был обвинен в убийстве Германика, жажде власти, нечестивых жертвоприношениях. Окруженный всеобщей ненавистью, он покончил с собой.

1131

об этом писали, правда немного позднее, Светоний (Тиберий. 52) и Тацит (Анналы. II, 69–72).

1132

Употребление Иосифом термина «претор Иудеи» применительно к Понтию Пилату неясно. В «Иудейской войне» (II, 9, 2) Пилат назван прокуратором, так же титулуется его и Тацит (Анналы. XV, 44). Можно было бы предположить, что Иосиф Флавий хотел подчеркнуть высокую степень власти Понтия Пилата в период, когда наместником Сирии (?–32 гг. н.э.) был назначен Элий Ламий (консул 3 г. н.э.), который в Сирии так и не появился. Ранг претора полагался как раз наместнику-легату императорской провинции Сирии. Но скорее всего здесь допущена элементарная путаница, поскольку чуть ниже Иосиф и прежних прокураторов называет преторами. Такая же путаница встречается у него и с определением титула наместника Сирии Вителлия, сместившего Пилата (XVIII, 4, 2). Он титулуется бывшего консула (I) Вителлия прокуратором Сирии, фактически поменяв местами не только должности правителей Сирии и Иудеи, но даже их сословную принадлежность (к сенаторам и всадникам). Прокураторы назначались из всадников либо (только при династии Юлиев-Клавдиев) из вольноотпущенников.

1133

Можно согласиться с переводчиком текста «Иудейских древностей», что это действительно самое знаменитое место в трудах Иосифа Флавия. В связи с длительными спорами относительно подлинности этого фрагмента считаем нужным привести соответствующую цитату из «Иудейских древностей» в версии «Всемирной истории» Агапия (X в.): «В это время был мудрый человек, которого звали Иисус. Весь его образ жизни был безупречным, и он был известен своей добродетелью, и многие люди среди евреев и других народов стали его учениками. Пилат осудил его на распятие и смерть. Но те, кто стали его учениками, не отказались от его учения. Они рассказывали, что он им явился через три дня после распятия и что он был тогда живым; таким образом, он был, может быть, мессия, о чудесных деяниях которого возвестили пророки».

1134

Исида – древнеегипетская богиня, сестра и жена бога Осириса. В эпоху эллинизма Исида получила функции богини мироздания, возник сложный культовый комплекс мистерий, понятный лишь для посвященных. Его главным символическим содержанием был миф о ее сошествии в подземный

мир и воскрешении Осириса. Культы Исида были присущи вера в индивидуальное спасение (Исида представлялась спасительницей людей) и загробное блаженство, мистицизм, яркая эмоциональность. Этот культ был широко распространен и в Римской империи, хотя поначалу в Риме его поклонников преследовали. Описание мистерий Иисиды дал в своем романе «Метаморфозы» (XI глава) известный древнеримский писатель II в. н.э. Апулей.

1135

Анубис – в египетской мифологии бог смерти, покровитель умерших. В римскую эпоху считался сыном Осириса и богини Нефтиды (сестры Иисиды), олицетворявшей неплодородие земли.

1136

Тацит в «Анналах» (II, 85) сообщает об этом так: «обсуждался (в сенате. – Ред.) и вопрос о запрещении египетских и иудейских священнодействий, и сенат принял постановление вывезти на остров Сардинию четыре тысячи зараженных этими суевериями вольноотпущенников, пригодных по возрасту для искоренения там разбойничьих шаек, полагая, что если из-за тяжелого климата они перемрут, то это не составит большой потери; остальным предписывалось покинуть Италию, если до определенного срока они не откажутся от своих нечестивых обрядов». Тацит датирует эти события 19 г. н.э. Об этом же имеется сообщение и у Светония (Тиберий. 36).

1137

Луций Вителлий был наместником Сирии в 35–39 гг.

1138

Марцелл был прокуратором Иудеи в 36–37 гг.

1139

Тиберий скончался 16 марта 37 г. н.э. По мнению Светония, 79-летнего императора умертвил Гай Калигула (Гай Калигула. 12).

1140

Албания находилась на территории современного Азербайджана.

1141

Тацит в «Анналах» (VI, 33), описывая эти события, говорит не о скифах, а о родственниках им сарматах.

1142

У Тацита говорится о том, что Артабан II призвал на помощь скифов (Анналы. VI, 44).

1143

Более подробно эти события, связанные с борьбой за парфянский престол и Армению, изложены в «Анналах» Тацита (VI, 31–37, 41–44). По словам Тацита, именно Луцию Вителлию Тиберий поручил утвердить на парфянском троне римского ставленника. «Мне известно,– пишет Тацит,– что об этом человеке в Риме ходила дурная слава и что он оставил о себе позорную память, но провинциями он управлял с поистине древнею доблестью». Луций Вителлий позднее стал одним из приближенных императора Клавдия, ревностно помогал его супруге Мессалине в ее расправах над неудобными ей людьми, затем активно участвовал в осуждении своей покровительницы.

1144

Т.е. 34 г.

1145

Это чрезвычайно важное сообщение Иосифа Флавия об Иоанне Крестителе, о котором так много говорится в новозаветных евангелиях. Автор излагает иную версию казни Иоанна, чем та, которая приводится в Евангелии от Матфея ([Мф 14.3–11](#)). Если, по этому евангелию, причиной казни Иоанна послужила ненависть к нему Иродиады, которую тот обвинял в незаконном браке с братом первого мужа, то Иосиф видит причины казни Иродом пророка в опасности для тетрарха большой популярности в народе учения Иоанна. В то же время Иосиф ничего не говорит об эсхатологических мотивах в проповедях Иоанна Крестителя, а именно на этом («приблизилось Царство Небесное») сделан особый акцент в евангельских изложениях учения Иоанна Крестителя.

1146

Друз Юлий Цезарь – сын Тиберия и его первой жены Випсании Агриппины (дочери Марка Випсания Агриппы). Пал жертвой интриг командира императорской гвардии Сеяна и своей жены Ливии, ставшей любовницей Сеяна. Сеян и Ливия в 23 г. отравили Друза медленно действующим ядом. Через восемь лет Тиберию стало известно об этом преступлении. Сеян и Ливия были казнены, много других людей погибло в результате чудовищной расправы, устроенной Тиберием при расследовании этого дела.

1147

Друз Старший (Нерон Клавдий Друз) – младший брат Тиберия, сын Ливии и Тиберия Клавдия Нерона. Родился через три месяца после того, как Ливия вступила в новый брак с Октавианом. Прославился во время походов в Германию (в ряде их участвовал вместе с Тиберием). В 9 г. н.э. погиб в результате несчастного случая в возрасте 47 лет. Женой Друза была Антония Младшая (дочь Марка Антония и Октавии). Женщина редкой красоты и высокой нравственности, она предпочла остаться вдовой. Именно Антония сообщила Тиберию о заговоре Сеяна.

1148

Вольноотпущенники – рабы, отпущенные на волю, но сохранявшие определенные обязанности по отношению к своему бывшему господину (патрону), чье родовое имя они принимали. В эпоху ранней Империи вольноотпущенники играли значительную роль не только в экономике, но и в государственном управлении, в том числе и в провинциях. В первую очередь это относилось к императорским вольноотпущенникам. Особенно велика их роль была при императоре Клавдии, когда могущественные вольноотпущенники (Нарцисс, Паллант, Каллист, Посид и др.) во многом вершили внутреннюю и внешнюю политику Империи. Кстати, один из них – Феликс – был назначен Клавдием прокуратором Иудеи. Однако слой вольноотпущенников был крайне неоднороден как в имущественном отношении, так и в их общественном положении.

1149

Кипра (жена Агриппы I) была дочерью Салампсо и приходилась двоюродной сестрой Агриппе. Иродиада же являлась родной сестрой Агриппы, так что Кипра и Иродиада были двоюродными сестрами.

1150

Так назывались в греческих городах чиновники, в обязанности которых, как и у римских эдилов, входил присмотр за рынками и взимание податей за доставляемые туда товары.

1151

Консуляр (т.е. бывший консул) Л. Помпий Флакк был консулом в 17 г. н.э. В 32–35 гг. являлся наместником Сирии.

1152

Алабарх – должность откупщика государственных доходов.

1153

Путеолы – портовый город на месте древнегреческой колонии Дикеархеи, близ Неаполя.

1154

Т.е. на острове Капри. После смерти своего сына Друза Тиберий обосновался на этом острове, не покидая его до самой смерти. По словам Светония, лишь дважды он пытался вернуться в Рим.

1155

Т.е. к Антонии Младшей. У Антонии, кроме сыновей Германика и Клавдия, была дочь Ливия, жена Друза, которая вместе с Сеяном отравила его.

1156

Внук Тиберия Тиберий Гемелл (от брака Друза и Ливии) был убит в 37 г. по распоряжению императора Гая Калигулы.

1157

Это Гай Калигула (будущий император), сын Германика. После ссылки своей матери Агриппины Старшей на о. Пандатерию, где она и погибла, Гай жил сначала у своей прабабки Ливии Августы, а после ее смерти в 29 г. у своей бабки Антонии. В 31 г. Тиберий вызвал его к себе на Капри. Тиберий крайне подозрительно относился к жене и детям Германика, были репрессированы братья Гая – Нерон Цезарь и Друз Цезарь (их уморили голодом); Гай же сумел убедить Тиберия в своей лояльности.

1158

Императорская гвардия была создана Октавианом Августом. Сеян собрал все преторианские формирования в один лагерь в Риме.

1159

Сеян был фаворитом Тиберия и после отъезда императора на Капри фактически правил государством. Целью заговора Сеяна был императорский престол. Поэтому он стремился убрать возможных претендентов на трон и пытался организовать покушение на Тиберия.

1160

Сообщение Иосифа Флавия о раскрытии заговора Сеяна является весьма ценным, так как в сохранившихся текстах «Анналов» Тацита в этом месте имеются существенные пропуски.

1161

По Светонию (Тиберий. 72), Тиберий заболел по дороге из Рима на Капри во время своей второй поездки в Рим в период каприйского затворничества.

1162

Сервий Сульпиций Гальба (из знатного патрицианского рода Сульпциев) был римским императором с 9 июня 68 г. по 15 января 69 г. Убит преторианцами за отказ заплатить им за свое избрание.

1163

Т.е. четвертым, по мнению Иосифа Флавия, – после Юлия Цезаря, Октавиана Августа и Тиберия.

1164

В «Иудейской войне» (II, 9, 6) Иосиф утверждает, что Ирод был сослан в Испанию.

1165

История посольства к Калигуле подробно рассказана Филоном в его сочинениях «Против Флакка» и «о посольстве к Гаю». (Перев.)

1166

Речь идет о Филоне Александрийском (25 г. до н.э. – 50 г. н.э.) – иудейскоэллинистическом философе, пытавшемся рационализировать иудейскую религию и соединить ее с греческой философией (главным образом со стоицизмом и платонизмом). Некоторые идеи Филона были близки христианскому учению.

1167

По «Иудейской войне» (II, 10, 1) – три легиона.

1168

В «Иудейской войне» (II, 10, 5) изложена иная версия этих событий. Там ничего не говорится об Агриппе и о том, что он добился у Калигулы отмены решений об установке статуй императора в иудейских городах. Не фигурирует там и соответствующее письмо Калигулы к Петронию. В «Иудейской войне» Иосиф говорит лишь о том, что, получив письмо Петрония, император направил ему послание с угрозой смерти за невыполнение своего приказа. Но раньше, чем Петроний получил это послание, он узнал о смерти Калигулы.

1169

очевидно, речь идет о зороастрийском культе.

1170

Между тремя и шестью часами утра (Перев.)

Книга 19

Предисловие

Материалы этой книги являются ценным источником прежде всего по истории Римской империи периода правления Гая Калигулы и начала правления Клавдия. Сведения Иосифа Флавия во многом дополняют жизнеописание Калигулы, составленное Светонием. Уникален материал Иосифа о событиях, связанных с убийством Калигулы и провозглашением императором Клавдия. Весьма подробно (в отличие от «Иудейской войны») автор повествует о правлении в Иудее Агриппы I, смертью которого и заканчивается эта книга.

Глава 1

1. Император Гай не только выказывал сумасбродство относительно иерусалимских и прочих живших в тех местах иудеев, но и в своем безумии свирепствовал по всему протяжению Римской империи, на суше и на море, преисполняя мир тысячами таких бедствий, о которых никогда раньше не было слышно. Наиболее чувствовал его гнет город Рим, который он нисколько не выделял из числа прочих городов; тут он своевольно обращался со всеми гражданами и особенно с сенаторами, главным же образом с теми, которые принадлежали к числу патрициев и пользовались почетом за знатное происхождение. Он ревностно преследовал сословие всадников, которые пользовались особенным почетом и значением благодаря своим деньгам и которые почитались одинаково с сенаторами¹¹⁷¹; из числа их поэтому пополнялись члены сената. Этих людей он подвергал бесчестию и изгнанию, убивал их и присваивал их имущество. Вообще все эти казни в большинстве случаев имели в виду разграбление имущества казненных. Он требовал себе божественных почестей и желал, чтобы подданные его поклонялись ему, как богу. Придя в храм Зевса¹¹⁷², который римляне называют Капитолием и считают наиболее священным капищем своим, он осмелился назвать Зевса братом. В прочих своих поступках также сказывалось безумие. Так, например, считая лишним проезжать на корабле от кампанского города Дикеархеи до другого приморского города Мизены и вообще признавая себя владыкой моря и земли и потому считая себя вправе требовать от них покорности, он соединил эти города, находящиеся на расстоянии тридцати стадий, мостом и оставил таким образом в стороне весь залив и ездил по мосту в колеснице, утешая себя тем, что ему, как богу, так подобает

путешествовать¹⁷³. Он не оставил ни одного греческого храма без разграбления; везде, где находились какие-нибудь рисунки или изваяния или утварь, он приказывал привозить все это к нему, говоря, что красивое обязательно должно находиться в красивейшем месте, а таким является город Рим. Похищенными таким образом вещами он украшал дворец и свои сады, а также свои многочисленные, рассеянные по всей Италии, виллы. Он даже распорядился перевезти в Рим статую почитаемого греками Зевса олимпийского, работы афинянина Фидия¹⁷⁴. Впрочем, это намерение его не было приведено в исполнение, так как архитекторы сказали Манлию Регулу, которому была поручена перевозка статуи, что изваяние сломается, если его вздумают сдвинуть с места.

Говорят, что Манлий по этой причине, а также потому, что ему явились во сне необыкновенные знамения, отказался от своего намерения и написал Гаю извинение, что не может исполнить его поручение. В результате он, конечно, подвергся бы казни, если бы его не спасла неожиданная кончина Гая.

2. Сумасбродство императора достигло такой степени, что, когда у него родилась дочь, он снес ее на Капитолий и положил на колени статуи Юпитера, уверяя, что этот ребенок в одинаковой мере принадлежит как ему, так и Юпитеру, что у нее, значит, двое отцов и что он, Гай, поэтому оставляет вопрос открытым, кто из них обоих является более могущественным. Между тем народ спокойно взирал на такие его поступки. Гай также позволил рабам выступать с какими угодно обвинениями против своих хозяев; конечно, все, что они говорили, было ужасно, потому что в угоду Гаю и по его понуждению ими возбуждались страшнейшие обвинения. Дело дошло даже до того, что некий раб Полидевк решился выступить с обвинением против Клавдия, и Гай не постеснялся явиться послушать судебное разбирательство по делу своего родственника; он питал даже надежду найти теперь предлог избавиться от Клавдия. Однако это дело у него не выгорело, ибо он преисполнил все свое государство наветами и злом, а так как он сильно восстановил рабов против господ, то теперь во множестве стали возникать против него заговоры, причем одни участвовали в них, желая отомстить за испытанные бедствия, другие же считали нужным избавиться от этого человека раньше, чем он вверг бы их в большие бедствия. Поэтому смерть его была бы по законам всех народов всякому желательна, особенно же нашему народу, который чуть не погиб, если бы смерть Гая не наступила так быстро. Я желаю подробно рассказать о нем особенно потому, что этот рассказ должен возбудить во всех, которые находятся в каком-нибудь стеснении, большую уверенность во

всемогуществе Божьем и дать им утешение; для тех же, которые считают счастье вечным, даже если оно не связано с добродетелью, тут заключается предостережение.

3. Тремя способами собирались умертвить Гая, и в каждом из этих заговоров инициаторами являлись благородные мужи. Так, например, Эмилий Регул, родом из иберийского города Кордубы, собрал товарищей, имея в виду либо при помощи их, либо самолично умертвить Гая. Во главе другой партии заговорщиков стоял трибун Кассий Херея; наконец, Аппий Минуциан был также готов покончить с этой тиранией. Причиной их ненависти к Гаю являлись различные обстоятельства. Так, Регул был человеком весьма вспыльчивым и с ненавистью относившимся ко всему, в чем проявлялась несправедливость; в его характере вообще была решимость и любовь к свободе, почему он и не скрывал своих планов, о которых сообщил друзьям и другим людям, казавшимся ему достаточно решительными. Минуциан пришел к своему решению вследствие желания отомстить за близкого друга Лепида, одного из выдающихся граждан, которого казнил Гай¹⁷⁵. С другой же стороны, его побуждал страх за самого себя, так как Гай и ему, подобно другим, выразил свой гнев и намерение казнить его. Наконец, Херея был возмущен теми упреками в трусости, которые швырял ему в лицо Гай, а с другой стороны, несмотря на свое расположение и готовность служить ему, отлично сознавал, что каждый день приносит ему опасность; поэтому он не усматривал в убиении Гая постыдного поступка. Все эти заговорщики считали удобным сообщать о своих намерениях тем, которые видели безобразия Гая и после его смерти могли надеяться избежать затруднений. Они рассчитывали на вероятный успех своего предприятия и в этом случае считали большим преимуществом располагать таким количеством добрых товарищей, которые на благо города и государства не задумались бы рискнуть собой даже с возможностью собственной гибели. Главным образом эти желания ободрили Херею, который желал прославиться; с другой же стороны, ему как трибуну, имевшему свободный доступ к Гаю, исполнение покушения представлялось менее затруднительным, чем другим¹⁷⁶.

4. В это время начались игры¹⁷⁷. Зрелище это особенно любимо римлянами, которые охотно стекаются в цирк и толпой приступают с просьбами о своих нуждах к императору. Последний не считает себя вправе отказывать им и всегда исполняет эти просьбы. И в этот раз народ приступил к Гаю с настоятельной просьбой об ослаблении поборов и облегчении бремени налогов. Гай не согласился, а так как народ слишком бурно выражал свои желания, он распорядился схватить крикунов и безотлагательно казнить их.

Так велел Гай, и приказание его было исполнено; тут погибла масса народа. Чернь перестала кричать и в ужасе смотрела на это, убедясь воочию, насколько легко их просьбы могут повести к смерти. Между тем Херею все это побудило и еще более убедило в необходимости заговора и освобождения человечества от озверевшего Гая. Неоднократно собирался он покончить с ним во время пира, но каждый раз удерживался, не потому, что затруднялся его умертвить, но потому, что желал выбрать наиболее удачное время, чтобы наверняка привести в исполнение свой замысел.

5. Он служил уже продолжительное время, но общение с Гаем не доставляло ему ни малейшего удовольствия. Когда Гай поручил ему собирание податей и всяких недоимок императорской казне, которые успели с течением времени удвоиться, Херея не торопился с этим делом, слушаясь более своего сердца, чем приказаний Гая, а так как он жалел и щадил людей при взимании этих поборов, то возбудил против себя гнев Гая, и тот вследствие такого медленного собирания податей назвал его старой бабой. Император вообще глумился над ним, и всякий раз, когда на его долю выпадала необходимость просить о назначении пароля, тот назначал слово «баба», делая к этому всевозможные позорные добавления. Все это Гай делал, хотя сам не был свободен от упрека в неких таинственных похождениях. Дело в том, что он облакался в женские одежды и выдумал своего рода прическу, причем вообще придавал себе вид женщины; несмотря на все это, он осмеливался называть Херею такими позорными именами. Всякий раз, когда Херее приходилось являться за паролем, у него вскипал гнев, особенно когда ему приходилось сообщать пароль войску, потому что тогда товарищи его смеялись над ним. Всякий раз, когда он являлся с докладом к императору, они рассчитывали на немалое удовольствие. Поэтому у Хереи, который был доведен в своем гневе до крайности, окончательно созрела решимость наметить некоторых товарищей по заговору. Тут был некий Помпедий, имевший звание сенатора и прошедший почти все общественные должности; впрочем, он был эпикурейцем¹¹⁷⁸ и вел праздный образ жизни. На него донес его враг Тимидий, будто он позволил себе неприличные отзывы о Гае; при этом он призвал в свидетельницы актрису Квинтилию, отличавшуюся большой красотой и имевшую множество поклонников, и в том числе Помпедия. Женщина эта отказалась лжесвидетельствовать против него и тем навлекла смерть на своего возлюбленного. Тогда Тимидий потребовал для нее пытки. Гай в исступлении приказал Херее немедленно пытать Квинтилию; он охотно пользовался Хереей для приведения в исполнение смертных приговоров и вообще во всех тех случаях, когда требовалась известная

жестокость. Он рассчитывал на особенную безжалостность Хереи, который, конечно, будет стараться избегнуть обвинения в слишком большой мягкости. Когда Квинтилию повели на пытку, она наступила на ногу одному из своих поклонников, побуждая его тем самым мужаться и не бояться за нее во время пытки, которую она собиралась перенести со стойкостью. Тогда Херея стал жестоко пытать ее, правда, он делал это против воли и лишь из необходимости, дрожа за самого себя. Затем, когда она все-таки ничего не сказала, он представил ее Гаю. Квинтилия своим истерзанным видом вызвала у всех присутствующих ужас. Сам Гай почувствовал при виде ее жалость, оправдал и отпустил ее и Помпедия, причем почтил ее даже денежным подарком в утешение за испытанные страдания и в награду за выказанную стойкость.

6. Этот случай расстроил Херею, как будто бы он добровольно причинял людям такие бедствия, которые вызвали сострадание даже в Гае; поэтому он сказал Клименту и Папинию, из которых первый был начальником стражи, а другой трибуном: «Мы, Климент, не можем упрекнуть себя, что не были на страже императора; из тех, которые составили заговор против его власти, мы, благодаря нашей предусмотрительности и старанию, одних казнили, других пытками привели в такое состояние, что они вызвали жалость даже в Гае; а кто станет укорять нас в нашем отношении к войскам?» Так как Климент молчал, а, с другой стороны, покрасневшее лицо его показывало, насколько он стыдился предписаний императора, но не решался в видах своей личной безопасности говорить о безумии тирана, Херея стал в своих речах смелее и без стеснения говорить с ним об ужасах, постигших город и всю империю. При этом он сказал, что Гая упрекают во всех этих позорных поступках. «Но,— сказал он,— те, кто ищет истины, могут убедиться, что я и Климент, а также Папиний и более нас другие нанесли римлянам и всему человечеству ужасные удары, причем поступали так не по приказанию Гая, но по собственному своему желанию. Хотя теперь было бы время покончить нам с жестокостями по отношению к нашим согражданам и подчиненным, мы служим в качестве палачей вместо того, чтобы быть воинами, носим оружие не за свободу и за власть римлян, но на благо человека, который порабощает тела и души. При этом мы ежедневно обагрям себя кровью убийства и пытаем этих людей до тех пор, пока кто-нибудь по приказанию Гая не поступит точно так же и с нами. И, несмотря на все это, Гай не относится к нам с расположением, но скорее с подозрительностью, невзирая на множество принесенных ему нами человеческих жертв. Гай никогда не успокоится, потому что он ищет не справедливости, но наслаждения. Мы

сами испытаем это на себе, тогда как нам бы следовало заботиться об общем благе и свободе и ограждать себя от всяких опасностей».

7. Климент очевидно отнесся сочувственно к мыслям Хереи, но советовал ему молчать, чтобы эти речи не проникли в народ, указывая на то, что если распространятся об этом слухи раньше исполнения и узнают о заговоре, то они будут подвергнуты смертной казни: следует все предоставить времени и связанным с ним надеждам, потому что счастье неожиданно улыбнется им. Сам он, конечно, слишком стар, чтобы идти на такие рискованные предприятия. «Конечно,— сказал он,— я сумел бы противопоставить твоим намерениям и речам нечто более безопасное, но кто бы мог выставить против них что-либо более благородное?» Затем Климент удалился в смущении от всего слышанного и сказанного... Между тем Херея испугался и поспешил к Корнелию Сабину, который также был трибуном. Он вообще знал его за порядочного человека, любившего свободу и потому враждебно относившегося к настоящему положению вещей. Он желал немедленно сообщить ему свои планы и побудить его к исполнению их, так как опасался болтовни Климента, а с другой стороны, ему надоели постоянные неизвестность и откладывание.

8. Сабину все это понравилось, тем более, что он и раньше был того же самого мнения и лишь потому молчал, что у него не было никого, с кем бы он мог безопасно поделиться своими мыслями. Теперь же, когда он нашел человека, который не только был готов молчать о слышанном, но и вполне разделял его мнение, он воспрянул духом и стал уговаривать Херею отнюдь не откладывать дела. Поэтому они отправились к Минуциану, человеку, не уступавшему им в доблести и одинаково с ними великодушному.

Этот Минуциан возбуждал в Гае подозрение после казни Лепида. Дело в том, что Минуциан и Лепид были очень дружны между собой, тем более, что их связывал постоянный страх за свою безопасность. На всех, занимавших высокое общественное положение, Гай наводил ужас, так как не переставал свирепствовать против каждого из них. Такие люди отлично знали, насколько каждый из них страдает при настоящем положении дел, но от общения друг с другом и от выражения своего настроения и ненависти к Гаю их удерживала боязнь за свою личную безопасность. С другой же стороны, они отлично понимали всеобщую ненависть к Гаю и потому не переставали дружественно относиться друг к другу.

9. И вот, когда эти три человека сошлись вместе, они поздоровались, причем по обыкновению, как и раньше, предоставили Минуциану первенство за его высокий сан, за то, что он был одним из выдающихся граждан и пользовался

общей популярностью; так они поступали и раньше, особенно когда Минуциану приходилось говорить. Теперь Минуциан ласково спросил Херею, какой пароль назначил ему император на этот день. Весь город отлично знал, каким глумлениям подвергался Херея при назначении пароля. При этом ласковом обращении тот не желал более медлить и ответил Минуциану, что благодарит его за доверие и относительно этих вопросов желает поговорить с ним как с другом.

«Ты мне,— сказал он,— даешь теперь пароль свободы, и я тебе благодарен, что ты тем самым окончательно и всецело разбудил меня от сна, в который я был погружен. Я не нуждаюсь в длинных речах, которые возбудили бы мое мужество, раз ты того же взгляда на вещи, что и я; если мы были сообщниками раньше, то с тем сошлись сюда и сейчас; я опоясан лишь одним мечом, но этот меч будет достаточен для двоих; поэтому примемся за дело; будь ты руководителем, приказывай — и я пойду, куда ты захочешь; или же я сам при твоей помощи и твоём содействии возьмусь за дело. Люди, которые вносят в дело душу, не нуждаются в железе; благодаря этой душе их и железо становится страшнее; я готов действовать, и меня не пугает представление о возможных моих страданиях; мне нет времени думать о своей личной опасности, когда приходится оплакивать рабство моего столь свободного некогда отечества, когда нужно плакать о попираемых законах и когда приходится оплакивать всех людей, падающих от руки Гая. О, если бы я удостоился в настоящую минуту найти в тебе верного судью, который смотрит на дело моими глазами и который меня не осудит!»

10. Минуциан отлично понял смысл этих слов, с радостью заключил Херею в объятия и укрепил его в его решимости. Затем он похвалил его и, обняв еще раз, отпустил со всевозможными благопожеланиями.

Некоторые уверяют, будто Херея был укреплен в своем намерении еще следующим случаем: дело в том, что когда он раз входил в здание совета, из толпы раздавался голос, побуждавший его исполнить предприятие и полагаться на Божество. Сперва Херея испугался, подозревая, что кто-либо из заговорщиков изменил и что теперь он будет схвачен. Однако, в конце концов, он убедился в том, что этот призыв обещает ему удачу, так как в нем сказывалось либо одобрение со стороны одного из товарищей, либо действительно Божество, взиращее на все человеческие дела, этим побуждало его не терять мужества. Между тем слух о заговоре распространился среди многих, и все эти люди — сенаторы, всадники и простые воины — вооружились; не было вообще никого, кто бы не считал умерщвление Гая великим счастьем. Вследствие этого все, кто как мог,

старались не только не отставать друг от друга в доблести, но по силе возможности от всего сердца словом и делом способствовать убиению тирана. Даже Каллист принадлежал к числу заговорщиков. Это был вольноотпущенник Гая, человек, достигший величайшей власти, почти такой же, как сам тиран, потому что все его боялись, между прочим, за его огромное богатство; он брал крупные взятки и позволял себе величайшие несправедливости, злоупотребляя властью и отлично зная непримиримую натуру Гая, который никогда не отступал от раз принятого намерения. Он также знал, что имеет много разнообразных причин бояться за свою личную безопасность; особенно тут играло роль его несметное богатство. Поэтому он сблизился к Клавдием¹¹⁷⁹ и тайно примкнул к нему в надежде, что после смерти Гая власть должна же будет перейти к Клавдию и что он тогда, благодаря своему влиянию, достигнет у него подобного же почетного положения, особенно потому, что заранее успеет доказать ему свою благодарность и расположение. По крайней мере, он позволил себе сказать Клавдию, будто Гай приказал ему отравить его, но будто он, Каллист, придумал различные способы уклониться от этого. Мне же кажется, что Каллист выдумал все это, чтобы заслужить расположение Клавдия, так как если бы Гай действительно решил избавиться от Клавдия, он не остановился бы перед отговорками Каллиста, да и Каллист, получив такое приказание, исполнил бы его; нарушая предписания своего государя, он бы сам немедленно подвергся наказанию. Я полагаю, что Клавдий избег безумства Гая лишь по воле Предвечного, Каллист же приписал себе заслугу, на которую не имел ни малейшего притязания.

11. Между тем, благодаря нерешительности большинства заговорщиков, планы Херея отлагались со дня на день. Сам Херея неохотно соглашался на такую проволочку, считая всякую минуту удобной для этого. Такой случай представлялся, например, неоднократно, когда Гай ходил на Капитолий, чтобы принести жертвы за дочь свою. Тут нетрудно было сбросить его с высокой крыши на площадь, когда он стоял на этой крыше и кидал народу золотые и серебряные монеты; также не трудно было покончить с ним во время введенных им мистерий¹¹⁸⁰: он ведь заботился только о том, чтобы все было устроено как можно лучше, и совершенно не верил, что кто-нибудь мог предпринять против него что-либо. Если даже не было доказательств тому, что боги внушат Херею мысль покончить с Гаем, у него самого было достаточно силы и без оружия расправиться с ним. Поэтому Херея сердился на своих товарищей по заговору, боясь, что они упустят удобный случай. Те должны были согласиться, что Херея прав и вполне основательно требует

большей поспешности, но, с другой стороны, они просили его повременить еще немного, чтобы в случае, если бы предприятие постигла неудача, город не был приведен в замешательство тем, что начнут ловить соучастников преступления и тем отнимут у заговорщиков всякую возможность действовать, так как Гай будет им тогда недоступен. По их мнению, было бы лучше взяться за дело во время Палатинских игр. Эти игры установлены в честь первого императора, присвоившего себе власть¹¹⁸¹, и тут присутствуют, кроме самого императора, римские патриции с детьми и с женами, причем недалеко от царской ложи для них сооружается особая трибуна. Итак, заговорщики полагали, что в присутствии такой массы зрителей, собранных на столь небольшом пространстве, им нетрудно будет совершить покушение на Гая, когда он войдет в театр. Даже его телохранители, если бы и пожелали, не смогли бы оказать ему в этом случае помощь.

12. Так спешил Херея и, когда наступили игры, решил в первый же день привести в исполнение свое намерение; однако сильнее его была судьба, которая потребовала отсрочки. Таким образом прошли первые три дня праздников, пока наконец на четвертый и последний дело было приведено в исполнение. Херея созвал своих товарищей и сказал им: «Уже много времени прошло, и это заставляет нас стыдиться, что мы в своем намерении были так долго нерешительны. Ужасно будет, если произойдет донос, который заставит рухнуть все наше дело и побудит Гая к еще большим насилиям; разве мы не видим, что отнимаем от свободы столько же дней, сколько мы потворствуем тираническому правлению Гая? Разве мы не должны на будущее время обезопасить себя и тем самым, дав остальным людям залог счастья, на веки вечные снискать себе удивление и всеобщий почет?» Но так как те не сумели на это ничего ответить и все-таки не решались взяться за дело, молчали и видимо были поражены, он сказал:

«Чего же мы, друзья, медлим? Разве вы не видите, что сегодня последний день игр и что Гай собирается совершить морское путешествие?» Дело в том, что император готовился отплыть в Александрию, чтобы посетить Египет. «Красиво будет, если мы при громе рукоплесканий римлян выпустим из рук своих этого безобразника для того, чтобы он с торжеством объезжал земли и моря; разве мы не испытаем справедливого стыда, если его умертвит какой-нибудь египтянин, который не сочтет возможным допустить его издевательство над свободнорожденными людьми? Я более не в состоянии выносить вашу медлительность и поэтому еще сегодня приступлю к своему предприятию, будучи готов с удовольствием снести все его последствия, которым в случае необходимости охотно подвергнусь. Что могло бы меня,

разумного человека, более обидеть, если бы на моих глазах кто-либо другой покончил с Гаем и этим лишил меня моей славы?»

13. Сказав это, он не только еще более возгорел желанием осуществить свое дело, но возбудил и в остальных решимость, так что у всех возникло желание, не откладывая, осуществить предприятие.

С раннего утра, опоясавшись [коротким] всадническим мечом, Херея явился во дворец. Таков уже был обычай, что трибуны в подобном вооружении являлись к императору за паролем. В этот день именно на долю Херея выпала очередь принять пароль. Народ в большом множестве с громким криком и толкотней уже стекался к театру, чтобы заpastись местами на зрелище. Между тем Гай с удовольствием смотрел на эту толпу и нарочно распорядился не оставлять свободных мест ни для сенаторов, ни для всадников. Все садились вперемежку: мужчины рядом с женщинами и рабы рядом со свободными гражданами. Между тем для Гая был оставлен свободный проход. Он стал приносить жертву в память Цезаря Августа, в честь которого и были установлены эти игры. Случилось так, что при падении одного из жертвенных животных была совершенно забрызгана кровью одежда сенатора Аспрена. Это обстоятельство вызвало смех Гая, но для Аспрена являлось очевидно дурным предзнаменованием. Дело в том, что он был убит вместе с Гаем. Вообще рассказывают, что Гай в этот день, вопреки своему обыкновению, был особенно обходителен и настолько ласков и доступен, что все видевшие это были поражены. После совершения жертвоприношения он направился к своему месту и сел там, окруженный наиболее выдающимися из приближенных. Театр, который вновь ежегодно сооружался, был следующего устройства: он имел два выхода, из которых один вел на улицу, а другой оставлял открытыми вход и выход к портику, дабы находившиеся внутри зрители не подвергались стеснению; здесь же был выход для актеров и для музыкантов, которые могли удаляться в особое отделенное для них помещение.

И вот, когда толпа уселась по своим местам, а Херея со своими трибунами поместился недалеко от Гая, который занимал правую сторону театра, Ватиний, один из сенаторов и бывший претор, спросил сидевшего рядом с ним консуляра Клувия, не слышал ли он чего-нибудь нового. При этом Ватиний нарочно говорил так тихо, чтобы никто другой не расслышал его слов. Когда сосед ответил на это отрицательно, Ватиний сказал:

«А между тем, Клувий, имеется в виду представить убиение тирана». На это Клувий отвечал: «Помалкивай, милый друг, дабы кто из ахейн не услышал твоего слова»¹¹⁸². Затем стали кидать в зрителей огромное количество редких

фруктов и разных дорогих и редких птиц; Гаю доставляло удовольствие смотреть на борьбу и драку, происходившие из-за них среди зрителей. Тут произошло два обстоятельства, которые могли заключать в себе дурное предзнаменование, а именно началось представление пьесы, в которой подвергался казни на кресте атаман разбойничьей шайки, а затем давалась пьеса, представлявшая историю Кинира. В этой пьесе умирали как сам Кинир, так и его дочь Мирра¹¹⁸³. Как во время казни разбойника, так и при умерщвлении Кинира, было пролито много искусственной крови. Рассказывают, что в этот же самый день некогда случилось убийство македонского царя Филиппа, сына Аминта, Павсанием, одним из его товарищей, в то время, когда Филипп входил в театр¹¹⁸⁴. Между тем Гай был в нерешительности, оставаться ли ему до конца игр в театре, так как то был последний день, или же пойти выкупаться и позавтракать, а затем вернуться назад. Тогда сидевший выше Гая Минуциан, опасаясь, как бы опять попусту не было потеряно время, и видя, что Херея встал и пошел к выходу, поспешил к нему, чтобы ободрить его, но в эту минуту Гай любезно удержал его снизу за одежду, спросив: «Куда же ты, милейший?» Тогда Минуциан, по-видимому, из уважения к императору, сел на свое место (на самом же деле он испугался), а немного спустя опять поднялся. Теперь уже Гай не препятствовал его уходу, полагая, что это обуславливается необходимостью. Между тем Аспрен, который также участвовал в заговоре, стал советовать Гаю по примеру прошлых дней пойти выкупаться и позавтракать, а затем уже вернуться. Этим он думал ускорить исполнение задуманного плана.

14. Херея со своими товарищами стали на известных пунктах, и каждый должен был стараться по мере возможности не покидать своего места. Между тем они тяготились проволочкой и постоянным откладыванием дела, тем более, что наступил уже девятый час дня. При нерешимости Гая Херея уже был готов броситься в его ложу и покончить с ним. Однако он понимал, что тут должно произойти большое кровопролитие, так как было налицо такое количество сенаторов и всадников; вместе с тем он был готов рискнуть на все, считая, что общая безопасность и свобода не будут куплены слишком дорогой ценой, даже если будет перебито столько народу. И вот поднялся шум, потому что Гай встал со своего места. Народ столпился у входа в театр, однако заговорщики стали отгонять и оттеснять народ, уверяя, что такое скопление рассердит Гая, на самом же деле потому, что желали наверняка совершить покушение и для того должны были по возможности удалить от Гая его защитников. Впереди Гая шли его дядя Клавдий, его зять Марк Виниций¹¹⁸⁵ и Валерий Азиатик, которых по их высокому положению никоим

образом невозможно было разлучить с императором; за ними следовал сам Гай с Павлом Аррунцием.

Когда он вошел во дворец, то миновал главный вход, где были выстроены прислуживающие ему рабы и через который прошли Клавдий и его товарищи, и свернул в узкий и темноватый проход, ведущий в ванную комнату. Тут он вместе с тем хотел взглянуть на мальчиков, прибывших из Азии, которые должны были во время устраиваемых им мистерий петь гимны или выступать в театре в качестве танцовщиков. Здесь его встретил Херея и спросил у него пароль; когда же тот ему опять ответил насмешкой, Херея, не задумываясь, произнес проклятие по адресу Гаю, извлек меч и нанес ему жестокий, впрочем, не смертельный удар. Некоторые говорят, будто Херея умышленно не покончил с Гаем одним ударом, но хотел наказать его, нанеся ему целый ряд ран. Однако такой взгляд мне кажется невероятным, потому что в таких случаях страх не оставляет времени для размышлений; если Херея действительно имел в виду это, я считал бы его величайшим глупцом, который охотнее желал удовлетворить свой гнев, чем освободить себя и своих товарищей сейчас же от грозивших всем им опасностей. Ведь много было способов оказать Гаю помощь, если бы тот не умер тотчас же; в таком случае Херея, значит, думал не о том, чтобы отомстить Гаю, но о том, чтобы не наказать себя и товарищей, если бы он напрасно загубил себя и потерял время; между тем при удобном исходе он втихомолку мог избежать преследования стражи, причем раньше было совершенно неизвестно, насколько все это кончится удачно. Впрочем, предоставляю судить об этом каждому по его желанию. Между тем Гай, терзаемый болью (меч проник между плечом и горлом, и его остановила на пути ключица), даже не вскрикнул в первую минуту и не позвал никого из друзей своих, потому ли, что он не доверял им, или просто потому, что не догадался. Застонав от страшной боли, он сделал попытку к бегству. Тут его встретил Корнелий Сабин, который уже приготовился к этому. Он толкнул его, Гай упал на колени, и тут по данному знаку заговорщики окружили его и стали рубить его мечами, ободряя друг друга. Известно, что последний, окончательно смертельный удар нанес ему Аквила¹¹⁸⁶. Однако Херею нужно рассматривать как настоящего виновника всего дела; если он привел свой план в исполнение в сообщничестве со многими, он был все-таки первым, который задумал это дело; он раньше всех других приступил к его осуществлению, первый смело решился говорить с остальными об этом; когда же они выслушали его призыв к покушению, он собрал заговорщиков отовсюду, везде являлся со своим советом и не только всюду достигал

успеха, где он действовал путем убеждения; своими умелыми речами он убедил всех, даже нерешительных людей; когда же наступил момент действовать, то и здесь он был первым, который взялся за дело, произвел покушение и нанесением смертельного удара Гаю облегчил задачу остальным. Вследствие этого мы по справедливости должны приписать рассудительности, доблести и отваге Херея все то, что было сделано остальными.

15. Убитый таким образом Гай лежал на полу, покрытый множеством ран. Когда товарищи Хереи покончили с Гаем, то поняли, что им невозможно спастись тем же путем, каким они пробрались во дворец; с другой стороны, они ужаснулись своему поступку, потому что убийство императора было связано для них с большой опасностью ввиду того, что он был почитаем и любим безрассудной толпой, и солдаты, отыскав его, не оставили бы этого деяния без кровавой мести; с другой же стороны, коридор, в котором они совершили покушение, был узок и вблизи находилась большая масса прислуги, равно как те солдаты, на долю которых в этот день выпало охранять особу императора. Поэтому они избрали другие пути и проникли во дворец отца убитого Гая, Германика. Этот дом был связан с дворцом, так как собственно весь дворец составлял одно собрание различных пристроек, сооруженных разными правителями, дававшими каждой пристройке свое имя, либо по готовому зданию, либо по начатому. Таким образом заговорщики избегли ярости толпы и пока находились в безопасности: бедствие, постигшее императора, не получило еще огласки. Весть о смерти Гая дошла сначала до германских телохранителей, называющихся так по народу, из среды которого набираются. Из них же набирается так называемый кельтский легион. Эти варвары легко раздражаются; этим они походят на некоторые варварские племена, отличающиеся недостаточной рассудительностью в своих поступках. Обладая страшной физической силой, они всегда совершают первый натиск на тех, которых считают врагами, и нередко пользуются успехом.

Когда они узнали об умерщвлении Гая, то страшно опечалились, впрочем, не потому, что подумали о том, что здесь произошло нечто не доблестное, но только оттого, что вспомнили о своей выгоде: Гай пользовался у них большой популярностью, успев снискать их расположение денежными подарками. Извлеки мечи, они под предводительством Сабина¹¹⁸⁷, который был трибуном их не вследствие доблести или знатного происхождения (он был гладиатором), но сумел своей огромной физической силой снискать власть над этими людьми, бросились по всему зданию разыскивать убийц

императора. Сперва им попался в руки Аспрен, которого одежда, как я выше рассказал, была забрызгана кровью жертвенного животного, что было дурным предзнаменованием. Его они искрошили на мелкие куски. Вторым попался им Норбан, один из благороднейших граждан, считавший в числе своих предков целый ряд полководцев. Так как они не обратили внимания на его сан и набросились на него, то Норбан, отличавшийся значительной физической силой, выхватил меч у первого попавшегося германца и нанес ему удар, тем самым показывая, что недешево продаст им свою жизнь. Однако массой нападающих он был наконец сбит с ног и пал, весь покрытый ранами; третьим попался им в руки Антей, один из сенаторов. Впрочем, германцы схватили его не случайно, как двух предшествующих лиц: ненависть к покойному Гаю, любопытство и желание убедиться в его смерти понуждало его проникнуть во дворец. Дело в том, что Гай не только не удовлетворился тем, что присудил к изгнанию его отца, которого тоже звали Антеем, но еще подослал солдат убить его. Итак, Антей явился сюда, чтобы испытать удовольствие от личного созерцания убитого. При суматохе, охватившей всех, он захотел спрятаться, но не избег германцев, которые в поисках убийц одинаково свирепствовали как над виновными, так и над невинными.

16. Таким образом погибли эти люди. Когда в театр пришло известие о смерти Гая, всех охватило смятение и недоверие. Одни с удовольствием приняли весть о его гибели и считали ее великим для себя счастьем, но не верили ей из страха. Были и такие, которые, не желая подобного конца Гаю, не могли поверить этому и никак не хотели свыкнуться с фактом, так как не считали возможным, чтобы какой-нибудь человек мог решиться на столь смелый поступок. К числу последних относились женщины, молодые люди, многие рабы и некоторые воины. Солдаты эти получали от него плату, поэтому поддерживали его тиранические наклонности, потворствовали его насилиям и, умерщвляя наиболее видных граждан, тем добивались личного почета и всяких выгод. Женщины и молодежь, как это обыкновенно бывает, увлекались даровыми зрелищами, гладиаторскими боями и массовыми истреблениями [зверей], которые производились как будто в угоду народу, на самом же деле служили лишь к удовлетворению сумасбродной жестокости Гая. Рабы получили при нем возможность обвинять своих господ и глумиться над ними, находя при каждом случае поддержку в самом императоре. Даже если они решались на ложные доносы на своих господ, им довольно легко верили; при этом нужно было лишь указать на денежные средства господ, и тогда рабы-доносчики получали не только свободу, но и вознаграждение за

свои доносы, так как им полагалась за это восьмая часть всего имущества оклеветанных. Что же касается, наконец, патрициев, то, хотя многие из них и верили слуху об этом, так как, с одной стороны, знали о заговоре, с другой же, страстно желали умерщвления Гая, они, однако, должны были при этом известии либо молча скрывать свою радость, либо подавать вид, будто совсем не слышат, о чем идет речь: одни боялись, как бы упования их не оказались ложными и как бы их не постигла кара, если они без стеснения выкажут таким образом свой взгляд на вещи; другие, хотя и были вполне уверены в справедливости слухов, однако, будучи соучастниками заговора, тем более хранили молчание, не зная настроения других лиц; при этом были и такие, которые боялись сказать что-либо лишнее людям, извлекавшим личную выгоду из тиранического правления Гая: они опасались доноса и наказания, если бы Гай остался в живых, так как [по городу] распространился слух, будто Гай только сильно ранен, не умер, но остался жив и находится на попечении врачей. Таким образом, никто никому не мог довериться и смело высказать свое мнение. Если собеседник был другом [Гая], то возникало подозрение, что он загубит вследствие своей приверженности к тирану, если же ненавидел императора, то его боялись и не верили ему именно в силу этой ненависти. Некоторые лица стали распускать слух (этим они особенно разочаровали и убивали патрициев), будто Гай, невзирая на опасность и не думая о своих ранах, явился, как был, залитый кровью на форум и там говорит с народом. Впрочем, эти слухи распространялись лишь теми людьми, которые старались посеять смуту и желали угодить всяким партиям. Между тем, однако, никто не покидал своего места, боясь, что, если уйдет, навлечет на себя ответственность: всякому приходилось опасаться, что его осудят не за действительный образ мыслей, но за то, что пожелают приписать ему обвинители и судьи.

17. Когда же толпа германских телохранителей с мечами наголо окружила театр, все зрители подумали, что настали их последние минуты. При каждом появлении германца они содрогались, как будто бы уже началась резня. Люди были в полном отчаянии, не смея удалиться из театра, а с другой стороны, видели, что дальнейшее их пребывание там связано с большой опасностью. Когда же германцы действительно ворвались в театр, поднялся крик и вопль; стали умолять воинов о пощаде, указывая на то, что преступление было совершено без ведома здесь собравшихся и что никто не знал о возмущении, если таковое действительно имело место. Поэтому их следует, вопили они, пощадить, не наказывать ни в чем не повинных людей за чужое преступление и стараться разыскать настоящих виновников того,

что случилось. Таким и подобным образом, с воплем и отчаянием призывая и умоляя богов, кричали люди ввиду близкой опасности и видя неизбежность смерти. Гнев воинов смягчился при этом, и им стало жаль своего намерения относительно собравшихся в театре зрителей. Несмотря на всю свою озверелость, германцы наконец сами поняли жестокость, после того как они возложили головы Аспрена и павших вместе с ним на алтарь [в театре]. Однако зрители при этой картине еще более содрогнулись, видя, что тех не спасло их высокое общественное положение. Им особенно стало жаль их, так как и сами они вскоре могли подвергнуться такой же печальной и опасной участи, причем оставалось совершенно неизвестным, удастся ли им в конце концов избежать этой участи. Таким образом, даже те, которые от всей души и справедливо ненавидели Гая, были теперь лишены возможности радоваться постигшей его судьбе, так как они сами подвергались опасности погибнуть и у них не было никакой уверенности, что при теперешних обстоятельствах им удастся избежать как-нибудь этой своей гибели.

18. В то время жил в городе Эварест Аррунций, по профессии аукционный глашатай. Благодаря последнему обстоятельству он отличался громовым голосом. Кроме того, он был одним из самых богатых римлян и поэтому имел возможность как теперь, так и впоследствии приобретать какие угодно имущества в городе. Хотя он и ненавидел Гая всею силою души, однако страх за свою личную безопасность и боязнь лишиться жизни при выражении своего удовольствия в настоящую минуту побудили его прибегнуть к хитрости. Он притворился в высшей степени опечаленным, надел на себя траур, как будто потерял кого-либо из самых дорогих ему людей, и явился в театр, где со слезами объявил о смерти Гая. Этим самым он положил конец неизвестности по поводу случившегося. Вскоре прибыл и [Павел] Аррунций, за которым послали. Он немедленно отозвал германцев, а сопровождавшие его трибуны приказали им вложить мечи в ножны. При этом они также объявили о смерти Гая. Это-то обстоятельство окончательно спасло всех, находившихся в театре, которым раньше угрожали германцы. Дело в том, что пока у последних еще имелась надежда, что Гай жив, они не останавливались ни перед какими насилиями: в них было столько расположения и привязанности к императору, что они готовы были отдать жизнь за него, чтобы оградить его от покушения или подобного несчастья. Когда же они получили определенное известие о смерти Гая, то весь их гнев и вся их мстительность сразу прекратились, тем более, что теперь было совершенно бесполезно стараться за того, кто погиб и не мог уже вознаградить их; вместе с тем им приходилось при дальнейших насилиях опасаться наказания либо со

стороны сената, к которому могла теперь перейти верховная власть, либо со стороны вновь назначенного правителя. Поэтому германцы, правда неохотно, все-таки должны были сдерживать свой порыв, который охватил их при первом известии о кончине Гая.

19. Между тем Херея, который очень боялся, как бы Минуциан не попал в руки обезумевших германцев и не погиб бы, обращался к каждому воину, прося пощадить его, и всячески старался узнать что-либо о судьбе Минуциана. Тем временем Климент, к которому привели Минуциана, отпустил последнего и тем самым вместе с прочими сенаторами явно засвидетельствовал правильность совершенного поступка и доблесть тех лиц, которые задумали его, хотя и не могли лично почему-либо принять участие в этом деле. Таким образом, подтверждалось, что тиран, правда короткое время, может быть довольным, удовлетворяя свою страсть к насилиям, но что он вместе с тем не может рассчитывать хорошо окончить жизнь свою, так как он, благодаря ненависти к нему всех, в конце концов найдет такую смерть, какая постигла Гая. Последний ведь еще раньше, чем возник против него заговор и было решено покончить с ним, сам стал врагом себе. Этим самым он же показал, что, совершая безобразия и совершенно пренебрегая законами, он обратил своих лучших друзей в заклятых врагов. Итак, если эти люди теперь как будто и являлись убийцами Гая, то на самом деле Гаю приходилось себе же приписывать собственную гибель.

20. Теперь, когда стража удалась, все в театре поднялись со своих мест, чтобы уйти. Тут среди присутствующих произошли сильный шум и давка. Причиной такого поспешного бегства из театра явился врач Алкион, который отлучался под предлогом, что ему необходимо поспешить к некоторым тяжелораненым, и который уснул вперед своих людей якобы для того, чтобы они приготовили все нужное для операций над ранеными, а на самом деле с расчетом спасти их от опасности в настоящую критическую минуту. В это же самое время сенат собрался на совещание, а народ, по обыкновению, двинулся к Форуму и расположился там. Как сенаторы, так и народ занялись исследованием вопроса, кто убийцы Гая, причем народ взялся за это дело вполне серьезно, а сенат делал лишь вид, будто также серьезно заботится об этом. Между тем бывший консул Валерий Азиатик явился к народу, шумевшему и очень недовольному тем, что до сих пор еще не найдены убийцы императора. Когда все набросились на него с вопросом, кто же преступник, то Валерий рискнул сказать: «о, если бы им был я сам!»

В то же самое время консулы издали прокламацию с обвинениями против Гая. Здесь они предлагали народу и войскам разойтись по домам; при этом

они обещали народу значительное сокращение налогов, а войску почетные дары, если только они соблюдут обычное спокойствие и не вздумают прибегать к насилиям. Дело в том, что возникло опасение, как бы народ и войска не обратились к грабежу и разорению храмов и город таким образом не пострадал бы при таком возбужденном состоянии их. Впрочем, скоро все собравшиеся сенаторы, особенно же заговорщики, учинившие убиение Гая, стали выказывать большую смелость и решимость, как будто бы власть уже перешла в их руки.

Глава 2

1. Во время всех этих событий Клавдий внезапно был увезен из своего дворца. Дело в том, что солдаты собрались на сходку и стали совещаться относительно дальнейшего образа действий. Они понимали, что при обширности Римской империи демократический образ правления был бы неуместен, тем более, что в таком случае они сами остались бы внакладе. С другой стороны, рассуждали они, если какое-либо лицо сумеет захватить верховную власть в свои руки, им самим навсегда придется отказаться от своих выгод, так как они ничем не способствовали его возвышению. Поэтому, так как дела находились пока в столь неопределенном положении, они сочли наилучшим провозгласить императором Клавдия, дядю убитого Гая, тем более, что Клавдий не уступал никому из сенаторов ни в знатности происхождения, ни в образовании. При этом естественно было предположить, что Клавдий, будучи провозглашен ими императором, наверное воздаст им по заслугам и богато одарит их. Решив это, они немедленно приступили к исполнению своего плана, и таким образом Клавдий был уведен солдатами¹⁸⁸. Тогда Гней Сентий Сатурнин, лишь только узнал о том, что Клавдий уведен воинами, делая вид, будто неохотно принимает предлагаемое ему императорское достоинство, на самом же деле очень довольный этим, поднялся в сенате со своего места и безбоязненно и вполне достойно свободного и благородного человека обратился к товарищам со следующей речью:

2. «Римляне! Как это ни невероятно, однако мы достигли того, на что мы так долго не смели рассчитывать, а именно свободы. Правда, неизвестно, на сколь продолжительное время мы удержим ее. Это зависит от воли богов, даровавших ее нам. Теперь, однако, мы можем пока наслаждаться ею, и если бы даже мы [вновь] лишились ее, она все-таки принесет нам счастье. Ведь уже одного часа довольно для хороших людей, если только они проживут в течение этого часа с чистым сердцем и в свободном государстве по тем

законам, благодаря которым эта их родина некогда достигла цветущего состояния. Что касается прежней нашей свободы, то я не могу здесь говорить о ней, так как, родившись значительно позже того [как мы ее утратили], я не знал ее; теперь же я вполне отдаюсь минуте и считал бы весьма счастливыми всех тех, кто рождается именно теперь или в это время юн. После богов поэтому я считал бы особенно достойными всякого почета тех мужей, которые, хотя и поздно, однако все-таки и в таком возрасте дали нам возможность вкушать этой свободы. О, если бы эта свобода теперь навеки оставалась нам невозбранною! Нам же, будь мы молоды или близки к могиле, пусть будет удовлетворением хотя бы [один уже] этот день. Старики могут быть довольны, если, умирая, почувствуют все блага свободы, для молодежи же эта свобода будет доказательством и примером доблести мужей, даровавших им это благо и являющихся их предками. И нам поэтому, которые достигли уже зрелого возраста, не может быть другой, более священной задачи, как жить по заветам добродетели, которая одна может гарантировать человечеству свободу. Я сам знаю из примеров древности и убедился личным опытом о том, какими бедствиями преисполняют тираны свои государства, как они подавляют всякую доблесть, как отнимают у всех свободнорожденных всякую самостоятельность, как распространяют всюду лень и страх, причем все дела ведутся не сообразно мудрости законов, но по произволу правителей. С тех пор как Юлий Цезарь решил отнять у народа власть и произвольным насилием над законодательством потряс основы государственности, попирая право и направляя все сообразно личному своему удобству, с тех пор не было такого бедствия, которое не постигло бы нашего города. При этом все преемники Юлия Цезаря, сколько их ни было, наперерыв друг перед другом старались о том, чтобы уничтожить древние установления и чтобы по возможности избавиться от всех благородных граждан, считая необходимым в видах якобы личной безопасности привлечь на свою сторону самых отъявленных негодяев. Таким образом они не только подавляли всякую самостоятельность людей порядочных, но и считали своей задачей навсегда загубить последних. Хотя этих тиранов было много и каждый из них старался ознаменовать свое правление невыносимыми притеснениями, однако сегодня погибший Гай превзошел в своих преступлениях всех их, обращая свой необузданный гнев не только против сограждан, но и против своих родственников и приближенных; он одинаково насилывал и безвинно наказывал всех и одинаково свирепствовал против людей и против богов. Ведь тирану недостаточно путем насилия удовлетворять своим страстям и распространять вокруг себя печаль, похищая

имущество и жен своих противников; он находит удовлетворение лишь в безусловном и окончательном истреблении всей родни этих своих противников. А такими противниками его являются все свободомыслящие люди, и даже те не в состоянии снискать себе его расположение, которые терпеливо подчиняются ему и сносят его обиды. Так как эти тираны отлично сознают несправедливости, которые они причинили многим людям, а эти последние, в свою очередь, великодушно мирятся с постигшей их судьбой, то тираны наконец сами начинают думать, не будучи в состоянии обманывать себя относительно своей виновности, что только в том случае смогут гарантировать себе полную личную безопасность, если окончательно избавятся от этих несчастных. Теперь вы избавились от подобных бедствий и равноправны; а так как подобный способ правления наиболее способствует не только минутному благополучию, но и дальнейшему спокойствию и славе благоустроенного государства, то вы должны каждый подумать о том, как принести наивозможную пользу обществу и открыто высказать свое мнение, если кому-либо не нравится то, что сделано было до сих пор: пусть при этом никто не боится за свою безопасность, так как теперь уже нет более деспота, который безнаказанно мог бы причинить вред городу или мог бы своевольно умертвить лиц, без стеснения высказавших свое мнение. Тиранию ничто так не поддерживало, как трусость и боязнь противоречить ее предначертаниям. Подавленные, убаюканные спокойствием и приученные вести жизнь рабов, мы из боязни доблестно умереть старались избежать этого, сносили величайший позор и гнуснейшие бедствия и спокойно взирали на позорную смерть наших товарищей. Поэтому раньше всего следует оказать величайшие почести тем, кто избавил нас от тирана, а именно Кассию Херее. С помощью богов этот один человек как по своей сообразительности, так и вследствие своей решимости даровал нам свободу. Не следует об этом забывать, что мы должны сообразно с тем, как он единовременно не только подумал о возвращении нам свободы, но и подвергся опасности для достижения ее, недолго думая и размышляя, выразить ему за это наше почтение и благодарность. Является поступком прекраснейшим и достойнейшим свободных мужей воздавать благодарностью своим благодетелям; в числе последних находится и тот муж, который облагодетельствовал всех нас, при том совершенно не так, как это сделали убийцы Гая Юлия [Цезаря], Кассий и Брут. Они своим поступком посеяли смуту и междоусобные распри в государстве, этот же, убив тирана, тем самым избавил город от всяких бедствий».

3. Так говорил Сентий, и речь его была с восторгом принята сенаторами и теми всадниками, которые присутствовали в заседании. Тогда вдруг вскочил некий Требеллий Максим и совлек с пальца Сентия перстень с камнем, на котором было выгравировано изображение Гая¹¹⁸⁹. Этот перстень Сентий, в пылу своей речи и сгорая желанием сделать то, что он только что совершил, забыл снять. В эту же самую минуту камень с портретом Гая сломался.

Между тем наступила ночь и Херея обратился к консулам¹¹⁹⁰ с просьбой назначить пароль. Они дали ему пароль, гласивший «свобода». Они при этом сами удивились, и подобный поступок их вызвал даже недоверие. Дело в том, что теперь вновь, спустя сто лет после утраты власти, консулам пришлось назначать пароль: раньше чем город попал во власть тиранов, консулы были главнокомандующими над войсками. Получив этот пароль, Херея сообщил его солдатам, стоявшим у здания сенатского собрания. То были четыре когорты, которые охотнее желали оставаться совершенно без императора, чем служить тирану. Итак, войска ушли под предводительством своих трибунов, а затем разошелся по домам и народ, радуясь, полный надежд и упований и сознавая, что власть в его руках, а не в руках верховного вождя. Теперь Херея стал в глазах народа воплощением всех доблестей.

4. Между тем Херея был очень недоволен тем, что в живых оставались еще дочь и вдова Гая и что не вся семья его истреблена, так как он полагал, что все остающиеся в живых члены семьи его могут быть причиной гибели города и законов. А так как Херея хотел довести свое дело до конца и вполне удовлетворить свою ненависть к Гаю, то послал трибуна Юлия Лупа с приказанием убить вдову¹¹⁹¹ и дочь Гая. Луп получил это поручение, так как он был родственником Климента и так как было желательно, чтобы он, приняв хотя бы это участие в истреблении тиранов, мог гордиться своею гражданскою доблестью, как будто бы он принимал участие в заговоре с самого начала возникновения его.

Однако некоторым из заговорщиков казалось слишком жестоким убивать вдову Гая, потому что последний всегда действовал скорее по своим собственным природным побуждениям, чем по ее указаниям во всем, что принесло государству бедствия и погубило цвет его граждан. Другие же, наоборот, приписывали все ее влиянию и считали именно ее виновницей всех содеянных Гаем несправедливостей, говоря, будто она дала Гаю любовное зелье, чтобы окончательно поработить его себе и сделать из него игрушку своих прихотей. Этим-де она довела его до безумия и навлекла такое горе на судьбу римлян и всей подчиненной им империи. Таким образом, мнение, что

ее следует умертвить, одержало верх, так как желавшие спасти ее ничего не смогли поделать, и Лупу было дано это поручение.

Последний не замедлил ни минуты с приведением в исполнение приказа посланных его, ибо не желал навлекать на себя укор в том, будто он задумался перед чем-либо, что могло послужить на пользу народа.

Придя во дворец. Луп нашел вдову Гая, Цезонию, рядом с трупом убитого, лежащим на земле, совершенно не удостоившимся того, что закон повелевает оказывать мертвому. Цезония была покрыта кровью, которая вытекла из ран покойного ее мужа, и представляла картину полнейшего несчастья и отчаяния, а рядом с ней на полу лежала ее дочь. Женщина твердила только одно: она упрекала Гая, что он не хотел послушаться ее, когда она неоднократно уговаривала его. Уже тогда эти речи вдовы Гая подверглись двоякого рода толкованию, да и теперь еще можно понимать их так или иначе, как угодно. Одни истолковывали эти речи в том смысле, что она уговаривала его отказаться от своей безумной жестокости по отношению к гражданам и мягко и добропорядочно править делами, чтобы не погибнуть от руки граждан. Другие же уверяли, будто, когда стали распространяться слухи о существовании заговора, она советовала Гаю, не откладывая, перерезать всех заговорщиков, даже если они еще не успели причинить ему никакого зла, и тем обезопасить себя; таким образом будто бы в ее словах заключался упрек в бездеятельности в то время, как она уговаривала его принять решительные меры. Таковы были речи Цезонии, и таким-то образом люди истолковывали их.

Когда Цезония заметила приближающегося Лупа, она указала ему на труп Гая и со слезами и стонами просила подойти поближе. Когда же она увидела, что Луп явился вовсе не из сострадания к ней и не для того, чтобы оказать ей поддержку, она сразу поняла причину его прихода и с полной готовностью обнажила шею, умоляя его в полном отчаянии готового к смерти человека не медлить дольше и привести в исполнение то, что ему поручено. Таким образом Цезония мужественно пала от руки Лупа, и вместе с ней погибла также ее дочь¹¹⁹². Луп после этого поспешил известить о том Херею и его товарищей.

5. Таким образом погиб Гай после четырехлетнего без четырех месяцев правления над римлянами. Еще раньше, чем власть перешла к нему, он явил себя человеком жестоким и в высшей степени испорченным, преследовавшим исключительно свои личные удовольствия и доступным клевете; он легко пугался всего и поэтому был кровожаден там, где мог бы быть вполне покоен; всю свою власть и безумное чванство он направил к

тому, чтобы обижать наименее того заслуживающих людей; при этом он извлекал для себя выгоды из казней и противозаконий. Он желал быть и казаться выше самого Бога и Его законов, с другой же стороны, рабски преклонялся перед похвалой толпы. Все то, что закон считает постыдным и клеймит позором, он признавал высшей добродетелью. Он совершенно забывал о своих друзьях, несмотря даже на бесчисленные крупнейшие услуги их, и за мельчайшие провинности готов был жестоко наказывать их. При этом он считал враждебным себе все то, что делалось в видах добродетели, и принимал все, даже самое невероятное, если только к тому побуждала его страстность.

Так, например, он находился в близких сношениях с родной сестрой своей¹¹⁹³, что и положило начало особенной ненависти граждан к нему, так как они этому сперва не хотели верить и такой безобразный поступок доселе был в истории еще неизвестен. С другой стороны, никто не был бы в состоянии привести в пример какой-либо великий чисто царственный поступок его на пользу его современников или потомства. Исключение составляют разве задуманные им гавани в Регии и Сицилии для стоянки прибывающих из Египта судов с хлебом. По общему признанию, эти сооружения имели громадное значение и представляли большую пользу для моряков. Однако он так и не довел их до конца, и дело остановилось на полпути. Причиной тому служило то обстоятельство, что Гай думал о разных ненужных вещах и тратил деньги на свои удовольствия, которые могли удовлетворить его одного и которые делали невозможным более щедрый отпуск сумм на полезные предприятия.

Между прочим, Гай был отличным оратором, одинаково хорошо владевшим греческим и латинским языками. При этом он сразу понимал все; пока другим приходилось соображать и сопоставлять, он сразу находил, что ответить, и тем далеко оставлял за собой любого оратора в любом деле. Он развил свои природные дарования трудом и достиг силы в этом отношении благодаря усидчивому труду.

Будучи внучатым племянником Тиберия, преемником которого ему пришлось сделаться. Гай должен был особенно заботливо отнестись к требованиям образования, потому что сам Тиберий придавал образованию большое значение.

Повинуясь своему родственнику и подчиняясь требованиям императора, Гай старался угодить ему в этом смысле. Таким образом, он занимал в этом отношении одно из первых мест среди своих сограждан; впрочем, плоды его образования не были в состоянии оградить его от гибели, надвигавшейся на

него вследствие его произвола. Так тяжела добродетель самообладания для тех, которые могут не отдавать [никому] отчета в своих действиях и следовать личному своему желанию. Первоначально Гай окружил себя друзьями и по своему образованию и любви к славе стремился иметь дело с наиболее достойными людьми, пока с увеличением его произвола он понемногу не стал утрачивать свою популярность; когда же, наконец, ненависть к нему стала возрастать, ему пришлось погибнуть от руки заговорщиков, бывших первоначально его приближенными.

Глава 3

1. Когда Клавдий, как я выше рассказал, расстался с Гаем и услышал, что весь дворец огласился криками и стонами по поводу смерти Цезаря, он стал беспокоиться относительно своей личной безопасности и спрятался в узком проходе; впрочем, он знал, что ничто, кроме его высокого происхождения, ему не может теперь повредить. Дело в том, что он вел замкнутый образ жизни частного человека и вполне удовлетворялся этим, работая над расширением своего образования и особенно занимаясь греческой литературой. Таким образом, он вполне ушел от шумной внешней жизни. И вот, когда теперь народ находился в большом смятении, весь дворец был преисполнен обезумевшими солдатами, а отряд телохранителей обуяли те же смущенность и растерянность, что и частных лиц, так называемые преторианцы, представлявшие из себя отборный отряд войска, собрались на совещание о том, что следует предпринять.

Все эти воины менее всего думали о том, чтобы отомстить за смерть Гая, которого постигла лишь вполне заслуженная кара, а скорее заботились о своем личном благосостоянии, подобно тому, как германцы, столь кровожадно преследовавшие убийц, делали это скорее в своих личных интересах, чем для общего блага.

Все это, однако, приводило в смущение Клавдия, который стал беспокоиться за свою участь, особенно когда увидел, как пронесли головы Аспрена и его товарищей. И вот, под покровом ночи, он стал на возвышении, к которому вело несколько ступеней. Тут его увидал Грат, один из дворцовых солдат, и так как он не мог разглядеть в темноте лицо его, с другой же стороны, думал, что имеет, вероятно, дело с человеком злонамеренным, подошел к нему поближе и, когда Клавдий просил его удалиться, стал наступать на него. Схватив его, он, однако, признал Клавдия и, обратившись к товарищам, воскликнул: «Да это Германик¹⁹⁴, возьмем и провозгласим его императором». Когда же Клавдий увидел, что воины собрались насильно увести его, он

испугался, как бы его не постигла участь Гая, и стал молить о пощаде, напоминая солдатам о том, что он никогда никого не притеснял и вообще находится в полном неведении о случившемся. Тогда Грат с улыбкой схватил его правую руку и сказал: «Перестань же повторять малодушные слова о своем спасении; будь храбр и подумай об императорской власти, которую боги, заботясь о вселенной, отняли у Гая и предоставили теперь тебе в награду за твою добродетель. Иди и воссядь на троне своих предков!» При этом он поддержал Клавдия, который от страха, а также от радости едва держался на ногах.

2. Между тем к Грату присоединилось еще много телохранителей, которые, видя, что Клавдия куда-то ведут, опечалились, так как предполагали, что его тащат также на казнь; а между тем они знали его как человека всегда очень смиренного, который неоднократно при правлении Гая подвергался со стороны последнего значительным опасностям. Поэтому некоторые воины решили обратиться к консулам за заступничеством за него. Тем временем число прибывавших солдат все росло и росло; приближенные же Клавдия, которому по его физической слабости было очень тяжело идти¹¹⁹⁵, разбежались, равно как разбежались при известии о взятии Клавдия и его слуги, которые обыкновенно носили его носилки. Они все думали, что пришел конец их господину. И вот, когда воины и Клавдий пришли к площадке на Палатинском холме (тут, по преданию, были воздвигнуты первые постройки города Рима и тем положено его основание) и собирались решить участь народа, толпа солдат стала прибывать. Все они с радостью желали взглянуть на Клавдия и из расположения к Германику особенно охотно готовы были провозгласить его императором: Клавдий ведь был братом Германика, а последний, как известно, распространил свою славу на всех близких ему. При этом солдатам пришло на ум вспомнить о корыстолюбии лиц, заседавших теперь с властью в руках в сенате, и о том, какие беззакония эти люди позволяли себе в предшествующие царствования. Вместе с тем они подумали также о своем собственном безвыходном положении, в котором они очутились бы, если бы был выбран кто-нибудь другой в императоры, тогда как если эта власть перешла бы при их посредстве и благодаря их преданности именно к Клавдию, они могли рассчитывать на то, что он в память этой услуги воздаст им так, как того заслуживала их помощь.

3. Таким образом рассуждали воины между собой и сообщили свои взгляды на дело вновь прибывавшим. Узнавая, в чем дело, последние охотно присоединялись к решению, и затем воины окружили Клавдия плотной

стеной и торжественно повели его в казарму, чтобы там никто не мог помешать их начинанию. Тем временем, однако, произошел разлад во взглядах народа и сенаторов. Последние добивались прежней власти, пользуясь представившимся случаем, хотели свергнуть с себя иго, которое наложили на них насилия тиранов. Народ, между тем, относился к этому недоброжелательно, так как понимал, что в лице императора имел сдерживающее начало против притязаний знати и мог опереться на личность императора и потому радовался уходу Клавдия, предполагая, что избрание его на престол положит предел междоусобной смуте. Пример тому был уже при Помпее. Когда сенат узнал, что Клавдий в сопровождении солдат прибыл в казарму, то послал к нему нескольких выдающихся членов своих с советом не настаивать на получении престола, но уступить сенату, против численного превосходства которого он стоит одиноким, и предоставить законной власти заботиться об общем благе; пусть он при этом вспомнит, насколько прежние правители повредили государству и насколько он сам вместе с ними, сенаторами, подвергался разным опасностям со стороны Гая. Итак, если он был возмущен тягостью тиранических насилий других, то пусть сам добровольно не осмеливается предпринять что-либо против блага своей родины. Если он послушается их и удовлетворится по-прежнему прочным почетом спокойной жизни частного человека, он удостоится этого почета со стороны своих свободных сограждан и сможет снискать себе славу доблестного мужа, который в пределах законности готов находить благо не только во власти, но и в добровольном своем отречении. Если же он не разделяет их взгляда и не примет в соображение примера Гая, они сумеют с ним справиться: на их стороне большая часть войска, у них большие запасы оружия и они располагают множеством рабов, которые сумеют воспользоваться этим оружием. Главная при этом надежда их сводится к тому, что судьба и боги оказывают поддержку лишь тем, кто доблестно идет в бой за правду, а такими, в свою очередь, являются все те, кто готов сразиться за независимость своего отечества.

4. Так говорили посланные, Вераний и Брокх (оба были народными трибунами), причем пали на колени и просили не навлекать на государство войн и бедствий. Когда же они увидели, какая масса воинов окружает Клавдия и что в этом случае сами консулы не смогут ничего поделать, они просили его, если он уже непременно добивается власти, принять таковую от сената: ведь он будет править куда спокойнее и счастливее, если добром получит эту власть от сената, чем если добьется ее путем насилия.

Глава 4

1. Понимая, с каким расчетом были посланы эти депутаты, Клавдий, однако, в данную минуту под влиянием их слов был готов идти на некоторые уступки. Впрочем, он уже успел оправиться от страха за свою личную безопасность, с одной стороны, потому что ему придавало мужества наличие войск, а с другой, царь Агриппа советовал ему не выпускать из рук такую явившуюся к нему сама собою власть. Между прочим, Агриппа поступил и относительно Гая так, как мог поступить человек, которого тот столь любил. Дело в том, что он взял и снес труп Гая на его ложе, покрыл его там одеялами, а затем отправился к отряду телохранителей и объявил им, что хотя Гай еще жив, однако сильно страдает от полученных ран и требует медицинской помощи. Когда же Агриппа услышал, что солдаты увели Клавдия, он побежал к нему и застал его в ту самую минуту, когда тот был в полном смущении и уже намеревался уступить требованиям сената. Он ободрил Клавдия и советовал ему не упускать власти. Затем он отправился к себе домой. Когда из сената прислали за ним, он умастил себе волосы, как будто бы только что явился с пира, пришел в собрание и спросил сенаторов, что поделывает Клавдий. Сенаторы сообщили ему о положении дел и спросили его мнения насчет этого. Тогда Агриппа ответил, что он сам охотно готов умереть за сенат, но что нужно иметь в виду [общую] пользу и отрешиться от всего, что могло бы быть полезно отдельным личностям. Он сказал, что, если сенаторы хотят удержать власть в своих руках, им нужно будет подумать об оружии и войске, которое могло бы оградить их, чтобы им неожиданно не попасть впросак неподготовленными. Когда же сенат возразил, что у него в распоряжении масса оружия и будет много денег, что у них уже имеется некоторая часть войска и что они уже согласились освободить с этой целью рабов, Агриппа воскликнул: «Да будет вам, сенаторы, удача во всем согласно вашему желанию! Я должен теперь без обиняков высказать свое мнение, касающееся общего блага. Знайте, что войско, которое готово сражаться за Клавдия, испытано долголетней службою. Наша же рать будет состоять из разного сброда и случайно освобожденных рабов, а это скверно. Нам придется сражаться с испытанными воинами и выставить против них людей, навряд ли знающих, как извлечь меч из ножен. Поэтому мне сдается, что следует послать теперь же к Клавдию депутатов с предложением отказаться от власти, и я сам готов принять на себя это поручение».

2. Так сказал Агриппа. С ним согласились, и он был вместе с другими послан к Клавдию. Говоря с ним наедине, он советовал ему отвечать потверже, как достойно будущего императора, и опираться при этом на могущество своей будущей власти. Поэтому Клавдий отвечал, что он нисколько не удивится, если сенат неохотно подчинится чужой власти, так как он уже столько выстрадал от жестокости прежних правителей; теперь же настали более благоприятные времена, сенаторы испытают его, Клавдия, мягкость, так как он лишь по имени будет правителем, на деле же готов с ними делиться этой властью. Ввиду того что он на глазах их вел столько разных дел, они навряд ли не поверят ему. С такими данными депутаты были отправлены назад. Затем Клавдий потребовал от собравшихся воинов присяги на верность и подарил каждому из телохранителей по пяти тысяч драхм; начальствующим лицам он сделал соответственно большие подарки и обещал всем частям войск, где бы они ни были расположены, подобное же вознаграждение.

3. Между тем консулы, несмотря на поздний ночной час, созвали сенат на совещание в храм Юпитера-Победоносца. Однако при известии об ответе Клавдия одни испугались и спрятались в городе, другие поспешили уехать в свои поместья, предвидя, к какому печальному концу придет все дело, и потому они отказались от мысли о свободе и предпочитали в безопасном подчинении вести бездеятельный образ жизни, чем сохранить за собой власть и положение своих предков и постоянно дрожать за свое личное спокойствие. И все-таки собравшихся было сто человек¹¹⁹⁶. Пока они совещались относительно положения вещей, бывшее в их распоряжении войско внезапно подняло крик, требуя, чтобы сенат выбрал кого-нибудь одного императором и не ослаблял власти, разделив ее между многими лицами. Войска высказывались в том смысле, что власть следует предоставить не всем [сенаторам], но одному лицу, и требовали, чтобы им, солдатам, было предоставлено выбрать того, кто, по их мнению, является наиболее достойным ее. Теперь положение сената стало особенно затруднительным, потому что, с одной стороны, приходилось отказаться от свободы, а с другой, следовало опасаться Клавдия. Между тем среди сенаторов были люди, которые рассчитывали сами быть избранными, как вследствие своей родовитости, так и вследствие родства с императорским домом. Таким претендентом, например, являлся Марк Виниций, который происходил из очень знатного рода и, кроме того, был женат на сестре Гая, Юлии. Когда он объявил себя кандидатом на императорский престол, консулы стали, однако, приводить против его кандидатуры всевозможного рода возражения. Валерия Азиатика, который также подумывал об этом,

удержал Минуциан, один из убийц Гая. Если бы кандидаты на престол получили удовлетворение, то при неизбежной борьбе их с Клавдием произошла бы крайне кровопролитная резня. Тем временем и гладиаторы (которых в городе было довольно значительное количество), и ночная городская стража, и гребцы направились к [преторианским] казармам, так что лица, домогавшиеся [первоначально] власти, теперь отказались от своего намерения, отчасти чтобы оградить и пощадить город, отчасти из опасения за свою личную безопасность.

4. На самом рассвете Херея и его товарищи отправились к войскам, имея в виду обратиться к ним с речью. Когда же масса солдат увидела, как они делали знаки рукой, чтобы вызвать тишину и начать свою речь, она закричала, что не даст им говорить, а настаивает на том, чтобы им был дан единовластный правитель. Они требовали императора, так как им надоело ждать. Тем временем сенат находился в большом затруднении, не зная, каким образом разрешить вопрос о форме правления: солдаты не хотели признавать компетентности сената, а убийцы Гая не допускали вмешательства войска в это дело. При таком положении вещей Херея не мог удержаться, чтобы не выразить своего гнева по поводу требования ими императора, и обещал дать им такового, если кто-либо из солдат принесет ему удостоверение от Евтиха. Евтих этот был одним из возниц партии зеленых¹⁹⁷ и был особенно предан Гаю, что наглядно выразилось в его отношениях к солдатам во время постройки царских конюшен. Тут Евтих обременял воинов всевозможными позорными для них работами. На последние теперь иронически намекал Херея, равно как осыпал воинов насмешками в том же роде и говорил, что принесет [им] голову Клавдия. При этом он указывал, что будет ужасно, если они после сумасшедшего передадут власть слабоумному¹⁹⁸. Однако солдаты не смущались его речами, но извлекли мечи и, подняв знамена, отправились к Клавдию, чтобы присоединиться к тем, которые уже принесли присягу. Таким образом, сенат остался без защитников, и консулы обратились в частных лиц. Всюду наступили смущение и уныние, так как никто не знал, что предпринять и как оградить себя от гнева Клавдия; люди стали укорять друг друга и все раскаивались в своей горячности. Тогда Сабин, один из убийц Гая, выступил вперед и объявил, что он скорее сам убьет себя, чем согласится на избрание Клавдия и допустит восстановление рабства. Затем он стал укорять Херею в трусости, если он, который первый пошел на Гая, теперь готов остаться в живых, когда он своим поступком не смог вернуть отечеству свободы. Херея ответил на это, что он ни минуты не задумается умереть, но сперва желал бы узнать о настроении Клавдия.

5. Пока дела были в таком положении, все воины отовсюду стали стекаться к Клавдию, чтобы выразить ему свою преданность. При этом они обвиняли одного из консулов, именно Квинта Помпония¹¹⁹⁹, в том, что он особенно возбуждал сенаторов к отстаиванию свободы. Солдаты даже извлекли мечи и, устремившись на Консула, покончили бы с ним, если бы их вовремя не остановил Клавдий. Освободив его таким образом от опасности, Клавдий посадил затем Помпония рядом с собою. Однако те сенаторы, которые были тут вместе с Квинтом, не удостоились со стороны Клавдия подобного почета. Некоторые из них подверглись даже побоям, так как их насильно не хотели допустить к Клавдию; Апоний должен был удалиться, совершенно израненный, и все вообще сенаторы подверглись крайней опасности. Тогда царь Агриппа приблизился к Клавдию и просил его оградить сенаторов и обойтись с ними помягче, потому что если они подвергнутся истреблению, ему некому будет показать свою власть. Клавдий внял этому совету и предложил сенаторам собраться в Палатинском дворце, куда он затем велел снести себя в носилках через весь город, причем войско сопровождало его и по пути позволяло себе совершать различные насилия над народом. Тогда вышли на улицу также убийцы Гая, Херея и Сабин, хотя это им было запрещено Поллионом, которого незадолго перед тем Клавдий назначил начальником отряда телохранителей. Когда Клавдий прибыл во дворец, он собрал приближенных и предложил им решить участь Хереи. Хотя те и признали в поступке последнего много благородства, однако вместе с этим они обвиняли его также в известном вероломстве (по отношению к Гаю) и решили подвергнуть его смертной казни, как пример на будущее время. Таким образом, Херея был поведен на казнь и вместе с ним Луп и еще целый ряд римлян. Говорят, что Херея мужественно отнесся к постигнутому его несчастью и не только не изменился при этом в лице, но и осыпал упреками разрыдавшегося Лупа. Когда же последний снял одежду и стал жаловаться на холод, Херея заметил ему, что холод ведь привычен волку¹²⁰⁰. Масса народа шла за осужденными, чтобы присутствовать при казни. Когда они пришли к месту казни, Херея спросил солдата (который должен был исполнить обязанность палача), ловко ли он делает свое дело или же ему впервые приходится действовать мечом. Затем он просил принести меч, которым он сам убил Гая.

Херея умер, не дрогнув, под первым же ударом меча. Луп, вследствие своего отчаяния, не так счастливо окончил жизнь свою; ему пришлось нанести повторный удар, так как он недостаточно спокойно подставил свою голову.

6. Несколько дней спустя наступил праздник поминовения усопших, когда римский народ приносит жертвы в память своих покойников¹²⁰¹. Тогда же римляне почтили и память Херея, бросив в честь его лепешки в огонь и умоляя его быть милостивым к ним и не воздавать злом на народную неблагодарность.

Таков был конец Хереи. Сабин же, которому Клавдий не только простил его вину, но которого он даже утвердил в его прежней должности, счел бесчестным отречься таким образом от прежних своих товарищей по заговору и сам покончил с собой, бросившись на меч, который вонзился в его тело вплоть до самой рукоятки.

Глава 5

1. Между тем Клавдий немедленно удалил из войска все ненадежные элементы, а затем издал указ, которым утверждал за Агриппою власть, дарованную ему Гаем, причем отозвался о царе в весьма лестных выражениях. Он прибавил к его владениям все области, которыми правил дед Агриппы, Ирод Великий, а именно Иудею и Самарию. Эти области он отдал ему как принадлежавшие ему по праву рождения. Кроме того, Клавдий предоставил ему еще Авилу¹²⁰², которою управлял некогда Лизаний, и всю местность в пределах Ливанского хребта. Затем он на Форуме в Риме заключил клятвенный союз с Агриппою. Антиоху он подарил отнятые у него владения, а именно часть Киликии и Коммагену¹²⁰³. Вместе с тем он освободил также алабарха Александра [Лисимаха], который навлек на себя гнев Гая и томился в темнице; он был с ним издавна дружен, тем более, что тот заведовал делами его матери Антонии. Сын этого алабарха женился на дочери Агриппы, Беренике. Когда Марк – так звали сына алабарха – умер, Агриппа выдал его вдову за своего брата Ирода и упросил Клавдия предоставить Ироду царство халкидское.

2. В это время произошли смуты между иудейским и греческим населением города Александрии. Дело в том, что после смерти Гая, под властью которого народ иудейский был очень притесняем и подвергался со стороны александрийцев страшнейшим насилиям, он воспрянул духом и немедленно взялся за оружие. Клавдий приказал египетскому наместнику подавить смуту. Вместе с тем он, по настоянию царей Агриппы и Ирода, отправил в Александрию и в Сирию указ следующего содержания:

«Так постановляет император Тиберий Клавдий Германик Август, верховный жрец, облеченный властью народного трибуна: принимая во внимание, 1) что александрийские иудеи, называющиеся александрийцами,

были поселены в Александрии вместе с первыми жителями этого города и пользовались, благодаря распоряжению царей, одинаковыми [с греками] гражданскими правами, как то явствует из писанных документов и имеющих на сей счет указов; 2) что во время нашего (римского) владычества Александрия была подчинена Августу, и при этом в различные времена дарованные тамошним иудеям права были соблюдаемы посылаемыми туда наместниками, которые отнюдь не умаляли этих прав; 3) что вместе с этим в то время, когда в Александрии находился Аквила и умер иудейский этнарх, Август не препятствовал избранию новых этнархов, так как желал, чтобы все его подданные невозбранно пользовались самоуправлением и не были принуждаемы к нарушению своих исконных религиозных обрядов; и, наконец, 4) что возмущение александрийских греков против тамошних иудеев датируется еще со времен императора Гая, который в своем великом безумии и недомыслии притеснял иудеев за то, что они не желали отречься от [религии](#) своих предков и признать самого его богом,— принимая все это во внимание, я не желаю, чтобы, вопреки глупому распоряжению Гая, иудейский народ был чем-либо стеснен в своих правах, но требую, чтобы за ним были утверждены все прежние права его, дабы иудеи могли жить по своим обычаям. При этом я требую, чтобы с обеих сторон было приложено всяческое старание избегнуть каких бы то ни было волнений после обнаружения этого моего распоряжения».

3. Таково было содержание императорского указа относительно александрийских иудеев. Другое же распоряжение, касавшееся остальных частей империи, гласило следующим образом:

«Я, Тиберий Клавдий Август Германик император, верховный жрец с трибунскою властью и вторично консул¹²⁰⁴, постановляю: так как любезнейшие мне цари Агриппа и Ирод обратились ко мне с просьбой утвердить за всеми римскоподданными иудеями те же права, которые я утвердил за иудеями александрийскими, я с удовольствием согласился на это, и притом не только в угоду посетителям, но и потому, что счел того достойными тех, за которых они просили, ибо они всегда соблюдали верность римлянам; поэтому я решил, чтобы права эти распространялись на все даже греческие города, где есть иудейское население, так как права эти были признаны еще божественным Августом. Пусть поэтому иудеи, живущие на всем протяжении нашей славной империи, невозбранно соблюдают свои исконные обычаи, причем я, по своему великодушию позволив им это, требую, чтобы они держали себя спокойнее, не глумились над религиозными обрядами иноверцев и соблюдали в точности свои

собственные законы. Это мое распоряжение пусть будет сообщено всем правителям городов, колоний и муниципий¹²⁰⁵ не только в пределах Италии, но и вне ее, а также царям и князьям через их собственных посланников. Пусть этот указ будет вывешен в течение тридцатидневного срока на видном месте, где каждый легко сможет прочесть его».

Глава 6

1. Этими распоряжениями, разосланными в Александрию и вообще по всей империи, Клавдий достаточно ясно выказал свой взгляд на иудеев. Затем он с величайшим почетом отпустил Агриппу в его царство, причем послал всем преторам и наместникам письменные указы с требованием принимать его любезно. Агриппа, в свою очередь, как это и было вполне естественно со стороны человека, судьба которого приняла самый благоприятный оборот, поспешил воспользоваться разрешением уехать. По прибытии своем в Иерусалим он принес благодарственные жертвы и исполнял все предписания законов. Так, например, он распорядился остричь волосы множеству назиреев¹²⁰⁶. Подаренную ему Гаем золотую цепь, которая весила столько же, сколько железная, некогда отягчавшая его царственные руки, он повесил внутри храма над входом в ризницу в память тяжелой участи своей и в доказательство того, как судьба человека может перемениться к лучшему; эта цепь служила напоминанием, что и великие мира сего могут когда-нибудь пасть и что Предвечный может поднять павших. Посвящение этой цепи Богу показывало всем, что царь Агриппа по маловажной причине утратил свою прежнюю власть и попал в темницу, откуда некоторое время спустя вышел, чтобы сделаться еще более могущественным, чем был прежде. Все это являло наглядный пример того, что среди людей великое могло быть унижено, а униженное вновь возродиться к прежнему величию.

2. Исполнив все ритуальные предписания, Агриппа сместил первосвященника Феофила, сына Анана, и поручил его должность сыну Боэта, Симону, носившему также имя Канферы. У этого Симона было два брата и отец Боэт, дочь которого, как нами было упомянуто выше, была замужем за царем Иродом. Таким образом, и Симон, и его отец, и его братья были первосвященниками, подобно тому как некогда, во времена македонского владычества, первосвященство переходило последовательно к трем сыновьям Симона, сына Хония. Впрочем, об этом мы уже упоминали в предшествующих книгах.

3. Устроив таким образом дела, касавшиеся первосвященнического достоинства, царь задумал вознаградить иерусалимцев за их преданность

ему. Поэтому он, желая воздать им за любовь их, освободил каждый из домов их от специального налога. Затем он назначил начальником над всем войском Силу, человека, который некогда разделял с ним все его бедствия.

Спустя некоторое время несколько юношей из города Дора, решившихся поглумиться над священными вещами и по природе своей отличавшихся необычайной смелостью, задумали поставить в одной из синагог статую императора. Это привело Агриппу в страшную ярость, потому что тем могло быть положено начало попираания исконных иудейских законов. Поэтому он немедленно отправился к сирийскому наместнику Публию Петронию¹²⁰⁷ и выступил перед ним с жалобой на доритян. Петроний не менее самого Агриппы рассердился на этот поступок последних (дело в том, что он сам считал нарушение законов верхом безбожия) и в гневе своем послал доритским отступникам письмо следующего содержания: «Публий Петроний, представитель императора Тиберия Клавдия Августа Германика, обращается к начальствующим лицам доритян. Так как некоторые из вас дошли в своей безрассудной дерзости до того, что, вопреки предписанию императора Клавдия Августа Германика относительно предоставления иудеям права соблюдать их законы, решились не послушаться его и поступить как раз наоборот, а именно осквернили собрание иудеев постановкой статуи императора в зале их заседаний, вы поступили противозаконно не только относительно иудеев, но и относительно самой личности императора. Ведь постановка статуи последнего была бы гораздо уместнее в его собственном, лично ему посвященном храме, чем в чужом месте, тем более в синагоге. По самой природе вещей справедливо, чтобы каждый был у себя дома своим хозяином; так посмотрел на дело и император. При этом было бы смешно упоминать здесь относительно моего постановления после императорского указа, в силу которого иудеям разрешено жить по собственным законам и пользоваться полной равноправностью с греческим населением. Так как ослушники решились на свой поступок вопреки распоряжению Августа, чем они навлекли на себя, вероятно, и неудовольствие своих начальников, и так как они при этом указали на то, что поступили таким образом не по собственному побуждению, а по требованию простонародья, я распорядился, чтобы центурион Прокл Вителлий представил мне виновных для расправы. Вместе с тем я предлагаю лицам начальствующим, если они не желают навлекать на себя подозрения в соучастии в этом правонарушении, назвать центуриону имена виновных и тем предотвратить всякие смуты и междоусобия, которые, по моему мнению, должны быть вызваны этими делами. При этом я, равно

как почтеннейший друг мой, царь Агриппа, не забочусь ни о чем более, как о том, чтобы предотвратить смуты среди иудейского населения, которое под предлогом самозащиты уже начало собираться и делать ряд неосмотрительностей. А для того чтобы было вполне известно, как смотрит на все дело император, я присоединяю к своему письму его указ относительно жителей Александрии, указ, который, несмотря на свою общеизвестность, был мне в собрании прочитан любезнейшим царем Агриппою. Последний счел нужным в свое время заступиться перед императором за иудеев и постарался, чтобы у них не были отняты прежние императорские милости. Поэтому я на будущее время предлагаю вам не выискивать никакого предлога для смут и волнений, но дать каждому возможность по-своему отправлять свое богослужение».

4. Таким-то образом Петроний позаботился загладить нанесенную иудеям обиду и оградить их от подобных явлений на будущее время. Между тем Агриппа лишил Симона Канферу первосвященства и вновь поставил на эту должность Ионатана, сына Анана, считая его достойным этого высокого сана. Однако Ионатан отказался в следующих выражениях от этой чести: «Царь! Получая от тебя столь почетное предложение, я радуюсь, тем более, что ты сам собою пришел к этому решению. Однако Предвечный никак не может считать меня достойным первосвященства. С меня довольно, что я единожды облекся в это священное одеяние. Тогда я сделал это с более чистым сердцем, чем сделал бы это теперь. Если же ты желаешь, чтобы ныне эта честь была оказана человеку, более меня достойному ее, то позволь дать тебе совет. У меня, царь, есть брат, который совершенно чист от всякого греха, как относительно Бога, так и относительно тебя. Его я предлагаю тебе как лицо, достойное этой чести».

Царь вполне согласился с этими доводами, высоко почтил мнение Ионатана и утвердил в первосвященническом сане брата последнего, Матфия.

Глава 7

1. Немного спустя Петрония сменил Марс и стал наместником сирийским¹²⁰⁸. Между тем Сила, царский главнокомандующий, который оставался верен Агриппе во всех превратностях его судьбы и не только неизменно разделял с ним некогда все тягости, но и неоднократно подвергал себя крайней опасности, очень чванился этим, думая, что царь должен воздавать ему за его верную дружбу высшим почетом. Ввиду этого он никоим образом не желал уступать первенство царю, но обходился с ним всегда крайне фамильярно, а во время дружеских бесед даже становился крайне тягостным, так как он

безмерно кичился и часто напоминал царю о превратностях его судьбы. Делал он это с единственной целью, чтобы выказывать ему свою большую давнишнюю преданность. Поэтому он часто и подробно перечислял царю все тягости, которым он подвергался ради него.

Такие хвастливые речи в конце концов звучали как насмешка, почему царь однажды возмутился такой несдержанной нескромностью этого человека. Ведь никому не доставляет удовольствия напомирование о бесславном прошлом, а постоянное повторение этой темы может быть делом лишь близорукого глупца. В конце концов Сила добился того, что страшно рассердил царя, который, уступая чувству раздражения перед рассудительностью, не только сместил Силу, но и велел заковать его в цепи и отправить на родину. С течением времени, однако, гнев царя смягчился, и он, припоминая целый ряд заслуг Силы, понял, что слишком сурово обошелся с этим человеком. Поэтому, когда наступил день рождения Агриппы, который ознаменовывался празднествами всех его подчиненных, он велел призвать Силу обратно и пригласить его во дворец к нему на пир. Сила же, отличавшийся откровенностью, нисколько не постеснялся выказать перед посланными справедливый, по его мнению, гнев и сказал им: «Зачем царь приглашает меня для такой чести, которой он все равно немного погody лишит меня? Ведь и прежние доказательства благодарности его ко мне за мою преданность были непродолжительны, так как он позорно лишил меня их. Или он думает, что я раз навсегда отказался от свободы своего слова? Сознавая свою правоту и это право за собой, я теперь еще громче буду говорить о том, в скольких тяжелых положениях я выручал Агриппу, каким тягостям подвергался ради него, доставляя ему спасение и почет; и за все это в благодарность я получил лишь кандалы и темную тюрьму. Конечно, я об этом никогда не забуду. Быть может, вскоре мне придется расстаться с жизнью, и тогда моя смерть облегчится сознанием доблестно исполненного долга».

Так энергично говорил Сила и требовал, чтобы его слова были переданы царю. Видя его столь непримиримым, Агриппа оставил Силу в крепости.

2. Тем временем царь стал укреплять стены Иерусалима со стороны Нового города. Делал он это за счет государственной казны, расширяя стены и значительно возвышая их. Ему удалось бы придать этим стенам окончательную неприступность, если бы сирийский наместник Марс письменно не сообщил о том императору Клавдию. Последний, усмотрев в этом предприятии некоторое опасное новшество, приказал Агриппе

немедленно приостановить постройку стен. Агриппа не считал возможным слушаться.

3. Этот царь был по природе своей весьма щедр на подарки и любил одаривать подчиненных. Расходуя на это часто значительные суммы, он снискал себе славу, находя удовольствие в своей щедрости и в том, что жизнь его от этого лишь выигрывала. Этим он совершенно не походил на своего предшественника Ирода [Великого]. Последний отличался страстной мстительностью и неудержимой ненавистью ко всем противникам своим и в то же время открыто признавался, что симпатии его скорее на стороне греков, чем иудеев. Иностранные города Ирод одарил значительными денежными суммами, сооружая термы¹²⁰⁹, театры и всякие другие здания; в одних он строил храмы, в других портики. Между тем он решительно ничего не сделал ни для одного иудейского города и не подарил ему ничего, что было бы достойно упоминания.

Агриппа, напротив, был мягкого характера и одинаково щедр ко всем. С иноземцами он был предупредителен и любил одаривать их, но зато он не менее щедрым являл себя также к своим единоплеменникам и даже старался особенно выказывать им сочувствие и благоволение. Поэтому он любил подолгу жить в Иерусалиме; он всегда в точности исполнял предписания законов. Во всем он старался точно соблюдать требования ритуала, и не проходило дня, чтобы он не совершил установленного законом жертвоприношения.

4. В Иерусалиме в это время жил иудей, считавшийся особенно глубоким знатоком законов. Его звали Симоном. Когда однажды царь уехал в Кесарию, он собрал народ на сходку и решился выступить тут с обвинениями против Агриппы, говоря, что последний не религиозен и что ему следовало бы запретить доступ в храм, куда могли входить лишь природные иудеи. Эти речи Симона к народу были [немедленно] письменно сообщены царю военачальником города. Тогда Агриппа послал за Симоном и по прибытии его велел ему сесть рядом с собою (Агриппа в это время был в театре). Затем он мягко спросил его: «Скажи мне, что делается тут противозаконного?» Симон не нашелся, что ответить на это, и стал просить у царя прощения. Царь простил его раньше всякого другого; вообще, он считал мягкость особенно царственным качеством и понимал, что великим мира сего более приличествует доброта, чем гнев. Затем он дал Симону еще кое-что в подарок и с этим отпустил его.

5. Среди множества воздвигнутых Агриппою сооружений те, которыми он почтил город Берит, занимают особенно выдающееся место. Тут он воздвиг

роскошнейший театр, который мог равняться с любым зданием этого рода, а также необычайно красивый амфитеатр, равно как термы и портики. Не желая стеснять себя в смысле красоты и объемов всех этих зданий, он не щадил средств на них. Освящение этих зданий он обставил особенной торжественностью. В театре он велел устроить представления, во время которых дал зрителям всевозможную музыку и поэтические состязания. Масса гладиаторов в амфитеатре должна была служить доказательством необычайной щедрости царя. Желая доставить зрителям особенное удовольствие, Агриппа распорядился устроить бой двух отрядов по семьсот человек в каждом. Для этого он отрядил решительно всех имевшихся в стране преступников, дабы некоторые из них получили тут заслуженное наказание, и это воинственное зрелище положило основание продолжительному миру. Так он избавил страну от злодеев.

Глава 8

1. Поступив в Берите так, как нами было рассказано, Агриппа отправился в галилейский город Тивериаду. В это время Агриппа пользовался уже большим уважением в глазах прочих царей. Поэтому к нему сюда съехались Антиох, царь Коммагены, Сампсигерам, царь эмесский, Полемон, владетель Понта, и, наконец, его собственный брат Ирод, царь халкидский. Всех этих лиц Агриппа принял радушно и любезно, выказывая тем самым большое великодушие, почему эти цари и считали его достойным своего почетного посещения. Пока гости еще были у него, прибыл сирийский наместник Марс. Желая почтить в его лице римлян, царь Агриппа выехал ему навстречу за семь стадий от города. Впрочем, этот же самый поступок его относительно Марса послужил поводом к недоразумению. Дело в том, что Агриппа выехал к нему навстречу в сообществе прочих гостивших у него царей. Однако это согласие между последними и такая их дружба показались Марсу подозрительными, так как он полагал, что столь тесное общение нескольких правителей между собою не может быть особенно полезно в римских интересах. Поэтому Марс вскоре послал к каждому из царей по одному из своих приближенных и советовал каждому немедленно вернуться в свою область. Агриппа отнесся к этому поступку Марса с крайним неудовольствием, и с этих пор между ними установились дурные отношения. Впоследствии царь лишил Матфия первосвященнического сана и поставил на его место Элионея, сына Канферы.

2. Между тем исполнилось три года, что Агриппа царствовал над всею Иудеею. Однажды он поехал в город Кесарию, которая раньше называлась

Стратоновою башнею. Тут он устроил игры в честь императора, так как наступил какой-то праздник, установленный в честь Клавдия. На эти игры стеклась масса лиц начальствующих и таких, которые занимали видное общественное положение. На второй день игр, рано утром, царь явился в театр в затканной серебром одежде, удивительным образом блиставшей и сверкавшей. Серебро дивно переливалось в лучах восходящего солнца, так что все были ослеплены и с содроганием должны были отвращать свои взоры от Агриппы. Сейчас же несколько льстецов с разных концов стали, впрочем не на благо царю, громко возносить его и называть его богом, говоря: «Будь милостив к нам! Если мы до сих пор преклонялись перед тобой, как перед человеком, то теперь мы готовы признать, что ты по природе своей выше всякого смертного». Царь не особенно был поражен этими заявлениями и не думал остановить кощунствующих льстецов. Когда же он, немного погодя, поднял взор кверху, то увидел на перекладине сидящего там филина. Он немедленно признал в нем предвестника грядущих бедствий, как эта же птица некогда принесла ему счастье¹²¹⁰; скорбь обуяла сердце царя. Вскоре затем Агриппа почувствовал, что во внутренностях его начинается сильнейшая боль. Он поднялся с места и обратился к своим со следующими словами: «Я, которого вы признали своим богом, теперь готов расстаться с жизнью. Судьба неожиданно изобличила мне всю лживость ваших уверений, ибо я, которого вы [только что] назвали бессмертным, теперь должен умереть. Впрочем, следует покорно отнестись к решению Предвечного. Я рад, что прожил не как бездеятельный ленивец, но счастливо и с блеском». Лишь только Агриппа сказал это, как его охватила особенно сильная боль. Тогда его поскорее перенесли во дворец. Быстро повсюду разнеслась весть, что царю придется вскоре умереть. Тогда масса народа с женами и детьми облеклась в мешки и по исконному обычаю стала молить Господа Бога о здравии царя. Везде раздавались плач и стенания. Царь же тем временем лежал в верхнем этаже дворца и мог видеть толпу коленапреклоненных. При виде этого зрелища он не был в состоянии удержаться от слез. Затем, промучившись еще пять дней страшными болями в желудке, царь умер в возрасте пятидесяти четырех лет, на седьмом году своего правления¹²¹¹. При императоре Гае он царствовал в течение четырех лет, правя три года тетрархией Филиппа, а на четвертый – получив в удел еще область Ирода. Затем он прожил еще три года во время правления императора Клавдия. Тут он не только был царем вышеупомянутых областей, но царствовал над всей Иудеей, Самарией и Кесарией. Он извлекал из своих владений крупнейшие доходы, доходившие до двух миллионов. Однако, несмотря на это, ему

пришлось делать крупные займы; так как он был очень щедр, то доходы не покрывали его расходов, тем более, что он не умел сдерживать свою щедрость.

3. Народ еще не знал о кончине Агриппы, когда сговорившиеся заранее халкидский царь Ирод и наместник и друг царя Хелкия послали одного из преданнейших слуг, некоего Аристана, убить Силу (который был во враждебных с ними отношениях). Сделали они это как бы по распоряжению самого царя Агриппы.

Глава 9

1. Таким образом окончил жизнь свою царь Агриппа. Он оставил после себя сына, Агриппу же, которому шел тогда семнадцатый год, и трех дочерей: шестнадцатилетнюю Беренику, вышедшую замуж за своего родного дядю Ирода¹²², и двух девочек, Мариамму и Друзиллу, из которых первой было десять, а второй шесть лет. Отец предназначил Мариамму в жены Юлию Архелаю, сыну Хелкии, а Друзиллу Эпифану, сыну коммагенского царя Антиоха.

Когда распространилось известие о смерти Агриппы, жители Кесарии и самаряне забыли о полученных от него благодеяниях и позволили себе поступить, как отъявленные враги его. Они стали осыпать усопшего насмешками, неподдающимися описанию, и все находившиеся там (в довольно значительном количестве) солдаты отправились домой, вытащили статуи царских дочерей, понесли их в торжественной процессии в дома терпимости и, поставив их там на крышах, стали изо всех сил издеваться над ними, так что и рассказывать о том неприлично. Затем они расположились пировать на площадях и устроили всенародные празднества, причем надевали венки, умащались благовонными мазями и совершали возлияния в честь Харона¹²³, чокаясь между собою по поводу кончины царя, так неблагодарны были они не только к памяти Агриппы, щедростью которого они столь часто пользовались, но и к памяти его деда, Ирода Великого, отстроившего им города их и с крупными издержками соорудившего им гавани и храмы.

2. В это время сын усопшего, Агриппа, находился в Риме, воспитываясь при дворе императора Клавдия. Когда последний узнал о кончине Агриппы и о том, как издевались над ним жители Кесарии и Самарии, он глубоко опечалился и страшно разгневался на их неблагодарность. Клавдий сперва немедленно хотел послать молодого Агриппу на место отца его и вместе с тем собрался возобновить с ним клятвенный союз. Однако от этого удержали

его пользовавшиеся огромным влиянием вольноотпущенники и приближенные, указывавшие на то, что было бы рискованно поручать юноше, едва вышедшему из детского возраста, управление таким обширным царством, с которым ему невозможно будет справиться и которое для взрослого человека представляло бы значительные затруднения. Император вполне признал правильность их доводов. Поэтому он отправил в качестве наместника над Иудеею и всеми владениями Агриппы Куспия Фада и оказал тут честь покойному царю, не поручив этой должности Марсу¹¹⁷⁴, с которым, как узнал Клавдий, усопший находился в натянутых отношениях. Раньше всего он приказал Фаду наказать жителей Кесарии и Самарии за оскорбление памяти умершего и за их глумления над его дочерьми. Затем Фаду было поручено перевести эскадрон, состоявший из граждан Кесарии и самарян, равно как сформированные из них пять когорт, на службу в Понт и выбрать в качестве заместителей сосланных соответственное число расположенных в Сирии римских легионеров. Однако это приказание не было приведено в исполнение, потому что виновные отправили депутацию к Клавдию, смягчили его гнев и добились того, что им было разрешено остаться в Иудее. Впрочем, с течением времени эти именно люди положили начало величайшим бедствиям для иудеев, потому что они посеяли смуту, из-за которой впоследствии произошла война Флора. Поэтому, когда Веспасиан, как мы вскоре расскажем, подчинил себе эту страну, он распорядился выслать их из пределов данной области.

* * *

*

См. также: [Иудейская война](#)

¹¹⁷¹

Сенаторы были высшим сословием в Риме. Если в период Республики это были члены сената, назначаемые из числа бывших магистратов, то в период ранней Империи принадлежность к сенаторскому сословию определялась по наследственному принципу, имущественным цензом (Октавиан Август установил для сенаторов ценз в 1 млн. сестерциев), присвоением титула принцепсом. Представители этого сословия были преимущественно крупными землевладельцами.

¹¹⁷²

Т.е. Юпитера.

¹¹⁷³

Светоний сообщает, что Калигула перекинул мост через залив между Байями и Путеоланским молем длиной в 3600 шагов, собрав для этого грузовые суда, которые выстроили в два ряда и насыпали на них земляной вал. По этому мосту Калигула разъезжал два дня. По мнению Светония, Калигула сделал это из-за стремления опровергнуть слова астролога Фрасилла, который сказал тревожившемуся о своем преемнике императору Тиберию, что Гай скорее на лошадях проскачет через Байский залив, чем будет императором.

[1174](#)

Эта статуя, изваянная Фидием в V в. до н.э., считалась одним из семи «чудес света».

[1175](#)

Эмилий Лепид был обвинен в заговоре против Калигулы. По этому делу Калигула осудил и своих сестер Агриппину (мать Нерона) и Юлию, отправив их в ссылку.

[1176](#)

Кассий Херея был преторианским трибуном, т.е. имел отношение к личной охране императора, хотя телохранителями Калигулы, по сведениям Светония (Калигула. 58), были германцы.

[1177](#)

Это были Палатинские игры, установленные в 14 г. н.э. в честь Октавиана Августа. Проводились ежегодно на Палатинском холме в Риме. Игры начинались 17 января и продолжались несколько дней.

[1178](#)

Эпикурейцы – последователи древнегреческого философа Эпикура, учившего в частности, что цель жизни – удовольствие.

[1179](#)

Будущим императором, братом Германика. Клавдий приходился дядей Калигуле.

[1180](#)

очевидно, речь идет о мистериях Исиды. Калигула не только прекратил репрессии против поклонников этой богини, но и построил ей храм в Риме.

[1181](#)

Октавиана Августа, хотя ранее Иосиф Флавий называет первым императором Юлия Цезаря.

[1182](#)

Это выражение заимствовано у Гомера. (Перев.)

[1183](#)

Кинир – в древнегреческой мифологии царь Кипра, сын Аполлона. Вступил в любовную связь со своей дочерью Миррой, не подозревая о кровосмешении. Плодом этой связи был Адонис. Узнав о кровосмесительном характере связи, Кинир покончил с собой.

[1184](#)

Филипп, отец Александра Македонского, был убит в 336 г. до н.э., когда входил в театр, где должны были состояться игры, которые завершали торжества по случаю брака его дочери Клеопатры.

[1185](#)

Марк Виниций был мужем сестры Калигулы Юлии, сосланной к тому времени на Понтийские острова.

[1186](#)

В версиях убийства Калигулы, приводимых Светонием (Калигула. 58), имеются некоторые расхождения с сообщением Иосифа Флавия.

[1187](#)

По одной из версий, приводимых Светонием, трибун Сабин был среди убийц Калигулы и нанес ему удар мечом в грудь тотчас после Кассия Хереи.

[1188](#)

Светоний же утверждает, что при убийстве Калигулы перепуганный Клавдий спрятался за занавесью в галерее. Пробегавший мимо солдат, увидев его ноги, вытащил Клавдия, назвал его императором и отвел к воинам. Те, не зная, что делать дальше, унесли Клавдия в свой лагерь.

[1189](#)

Это так называемая гемма. (Перев.)

[1190](#)

Консулами 41 г. были Гней Сентий Сатурнин и убитый 24 января этого же года Гай Калигула. Очевидно, были и консулы суффекты, но о них нет достоверных сведений.

[1191](#)

Цезонию. Цезония (третья жена Калигулы) имела троих детей от первого брака. В браке с Калигулой родила дочь Юлию Друзиллу.

1192

Светоний (Калигула. 59) повествует об этом так: «Вместе с ним погибли и жена его Цезония, зарубленная центурионом, и дочь, которую разбили о стену».

1193

Друзиллой. Светоний сообщает, что Калигула растлил свою сестру еще будучи подростком. Выдав Друзиллу замуж за Луция Кассия Лонгина, он вскоре отнял ее у мужа и держал при себе в качестве супруги. Смерть Друзиллы настолько потрясла Калигулу, что, по словам Светония (Калигула. 24), он, не в силах вынести горя, «внезапно ночью исчез из Рима, пересек Кампанию, достиг Сиракуз и с такой же стремительностью вернулся, с отросшими бородой и волосами».

1194

Полное имя Клавдия (сына Друза Старшего) – Тиберий Клавдий Нерон Германик. Он был младшим братом Германика.

1195

Светоний (Клавдий. 30) сообщает: «Но когда он ходил, ему изменяли слабые колени...»

1196

Собралось, таким образом, незначительное число членов сената (при Октавиане Августе, например, сенат состоял из 600 человек).

1197

Речь идет о командах гонщиков на колесницах, которых в Риме было четыре: «белые», «красные», «голубые» и «зеленые» (по цвету одежды). Калигула, как сообщает Светоний (Калигула. 55), был рьяным болельщиком «зеленых». Одному из возниц «зеленых», Евтиху, он как-то подарил два миллиона сестерциев.

1198

За Клавдием еще при жизни Октавиана Августа и его собственной матери закрепилась репутация тупоумного. Антония Младшая, как повествует Светоний (Клавдий. 2), желая укорить кого-либо в тупоумии, говорила: «Глупее моего Клавдия». Это явно не соответствовало действительности, хотя сам Клавдий, избегая опасности политических интриг и отдавшись занятиям наукой, старался поддерживать такую свою репутацию, очевидно, чтобы сохранить жизнь при бурных событиях времен правления Тиберия и Гая Калигулы.

[1199](#)

Вероятно, консула суффекта.

[1200](#)

Здесь – игра слов. «Луп» (lupus) по латыни значит «волк». (Перев.)

[1201](#)

Это Паренталии, отмечающиеся 13–21 февраля.

[1202](#)

По Полибию (V, 71, 2), это была столица области Авилены в Келесирии, недалеко от Дамаска. (Перев.)

[1203](#)

Речь идет, очевидно, об Антиохе IV (38–72 гг.), последнем царе Коммагены. Во время его правления Коммагена на короткое время обрела независимость от Рима.

[1204](#)

Второе консульство Клавдия приходилось на 42 г.

[1205](#)

Первоначально статус муниципия римляне давали итальяским городам, а статус колонии – городам, основанным на завоеванных ими территориях. При принципате статус муниципиев распространился и на города в провинциях; постепенно разница в правах между колониями и муниципиями сглаживалась. И те и другие имели свои магистратуры, совет декурионов (из бывших магистратов), народное собрание. Эта структура соответствовала устройству Рима.

[1206](#)

Как известно, назиреи – это люди, давшие обет навсегда или на определенное время вести воздержанный образ жизни, не пить вина и т.п. и в знак этого отращивавшие себе волосы. По окончании срока обета священнослужители в особенно торжественной обстановке стригли им волосы. (Перев.)

[1207](#)

Публий Петроний был наместником Сирии в 39–42 гг.

[1208](#)

Г. Вибидий Марс был сирийским наместником в 42–45 гг.

[1209](#)

Термы – бани, которые у римлян служили не только для мытья, но и были одним из любимых мест отдыха; при них имелись спортивные площадки, иногда и библиотеки. Наиболее роскошными были римские термы (первым их построил Марк Випсаний Агршша), в провинциях старались подражать римским образцам.

[1210](#)

См. выше, XVIII, 6, 7.

[1211](#)

Как видно из последующих рассуждений Иосифа Флавия, он включает в семилетний срок правления Агриппы I его правление в качестве тетрарха.

[1212](#)

Т.е. за Ирода, правителя Халкиды.

[1213](#)

Харон – в древнегреческой мифологии перевозчик душ умерших по водам подземных рек Аида (царства мертвых).

[1214](#)

Таким образом, после короткого перерыва, связанного с правлением Агриппы I, Иудея снова стала управляться римскими прокураторами.

Книга 20

Предисловие

Завершающая книга «Иудейских древностей» охватывает период с 44 по 66 г. Основная ее сюжетная линия – описание нарастания недовольства в Иудее, которое в итоге вылилось в Иудейскую войну. По мнению Иосифа Флавия, главной причиной смут и войны явилось безудержное самоуправство римских прокураторов, особенно Гессия Флора, а также действия «разбойников», под которыми он подразумевает различные движения, в разных формах (мессианские учения, восстания, индивидуальный террор, грабежи имущества знати) выступавшие против римского владычества и засилья местной аристократии. В книге также приведен интересный материал по истории Рима, Парфии и особенно Адиабены, правитель которой, Изат, принял иудаизм. В этой книге много ценных сведений по истории первоначального христианства. Здесь помещен уникальный рассказ о казни

Иакова, брата Иисуса, содержатся более обширные данные о ряде мессианских движений, упоминаемых в Новом Завете. Из книги можно почерпнуть много интересного о личностях, которые фигурируют в Деяниях святых апостолов (прокураторы Иудеи Феликс, Порций Фест, его жена Друзилла, царь Агриппа II, пророк Февда, Иуда Галилеянин и др.). В конце книги Иосиф Флавий излагает краткую историю института иудейских первосвященников.

Глава 1

1. Когда умер царь Агриппа, император Клавдий послал, как мы рассказали в предшествующей книге, преемником Марсу Кассия Лонгина¹²¹⁵. Это Клавдий сделал в угоду памяти покойного царя, так как Агриппа неоднократно при жизни своей обращался к императору с просьбой не оставлять Марса во главе Сирии. Когда же в Иудею прибыл новый наместник, Фад¹²¹⁶, то нашел здесь распрю между перейскими иудеями и жителями Филадельфии¹²¹⁷ из-за границ области Мии, причем население уже взялось за оружие. Между тем жители Переи, помимо ведома своих начальников, успели перебить множество филиладельфийцев. Узнав об этом, Фад очень рассердился, что они не предоставили ему разрешения своего спора, если считали себя обиженными со стороны филиладельфийцев, но немедленно приступили к военным действиям. Поэтому он велел схватить трех начальников их и заковать в кандалы как виновников всей этой смуты. Одного из них, Аннибала, он затем приказал казнить, а двух других, Амарама и Элезара, приговорил к изгнанию. Немного спустя к нему привели также схваченного атамана разбойников, некоего Фоломея, который причинил много вреда Идумее и арабам. Фад распорядился казнить его. Таким образом, благодаря заботливости и усердию Фада, вся Иудея и Аравия были избавлены от разбойников. Затем он, согласно предписанию императора, призвал первосвященника и наиболее именитых иерусалимских граждан и предложил им доставить, как то практиковалось прежде, головной убор и священную ризу, которую мог надевать на себя один лишь первосвященник, в крепость Антонию, чтобы они там находились под наблюдением римлян. Собравшиеся, правда, не осмелились противоречить требованию наместника. Но вместе с тем они просили Фада и Лонгина, также явившегося в Иерусалим во главе значительного войска из боязни, чтобы требования Фада не вызвали волнений среди иудейского простонародья, сперва разрешить им отправить послов к императору с просьбой оставить священную одежду в их распоряжении. При этом они умоляли Фада подождать с исполнением своего

требования, пока не будет получен ответ Клавдия на их ходатайство. Римляне отвечали, что они готовы разрешить иудеям отправку делегации при условии выдачи ими детей в качестве заложников. На это иудеи охотно согласились и, выдав заложников, отправили своих послов. Когда последние прибыли в Рим и Агриппа Младший, сын умершего царя, узнал о причине их приезда (Агриппа, как мы уже раньше упоминали, жил при дворе императора), он стал просить Клавдия исполнить просьбу иудеев относительно священного облачения и написать в этом смысле письмо Фаду.

2. Призвав затем депутатов, Клавдий сообщил им, что исполняет их просьбу, и велел им благодарить за это Агриппу (по ходатайству которого он, император, это делает). При этом он вручил им в виде письменного ответа бумагу следующего содержания: «Император Клавдий Германик, в пятый раз облеченный властью народного трибуна, в четвертый раз консул¹²¹⁸ и в десятый раз главный военачальник, отец своего отечества, сим посылает привет начальникам, членам совета, населению иерусалимскому и всему вообще иудейскому народу. Так как мой любезный Агриппа, которого я воспитал и который так предан мне, представил мне ваших послов, поблагодаривших меня за мою заботливость о вашем народе и усердно и почтительно просивших меня представить в ваше собственное распоряжение священную одежду и головной убор первосвященника, я сим выражаю свое на это согласие, подобно доблестному и любезнейшему мне Вителлию¹²¹⁹. На эту вашу просьбу я согласился, во-первых, как вследствие своего благочестия, так и желая, чтобы каждый мог исполнять по-своему требования религии; а во-вторых, я согласился на это потому, что знаю, что этим я доставлю удовольствие царю Ироду и младшему Аристоклесту, преданность которых ко мне и заботливость которых о вас мне одинаково известны. К тому же я особенно расположен к этим отличным и милым людям. Вместе с тем я послал своему наместнику Куспию Фаду соответственное распоряжение. Это письмо вручено Корнелию, сыну Керона, Трифону, сыну Фейдиона, Дорофею, сыну Иоанна. Составлено оно за четыре дня до июльских календ¹²²⁰, в консульство Юлия Руфа и Помпея Сильвана¹²²¹».

3. Тогда же Ирод, брат покойного Агриппы, управлявший в это время Халкидою, обратился к императору Клавдию с просьбой предоставить ему право заведования [Иерусалимским] храмом, его суммами и назначением первосвященников. Клавдий согласился на это. С того времени право это оставалось за всеми его потомками вплоть до конца [Иудейской войны]. Между прочим, Ирод сместил первосвященника, прозванного Канферой, и предоставил его сан Иосифу, сыну Каменя.

Глава 2

1. Около того же времени адиабенская царица Елена и ее сын Изат приняли иудаизм. Поводом к этому послужило следующее обстоятельство:

Царь Адиабены¹²²², Монобаз, известный также под именем Базея, влюбился в свою сестру Елену и стал жить с ней. Затем она забеременела. Когда он однажды спал с нею, то случайно во сне прикоснулся рукой к ее животу. Тут ему показалось, будто он слышит голос, требующий, чтобы он отнял руку и не повредил бы младенца в утробе жены своей, так как это дитя зачалось по особенному желанию Господа Бога и будет всю свою жизнь счастливо. Голос поразил царя, который тотчас же проснулся и сообщил обо всем жене. Когда у них родился сын, царь назвал его Изатом. У Монобазы был еще другой, старший сын от Елены, равно как были другие сыновья от других жен. Однако всю свою любовь он очевидно сосредоточил на Изате, как будто бы он был единственным его сыном.

2. В результате получилось то, что другие братья стали завидовать Изату. Вскоре это чувство зависти перешло в ненависть, так как все были огорчены явным предпочтением, которое Изату оказывал отец его. Хотя Монобаз и отлично замечал это, однако он простил других сыновей своих, зная, что они поступают так не по злобе, а потому, что каждый из них считал и себя достойным такой же любви со стороны отца. Однако, опасаясь, как бы ненавидевшие его братья не устроили Изату какой-нибудь неприятности, Монобаз отправил его с большими подарками к Авеннеригу, царю Спасинхараксы¹²²³, и поручил ему позаботиться о безопасности юноши. Авеннериг любезно принял последнего, очень полюбил его и выдал за него замуж свою дочь Симахо, причем подарил ему область, из которой Изат мог извлекать значительные доходы.

3. Состарившись и видя, что ему уже немного остается жить, Монобаз перед смертью захотел повидаться с сыном. Поэтому он послал за ним. Когда Изат прибыл, он сердечнейшим образом приветствовал его и подарил ему область, носящую название Карры. Эта местность отличается обилием смолы амома. Тут же сохраняются и остатки ковчега, в котором, по преданию, Ной спасся во время потопа; эти остатки по сей день показываются всем желающим.

Изат оставался тут вплоть до смерти отца своего. В самый день кончины Монобазы царица Елена послала за всеми высшими начальниками, за сатрапами и теми, кому были вверены ответственные должности. Когда все они явились к ней, она сказала им: «Я полагаю, что вам небезызвестно, что мой покойный муж признал Изата достойным себе преемником на престоле;

впрочем, я ожидаю теперь и вашего на этот счет решения; счастлив может быть лишь тот правитель, которому вручается власть не одним человеком, но который получает ее добровольно от многих». Царица сказала все это, чтобы испытать настроение созванных ею лиц. Последние, лишь только услышали слова царицы, преклонились перед нею, по обычаю своей страны, а затем выразили полное сочувствие решению покойного царя и сказали, что охотно повинуются ему, так как Монобаз вполне справедливо предпочел, по их мнению, Изата всем его братьям. Затем они предложили умертвить всех прочих братьев и родственников, дабы Изат был гарантирован в безопасности и прочности своей власти. Они указывали на то, что, когда эти будут умерщвлены, исчезнет всякий страх из-за ненависти их к Изату. На это Елена выразила им свою признательность за их преданность ей и Изату, но вместе с тем советовала удержаться от умерщвления остальных братьев, хотя бы до тех пор, пока не прибудет Изат и не даст им на то свое разрешение. Не убедив таким образом царицы в необходимости избавиться от соперников, придворные стали уговаривать ее по крайней мере арестовать братьев и держать их, для своей же безопасности, в заключении, пока не придет Изат. Вместе с тем они советовали ей временно вручить бразды правления человеку, которому она наиболее доверяет. Елена согласилась с этим и назначила временно исполняющим обязанности царя старшего сына своего Монобаза. Она сама возложила на него диадему, вручила ему именной перстень отца (у них это называется сампсерою) и велела ему управлять государством до прибытия брата. Последний скоро приехал, узнав о смерти отца. Затем он сменил своего брата Монобаза, который передал ему правление.

4. В то время как Изат жил в Спасинхараксе, некий иудей-купец, по имени Анания, вошел в сношения с женами [покойного] царя и познакомил их с сущностью иудейской религии. Таким образом, Анания при посредстве женщин стал известен также Изату, которого ему тоже удалось склонить на свою сторону, и когда Изат был призван отцом своим в Адиабену, Анания сопровождал его по настоятельной просьбе Изата. Тем временем и Елена, которую просветил другой иудей, приняла иудаизм.

Когда Изат, став царем, прибыл в Адиабену и увидел тут своих братьев и прочих родственников в оковах, он был очень недоволен этим. Считая безбожным не только умерщвлять их, но и томить в темнице, а с другой стороны, не считая безопасным держать их при себе, когда они могли быть злопамятны, он отправил часть их вместе с их семьями в Рим к императору Клавдию, а прочих послал в качестве заложников к парфянскому царю

Артабану. Узнав затем, насколько его матери нравятся положения иудейской религии, он поспешил и сам принять эту веру, а так как не мог считать себя настоящим иудеем, пока не принял обрезания, то выразил готовность подвергнуться и этому.

5. Когда же его мать узнала об этом, она пыталась отговорить его и указывала ему на опасность, связанную с таким переходом: ведь он царь и может навлечь на себя неудовольствие своих подданных, которые, узнав о его расположении к иноземцам и их обычаям, смогут не пожелать повиноваться царю-иудею. Так рассуждала Елена и всячески старалась отговорить сына от его намерения; последний, между тем, передал все ее речи Анании. Анания вполне согласился со взглядами царицы и стал грозить Изату покинуть его и уехать, если он будет настаивать на своем. При этом Анания указывал на то, что он сам, если все это дело станет известным, должен опасаться и за себя, так как все будут считать именно его виновником такого перехода и наставником царя в столь недостойном деле. Анания присовокуплял, что Изат может поклоняться Господу Богу и не принимая обрезания, если уже он непременно желает примкнуть к иудейству. Такое поклонение, по его мнению, будет гораздо важнее принятия обрезания. Когда же Анания указал еще на то, что Предвечный простит ему это упущение, так как он согласился на него по необходимости и из соображений политического свойства, царь наконец склонился в пользу мнения Анании. Однако Изат не мог вполне подавить в себе желание подвергнуться обрезанию. После этого к нему однажды прибыл некий Элезар, галилейский иудей, пользовавшийся славою большого знатока закона. Этот-то человек и склонил Изата подвергнуться обрезанию. Войдя к царю и приветствовав его, Элезар застал его за чтением Моисеева Пятикнижия и воскликнул: «о, царь, ты не исполняешь главного закона и этим грессишь против Господа Бога. Тебе следует не только читать эти законы, но раньше всего исполнять их. Доколь же ты хочешь оставаться необрезанным? Если тебе до сих пор неизвестны законоположения на этот счет и ты не знаешь, в чем заключается настоящее благочестие, то познакомься теперь с этим». При этих словах царь перестал откладывать дело, но перешел в другую комнату, позвал врача и велел ему совершить операцию. Затем он послал за своею матерью и за своим наставником Ананиею и сообщил им о случившемся. Последние были поражены и очень испуганы этим, боясь, как бы при распространении известия о поступке царя Изат не подвергся опасности потерять царство, так как подданные не захотят повиноваться человеку, который предался чужим обычаям; вместе с тем они боялись и за себя, так как их могли признать

виновниками всего этого дела. Однако Господь Бог оградил их от осуществления их боязни. Когда Изату и его детям пришлось действительно подвергнуться серьезным опасностям, Он выручал их всегда из затруднительного положения и тем показывал, что люди, уповающие на Него и доверяющиеся Ему одному, постоянно получают награду за свое благочестие.

6. Впрочем, об этом мы поговорим впоследствии. Тем временем мать царя, Елена, видя, что мир в стране не нарушается, что ее сын счастлив, всеми любим и благодаря заступничеству Предвечного заслужил расположение даже иноземных народов, возымела желание поехать в город Иерусалим, поклониться пользовавшемуся знаменитостью храму Господа Бога и принести там благодарственные жертвы. Поэтому она просила сына дать ей на то разрешение. Изат весьма охотно исполнил просьбу матери, распорядился приготовить все нужное для поездки, снабдил ее очень крупной суммой денег и проводил ее довольно далеко, когда она отправилась в Иерусалим. Приезд царицы был весьма полезен и кстати для жителей, потому что в это время город страдал от голода и многие жители умирали от недостатка в съестных припасах. Тогда царица Елена послала нескольких лиц своей свиты с крупными суммами в Александрию для закупки хлеба, а других приближенных на Кипр за сушеными финиками. Поручения ее были быстро исполнены, и когда посланные вернулись, она стала раздавать пищу нуждавшимся. Этим благодеянием она навсегда оставила среди нашего народа добрую о себе память. Когда же ее сын Изат узнал об этом голоде, то и он послал значительные деньги иерусалимским начальникам. Распределенные среди нуждающихся, эти суммы спасли многих от жестоких мучений голода. Эта династия вообще оказала нашему городу большие услуги; как мы за то выручали ее, мы расскажем впоследствии.

Глава 3

1. Между тем парфянский царь Артабан узнал, что его сатрапы устроили против него заговор. Не считая себя безопасным среди них, он решил уехать к Изату, чтобы просить его о помощи и о восстановлении своем в царской власти, если это будет возможно. Таким образом, он поехал к нему в сопровождении своих родственников и слуг и встретился на пути с Изатом, которого он сам прекрасно знал, но который не знал его вовсе. Подъехав ближе, Артабан начал с того, что, по обычаю своей страны, пал ниц, а затем уже обратился к нему со следующими словами: «о, царь! Не отвращай от

меня, явившегося к тебе просителем, взора своего и не относись безучастно к моей просьбе. Меня постигло несчастье, я превратился из царя в частное лицо и теперь прибегаю к твоему заступничеству. Подумай о том, сколь непостоянна судьба, вспомни, что всех нас может постигнуть несчастье, и подумай о моей любви к тебе. Ведь если я буду покинут тобою без помощи, то могут явиться и другие, более смелые злоумышленники, которые восстанут против других царей». Эти слова Артабан произнес со слезами на глазах и низко склонив голову.

Когда Изат узнал имя просителя и увидел его в таком жалком и измученном положении, то немедленно соскочил с коня и воскликнул: «Мужайся, царь, и пусть теперешнее несчастье не сокрушает тебя. Настоящая печаль твоя скоро сменится радостью. Во мне ты найдешь друга и товарища, который будет лучше, чем ты сам рассчитывал: или я верну тебе обратно твой парфянский трон, или предоставлю тебе свой собственный».

2. С этими словами он предложил Артабану сесть на коня, а сам пошел пешком рядом с ним, чтобы оказать ему тем высокую честь. Артабан не мог равнодушно отнестись к этому, стал отказываться от предложенной ему чести и сказал, что положительно сойдет с коня, если Изат, в свою очередь, не сядет на лошадь и не поедет вперед. Изат наконец уступил его настояниям и также поехал верхом. Привезя затем гостя во дворец, он стал оказывать ему всевозможный почет, сажая его во время заседаний и обедов на первое место. При этом он не взирал на теперешнее его положение, но делал все это из уважения к его прежнему сану, отлично сознавая, что всякого человека могут постигнуть превратности судьбы. Вместе с тем Изат написал парфянам письмо, убеждая их вновь принять к себе своего царя Артабана, причем ручался им клятвенно и своим царским словом, что всем им будет дарована амнистия. Хотя парфяне и не отказывались вновь принять к себе Артабана, однако они ответили, что это им теперь невозможно потому, что они уже доверили власть другому лицу (его звали Киннамоном) и теперь опасаются, как бы среди них из-за этого не произошли волнения. Когда Киннамон узнал об этом ответе парфян, он немедленно сам написал Артабану (воспитанником которого он был; Киннамон отличался добрым и благородным сердцем), чтобы тот доверился ему и приехал назад получить от него обратно бразды правления. Артабан доверился ему и поехал. Киннамон же выехал ему навстречу, преклонился перед ним, как перед царем, и, сняв со своей головы диадему, возложил ее на главу Артабана.

3. Таким образом, Артабан при содействии Изата вернул себе трон, которого раньше лишился благодаря своим сановникам. Он не забывал оказанных ему

Изатом благодеяний, но старался воздать ему за это тем, что у парфян считается особенно почетным, а именно он разрешил ему носить прямую тиару¹²²⁴ и спать на золотой кровати.

Эти привилегии принадлежат одним только парфянским царям. Вместе с тем он предоставил Изату также обширную и плодородную область, которую отнял у армянского царя. Имя этой области – Низибис; тут когда-то македоняне основали город Антиохию, прозванную Епимигдонийскою.

4. Таким почетом парфянский царь отличил Изата. Вскоре затем, однако, Артабан умер¹²²⁵ и оставил царство сыну своему, Вардану. Прибыв к Изату и намереваясь начать войну с римлянами¹²²⁶, этот Вардан просил его о помощи и предложил примкнуть к нему. Однако Изат не согласился, потому что знал силу и удаль римлян и не считал возможным померяться с ними. Вместе с тем Изат послал своих пятерых сыновей, находившихся еще в юном возрасте, в Иерусалим, чтобы они там научились нашему языку и законам и получили законченное образование. Он очень охотно, как я уже упомянул выше, отпускал свою мать на поклонение храму. Тем временем постоянными рассказами о могуществе и подвигах римлян он старался удержать Вардана от его намерения, рассчитывая таким образом запугать его и подавить в нем желание воевать с римлянами. В конце концов парфянин на все это рассердился и объявил войну самому Изату; однако он не привел своей угрозы в исполнение, потому что Предвечный расстроил все его планы. Дело в том, что парфяне, узнав характер Вардана и его решение вступить в борьбу с римлянами, убили его, а царство передали его брату Готарзу. Впрочем, и этот немного времени спустя пал жертвою заговора¹²²⁷, и преемником ему стал его брат Вологез¹²²⁸, который, в свою очередь, доверил две большие части своих владений двум братьям своим, а именно отдал область мидийскую старшему брату Пакору, а Армению младшему, Тиридату.

Глава 4

1. Тем временем брат Изата, Монобаз, и его родственники видели благочестие царя, его душевную чистоту и то, насколько он любим всеми. Поэтому они и сами пожелали отказаться от своей [религии](#) и принять иудаизм. Действительно, это свое намерение они и привели в исполнение. Между тем их поступок стал известен среди подданных; сановники очень рассердились на это, но, впрочем, не выказывали гнева, имея в виду выбрать удобный момент и расправиться с ними. Поэтому они написали Авии, царю арабскому, письмо, в котором обещали ему крупную сумму денег, если он согласится начать поход против их царя. При этом они заявили ему, что в

первом же сражении покинут Изата, ибо желают наказать его за его вероотступничество. Они готовы были связать себя с Авиєю клятвенным договором и просили его явиться поскорее. Арабский царь согласился на это и, не откладывая, во главе большой рати двинулся против Изата. В первой же стычке, даже еще до начала настоящего рукопашного боя, все заговорщики по данному знаку покинули Изата и, будто охваченные паническим ужасом, повернули тыл и бросились бежать. Впрочем, Изат не испугался этого; он понял, что начальствующие лица совершили измену. Поэтому он сам пока отступил к своему лагерю и стал расследовать дело. Когда же он узнал, что действительно было заключено соглашение с царем арабским, он казнил виновных. На следующий день он вновь сразился с врагами, перебил множество их, а всех остальных обратил в бегство. При этом, преследуя самого арабского царя, он добрался до крепости Арсама; он стал упорно осаждать ее и в конце концов взял ее силою. Захватив там крупную добычу, он возвратился в Адиабену. Авию же ему не удалось поймать живьем, так как он, находясь в таком стесненном положении, раньше чем попасть в руки Изата, сам покончил с собою.

2. Потерпев таким образом неудачу в своем первом предприятии, так как Предвечный выдал их царю с головою, влиятельные адиабенцы, однако, не успокоились на этом, но написали новое письмо, теперь уже к парфянскому царю Вологезу, с предложением умертвить Изата и дать им какого-нибудь другого правителя, хотя бы парфянина; они ссылались при этом на свою ненависть к Изату, который изменил их древней вере и ревностно предан чужим обычаям. При этом известии царь парфянский приготовился к войне; но так как у него не было достаточного повода к ней, то он послал Изату требование отказаться от предоставленных ему его отцом (Артабаном) почетных преимуществ. В противном случае он угрожал войною. Изат очень смутился при этом известии; однако отречение от раз дарованных ему прав он считал позорным и боялся этим навлечь на себя обвинение в трусости. С другой же стороны, он также понимал, что даже в случае его отречения парфянский царь не успокоится. Поэтому Изат в такой опасности решил обратиться к всемилосердному Богу. Видя в Нем своего могущественнейшего заступника, он распорядился отвезти детей и женщин в наиболее безопасную крепость, собрать туда весь хлеб и сжечь все сено и подножный корм. Сделав эти приготовления, он стал ожидать врагов. Тем временем парфянский царь, совершая непрерывные переходы, прибыл раньше, чем его ожидали, во главе огромного пешего и конного войска, и расположился станом вблизи реки, отделяющей Адиабену от Мидия.

Невдалеке от него и Изат стал лагерем, имея в своем распоряжении около шести тысяч всадников. В это время к Изату явился посланный парфянским царем вестник, который объявил, как велико могущество парфянского царя и что его владения простираются от реки Евфрата до границ Бактрии¹²⁹. При этом он также перечислил всех царей, находившихся у него в зависимости. Посланный грозил, что парфянский царь накажет Изата за его неблагодарность, и говорил, что от власти врага не сможет избавить его даже столь почитаемый им Бог его. Когда вестник кончил, Изат ответил ему, что он знает, насколько могущество парфян больше его собственной власти, однако он знает также и то, что Предвечный могущественнее всех в мире. Дав такой ответ, он обратился с молитвою к Богу, пал ниц, посыпал главу пеплом и стал с женами и детьми своими поститься.

Затем он обратился к Господу Богу со следующей мольбою: «Всевышний! Если я не напрасно уповал на Твою милость, считая Тебя главным заступником и владыкою, яви мне теперь свою помощь и отрази врагов не столько ради меня, сколько потому, что они дерзко отзывались о Твоем могуществе и не сдержали своего нахального языка». Так, со слезами и стенаниями, молил Изат Предвечного, и Господь услышал его: еще в ту же ночь, пока царь молился, Вологез получил письмо с извещением, что дай и саки собрали огромное войско, воспользовались его отсутствием и предадут страну парфянскую разграблению. Поэтому Вологез тотчас вернулся назад, не причинив Изату ни малейшего вреда. Таким образом, Изат, благодаря заступничеству Предвечного, счастливо избавился от грозного парфянского царя.

3. Немного времени спустя Изат умер пятидесяти пяти лет от роду, на двадцать четвертом году своего правления. Он оставил после себя 24 сына и столько же дочерей. Преемником он назначил своего брата Монобазу в благодарность за то, что он во время его отсутствия, после смерти отца их, так верно сохранил ему престол. Когда Елена узнала о смерти сына, то очень опечалилась, как и подобало матери, лишившейся столь благочестивого сына. Вместе с тем ей послужило утешением известие, что преемником ему стал старший брат его. Она немедленно поспешила к Монобазу. По прибытии своем в Адиабену Елена недолго пережила сына своего Изата, но вскоре умерла от старости и от тоски по нему. Монобаз отправил останки ее и брата в Иерусалим, где распорядился похоронить их в тех трех пирамидах, которые на расстоянии трех стадий от города воздвигла Елена. О деянии же царя Монобазу во время его царствования мы расскажем впоследствии.

Глава 5

1. Во время наместничества Фада в Иудее некий Февда, обманщик, уговорил большую массу народа забрать с собою все имущество и пойти за ним, Февдою, к реке Иордану. Он выдавал себя за пророка и уверял, что прикажет реке расступиться и без труда пропустить их. Этими словами он многих ввел в заблуждение. Однако Фад не допустил их безумия. Он выслал против них отряд конницы, которая неожиданно нагрянула на них, многих из них перебила и многих захватила живьем, истервенов, воины отрубили самому Февде голову и повезли ее в Иерусалим¹²³⁰. Это было все, что случилось выдающегося у иудеев во времена наместничества Куспия Фада.

2. Преемником Фада стал Тиберий Александр, сын александрийского алабарха Александра, который выдавался среди своих сограждан как знатностью происхождения, так и богатством. Вместе с тем алабарх отличался также благочестием, тогда как сын его не оставался верен древним традициям. В это же самое время случился в Иудее и тот большой голод, когда, как я рассказал выше, царица Елена на большие деньги закупила хлеба в Египте и раздала его нуждавшимся. Тогда же были казнены и сыновья галилеянина Иуды, Иаков и Симон, которые, как мы упомянули выше, во время переписи Квирина возбудили народ к отпадению от римлян¹²³¹. Александр велел их пригвоздить ко кресту. Тогда же и халкидский царь Ирод сместил первосвященника Иосифа, сына Кемея, и передал эту должность Анании, сыну Недевея.

Преемником Тиберия Александра стал Куман¹²³². При нем умер Ирод, брат царя Агриппы Великого, на восьмом году правления императора Клавдия. Он оставил после себя троих сыновей: Аристубула, которого родила ему его первая жена, Береникиана, и Гиркана от дочери своего брата, Береники. Царство Ирода¹²³³ император Клавдий передал Агриппе Младшему.

3. Во времена наместничества Кумана в Иудее в Иерусалиме произошли волнения, причем погибли многие из иудеев. Но сперва я расскажу о причине этого волнения. Когда наступил праздник Пасхи, в который у нас принято есть опресноки, и когда отовсюду в город стеклось большое количество народа, Куман стал опасаться, как бы не произошли беспорядки. Поэтому он приказал одному отряду солдат с оружием в руках занять галереи храма и подавлять, в случае необходимости, всякий беспорядок. Так обыкновенно поступали во время празднеств и прежние наместники.

На четвертый день праздника какой-то солдат позволил себе непристойную выходку в храме пред народом, который при виде этого рассвирепел, говоря,

что солдат оскорбил не их, но самого Господа Бога. Некоторые из более смелых иудеев стали даже поносить Кумана, указывая на то, что он разрешил это солдату. Когда Куман узнал об этом, он сам крайне рассердился и стал увещевать народ успокоиться, не волноваться и избегать смут и волнений. Но он не мог убедить их; они еще более поносили его. Тогда он собрал все войска и повел их в полном вооружении в замок Антонию, который, как мы уже раньше упоминали, примыкал к самому храму. При виде солдат толпа испугалась и бросилась бежать. Но улицы были узки, и народ, предполагая погоню врагов, стал тесниться и толкаться, и таким образом на улицах были задавлены во время этого бегства многие; число человеческих жертв тут было исчислено в двадцать тысяч¹²³⁴. Таким образом, праздник обратился в печаль. Народ оставил свои молитвы и жертвоприношения, плакал и предавался горю. Вот какое бедствие навлек на народ святотатственный поступок одного солдата.

4. Еще не успели люди успокоиться от постигшего их горя, как произошло новое бедствие. Дело в том, что несколько людей, искавших повода к смутам, напали на большой дороге на расстоянии ста стадий от города на ехавшего там императорского чиновника Стефана и окончательно ограбили его. Узнав о том, Куман немедленно выслал воинов с приказанием разграбить ближайшие местности и, схватив наиболее видных представителей населения, доставить их в оковах к нему, чтобы он мог привлечь их к ответу за содеянное. В то время как воины предавали местность разграблению, какой-то безрассудный молодой солдат нашел в одной деревне хранившийся там экземпляр Моисеева законодательства. Вытащив этот свиток, солдат бессовестно разодрал его на глазах у всех, причем глумился, ругался и всячески издевался над ним. Узнав об этом, иудеи собрались в большом числе и отправились в Кесарию, где находился тогда Куман. Тут они просили отомстить не за них, но за Предвечного, законы которого подверглись поруганию. Они при этом указывали на то, что не могут оставаться долее в живых, если их старинные установления попираются таким образом. В свою очередь, Куман опасался новых народных волнений. Поэтому он, по совету друзей своих, велел отрубить виновному солдату голову и тем подавил уже готовое вспыхнуть восстание.

Глава 6

1. Между самарянами и иудеями произошла распря по следующей причине: галилеяне, которые отправлялись во время праздников в священный город, имели обыкновение проходить через пределы Самарии. И вот, когда они

однажды держали таким образом путь свой, из деревни Гинеи, лежавшей между Самариею и Великою равниною, на галилеян напало несколько человек и перебило множество их. Узнав об этом происшествии, именитые галилеяне явились к Куману и просили его отомстить за смерть невинно погибших. Однако Куман дал себя подкупить крупною суммою денег, полученных от самаритян, принял их сторону и отказался от наказания виновных. На это галилеяне рассердились и стали уговаривать народ иудейский взяться за оружие, перебить врагов и тем отстоять свою свободу, потому что, как говорили они, рабство само по себе уже тяжело и становится совершенно нестерпимым, если связано с глумлением. Хотя начальники и пытались умиротворить их и положить предел волнениям и обещали склонить Кумана к наказанию убийц, однако они ничего не добились: иудеи взялись за оружие, призвали к себе на помощь Элезара, сына Диная (то был разбойник, уже много лет хозяйничавший в горах), подожгли несколько самарянских деревень и предали их разграблению.

Когда весть об этом деле дошла до Кумана, он взял себастиийский отряд и четыре роты пехоты, вооружил также самарян и двинулся против иудеев. Сойдясь с ними, он многих из них перебил, а еще большее количество их взял в плен. Видя, до какого ужасного бедствия дожил народ, наиболее почитаемые и родовитые граждане облеклись в мешки, посыпали головы пеплом и все вместе стали уговаривать возмутившихся успокоиться. Они наглядно представляли «толпе, как погибнет от этого родина, как будет предан пламени храм, как их жены и дети попадут в рабство, и убеждали их опомниться, бросить оружие, успокоиться на будущее время и разойтись по домам. Эти увещания имели успех. Народ разошелся, а разбойники вновь удалились в свои неприступные убежища. С той поры вся Иудея наполнилась разбойниками.

2. В это время главные представители самарян отправились к сирийскому наместнику Уммидию Квадрату¹²³⁵, который тогда жил в Тире, с жалобою на то, что иудеи сожгли и разграбили их деревни. При этом самаряне заявляли не столько о своем личном неудовольствии, сколько указывали на то, что иудеи отнеслись презрительно к римлянам; им бы следовало обратиться к их суду, если они почувствовали себя обиженными, вместо того чтобы самостоятельно совершать набеги, как будто бы римляне не были хозяевами страны. Ввиду всего этого они, самаряне, и явились к нему с просьбою взыскать с виновных. Так формулировали обвинение самаряне, иудеи же, со своей стороны, говорили, что виновниками всей смуты и военных действий являются самаряне, уже потому что они задобрили Кумана дарами, так что

тот не дал хода делу об умерщвлении [галилеян]. Когда Квадрат узнал об этом, он отложил постановление своего решения, сказав, что сделает это, когда приедет в Иудею, в точности расследует все дело и узнает истину. Таким образом, те уехали ни с чем.

Немного погодя Квадрат прибыл в Самарию, где предполагал найти виновных в смутах самарян. Когда же он узнал, что и некоторые иудеи находились в числе бунтовщиков, он распорядился пригвоздить ко кресту тех, которых забрал Куман. Отсюда он поехал в деревню Лидду, которая, впрочем, по величине своей «не уступала целому городу. Здесь он вторично стал публично творить суд над самарянами. Тут ему сообщил один самарянин, что некий влиятельный иудей по имени Дорт и вместе с ним четыре бунтовщика уговаривали народ отложиться от римлян.

Квадрат распорядился казнить виновных, первосвященника же Ананию и военачальника Анана велел заковать в цепи и отправить в Рим, чтобы они там дали ответ императору Клавдию обо всем случившемся. Вместе с тем он предписал наиболее влиятельным самарянам и иудеям, равно как заместителю Куману и трибуну Целеру, отправиться в Италию к императору, который-де разберет их жалобы друг на друга. Сам же он, опасаясь новых волнений со стороны иудеев, поехал в Иерусалим. Однако он нашел город спокойным и занятым отправлением праздника в честь Предвечного.

Убедившись таким образом, что ему нечего бояться волнений, он покинул иудеев и вернулся в Антиохию.

3. Когда Куман и влиятельнейшие самаряне прибыли в Рим, император назначил день для разбора их взаимных жалоб друг на друга. Императорские вольноотпущенники и приближенные тем временем усердно хлопотали за Кумана и самарян, и те, наверное, одержали бы верх над иудеями, если бы случайно находившийся в Риме Агриппа Младший, видя интриги против иудеев, не обратился к императрице Агриппине¹²³⁶ с настоятельной просьбою уговорить мужа внимательно и беспристрастно отнестись ко всему делу и уже тогда наказать настоящих виновников смуты. Подготовленный этим путем, Клавдий выслушал дело, признал самарян главными зачинщиками и приказал казнить тех из них, которые явились к нему. Кумана он приговорил к ссылке, трибуна же Целера велел отвезти в Иерусалим, позорно провезти по всему городу, чтобы все видели его, и затем подвергнуть казни¹²³⁷.

Глава 7

1. После этого Клавдий послал в качестве правителя в Иудею Феликса, брата Палланта¹²³⁸. На тринадцатом году своего правления император отдал Агриппе

тетрархию Филиппа, а также Батанею и Трахонею с Авилою (входившие некогда в состав тетрархии Лизания). Вместе с тем, однако, он отнял у него Халкиду, после того как Агриппа правил ею в течение четырех лет. Получив эти области в удел от императора, Агриппа выдал свою сестру Друзиллу замуж за эмесского царя Азиза, пожелавшего принять обрезание. Дело в том, что Эпифан, сын царя Антиоха¹²³⁹, отклонил брак с нею, не желая принимать иудаизм, хотя он раньше и обещал ее отцу сделать это. Мариамму Агриппа выдал за Архелая, сына Хелкия; она уже раньше еще отцом Агриппы была объявлена невестой Архелая. От этого брака родилась дочь Береника.

2. Впрочем, немного спустя расстроился брак Друзиллы с Азизом. Поводом к этому послужило следующее обстоятельство:

В то время наместником Иудеи был Феликс. Когда он увидел Друзиллу, отличавшуюся необыкновенною красотою, он захотел сблизиться с этою женщиною. Поэтому он подослал к ней некоего Симона, иудея, происходившего с острова Кипра и выдававшего себя за мага, и стал уговаривать ее бросить мужа и выйти замуж за него, Феликса. При этом он, в случае ее согласия, обещал сделать все для ее счастья. Друзилла была настолько испорчена, что дала себя уговорить преступить закон и выйти замуж за Феликса¹²⁴⁰. К этому ее, между прочим, побудило также желание избавиться от постоянного выражения зависти со стороны своей сестры Береники, которая немало досаждала ей ее красотою. Она родила затем Феликсу сына, которого назвала Агриппою. О том, каким образом этот юноша погиб вместе со своею матерью при извержении горы Везувия во времена императора Тита, я расскажу впоследствии.

3. После смерти своего мужа и дяди Ирода Береника долго оставалась вдовою. Но затем, когда стали носиться слухи, будто она живет со своим братом, она уговорила Полемона, царя киликийского, принять обрезание и жениться на ней. Таким путем она рассчитывала покончить со всеми сплетнями. Полемон согласился на это, особенно ввиду ее богатства. Впрочем, этот брак продолжался недолго: Береника, как говорят, вследствие своей неводержанности, вскоре покинула Полемона, который при этом отказался от иудаизма. Около этого же самого времени и Мариамма бросила Архелая и вышла замуж за Деметрия, родовитого и богатого александрийского иудея, который тогда был там алабархом. Родившегося от этого брака сына она назвала Агриппином. Впрочем, о каждом из них мы впоследствии расскажем подробно.

Глава 8

1. Около этого времени умер император Клавдий, процарствовав тринадцать лет, восемь месяцев и двадцать дней¹²⁴¹. Между некоторыми лицами распространился слух, что он был отравлен женою своею Агриппиною. Отцом последней был Германик, брат Клавдия. Сперва она была замужем за Домицием Агенобарбом, одним из выдающихся римских граждан. После его смерти она долго вдовела, а затем вышла за Клавдия; у нее тогда был уже сын от первого брака, Домиций. Перед этою женитьбой на Агриппине Клавдий из ревности развелся с женою своею Мессалиною¹²⁴², от которой у него было двое детей, Британник и Октавия. Кроме того, у него была еще дочь, Антония, которую родила ему его первая жена, Петина. Октавию он выдал за Нерона, как Клавдий впоследствии, после усыновления, назвал Домиция¹²⁴³.

2. Агриппина, опасаясь, как бы достигший зрелого возраста Британник не стал преемником отца своего, и желая гарантировать своему собственному сыну (Нерону) престол, отравила, как говорят, Клавдия. Затем она немедленно послала за военачальником Бурром¹²⁴⁴, равно как за трибунами и наиболее влиятельными вольноотпущенниками, чтобы они представили Нерона войскам и провозгласили его императором.

Таким образом власть перешла к Нерону. Он тайно распорядился отравить Британника, а затем недолго спустя уже открыто умертвил родную мать¹²⁴⁵, оплатив ей таким образом не только за то, что она даровала ему жизнь, но и за то, что благодаря ее стараниям он стал римским императором. Вместе с тем он велел убить также жену свою Октавию¹²⁴⁶, равно как целый ряд выдающихся лиц под предлогом, будто они составили заговор против него¹²⁴⁷.

3. Однако довольно об этом! Многие писатели повествовали о Нероне; одни из них, которым он оказывал благодеяния, из признательности к нему извращали истину, другие из ненависти и вражды настолько налгали на него, что не заслуживают никакого извинения. Впрочем, мне не приходится удивляться тем, кто сообщил о Нероне столь лживые данные, так как эти люди не говорили истины даже относительно предшественников его, несмотря на то, что они не имели никакого повода относиться неприязненно к ним и жили гораздо позже их. Однако пусть те, кто не дорожит истиною, пишет о нем, как ему угодно, если это доставляет ему такое удовольствие. Мы же на первом плане ставили истину и потому коснулись лишь вскользь всего того, что не относится прямо к нашему предмету; касательно же иудейских дел мы распространяемся подробно, не останавливаясь ни перед постигшими иудеев бедствиями, ни перед их ошибками. Итак, я возвращаюсь к своему повествованию о наших внутренних делах.

4. В первый же год правления Нерона умер эмесский царь Азиз, и преемником его стал его брат Соем. Управление Малою Армениею Нерон поручил Аристобулу, сыну халкидского царя Ирода. Агриппе он отдал часть Галилеи, Тивериаду и Тарихею, равно как перейский город Юлиаду и двадцать четыре окрестные деревни.

5. Между тем дела Иудеи приходили со дня на день все в больший упадок. Страна вновь наполнилась разбойниками и обманщиками, которые вводили простонародье в заблуждение. Тем временем Феликс ежедневно ловил и казнил как тех, так и других. Так, например, он хитростью захватил Элеазара, сына Диная, собравшего вокруг себя огромную шайку разбойников: уверениями полнейшей безопасности он заманил его к себе, затем велел заковать в оковы и отправил его в Рим. Особенную неприязнь Феликс питал к первосвященнику Ионатану за то, что тот часто напоминал ему о необходимости лучшего управления иудейскими делами, дабы Феликс, которого император по просьбе Ионатана же послал наместником в Иудею, не навлекал на себя ненависти народа. Поэтому Феликс стал придумывать предлог, под которым он мог бы избавиться от столь тягостного ему Ионатана, потому что постоянные увещевания тяжелы тем, кто имеет в виду поступать противозаконно. По этой причине Феликс за огромную сумму денег подкупил одного из преданнейших друзей Ионатана, иерусалимского жителя Дораса, и уговорил его подослать к Ионатану наемных убийц. Дорас согласился и следующим образом решил привести, при помощи убийц, в исполнение свой замысел: несколько человек отправились в город под предлогом поклониться Господу Богу; при этом у них под платьем были спрятаны ножи. Затем они приблизились к Ионатану, обступили его и покончили с ним. Так как это убийство прошло безнаказанным, то разбойники впоследствии стали совершенно безбоязненно являться во время праздников в город, держа под платьем ножи наготове. Затем они смешивались с народною толпою и убивали тут как своих личных врагов, так и тех, против которых их нанимали за деньги. Это они делали не только в пределах города, но и в самом храме, так как не стеснялись осквернять святилище столь святотатственными убийствами¹²⁴⁸. Поэтому, полагаю я, и Господь Бог, в гневе на такое кощунство, лишил нас нашего города и напустил на нас римлян, не видя более в своем храме прежней его чистоты и незапятнанности, предал город всеочищающему пламени и дал увести нас с женами и детьми в рабство, желая, чтобы мы образумились при таких бедствиях.

6. Итак, деяния убийц преисполнили весь город ужасом. Тем временем разные проходимцы и обманщики старались побудить народ последовать за ними в пустыню, где обещали ему явить всякие чудеса и необыкновенные вещи, которые будто бы должны случиться по желанию Предвечного. Многие поверили этому и [жестоко] поплатились за свое безумие, потому что Феликс возвращал их обратно и наказывал. Около того же времени в Иерусалим явился некий египтянин, выдававший себя за пророка; он уговорил простой народ отправиться вместе с ним к Елеонской горе, отстоящей от города на расстоянии пяти стадий. Тут он обещал легковерным иудеям показать, как по его мановению падут иерусалимские стены, так что, по его словам, они будто бы свободно пройдут в город. Когда Феликс узнал об этом, он приказал войскам вооружиться; затем он во главе большого конного и пешего отряда выступил из Иерусалима и нагрянул на приверженцев египтянина. При этом он умертвил четыреста человек, а двести захватил живьем. Между тем египтянину удалось бежать из битвы и исчезнуть¹²⁴⁹. Впрочем, разбойники вновь стали побуждать народ к войне против римлян, говоря, что не следует повиноваться. При этом они грабили и сжигали деревни тех, кто не примыкал к ним.

7. Около того же времени возникли разногласия и между иудейским населением Кесарии и ее сирийскими жителями из-за вопроса о политической равноправности. Дело в том, что иудеи требовали себе первенства вследствие того, что основатель Кесарии, царь Ирод, был иудейского происхождения. Сирийцы с этим хотя и соглашались, но вместе с тем указывали на то, что Кесария первоначально называлась Стратоновой башней и тогда в городе не было ни одного жителя из иудеев. Когда римские чиновники узнали об этом, они распорядились арестовать зачинщиков всей смуты как с той, так и с другой стороны, велели наказать их палочными ударами и таким образом ненадолго подавили волнение. Однако вскоре иудейские жители города, кичась своим богатством и потому презрительно относясь к сирийцам, вновь стали глумиться над последними, имея в виду вызвать их неудовольствие. Сирийцы, правда, уступали иудеям в зажиточности, но зато полагались на то обстоятельство, что большинство римских легионеров, там квартировавших, состояло из кесарийцев и себастийцев. Поэтому и они, в свою очередь, некоторое время глумились над иудеями. Впоследствии, однако, дело дошло до того, что они стали кидать друг в друга камнями, пока много человек с обеих сторон не было ранено и пало. В конце концов, впрочем, победителями остались иудеи.

Когда Феликс заметил, что эта распря переходит в открытую войну, он поспешил уговорить иудеев прекратить ее. Но так как те не повиновались ему, он выпустил на них вооруженных солдат, многих иудеев перебил, а еще большее количество их захватил живьем, причем разрешил солдатам разграбить несколько особенно богатых домов. Более сдержанные и влиятельные иудеи, между тем, испугались за свою личную безопасность и просили Феликса велеть трубить отбой, вообще пощадить их сограждан и дать им возможность загладить проступок. Феликс внял их просьбам.

8. Около этого времени царь Агриппа передал первосвященство Измаилу, сыну Фаба. Тогда же возникли ссоры и смуты между первосвященниками, священниками и наиболее влиятельными иерусалимскими гражданами. Каждый из враждующих собирал вокруг себя толпу крайне отчаянных и беспокойных приверженцев, становился во главе их и вел их в бой. При столкновениях эти отряды осыпали друг друга сперва бранью, а затем и камнями. Между тем не было никого, кто бы мог их припугнуть и тем положить предел смуте; напротив, все эти злоупотребления происходили, как будто бы в городе не было начальства. Первосвященники настолько потеряли всякий стыд и дошли до такой дерзости, что решались отправлять своих слуг к гумнам, чтобы забирать там десятину, предназначавшуюся для простых священнослужителей. Таким образом случилось, что несколько бедных священников умерло от голода. Насилия бунтовщиков подавили всякое понятие о справедливости.

9. Когда Нерон назначил Феликсу преемником Порция Феста¹²⁵⁰, наиболее влиятельные из кесарийских иудеев отправились в Рим и там выступили с обвинениями против Феликса. Последний, вероятно, поплатился бы за совершенные над иудеями притеснения, если бы брат Нерона, Паллант¹²⁵¹, которого император тогда особенно ценил, не заступился за него. Тогда же главные сирийцы Кесарии путем огромной суммы денег склонили Бурра, бывшего воспитателя Нерона¹²⁵² и теперь его греческого секретаря, выхлопотать для них у императора указ, которым бы у иудеев отнималась всякая равноправность. Буру действительно удалось склонить императора к изданию такого указа, который впоследствии подал повод к разным бедствиям для нашего народа. Дело в том, что, когда жившие в Кесарии иудеи узнали об этом указе Нерона в пользу сирийцев, они стали еще более предаваться смутам, пока не дошли до открытой войны.

10. Когда Фест прибыл в Иудею, он нашел страну бедствующую от разбойников, которые предавали грабежу и пожарам все селения. Эти разбойники носили название сикариев. Их расплодилось тогда очень много, и

они пускали в ход ножи, по величине своей схожие с персидскими акинаками¹²⁵³, а по изогнутости с римскими *sicae*¹²⁵⁴; от этих-то ножей убийцы, умерщлявшие много народа, и получили название сикариев.

Как мы упоминали выше, они смешивались во время праздников с народною толпою, отовсюду стекавшеюся в город для отправления своих религиозных обязанностей, и без труда резали тех, кого желали. Нередко они появлялись также в полном вооружении во враждебных им деревнях, грабили и сжигали их¹²⁵⁵. Фест, между прочим, выслал конный и пеший отряды против людей, введенных в заблуждение неким проходимцем, который обещал им спасение и избавление от всех бедствий, если они пожелают последовать за ним в пустыню. Высланные против них воины перебили как самого обманщика, так и его жертвы.

11. Около этого времени царь Агриппа воздвиг огромное здание вблизи царского дворца в Иерусалиме, у гимнасия. Сам же дворец возник еще при Хасмонеях. Так как этот дворец был расположен на возвышенности, то отсюда открывался прелестнейший вид на город. Лежа там на своем ложе, царь мог оттуда видеть все, что происходило в храме. Когда иудейские главы заметили это, то страшно рассердились, потому что никогда законом не было дозволено глядеть на происходившее в святилище, особенно во время службы. Поэтому они построили у галереи с западной стороны храма высокую стену, которая не только скрывала вид из царской столовой, но и замыкала вид на западную галерею, тянувшуюся вдоль храма; там римляне ставили караулы во время религиозных иудейских праздников.

Агриппа рассердился на это, но еще более был недоволен наместник Фест, приказавший иудеям снести стену. Те, однако, просили его разрешить им отправить относительно этого дела посольство к Нерону, говоря, что они предпочитают умереть, чем снести какую-либо из построек храма. Фест разрешил им это, и тогда иудеи отправили к Нерону десять наиболее влиятельных лиц из своей среды, равно как первосвященника Измаила и храмового казначея Хелкию.

Выслушав их, Нерон не только простил им их поступок, но и согласился оставить стену; это он сделал в угоду жене своей Поппее (она отличалась истинным благочестием)¹²⁵⁶, которая просила его за иудеев. Императрица затем отпустила десять депутатов¹²⁵⁷, Хелкию же и Измаила оставила у себя в качестве заложников. Когда царь [Агриппа] узнал о том, он сделал первосвященником сына первосвященника же Симона Иосифа, прозванного Кавием.

Глава 9

1. Узнав о смерти Феста, император послал в Иудею наместником Альбина. Около того же времени царь [Агриппа] лишил Иосифа первосвященнического сана и назначил преемником ему Анана, сына Анана же. Последний, именно Анан старший, был очень счастлив: у него было пять сыновей, которые все стали первосвященниками после того, как он сам очень продолжительное время занимал это почетное место.

Такое счастье не выпадало на долю ни одного из наших первосвященников. Анан же младший, о назначении которого мы только что упомянули, имел крутой и весьма беспокойный характер; он принадлежал к партии саддукеев, которые, как мы уже говорили, отличались в судах особенною жестокостью. Будучи таким человеком, Анан полагал, что вследствие смерти Феста и неприбытия пока еще Альбина наступил удобный момент (для удовлетворения своей суровости). Поэтому он собрал синедрион и представил ему Иакова, брата Иисуса, именуемого Христом, равно как нескольких других лиц, обвинил их в нарушении законов и приговорил к побитию камнями¹²⁵⁸. Однако все усерднейшие и лучшие законоведы, бывшие [тогда] в городе, отнеслись к этому постановлению неприязненно. Они тайно послали к царю с просьбою запретить Анану подобные мероприятия на будущее время и указали на то, что и теперь он поступил неправильно. Некоторые из них даже выехали навстречу Альбину, ехавшему из Александрии, и объяснили ему, что Анан не имел права, помимо его разрешения, созывать синедрион. Альбин разделил их мнение на этот счет и написал Анану гневное письмо с угрозою наказать его. Ввиду этого царь Агриппа лишил Анана первосвященства уже три месяца спустя после его назначения и поставил на его место Иисуса, сына Дамнея.

2. Когда Альбин приехал в Иерусалим, он приложил всяческое старание и усердие, чтобы умиротворить страну. При этом он умертвил множество сикариев. Тем временем влияние первосвященника Анана росло со дня на день и он пользовался любовью и почетом среди своих сограждан. Дело в том, что он давал займы деньги и постоянно умел склонять подарками Альбина и другого первосвященника (Иисуса). При этом у него были крайне испорченные слуги, которые в обществе подонков народа отправлялись на гумна и там насильно овладевали предназначавшеюся для простых священнослужителей десятиною; в случае же сопротивления они прибегали к побоям. Так как никто не мог препятствовать этому, то и другие первосвященники делали то же, что и слуги Анана. Тогда-то многим из

священников, для которых раньше десятина представляла источник существования, пришлось умереть от голода.

3. Когда во время наступившего праздника сикариям удалось ночью пробраться в город, они схватили письмоводителя храмового смотрителя Элезара, который был сыном первосвященника Анана, связали его и увели с собою. Затем они послали к Анану, обещая, что отпустят к нему письмоводителя, если Анан уговорит Альбина освободить захваченных им десять сикариев. Анан был принужден уговорить Альбина, и тот исполнил его просьбу. Между тем этот случай подал повод к большим бедствиям. Теперь разбойники всячески старались захватить кого-нибудь из членов семьи или близких Анана и систематически держать их у себя до тех пор, пока не получат в обмен несколько сикариев. Тем временем число последних вновь увеличилось, и они с неслыханною дотоле дерзостью опустошали всю страну.

4. Около этого времени царь Агриппа расширил город Кесарию Филиппову и назвал ее в честь Нерона Нерониадою. Равным образом он с большими издержками воздвиг в Берите театр, в котором ежегодно устраивал на свой счет представления. На это он тратил огромные суммы. Вместе с тем он раздавал народу хлеб и масло. Весь город он украсил статуями и картинами древних мастеров и вообще почти весь блеск своего двора он перенес именно в этот город. Впрочем, это-то обстоятельство и усилило нерасположение к нему его подданных, потому что он отнимал у них многое для украшения чужого города.

Потом Иисус, сын Гамалиила, был назначен в преемники первосвященнику Иисусу, сыну Дамнея. Результатом этого была ссора, возникшая между ними обоими. Каждый из них собрал вокруг себя толпу отчаянных приверженцев, которые нередко от ругательств переходили к закидыванию друг друга камнями. Тем временем Анан, благодаря своему богатству, пользовался огромным влиянием, так как с помощью денег склонял людей на свою сторону. Также и Костобар и Саул, происходившие из царского рода и пользовавшиеся большою популярностью благодаря своему родству с Агриппой, набрали себе каждый по толпе негодяев, совершали во главе которых всякие насилия и были всегда готовы отнять имущество более слабых. С этого времени для нашего города начались особенно тяжкие бедствия, так как все дела стали клониться к окончательному упадку.

5. Когда Альбин узнал, что прибыл его преемник, Гессий Флор¹²⁵⁹, он пожелал оставить какие-нибудь результаты своего пребывания среди иерусалимцев. Поэтому он велел предать казни всех арестантов, которые заслужили смерть,

тех же лиц, которые сидели в тюрьме по каким-либо незначительным и маловажным причинам, он освободил за известную сумму денег. Таким образом, тюрьма, правда, опустела, зато страна наполнилась разбойниками.

6. Те представители левитов, которые исправляли обязанности певчих, обратились к царю с просьбою созвать синедрион и внести предложение о разрешении всем левитам носить такую же льняную одежду, какую носили священники¹²⁶⁰. При этом они говорили, что он таким достойным его правления нововведением сможет снискать себе вечную славу. Просьба их была уважена, и царь, по постановлению членов синедриона, разрешил певчим заменить прежние одежды льняными, как они того желали. Так как одна часть левитов участвовала в храмовом богослужении, то он, по просьбе их, разрешил и им также изучить псалмы. Все это, однако, находилось в противоречии с древними законоположениями, нарушение которых не могло не повлечь за собою наказания.

7. В то время была вполне закончена постройка храма. Когда же народ увидел рабочих, которых было свыше восемнадцати тысяч человек, без дела и понял, что теперь они, по окончании работ, останутся без хлеба, а с другой стороны, из страха перед римлянами не желал копить храмовые деньги, то он, думая о рабочих и имея в виду употребить эти деньги на них (всякий рабочий, который поработал хотя бы один час в день, немедленно получал свой заработок), обратился к царю с просьбою о перестройке восточной галереи храма. Эта галерея тянулась вне храма и была воздвигнута над глубоким обрывом. Она покоилась на стенах, имевших в длину четыреста локтей. Эти стены были сооружены из белого мрамора, каждая глыба которого имела в длину двадцать, а в высоту шесть локтей, и представляли дело царя Соломона; он первый отстроил весь храм. Однако Агриппа, которому император Клавдий поручил заведование делами храма, полагая, что разрушение всякой вещи нетрудно, тогда как тяжело ее создание, особенно же в применении к такой галерее, которая потребует много времени и громадных денежных затрат, отказал населению в этой просьбе. Зато он ничего не имел против того, чтобы весь город был вымощен белым мрамором.

Вместе с тем царь лишил первосвященнического сана Иисуса, сына Гамалиила, и поставил на его место сына Феофила Матфия, при котором началась война иудеев с римлянами.

Глава 10

Теперь я считаю необходимым и полезным в видах полноты исторического повествования остановиться на первосвященниках, рассказать о возникновении их, кто удостоился этой высокой чести и сколько их было всего до окончания [Иудейской] войны. По преданию, первым первосвященником был Аарон, брат Моисея; после его смерти преемниками ему немедленно становились сыновья и потомки его, среди которых это звание оставалось наследственным. Поэтому-то и вошло в обычай не назначать никого на эту должность, кто не происходил бы из рода Ааронова. Лицо, принадлежащее к другой семье, даже к царской, не имеет права на первосвященство. И вот всех первосвященников, от упомянутого нами родоначальника их, Аарона, до Финееса, который бунтовщиками был провозглашен первосвященником во время войны, было восемьдесят три. Из них с того времени, как Моисей в пустыне воздвиг скинию в честь Предвечного, до прибытия [народа] в Иудею, когда царь Соломон построил Господу Богу храм, первосвященствовало тринадцать человек. Сначала они были несменяемы до самой смерти, а затем смещались. Эти тринадцать первосвященников, которые являлись потомками двух сыновей Аарона, последовательно друг за другом удаивались своего высокого сана. При них государственное устройство иудеев первоначально носило аристократическую, потом единоедержавную, а затем царскую (с известными ограничениями) форму. Указанные тринадцать лиц первосвященствовали с того дня, когда предки наши под предводительством Моисея покинули Египет, вплоть до сооружения в Иерусалиме Соломонова храма, т.е. в течение шестисот двенадцати лет. После указанных тринадцати лиц звание это принадлежало восемнадцати первосвященникам, а именно в течение периода от иерусалимского царя Соломона и до нападения Навуходоносора, царя вавилонского, который при этом сжег храм, увел народ в рабство в Вавилонию и захватил в плен первосвященника Иосадака. Эти лица занимали свои должности в течение четырехсот шестидесяти шести лет, шести месяцев и десяти дней.

В это время иудеи управлялись царями. Спустя семьдесят лет после вавилонского пленения персидский царь Кир вновь отпустил живших в Вавилонии иудеев назад на родину и разрешил им воздвигнуть храм. Первосвященническое звание перешло тогда к одному из возвратившихся из плена, именно к Иисусу, сыну Иосадака. Он и его потомки, всего пятнадцать человек, управляли получившим демократический строй государством в течение трехсот четырнадцати лет, вплоть до царя Антиоха Эвпатора. Этот-то упомянутый Антиох вместе со своим военачальником Лисием решили

сместить первосвященника Хония и умертвить его в Берее; при этом они обошли его сына и назначили первосвященником Иакима, происходившего, правда, из рода Ааронова, но не принадлежавшего к семье Хония. Поэтому-то другой Хоний, двоюродный брат вышеупомянутого, называвшийся так же, как и отец его, отправился в Египет, снискал дружбу Птолемея Филометора и его жены Клеопатры и уговорил их построить в Гелиополитанском номе Предвечному храм наподобие Иерусалимского и назначить его, Хония, первосвященником. Впрочем, об этом египетском храме мы говорили уже неоднократно.

Между тем Иаким пробыл первосвященником всего три года и затем умер. Ему не тотчас же был назначен преемник, но город в течение семи лет обходился без первосвященника. Затем уже Хасмонеи, которым было доверено управление народом, по окончании войны с македонянами назначили первосвященником Ионатана, занимавшего эту должность семь лет. Когда же он пал жертвою интриг и заговора Трифона, как мы в свое время рассказали, то первосвященство перешло к брату его, Симону. Но и этот, пробыв в своей должности годом дольше брата, был во время обеда коварно умерщвлен своим зятем.

Преемником ему стал его сын Гиркан. Последний был первосвященником в течение тридцати одного года и умер в преклонных летах, оставив сан свой Иуде, прозванному также Аристокбулом. Ему наследовал его брат, царь Александр, когда Иуда умер от болезни; этот Иуда был одновременно царем и первосвященником, так как он за год до своей смерти воздел на главу свою царский венец. Александр умер, пробыв царем и первосвященником в течение двадцати семи лет, и поручил жене своей Александре назначить первосвященника по собственному усмотрению. Александра поручила эту должность Гиркану, сама же в течение десяти лет, вплоть до своей смерти, была царицею. Столько же времени был первосвященником и сын ее Гиркан. Дело в том, что после ее смерти брат Гиркана, Аристокбул, вступил в борьбу с ним, победил его и отнял у него власть, которую присвоил себе как царь и как первосвященник. Однако по истечении трех лет и стольких же месяцев его правления [в Иудею] явился Помпей, силою взял Иерусалим и затем отправил Аристокбула с детьми его пленными в Рим. При этом Помпей вернул Гиркану первосвященнический сан и поручил ему управление народом, но в то же время запретил носить диадему. Таким образом, Гиркан был еще двадцать четыре года правителем. После того парфянские князья Барцафарн и Пакор перешли через Евфрат, объявили войну Гиркану, взяли последнего в плен и провозгласили царем сына Аристокбула, Антигона. Он

успел процарствовать [лишь] три года и три месяца, как Сосий и Ирод осадили его. Затем Антоний повез его в Антиохию и казнил там. После этого царская власть была передана римлянами Ироду [Великому], который не стал более назначать первосвященников из рода Хасмонеев, но, за исключением одного только Аристобула, передавал этот почетный сан некоторым ничем не выдававшимся, простым священникам. Если же он назначил первосвященником Аристобула, внука взятого парфянами в плен Гиркана и брата жены своей Мариаммы, то он сделал это лишь в угоду простонародью, которое высоко чтит память Гиркана. Но так как он впоследствии стал опасаться слишком большой популярности Аристобула, то он, как мы уже рассказали, решил избавиться от него, утопив его во время купания в Иерихоне. После него Ирод уже более не поручал первосвященства потомкам Хасмонеев. Подобно Ироду поступили в деле назначения первосвященников также его сын Архелай и римляне, к которым впоследствии перешло управление Иудеею. И вот со времен Ирода вплоть до того дня, когда Тит взял город и сжег храм, было всего двадцать восемь первосвященников в течение ста семи лет. Некоторые из них правили еще при жизни царя Ирода и его сына Архелая. После же смерти их форма правления стала опять аристократической, причем, однако, управление народом было доверено первосвященникам. Однако этого достаточно о первосвященниках.

Глава 11

1. Между тем Гессий Флор, которого Нерон назначил преемником Альбина, навлек на иудеев большие бедствия. Сам он происходил из города Клазомен и привез с собою свою жену Клеопатру, бывшую в дружбе с женой Нерона, Поппеею. Клеопатра несколько не отличалась от последней своею испорченностью. Благодаря Поппее Гессий Флор и достиг своего назначения. Флор настолько злоупотреблял своею властью и позволял себе такие насилия, что иудеи в своем крайнем горе вспоминали об Альбине как о благодетеле. Последний, по крайней мере, старался скрывать свою гнусность и заботился о том, чтобы не уронить себя окончательно; Гессий же Флор кичился своими беззакониями относительно нашего народа, как будто бы он был прислан лишь для выказанья своей испорченности: он не упустил ни одного случая, где он мог грабить или обижать людей. Чувство жалости было недоступно ему, и его любостяжание было прямо ненасытно, так что он не делал различия между большим и малым, но делил свою добычу с разбойниками.

Большинство последних действовало смело, потому что могло быть уверено в безнаказанности со стороны наместника, которому за это уделялась часть награбленного. Однако это было еще не все. Так как несчастные иудеи не могли дольше сносить грабежей разбойников, то они видели себя принужденными отказаться от своих привычек и массою выселяться, думая найти убежище где бы то ни было среди иноземцев. Чего же еще больше? Флор был тем, кто принудил нас начать войну с римлянами¹²⁶¹, так как он держался того мнения, что лучше гибнуть многим зараз, чем умерщвлять немногих отдельных лиц. Эта война началась во втором году наместничества Флора и на двенадцатом году правления Нерона.

К чему мы тогда были вынуждены и что нам пришлось перенести, об этом подробно может узнать всякий желающий из моих книг об Иудейской войне. Здесь я закончу свое сочинение «Древности», продолжением которых служит моя книга «Иудейская война». Содержание его обнимает рассказ от возникновения первого человека до двенадцатого года правления Нерона¹²⁶². Тут повествуется о судьбе нашей в Египте, Сирии и Палестине, как мы страдали от ассирийцев и вавилонян, что с нами сделали персы и македоняне и впоследствии римляне. Надеюсь, что все это передано мною с возможною точностью. Вместе с тем я попытался также установить преемство первосвященников за двухтысячелетний период их существования. Равным образом я в точности передал, как я и обещал в начале своего повествования, последовательно историю царей, их деяний и образа правления, равно как пределы их власти сообразно с тем, что имеется об этом в Писании.

В заключение своего сочинения позволю себе смело сказать, что передать все это настолько подробно по-гречески не смог бы, при всем своем желании, никто другой, будь то иудей или иноземец. Мои соотечественники все согласны с тем, что я являюсь одним из лучших знатоков истории страны нашей. Я старался с большим усердием преодолеть трудности в изучении греческого языка и литературы, основательно усвоив его грамматику. Впрочем, свободно говорить по-гречески мешает мне мое иудейское происхождение. Дело в том, что у нас не уважаются те, кто изучил много языков или умеет украшать речь свою красивыми оборотами. Это меньше считается принадлежностью не только свободнорожденных людей, но и рабов. Лишь те, которые в точности знают закон и отличаются умением толковать Св. Писание, признаются истинно образованными людьми. Поэтому-то, хотя многие и трудились над приобретением таких познаний, однако едва двое или трое вполне преуспели в том. Впрочем, за то они и вкусили от плодов трудов своих.

Вероятно, большинству не покажется неуместным и неудобным, если я здесь вкратце упомяну о своем происхождении и о своих деяниях в жизни. Пока живы еще люди, которые могли бы либо изобличить, либо поддержать меня.

На этом я и покончу свои «Древности», которые распадаются на двадцать книг и состоят из шестидесяти тысяч строк. Если Господу Богу будет угодно, я впоследствии кратко расскажу об [Иудейской] войне и историю нашей иудейской жизни до сегодняшнего дня, т.е. до тринадцатого года правления императора Домициана и до пятидесятишестилетнего года моей жизни¹²⁶³. Я имею также в виду изложить в четырех книгах наше иудейское вероучение о Господе Боге и Его существе, равно как поговорить о законах и о причинах, почему одно нам разрешено, а другое запрещено.

Во дни Шамгара, сына Анат, в дни Иаили пути были пусты, А идущие тропой проходили окольными путями, Пусты были села в Израиле, пусты – Пока не восстала я, Дебора, не восстала матерью народа. (Кн. [Суд 5.6–7](#), перевод И.М. Дьяконова)

В этом отрывке упоминаются богиня Анат Иаиль, у Иосифа Флавия – Иала. Вообще рассказ Иосифа Флавия о посещении Александром Иерусалима выглядит крайне сомнительным.

Всадники являлись вторым высшим сословием Рима. При Октавиане Августе для них был установлен имущественный ценз в 400 тыс. сестерциев. В основном это была финансово-торговая верхушка общества, хотя многие всадники являлись землевладельцами. Уже Октавиан Август возводил всадников в сенаторское сословие, в эпоху принципата они играли важную роль в аппарате управления.

* * *

*

См. также: [Иудейская война](#)

¹²¹⁵

Агриппа I скончался в 44 г. Кассий Лонгин был послан наместником в Сирию в 45 г.

¹²¹⁶

Куспий Фад был прокуратором Иудеи в 44–47 гг.

¹²¹⁷

Это была столица Аммонитской области. Раньше она называлась Раббат-Аммоном. (Перев.)

¹²¹⁸

Четвертое консульство Клавдия приходилось на 47 г.

[1219](#)

Луций Вителлий являлся консулом 47 г. (вместе с Клавдием). Это было уже третье его консульство (первое – в 34 г. при Тиберии, второе – в 43 г.). После первого консульства Луция Вителлия назначили наместником Сирии.

[1220](#)

Т.е. 28 июня. (Перев)

[1221](#)

очевидно, это консулы суффекты. При принципате для удовлетворения амбиций знати количество таких консулов в году могло достигать двух десятков – с 1 января каждого года вступала в должность пара консулов ординариев (в 47 г. это Клавдий и Луций Вителлий), а через несколько месяцев их сменяла пара консулов суффектов, затем следующая пара и т.д.

[1222](#)

Адиабена – местность к востоку от реки Тигр (на территории современного Курдистана).

[1223](#)

об этой местности см. выше, I, 6, 4.

[1224](#)

Тиара – царский головной убор в форме усеченного конуса.

[1225](#)

По сведениям Тацита (Анналы. XI, 8), Артабан II вместе с женой и сыном был, убит своим братом Готарзом. Но парфяне признали царем сына Артабана Вардана, который в борьбе за власть победил Готарза. Вардан I правил в Парфии в 39–45 гг.

[1226](#)

очевидно, речь идет о намечавшемся походе парфян в Армению, где римлянам удалось утвердить у власти своего ставленника Митридата.

[1227](#)

По сообщению Тацита (Анналы. XII, 14), Готарз заболел и умер. В борьбе за власть в Парфии (инспирированной римлянами) при правлении Готарза Изат склонялся на сторону Готарза, хотя и вынужден был присоединить свое войско к войскам противника. Впрочем, Изат довольно скоро покинул войско

римского ставленника Мегердата, способствуя этим поражению того в борьбе с Готарзом.

[1228](#)

По Тациту (Анналы. XII, 14), после смерти Готарза царем Парфии стал Вонон, но правил он очень недолго, и Вонона сменил его сын Вологез I (50–76 гг.).

[1229](#)

В среднеазиатской Бактрии после завоевания ее кочевниками в 40-х годах II в. до н.э. вначале сложилось несколько мелких государств кочевников, а в I в. н.э. Она вошла в состав Кушанской державы.

[1230](#)

об этом событии в Деяниях святых апостолов ([Деян 5.36](#)) говорится так: «Ибо незадолго перед сим явился Февда, выдавая себя за кого-то великого, и к нему пристало около четырехсот человек; но он был убит, и все, которые слушались его, рассеялись и исчезли».

[1231](#)

В Деяниях святых апостолов ([Деян 5.37](#)) хронология событий спутана, и утверждается, что после Февды во время переписи населения Иуда Галилеянин поднял мятеж, но погиб.

[1232](#)

Вентидий Куман был прокуратором Иудеи в 48–52 гг.

[1233](#)

Т.е. территорию Халкиды.

[1234](#)

По «Иудейской войне» (II, 12, 1),– десять тысяч.

[1235](#)

Уммидий Квадрат был наместником Сирии в 51–60 гг.

[1236](#)

Агриппина Младшая (дочь Германика и Агриппины Старшей) была четвертой женой Клавдия, выйдя замуж за него (своего дядю) в 49 г. От первого брака с Гнеем Домицием Агенобарбом имела сына Луция Домиция, который после его усыновления Клавдием стал именоваться Нероном. Вероятно, Агриппина отравила Клавдия, стремясь сделать своего единственного сына императором.

[1237](#)

Тацит (Анналы. XII, 54) по-иному интерпретирует эти события. По его словам, в Иудее тогда было два прокуратора: Вентидий Куман и Феликс. Куман управлял Галилеей, а Феликс – Самарией. Враждовавшие между собой галилеяне и самаритяне не сдерживались прокураторами, так как им передавалось немало награбленного из Галилеи и Самарии. Когда же стычки стали угрожать вылиться в войну, прокураторы попытались прекратить смуты, но их войска понесли большие потери. Ситуацию спасло лишь прибытие Квадрата с его войсками. Клавдий поручил Квадрату суд над обоими незадачливыми прокураторами. Уммидий Квадрат, по словам Тацита, посадил Феликса в трибунале между судьями, а Кумана осудил. Эти события могли происходить в 51–52 гг.

[1238](#)

Паллант (Паллас) был влиятельным вольноотпущенником в администрации Клавдия. Бывшему рабу своей матери император поручил заведовать финансами. По сообщению Тацита, этот вольноотпущенник имел состояние в триста миллионов сестерциев (Анналы. XII, 53). Его брата Феликса Тацит обвинял в гораздо большей алчности. Феликс был прокуратором Иудеи в 52–60 гг.

[1239](#)

Царя Коммагены.

[1240](#)

В Деяниях святых апостолов ([Деян 24.24](#)) говорится о том, что прокуратор Феликс в присутствии своей жены Друзиллы допрашивал арестованного апостола Павла.

[1241](#)

Клавдий скончался 13 октября 54 г. на шестьдесят четвертом году жизни.

[1242](#)

Валерия Мессалина была третьей женой Клавдия. Прославилась своим развратным поведением (она не только вступала в любовные связи со многими людьми из римской верхушки, но и в поисках острых ощущений занималась проституцией под именем Лициски в римских лупанарах – публичных домах). Роковым для Мессалины стало увлечение Гаем Силием, с которым она открыто вступила в брак, не разводясь с Клавдием, в надежде сделать своего любовника новым императором. С молчаливого согласия

Клавдия, Мессалина и ее последний любовник были убиты в 48 г. Тогда же подвергли казни и других любовников неверной супруги императора.

[1243](#)

Клавдий усыновил Луция Домиция в 50 г.

[1244](#)

Афраний Бурр благодаря стараниям Агриппины был назначен командиром преторианцев.

[1245](#)

Это произошло в апреле 59 г. По словам Тацита (Анналы. XIV, 9), в Риме говорили о том, что когда-то, задолго до этого ужасного события, Агриппина спросила у магов о судьбе ее сына и, услышав, что он будет властвовать, но убьет мать, воскликнула: «Пусть умерщвляет, лишь бы царствовал!»

[1246](#)

Октавия (дочь Мессалины и Клавдия) в отличие от своей матери слыла добродетельной женщиной.

[1247](#)

Жертвами Нерона стали, в частности, всемогущий вольноотпущенник Паллант и философ Сенека (воспитатель Нерона в юности). Особенно массовыми и жестокими были расправы Нерона с людьми, заподозренными в заговоре против него в 65 г.

[1248](#)

Таким образом Иосиф Флавий пытается приписать само возникновение движения сикариев (которое выступит одной из главных сил будущей Иудейской войны) проискам негодного, с его точки зрения, римского правителя Иудеи. В «Иудейской войне» такой версии он еще не излагает, ограничиваясь лишь характеристикой сикариев как «разбойников».

[1249](#)

Упоминание о пророке-египтянине содержится и в Деяниях святых апостолов ([Деян 21.38](#)). Когда апостол Павел был арестован в Иерусалиме воинским отрядом, его командир спросил Павла: «Ты знаешь по-гречески? Так не ты ли тот Египтянин, который перед сими днями произвел возмущение и вывел в пустыню четыре тысячи человек разбойников?»

[1250](#)

Порций Фест, упоминаемый в Деяниях святых апостолов ([Деян 24.27](#); [Деян 25.1–32](#)) в связи с расследованием дела Павла, правил Иудеей в качестве прокуратора в 60–62 гг.

[1251](#)

Здесь какая-то путаница. У Нерона не было братьев, а Паллант (отравленный по приказу Нерона в 62 г.) был братом Феликса.

[1252](#)

Бурр вместе с Сенекой были ближайшими советниками молодого Нерона.

[1253](#)

Акинак – короткий меч.

[1254](#)

Sica (лат.) – кинжал.

[1255](#)

Сикарии представляли собой радикальную политическую группировку в Иудее, вероятно, вначале составлявшую крайнее крыло zelotim. Сикарии выступали против римского владычества и против иудейской знати. Они разоряли дворцы аристократов, захватывали имущество богачей, провозглашали свободу рабам, уничтожали долговые записи, выступали против существовавших порядков. Основную массу сикариев составляли социальные низы, в том числе и рабы. Главной формой их борьбы были вооруженные восстания, широко использовался и индивидуальный террор. Нетрудно заметить, что отношение Иосифа Флавия к сикариям было крайне отрицательным.

[1256](#)

Этого уж никак нельзя сказать о Поппее. Все ее благочестие заключалось в том, что она внешним образом приняла иудейство. (Перев.) По словам Тацита (Анналы. XIII, 45), «у этой женщины было все, кроме честной души... Под личиной скромности она предавалась разврату». Через три года после заключения своего брака с Поппеей Сабиной Нерон убил ее в припадке гнева.

[1257](#)

В числе их находился и сам Иосиф Флавий. (Перев.)

[1258](#)

[Евсевий Кесарийский](#) в своей «Церковной истории» (II, 23, 3), написанной в начале IV в., приводит сообщение христианского автора II в. Гегесиппа

(полностью его сочинение не сохранилось) о том, что Иаков был сброшен с крыши Иерусалимского храма и побит камнями. Это событие датируется 63 годом, что, в общем, соответствует данным Иосифа Флавия. В Новом завете Иаков назван братом Иисуса ([Мк 6.3](#) и [Гал 1.19](#)). Иаков сыграл важную роль на Иерусалимском соборе апостолов и пресвитеров, принявшем решения по проблеме обращения в [христианство](#) неиудеев ([Деян 15.6–29](#)). Тем не менее существуют различные точки зрения на степень родства Иисуса и Иакова.

[1259](#)

Гессий Флор сменил Альбина на посту прокуратора Иудеи в 64 г.

[1260](#)

Т.е. когены.

[1261](#)

Таким образом, Иосиф Флавий пытается представить главным виновником Иудейской войны именно этого прокуратора.

[1262](#)

Т.е. до 66 г.

[1263](#)

Т.е. до 94 г.

Приложения [1264](#)

Денежные системы Древней Греции [1265](#)

Милетская (VII – нач V в до н.э.):

талант (60 мин) – 42,75 кг

мина (50 статеров) – 712,5 г

статер (двойная драхма) – 14,25 г

драхма – 7,125 г

металл – электр (сплав золота и серебра)

Фокейская (VII в до н.э. – 30-е гг. IV в до н.э.):

талант – 43 кг

мина – 800 г

статер – 16 г

драхма – 8 г

металл – электр

Эгинская (VII – II в до н.э.):

талант – 36,42 кг

мина – 607 г

статер – 12,14г

драхма – 6,07 г

металл – серебро

Эвбейско-аттическая (594 г. до н.э. – 1 в. до н.э.):

талант – 26,16 кг

мина – 436 г

статер – 8,72 г

драхма – 4,36 г

металл – серебро

Коринфская (начало VII в. до н.э. – 30-е гг. IV в. до н.э.):

талант – 26,16 кг

мина – 436 г

статер (3 драхмы) – 8,72 г

драхма – 2,91 г

металл – серебро

Хиосская (VI – IV в. до н.э.):

талант – 23,4 кг

мина – 390 г

статер – 7,8 г

драхма – 3,9 г

металл – серебро

Родосская (IV в. до н.э.):

талант – 22,5 – 23,4 кг

мина – 375–390 г

статер – 7,5–7,8 г

драхма – 3,75–3,9 г

металл – серебро

Родосская (III в. до н.э.):

талант – 18–18,9 кг

мина – 300–319 г

статер – 6–6,38 г

драхма – 3–3,19 г

металл – серебро

Персидская денежная система на территории Малой Азии (VI-IV в. до н.э.)

талант (60 мин) 29,4 кг золота 38,88 кг серебра

мина вавилонская легкая (60 статеров) 490 г золота 648 г серебра

статер (сикл) 8,1 г золота 10,8 г серебра

Денежная система Древнего Рима

269–217 гг. до н.э.:

денарий – 4,55 г (серебро)

сестерций – 1,137 г (серебро)

217–27 гг. до н.э.:

денарий – 3,9 г (серебро)

сестерций – 0,975 г (серебро)

27 г. до н.э. – 54 г. н.э.:

денарий – 3,9 г (серебро)

сестерций – 27,28 г (латунь)

54–58 гг. н.э.:

денарий – 3,41 г (серебро)

сестерций – 27,28 г (латунь)

Древнеримские единицы веса

талант (100 фунтов) – 32,745 кг

фунт (12 унций) – 327,45 г

унция (24 скрупула) – 27,28 г

скрупул – 1,137 г

Первосвященники ветхозаветного периода

1. Аарон
2. Елеазар
3. Финеес
4. Авишуй
5. Буккия
6. Уззий
7. Илия
8. Ахитув
9. Ахия
10. Ахимелех
11. Авиафар
12. Садок
13. Ахимаас

14. Азария
15. Иорам
16. Иедаия
17. Аксиорам
18. Иодай
19. Фидея
20. Судея
21. Азария II (у Иосифа Флавия – Иоель)
22. Йотам
23. Урия
24. Азария III (у Иосифа Флавия – Нерия)
25. Одия
26. Шаллум
27. Хилкия
28. Азария IV
29. Сарайя (у Иосифа Флавия – Сарей)
30. Иоседек
31. Иисус
32. Иоаким
33. Елияшив
34. Ионада (у Иосифа Флавия – Иуда)
35. Иоханан (у Иосифа Флавия – Иоанн)
36. Иаддуй
37. Хоний I

Цари Израиля и Иудеи (1020–587 гг. до н. э.)

Единое царство:

Саул (1020–1004)

Давид (1004–965)

Соломон (965–928)

Иехония (598)

Седекия (598–587)

Израиль:

Иеровоам I (922–901)

Надав (901–900)

Вааса (900–877)

Элах (877–876)

Зимри (876)

Омри (876–869)
Ахав (869–850)
Охозия (850–849)
Иорам (849–842)
Ииуй (842–815)
Иоахаз (815–801)
Иоас (801–786)
Иеровоам II (786–746)
Захария (746–745)
Шаллум (745)
Менахем (745–738)
Пекахия (738–737)
Факей (737–732)
Осия (732–724)

Иудея:

Ровоам (928–901)
Авиа (911–908)
Аса (908–873)
Иосафат (873–849)
Иорам (849–843)
Охозия (843–842)
Гофолия (842–836)
Иоас (836–798)
Амасия (798–769)
Озия (785–742)
Иофам (742–735)
Ахаз (735–715)
Езекия (715–687)
Манассия (687–642)
Амон (642–640)
Иосия (640–609)
Иоахаз (609)
Иоаким (609–598)

**Сирийско-македонский календарь (с
приблизительным соответствием месяцам
современного календаря)**

диос – ноябрь

апеллай – декабрь
аудинай – январь
перитий – февраль
дистр – март
ксантик – апрель
артемисий – май
дасий – июнь
панем – июль
лаос – август
гарпей – сентябрь
иперберетай – октябрь

Единицы длины, использованные в «Иудейских древностях»

гар – 5,9 м
локоть – 0,4443 м
стадий – 184,97 м
схойнос – 6,2 км

* * *

*

См. также: [Иудейская война](#)

[1264](#)

Приложение подготовили Г.И. Довгяло и Е.А. Федосик.

[1265](#)

Высшие весовые единицы талант и мина были лишь счетными единицами, средствами же денежного обращения служили статер, драхма и монеты, кратные им (до 10 драхм).

Источник: Иудейские древности : [В 2 т.] / Иосиф Флавий. - М. : АСТ : Ладомир, 2002.

(Классическая мысль). / Т. 1: Книга 1-12. - 2002. - 784 с.; Т. 2: О древности иудейского народа (Против Апиона) : Кн. 13-20. – 612 с.